

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ**

XV Международная
научно-практическая конференция

АССАМБЛЕЯ НАРОДА КАЗАХСТАНА
ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

ОБЛАСТНОЙ ДОМ ДРУЖБЫ

ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Д. СЕРИКБАЕВА

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ
ТЕРРИТОРИЯХ**

XV Международная
научно-практическая конференция
(г. Усть-Каменогорск, 15–16 октября 2015 г.)

Сборник научных трудов

Усть-Каменогорск, 2015

УДК 314.113 (063)
ББК 60.7 (5 Каз)
Э 91

Аблажей Н.Н.

РЕПАТРИАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И КАЗАХСТАНА: ИТОГИ И ДИНАМИКА ПРИОРИТЕТОВ (1991-2014 ГГ.)

Под редакцией: **Алексеев А.Н.,
Толеубекова Э.Т.,
Краснобаевой Н.Л.,
Сарсембаевой Г.А.**

Э 91 Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов XV Междунар. науч.-практ. конф. (15-16 октября 2015 г., Усть-Каменогорск). – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2015. – 471 с.

ISBN: 978-601-7378-92-9

В сборнике представлены материалы докладов и сообщений, включенных в программу XV Международной научно-практической конференции «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях». В них рассмотрены дискуссионные вопросы демографии, этнологии, истории и географии населения Казахстана, России, Беларуси, Узбекистана, Польши, Германии, Японии. Выявлен круг проблем, свойственных этнодемографическому развитию государств и отдельных регионов, широко представлены различные точки зрения.

УДК 314.113 (063)
ББК 60.7 (5 Каз)

ISBN: 978-601-7378-92-9

©Издательство «Медиа-Альянс», 2015

Накопленный за советский период миграционный потенциал (в первую очередь в неславянских республиках) превратился с распадом СССР в эмиграционные потери для всех, за исключением России, постсоветских стран. Почти четверть населения в результате распада Союза оказалась вне пределов своих этнических территорий. На постсоветском пространстве за 1990-е гг. вынуждено переместилось из мест постоянного проживания порядка 9 млн чел. Центром постсоветской миграционной системы стала Россия, а ее основной иммиграционный ресурс оказался сосредоточен преимущественно на постсоветском пространстве. Оценки общего числа лиц, переехавших в Россию, варьируют от 5 до 7 млн мигрантов, которые на 3/4 компенсировали отток и естественные потери населения страны. Десятилетие вынужденной миграции для России стало воистину «золотым». В отличие от России, которая не только теряла, но и приобретала, эмиграционные потери такой крупной страны, как Казахстан оказались колоссальными и приблизились к 20% от численности населения.

Однозначных оценок прироста населения России, в том числе русского, за счет бывших союзных республик до сих пор нет. Однако большинство специалистов сходятся во мнении, что в структуре миграционного потока, направленного в Россию, доминировала русская (83%) и русскоязычная составляющая. Только за 1990-2001 гг. из бывших союзных республик в Россию на постоянное место жительства выехало 3,2 млн русских, в том числе из Казахстана – 1,2 млн [1, с. 91, 174]. Доминирование русскоязычной составляющей в миграционном потоке не ставило перед российской властью задачу проведения особой миграционной политики, тем более этнически ориентированной. Национальная политика России в отношении диаспоры начала выкристаллизовываться позднее, когда основной поток возвратной (вынужденной) миграции прошел и положение нацменьшинств на постсоветском пространстве стало стабилизироваться. В отличие от России, тяжелая миграционная ситуация, спровоцированная оттоком европейского и в первую очередь русского населения, вынудила власти Казахстана изначально сделать ставку на этнически ориентированную миграционную политику, в том числе на *репатриацию* как замещающую этническую миграцию.

На сегодняшний день приблизительно четверть этнических русских и столько же этнических казахов проживают вне территорий национальных государств. В обоих случаях диаспоры сконцентрированы в значительной степени на территориях сопредельных государств. На момент распада СССР

внутрисоюзная русская диаспора оценивалась в 25,3 млн чел. [2]; в Казахстане была сконцентрирована ее четвертая часть. В настоящее время численность этнических русских на постсоветском пространстве (кроме России) сократилась до 15 млн чел., а численность русскоговорящих (для которых русский язык родной) – до 22 млн чел. [3, с. 240]. Столь резкое сокращение стало следствием депопуляции, ассимиляции и репатриации. Несмотря на стремительное сокращение численности, русская диаспора до сих пор остается одной из крупнейших в мире, занимая 3-4 место.

На момент распада СССР удельный вес казахского населения Узбекистана и России составлял 18% численности казахов в СССР; в численном выражении речь идет о 1444 тыс. чел. (808 тыс. и 636 тыс. соотв.) [4, с. 144]. Суммарная численность казахов Китая и Монголии на тот же период составляла 1,23 млн чел. (1110 тыс. и 120 тыс. соотв.) [5, с. 99, 142]. Казахская диаспора, в отличие от русской, за истекшие два десятилетия продемонстрировала прирост. Рост произошел за счет прироста численности казахов в Китае до 1463 тыс. и в Узбекистане до 1 млн чел. [5, с. 99, 113]. Таким образом, в отличие от русской диаспоры, демонстрирующей устойчивую тенденцию к сокращению, численность казахов за пределами Казахстана продолжала увеличиваться (за счет естественного прироста); сохранялись также высокие показатели репатриации.

Интерес к диаспоре у властей Казахстана обозначился уже в начале 1990-х гг. и к середине десятилетия приобрел черты долгосрочной политики. На начальном этапе (1991-1997 гг.) были сформулированы базовые приоритеты репатриации: 1) «воссоединение нации» в связи с провозглашением независимого государства Казахстан; 2) «ликвидация исторической несправедливости» через поощрение иммиграции казахов, пострадавших от репрессий и коллективизации в СССР; 3) приоритет казахам, выезжающим из зон военных конфликтов и экологических бедствий, а также из стран с повышенными рисками ассимиляции. Репатриация была призвана выполнить двоякую задачу: способствовать этнической консолидации и восполнить миграционные потери советского и постсоветского периодов [5, с. 234]. С 1997 г. в отношении этнических репатриантов стал использоваться особый термин оралман (казах. – возвращенец); тем самым этничность была определена как главный критерий иммиграции. При выработке основных направлений миграционной политики особо подчеркивалось, что именно этническая репатриация, при потенциале диаспоры в 4 млн чел., должна увеличить в ближайшее время как общую численность населения Казахстана, так и долю в нем титульного населения. Управление процессом иммиграции уже с 1993 г. шло через квотирование, в основу которого также были положены критерии этнической и гражданской принадлежности, что позволило поэтапно увеличить количество переселенцев с 500 домохозяйств до 15 тыс. семей, и

с начала 2000-х гг. запустить реализацию программы государственной поддержки переселенцев.

За 1991-2008 гг. в Казахстан въехало 706 тыс. этнических переселенцев; иммиграционный пик наблюдался в 2004-2008 гг. Для Казахстана, как и для России, основной репатриационный потенциал оказался сосредоточен также на постсоветском пространстве. 75% всех репатриантов, прибывших в эти годы, дали постсоветские государства, в первую очередь Узбекистан (почти 60% от общей численности переселенцев или более 421 тыс. чел) [5, с. 286], и лишь четверть – дальше зарубежье. По итогам репатриации самое большое сокращение казахской диаспоры (почти на четверть) произошло в Монголии, откуда выехало за 1991-2010 гг. более 107 тыс. чел. [5, с. 263].

Россия начала декларировать устойчивый иммиграционный интерес к зарубежным соотечественникам («русскому миру») только с началом 2000-х гг. Для России диаспора являлась скорее геокультурной периферией. С 1994 г. в отношении зарубежных русских российские власти с целью смягчения остроты «русского вопроса» на постсоветском пространстве стали использовать политкорректный термин соотечественники, в социокультурном плане постепенно прижилось понятие русский мир. Для России в рамках подобного дискурса соотечественник – это не только и не столько этнический русский, сколько лицо, идентифицирующее себя с российской культурой и русским языком. Государство не декларировало в качестве приоритетной задачи возвращение этнических русских, хотя начиная с 2000-х гг. официально заявляло, что нейтрализовать возможные издержки и риски для государства и общества от миграции можно за счет выстраивания этнических приоритетов в этой сфере. Только с середины 2000-х гг., когда миграционный потенциал постсоветской русскоязычной диаспоры иссяк, репатриационная политика вошла в повестку дня.

На фоне оптимистических оценок миграционного потенциала русской диаспоры, который оценивался в 3-4 млн чел. [6], Россия заявляла, что готова принять в течение семи лет (2006-2012 гг.) полмиллиона мигрантов; программа возвращения соотечественников была сориентирована на русскоязычное население из числа представителей титульного и коренных этносов РФ. Ее реализация предусматривала сохранение и расширение «русского культурного присутствия» в постсоветских странах. Исходя из этого, отнюдь не случайным выглядит тот факт, что на начальном этапе реализации программы Россия столкнулась с противодействием со стороны властей некоторых стран ближнего зарубежья, в том числе Казахстана. В качестве приоритетов программы было зафиксировано, что государство берет на себя расходы по репатриации (разделив их на федеральный и региональный компоненты), рассматривая ее прежде всего как экономическую миграцию (при условии предварительного трудоустройства) и только в регионах, включенных в зоны

приоритетного освоения и берущих на себя соответствующие расходы по приему переселенцев. В 2009 г. статус переселенца был распространен не только на переселяющихся из-за границы, но и на соотечественников, постоянно или временно проживающих на территории РФ, что дало программе дополнительный импульс. Вместе с тем, в рамках программы репатриации в Россию прибыло всего 125,4 тыс. чел.,¹ что оказалось существенно ниже запланированных цифр. Основными странами выбытия стали бывшие республики СССР, среди которых с большим отрывом лидирует Казахстан (32%). Далее идут Узбекистан (17%), Киргизия, Украина и Молдавия (по 11%) [7, с. 11]. При доминировании этнических русских (около 80%) оформилась тенденция сокращения их численности в структуре миграционного потока.

После широко анонсированной и запущенной Россией программы репатриации свою программу иммиграции модернизировал Казахстан. Ставка была сделана на реализацию краткосрочной трехлетней программы в 2009-2011 гг. «Нұрлы көш» («Светлое кочевье»), фактически ее синхронизировали с российской. Республика увеличила ежегодную квоту приема до 20 тыс. семей и полностью брала на себя обязательства по финансированию переселения; частично компенсировались затраты на адаптацию переселенцев, им предоставлялись гарантии занятости. По аналогии с российской программой акцент был сделан на разработку региональных переселенческих модулей, что в первую очередь нацелено на поощрение «оседания» и ограничение вторичной миграции. За три года реализации программы в Казахстан въехало еще 190 тыс. репатриантов.

В декабре 2012 г. российская программа репатриации получила статус постоянно действующей. Несмотря на расширение списка регионов – участников программы, она по-прежнему ориентирована в первую очередь на освоение приоритетных территорий, к таковым с 2014 г. отнесены Сибирь и Дальний Восток. Власти расширили число участников репатриационной программы за счет потенциала беженства (усилившегося за счет ситуации на Украине), что позволило в 2014 г. выйти на показатель в 100 тыс. переселенцев в год. В итоге в рамках программы за 2013-2014 гг. в Россию на постоянное жительство прибыли более 163 тыс. чел.

Казахстан с 2012 г. также перевел программу «Нұрлы көш» в статус постоянно действующей, подчеркивая возможность ее продолжения вплоть до 2020, в перспективе – 2050 г. По аналогии с российской программой статус оралмана распространяется не только на лиц, прибывающих из-за границы, но и уже проживающих на территории республики. С 2014 г. программа репатриации синхронизирована с «Концепцией южной, центральной и северной оси территориального развития Республики Казахстана», в част-

1. Подсчитано по данным мониторинга реализации программы... URL: <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/monitoring/>

ности, поставлена задача изменить направление репатриационной волны, ориентированной преимущественно на Юг, сделав акцент на заселение северо-востока, что позволит оптимизировать этническую структуру населения этой части страны.

Таким образом, налицо синхронизация репатриационных процессов в России и Казахстане. России удалось нарастить репатриационный поток, а Казахстану – удержать его в прежних рамках. Казахи-репатрианты составляют уже 10% казахского населения республики; власти страны с гордостью заявляют о том, что собирание нации в основном завершено. Продолжает сохраняться главное отличие: Казахстан собирает «своих по крови», Россия принимает «этнокультурно близких» (русскоговорящих). И Россия, и Казахстан не заинтересованы в полном «вымывании» диаспор, опасаясь увеличения социокультурной дистанции и угрозы геополитическим интересам стран. В обеих странах репатриация остается важным элементом миграционной политики, и в России, и в Казахстане все более актуальным становится поддержание баланса между национальными интересами и геополитической прагматикой на общем евразийском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Миграционное движение населения: теория, политика, практика, перспективы. (Под общей редакцией Воробьевой О.Д., Топилова А.В.). Итоговый отчет. – М., 2013. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/134293008.pdf>
2. Население России. 2001: Девятый ежегодный демографический доклад / РАН. Ин-т народнохозяйственного прогнозирования, Центр демографии и экологии человека; Отв. ред. А. Г. Вишневецкий. – М.: Книжный дом «Университет», 2002.
3. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. – М.: Формула права, 2007.
4. Национальный состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Финансы и статистика, 1991.
5. Казахская диаспора и репатриация (1991-2012) / К.Н. Балтабаева, Т.А. Мамашев, Ж.А. Ермекбай, А.Ж. Баймагамбетова / Научный ред. С.Ф. Мажитов. – Алматы: Изд-во «Елтаным», 2015.
6. Российская диаспора на пространстве СНГ. Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М.: Типография «П-Центр», 2007.
7. Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов РФ за 2011 г. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/monitoring/>

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКИСТАНА: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В современных условиях, когда человеческий потенциал и человеческий капитал занимает ведущую позицию в обеспечении устойчивого экономического развития и повышении конкурентоспособности национальных экономик, возрастает роль демографических факторов. Учет демографических тенденций при осуществлении социально-экономической политики, а также способность своевременно воспользоваться сформировавшимся демографическим дивидендом во многом определяет успех политических действий.

На сегодняшний день демографическая ситуация в мире характеризуется депопуляционными процессами и старением населения в развитых странах и ростом численности населения трудоспособного возраста в развивающихся странах. До недавних времен проблемы, связанные со стремительным ростом населения мира, такие как обеспечение продовольственными и непродовольственными товарами, питьевой водой, жильем и т. д., стояли в центре внимания мирового сообщества. Во многих странах на государственном уровне были осуществлены действия по сокращению численности населения и планированию семьи, что привело к нежелательным последствиям. Но анализ демографической ситуации мира показывает, что снижение коэффициента рождаемости и темпов роста численности населения присуще не только развитым странам, но и всему миру. Прогнозы WPP (World Population Prospects, the 2012 Revision), осуществленные по 4 сценариям для 231 страны мира, показали, что через 37 лет численность населения мира начнет уменьшаться, и к концу XXI века годовое снижение составит 48,3 млн человек [1]. Снижение коэффициента рождаемости началось в прошлом веке, если в 1960-х годах суммарный коэффициент рождаемости составлял 5, то на сегодняшний день он достиг 2,5, то есть уровень рождаемости сократился в 2 раза. За этот период в самой густонаселенной стране, в Китае, количество рожденных, приходящихся на 1 женщину, сократилось в 3,7 раза, то есть с 6,1 до 1,65, в Индии – в 2,3 раза (с 5,8 до 2,5), в Африке – в 1,4 раза (с 6,7 до 4,7). В странах Южной Америки репродуктивный потенциал сократился в 2,7 раза – с 5,7 до 2,1. Следует отметить, что ни в одной европейской стране коэффициент рождаемости не находится на уровне обеспечения даже простого воспроизводства населения. К 2050 году этот показатель достигнет 2,25 и к 2100 году – 2 в среднем по миру [2].

Согласно прогнозу WPP-2012 на основе оптимистического сценария, ожидается, что через 17 лет в мире доля населения старше 60 лет превысит

долю населения до 4-х лет в 2 раза, к середине XXI века – в 3, к концу века – в 9 раз. Это, в свою очередь, может создать более серьезные проблемы, связанные с социальной защитой населения, – увеличение нагрузки на пенсионную систему по сравнению с ростом численности населения.

В течение многих десятилетий экономисты и демографы изучают взаимоотношения между изменением численности населения и экономическим благополучием. В результате чего сформировались три альтернативные позиции: что рост населения способствует, тормозит экономический рост или же является совсем независимым явлением [3]. Сторонники каждого утверждения имеют свои доказательства. Но в конце прошлого века исследования акцентировались на возрастной структуре населения как факторе, влияющем на экономический рост. Так как экономическое поведение людей меняется на всех этапах их жизни. Высокая доля детей или пожилых людей требует больших ресурсов для ухода за ними, и тем самым подавляет экономический рост. Безусловно, снижение показателей рождаемости имеет свое влияние на структуру населения страны. В то время, когда Европа страдает от проблем, возникающих в результате снижения рождаемости и старения населения, в большинстве развивающихся стран мира, на сегодняшний день, сформировалась благополучная демографическая ситуация, которая определяется снижением коэффициента зависимости (то есть уменьшение численности населения младше и старше трудоспособного возраста, приходящегося на одного работающего), что создает окно возможностей, или демографический дивиденд, для экономического развития. Для того чтобы своевременно воспользоваться существующей возможностью, необходимо инвестировать больше ресурсов в здоровье, образование и производительность как на макро-, так и на микроуровне.

Узбекистан является одной из тех стран, в которых сформировалась оптимальная демографическая ситуация. Статистические данные показывают, что за годы независимости (1991-2015) численность населения Узбекистана выросла на 9,8 млн человек и на начало 2015 года составила 30,4 млн человек [4]. По численности населения республика занимает 3 место среди стран СНГ (после России и Украины), 43 место в мире и 18 место в Азии. Основным источником роста численности населения на сегодняшний день является естественный прирост, который характеризуется превышением рождаемости над смертностью. В последние годы среднегодовой прирост численности населения составляет 1,6%, в 1981-1990 годах этот показатель составлял 2,5%. Следует отметить, что самые высокие темпы роста численности населения наблюдались в 1959-1970 годах и составляли 3,8% [5].

Как уже отмечалось, в Узбекистане наблюдается снижение рождаемости за годы независимости. На первом этапе снижение рождаемости в первую очередь обусловлено социально-экономическими факторами, кото-

рые связаны с переходным периодом. Период до 2005 года характеризуется сокращением как абсолютных, так и относительных показателей темпов прироста населения. Такая тенденция была обусловлена как сокращением рождаемости с 34,5 промилле в 1991 году до 20,3 промилле в 2005 году, так и миграционным оттоком нетитульных наций из страны.

С 2006 года наблюдается позитивный сдвиг демографических тенденций. Увеличение рождаемости в этот период объясняется следующими факторами: во-первых, улучшение и стабилизация социально-экономической ситуации в республике, во-вторых, высокие показатели рождаемости обеспечиваются высоким демографическим потенциалом, заложенным в 80-е годы, который характеризовался очень высокой рождаемостью.

На сегодняшний день в обществе сформировались репродуктивные установки на среднететную семью. Результаты опросов Республиканского центра изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр» («Общественное мнение») показывают трансформацию репродуктивных установок населения Узбекистана. Так, сельские жители собираются иметь в семье 3-4-х детей, а горожане – 2-3 ребенка, что значительно отличается от показателей 90-х годов [6].

Кроме того, в современных условиях на уровень рождаемости имеют влияние такие факторы, как:

- увеличение продолжительности обучения, внедрение уникальной всеобщей, обязательной модели образования «9+3», что в свою очередь продлевает средний возраст вступления в брак;
- сформировавшиеся в обществе репродуктивные установки на среднететную семью;
- увеличение расходов на воспитание детей, а также формирование их человеческого капитала;
- распространение пропаганды здорового образа жизни, а также повышение знаний о контрацептивных средствах;
- расширение возможности для девушек активно участвовать на рынке труда и т.д.

Рисунок 1. Динамика численности населения, рождаемости и смертности в 1990-2013 годах

Источник: Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. www.stat.uz

Темпы роста численности населения также обусловлены относительным снижением коэффициента смертности. Снижение смертности в первую очередь объясняется возрастной структурой населения, преобладанием молодежи в общей численности населения. Средний возраст населения республики составляет 28,1 года. Также нельзя не отметить эффект осуществляемых реформ в сфере здравоохранения, что существенно повлияло на здоровье и самочувствие населения. Согласно национальной статистике, за годы независимости ожидаемая продолжительность жизни выросла с 67,2 года в 1990 году до 73,4 года в 2013 году, у мужчин этот показатель составляет соответственно 65,8 года и 71,1 года, у женщин – 70,1 года и 75,8 года. В результате национальной программы «Здоровая мать – здоровый ребенок» удалось добиться значительного снижения материнской и младенческой смертности. Если в 1991 году коэффициент младенческой смертности составлял 35,5 промилле, то в 2013 году – 9,8 промилле, за этот же период коэффициент материнской смертности снизился с 33,3 до 19,8 промилле. В Узбекистане репродуктивное и материнское здоровье определены Правительством приоритетными направлениями, и в июле 2009 года начата реализация «Национальной программы по совершенствованию системы охраны репродуктивного и материнского здоровья» для решения проблем укрепления системы здравоохранения и расширения доступа населения к услугам и информации.

Эмпирические исследования в ряде стран показывают тесную взаимосвязь между половозрастной структурой населения и экономическим ростом. Чем больше населения в трудоспособном возрасте, тем выше и его вклад в экономику. Демографы определяют этот процесс как демографическое окно возможностей, или демографический дивиденд. Во второй половине прошлого столетия некоторые страны Юго-Восточной Азии и Латинской Америки пережили этот этап демографического развития. Азиатские страны, такие как Сингапур, Корея, являются эталонами в использовании этой возможности.

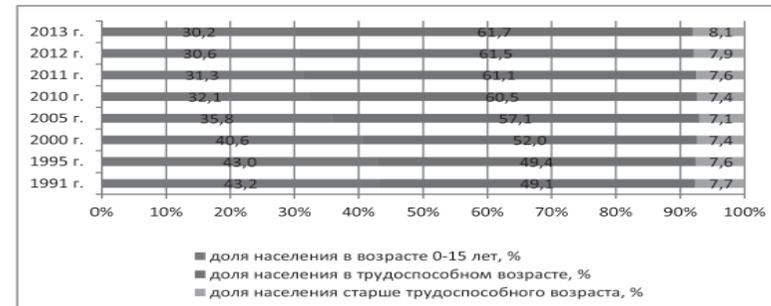

Рисунок 2. Возрастная структура населения

Источник: Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике www.stat.uz

За анализируемый период в структуре населения наблюдается значительное снижение доли детей, против небольшого увеличения доли старшего поколения. Доля населения старше трудоспособного возраста составила 8,4% в 2013 году. Это, в свою очередь, ставит вызовы перед пенсионной системой и сферой социальной защиты, здравоохранения в недалеком будущем.

Подводя итог, можно отметить, что Узбекистан имеет большой потенциал с точки зрения демографического фактора, и только своевременно разработанная правильная политика в сфере занятости, образования и здравоохранения даст возможность воспользоваться этим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2012). World Population Prospects, the 2012 Revision. United Nations New York 2013. <http://esa.un.org>
2. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2015). World Population Prospects: The 2015 Revision, Key Findings and Advance Tables. Working Paper No. ESA/P/WP. 241.
3. Bloom D, Canning D, Sevilla J. Economic Growth and the Demographic Transition. NBER Working Paper No. 8685. December, 2001.
4. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. www.stat.uz
5. Убайдуллаева Р.А. Демографическая ситуация в Республике Узбекистан и тенденции ее изменения. Население Узбекистана: 15 лет независимого развития. – Ташкент, 2007.
6. Убайдуллаева Р.А. Современные репродуктивные установки населения Узбекистана. / Монография под ред. Р.А. Убайдуллаевой. Население Узбекистана: состояние, проблемы и перспективы. – Ташкент, 2012.

Аннакулиева Г.А., Кыдырбекулы Д.

ТУРКМЭНЫ КАЗАХСТАНА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Общества являются самодостаточными системами, обеспечивающими, поддерживающими и совершенствующими свой образ жизни. Способом реализации этой самодостаточности выступает культура, а ее межпоколенная трансляция позволяет обществу воспроизводить себя. Отмечаемое в 2015 году *550-летие Казахского ханства* является ярким продолжением

в современном ракурсе культивирования обычаев и традиций толерантного казахского народа.

И потому Ассамблея народа Казахстана, встречающая в этом году свое 20-летие, является одним из символов независимости Республики Казахстан, поскольку она всем своим существованием и проводимой деятельностью нацелена на всемерное развитие и укрепление казахстанского патриотизма (выражающегося в знании государственного языка, единой устремленности на экономический рост страны и повышение благосостояния всего населения) среди всех граждан страны, имеющих различную национальность.

За первое 20-летие суверенного развития Республики Казахстан, благодаря взвешенной, прагматичной, позитивно-патриотичной политике и руководству Первого Президента страны, лидера нации Н. А. Назарбаева (вначале инициировавшего комплекс мер по стабилизации и ускоренному развитию экономики, повышению благосостояния народа Казахстана, а затем – поэтапное реформирование политического базиса, обозначившего конечной целью реформ формирование зрелого открытого толерантного гражданского общества), межнациональный «климат» в стране год от года переживает устойчивое стабильное равновесие, социально-этническое самочувствие этносов, представляющих собой составные части единого казахстанского общества, характеризуется самодостаточностью, уверенностью в своем ближайшем будущем, ощутимым «укреплением» иммунитета против бацилл этнических раздоров и социального хаоса.

Одной из задач республиканской историко-культурной экспедиции «ҰЛЫ ДАЛА ЕЛІ», посвященной 550-летию Казахского ханства, является изучение и современное восприятие значимости для Казахстана Великого Шелкового пути. В этом отношении велик вклад инициированного Ассамблеей народа Казахстана международного проекта «Беседы на Шелковом пути» по укреплению сотрудничества между экспертами Центральной Азии и близлежащих Казахстану стран, дальнейшего развития и сохранения общекультурных и общеисторических ценностей в контексте межкультурного диалога.

Проект «Беседы на Шелковом пути», который в Казахстане вот уже несколько лет реализует общественный деятель, сын известного казахского писателя Мухтара Ауэзова Мурат Ауэзов при поддержке АНК.

«Мухтар Ауэзов сделал многое для сохранения кыргызского эпоса «Манас» в советское время. Кыргызский народ никогда не забудет этого», - эти слова Президента Кыргызстана Алмазбека Атамбаева, сказанные им 8 апреля 2013 года во время приема президента общественного фонда «Фонд Мухтара Ауэзова» Мурата Мухтаровича Ауэзова и директора научно-культурного центра «Дом Ауэзова» Диара Аскаревича Кунаева, рефреном пронизывали выступления участников «Бесед на Шелковом пути» в летние дни

28-29 августа 2013 года на берегах озера Иссык-Куль.

Символично, что Дом-музей Мухтара Омархановича Ауэзова на «Лазурном берегу» Иссык-Куля, с его «Беседами на Шелковом пути» (инициированными Муратом Ауэзовым и Фондом АНК), имеющий более чем 50-летнюю (в 1957 году решением поселкового совета Чолпон-Аты М. О. Ауэзову выделили земельный участок для строительства дачи, а в 1970 году наследники М. Ауэзова передали дом в дар народу Кыргызстана,) историю, Дом-музей великого казахского ученого, писателя, просветителя, снискавшего мировую известность, представляется центром, прообразом культурной центральноазиатской интеграции. Ведь великий казахский писатель общался здесь не только с манасчи – кыргызом Саякбаем Каралаевым и писателем Тугельбаем Сыдыкбековым, поддерживал начинающего молодого писателя Чингиза Айтматова, но и был дружен с классиком туркменской литературы писателем Берды Кербабеевым, узбекскими и таджикскими писателями.

Уже ушел от нас Чингиз Айтматов (неоднократно вместе с коллегами-писателями бывавший и зачастую выступавший в роли гида в доме своего учителя и литературного кумира), и сейчас открыта его замечательная скульптура в не менее замечательном центре «Рух Ордо» его имени в Чолпан-Ате; уже ушел в 1973 году Берды Кербабеев, вскоре после возвращения в Ашхабад из Алматы со встречи литераторов Казахстана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана.

Но память о них, о прекрасных их литературных творениях жива в нас, она интенсивно пульсирует и не дает нам покоя.

«Қазақтар, узбектер, түрікмендер, қырғыздар, тәжіктер – біргеболайық!» Эта знаменитая фраза Мустафы Шокая как нельзя лучше отразилась в выступлении Фархата Толипова – участника встречи от Узбекистана, который предложил в Центральной Азии подписать своего рода манифест о необходимости культурного сближения.

Тогда, в августовские дни 2013 года, последний день «Бесед» проводил участников конференции штормовым ветром. Раскачивались даже высоченные тополя, растущие на территории «Лазурного берега». Мурат Мухтарович и Диар Аскарлович спорили о том, какой же это ветер: Санташ или Улан (поперечные ветры, вырывающиеся из горных проходов Кунгей Алатоо, Терсейке Алатоо и ущелий на озеро). Санташ (күшті шығыс желі) – восточный ветер на востоке озера Иссык-Куль, дующий с одноименного горного перевала. Санташ – обычно охватывает только восточную часть озера и является признаком начала периода плохой погоды. Уланский ветер (боом, буам) – сильный и холодный западный стоковый ветер в западной оконечности озера Иссык-Куль, дующий из Боомского (Уланского) ущелья, обрушивается на озеро плотной массой холодного воздуха и сопровождается осадками, иногда с грозой. Озеро мгновенно покрывается барашками, затем

штормовыми волнами. И поскольку под действием Улана деформируются даже пирамидальные тополя (что и наблюдалось участниками конференции 30 августа 2013 года), однозначно: участников встречи провожал Улан. Так и в нашей Центральной Азии: порой дуют политические ветры: то с одной, то с другой стороны. И цель интеллигенции наших стран состоит в том, чтобы эти недоразумения не усиливали бы друг друга, не накладывались бы один на другой, подобно тому, как при сильном вторжении холодного воздуха с севера встреча Санташа с Уланом формирует над озером локальный шквал Куюн и смерчеподобные вихри, опасные для судов.

Ассамблея народа Казахстана, поддерживая замечательные проекты, нацеленные на сближение народов и культур, становление казахстанской идентичности и национального единства, приобрела черты национального института укрепления безопасности страны.

Распад огромной державы СССР вызвал образование новых независимых государств. В центральноазиатском регионе на сегодня сосуществуют пять государств – бывшие советские республики Средней Азии. Народы региона во многом взаимосвязаны общей историей, культурой, языком, вероисповеданием.

В советский период изучению Центральной Азии уделялось немалое внимание, которое, однако, под идеологическим прессингом марксистско-ленинской догматики принимало поверхностный характер. Глубокое изучение истории народов редко проводилось. Одним из белых пятен в изучении истории Центральной Азии является проблема казахско-туркменских взаимоотношений. В советское время этот вопрос почти не затрагивался. Освещение этого вопроса в западной ориенталистике, дореволюционной российской и советской историографии сводилось лишь к упоминанию имевшихся мелких междоусобных войн между казахскими и туркменскими племенами. «История – это память народа. Она состоялась и ее не исправишь и не перепишешь заново, заменив один цвет другим, как это делалось еще недавно в угоду конъюнктуре. Мы должны воспринимать ее целостно, во всем ее многообразии, такой, какой она была, со всеми противоречиями, с ее героическими и трагическими страницами» [1].

История казахов и туркмен – это история двух тюркоязычных народов, которые в прошлом были преимущественно кочевниками. В трудах средневековых арабских, иранских и тюркских историков сведения об этих двух народах даются в их взаимной связи с различными тюркскими племенами. Ибн Баттута, Ибн Хальдун, Аль-Идриси, Рашид ад-Дин, Абульгази и другие дают фактический материал по истории племен и народностей центральноазиатского региона и за его пределами на разных этапах средневековья. С развитием исторической науки были определены и племена, населявшие территории Казахстана и Туркменистана в древний период. Древние племена,

населявшие огромный ареал от Причерноморья до Монголии, именовались скифами. Историки их называют по-разному в зависимости от проживания в тех или иных регионах. На территории нынешней Центральной Азии они назывались саками, которые подразделялись на следующие группы: тиграхауда, исседоны, массагеты, аримаспы, аргипеи в Казахстане; алано-сарматы в Урало-Волжском районе; дахи Каракумов; тара-дарайя в междуречье Амударьи и Сырдарьи; хаомоварга на Памире; перешедшие на оседлость хорезмийцы, согдийцы и бактрийцы на территории современных Узбекистана, Таджикистана и Северного Афганистана, а также тохары, юэчжи и эфталиты на территории западной части Китая и Монголии. Все эти племена и народности были тесно связаны между собой [2]. При этом важную роль в их постоянной близости и этногенезе более поздних народов играли фактор переселения и взаимодействие этих древних племен с оседлыми цивилизациями. Этот феномен имел свое продолжение и в средние века. Отсюда возникает немало спорных моментов, что приводит к искажению объективности истории и самоизоляции. При имеющихся особенностях двух этносов, возникших под влиянием культурно-географических и исторических факторов, следует, все же, видеть и общие корни происхождения.

Таким образом, «огузские племена, как один из компонентов, участвовали в формировании казахов, кыргызов, татар, башкир, туркмен, узбеков, каракалпаков» [3]. В этногенезе этих народов участвовали также племена карлуков и кипчаков. Немалое влияние на их формирование оказало и оседлое ираноязычное население оазисов. «Позднее часть карлуков, смешанная с оседлым населением юга Казахстана и Жетысу и принявшая Ислам, стала называться туркменами, так же как и соответствующая им группа огузов» [4].

Огузов, живших в Передней Азии, долгое время именовали туркменами. Сам этноним «туркмен» по разным средневековым источникам означает «тюркоподобный» или «тюркский человек». С течением времени туркменами стали именоваться османские турки и азербайджанцы, но, по прошествии определенного времени, с усечением второго сочетания -мен. Длительное проживание огузов и их потомков в Передней Азии, а также туркменом с тюркоязычными народами Центральной Азии привело к тому, что в современном туркменском языке можно встретить определенные сходства в лексике и грамматике как с турецким и азербайджанским, так и с казахским и узбекским языками.

Казахское племя адай входило в Байулы – группу племен Младшего Жуза, где оно составляло наиболее крупную и воинственную ветвь. В IX-X вв. они вошли в состав огузского государства. Они принимали участие в завоевательных походах огузов, кипчаков и других племенных союзов. Адайцы были в тесной связи с сельджуками, которые одновременно называли

себя и туркменами. Огузы отождествляли само название племени «адай» как жителей острова (ада) посреди Мангышлака – «земли в стране огузов», как говорил Махмуд Кашгари [5]. После упадка огузского государства адайцы вошли в состав кипчакского союза и расселились на более обширных территориях нынешнего Западного Казахстана (по долинам рек Эмба, Оил, Сагыз, Яик) и за его пределами. Они входили в состав Золотой, Синей и Ногайской Орд, а в XV в. – в Казахское ханство [6].

В группу Байулы входят 12 племен, среди которых помимо адайцев наиболее крупными являются также таз и алаша. В составе тазов выделяется ветвь абдалы. А это нередко ведет к отождествлению тазов с абдалами, которые ведут свое прямое происхождение от эфталитов (белых гуннов), поселившихся на территории Западного Казахстана в IV-V вв. Среди туркменского племени чоударов также встречаются абдалы [7], что совпадает со временем прихода эфталитов в Каракумы в V в. Кроме того, абдалы присутствуют среди кочевых племен юруков в Турции и пуштунов Южного Афганистана и Северо-Западного Пакистана, являясь наиболее крупным племенным союзом, именуемым дуррани, откуда вышел афганский царь Ахмед Шах Дуррани. Название «алаша» тоже есть среди туркмен. Одно из пяти подразделений туркменского племени сарыков называется этим именем [8].

В XVII-XVIII вв. адайцы кочевали по Мангышлаку и далее на юг и там соприкоснулись с туркменами. Часть туркмен слилась с казахами, образовав подразделение адай-туркмен. Помимо адайцев с туркменами поддерживали связь и другие племена Младшего Жуза (шомекей, торткара, бериш, таз и т.д.), которые проживали в пределах Хивинского ханства, куда входили нынешний Каракалпастан, Дашхувуская и Хорезмская области. Частично казахско-туркменские связи могли быть и на территории Бухарского ханства. Наиболее ярким подтверждением казахско-туркменских связей является наличие у казахов сказания о батыре Короглы, который стал героем фольклора не только тюркоязычных, но и некоторых ираноязычных народов. Однако возникновение эпоса о Короглы, как и сказания о Деде Коркуте, скорее уходит корнями в огузский период.

Возвышенность Устюрт на полуострове Мангышлак и Балканские горы близ залива Кара-Богаз-Гол имеют единую геологическую структуру. Вследствие кочевого образа жизни и отсутствия частной собственности на землю у тюрок издревле существовало общее пользование земель. Поэтому Устюрт и Балканские горы были общими как для казахов, так и для туркмен. В фольклоре у казахов и туркмен встречаются персонажи Алдар-Косе и Ерсары-батыр. Известный казахский акын Мурын-жырау в одном из сказаний воспевал, что Ерсары-батыр из Мангышлака переселился в Каракумы и там пустил корни. Туркменское племя эрсары ведет свое происхождение именно от батыра Ерсары [9]. Холмы близ Балканских гор называются его именем.

Абульгази считал, что Ерсары происходил из балканских салыров [10]. По мнению этнографа А. Джикиева, причиной перемещения племени эрсары явилась засуха, охватившая Устюрт в незапамятные века [11].

Взаимоотношения казахов и туркмен были на некоторое время прерваны вторжением джунгаров и калмыков в XVIII в. По мнению академика В. Бартольда, часть туркмен (в основном салыров) Мангышлака была переселена калмыцкими ханами на Северный Кавказ, где они проживают до сих пор под наименованием трухмен [12]. Опустевшая прежде общая территория была постепенно занята казахами племени адай, которые продолжали развивать свои отношения с близлежащими туркменскими племенами (йомуды, чаудары и т.д.). После захвата Центральной Азии царской Россией Мангышлак был включен в состав Закаспийской области Туркестанского генерал-губернаторства, куда входили в основном территории, населенные туркменами.

Захват туркменских, равно как и казахских земель стоял перед царской Россией еще во время Персидского похода Петра I 1722 года. До этого, в 1717 году, экспедиция А. Бековича-Черкасского в Хиву была разгромлена хивинцами. Тем не менее царское правительство не покидала мысль о приобретении новых обширных территорий Центральной Азии. Расширяющиеся интересы Российской империи состояли в том, чтобы выйти на торговые рынки Среднего Востока и Индии. Первым делом колонизации подлежали казахские земли.

Постоянные конфликты казахских жузов с джунгарскими захватчиками, а также набеги приволжских калмыков, башкир и уральских казаков ослабили казахское государство. Хан Младшего Жуза Абулхаир в 1731 году единолично, без согласия биев, старшин, батыров и других слоев населения принял присягу на верность Российскому государству. После этого начался медленный захват казахских земель регулярными отрядами царских войск. В то же время ханы Младшего Жуза не прерывали свои традиционные связи с хивинскими ханами, что было одним из препятствий для полной аннексии казахских земель. В 1740 году туркмены и казахи совместными силами отражали удары войск иранского шаха Надира, который повел свои войска на Хиву. В связи с этим часть туркмен откочевала ближе к казахским землям. Поэтому присоединение к Российской империи шло очень замедленными темпами. Положение усугублялось также нестабильностью ситуации в самой России, которая вела постоянные войны как за пределами, так и внутри державы.

В восстании под предводительством Е. Пугачева в 1773-1775 гг. принимали участие и казахи. После поражения крестьянского восстания Е. Пугачев надеялся найти убежище среди туркмен, однако был предательски схвачен и казнен [13]. Подавление восстания в определенной мере придало

импульс дальнейшим захватам в Центральной Азии. После каждого нового приобретения земель царское правительство вытесняло местное население из их плодородных земель. Это вызывало народные волнения среди местного населения. Так, в 1785 году вспыхнуло восстание Срыма Датова, продолжавшееся 12 лет. Подавив выступление Срыма Датова, царское правительство стало продвигаться вглубь западноказахских земель. В 1824 году был принят Указ «Об оренбургских киргизах», согласно которому институт ханской власти в Младшем Жузе был ликвидирован. В 1834-1835 гг. в северной части полуострова Мангышлак был основан Форт-Новопетровское (ныне Форт-Шевченко), переименованный в 1857 году в Форт-Александровск, где в начале 50-х годов XIX века проходил службу великий украинский поэт Тарас Шевченко. В 1836-1837 гг. в Букеевской Орде прошло восстание Исатая Тайманова и Махамбета Отемисова, в отряде которых было немало туркмен. Туркмены также принимали участие в национально-освободительном движении под предводительством Кенесары Касымова в 1836-1847 гг.

Подавив восстание Исатая Тайманова, царское правительство в течение 30 лет вело подготовку к захвату туркменских земель. Одним из препятствий было Хивинское ханство, чьи связи с туркменами продолжали развиваться. Другим крупным препятствием оставалось мятежное настроение мангышлакских казахов. Новая попытка проникнуть в Мангышлак и конфискация пастбищных земель вызвали наиболее крупное восстание адайских казахов в 1870 году. Тогда с Кавказа через Каспийское море были переброшены дополнительные силы регулярных войск на Краснодарский полуостров, где еще в 1869 году было основано укрепление Краснодарск для блокировки мангышлакского восстания адайцев. С ликвидацией адайского выступления царское правительство создало плацдарм для наступления на Хиву. Завоевав к середине 60-х годов XIX века южноказахские земли, царские войска в 1868 году заняли Бухарское ханство, а затем в 1873 году с трех направлений было взято Хивинское ханство.

После небольшой передышки в начале 80-х годов XIX века Российская империя приступила к захвату свободных туркменских земель, поскольку часть туркмен проживала в Хивинском и Бухарском ханствах. В 1879 году туркмены нанесли поражение войскам генерала Ломакина. В 1881 году произошло кровавое сражение у Геок-Тепе, где текинцы оказали упорное сопротивление войскам царского генерала М. Скобелева. Затем, после подавления вооруженных выступлений, туркменские земли были разграничены между Россией и Ираном, северная часть которых попала в полуколониальную зависимость от Российской империи. В 1899 году была окончательно сформирована Закаспийская область из пяти уездов (Мангышлакский, Краснодарский, Асхабадский, Тедженский и Мервский) в составе Туркестанского генерал-губернаторства.

После национально-государственного размежевания в Центральной Азии (тогда еще в Туркестане) в 1922-1924 гг. казахский и туркменский народы оказались в административном отношении разделенными. Получив узаконенные территории, они оказались отчужденными друг от друга. Во время голода 1931-1933 гг. десятки тысяч казахов нашли спасение на туркменской земле. Тысячи туркмен также проживают и трудятся в Казахстане. Культурные связи между двумя народами в советский период продолжали развиваться. На казахский язык переводились произведения поэта Махтумкули и современных туркменских писателей. На казахских телеэкранах многократно демонстрировались фильмы выдающихся туркменских режиссеров.

С распадом советской империи Казахстан и Туркменистан развиваются как две независимые страны. Будучи членами международных и региональных организаций, эти народы стремятся жить в добрососедстве и сотрудничестве на пути к интеграции, придерживаясь принципов мирного сосуществования и взаимоуважения.

Огузское время было периодом наиболее сильных этнических контактов между народами Центральной Азии. Средневековую этническую обстановку в Узбекистане этнолог Г.П. Васильева оценивала таким образом: «Туркмены и их предки огузы издавна, гораздо раньше, чем полукочевые узбеки, появившиеся здесь, как отмечалось, с начала XVI в. и сыгравшие большую роль в формировании современного узбекского населения Хорезма, жили на территории оазиса и его окраин. Туркмены участвовали в обороне Ургенча в 1504-1505 гг. от Шейбани-хана и были связаны с населением доузбекского Хорезма этнически: в XIII в., как писал А.Ю. Якубовский, «почти весь земледельческий Хорезм, в том числе и города, говорил по-огузски (по-туркменски)». О значительной огузской прослойке в этногенезе хорезмийцев, по-видимому, свидетельствует и то обстоятельство, что современный южнохорезмский говор узбеков ближе к туркменскому, нежели к узбекскому, и содержит много огузизмов». Туркмено-огузский диалект широко распространен в настоящее время на территории Хорезма – Каракульского и Алатского районов Бухарской области. Узбекский филолог Ф. Джуманиязова заключает – можно с уверенностью сказать, что огузский компонент сыграл большую роль в сложении узбекского народа, и сегодня он составляет значительный процент среди узбеков Хорезма. Этногенез и этническая история узбеков была тесно связана с огузскими народами, в том числе и с братским туркменским народом.

«Нам представляется, - как писал туркменский историк О. Гундогдыев, - более верным говорить о том, что этнические связи туркмен с узбеками продолжались и в последующие века. Первоначально слово «узбек» употреблялось в политическом значении и лишь после национального размежевания, как отмечает В.В. Бартольд, узбеками стали называть себя часть сартов,

туркмен, уйгуров и т.д.

Туркмен Узбекистана условно делят на хорезмскую, бухарскую и нурагинскую группы. Туркмены являются аборигенным доузбекским населением Южного Узбекистана. Отмечаются три волны переселения туркмен в эти районы – XII, XVII и XVIII вв. В 20-х гг. XX в. наблюдается значительный отток туркменских племен в Афганистан, Иран, Туркменистан. В Хорезме эта эмиграция носила массовый характер в результате проводимой советской властью антитуркменской политики, значительная часть туркмен была записана узбеками Комиссией по размежеванию. Так туркмены-хыдырили были причислены к узбекам.

Нуратинские туркмены обосновались в местности Нурата в X в., играя большую роль в исторических судьбах Мавераннахра (Среднеазиатское Междуречье). В последующие века сырдарьинские и хорезмские туркмены постоянно переселялись в Мавераннахр, оформившись в крупную этническую группировку в составе узбеков, сохранив самоназвание «туркмен».

В XVI в. они фиксируются в сочинении Сейфедина Ахсикенти «Маджмуат-таварих» в составе 92-х основных узбекских племен. Включение «нуратинских туркмен в состав узбекских племен – закономерное явление в их этническом развитии, поскольку именно в инкорпорации, то есть принятии на равных правах новых этнических элементов в состав родоплеменного объединения, и обычае обязательного включения их в традиционные генеалогии в качестве особых племен, «родов» или родовых подразделений и заключалось, как известно, своеобразие этнических общностей».

Нуратинские туркмены подразделяются на два крупных отделения. Первое объединение йигирма торт (йигримидорт) состоит из племен: газаяклы, канджигалы, айтамгалы, богаджеликоштамгалы, джаман-туркман, кара-туркман и т.д. Второе объединение бешатамангышлау состоит из следующих племен – куньш, чиликли, анна, таз, богаджат.

Еще одно из узбекских племен называется туркман-джузы, занимающие центральную часть правобережья Сурхана, так называемую Туркменскую степь (Туркмендешт), орошаемую Карлюкдегьей. Предания рассказывают о том, что джузы (юзы) поселились в тех местах в XII в., когда султан Санджар переселил туда сто туркменских семей. Туркман-джузы являются доузбекским населением Сурхандарьинской области, присоединившись к Шейбанидам: XVI в. и в начале XX в., они представляли одно из крупнейших узбекских племен. Туркмены Узбекистана и туркмены, вошедшие в состав узбекского народа, привнесли значительный культурный пласт в узбекскую литературу. Выдающийся тюрколог А. Самойлович прямо указывает, что узбекская поэма «Шейбани хан» обнаруживает значительное влияние туркменского романа «Бозоглан», а в другой узбекской поэме «Текинский бег Заман» туркменский герой XVIII века называется покровителем основа-

теля узбекской династии Шейбани хана.

Узбеками любим туркменский народный эпос «Гёроглы», который они считают своим. Но певцы дестанов прямо указывают на туркменское происхождение героя. Вот отрывок из «Гёроглы», записанный со слов узбекского народного поэта – представителя нуратинских туркмен Эргаша Джуманбульбульоглы:

Стародавнюю порой
Далеко за Бухарой,
В стороне Кыблы святой,
На земле Теке-Ямут,
Где живет текинский люд,
Жил и правил Гёроглы,
Властелин вершин Чамбил,
Тот, что недругов надолго проучил.

Узбекский эпос «Алпамыш» также подвергся влиянию туркмено-гузского эпоса «Горкут Ата» (О. Гундогдыев «Туркмены и народы мира»). В качестве национального узбекского поэта почитается великий туркмен Махтумкули, который явился вдохновителем творчества таких выдающихся узбекских поэтов, как Камил Хорезми, Ислам Шайр, Муридо, Орзу, Бодил, Шейхзади, Миртемир, Шухрат, Абдулла Орипов, Мирза Кенджабек и др. Узбекский филолог Э. Очиллов отмечает: «В Узбекистане давно сформировалась и активно функционирует специальная школа Махтумкуливедения».

Вначале инициатива идет снизу, а потом получает определенное оформление. 20 и более лет назад в Казахстане возникли первые ЭКО, которые 1 марта 1995 года были объединены в АНК. Цель этой инициативы – не допустить никаких деструктивных попыток решить те социальные проблемы, которые формируют социальное напряжение. Таким образом, речь шла о создании обоснованных форм и методов общественно-государственного взаимодействия в направлении развития именно **социально-ориентированного государства**, как это и продекларировано в Конституции Республики Казахстан.

История появления в Казахстане Туркменского общественно-культурного центра также уже имеет 20-летний возраст. В сентябре 1992 года председателю общества «Отан» Казахстана поступило письмо от председателя одноименного общества Туркменистана с просьбой направить в октябре 1992 года в Ашхабад на курултай двух представителей туркменской национальности из Казахстана. Соседом по дому председателя общества «Отан» Казахстана был директор научно-исследовательского экономического института, в котором я тогда работала, – Эдыге Туркебаев. Он мне и передал эту новость. Так, в октябре 1992 года мы со старейшиной туркменской диаспоры в Казахстане Ашир-ага Довадовым отправились на курултай. На курултае

мы прониклись мыслью о регистрации в Алматы Туркменского общественно-культурного центра.

Вернувшись из Ашхабада, мы с Ашир-ага Довадовым начали подготовку к созданию нашего общественного объединения. Активными участниками этого движения были Шыхыев Нурберды, Назаров Сапар, Улухашев Анатолий. У истоков функционирования центра был и заслуженный деятель науки РК, доктор филологических наук, почетный академик ряда иностранных научных центров Губайдулла Айдаров.

Дата юридической регистрации Туркменского этнокультурного центра – 22 ноября 1995 года.

В Уставе целями Центра были определены:

- возрождение в Казахстане туркменской культуры;
- поддержка развития казахской культуры и культур всех этносов Казахстана;
- поддержка отношений с этнической родиной туркмен и казахской диаспорой Туркменистана.

Задачами центра являются: содействие гражданам в их успешной интеграции в реформируемую рыночную экономику; развитие образовательных и культурных программ; налаживание связей с этнической родиной – Туркменистаном.

Активно и результативно действовал в интересах центра и Ассамблеи почетный председатель нашего центра академик, доктор геологических наук Аманниязов Курбан Непесович. Его перу принадлежит множество публикаций об укреплении взаимосвязей Казахстана и Туркменистана, истории Центральной Азии, проблемах добычи нефти и Каспийского моря. Это такие книги, как «Мангыстау – отчий край» (2005 г.), «Туркмены Мангыстау». Активно работает в этом направлении член Союза художников Республики Казахстан Орадов Шихдурды. Его картины прославляют народные казахские и туркменские традиции и обычаи, природу Казахстана. В 2003 г. при поддержке фонда «Сорос» в Алматы, доктором музыковедения Шахымом Гуллыевым были изданы две книги о туркменской музыке.

Большую активность в работе центра проявляют оралманы из Туркменистана. В трудные 30-е годы сотни тысяч жителей Казахстана нашли приют в пределах Туркменистана, большинство там родились и выросли. В настоящее время многие вернулись на свою историческую родину – в Казахстан, но о жизни в Туркменистане, отношении туркменского народа всегда вспоминают исключительно добрым словом. И туркмены также чувствуют себя уверенно и спокойно в братской многонациональной семье народа Казахстана. Хотелось бы назвать Аханова Жазыкбая, Тагана Махмудова, Буранбаева Нурмухана, Садыковых Кенеса и Светлану, Тасмагамбетову Алтынай, Гуллыеву Сауле, Серикову Жадру.

За активную деятельность в сфере возрождения национальных культур в Казахстане председатель Алматинского центра в 2001 г. была награждена казахстанским орденом «Достык», в 1996 г. – медалью Туркменистана «За любовь к отчизне». Представители центра принимали участие в Первой встрече творческой интеллигенции Центральной Азии, созданной в 1999 г. в Астане по инициативе Президента страны Нурсултана Назарбаева, международных конференциях и круглых столах, выступлениях на радио и телевидении; организации проведения фестивалей, выставок, недель национальных культур; встречах со школьниками и студентами, благотворительной деятельностью.

Как пишет в своей статье «Туркменские национально-культурные центры в Казахстане: народный опыт созидания основ открытого толерантного общества» этнограф Ернар Оразбек: «Что касается туркмен, то они, будучи также кочевниками, дисперсно проживающими в одной из великих пустынь мира – Каракумы, сохранившими в полном объеме культ коня, культуру всадника-«кентавра», дух и менталитет представителя кочевой цивилизации, в этнопсихологическом отношении очень и очень родственны и по-человечески симпатичны казахам. Туркмены Казахстана, являясь полноправными гражданами Республики Казахстан, не имея психологических барьеров в сфере языковой, культурно-цивилизационной, культурно-обрядовой..., сохраняя свою этноидентичность, объективно вносят свою лепту в дело и идею становления и развития единого казахстанского общества. Туркмены Казахстана, как видим, являются искренними патриотами своей этнической родины – Туркменистана, и в то же время – составной частью казахстанского общества, привнося своей самобытной культурой, врожденным чувством кочевнического закала толерантности, открытостью и душевностью особый аромат и настрой в казахстанскую симфонию межнационального согласия, дружества».

Туркмены издревле жили совместно и по соседству с казахами на берегах Каспийского моря. Согласно жизненной легенде: «Туркмены и казахи роднились между собой. Праматерь адайского рода Косай – туркменка Огыл-Менли. Когда старый Косай потерял свою семью при переходе реки Чу, первым к нему пришел его туркменский друг и отдал ему свою молодую дочь. Отсюда этот род называют еще и турикпен-адай». Такая тесная территориальная близость всегда сопровождалась близостью традиций, обычаев, религии, исторических судеб. После размежевания границ в 20-е годы прошлого столетия многие туркмены остались жить на территории Мангистауской области. Часть нынешних казахстанцев туркменского происхождения остались на постоянное место жительства после прохождения воинской службы в Казахской ССР, а также после участия в освоении целины. Были и печальные страницы, когда туркмены избирали местом своего жительства

Казахстан после освобождения из застенков КАРЛАГА. В современное время в Казахстане проживает много смешанных казахско-туркменских семей.

В Казахстане выдающимся представителем туркменского этноса в области языка, литературы, истории, науки является академик Курбан Аманниязов. Наша диаспора гордится военным летчиком в отставке Сапаром Назаровым, военным в отставке Худайбердыевым Бабамурадом, долгие годы возглавлявшим пожарную часть Жетысуйского района г. Алматы; бывшим сотрудником министерства обороны Республики Казахстан, ныне пенсионером – Гельдымурадом Мустаевым. Больших вершин в искусстве достигли старейшина нашего центра член Союза художников Республики Казахстан Орадов Шихдурды; музыковед Гуллыев Шахым. И, конечно, в спорте выдающимся представителем является бывший футболист и тренер «Кайрата» – Курбан Бердыев.

Безусловно, Ассамблея народа Казахстана является одним из символов Независимости Республики Казахстан, поскольку она всем своим существованием и проводимой деятельностью нацелена на всемерное развитие и укрепление казахстанского патриотизма (выражающегося в знании государственного языка, единой устремленности на экономический рост страны и повышение благосостояния всего населения) среди всех граждан страны, имеющих различную национальность.

Как сказано в вышеупомянутой нами статье этнографа Ернара Оразбека: «Уже на начальном этапе независимого развития Казахстана руководство страны, понимая, что необходимо сохранить и укрепить атмосферу межнационального согласия в республике (тем более наблюдая эксцессы межэтнического насилия, иступленной вражды в некоторых постсоветских странах), начало выстраивать новую архитектуру межэтнических взаимоотношений, общегития в условиях коренного тотального переустройства основ государства и адаптации к реалиям века XXI-го, общемировой тенденции к глобализации всего человечества».

За первое 20-летие суверенного развития Республики Казахстан, благодаря взвешенной, прагматичной, позитивно-патриотичной политике и руководству Первого Президента страны, лидера нации Н. А. Назарбаева (вначале инициировавшего комплекс мер по стабилизации и ускоренному развитию экономики, повышению благосостояния народа Казахстана, а затем – поэтапное реформирование политического базиса, обозначившего конечной целью реформ формирование зрелого открытого толерантного гражданского общества), межнациональный «климат» в стране год от года переживает устойчивое стабильное равновесие, социально-этническое самочувствие этносов, представляющих собой составные части единого казахстанского общества, характеризуется самодостаточностью, уверенностью в своем ближайшем будущем, ощутимым «укреплением» иммунитета против

бацилл этнических раздоров и социального хаоса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. История Казахстана. – Алматы, 1996, т. 1, с. 7.
2. Кыдырбекулы Д. Кошпелілер кім болган еді? // Акикат, 1994, тамыз, №8, 30 с.
3. История Казахстана. – Алматы, 1996, т. 1, с. 320.
4. там же, с. 311.
5. Казак шежіресі. – Алматы, 1994, 82 с.
6. там же, 82 с.
7. там же, 83 с.
8. там же, 84 с.
9. Кыдырбекулы Д. Кошпелілер кім болган еді? // Акикат, 1994, тамыз, №8, 36 с.
10. Родословная туркмен, М.-Л., 1958.
11. Джикиев А. Материалы по этнографии мангышлакских туркмен. – Ашхабад, 1963, т. 2.
12. там же, т. 3, с. 479-480.
13. Буганов В. Пугачев. – М., 1984, с. 330.

Аскарова М.И.

ИЗУЧЕНИЕ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП МОЛОДЕЖИ: НАУЧНЫЙ ПОДХОД

С давних пор существуют различные подходы к изучению процессов, связанных с возрастом человека. К нему можно подойти с биологической, юридической, социально-экономической и демографической точек зрения.

С точки зрения биологической науки возрастная группа молодежи характеризуется ростом, развитием и становлением с момента рождения ребенка. То есть продолжительность периода от момента рождения до определенного времени считается биологическим возрастом.

Биологическая возрастная группа молодежи классифицируется следующим образом:

1. Период новорожденности – 1-10 дней.
2. Грудной период – от 10 дней до 1 года.
3. Раннее детство – от 1 года до 3 лет.
4. Дошкольный возраст – 4-7 лет.
5. Младший школьный возраст – мальчик 8-12 лет, девочки 8-11 лет.
6. Подростковый период – мальчик 12-16 лет, девочки 12-15 лет.
7. Юношеский период – юноши 17-21 года, девушки 16-20 лет.
8. Зрелый возраст (1 период) – мужчины 22-35 лет, женщины 21-35 лет.

Зрелый возраст (2 период) – мужчины 36-60 лет, женщины 36-55 лет [1].

С юридической точки зрения возрастная группа молодежи – фактор, учитывающийся в законе. Если в биологической возрастной группе 18 лет – юношеский возраст, то в юридической он считается совершеннолетним, личность может воспользоваться политическими правами.

С социально-экономической точки зрения возрастная группа молодежи классифицируется следующим образом:

1. Дети (от рождения до 15 лет включительно) – лица, не участвующие в трудовом процессе, но устанавливающие показатели будущих способностей к труду.

2. Молодое поколение (16-24 года) – начальная стадия трудовой деятельности – это лица, обучающиеся в лицеях, профессиональных колледжах и вузах.

3. Средневозрастные (25-30 лет) – трудоспособная основная часть населения, лица, выбравшие свой путь жизни и достигшие определенных достижений в обществе.

В демографическом подходе делят население на три группы: молодые, среднего возраста и старые. Пресса Р. считает, что «эти три группы выполняют в обществе разные роли и имеют отчетливо дифференцированные потребности» [2].

На каждый период возрастной группы молодежи учеными даны разные характеристики. Один из древнейших мыслителей Пифагор сравнивал возрастную группу молодежи со временами года. То есть весна – до 20 лет; лето – 20-40 лет. Действительно, период становления жизни человека похож на весну. Момент рождения ребенка (рождение природы весной), его действия (набухание почек на деревьях), первые шаги (молодые всходы) – это все доказательства мнения Пифагора.

Также уместно отметить высказывание выдающего поэта Алишера Навои: «...лет с семи-восьми до двадцати... представляют собой раннюю весну жизни и бутон цветника жизни, и сам цветник», «от двадцати до тридцати пяти... это пора лета, когда начинают бить животворящие родники юности», «с тридцати пяти до сорока пяти – пора осени, когда начинают опадать лепестки сада жизни», «и от сорока пяти до примерно шестидесяти – это пора зимы, когда человек с согнутой спиной вступает на путь небытия и прощается с современниками» [3].

Американский демограф З.Г. Френкель дает несколько иные возрастные периоды молодежи населения: 1) 5-15 лет – юность; 2) 15-24 года – ранний рабочий возраст; 3) 25-44 года – главный рабочий возраст [4].

Другой американский демограф Д. Боуг считает, что населению присущи следующие возрастные характеристики молодежи: 1) молодость – 9-17

лет; 2) ранняя зрелость – 18-24 года; 3) зрелость – 25-44 года [5].

Экономист-социолог Л. Розенмайер, в отличие от демографа Д. Боуга, считает, что молодежный возраст имеет следующие границы: 13-24 года. Эти возрастные границы поделены на два периода: 13-18 лет – юношество и 18-24 года – молодые взрослые [6].

В энциклопедическом словаре народонаселения возрастные группы молодежи разделены на следующие периоды (таблица 1):

Таблица 1

Характеристика возрастов

Календарь возрастов	Период жизни возрастных групп
1-7 дней	новорожденный
7 дней – 1 год	грудной возраст
1-3 года	раннее детство
4-7 лет	первое детство
8-12 лет (мальчики)	второе детство
8-11 лет (девочки)	
13-16 лет (мальчики)	подростковый возраст
12-15 лет (девочки)	
17-21 год (юноши)	юношеский возраст
16-20 лет (девушки)	
22-35 лет (мужчины)	зрелый возраст (1 период)
21-35 лет (женщины)	

Источник: Народонаселение: энциклопедический словарь. Москва, 1994. – С. 49.

ООН возрастную группу молодежи классифицирует следующим образом:

1. Дети: не исполнилось 18 лет.
2. Подростки: 10-19 лет (в том числе раннее и среднее детство).
3. Юноши: 15-24 года.
4. Молодое поколение: 10-24 года [7].

В международной практике и статистике максимальной границей молодежного возраста является 25 лет. Статистика стран СНГ относит к молодежи лиц в возрасте от 16 до 30 лет [8].

В настоящее время ученые-демографы классифицируют возрастную

группу молодежи следующим образом (таблица 2).

Таблица 2

Характеристика возрастов молодежи

Период	Календарь возраста	Период жизни возрастных групп	
I.	0-6 лет.	Дошкольный возраст.	
II.	7-17 лет.	Школьный возраст.	1. 7-10 лет – младший школьный возраст.
			2. 11-13 лет – средний школьный возраст.
			3. 14-17 лет – старший школьный возраст.
III.	18-30 лет.	Гражданский возраст.	1. 18-20 лет – младший гражданский возраст.
			2. 21-24 года – средний гражданский возраст.
			3. 25-30 лет – старший гражданский возраст.

Источник: Ўзбекистон ёшлари: ижтимоий кифё. Тошкент-2008. Б-12.

В законе «Об основах государственной молодежной политике в Республике Узбекистан» в молодежную группу включены граждане в возрасте 14-30 лет [9]. Министерство труда и социальной защиты Республики Узбекистан делит детей на группы до 16 лет и молодежь 16-29 лет. То есть на основе законодательства Республики Узбекистан молодое поколение делят на три демографические группы:

1. 16-19 лет;
2. 20-24 года;
3. 25-29 лет.

В соответствии с трудовым кодексом Республики Узбекистан на работу принимаются граждане с 16 лет. В Конвенции №138 1973 года Международной организации труда «О минимальном возрасте для приема на работу» первоначально установлен возраст в четырнадцать лет как минимальный [10].

Если в 2013 году по отношению к 2003 году общее население Узбекистана увеличилось на 17,9%, то в течение этих лет население в возрасте 16-29 лет возросло на 27,2%. В настоящее время 36,7% населения – городское, 63,3% – сельское население. 26,4% городского и 27,0% сельского населения составляет молодежь в возрасте 16-29 лет.

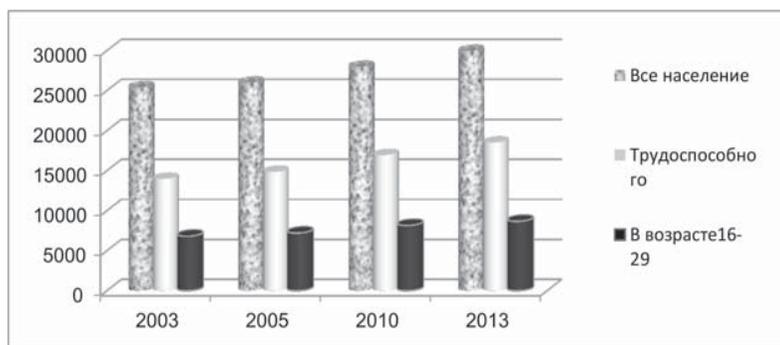

Рисунок 1. Часть молодежи среди населения Узбекистана

Источник: По данным Государственного Комитета Республики Узбекистан по статистике.

Таким образом, анализ показывает, что молодежь составляет большую часть в составе населения. Если в 2003 году численность молодежи составляла 26,8%, то в 2013 году – 29,0%.

Таблица 3

Доля молодежи в составе трудоспособного населения в Узбекистане (%)

Годы	Трудоспособные	16-29 лет	В том числе:		
			16-19 лет	20-24 года	25-29 лет
2003	100	48,8	16,8	17,2	14,8
2005	100	48,5	16,8	17,2	14,5
2010	100	48,2	15,5	18,0	14,7
2013	100	47,2	13,7	17,04	15,8

Источник: Данные Государственного Комитета Республики Узбекистан по статистике.

Из таблицы 3 видно, что в настоящее время за последние десять лет есть тенденция к снижению доли молодежи. В годы независимости в республике эта тенденция начала формироваться в связи новой демографической ситуацией.

Узбекистан, в отличие от стран СНГ, имеет высокий удельный вес молодежи в составе населения. Узбекистан по шкале демографического старения входит в одну из «молодых» стран мира [11].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ўзбекистон миллий энциклопедияси 3 том «Ўзбекистон миллий энциклопедия» Давлатилмий нашриёти. – Т., 2002. 493 бет.
2. Пресса Р. Население и его изучение. – М.: «Статистика», 1996. – С. 267.
3. Алишер Навоий. Мукаммал асарлар тўплами. Учинчи том. Хазойин ул-маоний. – Т.: «Фан», 1988. – Б. 19.
4. Френкель З.Г. Удлинение жизни и деятельная старость. – Ленинград: «Экономиздат», 1945. – С. 144.
5. Bogue D. The population of the United States. – Clencoe, 1959. – P. 21.
6. Rozenmayer L. Towards an overview of youth sociology – «Intern. Soc. Sci. J», vol, XX, №2, 1968. – P. 287.
7. Молодежь в меняющемся обществе. Региональный мониторинговый доклад. – М.: «ЮНИСЕФ», 2000. – С. 194.
8. Рынок труда: Учебник / Под ред. проф. Буланова В.С., проф. Волгина Н.А. – М.: Экзамен, 2007.
9. «Ўзбекистон Республикасида ёшларга доир давлат сиёсати тўғрисида», «Халк сўзи» газетаси, 1991 йил 13 ноябрь.
10. Халқаро Меҳнат Ташкилотининг асосий конвенциялари ва тавсиялари. – Т.: «Инсон ҳуқуқлари бўйича Ўзбекистон Республикаси миллий маркази», 2008. – Б. 60.
11. Шарифхужаев М.Ш. Ёшлар муаммосини ўрганишнинг айрим методологик масалалари. «Ёшлар муаммолари ва улар ечими (ҳолат ва исгиқбол)» мавзусидаги Республика илмий-амалий конференция материаллари. – Т.: Қатортол-Камолот. 1999-й.

Аубакирова Ж.С.

ЭВОЛЮЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В КАЗАХСКОЙ СЕМЬЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Современное экономическое развитие Казахстана, его успехи и проблемы являются привлекательными для исследовательской среды. Не менее значимые социальные эволюции, как правило, меньше привлекают внимание ученых. В то время как «семейный атом», по выражению российского социолога А. Антонова, столь же не исчерпаем для социологического познания, как и атом в физике. Изучение семьи всегда актуально. Особенно если рассматривать семью как объект разных наук – истории, социологии, демографии, психологии.

Семья, являясь важным индикатором изменения социума, за последние 20-30 лет претерпела существенную эволюцию. Несмотря на это, институт современной семьи в Казахстане, в том числе казахской, мало являлся

объектом отдельных научных исследований [1; 5].

Широким остается круг исследовательских задач. Обозначим, на наш взгляд, наиболее важные из них:

1. Осуществить теоретико-методологический анализ основных научных подходов к изучению понятий «ценность», «семейные ценности», «ценностные установки», определению содержания данных дефиниций. Построить шкалу семейных норм и ценностей традиционной, маргинальной и посттрадиционной казахской семьи. Выяснить, как проявлялся конфликт ценностей в казахской семье. Проанализировать демографическое поведение разных типов семьи.

2. Через эволюцию семейных ценностей изучить, как произошло изменение внутренней структуры казахской семьи, трансформацию внутрисемейных связей. Какие существовали стереотипы поведения и нормы взаимоотношения в расширенной семье – общение с большим кругом родственников, разветвленность родственных связей. Как в современной городской семье сужается круг контактов, когда при современном ритме жизни не хватает времени на полноценное общение с родственниками. И каким образом это повлияло на трансформацию моделей семейных отношений, как это изменило представления об обязанностях родственников по отношению друг к другу.

3. В традиционном обществе семья и семейно-родственная группа играют основную роль в социализации личности. В посттрадиционном обществе в процессе социализации личности активно включаются и другие институты: детсады, учебные заведения, различные образовательные центры по развитию детей и т.д. В этом ракурсе возникает необходимость изучения новых, «других» ценностей, которые могут повлиять на появление новых, «иных» способов социализации личности в переходной, маргинальной модели казахской семьи.

4. Как повлияли ценностные установки на мотивацию для создания семьи, на отношение к добрым сексуальным связям, на критерии выбора брачного партнера, на отношение к рождению детей в различных моделях семьи. Как изменились представления о гендерных ролях внутри современной казахской семьи.

5. Изучить протогенетический и интергенетический интервал, используя устный нарратив. Протогенетический интервал – время рождения первого ребенка после вступления в брак. Чем меньше интервал, тем традиционнее установки на рождаемость (если вступил в брак, то в течение какого времени – первого, второго, третьего и т.д. года рождается первый ребенок). Интергенетический интервал – интервал между рождениями следующих детей по очередности, между первым и вторым, вторым и третьим и т.д. Чем больше разрыв между ними – тем выше социальные установки (рациональ-

ное поведение). Возможно ли этот разрыв рассматривать как время на получение образования, повышение квалификации, карьерный рост, социализацию женщины и т.д. Изучить эти интервалы в трех поколениях, рассмотреть, как они изменились на протяжении нескольких десятков лет.

6. Осуществить интервьюирование членов семьи. Во время собеседования выяснить, влияет ли религия на восстановление традиционных семейных ценностей казахов или появление новых ценностей, демографических установок.

7. Изучить семейную политику государства. Проанализировать правительственные документы, государственные программы поддержки семьи, выяснить, как они могут повлиять на восстановление традиционных семейных ценностей. Может ли повлиять государственная семейная политика в Казахстане (программа поддержки многодетности, материальное стимулирование рождения 3, 4 и более ребенка, пропаганда традиционных семейных ценностей) или религия на возврат патриархальных ценностных установок в современную казахскую семью. На микроуровне (семья) идет движение семейных норм и ценностей в направлении: традиционные – маргинальные – посттрадиционные, а на макроуровне (государство или религия) может ли возникнуть движение ценностных установок семьи назад: от посттрадиционных к маргинальным и опять к патриархальным. Или, возможно, они останутся смешанными.

Традиционная модель семьи, как известно, характеризуется патриархальностью, патрилинейностью, патрилокальностью (супруги жили вместе или рядом с семьей родителей мужа), приоритет отдавался более близким отношениям с родственниками отца. Широким был круг семейно-родственных связей. Одной из важных традиционных ценностей являлась многодетность. Посттрадиционная модель характеризуется совершенно новыми отношениями – равенством супругов, билатеральностью родственных связей, неолокальностью. Билатеральность представляет собой симметричные отношения индивида с родственниками как с материнской линии, так и с отцовской. Неолокальность подразумевает поселение супругов на новом месте, а не в доме родителей одного из них. Родственные связи поддерживаются избирательно и в гораздо меньшем объеме. Как правило, современная семья отличается малодетностью. В основе изменения моделей семьи, на наш взгляд, приоритетной является трансформация семейных ценностей и демографического поведения семьи.

Современная казахская городская семья утратила не все нормы и ценности традиционной, расширенной семьи и в тоже время воплотила в себя новые нормы и ценности посттрадиционной семьи. В основе этой трансформации находится эволюция семейных ценностей и демографического поведения. Ее нахождение в таком переходном состоянии и является актуальным

с исследовательской точки зрения. Она представляется нам как фокус социометрического времени (прошлого, настоящего и будущего), в котором преломляются семейные ценности разных поколений, «разных эпох». Изучив эту квинтэссенцию семейных ценностных установок 3-х поколений современной казахской семьи через данное переходное состояние, можно зафиксировать здесь и сейчас исторический путь семьи вообще, который она прошла в течение веков от традиционной расширенной до посттрадиционной.

Демографическое поведение можно рассматривать как систему действий и отношений, опосредующих демографические поступки, явления. К демографическому поведению относятся действия и отношения, связанные с осуществлением полного репродуктивного цикла, с последовательной сменой репродуктивных событий, действий и отношений, препятствующих наступлению каждого звена репродуктивного цикла. Сюда относятся и количество детей в семье, очередность и интервалы между рожденьями, методы внутрисемейного регулирования рождаемости, аборт и т.д. [2].

Демографическое поведение в контексте семейно-брачных отношений называют брачным. Под ним понимают поведение людей, связанное с заключением и прекращением брака. Его демографически значимыми аспектами являются: возраст вступления в первый и последующий браки; возраст расторжения первого и последующего браков; очередность брака, очередность развода, продолжительность безбрачного периода до вступления в брак и между браками, формы брака [2].

Старшее поколение в современных казахских семьях, родившееся, как правило, в 1940-1950 гг. в сельской местности и прожившее большую часть своей жизни на селе, было многодетным, со своими семейными ценностями и установками, особым демографическим поведением. Это была семья – расширенная с традиционными устоями в регулировании семейно-брачных отношений. Среднее поколение, родившееся, как правило, в 1960-1970 гг. (большинство в период «демографического бума») на селе и переехавшие в город (внутренние мигранты), отличается маргинальным поведением, большинство из них – среднедетные или уже малолетние семьи, вобравшие в себя традиции как сельского, так и городского образа жизни. Как правило, это поколение выросло в деревне, получило образование, жило и работало в городе. Выходные, праздничные дни и время отпусков проводили в деревне, помогая родителям по хозяйству. Их дети также большее время своих каникул находились у бабушек и дедушек, общались с сельскими детьми. Маргинальный образ жизни сформировал маргинальные ценности и особый тип семьи – переходный.

Молодое поколение, родившееся, как правило, в 1980-1990 гг. в городах и живущее в городе с совершенно иными, новыми ценностными установками, представляет собой новый современный тип семьи, движущийся

к посттрадиционной или уже являющийся таковой. В то же время оно находится в тесном контакте со старшим поколением.

Как правило, такие семьи не всегда живут под одной крышей с родителями, расселяются в одном городском доме, но в разных квартирах, в одном районе, но в близлежащих домах, или старшее поколение перевозят в деревню вблизи города или поселки, прилегающие к городу. Данный тип расселения позволяет им сохранять тесные родственные отношения и преемственность 3-х поколений, оказывать помощь в воспитании детей, в практике ведения домашнего хозяйства.

В заключение можно отметить поливариативность форм современной казахской семьи как объекта исследования, параллельность существования разных моделей: традиционной, маргинальной, посттрадиционной на основе поливариативности и параллельности существования семейных ценностей и демографического поведения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления, 1996. – 304 с.
2. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грищанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколов, О.В. Терещенко, 2003 / Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/568>.

Баялова А.Т.

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ Г. УСТЬ-КАМЕНОГОРСКА)

Изучение демографических процессов – одна из важных и интересных задач не только демографов, историков, географов и представителей других наук. Вопросами демографии занимаются и работники архивных учреждений, управлений статистики, отделов внутренней политики и другие, так как ежедневно сталкиваются в своей работе с документами, имеющими отношение к демографии. Одним из таких документов являются метрические книги. Автор статьи попытался на примере метрических книг Покровского собора Омской духовной Консistorии рассмотреть вопросы воспроизводства населения города Усть-Каменогорска конца XIX – начала XX веков.

Метрические книги как источник

Метрические книги – это совокупность актов культовой регистрации,

удостоверяющих события крещения (рождения), венчания (брака), погребения (смерти) конкретных лиц в виде хронологических записей в книжной форме. Первое законодательное оформление ведения метрических книг в России отразилось в решениях Московского церковного собора 1666-1667 годов. Первым светским узаконением был указ Петра I от 1702 года «О подаче в Патриарший духовный приказ приходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших». В мае 1722 года «Прибавления к Духовному регламенту» установили обязательное повсеместное ведение метрических книг в Российской империи. Указ Синода 1722 года впервые ввел графические формы метрических книг и уточнил особенности их ведения. После Указа Синода 1799 года «Об исправном содержании метрических книг во всех приходских церквях» наличие книг в приходах и консисториях стало обязательным. В 1831 году по указу Синода в формуляре метрических книг были уточнены названия отдельных граф, введена отдельная нумерация по полу в записях о рождении и смерти.

Метрические книги рассчитывались на один год и состояли из трех частей (отсюда её второе, менее распространенное наименование – трюхчастная книга): часть первая – о родившихся, часть вторая – о бракосочетавшихся и часть третья – об умерших.

В первой части указывались: порядковый номер, дата рождения и крещения; пол новорожденного и данное ему имя; местожительство и сословная принадлежность; вероисповедание; имя, фамилия, отчество отца и матери (или указывалась незаконность рождения); имя, фамилия, отчество воспитанников [1]; кто из священнослужителей совершал таинство крещения; рукоприкладство свидетелей записи по желанию.

Во второй части метрической книги указывался порядковый номер и дата бракосочетания; имя, фамилия, отчество, местожительство и сословная принадлежность, а также вероисповедание жениха и невесты; их возраст; для каждого супруга отмечалось, каким браком он венчался (первым, вторым, третьим и т.д.). В отдельную графу записывались свидетели (поручители) и их сословная принадлежность. По желанию свидетели могли сделать свою пометку в метрической книге. Указывалось, кто из священнослужителей осуществлял венчание.

Оригинальный раздел третьей части книги содержал следующие данные: имя, фамилия, отчество, возраст умершего, дата и причина смерти, дата погребения, половая принадлежность, сведения о месте жительства умершего, его сословное положение, место захоронения (для несовершеннолетних – имя, фамилия, отчество родителей, их сословная принадлежность). Также указывалось, кто из священнослужителей исповедовал и приобщал умершего накануне смерти и кто совершал погребение.

В заключительной части каждого раздела подводился итог ежемесячно

и за год в целом. В зависимости от времени создания метрической книги некоторые данные могли в ней отсутствовать. Метрические книги велись уполномоченными духовными лицами в двух экземплярах: один оставался на хранении в церкви, второй отсылался в архив Консистории. После принятия 16 сентября 1918 года «Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве» метрические книги были отменены, их заменили на акты в местных органах ЗАГС. Однако в некоторых районах метрические книги велись еще в течение нескольких лет.

В коммунальное государственное учреждение «Государственный архив» Управления культуры, архивов и документации Восточно-Казахстанской области [2] на государственное хранение поступили метрические книги записей учреждений религиозных культов Томской и Омской Духовных Консисторий, функционировавших в Усть-Каменогорском, Змеиногорском и Семипалатинском уездах (ныне территория Восточно-Казахстанской области) из Восточно-Казахстанского областного бюро ЗАГС, Усть-Каменогорского городского бюро ЗАГС, Глубоковского, Зайсанского, Катон-Карагайского и Шемонаихинского районных бюро ЗАГСов в количестве 311 ед. хр. за 1864-1934 годы [3]. Все метрические книги отнесены к разряду особо ценных дел.

Воспроизводство населения г. Усть-Каменогорска в конце XIX века

В 1892 году в городе Усть-Каменогорске родилось 139 мальчиков и 124 девочки (таблица №1), из них 6 девочек – незаконнорожденные, в одной семье родилась двойня, еще в одной – тройня. В том числе: мещанского сословия – 88 мальчиков и 82 девочки (64,6% от общего числа родившихся); рядовых солдат – 19 и 16 (13,3%); офицерского состава – 9 и 4 (4,9%); крестьян – 10 и 7 (6,5%); казаков – 4 и 5 (3,4%); из числа чиновников – 2 и 4 (2,3%); купцов – 1 и 2 (1,2%); дворян – 1 и 1 (0,8%); священнослужителей – 2 и 1 (1,1%); неизвестно – 3 и 2 (1,9%) соответственно [4]. Ввиду того, что найти общую численность населения города Усть-Каменогорска периода конца XIX – начала XX веков не удалось, в статье даны не относительные, а абсолютные цифры [примечание автора].

Что касается браков, то в 1892 году их было зарегистрировано 36. Большая часть из них приходится на зимние и весенние месяцы, не связанные с полевыми работами. Так, в январе 1892 года было зарегистрировано 7 браков, в феврале того же года – 8 браков, в апреле – 5 браков, что составляет 55,6% от всех заключенных браков. Всего в 1892 году у 11 человек зарегистрирован повторный брак, необходимо также отметить, что межсословных браков зарегистрировано – 22, односословных – 14 (таблица №2) [5].

В 1892 году умерло 109 человек мужского пола и 110 – женского (таблица №3), в том числе: мещанского сословия – 74 мужского пола и 70 женского (65,8% от всех умерших); рядовых солдат – 16 и 14 (13,7%); офицер-

ского состава – 5 и 4 (4,1%); крестьян – 10 и 9 (8,7%); казаков – 3 женщины (1,4%); чиновников – 1 и 4 (2,2%); купцов – 1 женщина (0,5%); дворян – 1 женщина (0,5%); священнослужителей – 1 женщина (0,5%); не указанного сословия – 3 и 3 (2,6%) соответственно [6].

В метрической книге за 1892 год отмечен половозрастной состав умерших. Так, самая высокая смертность наблюдается у детей от 1 месяца до 1 года (45 мальчиков и 36 девочек, или 37% от общего числа умерших) и от 1 года до 5 лет (30 и 34, или 29,2% соответственно). В возрасте от 5 до 95 лет смертность составила в среднем от 1 до 6 человек [7].

Наиболее частой причиной смерти являлись такие заболевания, как понос (так указано в документах) – 41 человек мужского пола и 31 человек женского пола, оспа – 18 и 14, корь – 6 и 12, родимца – 9 и 10, старость – 7 и 11, горячка – 9 и 4, чахотка – 5 и 5 соответственно [8]. Хотелось бы также отметить, что в 1892 году люди умирали и от таких заболеваний, как золотуха, воспаление легких, слабость.

В 1893 году в городе Усть-Каменогорске родилось 165 мальчиков и 166 девочек (таблица 1), в том числе 4 незаконнорожденных мальчика и 2 незаконнорожденные девочки, в одной семье родилась двойня. Наиболее высокие показатели рождаемости по сословиям: у мещан – 109 мальчиков и 111 девочек (66,5% от общего числа родившихся), у рядовых солдат – 17 и 20 (11,2%), у крестьян – 13 и 14 (8,2%), у офицерского состава – 10 и 10 (6%), у чиновников – 8 и 1 (2,7%), у дворян – 2 и 2 (1,2%) соответственно [9]. Остальные 4,2% приходятся на родившихся детей у казаков, купцов и священнослужителей.

Количество браков в 1893 году значительно увеличилось в сравнении с 1892 годом (таблица 2). Так, в 1893 году зарегистрировано 55 браков (вторые браки у 6 человек), из них в январе зарегистрировано 34 пары (61,8% от всех зарегистрированных браков), в октябре – 12, или 2,2% (по шесть браков в месяц), межсословных браков – 25 (45,5%) и односословных – 30 (54,5%) [10].

В 1893 году в Усть-Каменогорске умерло 233 человека – 122 мужского пола (52,4% от общего числа умерших) и 111 (47,6%) женского пола (таблица 3). Из них: 67 мещан и 68 мещанок (57,9%), 17 крестьян и 7 крестьянок (10,3%), 14 рядовых солдат и 15 солдаток (12,5%), 4 казака и 3 казачки (3%), 12 офицеров и 8 жен и дочерей офицеров (8,6%), 14 чиновников (из которых 7 женщин) (6%), 1 купец и 1 купчиха (0,9%), 1 дворянка (0,4%) и 1 дочь священнослужителя (0,4%) соответственно [11]. Что касается половозрастного состава, то наибольшая смертность наблюдается в возрасте от 1 месяца до 1 года (40 мальчиков и 26 девочек, что составляет 28,3% от общего числа умерших), от 1 года до 5 лет умерло 27 мальчиков и 33 девочки (25,8%), от 1 дня до 1 месяца скончалось 12 мальчиков и 20 девочек (13,7%). Наименьшая

смертность наблюдается в возрасте от 34 до 40 лет (1 женщина) и от 85 до 90 лет (1 мужчина). В 1893 году в нашем городе от поноса умер 61 мужчина и 40 женщин, что составляет 43,3% всех смертей, от родимца скончалось 11 мальчиков и 13 девочек, что составляет 10,3% соответственно, от старости умерло 9 мужчин и 7 женщин (6,9%), от горячки – 7 и 5 (5,1%), от чахотки – 4 и 6 (4,3%), от скарлатины – 6 человек мужского пола и 5 человек женского пола (4,7%) [12].

В 1894 году родилось 186 мальчиков и 182 девочки (таблица 1), из них 5 семей родили двойню, также родилось 3 незаконнорожденных мальчика и 2 девочки – подкидыши. Наибольшее количество детей родилось у мещанского сословия – 123 мальчика и 127 девочек, или 67,9% от общего числа родившихся. На втором месте – дети из крестьянских семей – 19 мальчиков и 17 девочек (9,8%), на третьем месте находятся дети солдат – 16 мальчиков и 15 девочек (8,4%), затем дети офицеров – 11 и 5 (4,4%) и чиновников – 6 и 10 (4,4%) соответственно. В 1894 году родилось 5 детей дворянского происхождения (1,4%), из которых 3 мальчика; из числа казаков родилось 8 ребятшек (2,1%), из которых 4 мальчика; у купцов родилось 3 мальчика (0,8%), у священнослужителя 1 девочка (0,3%) и 2 ребенка (0,5%) родились у сословия, которое не указано в книге [13].

В метрическую книгу за 1894 год было занесено 63 записи о заключении браков, из них у 10 человек это повторный брак и у одного – третий (таблица 2). Наибольшее число браков было заключено в январе (25 браков – 39,7%) и октябре (12 браков – 19%). Из общего количества заключенных браков межсословных – 36, что составляет 57,1%, односословных – 27 (42,9%) [14].

В 1894 году в городе Усть-Каменогорске умерло 164 человека, из которых 84 человека мужского пола (51,2%) и 80 (48,8%) – женского (таблица 3). Наибольшее количество смертей приходится на мещанское сословие – 82, или 50% от общего количества умерших. Из них 43 человека – мужского пола и 39 – женского. Также в 1894 году скончался 21 человек из солдат, или 12,8% (14 – мужского пола и 7 – женского пола), умерло 6 крестьян и 9 крестьянок, или 9,1%, 5 казаков и 2 казачки, или 4,2%, 5 офицеров и 9 офицерских жен и дочерей, или 8,5%, из числа чиновников скончалось 7 мужчин и 5 женщин, или 7,3%, а также 1 купец и 2 купчихи, или 1,8%, 1 дочь священнослужителя, 3 женщины и 5 мужчин неизвестного сословия [15]. Что касается половозрастного состава, то, как и в предыдущие годы, наибольшее количество смертей приходится на возраст от 1 месяца до 1 года – 29 мальчиков и 15 девочек, или 26,8% от общего числа умерших. В возрасте от 1 дня до 1 месяца скончалось 19 мальчиков и 18 девочек, или 22,6%, а в возрасте от 1 года до 5 лет умерло 12 мальчиков и 11 девочек, или 14%. Интересен тот факт, что в 1894 году самый старый мужчина скончался в возрасте 105 лет, а

женщина – в возрасте 110 лет [16].

В 1894 году от поноса скончалось 19 человек мужского пола и 14 – женского, что составило 20,1% от общего количества смертей. От родимца умерли 21 мальчик и 10 девочек – 18,9%, от слабости умерли 4 мальчика и 13 девочек – 10,4%. Наиболее частые болезни, от которых умер 41 человек, – это горячка, скарлатина, чахотка, лихорадка [17].

В 1895 году в Усть-Каменогорске родилось 173 мальчика и 205 девочек (таблица 1), из них в 8 семьях родились двойни, подкидышей – 1 мальчик и 2 девочки, родились 2 незаконнорожденные девочки и 1 незаконнорожденный мальчик. Наибольшее количество родившихся детей – дети мещанского происхождения – 101 мальчик и 140 девочек, или 63,8% от общего числа родившихся детей, у солдат родилось 20 мальчиков и 18 девочек, или 10,1%, у крестьян – 17 мальчиков и 20 девочек, или 9,8%, 11 мальчиков и 10 девочек (5,6%) из чиновников, 8 мальчиков и 9 девочек (4,5%) офицерского происхождения, 8 казаков и 1 казачка (2,3%), 2 купца и 2 купчихи (1%), 2 дворянина и 1 дворянка (0,8%), у 5 священнослужителей родилось 3 мальчика и 2 девочки, или 1,3% от общего числа родившихся. Одна девочка и 2 мальчика родились из неуказанных сословий [18].

В 1895 году было зарегистрировано 60 браков, из них 9 человек сочтались браком второй раз, а три – третьим браком (таблица 2). В январе было зарегистрировано 25 браков, что составляет 41,7% от общего количества браков, в сентябре было зарегистрировано 9 браков, или 15%. Наименьшее количество браков зарегистрировано в мае и августе – по одному браку. В 1895 году было зарегистрировано 30, или 50%, межсословных браков и 30, или 50%, – односословных [19].

В 1895 году в нашей местности скончалось 219 человек, из них – 103 человека мужского пола, что составляет 47% от общего числа умерших, и 116 женского пола – 53% (таблица 3). Картина относительно распределения умерших по сословиям не отличается от предыдущих лет, т.е. наибольшее количество смертей приходится на мещанское сословие – 58 человек мужского пола и 56 человек женского, что в процентном отношении составляет 52,1% от общего числа умерших. В 1895 году умерло 16 крестьян и 36 крестьянок, или 23,7%, 14 мужского пола и 11 женского из солдатских семей (11,4%), 6 купцов и 2 купчихи (3,6%), по 4 человека мужского пола и по 4 человека женского пола из числа офицеров и чиновников, или по 3,7% от общего числа умерших. Также в 1895 году умер 1 казак и 1 казачка, 1 дворянка и 1 женщина из неуказанного сословия [20].

Основными заболеваниями, послужившими причиной смерти в 1895 году, были традиционно: понос – 35 человек мужского пола и 41 – женского, или 34,7% от общего числа умерших, оспа – 3 мужчин и 5 женщин (3,7%), слабость – 4 мальчика и 5 девочек (4,1%). От родимца умерло 11 мальчиков и

10 девочек (9,6%), от старости умерло 8 человек (3,7%), из которых 4 – мужчины, от кори умерло 8 человек женского пола и столько же мужского (7,3%), от золотухи скончалось 6 человек мужского пола и 1 – женского (3,2%), от чахотки умерло 11 человек (5%), из которых 5 – мужского пола, коклюш унес 3 жизни мужского пола и 7 – женского, или 4,6% от общего числа умерших [21].

Таким образом, в конце XIX века Усть-Каменогорск представлял собой небольшой промышленный городок, в котором наиболее многочисленным сословием являлось мещанское сословие (что подтверждается и количеством родившихся детей из мещан – 881 ребенок, или 65,7% от общего числа родившихся детей). За период 1892-1895 гг. наблюдается увеличение рождаемости, если в 1892 году родилось 263 ребенка, то в 1893 году их стало уже 331, в 1894 году – 368, а в 1895 году – 378. Важно отметить, что число родившихся девочек (677, или 50,5%) не намного, но превышает количество родившихся мальчиков (663, или 49,5%). Рождаемость превышает смертность на 37,7%, или на 505 человек. За период 1892-1895 годов в Усть-Каменогорске скончалось 835 человек, в 1892 году – 219 человек, в 1893 году – 233, в 1894 – 164 и в 1895 году – 219 человек. Наибольшее количество смертей приходится опять-таки на мещанское сословие – 475 человек, или 56,9% от общего числа умерших. Если сделать сравнительный анализ по полу, то за интересующий нас период умерло 418 человек мужского пола, или 50,1%, и 417 – женского, или 49,9%, т.е. количество умерших людей мужского пола не намного, но выше, чем количество умерших женского пола. При изучении вопроса о причинах смерти можно констатировать, что в основном люди в Усть-Каменогорске умирали от инфекционных заболеваний, таких как понос, оспа, простуда, горячка, корь, воспаление легких, чахотка, скарлатина. Всего за 1892-1895 годы от этих болезней скончалось 515 человек, или 61,7% от общего числа умерших. Важно отметить, что доля детской смертности была очень высока – 459 детей [22].

Если рассматривать вопрос о браках, то ежегодное увеличение браков с 36 в 1892 году до 60 в 1895 году также позволяет сделать выводы об увеличении населения детородного возраста в нашем регионе.

Воспроизводство населения г. Усть-Каменогорска в начале XX века

Начало XX века ознаменовалось в истории Российской империи такими важными событиями, как Русско-японская война (1904-1905 гг.), Русская революция 1905 года, «Столыпинская аграрная реформа» (1906-1913 гг.), что не могло не отразиться на положении населения, проживавшего на окраинах Российской империи, в частности в Казахстане. Особенно интересен такой важный для Казахстана момент, как сельскохозяйственная реформа Председателя Совета министров, министра внутренних дел П. А. Столыпина, целью

которой было усиление переселенческого движения крестьян на окраины, в том числе и в Казахстан. Так с 1906 по 1915 год в переселенческие районы Степного края прибыло 580587 человек (учтены лишь души мужского пола) [23].

Процесс воспроизводства населения в городе Усть-Каменогорске в начале XX века имел свои особенности. Так, в 1905 году в городе Усть-Каменогорске родилось 255 мальчиков, или 51,6% от общего числа родившихся, и 239 девочек, или 48,4% (таблица 1), из них 5 семей имели двойню. В 1905 году родилось 10 внебрачных детей, из которых 7 мальчиков и 3 девочки. Также в 1905 году присоединилось 7 мальчиков и 5 девочек из раскола Федосеевской секты. Что касается количества родившихся детей по сословному признаку, то наибольшее количество детей принадлежит мещанскому сословию – 189 мальчиков и 180 девочек, или 74,7% от общего числа родившихся детей. В 1905 году родился 91 крестьянский ребенок, или 18,4%, в том числе – 46 мальчиков; 15 детей у чиновников, или 3%, 8 из которых мужского пола. У остальных сословий в среднем родилось от 1 до 3 детей [24].

В метрическую книгу 1905 года внесено 79 зарегистрированных браков, в том числе 30 человек сочетались вторым браком и 3 – третьим браком (таблица 2). Наибольшее количество зарегистрированных браков приходится на январь, февраль и октябрь – 21 (26,6%), 23 (29,1%) и 16 (20,3%) браков соответственно. Количество межсословных браков составило 34, или 43%, и односословных браков – 45, или 57% от общего числа брачующихся [25].

В 1905 году в Усть-Каменогорске скончалось 422 человека, 204 человека мужского пола и 218 – женского, или 48,3% и 51,7% соответственно. По сословному признаку наибольшее количество умерших – это мещане, всего 328 человек, или 77,7% от общего числа умерших, далее идут крестьяне – 64 человека – 15,1%. Количество умерших остальных сословий колеблется от 1 до 5 человек (таблица 3) [26]. Если говорить о смертности по половозрастному признаку, то самая высокая смертность наблюдается в младенческом и детском возрасте. Так, с момента рождения до 1 года скончалось 57 мальчиков и 68 девочек, в возрасте от 1 до 5 лет умерло 63 мальчика и 72 девочки, самая низкая смертность наблюдается у мужчин в возрасте от 30 до 40 лет, у женщин 30-45 лет [27].

Основными заболеваниями, явившимися причиной смерти в 1905 году, были такие заболевания, как понос, который унес жизни 68 человек, или 16,1% от общего числа умерших, оспа – 83 умерших, или 19,7%, родимца – 63 ребенка, или 14,9%, слабость – 21 человек, или 5%, простуда – 26 умерших, или 6,2%, скарлатина – 40 человек, или 9,5%. В метрических книгах указывались причины смерти не только от болезней, но и от несчастных случаев. Так, в 1905 году 1 мужчина разбился на телеге, 1 женщина умерла от укуса змеи, еще один мужчина умер от ушиба [28].

В период Столыпинской реформы количество переселенцев на окраины Российской империи заметно увеличилось, это повлекло за собой и рост рождаемости в городе Усть-Каменогорске. Так, в 1906 году родилось 668 детей, из них – 351 мальчик. Это на 174 ребенка больше, чем в 1905 году. В 1906 году родилось 20 близнецов и 11 внебрачных детей (9 мальчиков и 2 девочки). У представителей мещанского сословия родилось 269 мальчиков и 232 девочки, или 75% от общего числа родившихся, у крестьян – 70 мальчиков и 69 девочек – 20,8%, у чиновников родилось 14 детей, из которых 7 мальчиков, у остальных сословий родилось от 1 до 2 детей (таблица 1) [29].

В 1906 году в Усть-Каменогорске венчалось 126 пар, что на 47 пар больше, чем в 1905 году (таблица 2). Количество браков внутри сословий в 1906 году составило 85 пар, или 67,5% от всех заключенных браков, тогда как межсословных браков было зарегистрировано 41, или 32,5%. Наибольшее количество браков было зарегистрировано в январе и октябре – 59 и 20, или 46,8% и 15,9% [30].

В метрической книге за 1906 год внесены записи о 325 случаях смерти в нашем городе, среди них – 168 мужского пола и 157 – женского. В отношении сословного признака наибольшее количество смертей все так же приходится на мещанское сословие – 119 человек мужского пола и 120 – женского пола, или 73,5% от общего количества умерших, на втором месте все так же крестьяне – мужского пола – 36 человек и 28 – женского, или 19,7%. На третьем месте – чиновники, их соответственно умерло 7 и 8 человек, или 4,6%, у остальных сословий – по 1 человеку (таблица 3) [31]. Что касается половозрастного состава умерших, то все так же самая высокая смертность у младенцев – 210 детей, из них 94 – девочки. Самые старые мужчина и женщина умерли в возрасте от 100 до 112 лет [32].

В 1906 году жители города Усть-Каменогорска умирали в основном от инфекционных заболеваний, таких как понос – 28 человек мужского пола и 25 – женского, или 16,3% от общего числа умерших, оспа – 9 человек мужского пола и 8 – женского, или 5,2%, простуда – 13 мужчин и 14 женщин (8,3%). От старости умерло 14 мужчин и 13 женщин (8,3%), от родимца умер 51 мальчик и 36 девочек, или 26,8% от общего числа умерших [33].

В момент расцвета Столыпинской аграрной реформы (1911 год) в Усть-Каменогорске родилось 765 детей: из них – 14 близнецов, 2 мальчика-подкидыша и 12 внебрачных детей, 7 из которых – девочки. Всего же родилось 378 мальчиков (49,4%) и 387 девочек (50,6%). Необходимо отметить, что это самый высокий показатель рождаемости за весь рассматриваемый период времени. Наибольшее количество детей родилось у мещан – 261 мальчик и 275 девочек, или 70,1% от общего числа родившихся детей, и у крестьян – 97 мальчиков и 95 девочек, или 25,1% соответственно. У остальных сословий количество родившихся детей колеблется от 1 до 7 (таблица

1) [34].

В метрическую книгу за 1911 год было внесено 117 записей о регистрации брака, у 19 человек был зарегистрирован повторный брак. Было заключено 43 межсословных брака и 74 односословных. Наибольшее количество браков приходится как обычно на зимние и осенние месяцы. Так, в январе 1911 года в брак вступило 42 пары, или 35,9% из числа всех зарегистрированных браков, в феврале того же года – 23 пары, или 19,6%, в октябре зарегистрировано 15 браков, или 12,8% [35].

В 1911 году в Усть-Каменогорске зарегистрировано 468 смертей, из них 257 мужчин и 211 женщин, что в процентном отношении составляет 54,9% и 45,1% соответственно. Мещанское сословие уменьшилось на 336 человек (71,8%), из которых 180 – это представители мужского населения и 156 – женского. Из числа крестьян скончалось 63 человека мужского пола и 42 – женского, или 22,4% от общего числа умерших. В 1911 году умерло 7 казаков и 3 казачки, или 2,1%, 11 чиновников, или 2,3%. Остальные 1,4% смертей приходится на долю оставшихся сословий (таблица 3). В 1911 году самая высокая смертность наблюдается у детей от рождения до 1 года – 107 мальчиков и 94 девочки, в возрасте 1-5 лет скончалось 73 мальчика и 55 девочек. В возрасте от 5 до 100 лет в среднем умирало от 1 до 8 людей [36]. Причины смерти схожи с причинами 1906 года, большинство людей умерло от инфекционных заболеваний: понос – 90 мужчин и 68 женщин (33,8%), чахотка – 12 человек мужского пола и 8 – женского (4,2%), простуда – 26 и 24 (10,7%), скарлатина – 20 и 23 (9,2%) соответственно, от старости умерло 19 мужчин и 8 женщин, или 5,8%, от родимца скончалось 28 мальчиков и 19 девочек, или 10% от общего числа умерших [37].

Реформы, проводимые правительством Российской империи в области сельского хозяйства, в начале XX века привели к притоку населения в Казахстан. В частности в городе Усть-Каменогорске при сравнительном анализе метрических книг Покровского собора Омской духовной Консistorии естественный прирост населения изменялся следующим образом: 1905 год – 72 человека, 1906 год – 343 человека, 1911 год – 297 человек. Увеличилось количество зарегистрированных браков, что также позволяет сделать вывод об увеличении численности населения города. Изучение вопроса воспроизводства населения по сословному признаку позволяет констатировать тот факт, что в Усть-Каменогорске увеличилась численность крестьянского населения, если в конце XIX века в городе рождалось в среднем от 20 до 40 крестьян, то в 1905-1911 годах число родившихся крестьян увеличилось почти вдвое и составляло от 100 до 200 человек в год. Необходимо отметить, что показатель смертности в городе Усть-Каменогорске в начале XX века почти в два раза был ниже показателя рождаемости.

Первая четверть XX века сопровождалась яркими революционными и

военными событиями: Февральская буржуазная революция 1917 года, Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года, гражданская война 1918-1920 годов. Все эти события отразились на воспроизводстве населения советской республики. Коснулись они и нашей местности. Так, в 1918 году в Усть-Каменогорске родилось 567 детей, что на 198 человек меньше, чем в 1911 году. Из них 291 – это мальчики, или 51,3%, и 276 – девочки, или 48,7% от общего числа родившихся, 12 семей родили двойню, было подкинуто 3 детей – 2 мальчика и 1 девочка. Картина по распределению родившихся детей по сословному признаку остается стабильной на протяжении всего рассматриваемого периода, большинство родившихся детей – это мещане. Всего в 1918 году родилось 342 мещанина, или 60,3% от общего числа родившихся, из них – 174 мальчика. В этом же году родилось 85 крестьян и 89 крестьянок, или 30,7%, а также 16 казаков и 11 казачек, или 2,1% соответственно. У представителей других сословий родилось от 1 до 7 детей (таблица 1) [38].

В 1918 году в метрическую книгу было занесено 153 записи о регистрации брака, 36 человек вступили в брак во второй раз и один человек – в третий. Был зарегистрирован 71 межсословный брак и 82 – односословных [39].

В 1918 году в нашем городе умерло 343 человека, из них – 171 мужчина и 172 женщины, что в процентном соотношении равно 49,9% и 50,1% соответственно. Наибольшее количество смертей приходится на представителей мещанского сословия – 93 мещанина и 97 мещанок, или 55,4% от общего числа умерших, на втором месте – крестьяне (53 мужчины и 48 женщин, или 29,4%), далее идут казаки – 24 человека, 14 – мужчины. Представители других сословий умирали в относительно малом количестве – от 1 до 8 (таблица 3) [40].

Основными причинами смертности в городе Усть-Каменогорске в 1918 году все также оставались инфекционные заболевания, больше всего людей умерло от поноса – 36 мужского пола и 32 женского, или 19,8% от общего числа умерших, от оспы скончалось 5 мужчин и 11 женщин (4,7%), от старости умерло 13 мужчин и 22 женщины, или 10,2%, от родимца скончалось 14 мальчиков и 6 девочек, или 5,8%, от простуды умерло 23 человека, 10 из которых – мужчины. В 1918 году в городе обострилось такое заболевание, как тиф, от него скончалось 12 человек, 7 из них – женщины. В Усть-Каменогорске люди умирали также и от несчастных случаев, к примеру: 2 мужчин и 2 женщины утонули, было убито 11 мужчин (двое из них были убиты за революционные настроения) и 1 женщина, трое мужчин умерло от ран [41]. Относительно половозрастного состава умерших: в 1918 году от младенческой смертности скончалось 124 ребенка, из которых 55 – это девочки, 29 мальчиков и 31 девочка умерли в возрасте 1-5 лет. Самая низкая смертность наблюдается у мужчин в возрасте от 75 до 80 лет, а у женщин – в

возрасте 45-50 лет, самый старый мужчина скончался в возрасте 95-100 лет [42].

Таким образом, сравнительный анализ метрических книг Покровского собора Омской духовной Консистории города Усть-Каменогорска за 1892-1895, 1905-1906, 1911, 1918 годы показал, что Усть-Каменогорск – это сравнительно небольшой городок, где большую часть составляли горожане, занимавшиеся промышленностью и торговлей (об этом нам говорят названия сословий, указанные в метрических книгах). Вторыми по численности были крестьяне, которые занимались сельским хозяйством. Наш город был также военно-административным центром, об этом говорит наличие здесь гражданских служащих, казаков, офицеров и рядовых солдат.

Относительно вопроса воспроизводства населения можно сделать следующие выводы. В рассматриваемый период в городе Усть-Каменогорске наблюдается увеличение показателя рождаемости – с 263 человек в 1892 году до 567 в 1918 году, т.е. почти в два раза. Показатель смертности также увеличивается с 219 человек в 1892 году до 343 человек в 1918 году, но увеличение совсем незначительное в сравнении с рождаемостью. Таким образом, естественный прирост населения увеличился с 44 человек в 1892 году до 224 человек в 1918 году. Очевидно, что наш город на протяжении более 20 лет укреплялся и расширялся, численность населения с каждым годом росла.

Говоря о метрических книгах в целом, можно сказать, что это довольно достоверный исторический источник, позволяющий рассматривать процессы воспроизводства населения в период с XVII – по начало XX века. В метрические книги вносились сведения не только о православном населении. В дореволюционной России, наряду с православными метрическими книгами, велись также метрические книги лютеранской, католической, мусульманской, иудейской церквей, а также баптистские, старообрядческие и сектантские метрические книги. Все это, таким образом, позволяет рассматривать метрические книги как ценный исторический источник.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Восприемник – тот, кто принимает ребенка на руки из купели при христианском обряде крещения, крестный отец.
2. Далее – КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО.
3. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 5-33.
4. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 1, лл. 1-58.
5. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 1, лл. 59-71.
6. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 1, лл. 72-106.
7. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 1, л. 107.

8. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 1, лл. 72-106.
9. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 2, лл. 1-69.
10. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 2, лл. 70-88.
11. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 2, лл. 89-132.
12. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 2, лл. 89-132.
13. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 3, лл. 2-72.
14. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 3, лл. 73-93.
15. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 3, лл. 94-120.
16. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 3, лл. 120.
17. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 3, лл. 94-120.
18. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 4, лл. 2-96 об.
19. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 4, лл. 70-87.
20. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 4, лл. 88-123.
21. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 4, лл. 88-123.
22. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 1, л. 107, д. 2, л. 132, д. 3, л. 120, д. 4, лл. 88-123.
23. Истрия Казахстана – Столыпинская аграрная реформа в России и её цели.
24. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 13, лл. 2-128.
25. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 13, лл. 130-158.
26. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 13, лл. 160-239.
27. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 13, лл. 160-239.
28. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 13, лл. 160-239.
29. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 14, лл. 2-159, 204-208.
30. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 14, лл. 160-203.
31. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 14, лл. 209-271.
32. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 14, лл. 274.
33. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 14, лл. 209-271.
34. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 24, лл. 1-146.
35. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 25, лл. 2-31.
36. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 25, лл. 108.
37. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 25, лл. 32-106.
38. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 36, лл. 1-123.
39. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 37, лл. 1-54.
40. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 37, лл. 56-117.
41. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 37, лл. 56-117.
42. КГУ «Государственный архив» УКА и Д ВКО, ф. 752, оп. 7, д. 37, лл. 56-117.

**Количество браков, зарегистрированных
в 1892-1895, 1905-1906, 1911, 1918 гг.**

Таблица 2

Год	Всего браков	Количество межсословных браков	Количество односословных браков
1892	36	22	14
1893	55	25	30
1894	63	36	27
1895	60	30	30
1905	79	34	45
1906	126	41	85
1911	117	43	74
1918	153	71	82

Таблица 1

**Количество детей, родившихся в 1892-1895, 1905-1906, 1911, 1918 гг.
по половому и сословному признаку**

Год	Все- го муж.	Все- го жен.	Казачи		Крестья- не		Мещане		Рядовые		Офицеры		Купцы		Чинов- ники		Дворяне		Священ- но-слу- жители		Не ука- зано	
			м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
1892	139	124	4	5	10	7	88	82	19	16	9	4	1	2	4	1	1	1	2	1	3	2
1893	165	166	4	3	13	14	109	111	17	20	10	10		3	8	1	2	2	2			2
1894	186	182	4	4	19	17	123	127	16	15	11	5	3		6	10	3	2		1	1	1
1895	173	205	8	1	17	20	101	140	20	18	8	9	2	2	11	10	2	1	3	2	1	2
1905	255	239	2	2	46	45	189	180	4	2		1	3	2	8	7					3	
1906	351	317	2	1	70	69	269	232		1	1		1	2	7	7	1	1				2
1911	378	387	6	4	97	95	261	275	2	1	1				7	4	1	5	1			2
1918	291	276	16	11	85	89	174	168	2	1	1	1	1	1	7	3	2	2	1			2

Год	Всего го муж.	Всего го жен.	Казачи		Крестьяне		Мещане		Ярловые		Офицеры		Купцы		Чиновники		Дворяне		Священно-служители		Не ука-зано		
			м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	
1892	109	110		3	10	9	74	70	16	14	5	4		1	1	1	4		1		1	3	3
1893	122	111	4	3	17	7	67	68	14	15	12	8	1	1	1	7	7		1		1		
1894	84	80	5	2	6	9	43	39	14	7	5	9	1	2	2	7	5				2	3	5
1895	103	116	1	1	16	36	58	56	14	11	4	4	6	2	4	4	4		1				1
1905	204	218	3	2	32	39	159	169	2	2	2	1	1		3	5			1			1	
1906	168	157	1		36	28	119	120	2		1				7	8	1	1			1		1
1911	257	211	7	7	63	42	180	156	2			1			4	7	7	1	1		1		
1918	171	172	14	10	53	48	93	97	2		1	3			3	8	3	3	3		2	2	1

**Количество людей, умерших в 1892-1895, 1905-1906, 1911, 1918 гг.
по половому и социальному признаку**

Таблица 3

Таблица 4

Причины смертности в 18161, 1161, 9061-9061, 5681-682 по половому признаку

Виды заболеваний, послуживших причиной смерти	Мужской пол												Женский пол											
	1892	1893	1894	1895	1900	1905	1906	1911	1918	1892	1893	1894	1895	1900	1905	1906	1911	1918						
Почнос	14	19	61	35	28	28	06	93	13	40	41	14	43	25	43	8	89	32						
Оспа	18	3		3	6	40	2	5	41	5	5	5	5	5	43	5	2	11						
Старость	7	6	3	4	41	4	61	13	11	7	7	4	16	13	61	13	8	22						
Горячка	6	7	5	5	4	5	2		4	5	5	4	8	8	8	8	3	1						
Корь	9	2		8	2	2		1	21			8	10	1	10	1		3						
Золотуха	3	2		9	1	1	3					9	9	2	1	2								
Водянка		2			3	3	1		3	1	1	3	3	4	1	1	3	3						
Воспаление легких	2		1		4	4	4	8	1	2	2	4	1	1	1	1	2	12						
Чихотка	5	4	7	5	21	4	21	9	5	4	9	21	5	8	8	4	8	9						
Родимца	6	11	21	11	15	34	28	41	10	15	10	13	10	29	36	19	61	9						
Коклюш			1	3	4	4	1	5	1	4				2		10	4	4						
Рак					1	1	3	1	1	1				2	1			4						
Простуда		3	3	1	16	13	26	10	2	13	1	1	2	10	14	24	24	13						
Болезни ЖКТ		2					3	2					1					1						
Недоношенные	1		3	3			5						3		4	1	1							
От родов													3	2	2	5	3	3						

ВЛИЯНИЕ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ НА РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Публикация подготовлена при поддержке программы 15-4-7-2 «Прогнозная оценка приоритетных направлений модернизации Уральского старопромышленного региона для расширения импортозамещения».

Многими экспертами отмечается, что Свердловская область является весьма привлекательным регионом в Российской Федерации. При этом область является привлекательной не только для внутренней миграции, но и для иностранных мигрантов. Эксперты строят свои выводы об успешности региона на основании следующих критериев: высокий уровень сформировавшихся доходов (ВРП), заработная плата, наличие развитого промышленного комплекса в регионе и ряд других факторов.

Проверим этот тезис на реальных данных. Сравнительный анализ накопленных темпов валового регионального продукта (ВРП) на душу населения и заработной платы к уровню 1998 г. показал, что два последних показателя росли опережающими темпами по сравнению с ВРП в Свердловской области (рис. 1). Это объясняется устойчивым экономическим ростом в регионе и, как следствие этого, ростом доходов населения. Следовательно, область действительно является достаточно привлекательным регионом в РФ.

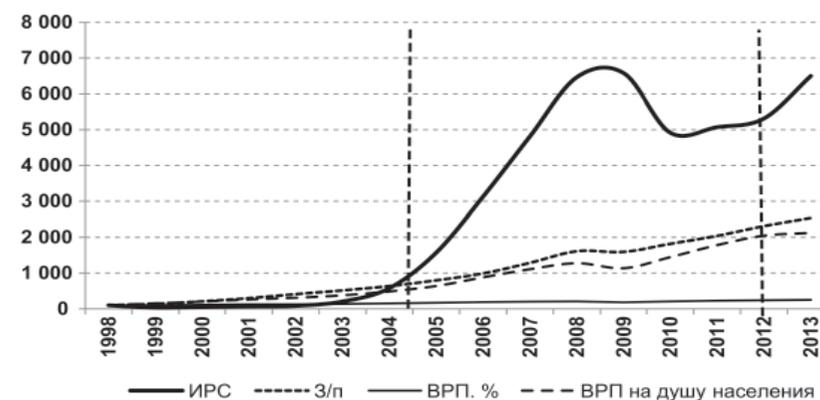

Рисунок 1. Основные показатели по Свердловской области и рост ИРС, в % к 1998 г.

Источник: Росстат [1].

Как можно увидеть из динамики показателей на рисунке 1, с 2004 г. в Свердловской области произошло значительное превышение темпов роста

Скарлатина		6	8		22	7	20	1			5	5		18	12	23	1
Тиф				1		1	5	5			1				2	3	7
Сердечные заболевания				1	1		2	2						1	5	2	6
Угонял			1					2									2
Замерз				1													
От ушибов					1		2										1
Убит						1	1	11									1
От ран								3									
Разбился					1												
От укуса змеи							1										
Другие	4	5	10	6	4	24	22	45	9	6	14	5	17	11	26	28	
Неизвестно	4	5	2	7	3	4	5	2	6	2	3	8	2	3	2	5	

иностранный рабочей силы (ИРС) над уровнем доходов, формирующихся в регионе. Это свидетельствует об избыточном притоке трудовых ресурсов и отсутствии положительного эффекта для региона. При этом если накопленные темпы заработной платы к уровню 1998 г. в 2013 г. выросли в 25 раз, темпы роста ИРС выросли в 65 раз, на фоне увеличения ВРП в 2,5 раза.

Такой значительный разрыв между накопленными темпами роста экономического развития в регионе и притоком ИРС свидетельствует о том, что в Свердловской области сформировалась малоэффективная экономическая модель на основе экстенсивных факторов развития, темпы которого обеспечивались в основном за счет большого притока дешевой и неквалифицированной рабочей силы на фоне низкой производительности труда.

Вместе с тем закономерно встает вопрос: насколько необходимо привлечение внешнего человеческого капитала для устойчивого роста экономики региона и так ли нужна иностранная рабочая сила в Свердловской области? Особенно этот вопрос закономерен для реального сектора экономики. Известно, что локомотивом любой экономики является успешное развитие реального сектора, где производятся товары.

Поставленный вопрос обозначил необходимость анализа прироста внешней иностранной силы и темпов развития различных отраслей реального сектора экономики. При этом важно понять, может ли область развиваться за счет собственных ресурсов. Для этого мы проанализировали структуру численности занятых местных и иностранных кадров в обрабатывающей промышленности, строительстве и сельском хозяйстве.

Как видно из рисунка 2, наибольшее замещение трудовыми мигрантами за счет оттока коренных кадров происходило в сельском хозяйстве и в обрабатывающей отрасли. В строительстве замещение произошло раньше анализируемого периода, а потому в настоящее время в отрасли наблюдается низкая доля коренного населения со значительным преобладанием ИРС.

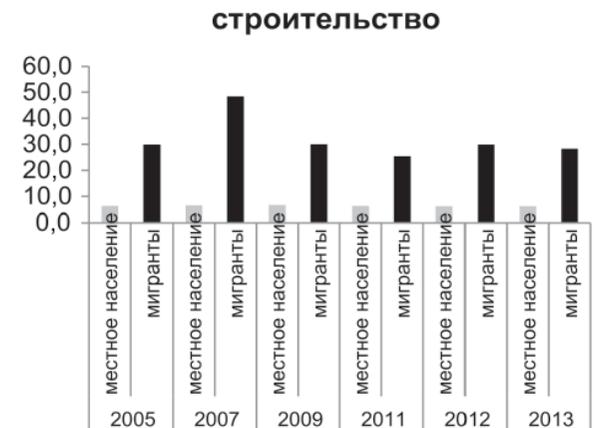
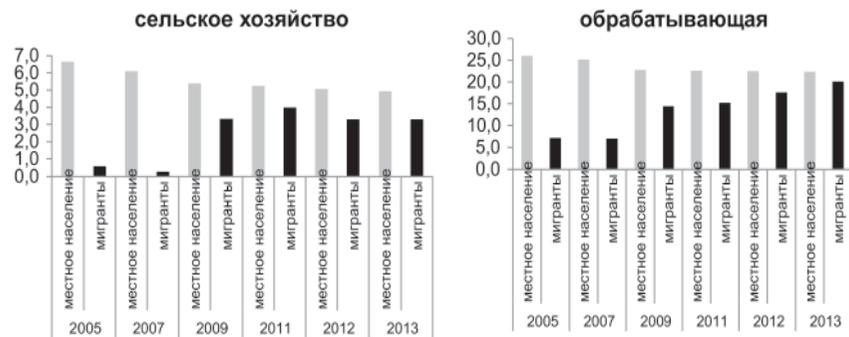

Рисунок 2. Структура занятости местного населения и мигрантов по отраслям экономики Свердловской области за 2005-2013 гг., %

Источник: Росстат [2].

Отток коренного населения из этих отраслей объясняется как сжатием самих отраслей, которые являлись инертным продолжением перестроечных реформ, так и малой привлекательностью по заработной плате. В сегментах, где уровень заработной платы значительно отличается от уровня оплаты в анализируемых отраслях или нормативно регулируется правовыми отношениями и запретами принимать на работу ИРС (к примеру, госслужба в МВД, Министерствах и ведомствах или в оборонно-промышленном комплексе страны), или требуется необходимая квалификация (здравоохранение, сфера образования и др.), уровень ИРС был незначительным или сводился к нулю. При этом предпочтения местного населения концентрировались, прежде всего, в финансовой сфере.

Для понимания того, какие отрасли испытывают нехватку человеческих ресурсов, мы проанализировали накопленные темпы роста отраслей и численность занятого в них местного населения и ИРС. Анализ динамики роста сельскохозяйственной отрасли показал, что за девять лет данный сегмент экономики вырос почти в 1,2 раза, тогда как численность занятого местного населения сократилась почти на 30% (рис. 3). Следовательно, только за анализируемый период разрыв между трудовыми ресурсами и сельским хозяйством составил свыше 40 п.п. Вместе с тем приток трудовых мигрантов значительно превышал необходимую потребность в кадрах данной отрасли и за девять лет вырос почти в 20 раз.

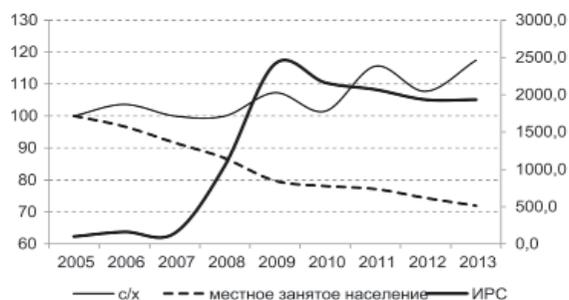

Рисунок 3. Динамика роста сельского хозяйства, численности занятого местного населения и ИРС в Свердловской области за 2005-2013 гг., в % к 2005 г.

Примечание: показатель ИРС по правой шкале.
Источник: Росстат.

Существенную долю мигрантов, работающих в сельском хозяйстве, составляют граждане Китая, которые занимаются выращиванием сельскохозяйственной продукции [3]. Однако большая часть мигрантов – преимущественно выходцев из стран СНГ – задействована в переборе сельхозпродукции и приведении ее к «товарному виду». Следовательно, развитие данной отрасли базируется в основном на использовании большого количества ручного труда. Таким образом, при сохранении текущей ситуации в последующем приток мигрантов так и будет расти, а эффективности отрасли падать.

Такая же ситуация характерна и для обрабатывающей отрасли. В этом сегменте экономики сложились почти такие же пропорции между динамикой производства и численностью занятого коренного населения и его замещением ИРС, что и в сельском хозяйстве. Единственное отличие – приток мигрантов увеличился меньшими темпами и превысил уровень 2005 г. почти в 10 раз (рис. 4).

Рисунок 4. Динамика роста обрабатывающего производства, численности занятого местного населения и ИРС в Свердловской области за 2005-2013 гг., в % к 2005 г.

Примечание: показатель ИРС по правой шкале.

Источник: Росстат.

Такой приток ИРС в обрабатывающую отрасль также свидетельствует об отсталости технологий в данной отрасли и использовании ручного труда, вследствие чего отрасль можно охарактеризовать как малоэффективную производственную деятельность.

Ситуация в строительстве Свердловской области после кризиса 2009-2011 гг. выглядит более-менее оптимально. Если отбросить качество построенных зданий и сооружений за 9 лет, существующий разрыв в трудовых ресурсах, который сформировался в отрасли, покрывался за счет использования ИРС, а его превышение не столь велико, как в сельском хозяйстве или в обрабатывающей сфере (рис. 5).

Сложившийся разрыв между динамикой роста ИРС и строительством также свидетельствует о недостаточном использовании передовых технологий, а потому имеющийся запрос в экономике региона удовлетворяется за счет задействования экстенсивных факторов роста.

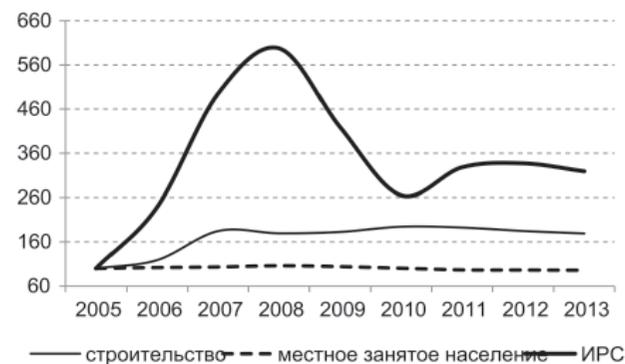

Рисунок 5. Динамика роста строительства, численности занятого местного населения и ИРС в Свердловской области за 2005-2013 гг., в % к 2005 г.

Источник: Росстат.

Подводя итоги исследования, отметим, в настоящее время в регионе сформировалась экстенсивная модель экономического развития, которая требует привлечения большого количества мигрантов. Привлечение ИРС объясняется типом развития российской экономики. Это характерно как для развития России в целом, так и для ее регионов. Вследствие того, что в экономику региона приток новых технологий очень мал или отсутствует, в отраслях широко используется ручной труд, особенно это характерно для сельскохозяйственной отрасли.

В сложившихся условиях в регионе присутствует избыточная масса низкоквалифицированных кадров, которая не только не улучшает показатель экономического роста, но и мало влияет на него. Наряду с этим избыточная ИРС создает условия нагрузки на социальную сферу в регионе, способствует нарастанию межэтнических конфликтов.

Как показало исследование, в условиях сложившихся тенденций для поддержания уровня докризисных экономических темпов роста безопасное количество мигрантов не должно превышать 2% от коренного населения региона.

Следовательно, в ситуации, когда не будут меняться качественные механизмы экономического развития региона, необходимо не только нормативно-правовое регулирование на рынке труда мигрантов, но и грамотная разработка механизмов оценки и мер разумной политики привлечения ИРС в разрезе отраслей, исходя из необходимых запросов экономики региона.

При этом в случае смены экономического курса и реального перехода страны на модернизационный путь развития, который предусматривает широкое привлечение инновационных технологий, прежде всего в сферу производства товаров и услуг, необходимость в привлечении такого количества ИРС в регионе может значительно сократиться или вообще будет сведена к минимуму.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. – М., – 2014. – 990 с.
2. Труд и занятость. 2013: стат. сб. – М., 2013. – 661 с.
3. УФМС России по Свердловской области. Аналитические отчеты по миграционной ситуации за период 2007-2013 гг.

Борисенко М.А.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект №15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин)».

Исследование пространственно-временных аспектов размещения населения на территории (расселения) является одним из наиболее важных

направлений социально-экономической географии. Расселение населения оказывает значительное влияние на формирование хозяйства территории, её транспортную структуру и бытование населения. География расселения как отрасль социально-экономической географии направлена на изучение не только структуры систем расселения, но и ряда процессов, характерных для их функционирования и развития [11]. Согласно понятийно-терминологическому словарю социально-экономической географии [1] данное научное направление трактуется как сложный социально-экономический процесс, отражающий многочисленные стороны жизни общества. Данное понятие включает в себя размещение населения, функциональные территориальные взаимосвязи населенных мест и миграции населения (переселения, сезонные и маятниковые миграции). Расселение населения изучают социология, демография, география населения, этнография, градостроительство и другие науки [3].

Одним из важных проявлений развития расселения является пространственная трансформация систем. Алтайский край не является исключением, в котором в связи с распадом СССР трансформация сельской местности (50% от численности населения) значительно изменила свой вектор развития. Также за последние четверть века происходили и внутренние административно-территориальные изменения в изучаемом регионе. Из Алтайского края была выделена Республика Алтай (в прошлом Горно-Алтайская автономная область), осуществлялось объединение сельских поселений и населенных пунктов, изменение их статуса.

В данной работе представлены некоторые результаты и выводы исследования динамики системы расселения населения в Алтайском крае. Основными источниками для исследования стали демографические сборники статистической службы государственной статистики по Алтайскому краю – «Сельские населенные пункты Алтайского края. Переписи населения 1989, 2002 и 2010 годов», «Миграция населения Алтайского края. 2011, 2012 и 2013 года» и «Возрастно-половой состав населенных пунктов Алтайского края. Перепись населения 2010 года». К сожалению, получение демографической информации по населенным пунктам, кроме городов, сопряжено с рядом трудностей, поэтому набор рассматриваемых показателей на разных уровнях будет различный. Внутри района демографическая ситуация детализируется, т.к. имеются поселения разного ранга (например, районный центр, деревня, разъезд и т.д.). Следует отметить, что демографическая информация по селам не публикуется службой государственной статистики в полном объеме. Зачастую статистика по демографии представлена в разрезе муниципальных районов, реже – поселений. Отсутствие комплексных данных по каждому населенному пункту ведет к получению неполных результатов и выводов.

Одной из важных тенденций динамики системы расселения населения указанного региона является сокращение числа населенных пунктов (рис. 1). Понимание данного процесса не является однозначным. Первоначально его толкование было связано только с сокращением числа населенных пунктов. Позднее в географических исследованиях понятие запустения стало толковаться более широко. В частности, к нему стали относить и процесс выведения из хозяйственного оборота сельскохозяйственных угодий [11]. В современном понимании в этот процесс может включаться не только окончательная ликвидация населенного пункта, но и промежуточные этапы регрессии (сокращение инфраструктуры и населения, перепрофилирование и дальнейшее закрытие производства и многие другие факторы). Исчезновение населенных пунктов является общемировой тенденцией. Одной из главных движущих сил исчезновения пункта является массовый переезд населения на другую территорию (например, в город или главное село).

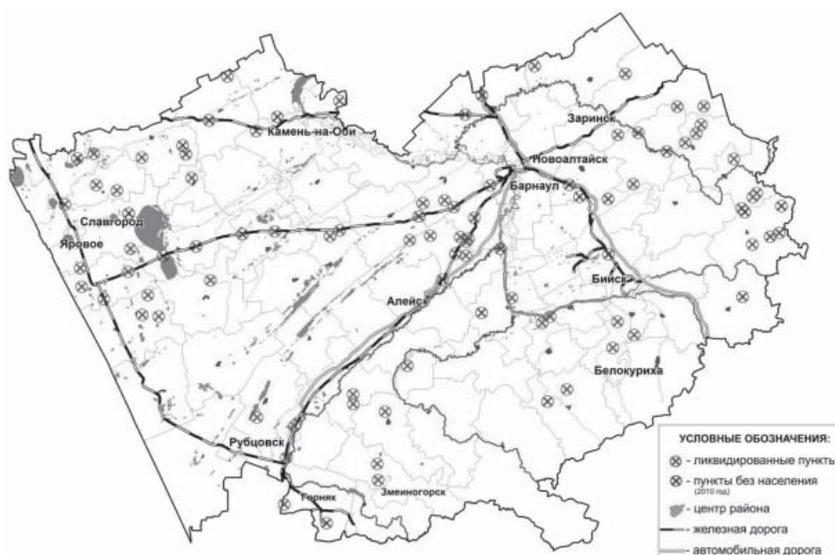

Рисунок 1. География запустения сельской местности Алтайского края (1989-2010) [10, 11, 12, 13]

Постсоветский период характеризовался значительными демографическими изменениями России, включая Алтайский край, что отразилось на численности населенных пунктов (рис. 2). Процесс значительного снижения численности населения наиболее характерен для небольших пунктов, расположенных на периферии – вдали от городов края и районных центров. Противоположный процесс (рост численности населения) наблюдается в го-

родских округах, а также в населенных пунктах, расположенных главным образом вдоль основных транспортных артерий Алтайского края: железные дороги, федеральные автомобильные дороги. Например, село Власиха, подчиненное администрации Индустриального района г. Барнаула, увеличило [10, 11, 12] численность населения практически на половину (7624 чел. в 2010 г. против 5400 чел. в 1989 г.). Такая ситуация свидетельствует о поляризации региональной системы расселения, которая неизбежно сопровождается запустением сельской местности.

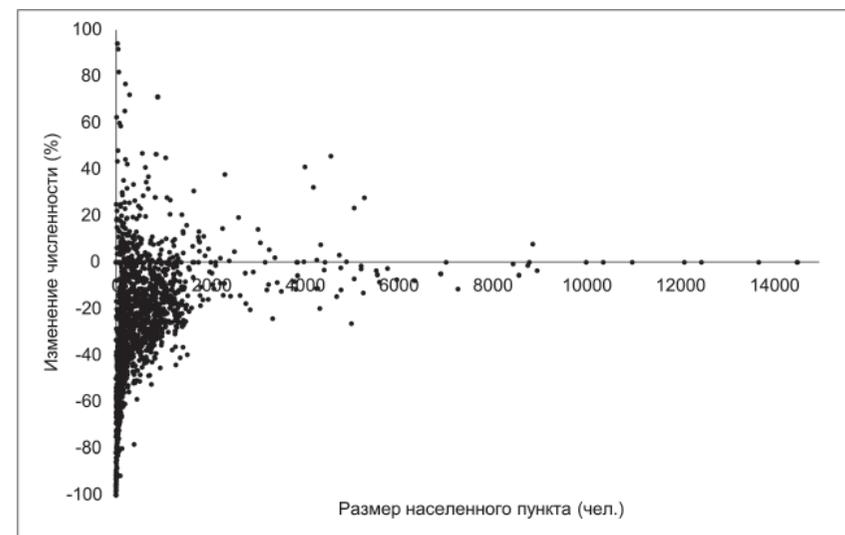

Рисунок 2. Изменение (%) численности населения сельских населенных пунктов между переписями населения 1989 и 2010 гг. [10, 11, 12]

Дополнительным фактором, влияющим на скорость поляризации, является общая депопуляция края за счет естественной убыли населения, а также отрицательное сальдо миграции населения. Согласно данным Росстата, среднекраевая миграционная убыль населения составляет около 2-3 промилле. В основном миграционный прирост фиксируется вокруг городских округов, а также вдоль основных транспортных магистралей – железные дороги и федеральные трассы (М52 и А349). Для остальной части Алтайского края характерна миграционная убыль.

Процесс депопуляции населенных пунктов в указанных временных границах часто приводил к их ликвидации. Анализ числа населенных пунктов показал, что с момента последней всесоюзной переписи населения (1989 г.) исключено из учетных данных административно-территориального

устройства Алтайского края более 30 сельских населенных пунктов. Также следует упомянуть, что в 2015 году в 28 населенных пунктах не было зарегистрировано населения [13]. Ликвидации в 1989-2015 гг. подверглись прежде всего малые населенные пункты. Их средняя людность на 1989 г. составляла около 30 человек (только в одном пункте численность населения была больше 200 человек, в 4-х – более 100 человек) [10]. Распределение по территории Алтайского края ликвидированных поселений неравномерное, хотя наблюдаются некоторые закономерности – их расположение на периферии как Алтайского края, так и муниципальных районов, вдали от узлов системы расселения населения и важных транспортных путей. Можно предположить, что вероятными причинами исчезновения населенных пунктов стали: экономический кризис 90-х гг., который в первую очередь отразился на сельскохозяйственных предприятиях; миграционная убыль населения, в том числе за счет массовой миграции немцев в 90-х годах прошлого века; сокращение числа рабочих мест и роста производительности труда, отток населения по причине его необеспеченности социальной инфраструктурой (школа, больница и т.д.).

Таблица 1

Изменение числа населенных пунктов по категориям людности

	Число населенных пунктов			
	1989	2002	2010	2015
Сельские населенные пункты – всего	1624	1620	1598	1589
в том числе:				
без населения	1624	16	25	28
с населением		1604	1573	1561
из них с числом жителей, человек:				
10 и менее	45	53	71	83
11-50	124	109	142	152
51-100	101	108	152	169
101-500	694	658	606	592
501-1000	304	326	324	312
1001-3000	306	286	214	186
3001 и более	50	64	64	67

Источник: собственная работа на основе данных Росстата.

Среди городов отмечалась пестрая картина. Примерно до 1997 года положительная динамика населения встречается лишь в малых городах. К концу 90-х гг. прошлого века в крупных городах отрицательная динамика населения сменилась положительной, которая наблюдается и по сей день. Уменьшение численности населения объясняется снижением рождаемости и повышением смертности в конце прошлого века. Согласно статистике, в группе средних городов происходил рост численности населения. Однако, используя данные официальной статистики, следует иметь в виду, что показатели могут сильно отличаться за небольшой отрезок времени. Например, в 2003 году в Барнауле проживало почти 600 тыс. чел., а в 2005 году численность населения составила 658 тыс. чел. (увеличение за 2 года практически на 10%), однако в 2009 году этот демографический показатель снизился и составил 625 тыс. чел. [10, 11, 12, 13].

В постсоветский период системе расселения населения Алтайского края характерна ее поляризация. На краевом уровне положительную динамику демонстрируют, прежде всего, населенные пункты Барнаульской городской агломерации и пригородные поселения больших городов. На районном уровне при общем сокращении населения меньшие темпы уменьшения численности отмечаются у районных центров. На уровне поселений (сельских советов) в более благоприятной ситуации оказывается главное (крупнейшее) село. Изменение системы расселения Алтайского края влечет за собой как социальные, так и экономические проблемы. Это требует принятия дополнительных решений, связанных с ее планированием как в целом, так и на уровне отдельных поселений. Трансформация системы расселения населения ставит ряд социально-экономических проблем. Возникает вопрос использования освободившихся земель и других элементов культурного ландшафта (например, прудов), сохранения памятников истории, перепрофилирования хозяйственной специализации тех населенных пунктов, которым грозит ликвидация и т.д.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1984. 350 с.
2. Владимиров В.В., Наймарк Н.И. Проблемы развития теории расселения в России. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 376 с.
3. Демографический энциклопедический словарь. Редкол.: Валентей Д.И. (глав. ред.) и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 608 с., ил.
4. Еремин А.А. Демографическая ситуация в Алтайском крае на современном этапе (1990-2010 гг.): монография / А.А. Еремин, Н.И. Быков. – Барнаул: АЗБУКА, 2011. – 272 с.

МОНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ КОЛОНИЯ КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ ИСТОРИИ НЕМЦЕВ РОССИИ

О колониях и поселениях российских немцев в дореволюционной и современной отечественной и зарубежной историографии написано немало [1]. Современная историография российских немцев располагает богатым опытом исследования колоний в различных регионах – Поволжье, Причерноморье, Кавказ, Сибирь и т.д. [2]. Этой тематике посвящены статьи и монографии отечественных исследователей: Малиновского Л.В., Плеве И.Р., Вибе П.П., Черновой Т.П., Бобылёвой С.И., Дынгес А.А., Зейналовой С.М., Иноятовой Д.М., Костюк., Лаптева Ю.Н., Лебедевой (Бахмутской) Е.В., Мешкова Д.Ю., Нам И.В., Плохотнюк Т.Н., Савченко И.А., Смирновой Т.Б., Шайдурова В.А., Шевчука Н.А. и др. [3]. Издан целый ряд справочников и указателей немецких поселений в России [4]. Безусловно, отрядным фактом стало появление веб-страницы «Онлайн-реестр немецких поселений» [5]. В реестр были внесены поселения, на территории которых находятся объекты, отвечающие критериям «самобытного традиционного этнического и музыкального наследия российских немцев». Реестр был составлен на основе материалов, собранных в процессе научных экспедиций 2012-2013 гг., в ходе которых было обследовано 77 населенных пунктов (48 – в Саратовской области, 15 – в Омской области и 14 – в Алтайском крае) [6].

Однако обращает на себя внимание отсутствие отдельной статьи «немецкая колония», в первую очередь в 3-х томной Энциклопедии «Немцы России» [7]. Имеющиеся статьи «Поволжье», «Причерноморские немцы» и др. посвящены истории немецких колоний в отдельных регионах. Не ликвидировал этот пробел и изданный в дополнение к 3-х томному изданию Энциклопедический словарь «Немцы России. Населённые пункты и места поселения» [8]. К сожалению, в предисловии к справочнику мы не найдём хотя бы краткого описания понятия «немецкая колония» и каких-либо самых общих пояснительных характеристик этого особого типа поселений. Это замечание, к сожалению, относится и ко всем справочникам и указателям немецких поселений.

В «Электронной энциклопедии немцев России» статья «колонии» предусмотрена, но пока не внесена в базу Энциклопедии [9]. Следовательно, мы не можем судить о её содержании.

При наличии просто огромного историографического опыта, между тем, складывается впечатление, что не достаёт чётко сформулированного определения колонии как ключевого понятия истории российских немцев. Соответственно, отсутствует определение колонии как ключевого понятия

истории российских немцев и в общих справочных и энциклопедических изданиях. В статьях, посвящённых термину «колония», в лучшем случае находим лишь краткие упоминания о немецких колониях в России [10]. Имеющиеся статьи о «немецких поселениях в России» носят весьма схематичный, обзорный характер. Обычно их содержание сводится к следующему: «Немецкие поселения (колонии) в России – немецкие населенные пункты, начало образования которых относится еще к XIV в., а массовое возникновение – к XVIII в., когда после манифестов Екатерины II (1762 и 1763 гг.) иностранные колонисты обеспечивались наделом в 30 десятин земли на семью, денежной ссудой, получали освобождение от рекрутских наборов и постоев, широкое местное самоуправление и им гарантировалась свобода вероисповедания» [11]. В самых общих чертах обозначаются основные очаги эмиграции из Германии, причины приглашения колонистов и причины эмиграции, выделяются основные этапы образования колоний и основные регионы размещения и даётся краткий экскурс в историю дореволюционную и советскую, до современных мест компактного поселения немцев. При этом понятие «моноконфессиональная колония» практически не фигурирует. В статьях лишь мимоходом указывается на принадлежность «большинства колонистов к лютеранской конфессии» и отмечается «наличие католических поселений и поселений меннонитов».

Необходимость в общей теоретической статье о немецких колониях очевидна. При этом, на наш взгляд, речь должна идти в первую очередь о понятии «моноконфессиональная колония».

«Моноконфессиональная колония» как ключевое понятие истории немцев России должна занимать соответствующее положение в историографии и методологии их истории и получить подобающее ей место в энциклопедических и справочных изданиях. Что же касается поселений смешанного типа, то они не были массовым явлением и могут быть упомянуты в статье «моноконфессиональная колония» в качестве отступления от традиционных правил поселения.

Не являясь специалистами в области изучения истории колоний, не берём на себя ответственность написания энциклопедической статьи на эту тему и ограничимся лишь схематическими набросками и выделением некоторых основных теоретических выводов и положений современной историографии, которые могут быть учтены при написании подобной статьи.

Вот лишь несколько основных позиций, которые, на наш взгляд, могут быть включены в статью.

Что должна содержать статья «моноконфессиональная колония»?

1. Определение понятия «колония». Указание на особый тип поселения немцев в России.

2. Выделение моноконфессиональной модели как особого типа посе-

ления. Причины выбора этой модели.

3. Краткое описание. Принцип образования.

4. Время образования. Регионы образования. Статистика.

5. Типология колоний.

6. Основные этапы и периоды развития.

7. Место и роль моноконфессиональной колонии в истории немцев России и в истории государства.

Прежде всего, необходимо перейти от уровня обывательского, недифференцированного понятия «немецкие колонии» к объективному научному определению на основании утвердившихся в современной историографии принципов классификации немецкого населения [12]. Определяя колонии как особый тип поселения переселенцев из различных германских земель, необходимо раскрыть содержание понятия именно как «моноконфессиональная колония». Т.е. речь должна идти об особом типе поселения, в основу которого был положен принцип конфессиональной принадлежности, и одновременно об особой внутренней системе организации всей жизнедеятельности. Таким образом, «моноконфессиональная колония» – основной тип поселения немцев в России в 1760-1940-х гг. по принципу религиозной принадлежности, ядро этноконфессиональной системы жизнедеятельности. В связи с этим могут быть использованы полученные отечественной историографией выводы о том, что «практика расселения немцев в царской России по конфессиональному признаку, господство религиозных объединений в духовной жизни стали предпосылками формирования этноконфессиональных общностей внутри народности» [13]. Религия выступала не только как важная составляющая часть духовной жизни, но и как форма социального объединения [14]. Моноконфессиональная модель поселения позволила сохранить язык, его диалекты, элементы нематериальной культуры (праздники, песни), но, прежде всего, религию и вероисповедную практику в том виде, в каком они были представлены изначально, до переселения [15].

При обращении к вопросу о выборе моноконфессиональной модели поселения немцев в России могут быть учтены результаты анализа причин и исторических обстоятельств формирования данной модели, коими были:

1. Изначально неоднородный конфессиональный состав колонистов [16].

2. Значительная роль религии в жизни немцев-колонистов. Религиозные причины, наряду с экономическими и политическими, выступали в качестве основных причин переселения немцев в Россию [17]. У некоторых групп переселенцев религиозный мотив был главным [18].

3. Наличие устойчивой и строгой традиции моноконфессиональности поселений, сложившейся в немецких землях начиная с середины XVI в., после заключения Аугсбургского религиозного мира [19], нарушение которой

неизбежно вызвало бы вражду и конфликты. Переселявшиеся в Россию колонисты уже несли на себе бремя разделённого западноевропейского христианства [20].

4. Необходимость выполнения данных в Манифесте обещаний, среди которых свобода вероисповедания являлась одним из самых важных [21]. Без моноконфессиональной модели поселения правительству вряд ли удалось бы воплотить в жизнь данные колонистам обещания о свободном отправлении веры.

Принятая модель поселения была, таким образом, вполне адекватной, соответствующей требованиям исторических обстоятельств и устремлениям самих колонистов жить конфессионально обособленно, в соответствии с традицией исторической родины [22].

Вопрос классификации колоний и размещения разработан в историографии основательно и может быть достаточно конкретно представлен в статье [23]. В первую очередь должна быть дана классификация колоний по религиозному принципу: католические, лютеранские, меннонитские, колонии гернгуттеров и др. Безусловно, должна идти речь и о колониях материнских и дочерних.

Важен и тезис о том, что заложенная в процессе возникновения немецких колоний на Волге моноконфессиональная модель стала общепринятой для размещения немцев-колонистов, прибывших в составе последующих переселенческих волн (Украина, Кавказ) [24]. К середине XIX в. моноконфессиональная модель стала основной моделью расселения сельского немецкого населения в районах первичной колонизации (материнские колонии). Более того, в ходе начавшегося в конце XIX в. процесса массового переселения на Восток: в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, моноконфессиональная модель материнских колоний была перенесена в колонии дочерние [25]. Исследователи указывают на наличие в районах массовой немецкой крестьянской колонизации целых «территориальных систем, состоящих из колоний одного вероисповедания», и выделяют хозяйственные, административные и конфессиональные связи, как основные виды связей внутри этих систем [26].

В характеристиках моноконфессиональных колоний, на наш взгляд, важно указать на изначально присущий им признак обособленности, тогда как замкнутость (за исключением религиозной), стала чертой скорее приобретённой, сформировавшейся в процессе истории, как следствие целого ряда факторов внешнего и отчасти внутреннего порядка [27].

Безусловно, необходимо обозначить основные этапы и периоды в развитии колоний. Современная историография располагает для этого достаточным опытом. Период 1940-х гг. и связанный с ним процесс массовой депортации немецкого населения при этом вполне объективно может быть назван

переломной вехой в истории моноконфессиональных немецких колоний. Моноконфессиональные немецкие посёлки испытали на себе всю тяжесть постреволюционных аграрных экономических преобразований, пережили волну массовых политических репрессий, но всё же в основе своей сумели сохранить свою однородную конфессиональную внутреннюю структуру вплоть до начала Второй мировой войны. У лишённых вследствие антирелигиозной политики предшествующих лет всяких условий для полноценной религиозной жизни немцев к началу войны всё же оставались их моноконфессиональные общины – последний оплот их традиционного, сформировавшегося на протяжении веков этноконфессионального жизненного уклада. В результате депортации большая часть моноконфессиональных лютеранских, католических, меннонитских колоний прекратила своё существование [28]. Сохранившиеся в регионах, из которых не производилось выселение немцев, поселения в результате доприселения также утратили свой моноконфессиональный характер [29]. Прекращение существования моноконфессиональных колоний стало самым необратимым последствием процесса депортации немецкого населения и вызвало разрушение и коренную деформацию этноконфессионального сознания [30].

В статье обязательно следует указать на принципиальное отличие понятия «моноконфессиональная колония», существовавшего до депортации, и понятия «немецкое село» – «немецкий колхоз». В последующие за депортацией десятилетия понятие «моноконфессиональная колония» практически исчезает. На смену моноконфессиональной колонии приходит понятие национального посёлка – «немецкого села» – населённого пункта с преобладанием жителей немецкой национальности, с сохранением отдельных групповых этноконфессиональных особенностей [31]. К сожалению, порой в историографии эти два понятия рассматриваются как тождественные и в некоторых справочных изданиях после повествования о немецких поселениях до депортации идёт прямой переход к немецким посёлкам в местах послевоенного компактного поселения как наследникам немецких колоний, что в корне неверно. «Немецкие посёлки (колхозы)», как уже отмечалось, это всего лишь населённые пункты с преобладанием или значительной долей населения немецкой национальности, при этом само немецкое население было далеко неоднородным и могло состоять из представителей 2-х и более этноконфессиональных групп, выходцев из различных регионов и местностей. И хотя такие посёлки в определённой мере способствовали сохранению языковых и культурных традиций, они не являлись полноценной основой и ядром всей системы жизнедеятельности, коими были довоенные моноконфессиональные колонии.

Несмотря на отсутствие полной статистики по различным моноконфессиональным колониям, этот вопрос также нельзя обойти вниманием, не-

обходимо дать хотя бы самые общие статистические сведения, представив при этом ссылку на основные указатели и справочники о колониях [32].

Статья должна включать положение о моноконфессиональной колонии как основной системообразующей форме самоорганизации различных этноконфессиональных групп немецкого населения [33]. На сегодняшний день имеются исследовательские работы, представляющие «религиозную самоорганизацию» не только как «одно из направлений самоорганизации российских немцев», но и рассматривающие религиозную общину-колонию в качестве фундаментальной формы самоорганизации, проникающей все остальные направления и формы самоорганизации, и подтверждающие тезис о наличии целостной многоуровневой системы этноконфессиональной самоорганизации российских немцев [34]. Именно религия лежала в основе всей системы жизнедеятельности различных конфессиональных групп немецкого населения. И можно говорить о наличии целостной многоуровневой системы этноконфессиональной самоорганизации российских немцев. Моноконфессиональная колония в данном случае выступает в качестве ключевого понятия истории.

В статье «моноконфессиональная колония» необходимо также отразить на основе имеющегося историографического опыта вопрос о месте и значении немецких колоний в истории окружающих их народов и государства в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Brandes D., Busch M., Pavlovic K. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. B. 1. Von der Einwanderung bis 1917. München, 1994; Brandes D., Dönninghaus V. Bibliographie zur Geschichte und Kultur der Russlanddeutschen. B. 2. Von 1917 bis 1998. München, 1999.; Чернова Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография. 1991-2000 гг. М., 2001; «Летопись диссертаций по истории и культуре российских немцев (1960-е – 2009 гг.): Справочник. Текст / Сост., ред., авт. вступ. ст. И.В. Черказьянова. СПб., 2009; Международная Ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев. 1995-2010. Справочник. Текст. / Науч. ред. И.В. Черказьянова; сост. И.В. Черказьянова, Т.Б. Смирнова. М., 2010; Российские немцы. Научно-информационный бюллетень (НИБ). 1995-2015 /раздел библиография/.
2. Плева И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 1998; Вибе П.П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Немцы. Россия. Сибирь: Сб.ст. / сост. и науч. Ред. П. П. Вибе. Омск, 1997. С. 5-57, Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект: Моногр. Омск, 2007. Зейналова С.М. Немецкие колонии в Азербайджане. Баку, 2002; Костюк М. Німецькі колонії на Волині (XIX – поч. XX ст.). – Тернопіль: Підручники і посібники, 2003.; Лебедева (Бахмутская) Е.В. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии 1760-1870-е гг.: Автореф. дис. к.и.н. СПб.,

2003; Малиновский Л.В. Экономическое и социальное развитие колонистской деревни в Южной России в первой половине XIX в. // Ист. зап. – Т. 109. М., 1983. С. 177-202; Чернова-Дёке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской Империи. Кавказ: взгляд сквозь столетия (1818-1917 гг.). М., 2008; Живи и помни. История меннонитских колоний Ектеринославщины / под ред. проф. С.И. Бобылёвой. Днепропетровск, 2006; Подопригора Ю.И. Немцы Павлодарского Прииртышья. Алматы, 2010; Смирнова Т.Б. История немецких населённых пунктов Горьковского района Омской области // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр. Ч. 1. – Омск, 2002. С. 65-68; История немецких населённых пунктов Исилькульского района Омской области // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр. Ч. 1. – Омск, 2004. С. 105-108; История немецких населённых пунктов Тарского района Омской области // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр. Ч. 1. – Омск, 2008. С. 79-82; Шрадер Т.А. Поселения немецких крестьян-колонистов в Петербургской губернии в XIX – первые два десятилетия XX века // Немцы России. Люди и судьбы. – СПб., 1998 – С. 81-100 и др.

3. Международная Ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев. 1995-2010. Справочник. Текст. / Науч. ред. И.В. Черказьянова; сост. И.В. Черказьянова, Т.Б. Смирнова. М., 2010.

4. Немецкие населённые пункты в СССР до 1941 г.: география и население. Справочник. Сост. В.Ф. Дизендорф. М., 2002; Немцы России. Населённые пункты и места поселений. Энциклопедический словарь (сост. В. Ф. Дизендорф). М., 2006; Лиценбергер О.А. История немецких поселений Поволжья. Ч. 1. Лютеране. А-М. Саратов, 2011; Ч. 2. Лютеране. Н-Я. Саратов, 2013.

5. www.siedlung.rusdeutsch.ru/ru/

6. www.siedlung.rusdeutsch.ru/ru/

7. Немцы России. Энциклопедия (пред. ред. коллег. К.В. Карев). Т. 1 (А-И). М., 1999; Т. 2 (К-О). М., 2004; Т. 3 (П-Я). М., 2006.

8. Немцы России. Населённые пункты и места поселений. Энциклопедический словарь (сост. В.Ф. Дизендорф). М., 2006.

9. <http://www.enc.rusdeutsch.ru>

10. <http://tolkslovar.ru/k6612.html>

11. <https://slovari.yandex.ru/>

12. Плеве И.Р. К вопросу о классификации групп немецкого населения России (исторический аспект) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. Материалы международной научной конференции, Москва 17-20 сентября, 1998 г. М., 1999. С. 203-208.

13. Дик П.Ф. Особенности религиозности протестантов немецкой национальности и пути её преодоления (на материалах Казахстана). Автореферат дис. на соиск. уч. степ. к.ф.н. Ленинград, 1988. С. 9.

14. Чернова И.Н. Религиозный фактор в социальных отношениях у немцев Алтайского края // Немцы Сибири: история и культура. Омск, 2002. С. 263.

15. Бармин В.В. Культурное наследие немцев в Западной Сибири. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. искусствоведения. Барнаул, 2010; Булычев М.В. Появление рус-

ско-украинского влияния в хозяйстве и быту поволжских немцев в начале XIX в. // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути». Материалы XII международной научной конференции. Москва, 18-20 сентября 2008 г. М., 2009. С. 160-167 .

16. Stumpp K. Die Auswanderung aus Deutschland nach Russland in den Jahren 1763 – bis 1862. Stuttgart, 1995; Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland. (Hrsg. Gerd Stricker. Berlin, 1997; Немцы России. Энциклопедия. Т. 3. П-Я. М., 2006. С. 253-254; Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р. История немцев России. Учебное пособие. М., 2005; Einwanderung in das Wolgagebiet. 1764-1767 / Hrsg. Alfred Eisfeld. Bearb.: Igor Pleve. Bd. 1. Göttingen, 1999; Bd. 2. Göttingen, 2001; Bd. 3. Göttingen, 2005.

17. Stumpp K. Die Auswanderung aus Deutschland nach Russland in den Jahren 1763 – bis 1862. Stuttgart, 1995. С. 25-30.

18. Чернова-Дёке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской Империи. Кавказ: взгляд сквозь столетия (1818-1917). М., 2008; Сарепта. Сост. Плеве И.Р. Саратов, 1995; Очерки истории немцев и меннонитов юга Украины (конец XVIII – первая половина XIX вв.) / Под ред. С.И. Бобылёвой. Днепропетровск, 1999 и др.

19. Deutsche Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. / Hrsg. Martin Vogt. Stuttgart, Weimar, 1997. S. 159-217; Смирин М.М. Германия эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны. М., 1962.

20. Католическая Энциклопедия. Т. 4 (Р-Ф). М., 2011. С. 155-161.

21. Плеве И.Р. Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г.: обещания и реальность // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Материалы российско-германской научной конференции, Анапа 22-26 сентября 1994. М., 1995. С. 26-32.

22. Клаус Х. Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869.

23. Плеве И.Р. К вопросу о классификации групп немецкого населения России (исторический аспект) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. Материалы международной научной конференции, Москва 17-20 сентября, 1998 г. М., 1999. С. 203-208.

24. Einwanderung in das Wolgagebiet. 1764-1767 / Hrsg. Alfred Eisfeld. Bearb.: Igor Pleve. Bd. 1. Göttingen, 1999; Bd. 2. Göttingen, 2001; Bd. 3. Göttingen, 2005; Keller Konrad. Die Deutschen Kolonien in Südrussland. Neuauflage. HFDR, Nürnberg, 2000; Лиценбергер О.А. История немецких поселений Поволжья. Ч. 1. Лютеране: А-М. Саратов, 2011; Очерки истории немцев и меннонитов юга Украины (конец XVIII – первая половина XIX в.) / Под ред. С.И. Бобылёвой. Днепропетровск, 1999; А.Г. Терещенко, А.Л. Черненко. Российские немцы на юге России и Кавказе. Энциклопедический справочник. Ростов на Дону, 2000. С. 9-108; Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001. С. 6-77; Чернова-Дёке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской Империи. Кавказ: взгляд сквозь столетия (1818-1917). М., 2008 и др.

25. Материалы по истории немецких и меннонитских колоний в Омском Прииртышье. 1895-1930. Сост. П.П. Виле. Омск, 2002; Виле П.П. Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой четверти XX вв. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д.и.н. Омск, 2009; Из истории оренбургских немцев.

Сборник документов (1897-1974) / под. ред. В.В. Амелина. М. 2000. С. 14-58; Шайдуров В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае: конец XIX – начало XX вв. Барнаул, 2003; История и этнография немцев в Сибири / под. ред. П.П. Вибе. Омск, 2009; Немцы Сибири: история и культура. Материалы международной научно-практической конференции. Омск, 2-4 июня 2010. Омск, 2010. С. 256-303; Бабкова В.Ю. К вопросу о региональных стратегиях адаптации переселенческих обществ: уникальность и типичность северокавказской меннонитской общности // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути». Материалы XII межд. научн. конф. Москва, 18-20 сентября 2008 г. М., 2009. С. 377-380; Кригер В. Рейн, Волга, Иртыш. Из истории немцев Центральной Азии. Алматы, 2006; Подопригора Ю.И. Немцы Павлодарского Прииртышья. Алматы, 2010; Бургарт Л.А. Особенности расселения немцев-каатоликов в Казахстане и их взаимосвязь с практикой религиозной жизни (конец XIX – начало XXI) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник науч. трудов X Международной науч.-практ. конф., г. Усть-Каменогорск, 15-16 мая 2009 г., - Усть-Каменогорск: «Либриус», 2009. С. 82-93; Бургарт Л.А. Немецкое моноконфессиональное село в Казахстане: возникновение, развитие, разрушение (историко-демографический аспект) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник научных трудов XII Международной научной конференции, Усть-Каменогорск, 26-27 мая, 2011 г. С. 27-39.

26. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX вв. Автореферат диссертации на соискание учёной степени д.и.н. Омск, 2009. С. 8.

27. Бургарт Л.А. Немецкие поселения в России: моноконфессиональная модель (к вопросу исторической оценки) // Два с половиной века с Россией (к 250-летию переселения немцев в Россию): Материалы 4-й международной научно-практической конференции. Москва, 24-27 августа, 2012 г. М., 2013. С. 89-108.

28. см. Немецкие населённые пункты в СССР до 1941. Справочник. Сост. В.Ф. Дизендорф. М., 2002; Mertens Ulrich. Handbuch Russland-deutsche (mit Ortsverzeichnis ehemaliger Siedlungsgebiete). Nürnberg-Paderborn, 2001.

29. АУВДВКО. Ф. 5. – Оп. 2. – Д. 4. – Т. 3. – Л. 449, 450, 453, 458, 469, 475; Д. 5. – Л. 102; ГАВКО. Ф. 462. – Оп. 2. – Св. 2. – Д. 18; см. также: Бургарт Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941-1956 гг.: депортация и жизнь в условиях режима спецпоселения. Усть-Каменогорск, 1997; Бургарт Л.А. Немецкое население в Восточном Казахстане в 1941-1956 гг. Усть-Каменогорск, 2001; Савранина Т.В. Религиозные организации немцев в Западной Сибири в 1941-1955 гг. // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие. 1941-1955. Материалы 7-й межд. научн. конф., Москва, 19-22 октября 2000. М., 2001. С. 313-320.

30. Бургарт Л.А. Разрушение религиозного уклада жизни немецкого населения вследствие депортации и принципиальные подходы современной отечественной историографии к определению места и роли религии в истории немцев в России и СССР // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет // Материалы 3-й Международной научно-практической конференции, Саратов, 26-29 августа 2011. М., 2011. С. 194-224.

31. Бургарт Л.А. Немецкое моноконфессиональное село в Казахстане: возникновение, развитие, разрушение (историко-демографический аспект) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Сборник научных трудов XII межд. научн. конф., Усть-Каменогорск, 26-27 мая, 2011 г. С. 27-39.

32. Leibbrandt G.(Hg.). Die deutsche Siedlungen in der Sowjetunion – Teil 3. Berlin, 1941; Mertens U. Handbuch Russland-Deutsche (mit ortverzeichnis ehemaliger Siedlungsgebiete). HFDR. Nutnberg, 2001; Немецкие населённые пункты в СССР до 1941 г. Справочник. Сост. В.Ф. Дизендорф. Текст. М., 2002.; Немцы России. Энциклопедия. Населённые пункты и места поселения. Энциклопедический словарь. Сост. В.Ф. Дизендорф. М., 2006 и др.

33. Бургарт Л.А. Немецкие поселения в России: моноконфессиональная модель (к вопросу исторической оценки) // Два с половиной века с Россией (к 250-летию переселения немцев в Россию): Материалы 4-й международной научно-практической конференции. Москва, 24-27 августа, 2012 г. М., 2013. С. 89-108.

34. Бургарт Л.А. Немецкие поселения в России: моноконфессиональная модель (к вопросу исторической оценки) // Два с половиной века с Россией (к 250-летию переселения немцев в Россию): Материалы 4-й межд. научн. конф. Москва, 24-27 августа, 2012 г. М., 2013. С. 89-108.

Водичев Е.Г.

КАРА ИРТЫШ – ИРТЫШ – ОБЬ-ИРТЫШСКИЙ РЕЧНОЙ БАССЕЙН: ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ В ТРАНСГРАНИЧНОМ УЗЛЕ РОССИЯ-КАЗАХСТАН-КИТАЙ

Одной из активно дискутируемых проблем в рамках различных общественных (история, политология, регионоведение, экономика и др.) и естественных (география, экология) наук является описание и интерпретация трансграничных территорий и подходов к анализу трансграничных взаимодействий. Её научная актуальность и практическая значимость хорошо прослеживается на таком проблемном поле, как выявление совокупности «вызовов» в трансграничном узле Россия-Казахстан-Китай на материалах Обь-Иртышского трансграничного речного бассейна. Вместе с тем первой задачей является разработка адекватной сложности объекта и междисциплинарности подхода методологии такого исследования, что подразумевает, прежде всего, операционализацию «приграничные территории», «трансграничные территории», «трансграничные регионы» и «трансграничные речные бассейны» (ТРБ).

В публицистике, а зачастую и в научных публикациях категории «приграничные» и «трансграничные» территории и регионы употребляются как синонимы. При всей своей распространённости такая точка зрения не впол-

не корректна и не отражает специфики происходящих на трансграничных территориях процессов. В отечественной науке теоретическое осмысление проблем приграничных и трансграничных регионов вплотную началось с 1990-х гг. [1], что связано с распадом СССР и формированием новой конфигурации границ.

С определением приграничных территорий дело обстоит несколько проще – очевидно, что это территории, «непосредственно примыкающие к государственной границе, испытывающие на себе влияние границы и соседней страны и обладающие особым, дополнительным потенциалом развития и международного сотрудничества». Обычно этот «потенциал приграничья» определяется такими факторами, как географическое положение и близость к границе, инфраструктура, возможность использования ресурсов приграничных территорий соседней страны, участие населения приграничных территорий соседней страны в процессах международного сотрудничества, возможность использования рынков двух (или более) соседних стран в пределах приграничных территорий, развитие различных видов деятельности на основе сочетания преимуществ международного сотрудничества [2].

Несомненно, что приграничные регионы имеют свою специфику, определяемую функциональным дуализмом границы, которая сочетает функции барьерности и контактности [3]. Само представление о них включает в себя такие аспекты, как пространство, сообщества и группы, а также отношения, существующие между ними, которые могут быть нарушены или заблокированы существованием границы [4]. Это позволяет согласиться с классификацией приграничных регионов, ныне широко используемой в географии, политологии, лимнологии и других научных дисциплинах. Строго говоря, она отражает стадии взаимоотношений между территориями, которые обычно формируются и развиваются последовательно. Данная классификация включает в себя такие типы, как отчужденные приграничные регионы (приграничные связи отсутствуют); сосуществующие приграничные регионы (наличие некоторых экономических и культурных взаимоотношений), взаимозависимые приграничные регионы (осуществляют широкое взаимодействие в экономической, общественной и культурной сферах); интегрированные приграничные регионы (обеспечена высокая степень интеграции, свободное передвижение людей, товаров, финансовых потоков и идей) [5].

Гораздо сложнее дела обстоят с определением трансграничных территорий и трансграничных регионов. На наш взгляд, если приграничные территории, а в некотором смысле и приграничные регионы можно рассматривать как объективную данность, определяемую самим фактом существования границы, то трансграничные регионы – это уже результат политической воли и политического конструирования. Ключевым фактором при формировании трансграничных регионов – совместное целеполагание и стремление к

сотрудничеству. В этом смысле вышеприведенная модель классификации приграничных регионов – это, скорее, модель эволюции от приграничных к трансграничным регионам, где первые две ступени относятся к категории «приграничный регион», а две последующие – к понятию «трансграничный регион».

В экспертном сообществе отмечается, что трансграничный регион – это искусственное образование. «В дальнейшем он принимает те очертания, какие ему предписывают, начинает развиваться по схеме, составленной трансграничными сообществами. Однако, зарождаясь искусственно как политический проект, постепенно трансграничный регион приобретает реальные экономические очертания» [6].

Принято считать, что с географической точки зрения приграничную территорию можно охарактеризовать как «определённую территорию, которая является частью геосистемы региональной размерности, разделённой государственной границей и одновременно природно-хозяйственным районом (или их сочетанием), политическая, экономическая, социальная, культурная и экологическая ситуация в пределах которого в существенной мере зависит от границ прилегающей территории соседнего государства и в свою очередь оказывает влияние на неё» [7]. В этом смысле характер приграничных территорий по обе стороны границы и возможности их эволюции в трансграничные регионы напрямую зависят от сочетания контактных или барьерных функций государственных границ. Вместе с тем важнейшей методологической проблемой в приложении к трансграничной территории остаётся установление границ трансграничного пространства и их соотношения как физико-географических категорий (геосистемы и экосистем) с политико-административным делением приграничных и трансграничных территорий. В том случае, когда такие границы не совпадают (а такие ситуации являются весьма распространёнными), это представляется фактором, затрудняющим трансграничное сотрудничество.

Удачным выглядит определение трансграничной территории как комплексной географической структуры, сочетающей определенные природные ресурсы, объекты инфраструктуры, расселения населения, а также его хозяйственную деятельность в границах крупной геосистемы [8]. Это позволяет ввести категорию «международная трансграничная территория». Под ней понимается «территория, состоящая из взаимодействующих приграничных территорий, прилегающих к государственной границе двух или более соседних стран и обладающих сочетаниями природных ресурсов и... видов хозяйственной деятельности, основанием которой является единая геосистема или сочетание двух и более геосистем регионального уровня, взаимодействующих в зоне государственной границы» [9]. Таким образом, международная трансграничная территория интерпретируется как сложная

природно-антропогенная система, которая включает в себя три основных компонента: геосистему, её природно-ресурсный потенциал, а также типы его хозяйственного использования.

Основная особенность любой трансграничной территории – её целостность. Очевидно, что наличие единых природных комплексов или систем, простирающихся по обе стороны границы, существенно усиливает это качество трансграничных территорий. Типичным примером трансграничных пространств являются ТРБ, которые содержат в себе все основные объектные характеристики трансграничных территорий. Соответственно, с методологической точки зрения, очевидно, что анализ ТРБ должен осуществляться с использованием базовых исследовательских парадигм и методологических подходов, применяемых при исследовании трансграничных территорий в целом.

В силу естественных причин (пересечения трансграничными реками территории двух или нескольких государств и/или расположения водосбора рек на территории двух или нескольких государств) ТРБ образуют трансграничную геосистему и обладают способностью к сохранению структурной и функциональной устойчивости. Вместе с тем в отечественной традиции вообще и в приложении к территории Азиатской России в частности трансграничные свойства и особенности ТРБ зачастую воспринимаются лишь на уровне теории. Ни ориентация исследований, ни действия субъектов практической деятельности и акторов управления должным образом не ориентированы на потенциал трансграничности.

Специфика ТРБ определяется, прежде всего, гидрологическими особенностями формирующих их рек, целостностью трансграничных геосистем и единством природных комплексов. Именно последнее обстоятельство и создаёт основу для интерпретации речных бассейнов в качестве единых трансграничных территорий и потенциально облегчает задачу выделения в рамках таких территорий трансграничных регионов. В ТРБ объективно наличествует совокупность проблем, требующих системного решения на основе взаимодействия всех, кто так или иначе потребляет ресурсы. Общие вызовы всегда создают потенциальные возможности для трансграничных взаимодействий, актуализация которых зависит уже от политической воли к сотрудничеству.

Очевидно, что ТРБ Азиатской России неоднородны по большинству показателей. Для отдельных ТРБ характерна высокая степень асимметрии с точки зрения освоения и использования природных ресурсов. Это определяется как совокупностью физико-географических факторов, так и факторами экономического (экономический профиль и производственный потенциал территорий, развитие базовой инфраструктуры), демографического (системы расселения и численность народонаселения), социокультурного (этниче-

ский состав населения и фактор региональной идентичности), геополитического характера.

Одним из таких регионов является территория, охватываемая Обь-Иртышским ТРБ. Не случайно в название данной статьи вынесена такая длинная, но характеризующая этот речной бассейн формула. Река Иртыш начинает свое существование как Кара Иртыш на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР на границе с Монголией и протекает по территории Китая (525 км.), Казахстана (1835 км.) и России (2010 км.). Общая длина реки составляет 4248 км. Истоки Иртыша находятся в Монголии, однако площадь бассейна здесь мала и приходится на незаселенную местность. Иртыш является главным притоком р. Обь и формирует с ней единый бассейн.

Таким образом, Иртыш является типичной трансграничной рекой, а ее бассейн трансграничен и обладает всеми характерными признаками трансграничных территорий. Отсюда вытекают и соответствующие природные и техногенные «вызовы», создающие не только экологические и социально-экономические, но иногда и политические и социокультурные проблемы. Они воздействуют на единый природный комплекс и все социально-экономические объекты, находящиеся на территории стран-соседей.

Несмотря на то, что ТРБ Азиатской России различаются между собой в широких пределах, есть и нечто общее, что позволяет их рассматривать в едином контексте. Для большинства таких территорий выделяются общие факторы риска. В их числе такие, как высокая концентрация человеческих ресурсов, промышленности в крупных центрах в окружении слабо освоенной природной территории; слабая инфраструктура и транспортная сеть; дисбаланс в уровне экономического освоения территорий по разные стороны границы; освоение природных ресурсов низкотехнологичными методами, которые приводят к высоким потерям сырья и тяжелым экологическим последствиям; слабая устойчивость природных комплексов к антропогенному воздействию и высокий риск деградации экосистем на активно осваиваемых и используемых территориях; несовершенство структуры управления водными и другими ресурсами во всех сопредельных странах (Россия, Казахстан, КНР и Монголия), ведомственная разобщённость; несовершенство нормативно-правового регулирования стран; недостаточное финансирование природоохранных мероприятий; нехватка профильных специалистов и др.

В полной мере это относится и к Обь-Иртышскому ТРБ. Вместе с тем территории именно этого бассейна характеризуются вполне конкретной совокупностью водно-экологических «вызовов». Основное место среди них занимают:

- истощение водных ресурсов в результате увеличения заборов воды в

Китае и Казахстане, потерь на испарение из водохранилищ каскада Верхнеиртышских ГЭС и других гидротехнических сооружений (ГТС);

- загрязнение водных ресурсов бассейна тяжёлыми металлами и нефтепродуктами функционирующих в верховьях Иртыша предприятий горно-металлургического комплекса и теплоэнергетики;

- сохраняющаяся угроза ртутного загрязнения вод Иртыша, возникшая в результате работы Павлодарского АО «Химпром»;

- радиационное загрязнение территории в результате действия Семипалатинского полигона, полигона Лобнор в КНР, ПО «Маяк» и других факторов;

- аварийное состояние ГТС;

- отсутствие или несогласованность правовых механизмов регулирования водопользования [10].

Последний тезис нуждается в дополнительном пояснении. Попытки совместно решать проблемы р. Иртыш предпринимались неоднократно, но успехи до сих пор носят лишь частный и весьма ограниченный характер. Одна из правовых коллизий связана с тем, что Китай отказался от подписания Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озёр (Хельсинкской конвенции) Европейской экономической комиссии ООН от 17 марта 1992 г., ратифицированной Россией и Казахстаном в 1993 г., а также избегает включения России в трёхсторонний переговорный процесс по проблемам водodelения в трансграничных реках. Ныне сотрудничество фактически осуществляется на двусторонней основе: Казахстан – Китай, Казахстан – Россия, Китай – Россия [11]. КНР в любой момент может увеличить свой водозабор по имеющемуся в верховьях Иртыша водоотводному каналу «Иртыш-Карамай-Урумчи», что негативно отразится на водообеспеченности Казахстана и России. Это тем более вероятно, основная реперная точка канала г. Карамай активно развивается как центр нефтегазовой и нефтехимической промышленности на востоке этой страны, что резко увеличивает потребности в водных ресурсах для индустриальных целей.

Вместе с тем, несмотря на существование Российско-Казахстанской комиссии по совместному использованию и охране трансграничных водных объектов, между Россией и Казахстаном также не все благополучно. Комиссия была сформирована и действует в соответствии с Межправительственным соглашением о совместном использовании и охране трансграничных водных объектов 1992 г. и Усть-Каменогорским соглашением 2010 г. Она призвана решать такие задачи, как:

- регулирование наполнения водохранилищ и режимов пропуска паводков, а также условий водообеспечения населения и отраслей экономики в летне-осенний период;

- мониторинг водных ресурсов трансграничных рек;

- контроль за водохозяйственными и водоохранными мероприятиями в бассейнах трансграничных рек;

- контроль за деятельностью предприятий, осуществляющих водопользование в бассейнах трансграничных рек;

- согласование Схемы комплексного использования и охраны водных ресурсов (СКИОВР) р. Иртыш и водохозяйственных балансов;

- разработка и согласование проекта Соглашения о подаче воды с территории одного государства на территорию другого для экологических и оросительно-обводнительных нужд, предусматривающего положения об освобождении от уплаты всех таможенных платежей, налогов и сборов за таможенное оформление воды.

Однако до сих пор нет согласованных лимитов водodelения, что особенно актуально в маловодные годы и сезоны; нет жёстко согласованных графиков пропусков трансграничных вод с учётом безопасного функционирования имеющихся ГТС и водохозяйственных систем; отсутствует или низка технологическая дисциплина водопользования на предприятиях – основных потребителях водных ресурсов и в жилищно-коммунальных хозяйствах крупных городов; велики потери водных ресурсов в открытых водоёмах и каналах и т. п. Фактически игнорируя согласованный Модельный водный кодекс стран СНГ, каждая из сторон работает в рамках собственного национального законодательства. Исходя из своих резонов, Казахстан не желает уменьшать объём используемого речного стока, так как не имеет дополнительных источников поверхностных пресных вод в ТРБ Иртыша. В результате в России постоянно дискутируется угроза вододефицита в районе миллионного Омска, который стоит ниже по течению Иртыша.

Очевидно, что значительная часть имеющихся в этом и других ТРБ Азиатской России проблем связана с недостаточным развитием институциональной среды управления трансграничными территориями и ресурсами. Очевидно, что необходимо создание институциональной основы для постепенной трансформации трансграничных территорий в трансграничные регионы (что, конечно, возможно далеко не всегда), т.е. разработка комплекса механизмов (норм, правил и процедур их реализации), регулирующих взаимодействие заинтересованных сторон (государств, регионов, хозяйствующих субъектов), отражающих особенности их функционирования и развития, способствующих учёту их интересов и разрешению конфликтных ситуаций. Пока же, по словам Н.В. Зубаревич, «институты в России – это в большей степени барьеры, чем стимулы для развития регионов» [12]. Более того, в экспертном сообществе распространено мнение об «институциональных ловушках», угрожающих региональному развитию.

Особый случай в Обь-Иртышском ТРБ – территория «Большого Ал-

тая». «Большой Алтай» – уникальный территориальный узел, в котором переплетаются интересы четырех стран – России, Казахстана, Китая, Монголии; ядро Алтае-Саянского экорегиона; точка пересечения нескольких цивилизационных традиций; макрорегион, обладающий признаками внутреннего единства; потенциальный «интерфейс» для продвижения каждой из четырёх стран в зоны влияния и орбиты притяжения стран-партнёров [13].

Фактор Алтая как трансграничного региона весьма важен для России, поскольку в нём воплощается «центральноазиатское измерение» РФ. Нам представляется, что Алтайский регион, вместе с сопредельными территориями, включающими в себя условных инновационных лидеров Новосибирск и Томск и индустриально развитые Кузбасс и Омск, может рассматриваться как инструмент и ресурс для продвижения российских интересов в Центральную и Южную Азию, в Китай, и через него – в другие страны АТР. Однако до сих пор не удалось гармонизировать общегосударственные и региональные стратегии и обеспечить полную поддержку центральных властей. Равным образом пока не удалось гармонизировать интересы всех заинтересованных государств – РФ, РК, КНР и Монголии, что хорошо видно на примере использования водных ресурсов. Представляется, что территория «Большого Алтая» в верховьях Обь-Иртышского ТРБ может рассматриваться в качестве наиболее подходящего полигона для запуска модельного проекта формирования трансграничного региона (по типу «еврорегионов») для отработки новых институциональных механизмов трансграничных взаимодействий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М., 2001; Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Известия РАН. Серия геогр. 1997. №5. С. 106-113.
2. Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития). Отв. ред. акад. П.Я. Бакланов, чл.-корр. РАН А.К. Тулохонов. Новосибирск, Издательство СО РАН, 2010. С. 14.
3. Чекалина Т.Н. Развитие и пространственная дифференциация трансграничного сотрудничества в Балтийском регионе: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Т.Н. Чекалина; Рос. гос. ун-т им. И. Канта. – Калининград, 2007. – 28 с.
4. Кузьмин В.М. Трансграничное сотрудничество России и Европейского Союза в формате еврорегионов на Севере Европы и регионе Балтийского моря в свете новой программы территориального сотрудничества «Объектив 3» (2007-2013 гг.) // <http://convention2008.risa.ru/paper/download/251/1>.
5. Давыдов Д., Чекалина Т. Калининград: плюсы и минусы эксклавности // Космополис. №2 (21). Лето 2008. С. 142.
6. Межевич Н.М. Основные направления региональной политики Российской Федерации.

рации. Ч. 1. Теория регионального развития. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dvo.sutn.lib/history/i299mez1/Lhtm>

7. Ганзей С.С. Трансграничные геосистемы Юга Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР. Владивосток, Дальнаука, 2004. С. 12.
8. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Понятия и типы приграничных и трансграничных территорий // Изв. РАН. Серия геогр. 2004. №4. С. 27-34.
9. Там же.
10. Бакланов П.Я., Винокуров Ю.И., Чибилев А.А. Трансграничные речные бассейны Азиатской России: эколого-географические основы межрегионального и международного сотрудничества // Гео- и экосистемы трансграничных речных бассейнов на востоке России: проблемы и перспективы устойчивого развития. Новосибирск, ИНГТ, 2014. С. 4; Красноярова Б.А., Винокуров Ю.И. Институциональные аспекты управления устойчивым водопользованием в трансграничном бассейне р. Иртыш // Экологические риски в трансграничном бассейне реки Иртыш. Новосибирск, Издательство СО РАН, 2014. С. 135-136.
11. Красноярова Б.А., Винокуров Ю.И. Институциональные аспекты управления устойчивым водопользованием в трансграничном бассейне р. Иртыш // Экологические риски в трансграничном бассейне реки Иртыш. Новосибирск, Издательство СО РАН, 2014. С. 137-138.
12. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. 2010. №2 (28). С. 3-14.
13. См. об этом: Современные трансформационные процессы в регионах Большого Алтая. Отв. ред. Ю.И. Винокуров. Новосибирск, Издательство СО РАН, 2014.

Гайкин В.А.

ВНУТРЕННЯЯ КОЛОНИЯ. КОРЕЙСКИЕ ТРУДОВЫЕ МИГРАНТЫ В ЯПОНИИ В МЕЖВОЕННОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ (1918-1937 ГГ.)

Роль корейских рабочих в создании built environment' Японии

С 1915 г. по 1930 г. население Кореи увеличилось на 30% [11, р. 28].

Промышленный потенциал Кореи рос не так быстро, что привело к диспаритету между спросом и предложением рабочей силы. Не находящая применения на родине масса некавалифицированных безработных корейцев хлынула в Японию. 20-е годы – это период быстрого роста численности корейской диаспоры в Японии, которая за десятилетие увеличилась в 10 раз – с 31 720 чел. в 1920 г. до 298 091 чел. в 1930 г., по другим данным до 419 000 чел. [5,

1. Инфраструктура экономического развития – транспортная инфраструктура (автодороги, жд. магистрали), городская инфраструктура (благоустройство городских территорий, муниципальное строительство), инженерная инфраструктура (водопровод, канализация, электросети).

с. 88].

Во время экономической рецессии в Японии, сменившей промышленный бум 1914-1918 гг., существование армии безработных поддерживалось благодаря масштабным программам общественных работ, связанных с реализацией градостроительных проектов, строительства административных зданий, сети санитарно-гигиенических сооружений, шоссейных и железных дорог.

С 1914 по 1936 г. средства, выделяемые на строительство дорог, выросли с 26 миллионов иен до 177 миллионов иен; портов – с 3,7 млн до 40 млн иен; на укрепление берегов рек – с 28 млн до 85 млн. Если в 1918 г. на создание новой железнодорожной сети было выделено 16,9 млн иен то в 1928 г. – 51,8 млн, вложения в модернизацию железных дорог за тот же период выросли с 54 млн иен до 140 млн иен [10, с. 69].

Экономическая рецессия в Японии после Первой мировой войны ударила в первую очередь по корейским трудовым мигрантам, ставшим амортизационным ресурсом, подпадавшим под сокращение и спасавшим от увольнения японских рабочих. Статистики закрытия фабрик и количества оставшихся без работы корейцев нет, сошлёмся на комментарии прессы. В статье в «Осака Асахи симбун» от 1 декабря 1918 г. под названием «Безработным корейским рабочим нужна помощь» констатировалось: «Среди уволенного в результате сокращений персонала рабочих особенно много корейцев, они на пороге гибели» [12].

Оказавшись за воротами фабрик, иммигранты были вынуждены искать любую временную работу на рынке подённого труда. Их количество на этом рынке было так велико, что мэрии японских городов уже с 1923 г. рассматривали корейцев как основной контингент для (не фабричных) подённых работ. Как констатировал чиновник мэрии Осака: «Рынок подённого труда невозможно представить без корейских трудовых мигрантов» [4, с. 6].

Таблица

Численность и доля корейских подённыхиков в шести крупнейших городах Японии

Город	Год	Всего подённыхиков	Корейских подённыхиков	Доля корейцев
Токио	1927	47400	8500	17,9%
	1929	99297	13088	13,2%
	1932	132876	11527	8,7%
Киото	1927	8500	3900	45,9%

	1929	39658	4628	11,7%
	1932	34722	5720	16,5%
Осака	1927	38200	13000	34%
	1929	93582	9668	10,3%
	1932	85474	38935	45,6%
Иокогама	1927	15500	2550	16,5%
	1929	27048	8366	30,8%
	1932	38281	8202	21,4%
Кобэ	1927	17500	3050	17,4%
	1929	30406	5677	18,6%
	1932	32292	57900	17,9%
Нагоя	1927	12200	2550	20,9%
	1929	77401	9853	12,7%
	1932	74443	13309	17,9%

Источник: 10, с. 58, 59.

Этот тренд укрепился в период реализации 4-летнего плана (1923-1927 гг.) восстановления Токио после землетрясения 1923 г. Если безработных японцев брали временными рабочими на фабрики и заводы, то корейские подённые использовались главным образом как чернорабочие на общественных работах.

В 1928 г. 54,7% подённых чернорабочих на стройках программы общественных работ в Токио были корейцами [9, с. 78]. Примерно такая же ситуация была по всей стране – в Иокогама, Нагоя, Осака, Киото, Кобэ. Корейские иммигранты стали доминировать на объектах программы общественных работах.

Таблица

Занятость подённыхиков до регистрации на бирже труда в качестве безработных

	Японцы	Корейцы	Всего	Доля японцев	Доля корейцев
Фабрики и шахты	1380	222	1602	86,1	13,9
Общественные работы	2997	5369	8366	35,8	64,2

Торговля	787	159	946	83,2	16,8
Сельское хоз-во	1763	3743	5506	32	68
Рыболовство	28	0	28	100	0
Транспорт	310	16	326	95,1	4,9
Домашняя прислуга	28	2	30	93,3	6,7
Прочее	434	112	546	79,5	20,5

Источник: 8, с. 92, 93.

Согласно таблице, в 1928 г. число корейцев, которые до регистрации на бирже труда трудились на общественных работах, более чем в 20 раз превышало число корейцев, уволенных с фабрик, у японцев этот разрыв составлял лишь два с лишним раза. Из 1602 зарегистрировавшихся на биржах труда безработных, уволенных до этого с фабрик, только 13,9% были корейцы, а 86,1% – японцы. И наоборот, из 8366 пришедших на биржу труда с общественных работ подавляющее большинство (64,2%) были корейцы и только 35,8% японцы.

«В секторе неквалифицированного строительного труда корейские подёнщики абсолютно необходимы. Реализация строительных проектов в рамках программы общественных работ без корейской рабочей силы была бы трудноосуществима» [2, с. 36].

Мигранты строили автодороги, перебрасывая тысячи тонн гравия, сооружали водоотводы, укрепляли берега рек, взрывами динамита прокладывали тоннели в горных хребтах, укладывали сотни километров рельсов, связывая центральную часть Японии с окраинами страны.

Общая протяжённость канализационных сетей выросла с 2000 километров в 1912 г. до 20 000 километров в 1935 г. В одном только Токио – с 1000 км. в 1912 г. до 5000 км. в 1935 г. В Осака за тот же период рост с 116,5 километров до 2 200 км [10, с. 69]. Между 1912 г. и 1937 г. протяжённость железных дорог увеличилась с 3000 км до 10000 км. Количество железнодорожных станций – с 477 до 4255 [10, 69].

Хамба или корейские колониальные анклав в Японии

Инструментом социального управления корейскими подёнщиками, обеспечивавшим их выход на рынок труда, были рабочие общежития (хамба). Специалисты по социально-экономической истории Японии отмечают, что хамба и её внутренняя иерархия (воспроизводившая средневековую японскую систему ояката) была основным паттерном организации рабочих в горнорудной и строительной отраслях в новое время. Аналогичная (полуколониальная) система торговли существовала в 18 веке в регионах Брита-

нии – Южном Уэльсе, населённом валлийцами, и Шотландии, где она была запрещена указом правительства Британии только в 1831 г.

Хамба в межвоенный период в Японии, хотя и была деформирована капиталистическими отношениями и демократизацией общества, оставалась рудиментом феодализма. Она продолжала использоваться в капиталистическом производстве как специфическая форма превращения колониальной рабочей силы в товар.

Помещение хамба было одновременно и общежитием, и столовой. Как правило, такой барак строился недалеко от фабрики или стройплощадки. Хамба были особенно распространены (в отдалённых труднодоступных местах) на рудниках, угольных шахтах или находящихся в движении стройплощадках (строительство железнодорожных линий, тоннелей). В последнем случае это были временные бараки, которые возводились на новом месте после завершения прокладки данного участка магистрали.

Формально проживание рабочих в хамба было бесплатным (в отличие от рабочих общежитий). На деле плата была, она называлась хамбафи (хамбарё, хамбадай) и покрывала стоимость (амортизацию) используемых рабочими инструментов, потребляемых продуктов – риса, сакэ, мисо, овощей, табака, часто одежды и обуви, а также услуги старосты барака, информировавшего о завтрашнем рабочем месте.

Рабочие были вынуждены покупать продукты и товары первой необходимости в лавке при хамба, поскольку аванс выплачивался купонами, имевшими хождение только в этой торговой точке. Стоимость покупок вычиталась из зарплаты в конце месяца. Независимое расследование, проведённое журналом Кёдзай, выявило, что цены на соевый соус, пасту мисо и овощи в киосках хамба были на 30% выше, чем на ближайшем рынке [7, с. 59-60]. Маржа шла в карман хозяину хамбы.

Доклад комитета по социальным проблемам Киото за 1937 г. констатировал, что все 308 семей и одиноких рабочих, живших в хамба в Киото, были корейцами [3, с. 15]. «Хамба – это управляемое корейцем общежитие для корейских рабочих, которое одновременно является для них и минибиржей труда. Японских строительных рабочих и разнорабочих обычно ищут в так называемых родобэя (рабочее общежитие), корейских чернорабочих, как правило, в хамба» [2, с. 43].

Выплата зарплаты подёнщикам была опосредована целой цепочкой посредников-субподрядчиков, в том числе управленцев хамба, через руки которых проходили деньги, выделенные фирмой-заказчиком для оплаты труда рабочих. Каждый из субподрядчиков брал себе из этой суммы «свой процент» за услуги. (Вычитаемая часть фонда зарплаты получила жаргонное название пинханэ, такое же название получила вся система вычетов в пользу посредников.)

Процедура «пинханэ» описывалась следующим образом: «Субподрядчик А заключает контракт с фирмой-заказчиком на проведение строительных работ и получает от неё некую сумму на зарплату для квалифицированных рабочих и чернорабочих. Субподрядчик А, как правило, передаёт контракт субсубподрядчику Б (брокеру по найму) для найма чернорабочих-подёнщиков, но перед этим забирает себе долю из этой суммы, обычно 10-20%. Субсубподрядчик Б также забирает свою долю (20%) перед тем, как передать деньги хамбагасира, который в свою очередь забирает себе 10-20% и оставшуюся после всех «пинханэ» сумму раздаёт подёнщикам» [2, с. 61].

В цепочке посредников только отношения строительных компаний и государственных управлений общественных работ с одной стороны и главных подрядчиков с другой стороны были формализованы (и описаны) в виде контрактов в соответствии с гражданским кодексом Японии. Не заключались контракты государственными управлениями общественных работ и фирмами-подрядчиками с ояката, ояката с кумигасира, кумигасира с брокерами по найму (родо брока) и наконец родоброка с подёнщиками.

Отношения между подёнщиками, субподрядчиками и родоброка основывались на неформальных словесных договорённостях (кути яку). Устный договор мог быть нарушен, в этом случае государственное управление общественных работ или фирма-подрядчик не несли ответственности за ущерб, нанесённый подёнщикам, которые были наняты субподрядчиком или родоброка. Неформальные отношения между рабочими и фирмой-подрядчиком негативно отражались на положении подёнщика в случае невыплаты зарплаты, болезни рабочего, производственной травмы или смерти на стройплощадке. Устные договоры в ситуации форс-мажора не гарантировали защиту интересов работника.

Многозвенная система посредников, повышая степень эксплуатации трудовых мигрантов, маскировала ответственность фирмы-заказчика (или управления общественных работ) за низкие зарплаты, обезличивала, «растворяла» эксплуатацию, делала «крайними» последних в цепочке корейских хамбагасира. Замкнутый круг, который образовывали посредники, использовавшие неполноправный статус трудового мигранта, паразитировавшие на его труде, и невозможность самостоятельного найма вызывали недовольство и борьбу корейских трудовых мигрантов против спрута эксплуатации. В 1928 г. в заявлении министерства в частности говорилось: «...Каждый раз, когда кореец открывает рот, он кричит об эксплуатации или посреднической эксплуатации» [6, с. 57].

После резкого увеличения численности корейских иммигрантов в Японии в 20-х гг., роста конкуренции на рынке труда и безработицы оплата труда корейских рабочих стала дискриминационно низкой. Разрыв между уровнем оплаты рабочих японцев и корейцев увеличился по сравнению с

периодом 1910-1920 гг. За один и тот же труд при одинаковой квалификации рабочий кореец стал получать в 1,5-2 раза меньше, чем его коллега японец. В префектуре Сага в 1928 г. дневной заработок землекопа японца составлял 2 иены 34 сэн, корейца – 1 иен 1 сэн; грузчика японца – 2 иен 65 сэн, корейца – 1 иен 39 сэн. [5, с. 101].

Результатом колониальной эксплуатации корейских строителей было создание в Японии между двумя мировыми войнами так называемой built environment – инфраструктуры экономического развития: городская инфраструктура (благоустройство городских территорий, муниципальное строительство), инженерная инфраструктура (канализация, водопровод, электросети), транспортная инфраструктура (автодороги, ж.д. магистрали).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аити кен. Сэндзин мондай. (Префектура Аити. Корейский вопрос). Нагоя. 1927.
2. Кётоси кёйкубу сякайка. Кётоси ни окэру хиятои родося ни кансуру тёса (Социальный сектор отдела образования мэрии Киото. Обследование положения подёнщиков в Киото). Киото. 1931. цит. по Kawashima Ken C. The proletarian gamble... p. 73.
3. Кётоси сякайка. Синай дзайдзю тёсэн сюссинся ни кансуру тёса (Отдел социальной работы мэрии Киото. Обследование положения корейских переселенцев в Киото) Киото 1937. цит. по Kawashima Ken C. The proletarian gamble... p. 77.
4. Осака си сякайбу тёсака. Хиятои родося мондай (Сектор обследований социального отдела мэрии Осака. Проблемы подённых рабочих). 1924 март. с. 6. – цит. по Kawashima Ken C. The proletarian gamble... p. 5.
5. Пак Кэн сик. Дзайнити тёсэндзин ундоси (Общественно-политическая история корейцев в Японии). Токио. 1979.
6. Сихосё кэйдзи кёку «Тёсэндзин мондай». Токио. 1928.
7. Такаи Эйго. «Сансин доко соги но гэнъин» (Причины стачки Сансин). Кёдзай. т. 6. №9, сентябрь 1930 (с. 57-61).
8. Токёси сякайкёку. Токёси сякайкёку нэмпо 1928 нэндо (Управление по социальной работе мэрии Токио. Ежегодник за 1928 год). Токио. 1928. с. 92-93 – цит. по Kawashima Ken C. The proletarian gamble... p. 71.
9. Токёси сякайкёку. Токёси сякайкёку нэмпо 1929 нэндо (Управление по социальной работе мэрии Токио. Ежегодник за 1929 год). Токио. 1929. с. 78 – цит. по Kawashima Ken C. The proletarian gamble... p. 71.
10. Kawashima Ken C. The proletarian gamble. Korean workers in interwar Japan. Duke university press Durham and London. 2009.
11. Mitchell Richard H. The Korean minority in Japan. University of California press. Berkeley and Los angeles, 1967.
12. Osaka asahi shinbun. 1.12.1918.

КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО: ЧИСЛЕННОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

На территории современного Казахстана за огромный исторический период существовало много государств, но образование именно Казахского ханства сыграло ключевую роль во всех последующих событиях в этой и сопредельных частях Евразии.

К различным проблемам относительно недолгого существования Казахского ханства обращались многие исследователи. Тем не менее следует констатировать, что многие проблемы все еще нуждаются в специальном изучении. К ним относится и такой немаловажный вопрос, как численность и этнический состав Казахского ханства. Естественно, что все исследователи так или иначе обращали внимание на эти вопросы, но, к сожалению, они не являлись для них основными. Между тем проблемы, которые мы намерены обозначить в этом докладе, актуальны не только сами по себе, но и потому что они способны пролить свет на политическую организацию Казахского ханства и на понимание природы кочевой государственности.

Определяя политические системы кочевников как кочевые империи, Н.Н. Крадин пишет, что они развивались у номадов только в тех регионах, где они имели длительные и активные контакты с земледельческо-городскими обществами, что предопределило двойственную природу «степных империй». Снаружи они выглядели как деспотические завоевательные государства, так как были созданы для изъятия прибавочного продукта извне степи. Кочевники-скотоводы выступали в данной ситуации как класс-этнос и специфическая ксенократическая или экзополитарная политическая система. Они представляли собой нечто вроде «надстройки» над оседло-земледельским «базисом» [7, с. 190].

Ряд исследователей считает, что без взаимодействия кочевников и оседло-земледельческой среды государство бы и не возникло – «В результате подчинения и завоевания, выступающих в роли катализаторов, возникает суперстратификация, которая, с одной стороны, полностью или частично, превращает этнические различия в социальные, а с другой – приводит к возникновению государства» [16, с. 364].

При этом кочевая элита выполняла функции высших звеньев военной и гражданской администрации, а простые скотоводы составляли костяк аппарата насилия – армии [7]. Несколько ранее аналогичные идеи высказывались С.П. Толстовым [15, с. 16].

Казахи, в соседних государствах воспринимались именно как армия. Так, в грамоте Анны Иоановны хану Абулхайру говорится: «Киргиз-

кайсацкой орды Абулхайр-хану, старшине и всему киргиз-кайсацкому войску (подчеркнуто мной Г.А.) нашего императорского величества милость» [9, с. 189].

В целом, идея о роли кочевников как о надстройке представляется нам достаточно продуктивной и вполне применимой для характеристики Казахского ханства как государства в форме степной империи.

Если применить идею о государстве кочевников как двухчастной системе, включающей надстройку в виде степняков-казахов и базис в виде оседлых земледельцев, то можно схематически представить Казахское ханство, состоящее из двух иерархически организованных частей, которые могут быть охарактеризованы в рамках бинарной оппозиции: «управляющие/управляемые». В состав первой, согласно теории Н.Н. Крадина, должно входить кочевое население, т.е. собственно казахи-кочевники (надстройка). Вторая группа должна включать в себя оседло-земледельческое население Казахского ханства (базис).

Собственно говоря, первая группа, локализовалась в степной зоне, практически непригодной ни для одного вида деятельности, кроме как кочевое скотоводство. Номады-казахи делились на жузы, включавшие в себя различные племена. По авторитетному мнению дореволюционного исследователя И.И. Крафта, жузы были административными единицами Казахского ханства [8, с. 14].

Действительно, как сообщают источники, казахское ханство распалось на административные единицы – улусы. «В каждом известном улусе есть (свой) полновластный султан из потомков Чингиз-хана» [4, с. 145].

Вторая группа – оседло-земледельческое население, локализованное в присырдарьинском регионе. Многие исследователи, говоря о политическом устройстве Казахского ханства, часто подразумевают под ним только степную зону, население которой составляли собственно казахи. Между тем понятие «Казахское ханство» не эквивалентно понятию «казахский народ». Уже с момента образования Казахского ханства первые ханы казахов стали вести борьбу за присырдарьинские города.

Казахские феодалы к 1695 г. владели 32 городами [13, 55]; 16 декабря 1731 г. во время одной из бесед с А.И. Тевкелевым старшина младшего жуза Букенбай заявил, что «у них, киргиз-кайсаков, прежде были города, а именно: Ташкент, Тюркустан, Сайрам, с принадлежащими городками и деревнями и оными владели киргиз-кайсацкие ханы и старшина. В тех городах живут сарты, то есть посацкие мужики, с которых брали они дань. А из тех городов выслал их хонтайша тому с 15 лет» [6, с. 106].

Как и другие государства, Казахское ханство имело свою столицу. При хане Есиме город Туркестан стал столицей ханства. Начиная со второй половины XVI в. и почти до XIX в. он оставался одним из главных центров

казахов и официальным местом пребывания хана Старшего или Среднего жуза [10, с. 43; 9, с. 159, 167, 220].

Казахские ханы с момента возникновения ханства стремились включить в его состав присырдарьинские города. Это позволяло создать достаточно эффективный тип взаимодополняющей экономики, где степь производила скотоводческую продукцию, оседло-земледельческие районы – продукцию сельскохозяйственную, а города – ремесленную.

Созданию такого типа экономики способствовало то, что оазисы Средней Азии непосредственно примыкали к кочевьям казахов. Повсеместно, где кочевая экономика соседствовала с оседло-земледельческими регионами, складывался симбиоз.

«Эту тесную взаимосвязь кочевников и земледельцев ярко подчеркивает в преломлении через общественное сознание кочевой аристократии приводимая Махмудом Кашгарским (II, 224) тюркская пословица «нет тюрка без тага (т.е. оседлого данника), нет шапки без головы» [15, с. 16].

Иначе говоря, земледельцы, ремесленники и скотоводы не могли обходиться без продукции друг друга. В Джунгарии кочевья располагались в большом отдалении от земледельческих центров, что явилось стимулом для развития собственного земледелия и ремесла [3, с. 25].

Численность и плотность населения, по Н.Н. Крадину, также служит критерием наличия государственности. При этом подчеркивается, что «население вождеств, как правило, насчитывало десятки тысяч этнически однородного населения, в то время как в ранних государствах счет шел уже на сотни тысяч и миллионы человек из разных этнических сообществ и групп». Если говорить о численности населения, то только кочевое население Казахского ханства в отдельные периоды, в частности при Касыме, по свидетельству Мухаммад Хайдара, достигало миллиона человек [1, с. 42]. По мнению А. Исина миллион человек – это не все население, а только войско, т.е. только взрослое мужское население [5, с. 25].

Если обратиться к источнику, то находим следующее: «Тогда Касим-хан приказал, чтобы из каждой степной семьи приготовился к походу один человек. Семьсот тысяч человек явились по его приказанию и встали перед шатром хана. А в это время шатры Касим-хана были разбиты на летовке на берегу реки Идил (Итиль), где много травянистых лугов и источников проточной воды, и добираться туда по стране Касим-хана нужно целый год. Короче говоря, семьсот тысяч человек выстроились перед взором Касим-хана, и он отобрал из них сто шестьдесят тысяч человек, у каждого из которых было боевое снаряжение и киргизская лошадь». Еще один пассаж, раскрывающий представление анонимного автора Алам-ара-йи Шах Исмаил о масштабах Казахского ханства и численности его населения. Семьсот тысяч джигитов – по одному от «каждой степной семьи» – создают картину не только несмет-

ного резервного войска, из которого можно выделить боеспособную армию в сто шестьдесят тысяч отборных воинов, но и еще более многочисленного народа, сумевшего по приказу хана выделить из своей скотоводческой массы такое большое число мужчин. Конечно, преувеличение, подчас совершенно гиперболическое, числа воинов противника в предвзятых источниках чаще всего дается для приукрашивания победы над таким сильным врагом, и тем не менее совсем на пустом месте такие цифры возникнуть не могли. О могуществе Казахского ханства периода правления Касым-хана и значительной численности его населения, о 200-300 тысячном казахском войске [2].

При этом плотность населения в кочевой части ханства была относительно невысокой, поскольку это исключается условиями хозяйствования, о чем неоднократно писал Н. Масанов. Следует предположить, что оседлое население ханства достигало как минимум несколько сот тысяч человек, при достаточно большой плотности.

Кроме того, само наличие двух групп населения, кочевой и оседлой, уже предполагает наличие различных этнических групп. Большим разнообразием отличалось оседло-земледельческое население ханства: ираноязычные, тюркизированные ираноязычные и различные оседлые тюркоязычные группы городов и сел, возможно среднеазиатские евреи и арабы и др.

Помимо мусульман проживали и представители других конфессий: «там лежит около тысячи городов и селений, - говорится в источнике, - хаким области назначается Касим-ханом, а подданные наполовину кафиры, наполовину – мусульмане» [2].

Не было однообразным и кочевое население: тюркизированная группа ак-суйек – торе и кожа, выходцы из монгольского правящего рода Чингисидов и арабов соответственно, кара-суйек – собственно казахи, тюркоязычные группы различного происхождения. О переселении вглубь казахской степи и включении представителей различных народов (кыргызов, калмыков и др.) в состав казахов говорят источники различного происхождения. А.И. Левшин, в частности, писал: «В 1760 году к сей части Большой Орды присоединилось значительное число каракалпаков...» [9, с. 176].

Эти инкорпорированные группы, вероятно, не отличались в правовом положении от казахов и выполняли в ханстве те же функции.

Каракалпаки и кыргызы проживали не только на своих этнических территориях, граничащих с землями казахов, но и собственно на территории Казахстана. Так, Аблай-хан «построил сыну своему султану Адилю по просьбе повиновавшихся ему киргиз-казаков Большой орды при речке Талаш дом, обнес оный валом, основал около него селение из каракалпаков, привыкших к хлебопашеству. Пленных им во множестве бурутов отослал он в северную часть Средней Орды, где они и дети их доныне живут, составляя

род, известный под именем джаны, или яны-киргиз, то есть новые киргизы» [9, с. 256].

Проживали в степной зоне ханства и люди иного этнического происхождения (иранцы, калмыки, русские), которые входили в различные группы (кулы, туленгуты) с разной степенью зависимости и выполнявшие различные функции: кулы – рабы, толенгуты – дружина и служилые люди при хане и султанах [прим. 1].

Иначе говоря, этнический состав рабов в Казахском ханстве определялся их религиозной принадлежностью. Они, с точки зрения казаха, являлись иноверцами – шиитами, буддистами и христианами [9, с. 314].

Туленгуты ханов – «пришельцы эти разных родов и отделений кочуют постоянно вместе с султанами, не отличаясь, впрочем, ничем от простого казаха, кроме одного права – клеймить скот свой султанским тавром» [12, с. 136].

В более детальном освещении нуждается выяснение той роли, которую играли в составе ханства входившие в него в различные периоды кочевые народы (либо их отдельные части) – калмыки, кыргызы, каракалпаки и, возможно, башкиры. Можно предположить, что они выполняли те же функции, что и казахские племена и их положение в правовом отношении мало чем отличалось. Для объяснения такого их положения могли быть изобретены генеалогии, возводящие эти народы к общему с казахами предку (Алты-Алаш).

Известно, что находящиеся в политическом отношении в зависимости от казахских ханов каракалпаки, занимавшиеся как скотоводством, так и земледелием, были обязаны платить дань хлебом, участвовать в походах на соседей и собирать в пользу своих сюзеренов пошлину с проходящих по их землям торговых караванов [13, с. 59]. Положение каракалпаков было двойственным, с одной стороны, оно мало чем отличалось от положения оседло-земледельческого населения ханства, с другой – они включались в состав аппарата насилия.

Очень тесные связи существовали у казахов с кыргызами. Около 1526 г. большая часть киргизов присоединилась к казахскому хану Тахиру. Среди них он и умер по сообщению Мухаммад Хайдара [11, с. 223].

В башкирских преданиях сообщается, что Хакк-Назару были подчинены и башкиры. Основываясь на этих преданиях, П.И. Рычков писал: «Сей Акназар, учинившись ханом, в великое усилование пришел и владел не только одними теми ногайцами и Башкириею, но сверх того Казанское, Сибирское и Астраханское царство, Бухарию, Хиву, Ташкент и другие многие города под власть свою покорил и дань с них собирал» [14, с. 52].

Калмыки. Несмотря на то, что калмыки исповедывали другую веру и говорили не на тюркском языке, часть их также входила в состав Казахского

ханства [9, с. 47].

Туркмены. Некоторые поколения туркмен, кочующих возле Каспия, избрали ханом Пиргали, второго сына Нурали [9, с. 253].

Таким образом, население Казахского ханства в периоды мирного развития насчитывало более миллиона человек. Это население было неоднородным в этническом отношении, занималось различными видами хозяйственной деятельности. Данные характеристики позволяют отнести Казахское ханство к типу кочевых империй.

Прим. 1 О захвате и продаже калмыков, персов, русских – см. Витевский Н.В. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. III. Казань, 1897, С. 736, 739; Добросмыслов А.И. Города Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1912. С. 38.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абусейтова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, Наука. 1985. С. 30, 41.
2. Атыгаев Н., Жандосова З. Новый источник по истории Казахстана XVI века: предварительные результаты изучения Алам-ара-йи Шах Исмаил <http://e-history.kz/tu/contents/view/383>
3. Гуревич В.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1983.
4. Ибрагимов С.К. «Михман намеи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV-XVI вв. // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР. Т. 8. А., 1960. С. 145.
5. Исин А. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV-XVI в. Алматы, 2004.
6. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. Алма-Ата, 1961.
7. Крадин Н.Н. Политическая антропология. М.: Логос. 2004.
8. Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. С. 14.
9. Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, Санат. 1996.
10. Массон М. Мавзoley Ходжа Ахмеда Йасави. О чем поведали ученые. – Алматы: Рауан, 1997. С. 43
11. Материалы по истории казахских ханств. Алма-Ата, 1969.
12. Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I, Алма-Ата, 1948. С. 136.
13. Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII-XVIII вв. Алма-Ата: «Гылым», 1991.
14. Рычков П.И. История Оренбургская. Оренбург, 1896. С. 69.
15. Толстов С.П. Тирания Абура // Исторические записки. № 3. 1938. С. 16.
16. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002.

РАЗВИТИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В БАШКОРТОСТАНЕ

Огромная территория, большое разнообразие ресурсно-географических условий, различия в историческом развитии этносов многонационального населения России, нашедших отражение в естественном движении, семейно-брачных отношениях, миграционной активности определяют значительную дифференциацию демографической ситуации по ее регионам. Среди регионов страны в 2014 г. наиболее высокий и наименее низкий коэффициент рождаемости колебался в пределах от 25,3 (Республика Тыва) до 9,1 (Ленинградская область), коэффициент смертности – от 3,5 (Ингушетия) до 18,4 (Псковская область) промилле. Не меньшие различия сложились и в других демографических показателях: в численности, возрастном составе, плотности населения и т. д. Что касается миграционных процессов, то в настоящее время мощность и направления международных и межрегиональных потоков по регионам чрезвычайно различается. Сложившееся миграционное движение населения часто противоречат социально-экономическим интересам самих регионов и даже геополитическим интересам государства.

Большие различия в демографическом развитии требуют дифференцированного подхода в определении целей демографической политики и разработке мер ее реализации в каждом регионе. Государственная демографическая политика будет эффективной, если она, с одной стороны, отвечает интересам каждого региона, а с другой – социально-экономическим и геополитическим интересам России в целом. Однако в современных условиях меры демографического регулирования в регионах слабо учитывают особенности собственного воспроизводства населения.

Такое положение связано с несколькими причинами. Одна из них заключается в относительно слабом развитии демографических исследований. При сравнительно быстром развитии прикладных исследований процессов воспроизводства населения в целом по стране, региональные их особенности изучаются слабо. Такое положение может негативно отражаться на эффективности реализации мер демографической политики.

Демография среди общественных наук одна из самых молодых. Первые обобщения в области народонаселения были сделаны англичанином Дж. Граунтом в 1662 г. Отечественные исследования народонаселения появились значительно позже, лишь в середине 18 века.

На начальном этапе советской власти демографическая наука получила достаточно быстрое развитие. В частности, в области народонаселения успешно функционировали два исследовательских центра в Ленинграде и в Киеве. Однако в 1930-е годы демографическая наука начала подвергаться

гонениям, исследования были свернуты. В дальнейшем лишь часть проблем демографии изучалась в рамках статистики, не имея права на отдельное существование [1].

Кризисная ситуация с состоянием демографии сопровождалась с недоступностью для научной общественности статистических материалов в области населения. Практически вся статистика населения была закрытой, в лучшем случае имела гриф «для служебного пользования». Итоги переписей населения публиковались все в более урезанном виде. Поскольку из учебных программ учебных заведений курс демографии был изъят, то не было и специалистов, способных анализировать демографические процессы не только регионов, но и страны в целом. Вопреки сложившейся ситуации, отдельные ученые продолжали свои исследования. К таким ученым российской демографической школы следует отнести Б.Ц. Урланиса, А.Я. Боярского, Л.Е. Дарского, В.С. Стешенко и др.

Нужно отметить, что и сама советская система управления не проявляла интереса в практическом использовании результатов научных изысканий в области народонаселения. Дело в том, что демографическая ситуация в стране в течение длительного времени была достаточно благоприятной: высокая рождаемость, сочетаясь со снижающейся смертностью населения, обеспечивала высокий прирост его численности. Советское государство имело эффективные рычаги регулирования миграционными процессами, которые отвечали геополитическим и социально-экономическим его интересам. Поэтому в условиях глубокой централизации управления экономикой и социальной сферой необходимость учета особенностей развития народонаселения оказывалась практически не востребованной.

В советской историографии демографические проблемы изучались в ракурсе аргумента в обосновании сближения классов и народов, возвышения политических, социально-экономических преимуществ социалистической системы перед капитализмом.

После XX съезда КПСС постепенно начали складываться благоприятные условия для развития демографических исследований. Постепенно сталинские методы управления государством поменялись на более демократические, которые положительно сказались на восстановлении демографической науки. Была и другая причина реанимации демографии – появление негативных тенденций в воспроизводстве населения. К таким можно отнести снижение рождаемости, рост разводов, замедление роста продолжительности жизни населения. Миграционные процессы внутри страны стали менее управляемыми. Ухудшение демографической ситуации в начале 1970-х гг. повысило внимание властей к проблемам народонаселения. В Москве, Киеве, Минске и некоторых других городах начали создаваться профильные научные организации таких исследований.

В 1960-е гг. на высоком партийном уровне обсуждалась необходимость целенаправленного управления процессами воспроизводства населения. В 1976 г. на XXV съезде КПСС была поставлена задача разработки «эффективной демографической политики» [2, с. 98]. Это послужило мощным толчком к развитию научных изысканий.

К началу 1970-х гг. демографическая политика начинает рассматриваться как неотъемлемая часть социально-экономической политики государства [3, с. 14]. Однако влияние советской идеологии на развитие исследований продолжалось.

Из-за необоснованности целевых ориентиров социальной политики основной целью реализации социально-демографической политики в СССР провозглашается принцип «семья для государства» [4, с. 81]. В советском обществе семья рассматривалась вне статуса микроструктуры, что подрывало ее естественную основу. Советские демографы не могли отказаться от постановки вопроса о женщинах как производительной силе. В 1970-е гг. появились исследования, раскрывающие обостряющиеся противоречия материнских и профессиональных обязанностей. Социокультурные и региональные особенности исторического развития народов, их этнический состав постепенно начали признаваться в качестве самостоятельных факторов, влияющих на демографические процессы.

Несмотря на сложившиеся препоны, Башкортостан среди регионов России выделялся тем, что здесь историки, этнографы, географы использовали отдельные демографические показатели в своих исследованиях. К ним можно отнести работы Р.Г. Кузеева, Н.В. Бикбулатова, Б.Х. Юлдашбаева, Х.Ф. Усманова, Н.Н. Барсова, М.Ф. Хисматова, А.З. Асфандиярова и других. Однако их нельзя было отнести к собственно демографическим исследованиям.

Первые исследования, связанные с анализом воспроизводства населения Башкортостана того времени, были начаты в Отделе экономических исследований Башкирского филиала АН СССР. Они были посвящены изучению межрегиональной и внутриреспубликанской миграции населения, формированию и использованию рабочей силы малых городов республики. Большой толчок в активизации научных разработок в области народонаселения был сделан в конце 1970-х годов с созданием республиканской демографической комиссии. Комиссию возглавил председатель Совета министров БАССР З.Ш. Акназаров, в ее состав вошли не только работники госаппарата, но и научные исследователи. Надо заметить, что среди регионов РСФСР подобная комиссия была первой. Демографической комиссией были разработаны меры по регулированию демографических процессов в республике, которые легли в основу республиканской демографической политики. Работа демографической комиссии дала большой импульс развитию демографических

исследований в Башкортостане. В области народонаселения были развернуты исследования в Башкирском государственном университете, в Уфимском государственном авиационном техническом университете. Большую научную работу проводила социологическая лаборатория под руководством Н.А. Аитова. На основе реализации рекомендаций комиссии в республике были сформированы и получили развитие некоторые направления здравоохранения, построен ряд промышленных предприятий в малых городах республики, организовано внутриреспубликанское переселение населения и т.д. Главным результатом была ориентация руководителей республики, ее городов и сельских районов на повышение значения человеческого фактора.

Особенно активная научно-исследовательская работа в области народонаселения начала проводиться в постсоветское время. В условиях рыночной экономики роль населения в управлении производством и социальной сферой существенно возрастает. Эффективность системы управления экономики и социальной сферы во многом зависит от полноты учета особенностей и тенденций развития народонаселения.

В 1990-2000-е гг. фокус внимания ученых сместился в сторону исследования субъективной стороны вопроса, сужения объекта до населения региона или отдельных этнических общностей, чему в немалой степени способствовало формирование самостоятельного политико-правового и экономического пространства Республики Башкортостан. В региональной демографии окончательно сформировались самостоятельные течения: историческая, этническая, социологическая, медицинская отрасли демографии. К ним можно отнести исследования Ф.Б. Бурхановой, Р.А. Галина, Р.М. Валиахметова, М.М. Кульшарипова, Р.Т. Насибуллина, Я.А. Скрыбиной, Г.Ф. Хилажевой, И.З. Султанмуратова, Р.Н. Сулеймановой, И.Б. Утяшевой, С.Х. Кадырова, Н.Х. Шарафутдиновой, Р.Т. Сафиуллина и др.

Немаловажное значение для повышения эффективности изучения демографических процессов имеет его интеграция с социологическими исследованиями в области миграции, семейно-брачных отношений, уровня и качества жизни и др. Еще в советской демографии было обосновано влияние социальных установок на демографические процессы. В частности, их влияние на рождаемость было убедительно показано Г.А. Бондарской, В.А. Беловой и Л.Е. Дарским [5, 6].

Разрушение административно-командной системы, переход на новые рыночные отношения привели к возникновению новых форм миграций и новых направлений миграционных потоков. Новые социальные условия обнажили, что территориальное движение населения зачастую не отвечает интересам экономического и социального развития региона. Это повысило актуальность изучения движущих факторов и условий международной трудовой миграции населения. Увеличение численности мигрантов обусло-

вило необходимость изучения их адаптации и интеграции в местных сообществах. В Башкортостане было проведено комплексное изучение миграционных процессов с широким использованием социологических методов. На основе результатов исследования было проведено несколько круглых столов с привлечением широкого круга участников [7]. Возобновились так и не получившие развития в советский период исследования по проблеме самосохранительного поведения населения.

В 1990-е гг. в Башкортостане развернулись активные исследования по проблемам воспроизводства населения. Они охватили широкий круг демографических факторов, формирующих население. Они проводились как отдельными исследователями, так и коллективами научных организаций. Одним из таких коллективов стал Отдел социально-экономических исследований Башкирской академии государственного управления при Президенте РБ. Несмотря на малочисленный состав сотрудников, начиная с 1990-х годов здесь проводятся исследования по широким проблемам народонаселения [8-12]. Сотрудники Отдела приняли участие в разработке Концепции демографической политики Республики Башкортостан до 2025 года.

Большой вклад в изучение демографических проблем воспроизводства населения Башкортостана вносит Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан. Здесь успешно функционирует лаборатория семьи и демографии, созданная в 2012 г. Методологической особенностью исследований института является широкое использование социологических методов в изучении демографических проблем. Институт с 2007 г. проводит регулярные опросы населения. Среди них можно выделить «Демографическое развитие Республики Башкортостан» (2007 г.), «Здоровье и продолжительность жизни населения Республики Башкортостан» (2008 г.), «Трудовая миграция и вопросы межнационального взаимодействия в РБ» (2010 г.) и др. Высокая репрезентативность выборки, использование единой методики социологических исследований сделали возможным делать глубокие аналитические обобщения в области народонаселения [13-17].

Проведение таких опросов является дорогостоящим и требует немало затрат труда и средств. Нужно отметить, что результаты общероссийских опросов не всегда пригодны для использования в регионах. К примеру, по словам руководителя Федеральной службы государственной статистики РФ А.Е. Суринова, на обследование уровня жизни домохозяйств Российской Федерации в 2011-2013 гг., включая изучение репродуктивного и самосохранительного поведения, планировалось выделить 406 млн рублей. В 2013 г. было опрошено около 16 тыс. респондентов по всей России [18]. Проблема в том, что эти обследования не репрезентативны для регионов России. Поскольку регионы России существенно различаются в демографическом развитии и

требуют дифференцированного подхода в определении целей и мер демографической политики, трудно оспорить необходимость социологических исследований на региональном уровне.

Результаты опросов делают выводы исследователей аргументированными в формировании приоритетов и мер реализации демографической политики региона. Институт одним из первых в России начал использовать результаты демографических и социологических исследований для расчета индекса развития человеческого потенциала по Башкортостану.

Республика Башкортостан находится перед лицом серьезных вызовов демографических изменений. Они охватят как естественное движение, так и миграционные процессы. Население республики в ближайшие годы ожидают серьезные изменения в естественном движении, которые приведут к существенной трансформации возрастного состава населения. Предстоящее резкое сокращение численности лиц в трудоспособном возрасте и увеличение численности лиц в пенсионном возрасте потребует углубленного изучения не только современных демографических процессов, но и их прогнозирования. Если эффективность современных исследований была обеспечена за счет интеграции демографических и социологических методов, то ее дальнейшее повышение требует широкого привлечения и экономических методов. Сокращение трудовых ресурсов на фоне старения населения приведет к увеличению демографической нагрузки на его трудоспособную часть.

Таким образом, развитие демографической науки в советское время было искусственно прервано и возобновилось только в 1960-х гг. В регионах СССР, в том числе в Башкортостане, демографические исследования были представлены относительно слабо. Формирование демографической политики на уровне республики в конце 1970-х гг. послужило мощным импульсом для развития региональной демографии, однако исследования получили более широкое развитие уже в 1990-е гг. в условиях создания самостоятельного политико-правового поля. В настоящее время в регионе получили развитие разные направления демографии, представленные научными и образовательными учреждениями, однако после пройденного этапа раздробления предмета исследований требуется применение комплексного подхода, позволяющего раскрыть и предвидеть картину демографических процессов в республике перед лицом новых вызовов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Волков А.Г. Существует ли наука «Демография»? К 95-летию со дня рождения А.Я. Боярского // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество»: Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/041/nauka01.php> (дата обращения: 5.07.15).

2. КПСС. Съезд 25-й. Стенографический отчет. 24 февраля – 5 марта 1976 г. В 3 т. Т. 1. М., 1976. С. 98.
3. Валентей Д.И. Политика народонаселения и ее составляющие // Демографическая политика. М., 1974. С. 14.
4. Демографическая модернизация России, 1900-2000. М., 2006.
5. Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972.
6. Бондарская Г.А. Рождаемость в СССР. Этнодемографический аспект. М., 1977.
7. Миграционные процессы в Республике Башкортостан. Сборник научных статей / Под ред. Р.А. Галина. Уфа, 2007.
8. Социальные и экономические проблемы трудовой миграции в Республике Башкортостан / Под ред. Р.А. Галина. Уфа, 2012.
9. Галин Р.А. Население Республики Башкортостан: тенденции и особенности развития на пороге нового тысячелетия. Уфа, 1998.
10. Галин Р.А. Население города Уфы: прошлое, настоящее будущее. Уфа, 2001.
11. Скрыбина Я.А. Особенности репродуктивного поведения населения в условиях трансформационной российской экономики. Уфа, 2012.
12. Браки и разводы в современном Башкортостане. Сборник научных статей / Башкирская государственная академия государственного управления при Президенте РБ. Уфа, 2012.
13. Семья и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / Под ред. Р.М. Валиахметова, Ф.Б. Бурхановой, Г.Ф. Хилажевой. Уфа, 2013.
14. Валиахметов Р.М., Мухамадиева Р.Р., Хилажева Г.Ф. Проблемы профилактики и преодоления суицида в Республике Башкортостан. Уфа, 2009.
15. Бурханова Ф.Б., Мухамадиева Р.Р. Проблемы семьи и семейной политики в Республике Башкортостан (результаты социологического опроса экспертов). Препринт. Уфа, 2010.
16. Хилажева Г.Ф., Мухамадеева Р.Р. Положение трудовых мигрантов в Республике Башкортостан. Уфа, 2011.
17. Демографический потенциал Республики Башкортостан: состояние и тенденции развития / Отв. ред. Р.М. Валиахметов, Г.Ф. Хилажева; сост. Н.К. Шамсутдинова. Уфа, 2013.
18. Выборочное наблюдение поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR/Sdp2013.Bfs.Publisher/index.html

Глушкова Л.Н.

РАЗВИТИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ, «Я»-КОНЦЕПЦИИ И НОРМ ТОЛЕРАНТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В сознании современных молодых людей в Республике Казахстан ста-

ли культивироваться не свойственные казахстанскому обществу и культуре моральные ценности. Влияние и воздействие связаны с привыканием к тому, что ранее было асоциальным, например, распространение новых ценностей, больше отражающих западный образ жизни. Однако причины подобных явлений могут быть и в неэффективности воспитательных мер, идеологии, новых ценностных ориентациях самого общества и пр.

В современной казахстанской действительности приоритеты и представления студентов о ценностях, в том числе ценностях карьеры, материального достатка, удовольствий, семьи, кардинально изменились.

Д.В. Зинovieв определил существенные характеристики толерантности через выстраивание антонимичного ряда личностных качеств. Толерантность и интолерантность у него – это уважение, симпатия, доброта и презрение, отвращение, гнев, соответственно. Кроме этого, им, а также О. Шемякиной, интолерантность, в указанных характеристиках, рассматривается как враждебность [3]. Насколько адекватно и полно такое понимание толерантности? Существует и обратная сторона развития толерантности.

Развитие толерантности позволяет разрушить наиболее устойчивые и значимые культурные образования сознания и мышления молодежи. Можно предположить, что толерантность – это просто терпимость к не норме в ущерб традиционным нормам. Толерантность к отступлению от норм возможна в сравнительно ограниченном диапазоне вокруг нормы, поскольку слишком большое отклонение от нее чревато. Не норма может стать не отступлением от нормы, но начинает претендовать на повсеместность, на то, чтобы стать нормой [1].

Если провозглашать: все, что не запрещено, позволено. Это значит, что нигде специально не написано, что запрещается, то тем самым это можно делать. То есть негласно подразумевается, что существуют некие бесспорные истины, общепринятые нормы, общечеловеческие заповеди, которым люди неукоснительно следуют в рамках той или иной общности. Однако современное проведение позиции толерантности часто вызывает вопросы. Почему, например, ненормативная лексика режет слух нормальному большинству? Почему толерантность к меньшинству оборачивается вопиющей нетерпимостью по отношению к большинству, представления и принципы которого разрешено свободно нарушать? А иногда и вовсе оказывается вызовом здравому смыслу, когда нарушаются правила, соблюдаемые на уровне интуитивных очевидностей. Практика насаждения толерантности оборачивается терпимостью к злу, греху, лжи и т.п. С помощью продвижения толерантности можно пробить брешь в традиционной культуре, сместив все акценты и смешав ориентиры [2].

Мы провели исследование среди магистрантов ВКГТУ им. Д. Серикбаева 1 курса в течение 2014-2015 гг., в рамках которого попытались выявить

приоритеты в ценностных ориентациях. Выборка составила 150 человек, это молодые люди в возрасте от 19 до 27 лет. Проведенное исследование показало, что структуру ценностных предпочтений современной молодежи можно разделить на три подгруппы. Первая группа ценностей: карьера, материально обеспеченная жизнь, уверенность в себе и хорошая обстановка в стране. Вторая группа ценностей: здоровье, образование, семья, любовь. Третья группа ценностей: удовольствия, друзья, свобода.

Перейдем к анализу результатов. В женской группе обнаруживаются следующие приоритеты: большинство (85%) девушек считает, что наиболее важным на ближайшее будущее является: материально обеспеченная жизнь, интересная работа. На второй позиции находится здоровье, семья, любовь (75%). На третьем месте – получение образования, уверенность в себе (65%). В мужской группе обнаруживаются следующие приоритеты: большинство мужчин (90%) важным считают здоровье. На втором месте (85%) – семья, любовь, материально обеспеченная жизнь. На третьем месте (65%) – удовольствия, друзья. Мы видим некоторое смещение женской модели поведения на традиционно мужскую. Сферы деятельности приоритетные среди мужчин становятся важными для женщин. У мужчин же наблюдается развитие эмоциональности с направленностью на удовольствия.

Семейно-брачные установки выглядят следующим образом. Зарегистрированный брак предпочитает большинство девушек – 73%. Менее половины опрошенных парней (44%) выбрали зарегистрированный брак. Можно также указать, что 95% респондентов позитивно относятся не только к браку, но и к внебрачным отношениям, в 97% случаев имеется опыт внебрачных связей.

Было обнаружено противоречие (амбивалентность) в оценке брака и внебрачных связей. Так, девушки и юноши, негативно относящиеся к внебрачным связям, в то же время имеют такой опыт и позитивно его оценивают (девушки – 43%, юноши – 16%). Из полученных результатов следует вывод, что среди молодежи «бытует» искаженное представление о семье, а также существующие проблемы приводят к отрицанию этого социального института. Изменились духовно-нравственные ориентиры молодежи на получение образования, престижную работу, отодвинулся возраст вступления в брак. Уровень развития общества повлиял на отношения между полами: личное счастье, удовлетворение интимными отношениями становятся жизненными приоритетами молодежи. Социально-экономическая ситуация в стране не способствует укреплению брачно-семейных отношений. Проблема трудоустройства молодого специалиста, низкая зарплата, работа, связанная с длительным отсутствием дома, не способствуют развитию установок на семью.

Толерантность можно понимать как снисхождение к новым ценност-

ным ориентациям молодежи, и слабость развития брачно-семейных установок со стороны общества приводит к вышеуказанным следствиям.

Толерантность, с одной стороны, – основополагающее условие развития личности, так как толерантность обеспечивает успешное преодоление кризисных ситуаций как в процессе социализации, так и в процессе саморазвития, толерантность – качество личности, которое способствует её наиболее оптимальному функционированию в период между кризисами. С другой стороны, под видом защиты толерантности идет процесс отказа от нормы как таковой. В самом деле, когда некая норма навязывается всем в качестве повсеместной и обязательной.

Операционализация понятия толерантности в контексте разработки практических психологических технологий была осуществлена Г. Солдатовой. Она рассматривает толерантность как «интегральную характеристику индивида, определяющую его способность в проблемных и кризисных ситуациях активно взаимодействовать с внешней средой с целью восстановления своего нервно-психического равновесия, успешной адаптации, недопущения конфронтации и развития позитивных взаимоотношений с собой и с окружающим миром». Толерантность как интегральная характеристика личности, по мнению Г. Солдатовой, включает четыре основных компонента: психологическую устойчивость, систему позитивных установок, комплекс индивидуальных качеств, систему личностных и групповых ценностей, на формирование и развитие которых должны быть направлены психологические технологии. Целенаправленное формирование толерантности, в этом случае, – это формирование разных форм психологической устойчивости и развитие способности индивида к мобилизационной реакции, способности самостоятельно возвращаться в состояние психологического равновесия с собой и с окружающим миром.

Таким образом, понимание толерантности как действия через доминантность определенных личностных качеств является фундаментальной основой для практической деятельности по формированию толерантности педагогическими средствами. То есть достаточно отвлеченное понимание толерантности как ценности в данном случае получает вполне конкретное выражение в наборе психологических характеристик личности, которые могут быть акцентированы в результате целенаправленного воздействия.

Толерантность можно понимать двояко. Данная двойственность дает и двойственность последствий ее развития в нашем исследовании относительно ценностных ориентаций и установок молодежи. С одной стороны, толерантность значима для развития и функционирования личности, и её необходимо воспитывать, то есть создавать условия для придания толерантности личностного смысла. Воспитание толерантности следует рассматривать как основополагающий фактор развития личности. С другой стороны, мы

становимся терпимыми к новым искаженным ценностям, трансформируются и отбрасываются традиционные ценности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жильцова Ю.В. Формирование семейных ценностей у студенческой молодежи [Текст] / Ю.В. Жильцова, И.Р. Сорокина // Современная психология: материалы II междунар. науч. конф. (г. Пермь, июль 2014 г.). – Пермь: Меркурий, 2014. – С. 41-43.
2. Лекторский В.А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. 2007. №11. С. 284.
3. Погодина А.А. Толерантность: термин, позиция, смысл, программа // www.tolerarice.org.ru
4. Википедия [Электронный ресурс]: Толерантность. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%EE%EB%E5%F0%E0%ED%F2%ED%EE%F1%F2%FC>

Григоричев К.В.

ДИНАМИКА РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК ЖЕНЩИН ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ И ЭВОЛЮЦИЯ ВОЗРАСТНОЙ МОДЕЛИ РОЖДАЕМОСТИ В РЕГИОНЕ¹

Одной из ключевых тенденций последних лет в развитии демографической ситуации в Иркутской области становится изменение возрастной модели рождаемости. Основным вектором этих изменений является повышение возраста матери при рождении первого ребенка и смещение максимальных значений возрастных коэффициентов рождаемости (ВКР) из группы 20-24 года в группу 25-29 лет. Этот процесс активно идет в городском населении региона и наиболее рельефно прослеживается в областном центре – г. Иркутск [1, 2]. Поскольку одновременно с этим происходит снижение значений ВКР в группе 20-24 года, представляется возможным говорить именно об изменении возрастной модели рождаемости, а не конъюнктурном подъеме числа рождений вторых и последующих детей в результате комплекса пронаталитских мер правительства РФ.

Закономерным представляется вопрос об устойчивости и долговременности такой эволюции возрастной модели рождаемости. Является ли это логичным развитием демографического перехода [3] (в другой традиции – вторым демографическим переходом [4]) или конъюнктурной и потому недолговременной реакцией на экономические и политические процессы. Решение этого вопроса на основе статистических наблюдений представля-

ется непродуктивным, поскольку фиксируемые в них события не отражают главного – мотивов репродуктивного поведения, на основе которых и формируется структура рождаемости.

С этой целью зимой 2014-2015 гг. был проведен опрос женщин репродуктивных возрастов, проживающих в Иркутске, пригородных поселениях и сельском районе. Объем пропорциональной квотной выборки составил 300 человек, из которых 255 – жительницы областного центра и пригородов. Масштаб и характер выборки (около 0,12% от численности генеральной совокупности – «женщины репродуктивного возраста» без распределения по уровню образования, семейному положению, уровню доходов) не позволяет говорить о полной репрезентативности опроса. Однако сопоставление с материалами аналогичного исследования 2009 г., проведенного по той же выборке и программе, позволяют все же выделить основные тенденции и оценить динамику изменений в репродуктивных установках женщин. Для более глубокого понимания мотивов и факторов изменения репродуктивного поведения с частью участниц второго опроса были проведены небольшие интервью после заполнения анкетных листов. Эти интервью, в основном, и положены в основу текста.

Ключевыми моментами опроса являлись вопросы об идеальном, желаемом и ожидаемом количестве детей, которых собирается родить женщина, а также мнения респондентов о желаемом возрасте рождения первого, второго и последующих детей. Ответы на эти вопросы не только дали статистический контекст репродуктивных намерений, но и позволили сформулировать вопросы для интервью, связанные с мотивами тех или иных репродуктивных стратегий.

Опрос 2014 года показывает высокую корреляцию ответов респондентов и возрастной структуры рождаемости. Для областного центра характерно смещение в последние 10 лет пика значений ВКР из группы 20-24 года в группу 25-29 лет. Именно этот возраст (25-29 лет) указывает большинство опрошенных как наиболее благоприятный возраст для рождения детей. Более 60% респондентов-горожанок и жителей пригорода отметили, что женщине стоит иметь первого ребенка к 30 годам, тогда как возраст до 25 лет отмечен немногим больше, чем в 30% ответов. Хорошо заметна и динамика ответов: по более раннему опросу доля женщин, указавших необходимость иметь первого ребенка не позднее 25 лет, превышала 40%. Это в целом совпадает с желаемым возрастом рождения первенца, выявленным общероссийским опросом 2007 года [5], сохранявшим характеристики репродуктивных установок 1990-х годов [6].

Желаемый возраст рождения второго ребенка также смещается в более старшую возрастную группу (30-34 года), однако динамика здесь менее заметна. Если в первом опросе доля респондентов, указавших, что второго

1. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, соглашение №14-46-04099

ребенка следует родить к возрасту 35 лет, была чуть менее 40%, то в 2014 году этот вариант ответа выбрали около 47% ответивших на вопросы анкеты. Примечательно, что значительная часть опрошенных (около 34%) указала в качестве желательного возраста рождения второго ребенка 25-29 лет. Это достаточно адекватно соответствует распределению мнений по поводу возраста рождения первого ребенка и поколенческой разнице в стереотипах репродуктивного поведения. Большинство респондентов, выбравших второй вариант ответа (рождение второго ребенка не позднее 30 лет), находятся в возрасте старше 40 лет, тогда как более молодые опрошенные предпочитают реализовать это событие в старшем возрасте.

Поколенческие различия хорошо заметны и в иной зависимости. Представители старших возрастных групп опрошенных указывали в целом заметно более низкий возраст желаемого рождения первого ребенка и большее число детей, которые они намерены родить либо уже родили. Представительницы более молодых групп (до 25 лет) указывают более высокий возраст желательного рождения первого ребенка (до 30 лет) и заметно более низкое число детей, которое твердо намерены иметь. Вместе с тем идеальное число детей в семье, по мнению представителей старших поколений, оказывается заметно ниже предпочтений молодежи. Поскольку «репродуктивные намерения следует рассматривать как серию последовательных – и изменяющихся во времени – индивидуальных решений» [7], то такая эволюция может отражать не только поколенческие различия, но и эволюцию репродуктивных установок с возрастом.

Мне представляется, что формирование описанной ситуации может быть объяснено с нескольких позиций. Прежде всего, респонденты старших возрастных групп смотрят на рождения детей с более реалистичных позиций, основанных на собственном жизненном опыте. С другой стороны, молодые респонденты оказываются достаточно восприимчивыми к активному продвижению идей повышения рождаемости и в ответах на вопросы анкеты, не требующих серьезной рефлексии, легко их воспроизводят. Вместе с тем «высокие идеалы» репродуктивного поведения серьезно противоречат представлениям молодых женщин о собственных репродуктивных планах (желаемом числе детей, которых они предполагают родить). Разность между представлением об идеальном числе детей и реализацией этих представлений – хорошо известная закономерность [см. напр. 8]. И здесь большой интерес, на мой взгляд, представляет объяснение респондентами различий, раскрывающих мотивацию женщин в построении собственных репродуктивных стратегий.

Материалы послеопросных интервью показывают заметно более рациональное отношение молодых женщин к построению собственных репродуктивных стратегий, нежели представительниц старших поколений.

Для женщин в возрасте сорок лет и старше при объяснении различий между идеальным числом детей и фактически рожденных ими характерна позиция своего рода «оправдания» за нереализованные представления о детях и семье. В интервью нередко встречается упоминание о собственной «вине», в результате которой женщина родила «всего» одного или двух детей.

«Это, наверное, моя вина, что всего у меня двое. Вроде хотела больше, чтобы большая семья была, но много подруг слушала, быт заедал...»

«Конечно, там, работа, всякое другое... Да и сидеть с детьми кому было? Но, знаете, это все можно было. Сама виноватая – молодая была, глупая, надо было рожать да рожать, а то вот вырос он один [сын – КГ] и уехал, а я сейчас сама по себе, никому не нужна...»

Рациональные объяснения (занятость, необходимость работы, сложности с жильем и т.д.) в интервью с представительницами этой возрастной группы также присутствуют. Однако сами респонденты оговаривают, что большинство этих мотивов не рефлексировались и тем более не обсуждались ни в семье, ни за ее пределами.

«Мы [с мужем – КГ] не говорили на эти темы, знаете, как-то не принято было это... Все идет и идет само собой, а тут когда случилось [беременность – КГ] уже думать начинали, что делать».

Можно, вероятно, говорить о, своего рода, соотношении собственной «репродуктивной биографии» и социальной нормы, отраженной в представлениях об идеальном числе детей [8, с. 11-12].

В оценках молодых респондентов представления об идеальном числе детей и собственных репродуктивных планах осознанно разводятся. Идеальное число рождений почти никак не связывается с собственными жизненными планами, это, скорее, характеристика идеального общества в идеальных условиях – ситуация, априорно невозможная. Именно на нее распространяются образы, формируемые государственной политикой в сфере рождаемости:

«Много детей – это как бы хорошо, но... «не в этой жизни». Хорошо для государства, наверное, для народа, я с этим согласна. Это правильно. Но я же не весь народ, у меня может быть другая ситуация...»

Собственные репродуктивные планы, насколько можно судить по материалам интервью и опросов, подчиняются у молодежи более общим жизненным стратегиям. Приоритеты весьма рационально отдаются «успеху в жизни», важнейшими условиями которого определяются карьера и связанное с ней образование, устойчивое материальное положение и возможность мобильности. Интересы «страны», «народа», «рода», с которыми респонденты соотносят идеальное число детей, не называются в качестве существенных факторов определения и желаемого числа детей, предпочтительного календаря рождений. Примечательно, что сопоставление материалов опросов

2009 и 2014 гг. показало изменение системы мотивов, определяющих смещение времени рождения первого ребенка на старший возраст.

В материалах первого опроса преобладающими были «экономические» мотивы – отсутствие жилья, низкие доходы и т.п., и необходимость материального обеспечения молодой семьи и ребенка. Показательным для опроса 2009 г. является ответ на вопрос анкеты о причинах выбора возраста рождения первого ребенка, допускающий свой вариант ответа: *«Нечего нищету плодить»*. Более половины опрошенных в этом году указали низкий уровень доходов молодежи как причину для рождения ребенка в более старшем возрасте.

Материалы второго опроса, на мой взгляд, позволяют говорить о смещении акцента в мотивах определения возраста рождения детей на выстраивание жизненных стратегий. Преобладающим мотивом откладывания рождения первого ребенка на возраст после 25 лет становится необходимость построения карьеры и, прежде всего, первых этапов такой траектории: образования и успешного начала профессиональной карьеры. Часть респондентов в интервью специально отмечали, что последнее подразумевает не просто трудоустройство, но и неременный карьерный рост *«хотя бы на одну позицию»*. Мне представляется, что это может свидетельствовать именно о рефлексивной стратегии, а не просто поиске возможностей для получения государственного пакета социальной защиты.

Еще одним серьезным мотивом становится идея обретения стабильного материального положения и независимости. Последняя понимается как независимость не только от родителей, но и от государственной поддержки. Парадоксальным образом стремление к независимости (прежде всего, финансовой) от государства сочетается с распространенным представлением о работе на государственной службе как лучшем варианте занятости и карьерных позиций [9]. Отказ от социальной поддержки со стороны государства как «ненадежного партнера» соединяется здесь с представлениями о государстве как лучшем работодателе.

Наконец, важным фактором в определении возраста рождения первого и последующих детей для молодых респондентов является мобильность. Речь идет, прежде всего, о свободе пространственного движения, возможности *«поездить»*, *«посмотреть мир»*. Однако довольно часто встречаются нерелексивные, но вполне отчетливые представления и о связанных с пространственным движением возможностях вертикальной мобильности.

«Поездить хочется, посмотреть. А с ребенком это сложно... Пока детей нет, вот, я могу решить – а что бы мне не поискать работу в Москве или Питере, или даже еще дальше? Уехать туда или хотя бы в Новосиби, там шансов больше подняться, заметным человеком стать. С мужем только это можно, на крайняк, можно и одной. А с ребенком... его ж, пока там

устраиваешься, «дошираками» кормить не будешь...».

Таким образом, формирующаяся система мотивов откладывания рождения первого ребенка на возраст старше 25 лет представляется весьма устойчивой. Экономические мотивы, хотя и не занимают в ней уже центральное место, остаются значимым фактором. Экономический кризис в России, начавшийся осенью 2014 года, может оказаться важнейшим фактором ускоренного изменения возрастной модели рождаемости. Поскольку мотивом, определяющим планирования рождения детей, становится выстраивание профессиональной карьеры и одновременно – достижение экономической независимости (индивидуальной или в рамках нуклеарной семьи), сужение возможностей для успешного начала карьеры может подтолкнуть горожанок к еще большему смещению возраста рождения первого ребенка.

Однако более существенным, на мой взгляд, становится появление внеэкономических мотивов в формировании репродуктивных стратегий. Включение в систему репродуктивной мотивации женщин представлений о построении своей жизненной траектории, сохранении пространственной и социальной мобильности свидетельствует о закреплении новой модели репродуктивного поведения, связанной с повышением возраста рождений первенца. Такая модель, отражающаяся в изменении возрастной структуры рождаемости, уже не может регулироваться прямыми экономическими мерами. Материальная поддержка молодых семей, остающаяся едва ли не основным способом стимулирования рождаемости среди молодежи, навряд ли сможет обеспечить возврат к раннему рождению первых детей, поскольку не учитывает иных мотивов. Снижение числа рождений в поколении девятых, вступающем в репродуктивный возраст, в этой ситуации будет связано не только с малочисленностью генерации, но и с его репродуктивными установками, существенно отличающимися от предшествующих когорт.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Григоричев К.В., Савин С.П. Повышение рождаемости в Сибирском регионе: субрегиональная мозаика // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов XIV Междунар. науч.-практ. конф. 11-12 сентября 2014 г., Усть-Каменогорск. – Усть-Каменогорск: «Медиа-Альянс», 2014. – С. 111-115.
2. Григоричев К.В., Савин С.П. Изменение возрастной модели рождаемости: случай Иркутской области // Фундаментальные исследования. – 2014. – №12 (часть 6). – С. 1338-1342.
3. Вишневецкий А.Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo Sapiens // Демографическое обозрение. – Т. 1. – №1. – С. 6-3.
4. Захаров С. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. №3. (Электронный ресурс) URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/3/perspektivy-rozhdaemosti-v-rossii-vtoroy-demograficheskiy-perehod>

5. Тындик А.О. Репродуктивные установки населения в современной России // SPERO. 2012. №16. С. 95-112. Электронная версия URL: http://demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit01.php#_FN_8
6. Бодрова В. Идеальное, желаемое и ожидаемое число детей: 1991-2000 // Демоскоп-Weekly. 2002. №81-82. Электронный ресурс. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2002/081/tema01.php>
7. Синявская О., Тындик А. Обладают ли данные о репродуктивных намерениях предсказательной силой? // Демоскоп-Weekly. 2009. №379-380. Электронный ресурс. URL: http://demoscope.ru/weekly/2009/0379/tema02.php#_FN_23
8. Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. – М.: Статистика, 1972.
9. Где хочет работать современная молодежь // Research&Trends. 29.11.2013. (Электронный ресурс) URL: www.r-trends.ru/investigations/investigations_911.html

Джаббарова Ш.Г.

ЗАНЯТОСТЬ ЖЕНЩИН: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В современных условиях особый интерес представляет изучение роли и места женщин в истории узбекского народа, в экономическом развитии страны. Следует отметить, что в республике проведены достаточно глубокие исследования исторических аспектов гендерного равенства как в Средней Азии, так и в Узбекистане. Они в основном посвящены изучению историографических, социально-философских, социально-политических и правовых вопросов положения женщин.

Однако в республике практически отсутствуют исследования, где объективно анализированы исторические аспекты экономического положения женщин, их экономической самостоятельности. Эти проблемы являются актуальными не только в историческом плане, но представляют интерес и в настоящее время. Актуальность исследования данного вопроса обусловлена еще и тем, что достаточно длительное время господствовало тенденциозное и, можно утверждать, искаженное мнение о том, что, согласно Корану, «...в исламском обществе женщина занимает второстепенное положение». Исследование вопросов экономической самостоятельности женщин Узбекистана в историческом контексте позволяет объективно оценить и достоверно доказать, существовали ли гендерные нормы в культуре узбекского народа.

Изучение большого эмпирического материала, представляющего разнообразные стороны «женского вопроса» в республике, показало, что женщины играли существенную роль в становлении и развитии узбекской государственности и на всех этапах развития страны вносили свой вклад в создание материальных ценностей, участвовали в трудовых и экономиче-

ских отношениях.

Материалы, посвященные истории Средней Азии, в т.ч. Узбекистана, свидетельствует о том, что у древних народов данного края женщины занимали высокое положение не только в семье, но и в обществе. Среди тюрков женщина продолжала занимать высокое положение и после принятия ислама, особенно после установления его господства. Так, по преданию, когда Аббасиды наложили на жителей Балха обременительную дань, женщины и дети пришли к жене наместника и стали жаловаться на свое положение. Тогда она послала халифу свое очень дорогое платье и откупила за жителей города. Халиф вернул ей ее платье и освободил жителей Балха от наложенной дани. Однако она не приняла платье обратно и велела продать его, а на вырученные деньги построить мечеть. Это свидетельствует о том, что мусульманские женщины владели собственным капиталом, которым имели право свободно распоряжаться.

У тюркских народов женщины пользовались большим уважением. По материалам средневековых источников, царь кипчаков Узбек-хан имел четыре хатун, каждая из которых имела свое хозяйство и прислугу. Старшая хатун имела в своем распоряжении около 400 арб, в которых вместе с ней передвигались ее личная казна, прислуга, имущество, одежды и др.

Известно множество фактов, свидетельствующих о наличии собственных имуществ у женщин. Так, дочь Абдаллаха ал-Аьма, дочь Абдас-Сабураат-Табари, Фатима, дочь Мухаммада ал-Хайята Айша владели собственными домами, дочь Хамзы ан-Насафи владела конюшней, дочь Ахмада ибн Насра Фатима имела собственную торговую лавку, дочь ат-Тархан-бека Хатунал-Малика имела мечеть с площадью (саха) и хавли с ханакой.

В комментариях мусульманского права «Хидоя» указано, что слово «кафаат» в буквальном значении – равенство. На языке закона им обозначается равенство между мужчиной и женщиной. В нем также утверждено, что «Девушка во всех отношениях должна быть приравнена к совершеннолетнему сыну и относительно вступления в брак, все действия ее имеют законную силу, какую имеют его действия в имущественном отношении». Изучение и объективный подход к мусульманскому праву дают основание утверждать, что ислам во всех отношениях обеспечивает равные права мужчин и женщин. Согласно Корану (сура 4, аят 5), при разделе имущества «дети разных полов имеют равные права». Следует отметить, что по мусульманскому праву при вступлении в брак женщина получает в дар определенное имущество, которое дает гарантию для ее экономической самостоятельности в будущем, что в определенной мере обеспечивает ее экономическую независимость.

В историческом аспекте не менее важным является исследование вопросов гендерного равенства в 20-х годах прошлого столетия, которые явились своего рода прорывом в вовлечении женщин в общественное про-

изводство. Следует отметить, что наиболее полную информацию о социально-экономических изменениях, произошедших в структуре населения, дают данные переписей населения. В частности, данные о занятости населения позволяют изучить соотношение занятых по отраслям, распределение населения по группам занятий и конкретным занятиям, состояние участия мужчин и женщин в трудовой и общественной жизни.

В ходе исследования были изучены и анализированы материалы переписи населения 1926 года. Итоги данной переписи дают материал для анализа соотношения занятого и незанятого населения, его распределения по группам занятий, отраслевой структуры занятых, социального положения населения, территориального распределения занятого населения.

По данным переписи, численность населения Узбекистана насчитывалась 5,3 млн человек (из них 2,8 млн (53,1%) – мужчины, 2,5 млн (46,9%) – женщины). Численность коренного населения узбеков составила 3,5 млн человек, или 66,0% всего населения.

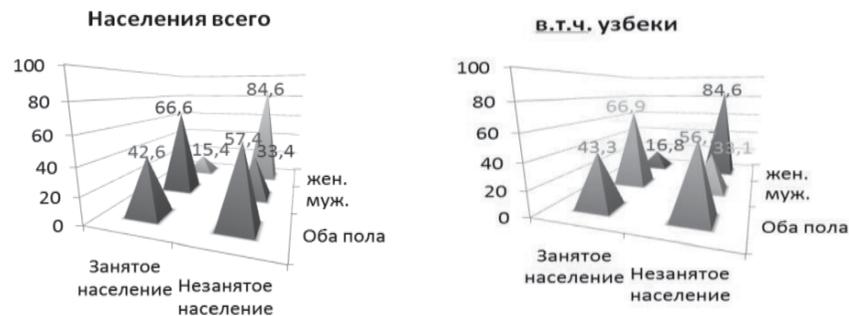

Рисунок 1. Распределение занятого и незанятого населения по полу и национальности, в %

Источник: Таблица рассчитана по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 32. Уз ССР.

Анализ материалов переписи показал, что в 1926 году в республике в общественном производстве работало всего 2,3 млн человек (или 42,6%). Следовательно, численность неработающего населения составляла 3,0 млн человек (57,4%). Среди коренного населения имели занятия в общественном производстве 43,3% (рис. 1).

Следует отметить, что в анализируемый период уровень занятости мужчин был не очень высоким – 66,6%. Хотя уровень занятости женщин в общественном производстве составлял 15,4%, они имели занятия в домашнем хозяйстве.

В этот период условия быта имели специфическую особенность. Быт того поколения людей был построен на индивидуальном хозяйстве, а вся

предшествующая этому периоду история экономического развития привела к тому, что в рамках семьи, в рамках домашнего хозяйства труд женщины был более продуктивен. Структура работающего населения по полу выглядела следующим образом: мужчины – 83,0%, женщины – 17,0%.

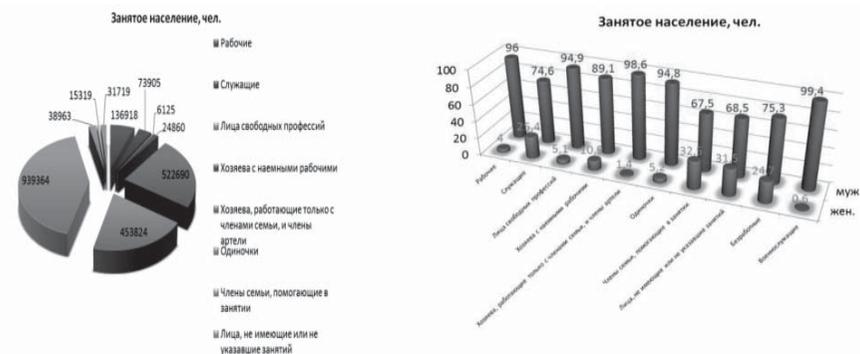

Рисунок 2. Распределение занятого населения по занятиям и по полу за 1926 год

Источник: Таблица рассчитана по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 32. Уз ССР.

Анализ работающего населения по положению в занятости показал, что среди них лишь 6,1% учтены как рабочие. Среди мужчин данный показатель составляет 7,0%, а среди женщин – 1,5%. Служащих почти в два раза меньше (3,3%). Обращает внимание то, что среди женщин служащие составляют 4,9%, а среди мужчин – 3,0%.

Почти 90,0% неработающих женщин осуществляли свою деятельность как хозяева, работающие только с членами семьи, и как одиночки. При этом как самостоятельное, так и несамостоятельное население занималось, в основном, сельским хозяйством. Небольшая их часть занималась кустарно-ремесленным производством. Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что женщины наравне с мужчинами участвовали в формировании семейного бюджета.

Численность как женщин, так и мужчин, имеющих рабочие профессии, составляла незначительную величину. Так, среди занятого мужского населения рабочие составляли 7,0%, женщин – 1,5%. А среди незанятого соответственно – 7,5% и 7,2%.

Анализ показал, что в республике в 1926 году в числе инженерно-технических работников были учтены лишь 2 женщины-узбечки, врачей и среднего медицинского персонала – 16, учителей и других культурно-просветительных работников – 206.

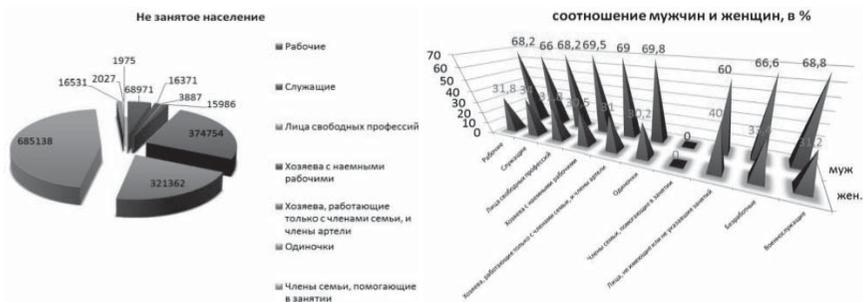

Рисунок 3. Распределение титульного занятого населения по занятиям и по полу за 1926 год, чел.

Источник: Таблица рассчитана по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 32. Уз ССР.

В последующие годы в республике занятость женщин стала возрастать достаточно быстрыми темпами, что было связано в определенной мере с политикой индустриализации экономики. В этот период потребовалось большое количество рабочих рук, в том числе и женских. Женщины в массовом порядке приходили на фабрики и заводы.

Был обеспечен доступ женщинам к образованию, профессиональная деятельность женщин стала всячески поощряться. Были созданы условия для широкого вовлечения женщин в общественное производство, развивалась сеть бытовых услуг, организовывались для детей ясли и сады и др. Все это в конечном итоге привело к росту численности женщин, занятых в экономике, что обеспечило их экономическую самостоятельность и независимость.

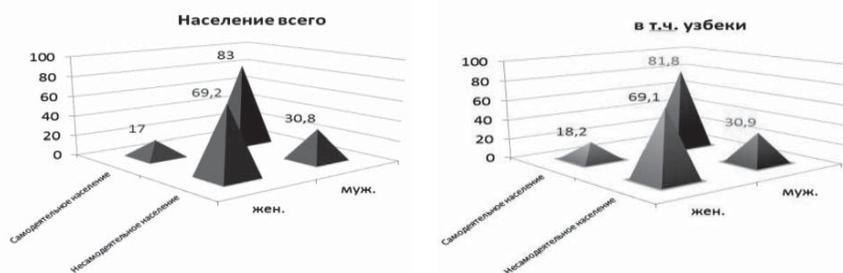

Рисунок 5. Распределение самодельного и несамодельного населения за 1926 год

Источник: Таблица рассчитана по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 32. Уз ССР.

Анализ социальной структуры населения, охваченного переписью, показал, что среди самодельного населения женщины-служащие составляли соответственно 18,8 тысяч человек. При этом численность женщин, занимающих руководящую должность, среди самодельного населения не превышала 2-3%.

Следует отметить, что социально-экономические аспекты труда женщин всегда были в центре внимания исследователей. Научному обобщению процессов, происходящих в области занятости женщин, большое значение придавалось в 30-е годы. Затем в литературе достаточно длительное время пропагандировались только достижения в использовании женских трудовых ресурсов, а нерешенные проблемы оставались за пределами исследований.

В период Второй мировой войны и первые послевоенные годы специфические условия развития не способствовали преодолению возникающих противоречий в использовании женского труда.

Вплоть до конца 60-х годов значительный контингент женщин трудоспособного возраста ориентировался на домашнее и личное подсобное хозяйство как основной вид занятости либо в течение всего трудового периода, либо на определенном его этапе. Такая тенденция очень ярко проявлялась в Узбекистане, где более 60% населения проживало в сельской местности.

В такой ситуации не все женщины ориентировались на труд вне дома, что уменьшало у определенных групп женского населения потребность в получении профессионального образования. Поэтому женщины, которые не имели такого образования, в основном занимались теми видами деятельности, где использовался ручной, малоквалифицированный труд.

Особенности возрастного состава женщин-домохозяек, вовлекаемых в общественное производство, характеризовались тем, что они в основном были средних и старших возрастов. Они получали лишь кратковременную подготовку непосредственно на производстве. Многие женщины, учитывая молодой возраст, рассчитывали работать непродолжительное время, чаще всего столько, что трудового стажа им не хватало для получения пенсии или для достижения возрастного ценза.

К началу 70-х годов под влиянием комплекса экономических и социальных причин у большинства женщин сложилась потребность трудиться в общественном хозяйстве. За эти годы произошел ряд изменений, в частности повышение роли женщин в формировании и использовании трудового потенциала под влиянием роста образовательной и профессиональной подготовленности женского населения, развития его социально-профессиональных качеств, возрастающей потребности в общественно-производительном труде. В результате систематически расширялась сфера приложения труда женщин, охватывая все большее число отраслей и видов занятий.

В 70-е годы значительно поднялся уровень занятости женщин в эко-

номике республик Средней Азии, в том числе Узбекистана. В то же время на занятость женщин оказывали влияние устойчивые семейно-бытовые традиции. В этот период особую актуальность приобрели проблемы труда женщин, связанные с недостаточно полным учетом специфики женской рабочей силы. К ним относятся, прежде всего, занятость определенных групп женщин на работах, не отвечающих психофизиологическим особенностям женского организма, высокая общая трудовая нагрузка женщин-матерей, медленный профессиональный рост работающих женщин.

Важной характеристикой развития занятости женщин явился рост уровня занятости горожанок, который отражал более существенные сдвиги в использовании трудовых ресурсов, чем повышение уровня занятости сельского населения. В эти годы своеобразной особенностью отраслевой структуры занятости явилась достаточно высокая занятость женщин в сельском хозяйстве, которая характеризовалась сезонностью и неполным использованием рабочего времени, преобладанием ручного малоквалифицированного труда.

Следует отметить, что состояние занятости населения в Республике Узбекистан в различных этапах экономического развития обуславливалось складывающимся на протяжении десятилетий несоответствием в темпах роста числа рабочих мест и прироста численности трудовых ресурсов. С начала 90-х годов, в связи с формированием рыночных отношений, обеспечение занятости населения, как и во всех странах с переходной экономикой, оказалось в числе наиболее сложных и достаточно острых проблем. Поэтому с первых лет независимости в республике обеспечение занятости населения, создание новых рабочих мест, развитие различных форм трудовой деятельности и на этой основе повышение благосостояния граждан страны определялись в числе приоритетных направлений развития экономики Узбекистана. В результате глубоких преобразований и целенаправленных мер, принятых в Узбекистане, начали происходить изменения в структуре занятости в целом и женщин в частности, о чем будет идти речь в следующей главе.

Исследования подтверждают, что занятость населения является важнейшим направлением гендерных исследований. Она рассматривается в аспекте распределения оплачиваемой и неоплачиваемой работы между мужчинами и женщинами. Такой подход к исследованию гендерных проблем является более узким, поэтому целесообразно отказаться от традиционного подхода к решению социально-экономических проблем мужчин и женщин в сфере труда и взглянуть на актуальные проблемы в более широком социальном контексте.

Необходимо пересмотреть концептуальные и методологические подходы к формированию рабочей силы, в частности женской. Следует расширить сферу приложения женского труда, создать благоприятные условия для

раскрытия творческого потенциала женщин именно в тех областях и сферах деятельности, где их труд наиболее эффективен. Это важно не только для формирования политики занятости женщин на перспективу, но и для решения текущих, порой весьма острых проблем их трудоустройства.

В период трансформаций и глубоких экономических реформ занятость населения сопряжена со многими социальными и экономическими проблемами. Такие проблемы, как и в других странах с переходной экономикой, возникали и в Узбекистане. Хотя в республике предпринимаются достаточно широкомасштабные меры по их решению, имеют место такие проблемы, как нестабильность занятости, угроза безработицы, задержка заработной платы и ее невысокий уровень, в некоторых случаях – несоблюдение трудового законодательства, особенно в неформальном секторе экономики.

Достаточно глубокие исследования исторических аспектов гендерного равенства как в Средней Азии, так и в Узбекистане показывают, что женщины играли существенную роль в становлении и развитии узбекской государственности и на всех этапах развития страны вносили свой вклад в создание материальных ценностей, участвовали в трудовых и экономических отношениях.

Исторические данные свидетельствуют о том, что в Средней Азии, в т.ч. в Узбекистане, женщины занимали высокое положение не только в семье, но и в обществе. Изучение и объективный подход к мусульманскому праву дают основание утверждать, что ислам во всех отношениях обеспечивает равные права мужчин и женщин.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алимova Д.А. Современное состояние женского вопроса в Узбекистане и задачи обществоведов // Социально-экономические проблемы Узбекистана в условиях перестройки. – Т. Фан. 1990, с. 99-104.
2. Буниятов Дж.З., Гасанов Т.Б. Два самаркандских вакфа середины XI века. Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2, М.: 1994, 48-61.
3. Ибрагимов Н.И. Ибн Батута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука. 1988, с. 95-96.
4. Коран. Перевод И.Ю. Крачковского. М. 1991, с. 54.
5. Муравьева Н.М. Социально-философский анализ повышения социального статуса женщин. Автореф. дис. канд. философ. наук. – Ташкент. 2003, с. 26.
6. Маткаримова Г.А. Гендерные и репродуктивные права женщин в международном и национальном праве.: Автореф. дис. док. юрид. наук. – Ташкент. 2002, с. 41.
7. Сафаева С.Х. Аёллар масаласи умумий жихатлари: Фалсафа фан. номз. – дис. автореф. – Тошкент. 2002. 20 б.
8. Холматова М. Оилавий муносабатлар маданиятини такомиллаштириш ва соғлом

авлодни тарбиялаш муаммолари. Фалсафа фан. док. дис. автореф. – Тошкент. 1998, 53 б.

9. Ходжаева С.А. Правовая культура и проблемы развития социально-правовой активности женщин Республики Узбекистан. Автореф. дис. канд. юрид. наук. –Ташкент. 2004, с. 26.

10. Хидоя. Комментарии мусульманского права. Том 1. Отв. ред. А.Х. Саидов. «Узбекистон». Ташкент. 1994, с. 139, 152.

11. Шайдуллина Л.И. Арабская женщина и современность. Т. 1978, с. 26-41.

Джанызакова С.Д.

ТРУДНОСТИ АДАПТАЦИИ УЧЕБНЫХ МИГРАНТОВ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА В РОССИИ (СЛУЧАЙ ТОМСКА)

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009)

Образовательная миграция на сегодняшний день занимает одно из ведущих мест в миграционных потоках России и мира в целом. Проблемы миграции и адаптации иностранной студенческой молодежи, их скорейшее решение сегодня обсуждаются во всех кругах общества стран-реципиентов и стран-доноров. Темпы и успешность социализации иностранных студентов зависят как от толерантности принимающего общества, так и от готовности самого образовательного мигранта «влиться в общество», стать частью целого. Этот процесс может быть ускорен благодаря знанию языка. Русский язык для мигранта – это связующая нить с внешним миром, которая тонка, а порой и совсем отсутствует.

Между тем понятие «образовательная миграция» сегодня отсутствует в законодательстве Российской Федерации, поскольку она «идет рука об руку», а иногда и сливается с трудовой миграцией и переселением соотечественников. Несмотря на несомненную важность учебной миграции, она изучена явно недостаточно. Проводимые же исследования пока обходят стороной проблемы притягательности и трудности обучения иностранцев в вузах России.

Такие страны, как США, Великобритания, Германия, Франция активно экспортируют свои услуги на международный рынок образования. Россия имеет не столь прочные позиции в сфере образовательных услуг (всего 5% учебных мигрантов из общего числа студентов) [1], предоставляемых иностранным выпускникам, имея при этом «рынок» и реальных «покупате-

лей» – граждан СНГ и Балтии. Возможно, в будущем экспорт российского образования будет расширяться в связи с негативными демографическими процессами в стране, компенсировать которые отчасти сможет студенческая молодежь. Но для расширения образовательного рынка требуется внедрение новых законодательных норм для иностранных студентов, которые могли бы быстрее адаптироваться в новой среде.

На сегодняшний день российские университеты, в которых получают образование иностранные студенты, расположены в основном в центральной части страны. На Москву приходится 18% студентов-иностранцев, на Санкт-Петербургские учебные заведения – около 13%, на другие города европейской части России – 39% учебных мигрантов. В вузах Урала, Сибири и Дальнего Востока учится 23% из общего числа иностранных студентов [2].

Кыргызская Республика – одна из стран постсоветского пространства, которая сейчас тесно сотрудничает с Россией в сфере политики, экономики и образования. Выпускникам кыргызстанских школ на основе сотрудничества России с зарубежными странами в сфере образования, в соответствии со статьей 33 Федерального кодекса РФ [3], предоставляются квоты на получение высшего образования в российских вузах за счет федерального бюджета [4]. Есть возможность также поступить на платную (договорную) форму обучения.

Стремление родителей дать своим детям престижное образование за границей обуславливается материальными возможностями семьи, поскольку престижное образование включает в себя стоимость обучения, жилья (общежития предоставляются на таких же условиях, что и иногородним студентам), пропитания, досуга и других важных для жизни студента мелочей. В сравнении со стоимостью обучения и уровнем жизни вузы Великобритании, США, Германии оказываются не по карману кыргызстанцу среднего достатка. Получение визы в эти страны тоже весьма дорогостоящее дело. Российские высшие учебные заведения позволяют удовлетворить желание родителей и их детей в качественном образовании, а Федеральный закон от 15 августа 1996 г. №114 Ф-3 «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [5] позволяет упростить передвижение студента во время обучения в вузе. Следствием является престижность российского диплома в стране-доноре, получение высокооплачиваемой работы на родине, возможность подачи документов на получение гражданства Российской Федерации после окончания университета и получения диплома о высшем образовании [6].

Университеты «Сибирских Афин», как называют Томск, тоже не остаются без внимания потенциальных иностранных студентов. Практически во всех университетах города обучаются студенты-иностранцы. По данным ИИА Новости, количество студентов в Томске с 2009 по 2013 годы суще-

ственно сократилось: на 13% – до 72,2 тыс. По словам главы областного департамента высшего профессионального образования А. Пушкаренко, «за пять лет у нас на 10 тысяч сократилось число студентов... Львиная доля сокращения – это заочники. Правительство в последние годы проводит такую политику, считая, что заочное обучение – недостаточно качественное. Заочников теперь на сессию приезжает меньше, и Томск (стал) менее студенческий» [7]. Одновременно растет количество иностранных студентов в вузах города Томска. Как сообщает А. Пушкаренко, число студентов из ближнего и дальнего зарубежья выросло на 8,7% – до 5,92 тыс. человек. Основным рычагом для их роста в 2012 г. послужило поступление студентов из Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана. «Казахские и киргизские студенты у нас традиционно учатся, а вот с Таджикистаном мы начали сотрудничать после перерыва в несколько лет. В этом году мы несколько раз съездили туда с миссией, и после этого к нам приехали 30 студентов-таджиков» [8]. Причины «популярности» томских вузов в Кыргызстане объясняются тем, что в городе могут жить родственники образовательного мигранта из числа тех, кто имеет российское гражданство, и тех, кто является временными трудовыми мигрантами. Томск привлекает иностранных студентов и более низкими ценами на продукты питания, медицинские услуги, чем в центральной части страны.

Трудности приехавшего из другой страны человека встречают повсюду, для знания своих прав и обязанностей, возможности объясниться необходимо знать русский язык. Язык везде и всегда является рычагом в адаптации нового человека в незнакомом и неизведанном для него социуме. Но до близкого знакомства с мигрантом каждый прежде всего заметит его внешние признаки, поскольку кыргызы – народ, принадлежащий к монголоидной расе. Кыргызский язык входит в тюркскую ветвь алтайской языковой семьи. Нужно учитывать и то, что некоторые мигранты не стремятся адаптироваться в русском обществе, ходят группами, говорят на родном языке. Это, безусловно, слышат и видят окружающие. Кто-то может не обратить на это внимание. Кому-то покажется «невежеством», что кто-то может говорить на своем языке в магазине или в автобусе. Но есть и такие люди, кому интересно и любопытно узнать о стране, из которой приехал человек, о том, какие у них обычаи, традиции, они легко заводят знакомства с иностранными студентами.

Большинство учебных мигрантов из Казахстана, Кыргызстана и других стран бывшего Советского Союза – это русские, но есть и немалый процент студентов «титულных» национальностей стран СНГ, которые в разной степени владеют русским языком, что также сказывается на успехах в получении высшего образования. Тем не менее, незнание либо слабое знание русского языка не останавливает кыргызстанцев, желающих приехать в

Россию с целью получения образования.

В Кыргызской Республике два официальных языка, это значит, что в школах ведется обучение на русском и на кыргызском языках. Выбирать нужно один профильный язык, второй соответственно является дополнительным. Количество занятий профильного языка варьируется от 5 до 3 часов в неделю, второй язык преподается всего один раз. Отсюда следует, что выпускник кыргызского класса имеет низкий уровень владения русским языком, а выпускник русского класса владеет двумя языками почти в равной степени, поскольку во многих семьях разговаривают на родном языке – кыргызском, а обучение в школе ведется на русском языке. Поступающие в высшие учебные заведения России могут быть выпускниками русских и кыргызских классов. Адаптационные возможности у первых выше, друзей они находят быстрее и успехи в учебе у них лучше.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шереги Ф.Э., Дмитриев Н.М., Арефьев А.Л. Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов (социологический анализ). М.: Центр социального прогнозирования.
2. Министерство образования и науки РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.russia.edu.ru/information/analit/1300/> (дата обращения: 11.03.2014).
3. Постановление правительства Российской Федерации от 25.08.2008 года №638 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/post/638_08/ (дата обращения: 5.04.2014).
4. Образование в ТПУ: итоги 2008/2009 учебного года. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2009.
5. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию [Электронный ресурс]. – URL: <http://law.kodeks.ru/erov/index?tid=633200007&nd=9027927&nh=0&ssect=8> (дата обращения: 10.03.2014).
6. Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mid.ru/dks.nsf/mnsdoc/04.03.02.02>. (дата обращения 4.03.2014).
7. РИА Новости [Электронный ресурс] / Количество студентов за 5 лет сократилось на 13%. – URL: <http://ria.ru/society/20130327/929243264>. (дата обращения: 11.04.2014).
8. РИА Новости [Электронный ресурс] / Число иностранных студентов в вузах Томска возросло в 2012 году на 8,4%. – URL: <http://tomsk.ria.ru/education/20130109/498769309.html> (дата обращения: 11.04.2013).

**К ВОПРОСУ О САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ
ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ
ВКГУ ИМ. С. АМАНЖОЛОВА)**

Проблема идентичности последнюю четверть века занимает особое место в системе социально-политических и гуманитарных наук. Распад Советского Союза и социалистической системы в целом, образование и появление на политической карте мира новых государств, расширение географии и масштабов миграционных процессов и нарастание проявлений глобализации во всех сферах выводят на сегодняшний день проблему идентичности и самоидентификации на одно из первых мест, особенно если речь идет о приграничных регионах, таких как Восточно-Казахстанская область.

Рассматривая данную проблему в региональном аспекте, нам необходимо в первую очередь соотнести понятия региональной и национальной идентичности.

Региональную идентичность традиционно рассматривают как синоним территориальной идентичности. В то же время национальная идентичность в обыденном представлении ассоциируется с этнической идентичностью, хотя ее правильнее будет отождествлять не с этнической, а с государственной идентичностью. А в применении к Восточному Казахстану трактовка национальной идентичности как этнической практически невозможна – так как регион исторически полиэтничен, его население составляют представители более ста этносов.

Уже в 19 веке в западной классической науке на базе концепции «нация – государство» формируется используемая нами до сих пор схема-триада «государство – нация – территория», демонстрирующая связь и иерархичность идентификационных уровней.

Уровень идентичности

Верхний	национальная/государственная
Средний	региональная
Нижний	локальная

Рассматривая проблему самоидентификации населения ВКО как приграничной территории, мы в первую очередь имели в виду ее региональный аспект, проецируя ее в ряде случаев через национальную идентификацию.

Материалы нашей работы базируются на результатах социологического исследования (сентябрь 2014 – сентябрь 2015 г.), проводившегося на базе ВКГУ им. С. Аманжолова. В качестве респондентов анкетных опросов были задействованы 150 студентов 1-4 курсов различных специальностей, группы с русским и казахским языком обучения.

Согласно результатам первоначального опроса, свыше половины респондентов (76,2%) считают ныне себя жителями области. Причем даже приехавшие из других областей и регионов – около половины респондентов данной категории – связывают себя и свое будущее именно с ВКО (таблица 1).

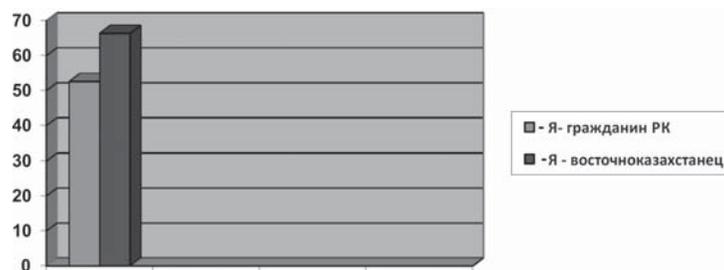
Таблица 1

Считаете ли Вы себя жителем ВКО	Как давно вы проживаете в ВКО (%)		
	С рождения	Приехал из др. региона	Вся выборка
Определенно да	86,7	25,9	76,2
Скорее да, чем нет	10,6	24,7	13,8
Мне все равно	1,2	6,7	1,2
Скорее нет, чем да	1,6	20,3	5,6
Определенно нет	1,2	18,4	3,2
	100	100	100

Также опрашиваемым студентам было предложено в ходе анкетирования сделать выбор – какой статус на данный момент для них является первостепенным – гражданин Республики Казахстан или житель Восточного Казахстана. В итоге региональный статус – статус местного жителя в общей выборке итогового материала занял первое место. Естественно, значительная часть респондентов соотносит себя с Республикой Казахстан (за исключением студентов-иностранцев). Но идентификация себя как восточноказахстанца в общем зачете преобладает (66,4% против 52,6%) – при этом как жителей ВКО себя идентифицировала и часть студентов-иностранцев (граждане Узбекистана, Монголии) (таблица 2).

Таблица 2

Считаете ли Вы себя:	(%)	
	гражданином РК	жителем ВКО
Определенно да	52,6	66,4
Скорее да, чем нет	32,7	22,7
Мне все равно	9,5	3,2
Скорее нет, чем да	3,4	6,3
Определенно нет	1,8	1,4
	100	100

На втором этапе исследования респондентам было предложено ответить на широкий круг вопросов – утверждения, касающиеся в первую очередь их этнических установок (отношение к родному этносу и представителям других этносов), отношения к родному региону и государству (часть вопросов в качестве примера приведена в Таблице 3). Необходимо было выразить свое отношение к этим утверждениям по семибалльной шкале: от 1 – абсолютно не согласен до 7 – абсолютно согласен.

Таблица 3

Результаты опроса студентов ВКГУ им. С. Аманжолова (%)

Вопрос	1	2	3	4	5	6	7	Всего
За границей мне было бы приятно ощущать себя представителем РК	6,5	3,7	5	5	7,6	8,6	63,6	100
Хочу, чтобы мои друзья (подруги) были представителями разных народов Восточного Казахстана	6,6	2	5	16,4	4,5	32,8	32,7	100
Для меня важнее ощущать себя прежде всего представителем своего народа, а не гражданином Казахстана	24	5,8	2	31	4,2	4,6	28,4	100
Принадлежность к разным национальностям мешает людям, живущим в Казахстане, чувствовать себя единым народом	54,6	3,6	3,3	15,1	2,8	3,7	16,9	100

Я готов делать все от меня зависящее, чтобы о казахстанцах в мире говорили с уважением	0	1,2	2,1	2,8	0	7,1	86,8	100
Межнациональная напряженность в Казахстане в будущем возможна	20,5	14,7	15,2	22,2	5,8	10	21,6	100
Я в первую очередь считаю себя жителем Восточного Казахстана	5,8	1	1	8,2	3,4	2,1	78,5	100
ВКО является ярким примером единения различных народностей и я горжусь тем, что я восточноказахстанец	0	1,2	2,1	3,6	2,8	2,8	87,5	100

В результате обработки цифрового материала были получены следующие данные:

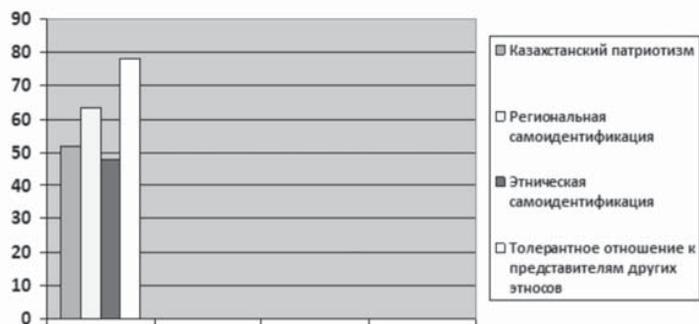
- количество позиционирующих себя в первую очередь как граждан Казахстана – 51,8% (из общего числа опрошиваемых);
- количество идентифицировавших себя в первую очередь как жителей Восточного Казахстана – 63,4% (из общего числа);
- количество пассивных респондентов – 6,8% (из общего числа).

Для более развернутого анализа результатов анкетного опроса были выделены специальные субшкалы в рамках отдельно взятых категорий – казахстанский патриотизм, этническая самоидентификация, толерантное отношение к представителям других этносов (таблица 4).

Таблица 4

Результаты анкетирования (в % соотношении)

Субшкала/категория	% (от общего числа респондентов)
Казахстанский патриотизм	51,8
Региональная самоидентификация	63,4
Этническая самоидентификация	47,65
Толерантное отношение к представителям других этносов	78,1

Таким образом, второй этап нашего исследования демонстрирует устойчивую тенденцию – преобладание территориальной идентификации над национальной. Студенты ВКГУ им. С. Аманжолова в большей степени позиционируют себя как представители Восточного Казахстана (63,4%). Чувство казахстанского патриотизма находится на втором месте (51,8%).

На этом фоне объясним низкий показатель этнической самоидентификации – 47,65% – для современной молодежи Казахстана. В частности, идентификация себя как представителя конкретного этноса постепенно уходит на второй план, не является важной категорией, замещается гражданско-патриотической позицией.

А для Восточно-Казахстанской области в качестве мощного сглаживающего фактора выступает ее приграничное расположение – на протяжении многих веков для смешанного местного населения ключевым моментом при идентификации выступали не этнические характеристики, а именно факт принадлежности к региону – главное было «быть своим», а не «чужаком». На всем протяжении человеческой истории приграничное население являлось несколько особой категорией – независимо от государственной принадлежности жители приграничья объединялись общими моментами: единая экосреда, схожесть хозяйственной среды, элементов жизненного уклада, психологии и менталитета и т.д. Показательно то, что в опросе участвовали студенты приграничных с ВКО регионов России и Монголии.

В рамках этого естественна высокая цифра показателя толерантного отношения к другим этносам – 78,1%. Большая часть респондентов считает абсолютно нормальным иметь в своем окружении в качестве сограждан, сокурсников, друзей представителей разнообразных национальностей, иностранцев, не определяя этническую, национальную принадлежность как ключевой фактор межличностных отношений.

Таким образом, рассматривая проблему самоидентификации на примере студенческой молодежи Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова, отмечаем высокий уровень региональной

идентификации. Студенты ВКГУ позиционируют себя в первую очередь как представителей Восточного Казахстана – единого региона с его самобытной историей, культурой и природно-географической средой.

Данный факт можно рассматривать как несомненный плюс: студенческая молодежь Восточного Казахстана – его будущее, его потенциал, который может быть задействован в сфере реализации программ международного регионального сотрудничества.

Но на сегодняшний день существует множество моделей приграничного сотрудничества, однако на каждую из них оказывает значительное влияние именно региональная самоидентификация приграничных регионов. В то же время можно говорить о реальном воздействии и управлении процессом региональной идентификации. В связи с этим изучение и анализ процесса региональной идентификации приграничных регионов на сегодня выступает перспективным и стратегически важным исследовательским направлением.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Золотухин И.Н. Процесс российской региональной самоидентификации и проблема региональной идентичности российского Дальнего Востока в рамках участия России в азиатско-тихоокеанской экономической интеграции. // Ойкумена. – 2006. – №1.
2. Герасимов А. Подходы к исследованию региональной идентичности в отечественной науке [Электронный ресурс] // режим доступа: http://www.pskgu.ru/projects/pgu/storage/web137/wepgu03/wepgu_03_08.pdf.
3. Сорокина А.В. Самоидентификация жителей региона как составная часть региональной политики. // Сборник трудов аспирантов и магистрантов. – Социально-гуманитарные науки. – 2010. – №4.

Еремин А.А.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект №15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин)»

В конце XX века основное внимание российских исследователей, специализирующихся на демографической тематике, было обращено к национальному (федеральному) уровню территориального деления. Основная

масса всех работ по изучению состояния и перспектив воспроизводства и миграции российского населения была посвящена Российской Федерации в целом или ее крупным частям (Сибирь, Дальний Восток, Северный Кавказ и т.д.). Однако уже на рубеже веков, в связи с усиливавшимися процессами регионализации в нашей стране, актуализировалось региональное направление демографических исследований, что привело к значительному увеличению потока научных публикаций по проблемам развития народонаселения в отдельных субъектах РФ.

Вместе с тем в ходе проведения муниципальной реформы в России, на фоне превращения городских округов и муниципальных районов в субъект программно-целевого управления резко возросла потребность в проведении комплексных научных исследований демографического развития муниципальных образований. В последние годы все больше специалистов и экспертов начинают выступать за активизацию демографических исследований муниципального (локального) уровня, ими отмечается повышенная степень территориальных диспропорций и пространственного разнообразия на этом иерархическом уровне, а также подчеркивается большая практическая значимость подобных работ [3, с. 77-78; 9, с. 97-98; 10, с. 4]. Действительно, большая часть практических задач, связанных с распределением бюджетных ресурсов, размещением объектов социальной инфраструктуры, возникает именно на муниципальном уровне. Переход на более низкий уровень территориальной иерархии расширяет возможности изучения закономерностей и социально-экономических последствий демографических изменений.

М.Б. Денисенко, один из пионеров развития данного научного направления в нашей стране, замечает, что в зарубежной демографии уверенное смещение исследовательских интересов к так называемым малым территориям («small area») происходит уже на протяжении последних трех десятилетий, в то время как в России подобные исследования только начинаются [5, с. 82].

С изучением населения малых территорий стала быстро прогрессировать новая отрасль науки о населении – прикладная демография, ориентированная на решение разнообразных практических задач с помощью демографических данных и методов. К малым территориям в таких работах относят не только муниципальные образования, но и более мелкие единицы, например, переписные участки или медицинские округа, обслуживаемые лечебным учреждением.

Развитию демографии малых территорий за рубежом способствовали следующие факторы [2, с. 148-149]:

1. Потребности практики: бизнеса, управления и местных органов власти в получении качественной информации о населении для того, чтобы уменьшить финансовые и материальные издержки, повысить эффективность

управления. Таким образом, прикладная демография становится важным условием повышения шансов на успех (например, в борьбе за потребителя или избирателя).

2. Накопление огромного массива данных о населении малых территорий из разного рода источников, а также развитие систем хранения этих данных на базе компьютерных технологий, которые делают их легкодоступными для аналитиков.

3. Развитие новых методов обработки имеющейся информации, главным образом, с помощью методов геоинформационного картографирования и многомерной статистики.

4. Постоянное стремление ученых и практиков решить часто возникающие противоречия между результатами макро- и микроисследований, выполненных, соответственно, для больших и малых территорий или групп населения. Это противоречие разрешается, если мы последовательно от закономерностей, выявленных на примере малых территориальных групп, переходим к более высоким уровням территориальной агрегации.

В России информация о демографических событиях (текущий учет), а также о численности населения и его характеристиках (переписи населения) издавна собирается и разрабатывается на уровне низовых административно-территориальных образований (уезды, районы). Но, в отличие от многих развитых стран, данные о рождениях, смертях, миграции на уровне районов, особенно в советский период, редко попадали в открытые статистические сборники.

Ситуация со статистикой на муниципальном уровне в Российской Федерации стала меняться в лучшую сторону с началом проведения муниципальной реформы в 2003 г., когда был принят закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (№131-ФЗ от 6 октября 2003 г.). Однако этот процесс идет медленно. Из-за отсутствия осознания потребности в глубокой аналитической информации со стороны администраций и общественности многие базовые демографические показатели для муниципальных образований субрегионального уровня не рассчитывались и не рассчитываются до сих пор (суммарный коэффициент рождаемости, стандартизованные коэффициенты по причинам смерти, продолжительность жизни, прогнозные оценки численности и состава населения и др.). По этой же причине методы сбора, хранения и распространения данных о населении в России находятся в архаичном состоянии и не соответствуют современным мировым стандартам. Эксперты поднимают вопросы о необходимости представления данных переписей населения в формате индивидуальных данных, а также о создании системы репрезентативных социально-демографических обследований на уровне субъектов РФ. Недостаток информации ограничивает возможности изучения пространственных

закономерностей развития населения, а в итоге – снижает качество принимаемых решений в социальной сфере на разных уровнях управления [3, с. 79].

В данном контексте очень важно подчеркнуть, что демографические показатели, помимо выполнения своих прямых функций, т.е. количественной характеристики демографических процессов и структур, также позволяют оценить уровень и направленность развития других социальных процессов. Поэтому анализ демографических данных на местном уровне предоставляет возможность региональным органам власти четче сформулировать цели и задачи политики в области здравоохранения, образования или социальной поддержки, оценивать их эффективность [5, с. 82].

В настоящее время в нашей стране достаточно распространен подход, при котором под «малыми территориями» понимают уровень городских округов и муниципальных районов [1, с. 435-436; 7, с. 3]. Говоря об этом территориальном уровне, исследователи нередко пользуются следующими наименованиями: «муниципальный уровень», «локальный уровень», «уровень муниципальных образований», «уровень малых территорий», «уровень низовых единиц административно-территориального деления», «низовой уровень», «субрегиональный уровень». В строгом смысле слова, эти категории, конечно же, не тождественны, однако их использование в качестве обозначения территориальных объектов на внутрирегиональном уровне, чаще всего в рамках полимасштабного анализа, представляется вполне адекватным. Если цель работы не требует подобных уточнений, нам представляется, что вполне можно употреблять приведенные термины в качестве синонимов.

Одной из ключевых проблем широкого развития в России рассматриваемого научного направления – демографии малых территорий – является преобладание в отечественной экспертной среде мнения, что на субрегиональном уровне в условиях малой численности населения территорий становится невозможным использовать целый ряд ключевых показателей демографического развития. Кроме того, отмечается ряд других объективных и субъективных сложностей изучения локальных групп населения. М.Б. Денисенко называет следующие [2, с. 150-151]:

1. В большинстве стран мира, в том числе и в Российской Федерации, данные переписей, текущего учета демографических событий, административного учета для многих малых территорий публикуются по очень сокращенному списку (как правило, он ограничивается численностью населения), по большинству переменных не разрабатываются, а для некоторых из них, например, избирательных участков, целенаправленно вообще не собираются.

2. Границы графств, районов, коммун, городов и др. в отличие от границ государств и главных административно-территориальных единиц (штатов, областей и т.д.) часто меняются в результате территориально-админи-

стративных преобразований.

3. Малочисленность событий, например смертных случаев в отдельных возрастных группах или от разных причин, и количества жителей влияют на устойчивость и степень достоверности рассчитываемых показателей, а также саму возможность их расчета (например, продолжительности жизни).

4. Ошибки наблюдения в малых совокупностях могут сильно исказить картину изучаемого процесса, например смертности по причинам, и повлиять на величину рассчитываемых показателей. Если в больших регионах ошибки наблюдения, допущенные в составляющих их районах, нейтрализуют друг друга, то, соответственно, в этих малых районах – нет.

5. Особые события могут также существенно повлиять на величину оцениваемых показателей и привести к их аномальным оценкам. Так, крупная автомобильная авария может заметно повысить долю внешних причин в общей структуре смертности. Сезонные явления, такие как приток трудовых мигрантов или отток населения на отдых за пределы района, могут сильно повлиять на численность и состав населения малой территории.

6. Существует проблема соблюдения конфиденциальности при получении индивидуальных данных для выполнения научно-практических исследований. Эта проблема решается посредством специально разработанных законов о пользовании статистическими данными.

Схожий перечень сложностей при проведении демографических исследований и расчетов по территориям с малой численностью населения приводит С.Ю. Никитина [10, с. 15-16].

Тем не менее, несмотря на указанные серьезные проблемы методологического и практического характера, развитие данного научного направления идет уверенными темпами, поскольку стремление преодолеть названные трудности и осознание важности данной работы стимулировало в развитых странах развитие новых методов сбора, хранения, разработки и анализа информации (индивидуальные данные, кластерный анализ, пространственная регрессия, геоинформационные системы и др.). В нашей стране, хоть и с запозданием, движение по этому пути тоже началось. В последние годы в отечественной науке на этом поле появился ряд важных исследований (см. подробнее: [2-3; 5-12]).

Вопрос о возможности применения на уровне малых территорий таких важнейших демографических показателей, как ожидаемая продолжительность жизни, суммарный коэффициент рождаемости, коэффициент младенческой смертности и др. представляет особый интерес. М.Б. Денисенко отмечает, что «долгое время выражались сомнения в надежности результатов, полученных классическими методами демографического анализа для малочисленных популяций. Но эти сомнения развеяла статистика и практика» [3, с. 78]. Свою позицию он аргументирует следующим образом. Извест-

но, что уже длительное время вполне успешно указанные показатели рассчитываются в мире для таких малонаселенных государств, как Лихтенштейн, Монако или Сан-Марино (с числом жителей в 37,1, 38,1 и 31,6 тыс. человек на середину 2014 г. соответственно), а в России – для сельского населения Ненецкого автономного округа или Магаданской области (с населением 12,5 и 7,0 тыс. человек в начале 2014 г. соответственно). Отмечается, что в науке к настоящему времени разработаны и активно применяются методы расчета ожидаемой продолжительности жизни при рождении для малых территорий [4; 12].

Проблема статистической устойчивости и значимости рассчитываемых показателей решается посредством агрегирования данных разными способами, как правило, за счет расчета средних значений коэффициентов и других индикаторов за несколько лет (чаще всего используется период в 3-5 лет). Таким образом, происходит нивелирование случайных колебаний в числе демографических событий. Кроме того, можно с помощью сопряженного анализа нескольких взаимосвязанных показателей выявлять случайные отклонения и пытаться нейтрализовать их. Очень важно при расчетах использовать наиболее достоверные доступные данные по характеристикам половой и возрастной структур населения, поскольку они используются в качестве основы для расчета других показателей. При этом известно, что наиболее точные оценки численности возрастно-половых групп получаются при проведении переписей населения.

Таким образом можно улучшить качество анализа демографического развития малых территорий, выявить локальные особенности воспроизводства населения муниципальных образований, зачастую скрывающиеся за малым числом ежегодных событий или незначительной численностью населения.

Стоит также отметить, что в результате множества конкретных эмпирических исследований в мировой демографии примерно определена та минимальная численность населения малой территории, для которой релевантно (корректно, без серьезных искажений и неточностей) рассчитывать такой показатель, как ожидаемая продолжительность жизни. Эта граница составляет 5 тыс. человек, т.е. примерно столько, сколько проживает в самом малонаселенном муниципальном районе Алтайского края – Суетском (4,5 тыс. на начало 2015 г.).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вакуленко Е.С. Опыт моделирования миграционных потоков на уровне регионов и муниципальных образований РФ [Текст] / Е.С. Вакуленко, Н.В. Мкртчян, К.К. Фурманов // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. –

2011. – №1. – С. 431-450.

2. Денисенко М.Б. Вопросы изучения смертности и здоровья населения малых территорий [Текст] / М.Б. Денисенко // Смертность населения: тенденции, методы изучения, прогнозы: сборник статей / под ред. М.Б. Денисенко, Г.Ш. Бахметовой. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 148-174.

3. Денисенко М.Б. Демографическая ситуация в муниципальных районах и городских округах Костромской области в 2002-2010 гг. [Текст] / М.Б. Денисенко // Дезурбанизация и природный капитал: миграционные тренды, инфокоммуникация и новые сельские сообщества: Материалы к IV Международной конференции / Под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. – М., 2013. – С. 77-101.

4. Денисенко М.Б. Демография [Текст]: Учеб. пособие / М.Б. Денисенко, Н.М. Калмыкова. – М.: Инфра-М, 2007. – 424 с.

5. Денисенко М.Б. Территориальная неоднородность в демографическом развитии Костромской области [Текст] / М.Б. Денисенко // Демографические аспекты социально-экономического развития: сборник статей / под ред. М.Б. Денисенко. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 80-117.

6. Карачурина Л.Б. Изменение численности населения административных районов и городов России (1989-2010 гг.): центр-периферийные соотношения [Текст] / Л.Б. Карачурина, Н.В. Мкртчян // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / Отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. – М.: Издательский дом «Кодекс», 2013. – С. 82-107.

7. Кашницкий И.С. Влияние миграции на демографическую структуру в малых территориях России [Электронный ресурс]: магистерская диссертация / И.С. Кашницкий // Институт демографии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики. – Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2014/06/06/1323547247/TEXT_MD_Kashnitsky.pdf

8. Кириллов П.Л. Региональное геодемографическое прогнозирование (методика и опыт практических разработок) [Текст]: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / П.Л. Кириллов. – Москва, 2013. – 22 с.

9. Мкртчян Н.В. Миграция и естественное движение населения городов и административных районов России в 1990-2010 гг.: ключевые факторы различий [Текст] / Н.В. Мкртчян, Л.Б. Карачурина // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2013. – С. 95-114.

10. Никитина С.Ю. Совершенствование статистической методологии прогноза численности населения в условиях недостатка демографических данных [Текст]: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.12 / С.Ю. Никитина. – Москва, 2009. – 26 с.

11. Раужин И.Г. Полимасштабный мониторинг демографических процессов в России с использованием геоинформационных технологий [Текст]: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / И.Г. Раужин. – Ставрополь, 2011. – 23 с.

12. Тебуев Дж.Б. Применение имитационного моделирования к сравнению эффективности методов построения таблиц дожития [Текст] / Дж.Б. Тебуев, Д.М. Эдиев // Смертность населения: тенденции, методы изучения, прогнозы: сборник статей / под ред. М.Б. Денисенко, Г.Ш. Бахметовой. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 175-190.

ФОРМИРОВАНИЕ БАРНАУЛЬСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

В современном мире городские агломерации – основное место сосредоточения населения и производственных мощностей. Развитию и правильному функционированию агломерационных систем уделяется всё большее внимание. По мнению ряда отечественных ученых, именно в агломерационной форме освоения пространства – будущее России. Для огромной территории России развитие агломераций – компактных полюсов роста – имеет первостепенное значение. После социально-экономической катастрофы 1990-х гг. и кризисных веяний конца 2000-х гг. в современной жизни в условиях западных санкций необходимо решить целый ряд проблем, чтобы двигаться вперед и поддерживать статус России на мировой арене. Одна из таких проблем – это эффективное управление огромными пространствами нашей Родины.

Для территории Алтайского края изучение вопросов развития агломераций имеет столь же большое значение, как и для страны в целом. На наш взгляд, Барнаульская агломерация имеет потенциал не только минимизировать экономические и социальные проблемы края, но и способствовать укреплению пространственного каркаса России.

По мнению Е.Н. Перцика [11], *урбанизация* – это многогранный глобальный (т.е. охватывающий весь мир) социально-экономический процесс, связанный с резко усилившимися в эпоху научно-технической революции развитием и концентрацией производительных сил и форм социального взаимодействия, с распространением городского образа жизни на всю сеть населённых мест. Несколько отличное определение дает Ю.Л. Пивоваров [13]: *урбанизация* – это исторический процесс повышения роли городов, городского образа жизни и городской культуры в развитии общества, связанный с пространственной концентрацией деятельности в сравнительно немногочисленных центрах и ареалах преимущественного социально-экономического развития. Автор акцентирует внимание ещё на двух составляющих современной урбанизации: стирание городских границ и их выход на новый пространственный уровень, а также изменение самого человека в городе.

Данные характеристики отражают интенсивное развитие урбанизации, т.е. благодаря процессу урбанизации создаются новые, доселе неизвестные пространственные и социальные структуры. К экстенсивным характеристикам развития урбанизации относят процессы роста городского населения, разрастание непосредственно самих городов и т.п. [11].

Понятие и сущность процесса урбанизации со временем эволюци-

онирует. Так, если на заре развития урбанистических процессов основной акцент делался на рост доли городского населения, то со временем он переместился сначала на уровень концентрации населения в крупных городах, а затем на распространение городской идеологии в мире и изучение человека в городе как феномена культуры [13]. Сегодня на первый план выходят именно качественные стороны урбанизационного процесса.

В результате развития и функционирования городов в тесной взаимосвязи с пригородной территорией стали образовываться новые формы городского пространства, и одна из таких форм – агломерация [8].

Сам термин «агломерация» применительно к расселению был введен французским географом М. Руже в 1973 г. В его интерпретации агломерация возникает тогда, когда концентрация городских видов деятельности выходит за пределы административных границ и распространяется за соседние населенные пункты. Встречаются и другие определения агломерации [3]. Многие отечественные специалисты занимались вопросам типологии и развития агломераций различного уровня. Среди них П.И. Дубровин, В.Г. Давидович, Г.М. Лаппо, Ю.Л. Пивоваров, П.М. Полян, Д.И. Богорад, Г.А. Малоян и другие [4]. Однако, несмотря на полувековую историю изучения агломераций в отечественной литературе, это тематика сегодня ничуть не потеряла своей актуальности.

С точки зрения П.М. Поляна [15], *городские агломерации* – это компактные и относительно развитые совокупности взаимодополняющих друг друга городских и сельских поселений, группирующихся вокруг одного или нескольких мощных городов-ядер и объединённых многообразными и интенсивными связями в сложное динамическое единство. Среди специалистов преобладает мнение, что определяющими признаками городской агломерации являются различного рода взаимодействия (в хозяйственной, демографической, инфраструктурной, пространственной сферах) городских и сельских поселений в зоне активности одного или нескольких крупных городов [16].

Разнообразность и неоднородность – неотъемлемые свойства агломераций. Агломерирование территории – процесс долгий и сложный, возникнуть быстро агломерация не может, для этого необходима совокупность различных условий: географических, экономических, социальных. Общими признаками для выделения агломерации служат следующие *критерии* [17]: людность не менее 500 тыс. жителей, тесная сближенность поселений (общая площадь не должна превышать 45 тыс. км²) и наличие развитых путей сообщения.

В современных российских реалиях, с несформированным ещё до конца рынком и огромными расстояниями, агломерации становятся главным фокусом развития местных экономик. Подобный признак агломерации по-

лучил название – *агломерационный эффект*, или *эффект масштаба*. Возникает он в результате того, что компактно размещенные объекты, если они совместимы, всегда эффективнее, чем те же объекты, размещенные изолированно. Связано это с тем, что издержки на транспорт и связь являются зачастую основными издержками производства.

Величина транспортных издержек зависит от существующей дорожной сети и сближенности фирм одинаковой специализации. Фирмы, расположенные рядом с рынком сбыта товаров и услуг, безусловно, выигрывают. Предприятия стремятся максимально использовать преимущества выгодного экономико-географического положения (ЭГП) [12]. Кроме этого, укрупнение производства дает ощутимые экономические выгоды, ведь обслуживание пусть даже нескольких рынков одним производителем выгоднее, нежели обслуживание каждого рынка отдельным предприятием. Стало быть, крупные производители, размещающие свои производства на территории агломерации, всегда в выигрыше. Город предоставляет производствам всю необходимую инфраструктуру: дороги, электроэнергию, тепло и водоснабжение и т.д.

Таким образом, чем интенсивнее происходит взаимодействие в границах агломераций, тем это выгоднее для экономики как всего территориального образования, так и отдельных фирм. Таким образом, производство стремится к наиболее тесному и взаимовыгодному сотрудничеству между близкорасположенными территориальными образованиями. Благодаря малым масштабам население близлежащих территорий может пользоваться всей линейкой услуг, предлагаемой большим городом, а также имеет широкий выбор места работы. Жители ядра агломерации получают, в свою очередь, рекреационные услуги, возможность переселиться в пригород и т.д. [6].

Кратко коснемся *истории развития агломерационной сети в мире и в России*. Толчком к развитию агломераций как массовой формы устройства городского пространства послужила индустриализация и, в первую очередь, развитие многочисленных железнодорожных веток. С развитием железнодорожного сообщения города стали более активно проникать в близлежащее пространство и изменять его. Стало возможным тесное взаимодействие центрального города и городов-спутников. С налаживанием транспортных связей промышленность, выдавливаемая из центрального города, получила возможность развиваться на новых территориях. Появились первые крупные спутники, специализирующиеся на каком-то определенном производстве [13].

Первые агломерации появились, как и многие формы городского пространства, в Европе, а к началу XX в. здесь уже концентрировалось около 1/3 всех больших городов мира. После Второй мировой войны новым центром развития агломераций становятся США. Именно в США развитие агломераций и спутниковой зоны крупных городов было наиболее динамичным.

Современная картина глобального развития агломераций представлена в труде «Демография мировых урбанизированных территорий» («Demographia World Urban Areas») [1], авторами которого была сформирована база данных, включающая 992 городских агломерации планеты с численностью населения города-ядра свыше 500 тыс. человек и сплошным ареалом застройки. По мнению этих исследователей, в России на данный момент существует 39 агломераций, удовлетворяющих всем критериям. В общем рейтинге по количеству городов с населением свыше 500 тыс. человек Россия оказалась на 5 месте, уступив Китаю, Индии, США и Пакистану.

К началу XX века урбанизационные, а соответственно, и агломерационные процессы в нашей стране ещё не получили своего развития. По состоянию на 1913 год на территории России имелось 4 крупных города – Санкт-Петербург, Москва, Одесса и Рига. Тогда при довольно резком увеличении числа городского населения, в первую очередь за счет реформ и административных преобразований, рост будущих ядер агломераций был довольно медленным. Бурное развитие сети агломераций на территории России началось уже в советское время. Одним из ключевых периодов советской урбанизации стали 1930-40-е годы. Наиболее впечатляющие темпы роста показали крупные городские центры, получившие новый промышленный импульс развития. Значительно омолодилась городская сеть, появились новые города. Это всё создало предпосылки для развития наиболее крупных форм поселений.

Большинство городов, ставших ядрами агломераций, – это старые административные центры, имеющие довольно долгую историю, но получившие значительный импульс развития лишь с приходом крупной промышленности. Эти городские центры ещё не исчерпали ресурсы и пока не нуждались в спутниковой зоне. Несмотря на это, вблизи крупных центров стали возникать предприятия, в будущем ставшие городами-спутниками. Этот факт отличает советские агломерации от западных. В Европе большинство агломераций сформировано «от города», в Советском Союзе, напротив, «от района», поскольку ядра будущих агломераций на тот момент ещё не достигли крупных размеров [9].

Следующий этап развития агломерационной сети России связан со Второй мировой войной. В это время в европейской части нашей страны рост агломераций практически остановился, а вот в азиатской, наоборот, пошел невиданными темпами. Множество эвакуированных предприятий стали той промышленной базой, которая необходима при формировании зачатков крупных агломераций. Наибольший импульс развития получили Урал, Центральная Азия и Западная Сибирь.

В следующие десятилетия процессы урбанизации интенсифицировались. С этого момента рост численности новых городов замедлился, но не остановился, а темпы роста крупнейших городских центров ускорились.

Численность населения городов увеличивалась год от года, всё ещё росли новые города, укреплялся опорный каркас территории. На месте эвакуированных производств росли новые города, благодаря индустриализации стали возникать двухядерные агломерации, в основе формирования которых лежал принцип «от района».

К 1979 году в СССР существовали 84 крупные городские агломерации, сосредоточившие в зоне своего влияния 1658 городских поселений, треть из которых приходилась на города, а остальные – на поселки городского типа. Затем рост числа городов и агломераций замедлился, к 1989 году число крупных городских агломераций в СССР было примерно 86 [9].

Итак, к концу 1980-х годов Советский Союз имел множество городских центров с монофункциональной ориентацией, а большинство городского населения было сосредоточено в границах крупных городов. В этих условиях агломерации развивались в первую очередь как крупные транспортные и промышленные центры, а субурбанизационные процессы затормаживались [14]. После распада СССР урбанизация в нашей стране пережила ряд количественных и качественных изменений, причем некоторые из них носили внешний конъюнктурный характер, в то время как другие развивались эволюционно. В последнее время обсуждение вопросов развития агломераций вызывает оживленную дискуссию. Именно в развитии агломерационных процессов некоторые авторы видят новый вектор роста [2].

Современная агломерационная сеть на территории России характеризуется неоднородностью и поляризованностью. Одни центры получают значительное развитие, другие демонстрируют медленный рост или даже стагнацию. Образование новых городских агломераций завершилось, а существующие начали налаживать инфраструктуру, усиливать взаимодействие со спутниковой зоной и т.д.

В зависимости от критериев выделения агломераций сейчас на территории Российской Федерации фиксируется от 36 до 78 агломераций [17]. На наш взгляд, наиболее обоснованными являются критерии, выработанные Г.М. Лаппо. Исходя из них, можно выделить 52 агломерации, причем 51 сформировалась ещё до 1989, и лишь Грозненская – в постсоветское время.

Барнаульская агломерация вошла в список 16 пилотных проектов по совершенствованию и апробации механизмов управления развитием городских агломераций в Российской Федерации. Однако как официальное муниципальное объединение, закреплённое в соответствующих документах, агломерация не существует. Агломерация имеет *статус ассоциации муниципалитетов*. В состав Барнаульской агломерации входят два города, один посёлок городского типа, один муниципальный район и 78 сельских поселений. Официальной датой создания агломерации служит 14 октября 2009, когда главы городских округов Барнаула, Новоалтайска и глава Первомай-

ского муниципального района подписали соответствующее соглашение о её создании [18].

Центром агломерации является город Барнаул – административный центр Алтайского края, расположенный на левом берегу Оби. По отношению к главным транспортным артериям, демографическим и экономическим центрам нашей страны город занимает периферийное положение.

История города берет своё начало в 1730 году. С этого времени Барнаул развивался как один из промышленных центров России [7]. В 1771 г. он получил статус горного города, единственного в Сибири и второго в России после Екатеринбурга. Поначалу Барнаул был включен в Кольвано-Воскресенский горный округ, а затем в 1805 году – в Томскую губернию. В дальнейшем Барнаул не раз изменял свой административный статус, был центром Алтайского округа, входил в Сибирский край, пока 28 сентября 1937 года не был образован Алтайский край с центром в городе Барнауле [10].

Бурное развитие Барнаула началось на рубеже XIX–XX веков. Так, с 1897 по 1916 год население города утроилось. В основе экономического благополучия Барнаула лежало производство сельскохозяйственной продукции. Впоследствии серьезное негативное воздействие на развитие города оказали революционные процессы и период Гражданской войны. Однако в 1930-е годы темпы роста населения города стали увеличиваться. Алтайский край в меньшей степени, чем большинство территорий европейской части страны, пострадал от потрясений 1941–1945 гг., а перенос части заводов с западных территорий даже усилил экономику региона и укрепил позиции Барнаула как промышленного центра. В послевоенное десятилетие Барнаул вошел как один из крупных городов Сибири, сосредоточивший в себе более 200 тыс. человек населения, различные предприятия химической промышленности, военного комплекса и машиностроения.

Новый импульс развития город получил благодаря программе освоения целинных и залежных земель. С конца 1950-х годов темпы прироста численности населения вновь возрастают. Так, с 1959 по 1962 год прирост составил почти 42 тыс. человек, а с 1962 по 1967 год – около 60 тыс. Данный период считается основным периодом формирования современной городской структуры. В целом же к середине XX века Барнаул стал многофункциональным городским центром, управляющим большой территорией с динамично увеличивающейся численностью населения. Этот период можно назвать временем зарождения Барнаульской агломерации, поскольку у Барнаула появился первый и по сей день единственный город-спутник – Новоалтайск [7].

В 1942 году село Чесноковка (прежнее название города Новоалтайска) получило статус города. Благодаря развитию промышленности и расширению территории в Новоалтайск потянулось население с близлежащих тер-

риторий. В 1959 году численность населения Новоалтайска составила около 34 тыс. человек против 9 тыс. в 1939 году [5]. В это же время завершается строительство старого моста, связавшего Барнаул и Новоалтайск. С учетом увеличения численности населения в близлежащих селах Барнаул начинает развивать инфраструктуру для более активного взаимодействия с близлежащей территорией. С начала 70-х годов XX века закладывается фундамент будущей Барнаульской агломерации. Благодаря развитию промышленности, вводу новых жилых микрорайонов численность населения будущей агломерации стабильно растет. Барнаул как ядро будущей агломерации выступает элементом связывания довольно обширной территории.

Следующей важной вехой развития Барнаульской агломерации стал распад Советского Союза. К началу 1990-х годов город Барнаул, агломерационные процессы в котором замедлились, стоял на пороге новой фазы развития. Центральный город должен был немного «добрать» населения, улучшить инфраструктуру и функциональность существовавших производств и начать развивать собственную спутниковую зону на базе поселков городского типа. Однако распад СССР внёс свои коррективы. Барнаул был вынужден изменить производственную структуру и переквалифицировать свою экономику на другие сферы: торговлю, сферу услуг, строительную и пищевую промышленности. Это, с одной стороны, заморозило агломерационные процессы, а с другой стороны, напротив, форсировало субурбанизацию. Хотя нельзя не отметить, что качественная сторона этого процесса в постсоветское время вызывает противоречивые оценки специалистов.

Важным событием современного периода является ввод в действие нового моста через Обь в юго-восточной части города. Строительство данного объекта имеет очень большое значение не только для связи правого и левого берегов Оби, но и для развития инфраструктуры южных районов города. Факт существования крупной переправы с большой пропускной способностью заметно усилил маятниковую миграцию в Барнаул. Это положительно сказалось как на развитии Барнаула, так и близлежащих правобережных территорий [7]. Строительство моста, безусловно, важное событие, положительно сказавшееся на формировании плотной системы групповых населённых мест в северо-восточной части Алтайского края. Однако тяжелая экономическая ситуация затормозила процессы преобразования правобережного Барнаула. Лишь в настоящее время началась активная застройка правого берега.

Итак, сегодня Барнаульская агломерация находится, по сути, на начальной стадии развития, а следовательно, у специалистов и органов власти есть возможность, основываясь на длительной истории развития агломерационных форм в России и мире, предвидеть ряд будущих проблем и подготовиться к их решению заблаговременно.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Demographia World Urban Areas (Built Up Urban Areas or World Agglomerations): 11th Annual Edition. – January 2015. – URL: <http://www.demographia.com/db-worldua.pdf>
2. Бозе Э. Городская агломерация: старое название – новое содержание // Демоскоп Weekly. – 2010. – №407-408. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0407/analit04.php>
3. Власова Н.Ю., Антипин Н.И. Городские агломерации: история современность, стратегические ориентиры // Известия УрГЭУ. – 2010. – №3. – С. 106-112.
4. Волчкова В.И., Подопрigorова Ю.В. Актуальные аспекты изучения агломераций в России // Муниципалитет: экономика и управление. – 2015. – URL: <http://municipal.uara.ru/ru/issue/2015/01/02>
5. Всесоюзная перепись населения 1959 г. // Институт демографии НИУ ВШЭ. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg2.php
6. Гуртов В. Направления инвестиционного развития экономики и агломерация // Социальная политика и социальное партнерство. – 2013. – №10. – С. 27-35.
7. История Барнаула // Официальный сайт города Барнаула. – URL: http://barnaul.org/gorod/history/hist_barnaul
8. Лаппо Г.М., Полян П.М., Селиванова Т.И. Агломерации России в XXI веке // Вестник фонда регионального развития Иркутской области. – URL: http://www.frtio.ru/uploads_files/Lappo.pdf
9. Лаппо Г.М., Полян П.М., Селиванова Т.И. Городские агломерации России // Демоскоп Weekly. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0407/tema05.php>
10. Пережогин А.А. К вопросу о правовом статусе Барнаула во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири: Сб. научных трудов / Под ред. В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова. – URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod5/got/15.html>
11. Перцик Е.Н. Геоурбанистика. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 432 с.
12. Петрунина А.А. От парадигмы устойчивого роста к парадигме устойчивого развития // Вестник Омского университета. – 1998. – №4. – С. 96-99.
13. Пивоваров Ю.Л. Основы геоурбанистики. – М.: ВЛАДОС, 1999. – 232 с.
14. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. – 2001. – №6. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/777/303/1218/008pIWOWAROWx20x60.l.pdf>
15. Полян П.М. Вековая эволюция городских агломераций и угроза деградации опорного каркаса расселения России // Проблемы урбанизации на рубеже веков. – Смоленск: Ойкумена, 2002. – 328 с.
16. Селяева Ю.С. Формирование городских агломераций как инструмент динамичного социально-экономического развития территорий // Инженерный вестник Дона. – 2012. – №3(21). – С. 765-769.
17. Смирнягин Л.В. Система расселения России: тенденции к переменам // Демоскоп Weekly. – 2012. – №517-518. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0517/analit01.php>

Схема территориального планирования Барнаульской агломерации: Утверждена По-

Есимова А.Б., Валитова З.Х.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА

Статья подготовлена в рамках фундаментального проекта МОН РК «Формирование позитивного имиджа регионов Казахстана как потенциал консолидации общества» (2015-2017 гг., номер гос. регистрации №0115РК01113)

В последние годы активизировались исследования различных аспектов развития регионов Казахстана [1]. Это связано, с одной стороны, с наличием и в некоторых случаях с усилением особенностей в территориально-пространственной структуре. С другой стороны, в условиях формирования политики социально-экономического укрепления регионов с целью повышения их конкурентоспособности необходимы исследования, направленные на выяснение экономических, социально-политических, социокультурных, экологических и других преимуществ и рисков отдельных регионов.

Следует отметить, что в научном обороте казахстанских исследовательской понятие «регион» имеет несколько значений. Первое значение подразумевает всю территорию Казахстана как отдельно взятый регион. Зачастую такое определение используется, когда апеллируют к понятию «Центральная Азия». В подобном значении данный термин используется в рамках международных отношений и иногда в исторической науке. Второе значение понятия «регион» – «область». Следует отметить, что это самая распространённая ситуация, когда «регион» выступает синонимом термина «область». И в таком содержательном значении понятие «регион» встречается практически во многих отраслях знаний. И третье – это регион как совокупность сопредельных территорий, имеющих схожие характеристики (экономические, общественно-политические, климатические и т.д.). Именно это значение будет использовано в данной статье.

Общеизвестно, что социально-демографическое развитие населения влияет на многие аспекты развития общества. В то же время на показатели роста населения оказывают воздействие экологические, экономические, социально-политические факторы. Казахстан всегда имел региональные особенности. Но в советский период эта характеристика не была особо вы-

пуклой, заметной, так как это была огромная по площади страна с федеративным устройством, где каждая республика позиционировалась как отдельный регион. С получением независимости региональность Казахстана стала более отчётливой, что привело не только к изменениям в ракурсе исследовательских практик, но и поставило на повестку дня выработку и проведение эффективной региональной политики.

Существуют различные варианты деления страны на регионы. На наш взгляд, наиболее близкими с точки зрения взаимовлияния являются демографическое, экономическое и экологическое представления о регионализации страны.

С точки зрения экологического фактора Казахстан условно поделён на следующие зоны. Первая – Западная (Прикаспийская), специализирующаяся на отраслях нефтедобычи и нефтепереработки. В нее входят области – Атырауская, Мангистауская, Актюбинская и Западно-Казахстанская. Вторая – Центральный и Восточный Казахстан – высокоразвитые промышленные регионы. Это – Восточно-Казахстанская, Карагандинская, частично Акмолинская и Павлодарская области. Третья – Северная, характеризующаяся агропромышленной специализацией. В нее входят Костанайская, Северо-Казахстанская, частично Акмолинская, Павлодарская области. Четвертая – Южная, имеющая сельскохозяйственную направленность. Она включает в себя Алмагинскую, Жамбылскую, Южно-Казахстанскую и Кызылординскую области [2].

Данное регионирование выглядит в целом типичным. Его типичность состоит в том, что по представлениям значительной части казахстанцев, скорее всего, так и регионировается территория страны. Единственное отличие – в представленном экологическом картографировании Павлодарская область частично оказалась в двух зонах. В общественном понимании территория областей незыблема и только целиком области могут относиться к тому или иному региону.

Экономист Нурланова Н.К. на основе собственной разработанной методики, которая базируется на важнейших экономических, социальных и экологических характеристиках развития регионов и позволяет дать комплексную оценку, выделяет следующие группы регионов. Первая – добывающие регионы – Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Кызылординская и Мангистауская области. Вторая – индустриальные регионы – Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Павлодарская области. Третья – аграрно-промышленные – Акмолинская, Алмагинская, Жамбылская, Костанайская, Северо-Казахстанская, Южно-Казахстанская области. Четвертая – особые, сервисные регионы – г. Астана и г. Алматы [3]. В предложенной классификации привлекательным выглядит то, что северная и южная столицы отнесены к отдельному региону. Дело в том, что эти города являются сво-

еобразными аттракторами (территориями, наиболее привлекательными для мигрантов, инвестиций и т.д.) и имеют «вес» даже больше, чем некоторые области.

Демографические показатели являются одним из важных факторов, по которым условно делят страну. Демографическое региональное деление территории Казахстана было предпринято исследователем Аубакировой Ж.С. На основе кластерного анализа посредством использования программы Fuzzy class с внесением статистических показателей за период с 1979 по 1999 гг. были выделены два мегатипа: Северо-Восточный и Юго-Западный. Эти два мегатипа подразделены на пять классов:

1. Северо-Восточная этнодемографическая зона: Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Костанайская, Северо-Казахстанская области.
2. Центральная этнодемографическая зона: Карагандинская, Павлодарская области.
3. Южная этнодемографическая зона: Южно-Казахстанская, Атырауская, Кызылординская области.
4. Юго-Западная этнодемографическая зона: Актобинская, Алмадинская, Жамбылская, Западно-Казахстанская области.
5. Западная этнодемографическая зона: Мангистауская область [4].

Основной точкой отсчёта в предложенной демографической классификации областей явился этнодемографический показатель. Особо подчёркивается, что «региональные особенности демографического развития в Казахстане формируются под воздействием высокой этнической дифференциации. Именно ярко выраженная этническая дифференциация в регионах даёт мощную специфику развитию процессов народонаселения в республике» [5]. Соглашаясь с этнической детерминацией демографических процессов, возникает вопрос: а как бы выглядело демографическое региональное деление, если в основу не была бы положена этнодемографическая структура? Была бы она другой?

Неоспоримым достоинством данной классификации является то, что использование компьютерной программы позволило сделать её более точной и валидной.

Нельзя не согласиться с исследователем Аубакировой Ж.С., которая резюмирует, что «региональные различия настолько существенны, что не всегда целесообразно оценивать состояние демографических процессов в республике в целом. Это требует от государства формирования региональных программ демографического развития» [6]. Потому должны быть разработаны не только программы демографического развития, а в целом программы развития регионов с учётом их специфики и поставленных социально-экономических задач.

Сравнив различные варианты группировки областей в отдельные ре-

гионы, можно заключить, что, несмотря на различия в региональном делении с учётом экологических, экономических и демографических факторов, некоторые области по данным признакам попали в единую региональную группу. Так, по всем трем версиям оказались вместе западные области – Атырауская, Актобинская, Западно-Казахстанская; северные – Акмолинская, Костанайская, Северо-Казахстанская; центральные – Карагандинская, Павлодарская. По экологической и демографической классификации также совпали области, относящиеся к южному региону, – Южно-Казахстанская и Кызылординская области.

Обращает на себя внимание, что экологическое и экономическое региональное деление схожи тем, что в одну группу попали только те области, которые являются сопредельными. В случае с демографической классификацией областей этого не наблюдается. Например, в южную этнодемографическую зону попали Южно-Казахстанская, Атырауская, Кызылординская области, где Атырауская область не граничит с двумя другими.

С другой стороны, области, находящиеся в географической близости, не всегда схожи по показателям развития. Так, считается, что к югу страны относятся такие области, как Южно-Казахстанская, Кызылординская и Жамбылская. Исследователи Джанпаизова З.М. и Есимова А.Б. в статье «Современные социально-демографические тенденции в развитии населения юга Казахстана» проанализировали развитие населения перечисленных областей сквозь призму процессов рождаемости, смертности, брачности, разводимости и пришли к выводу, что «считается, что в развитии населения Казахстана чётко прослеживается региональный характер. Анализ статистических данных показал, что внутри одного региона могут быть разные модели демографического развития» [7].

Задача регионального деления территории страны усложняется и тем, что сами административно-территориальные единицы – области – не представляются однородными. Так, изучив Восточно-Казахстанскую область, исследователь Краснобаева Н.Л. пришла к заключению, что «исторически сложившееся административно-территориальное деление и особенности формирования населения ВКО в советское время определили этнически выраженную географическую и экономическую дифференциацию региона. В области развиваются свои «север» и «юг» [8].

Безусловно, такие «шероховатости» возможны, так как невозможно найти одинаковые по всем параметрам области. Все эти варианты регионального деления построены на основе определённых параметров, необходимых для конкретной цели – проведения экономической или миграционной политики. Важной исследовательской задачей является теоретическое и эмпирическое исследование региональных особенностей демографического развития современного Казахстана с целью моделирования перспективных тенденций.

Таким образом, необходимость выработки корректной региональной классификации носит не только теоретическое, но, прежде всего, практическое значение. Правильное видение регионирования позволит эффективнее проводить политику по развитию регионов и стиранию их значительных отличий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Нурланова Н.К. Региональная парадигма устойчивого развития Казахстана: проблемы теории и практики. Алматы: Институт экономики КН МОН РК, 2009, с. 55-60.
2. Нурланова Н.К. Региональная парадигма устойчивого развития Казахстана: проблемы теории и практики. Алматы: Институт экономики КН МОН РК, 2009, с. 136-137.
3. Аубакирова Ж.С. Воспроизводство населения Казахстана: этнорегиональный аспект. – Усть-Каменогорск, 2010, С. 41.
4. Там же, С. 37.
5. Там же, С. 50.
6. Жанпаизова З.М., Есимова А.Б. Современные социально-демографические тенденции в развитии населения юга Казахстана // Сб. материалов III междунар. научной конф. «Демографическая ситуация в Казахстане: состояние и перспективы», Уральск, 2011, с. 212.
7. Краснобаева Н.Л. Восточный Казахстан: региональные особенности миграционных процессов // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов X междунар. науч.-практ. конф. – Усть-Каменогорск, 2009, С. 207.

Ешекенова Р.Ч.

КУРЧАТОВ ҚАЛАСЫНДА ТҰРАТЫН ОРАЛМАНДАРДЫҢ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ОРТАҒА БЕЙІМДЕЛУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Тәуелсіздік алғаннан кейінгі қолға алынған шаралардың бірі – қазақтарды бір шаңырақ астына жинау болды. Жер-жердің түкпір-түкпірінде әртүрлі себептермен Отанынан кетуге мәжбүр болған не шекара бөлінісі кезінде басқа елдің шекарасында қалып қойған қандастырымыздың саны бүгінгі күнде 5 миллионға жуықтайды екен [2]. Олардың көбі Қазақстанға жақын Өзбекстан, Қытай, Моңғолия, Ресей жерінде шоғырланған. 1992 жылы өткен Дүниежүзі қазақтарының бірінші құрылтайында елбасымыз Н.Ә. Назарбаев сөзінде «күшағымыз бауырларымызға ашық» деп елін, ата-жұртын аңсаған ағайындарды Отанға шақырған еді.

Шеттен келген қандастырымыз Қазақстанның әр жеріне орналасты-

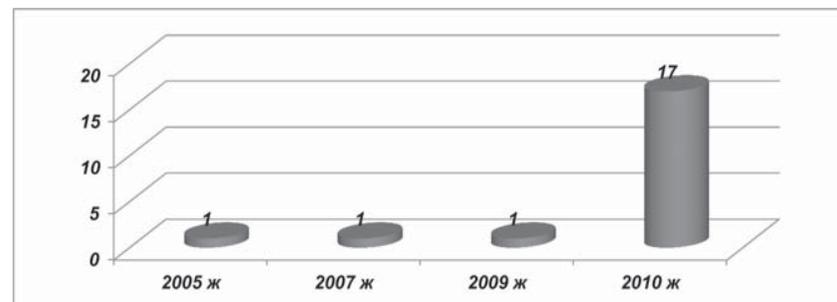
рылды. Шығыс Қазақстанға әсіресе Қытай елінен келгендер қоныс тепті. Оның басты себебі, шекараға жақындығымен түсіндірілсе керек.

Курчатов қаласында да Моңғолия, Қытайдан келген қандастарымыз көп пәтерлі үш қабатқа орналастырылған. Қандастарымызға Курчатов қаласының саяжайларға баратын жолдың бойындағы көп қабатты үйлер жөнделіп, бөлмелері кеңейтіліп берілген.

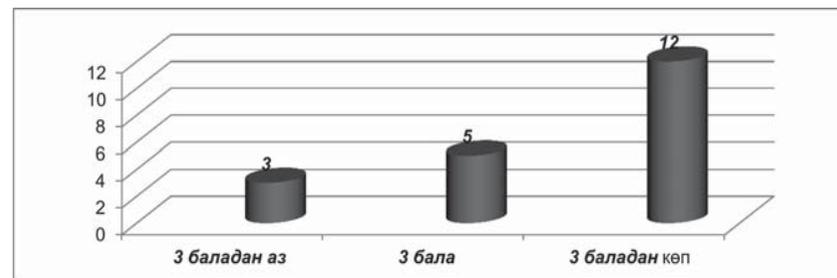
Оралмандардың Шығыс Қазақстан жеріне бейімделуінде қандай мәселелер туындағанын білу үшін жиырма отбасынан сауалнама алынды. Олардың ішінде 25% (5 отбасы) Моңғолиядан, 75% (15 отбасы) Қытай елінен келгендер. Сауалнама қорытындыларына назар аударайық.

«Қай жерде тудыңыз? Ол елде неше ұрпақ тұрасыздар? Қазақстаннан кетсеңіздер қашан кеттіңіздер? Қазақстан кету себептері?» - деген бірінші сұраққа барлығы яғни 25% ежелден Моңғолияда, 75% ежелден Қытайда тұрғандығын, Қазақстаннан кетпегендігін айтты.

«Қазақстанға қашан келдіңіз? Қай қала, аудан, ауылға келдіңіз?» - деген сұраққа бір отбасы алғаш 2005 жылы Катонқарағайға, 2011 жылы Курчатовқа келгендерін айтса, бір отбасы 2009 жылы келгендігін, бір отбасы 2007 жылы Астанаға 2014 жылы Курчатовқа келгендігін, қалған 17 отбасы 2010 жылы Курчатовқа көшіп келгендерін айтты.

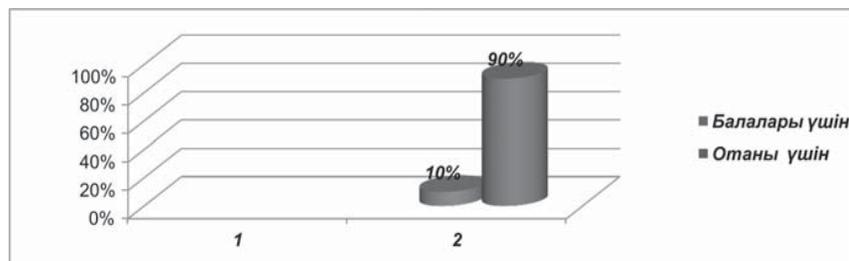
Сурет 1. Оралмандардың Қазақстанға келу уақыты, жылдармен

Сурет 2. Сауалнамаға қатысқан оралмандардың отбасы құрамы

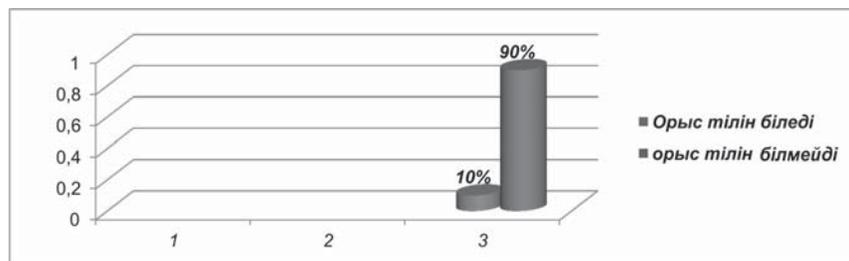
«Отбасы құрамы?» - деген үшінші сұрақ қойылды. Сауалнамаға қатысқан отбасылардың 60%-ның (12 отбасында) отбасында бала саны 3 баладан көп, 25%-да (5 отбасы) 3 баладан, ал 15%-да (3 отбасы) бала саны 3-тен аз, дегенмен олар репродуктивті жаста, мүмкін тағы балалы болуы да мүмкін. Бұл іске Қытай елінен келгендер тарапынан балаға шектеу жоқ қой, ал Қытайда небары екі балаға рұқсат бар дегенмен түсіндіреді. Көпшілік отбасында 5 баладан бар, яғни шеттен келген қандастармыз әлі де болса көп балалы отбасы болуды қалайды.

«Қазақстанға келу себептері? Отаным деп келді ме, балалары үшін келді ме, туыстары, әлде достары шақырды ма, қызмет жасайын деп келді ме?» - деген сұраққа респонденттердің 10% (2 отбасы) балаларының болашағы үшін келдік деп жауап берсе қалған 18 отбасы (90%) Отанымыз үшін келдік, оны көркейту үшін, Н.Ә. Назарбаев шақырған соң, осы елге өз үлесімізді қосайық деп келдік деп жауап берді.

Сурет 3. Қазақстанға келу себептері

«Орыс тілін біледі ме? Жергілікті қазақ тілінің диалектілері бар ма?» - деген сауалнама сұрағының нәтижесі келесідей болды.

Сурет 4. Оралмандар арасында орыс тілін білетіндер

Сауалнамаға қатысқандардың көпшілігі орыс тілін білмейтіндіктерін атап көрсетті, орыс тілін білетіндер қатарына Қазақстанға ертеректеу келген, 11 сынып пен жоғары оқу орнын Қазақстанда тәмамдаған 1 азамат пен

Моңғолияда жоғары білім алған 1 отбасы жатқызылды. Жергілікті қазақ тілінің диалектісінен гөрі сауалнамаға қатысушылар жергілікті қазақтар орысша қосып сөйлейтіндіктерін, сол себепті түсінбей қалатындықтарын айтты.

«Қандай қиыншылықтарға тап болды? (материалды, тілдік, жергілікті халықпен қарым-қатынас)» - деген сұраққа тоқталсақ. Сауалнамаға қатысушылар келесідей қиыншылықтарға тап болғандарын көрсетті:

1.Келген кезде құжат жөндеудегі қиыншылықтар, әсіресе Қытайдан келгендер арасында құжаттарды толтыра алмау, орыс тілін білмеу кедергілері. Себебі, олар Қытайда араб графикасына негізделген төте жазумен хат таныған еді;

2.Азаматтық алудағы қиыншылықтар. Кейбір азаматтар 1990-шы жылдары келсе де азаматтық ала алмаған. Сол себепті Қазақстаннан кетуге мәжбүр болған;

3.Жұмыс таба алмау қиыншылығы. Келушілердің айтуынша ең ұзағанда 25 мың теңге көлемінде жалақы алатын көше сыпырушы деңгейінен аса алмағандарын, ол жұмыстың өзі тұрақты емес, еңбекпен қамту бюросы тарапынан үш ай көлемінде істеген соң жұмыстан шығарып тастайды, күзетші, сатушы болып жұмысқа тұрайын десе орыс тілін білмейтіндіктен жұмысқа алмайтындығын айтты;

4.Зейнеткерлікке шығайын десе Қытайдағы, Моңғолиядағы еңбек өтілі есептелмейді, сол себепті ең төменгі зейнетақы алуға мәжбүр;

5. Балалары өмір сүру қамымен жер-жерде жұмыс іздеп жүргендіктерін айтады. Қытайдан келген бір азамат бізді әлі де де болса Қытай асырап отыр, балаларымыз Қытайлықтардың құрылыс компанияларында жұмыс істеп жатыр дегенді айтып қалды;

6.Моңғолия немесе Қытайлық дипломен жұмысқа тұру қиыншылығы. Қытайлық немесе Моңғолиялық жоғары білімдері бар азаматтар өздерінің жұмыс таба алмай отырғандықтарын айтты. Қытайлық азамат сол жақта Мәдениет үйінің басшысы болғандығын, ұлының режиссерлік мамандық бойынша білім алып келгендігін, қазір мектепте күзетші болып жұмыс істеп жүргендігін айтса, Моңғолиялық азаматтың екі жоғары білімі бар, бірі – экономист-бухгалтер, екіншісі – мұғалім. Жұмысқа тұрмақ еді, орыс тілін білмегендіктен, терминдердің орысша болуы есепті жұмысқа тұра алмаған;

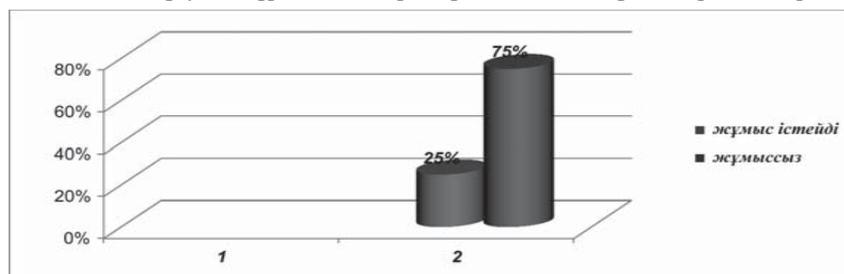
7.Мемлекет тарапынан мал бағатын жер берсе дейді қандастарымыз. Қабат үй түрме секілді, төрт қабырғаға қарап отырмыз, бізе одан гөрі жер берсе, өзіміз үйімізді де салып алар едік, малымызды да бағар едік дейді. Осы жерде тұратын 150 үйдің (оралмандар) 50 үйі мал бағады, оның өзінде біреуге жалынып жалпайып малдарын қосып әуреге түсуде. Мемлекет тарапынан берілетін мал алуға болатын қаражатқа мал алса да оны жаятын жер

жоқ деп қынжылады;

8. Қазір тұрып жатқан пәтерлерін жекешелендіріп берсе дейді. Қазір пәтер жалдаушы секілді күн кешудеміз, енді арендалық баспана секілді етпекші, бұл саясатқа қарсы болып отыр.

«Жергілікті халықпен араласады ма, әлде тек өзара араласады ма?» деген сұраққа 1 отбасы ғана жергілікті халықпен араласпайтындықтарын айтса, қалған 19 отбасы (95%) араласатындықтарын көрсетті.

«Жұмыс істейсіз бе, әлде жұмыссызсыз ба?» - деген сұраққа 75 пайызы (15 отбасы) жұмыссыз екендіктерін айтса, 25 пайызының (5 отбасы) отбасы мүшесінің бірі болсын жұмыспен қамтылған. Бірақ көбінің білімі болмағандықтан жалақысы аз еден жуушы, әртүрлі жұмыс істеуші, балабақшада күтуші, құрылыста қара жұмыс сынды жұмыстарды атқарады.

Сурет 5. Жұмыспен қамтылуы

«Қазақстанға келгендегі үміттері ақталды ма? Қайта келген жаққа кеткісі келеді ме?» - деген сұраққа бір отбасының ғана қайтадан кеткісі келетіндігі, басым бөлігі кеткілері келмейтіндігін, не болса да шыдайтындықтарын айтады.

«Туған үй, Отан деп қай елді есептейсіз?» - деген сұраққа бірінші Қазақстанды жақсы көретіндіктерін, екінші келген елдерін Қытайды, Моңғолияны жақсы көретіндіктерін атап көрсетті.

«Қурчатовтан басқа Қазақстан Республикасының басқа аймақтарына көшуді жоспарлайсыз ба? Болса не себепті?» - деген сауалнама сұрағына бір отбасы ғана жағдайлары болса Астанаға, Алматыға тұрғысы келетіндігін айтса, қалғандары осы жерде қаламыз дегенді алға тартты.

«Жергілікті халықпен (қазақпен) некеге тұруға дайын ба? Балаларыңызға рұқсат бересіз бе?» - деген сұраққа барлығы бір ауыздан қарсы емес екендіктерін, некеге тұруға дайын екендіктерін, тіпті баламен бала келіссе орыс ұлтынан да келін алуға даярлары да бар екен.

«Қандай тағамдарды жегенді жақсы көресіздер?» - деген сұраққа көпшілігі ет тағамдары, айран деп көрсетсе Қытай елінен келгендер лагман, дафанджи, күрішті жегенді жақсы көретіндіктерін айтты.

Қурчатов қаласында «Қызат Серік» ЖШС, «Қасиет» ЖШС Қытайдан келген екі кәсіпкерге тиесілі, олар үйлерге коммуналды қызмет көрсетумен айналысады. «Серік Тынысбек» ЖШС қаладағы қоқыс шығаруды қолына алған. Онға жуық отбасы базарда сауда сатумен айналысады.

2015 жылы Қытай еліне сапар шегіп, сондағы қазақтардың өмірімен танысып келдім. Қытай қазақтары негізінен мал шаруашылығымен және диқаншылықпен айналысады. Қазақтардың басым бөлігі қыстақтарда тұрады. Қыстақтардағы үйлердің едендері цементпен сыланған, шатырлары жоқ немесе қара қағазбен жабылып сыртын кірпішпен бастырып қойған. Кейбір қыстақтарда суармалы жер бар, мұндай қыстақта тұратын әр адамға 8-9 му (1 гектарға жетер-жетпес) жер беріледі, бұл жерге егін салады және мал ұстайды, ал кейбір қыстақтарда суармалы жер жоқ, мұндай қыстақтардағылар тек мал бағады. Негізгі күн көріс көзі азын-аулақ мал мен еккен егінінің өнімі, кей кезде жалданып жұмыс істеуден түскен қаражатқа күн көреді.

Білім беру жағдайына келсек қыстақтарда тұратындардың балалары 6 сыныпқа дейін ауыл орталығына барып оқиды. Кейбір қыстақтар ауыл орталығынан алыс орналасқандықтан, күнделікті үйіне барып келіп оқуға жағдай жоқ. Сол себепті ата-аналар бірігіп пәтер жалдап, кезектесіп балаларға қарап тұрады. Кейінгі білімдерін аудан орталығынан барып алулары керек. Көпшілік отбасылардың аудан орталығына барып білім алуға жағдайлары келмегендіктен бастауыш біліммен шектеліп, ауылда қалып отбасын құрып, малын бағады. Қазіргі таңда мектептегі білімнің қытайландырылып келе жатқандығын айтады. Барлық сабақтар дерлік қытайша жүргізіледі. Мектепке бармаған балаға қытайша үйретіп, ол істі құптап отырады. 11 сыныпты қытайша тәмамдап, жоғары оқу орнын қытайша оқып жатқан балалармен сөйлеспек болсаңыз, ол көп қазақша сөздерді түсінбейтіндігін алға тартады. Мектептегі оқулықтарды сатып алу керек болады. Бастауыштан, орталау мектепке өту үшін де емтихан тапсырып, белгілі балл жинау керек. Жоғары оқу орнын бітірген соң мыңнан бірі ғана жұмысқа тұрады, жұмысқа тұру байқау негізінде жүргізіледі, сынақтан өткен адам ғана ары қарай еңбек етеді. Мемлекеттік штаттық жұмысқа тұру деген сөз – өмір бойғы еңбекпен қамтамасыз етілді деген сөз деп түсінеді. Штаттық жұмысқа кірген адамға бар жағдай жасалған.

Арналардың көпшілігі Қытай тілінде, қазақша бір, екі арна бар, олардың өзінде партия жұмысын дәріптеу, Қытай басшылары туралы кинолардың қазақша аудармасы көрсетіледі.

Қазіргі таңда діни ұстанымдарға да мемлекет тарапынан араласу байқалады. Қыстақтардағы мешіттерге қызыл ту ілінген, бір кездері тіпті партияның мүшелері мешітке бара алмайтын еді, Үрімжіде қандай да бір дінге кір деп үндегендерден бойынды аулақ ұста деген сынды үнпарақтар саябақтардың қабырғаларына жапсырылған.

Қонақ келсе құрметтеп ет асады. Ет туралған соң барлығы қолмен жейді. Шайға тұз қосып ішеді. Басқа күндері өздері ащы (лазы) бұрыш, дәмдеуіштер қосып жасалған тауық етінен жасалған дафанджи тағамын, лагман, көкөністерді жұмыртқамен қуырып (сәй) жегенді ұнатады. Қолмен жасалған бауырсақ, тәтті тоқаштарды ұнатады.

Қолөнер туындыларынан орамал, көрпегі, кестемен көмкерілген, жамбас көрпе (астыға төселеді) қолдан тігіледі, оюмен көмкерілген киіз сырмақтарды да қыстақтағы әр үйден табуға болады. Қабырғаға кестеленген матаны шынымен жауып, жиектеп іліп қояды.

Қытай қазақтарының арасында Қазақстанға келгісі келетіндері бар. Бірақ, үйренген жерден кетсе тұрмыстары не болады екен деп алаңдайды. Кейбір қазақтар Қытай ерекше дамып келеді ғой, өлсек осында өлеміз, кейін балалар барып жатпаса дейді. Енді бірі түбі бір барар жеріміз Қазақстан ғой дейді екен. Қазақстан туралы «Қазақстанның шөбін көрсен жегің келеді, зиратын көрсен өлгің келеді» деген сөз тарап кетіпті.

Қытай елінде жанталасып еңбек етпесең күнің қараң. Сол себепті қазақтар мал бағады, егінін салады. Жері жоқтар егін салу үшін көктемге қарай мемлекет беретін несиеге жер жалдап, дән себеді, ол өнім шықпаған жылдары қарызға батады. Қарызы барлар басқа елге кете алмайды.

Қорытындылай келе айтар жайт халықтың бейімделуі бірер жылда бола қоятын іс емес, «елу жылда ел жаңа» дегендей шеттен келген қандастарымыз да біраз жылда Қазақстандық ортаға бейімделіп, өз еңбегін істеп, ұрпақтарын өрбітері анық.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Байгожина Г.М., Досова Б.А. Проблема репатриации казахов Китая на историческую родину // article.com
2. Сейдин Н. Казахи за рубежом как объект национальной политики Казахстана // centerasia.ru/news
3. Сыроежкин К. Казахи Китая: проблемы репатриации // Континент. – 2000. – № 16 (29). – С. 30-33.
4. Махмудова Ш. Проблема адаптации казахов-оралманов из Китая в Казахстане // ia-centr.ru// expert

Игнатьева Л.Н.

НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ В КАЗАХСТАНЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Многонациональный состав населения Казахстана формировался на протяжении более ста лет. Это были неоднозначные миграционные про-

цессы: добровольные и насильственные. В итоге на территории республики оказались представители многих национальностей. Постепенный отток некоторых некоренных этносов начинается ещё в 70-е годы XX века. Самый значительный отток населения из Казахстана произошёл в 90-е годы XX в. В начале 2000-х годов этот процесс относительно стабилизировался. По данным переписей населения Казахстана 1999 и 2009 гг. численность русских сократилась на 609 939 чел. (13%), украинцев – на 124 420 чел. (22,7%), немцев – на 132 425 чел. (37,5%), татар – на 22 197 чел. (8,9%). В период с 1999 по 2013 г. миграционная ситуация по отдельным этносам выглядит следующим образом.

В целом число иммигрантов с 1999 г. возрастало и максимума достигло в 2005 г., а с 2006 г. постепенно снижалось, достигнув минимума в 2013 г. Количество эмигрантов постоянно снижалось, за исключением 2007 и 2008 г. Сальдо миграции с 1999 по 2003 г. имело отрицательное значение, с 2004 по 2011 г. – положительное, в 2012, 2013 г. – вновь отрицательное. Наибольшая миграционная активность характерна для казахов, русских, украинцев, немцев, татар. Причем у казахов фиксируется положительное сальдо миграции (также как у узбеков и уйгуров), у русских, немцев, украинцев и татар – сальдо миграции отрицательное. Основное число как иммигрантов, так и эмигрантов приходится на страны СНГ, исключение составляют немцы (эмигранты со странами вне СНГ).

Количество иммигрантов из стран СНГ в целом возрастает до 2005 г., с 2006 г. – сокращается. Основную массу иммигрантов составляют казахи. Хотя в 1999 и 2000 гг. в этом процессе лидировали русские, но с 2001 г. – лидерами иммиграции из стран СНГ стали казахи. Количество эмигрантов в страны СНГ с 1999 по 2003 г. сократилось почти в 6 раз.

Численность иммигрантов казахов из стран СНГ с 1999 по 2005 г. возрастала, а с 2006 по 2013 г. – сокращалась. Количество эмигрантов казахов в страны СНГ снизилось в этот период на 88,8%. Сальдо миграции на протяжении всего периода имело положительное значение (максимум 2005 г.). Число иммигрантов казахов со странами вне СНГ до 2008 г. постоянно росло, а с 2009 г. – снижалось. По сравнению с иммигрантами со странами СНГ, иммигранты казахи со странами вне СНГ составляли 15-20%. Количество эмигрантов казахов со странами вне СНГ до 2003 г. возрастало, а с 2004 г. – сокращалось. При этом казахи эмигранты со странами вне СНГ составляли 1-2% от всех эмигрантов со странами вне СНГ. Сальдо миграции казахов со странами вне СНГ на протяжении всего периода имело положительное значение (максимум в 2008 г.).

5861	8661	9052	6522	5562	9632	4112	6052	3382	1924	2515	8952	4478	41201	22611	-онд Д
1891	0471	6871	9151	1312	9412	1662	4742	4752	47111	62951	8252	02462	28282	12222	-м щ
785	089	992	159	288	4301	566	408	4021	6141	9191	4062	2222	2062	1262	-а ры
81	22	61	42	22	92	04	22	22	49	64	58	801	411	66	-а У
4061	8412	4652	5161	5122	9292	2222	4722	6424	8215	0225	5986	21411	42221	51221	-а н
06	22	66	521	611	221	101	511	951	912	012	024	605	085	296	-а ки
2701	44022	99922	94721	25422	12912	26462	80222	54522	52162	86604	40202	02618	42216	68416	-с Р
4401	0101	8241	5021	4021	1822	9222	9222	2622	2142	9224	9855	2065	2002	8528	-а К
4842	22262	02622	14592	58822	42284	52424	06922	62125	02559	06822	222021	012141	64251	44691	В с е - онд а р
2102	1102	0102	6002	8002	4002	9002	5002	4002	2002	2002	2002	1002	0002	6661	

олосев ынглангыс

2 ынглангыс

Иммигранты всего

Таблица 1

1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
Все этно-сы	41320	47442	53548	58211	65584	68319	74807	66731	53397	46404	41485	42057	38016	28296	24105
Казахи	10909	17682	24727	31315	39409	47161	57850	48734	41763	35081	30130	29628	26724	19161	16006
Русские	20076	18540	16999	15145	15036	12412	9805	9335	6658	6268	6013	5660	4644	3497	2974
Украинцы	1028	2190	1235	1250	1104	834	651	1173	446	439	479	687	651	673	538
Уйгуры	2526	2174	2275	1897	1818	1385	956	872	601	643	614	504	444	293	275
Татары	95	174	158	147	237	219	151	103	84	111	108	95	114	103	92
Немцы	1129	1123	1139	1019	1006	823	599	617	476	433	433	405	374	314	227
Др. этно-сы	1417	1190	1167	1042	1105	892	713	596	517	525	435	405	324	256	213
Др. этно-сы	4140	4396	5828	6396	5869	4593	4082	5301	2852	2904	3273	4673	4741	3999	3780

1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
В с е этно-сы	-123627	-108307	-88162	-62012	-8306	2789	22668	33041	10962	1117	7526	15516	5096	-1426	-279
Казахи	2651	10680	18824	25729	35053	43748	54958	46458	39494	32800	28445	28323	25246	18151	14962
Русские	-71413	-72784	-64971	-55062	-25962	-26713	-22740	-13373	-22834	-25363	-17436	-13086	-19022	-18550	-14098
Узбеки	66	1610	726	780	794	618	495	1058	345	302	360	562	552	601	448
Украинцы	-12789	-11550	-9438	-7968	-3912	-3773	-3393	-1902	-2832	-3033	-2101	-1411	-2153	-1855	-1632
Уйгуры	-4	30	50	62	188	155	144	76	44	75	85	71	95	76	74
Татары	-2842	-2779	-2194	-1885	-610	-596	-605	-190	-519	-601	-450	-246	-392	-366	-360
Немцы	-31504	-27593	-28263	-22496	-14574	-10882	-6861	-1878	-2474	-2621	-1696	-1111	-1465	-1484	-1468
Д р . этно-сы	-7792	-5921	-3020	-1182	717	232	700	2792	-262	-442	319	2414	2235	2001	1795

Сальдо миграции всего

Таблица 3

Этнодемографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Алматы, 2006. С. 371-382. Демографический ежегодник Казахстана, 2007. Астана, 2008. С. 675-676. Демографический ежегодник Казахстана, 2008. Астана, 2009. С. 853. Демографический ежегодник Казахстана, 2009. Астана, 2010. С. 541. Демографический ежегодник Казахстана, 2012. Астана, 2013. С. 786, 787. Демографический ежегодник Казахстана, 2014. Астана, 2015. С. 179.

У русских число иммигрантов из стран СНГ сократилось с 1999 по 2013 г. на 85,7%. Количество эмигрантов со странами СНГ также уменьшилось, незначительное увеличение было в 2000 г. по сравнению с 1999 г., а с 2000 по 2013 г. – сократилось на 80,0%. Причем русские составили основную часть эмигрантов в страны СНГ. Сальдо миграции со странами СНГ на протяжении всего периода было отрицательным.

По странам вне СНГ русские как иммигранты составляли незначительную часть (менее 10%). Как эмигранты со странами вне СНГ русские составили 10-13% от эмигрантов русских со странами СНГ и 23% от всех эмигрантов со странами вне СНГ. Миграционное сальдо на протяжении всего периода так же, как и со странами СНГ, отрицательное.

Для украинцев также наибольший миграционный обмен характерен для стран СНГ. Количество иммигрантов украинцев со странами СНГ с 1999 по 2013 г. сократилось в 9,4 раза, а число эмигрантов – в 7,3 раза. Миграционное сальдо на протяжении всего периода было отрицательным. Иммигранты украинцы со странами вне СНГ составляли 1,5-2% от иммигрантов украинцев со странами СНГ. Причем их число до 2005 г. росло, а с 2006 г. – снижалось. Эмигранты украинцы со странами вне СНГ занимали третье место после немцев и русских. А по сравнению с эмигрантами украинцами со странами СНГ они составляли 15-18%. При этом число украинцев эмигрантов со странами вне СНГ сократилось с 1999 по 2013 г. в 22 раза. Сальдо миграции так же, как и со странами СНГ на протяжении всего периода, отрицательное.

У узбеков тенденции миграционного поведения совпадают с казахами. У них так же положительное миграционное сальдо как со странами СНГ, так и со странами вне СНГ. У татар тенденции миграции совпадают с русскими и украинцами. Сальдо миграции отрицательное как со странами СНГ, так и со странами вне СНГ.

Иные тенденции характерны для немцев. Число немцев иммигрантов со странами СНГ превышало число иммигрантов немцев со странами вне СНГ. При этом количество иммигрантов немцев со странами СНГ сократилось с 1999 по 2013 г. в 9,7 раза, а численность иммигрантов со странами вне СНГ до 2003 г. увеличивалась, а с 2004 г. постоянно снижалась. Количество эмигрантов немцев со странами СНГ составляло чуть больше 14% от эми-

грантов немцев со странами вне СНГ. Причем число эмигрантов немцев со странами СНГ с 1999 по 2013 г. сократилось почти в 4 раза. С 1999 по 2005 г. немцы эмигранты со странами вне СНГ составляли самую значительную часть всех эмигрантов со странами вне СНГ (более 50%). В целом количество эмигрантов немцев со странами вне СНГ с 1999 по 2013 г. сократилось в 48 раз. Миграционное сальдо немцев как со странами СНГ, так и со странами вне СНГ – отрицательное.

Таблица 4

Иммигранты страны СНГ

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
1999															
В с е этно-сы	39461	43460	49932	54206	60781	61831	65829	56635	42613	31425	32075	33857	30996	23889	20331
Казахи	10121	14980	23472	29783	36224	41991	50190	40078	32110	21222	21806	22853	21310	16089	13424
Русские	19796	18239	16736	14824	14631	11991	9491	9033	6308	6033	5800	5459	4485	3363	2836
Узбеки	1020	2129	1216	1247	1102	832	649	1170	441	435	472	681	645	667	534
Украинцы	2488	2130	2232	1839	1753	1326	899	822	556	600	600	489	416	282	264
Уйгуры	94	137	151	143	235	207	142	95	73	99	97	88	97	95	82
Татары	1124	1109	1123	1002	1003	819	594	610	465	427	426	394	362	299	225
Немцы	1119	869	826	750	721	554	395	340	259	253	234	218	150	131	115
Д р . этно-сы	3699	3867	4176	4618	5130	4111	3469	4487	2401	2356	2640	3675	3531	2963	2851

0801	6111	1221	8591	92-	91L-	65C-	20C2	918	858	9151	1011-	9992-	6C3F-	3LL5-	онло- р Д
L6-	4021-	5L11-	528-	1221-	L661-	5191-	828-	9321-	9611-	2C11-	8012-	3E22-	0223-	5F03-	ны Н
933-	15C-	9LС-	422-	32F-	5L5-	915-	651-	905-	L4F-	61F-	0L91-	9861-	2952-	0652-	ры Тага
3L	9L	88	L	58	89	4F	3L	311	591	302	88	49	9C	91	Уйгу- ры
8F541-	38L1-	L0L2-	23C1-	3L61-	2362-	33L2-	82L1-	00L2-	L392-	1552-	1409-	863L-	86L6-	6F901-	инцы У
54F	L6S	3SS	19S	L5C	60C	9FC	L501	50S	639	L18	528	43L	L8S1	66	ки У
0F5C1-	49081-	6C581-	5F921-	6L791-	2F472-	6F322-	62421-	6L561-	20912-	48561-	1409F-	L1355-	5L539-	42219-	ски У
39S21	522S1	96661	99912	03C02	20161	8200C	9L08C	81LL4	2516C	6892C	5F642C	0C281	4198	2342	-аэ К
4F322-	583F-	L0C-	0168	05C	38411-	9F82	49322	L3152	20641	L2511	11113-	L4015-	L423L-	6L708-	их У
3102	2102	1102	0102	6002	8002	L002	9002	5002	4002	3002	2002	1002	0002	6661	се У

Салды миграции страны СНГ

9 өлчөмдү

Таблица 5

Эмигранты страны СНГ

	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
В се этно-сы	120240	116707	101009	85317	49260	46929	40698	30271	39767	42908	31725	24974	31303	28274	22565
Казак-хи	7689	6366	5242	4838	3535	2839	2472	2002	2082	2120	1476	1187	1314	864	861
Рус-ские	81020	81814	72053	60865	34215	33593	29070	21462	28657	30775	22579	18104	23024	21427	16376
Узбеки	921	542	482	422	285	193	144	113	95	126	115	120	92	70	89
Украинцы	13182	11928	9630	7880	4304	3963	3599	2550	3289	3532	2573	1841	2487	2065	1812
Уйгуры	78	101	87	59	32	42	29	22	29	31	12	17	13	19	9
Татары	3714	3671	3109	2672	1422	1296	1100	769	981	1002	849	618	738	650	561
Немцы	4164	4089	3564	2858	1853	1750	1631	1168	1874	2250	1455	1043	1325	1335	1086
Др. этно-сы	9472	8196	6842	5719	3614	3253	2653	2185	2760	3072	2666	2017	2310	1844	1771

1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	
В с е этно-сы	-42848	-35060	-37085	-30901	-19827	-12113	-2463	6677	8116	12600	7152	6555	5403	2959	1955
Казах-хи	219	2066	594	784	2364	4596	7240	8382	9466	13698	8093	6608	5250	2926	2399
Рус-ские	-10189	-9209	-9654	-9021	-6378	-5111	-3161	-944	-485	-621	-659	-437	-483	-486	-558
Узбе-ки	-33	23	-8	-45	-23	-21	-10	1	-1	-7	3	-2	-1	4	3
Укра-инцы	-2095	-1752	-2040	-1927	-1361	-1136	-693	-174	-99	-101	-128	-58	-82	-72	-84
Уйгу-ры	-20	-6	-14	-22	-15	-10	1	3	0	7	0	0	11	0	1
Тата-ры	-252	-217	-208	-215	-191	-119	-99	-31	-3	-26	-27	-22	-16	-15	-24
Нем-цы	-28459	-24373	-25525	-20388	-13442	-9686	-5625	-1050	-859	-624	-474	-286	-290	-280	-497
Д р . этно-сы	-2019	-1592	-230	-67	-781	-626	-116	490	97	274	344	752	1014	882	715

Сальдо миграции страны вне СНГ

Таблица 9

Этнодемографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Алматы, 2006. С. 371-382. Демографический ежегодник Казахстана, 2007. Астана, 2008. С. 675-676. Демографический ежегодник Казахстана, 2008. Астана, 2009. С. 853. Демографический ежегодник Казахстана, 2009. Астана, 2010. С. 541. Демографический ежегодник Казахстана, 2012. Астана, 2013. С. 786, 787. Демографический ежегодник Казахстана, 2014. Астана, 2015. С. 179.

Значительное сокращение эмигрантов русских, украинцев, немцев, татар связано с тем, что основная масса представителей этих этносов и других, у которых отмечаются эмиграционные настроения, покинула Казахстан в 90-е гг. На сегодняшний день эмиграционная ниша сократилась, но не иссякла.

Наиболее привлекательными для казахстанцев были, а в некоторых случаях остаются, такие страны, как Россия, Германия, Беларусь, Украина, Израиль, США. Это во многом объясняется историческими условиями формирования населения Казахстана. Сокращение численности эмигрантов по всем странам объясняется объективным сокращением эмиграционной ниши. Но в то же время с 2006 г. в России заработала Государственная программа «Соотечественники», которая активизировала потенциальных эмигрантов из числа этнических русских и не только их, особенно после внесения изменений в программу в 2012 г.

Иммиграционная ниша была сформирована в 20-30-е годы XX века, когда казахи были вынуждены откочевать в сопредельные страны, спасаясь от голода во время коллективизации. На сегодняшний день иммиграционные потоки связаны в большинстве случаев со следующими факторами. Для стран Средней Азии, входящих в СНГ, Казахстан является экономически привлекательным государством, где можно найти работу. Увеличение иммигрантов также связано с действием в Казахстане с 1997 г. программы по возвращению оралманов (этнических казахов) из сопредельных государств. Наибольшее число мигрантов отмечается из Китая и Монголии. Хотя в первые репатриация из Китая была проведена в 50-60-е годы XX века. На протяжении существования независимого Казахстана миграционная активность населения была значительной. В начале XXI века эта активность снизилась, но миграционный потенциал ещё не исчерпан. Миграционные потери для Казахстана становятся все более ощутимыми. Этой проблемой озаботились на государственном уровне.

Аналитик казахстанского центра государственно-частного партнерства Шынасыл Ерназар отметил в январе 2015 г.: «Статистика такова, что за 2014 год из Казахстана эмигрировало 26 869 человек, из них в страны СНГ – 24 247 человек, преимущественно в Россию и Беларусь. Согласно данным

Комитета статистики РК, число прибывших составляет более 15 тыс. человек. Однако по состоянию на 2013 год количество выбывших и прибывших было равно 24 405 и 24 077 человек соответственно».

«Первый удар государство переживает из-за упущенной потенциальной выгоды от потери экономически активного слоя населения. Вторым ударом для государства станет потеря наиболее активных и образованных людей, которые могли бы вносить свой вклад в развитие Казахстана... Также «утечка мозгов» создаст дефицит квалифицированных специалистов во многих отраслях экономики», - резюмирует Шынасыл Ерназар.

Таким образом, особенности формирования населения Казахстана наложили значительный отпечаток на миграционные потоки, которые оформились в 90-е годы XX века и продолжились развиваться в начале XXI века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Демографический ежегодник Казахстана, 2007. Статистический сборник. Астана, 2008.
2. Демографический ежегодник Казахстана, 2008. Статистический сборник. Астана, 2009.
3. Демографический ежегодник Казахстана, 2009. Статистический сборник. Астана, 2011.
4. Демографический ежегодник Казахстана, 2012. Статистический сборник. Астана, 2013.
5. Этнодемографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Алматы, 2006.

Илинбаева Е.А.

МОТИВЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ «НОВОГО» ПРИГРАНИЧЬЯ

Материалы подготовлены при поддержке Гранта РГНФ №13-33-01028 «Социокультурные факторы и мотивы маятниковой миграции в приграничных районах России».

В Российской Федерации уже несколько лет уделяется пристальное внимание стабилизации миграционной ситуации в приграничных регионах, где чаще всего отрицательное миграционное сальдо усугубляет естественную убыль населения.

Одним из важных аспектов изучения проблемы является выявление

мотивов миграции. Это вызвано тем, что психологический взгляд на развитие территории имеет свою специфику, поскольку в фокусе внимания – люди с их потребностями и мотивами, что в целом и определяет культурную специфику многих экономических, политических и социальных процессов [2].

В своем исследовании мы исходим из того, что экономическое поведение индивидуума тесно связано с социокультурным контекстом. В частности, мало известной является точка зрения А.У. Хомры [3, 4], который в качестве основного фактора и регулятора миграционного поведения выделяет установки самосохранительного поведения населения, что открыто проявляется в исторические периоды войн, социальных потрясений и катаклизмов, т.е. тогда, когда собственно экономические инструменты и регуляторы трудовой миграции работать в полной мере не могут либо на какое-то время не эффективны. В нормальных условиях стабильного и сбалансированного существования общественной системы и жизни социума функционирование миграционных систем и подсистемы трудовой миграции лишь в скрытом виде содержит самосохранительные факторы и мотивы (например, плата за услуги здравоохранения при хронических обострениях и заболеваниях как плата за продление жизни или вульгарные и иные более изощренные формы массового и группового поведения городского и сельского населения по поиску средств существования и условий выживания семьи мигранта и т.д.) [1].

Обратимся к анализу ряда причин, побуждающих к миграции. Данное исследование проводилось представителями Института Экономики УрО РАН в 2013-2014 гг. В качестве территорий исследования были выбраны Курганская (Звериноголовский район) и Челябинская области (г. Троицк), имеющие границы со Свердловской областью и являющиеся потенциально транзитными территориями при миграции из Казахстана в Свердловскую область и обратно. По степени влияния показателей естественного движения и миграции на изменение численности (проведено Росстатом) данные регионы относятся к одному типу субъектов, в которых население сокращается за счет естественной и миграционной убыли. По типологии Независимого института социальной политики данные регионы относятся к регионам типа «Середина» – Курганская и Челябинская области относятся к освоенной зоне, урбанизированным среднеразвитым промышленным районам. Помимо этого, Курганская и Челябинская области относятся к регионам «нового» приграничья (граничат с Казахстаном), где законодательная база в отношении миграционных процессов более либеральная. Однако регионы имеют разное экономико-географическое положение.

Выборочный опрос в приграничных районах УрФО (Курганская (на примере Звериноголовского района) и Челябинская (г. Троицк) области) показал, что перспективы развития исследуемых приграничных регионов населением оцениваются по-разному (таб. 1).

Мотивы миграции населения

№:	Значения:	Челябинская, %	Курганская, %
1	Отсутствие рабочих мест в городе (поселке)	66,3	41,3
2	Отсутствие определенного качества товаров и услуг	1,1	7,6
3	Получение образования	7,8	29,4
4	Отсутствие определенного уровня заработной платы	11,7	46,7
5	Недостаток развлекательных учреждений	1,1	9,8
6	Отсутствие спортивных секций	0,0	2,2
7	Другое	2,8	3,3
8	Затрудняюсь ответить	9,2	6,5

Среди опрошенных в Челябинской области 78% респондентов указали на потребность улучшить свое материальное положение, что вызвано отсутствием рабочих мест (66,3%), а также низким уровнем заработной платы (11,7%). Что касается Курганской области – 88% (41,3% и 46,75%). Таким образом, было выявлено, что экономические причины преобладают над иными.

Миграционные «настроения» молодежи увеличивают количественно и изменяют качественно трудовые ресурсы поселений – центров притяжения, где число рабочих мест превышает собственные ресурсы труда или не соответствует профессионально-квалификационной структуре населения. Однако «трудова́я» миграция создает условия для удовлетворения разнообразных потребностей в труде жителей, как правило, небольших поселений, в которых качественно, а иногда и количественно ограничен выбор рабочих мест.

Таким образом, обращение внимания к мотивационным установкам и потребностям населения способствует наиболее углубленному пониманию их ориентаций, выявлению значимых функциональных предпосылок для достижения желаемого уровня благополучия (социального, психологического, экономического и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кузьмин А.И., Носов А.А., Давиденко А.Н., Илинбаева Е.А. Опыт теоретического и эмпирического исследования маятниковой трудовой миграции в регионах России // Журнал экономической теории. – №3. – 2013. – С. 259-264.
2. Лебедева Н.М., Фрумин И.Д. Социокультурные факторы экономического развития // Сайт НИУ ВЭШ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/org/projects/16964715>
3. Хомра А.У. Миграция населения: вопросы теории, методики исследования. Киев, 1979.
4. Хомра А.У. Определение и классификация форм миграции населения // Демографические тетради. Киев, 1974. Вып. 9.

Казанцева О.А., Тарасова Н.В.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ДЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Изучение социально-демографических характеристик детского населения представляет большое значение для социально-экономического планирования органами власти региона или страны, а также отчасти дает представление об эффективности программ социального развития и деятельности органов здравоохранения и образования, уровне жизни населения. В данной статье под детским населением рассматривается население в возрасте от 0 до 17 лет включительно.

Общая численность детей в Алтайском крае по состоянию на 1 января 2014 года составила 469673 человека. Для России, Сибирского федерального округа и Алтайского края характерно одинаковое распределение детей по полу – 51,3% детей мужского пола и 48,7% детей женского пола. При этом в Алтайском крае доля детей, проживающих в городах, незначительно перевешивает долю детей, проживающих в сельской местности, составляет соответственно 51,7% (242636 человек) по отношению к 48,3% (227037 человек). В целом для России, как и для Сибирского федерального округа, характерен значительный перевес доли детей, проживающих в городах, над долей детей, проживающих в сельской местности. Доля детей в общей численности населения в Алтайском крае превышает долю детей в общей численности населения России на 0,5% и меньше доли детей в общей численности населения Сибирского федерального округа на 1,3%.

Возрастно-половая пирамида Алтайского края (рис. 1) свидетельствует о тенденции к постепенному увеличению численности детей. Удельный

вес детей в общей численности населения Алтайского края составил 19,7%.

Таблица 1

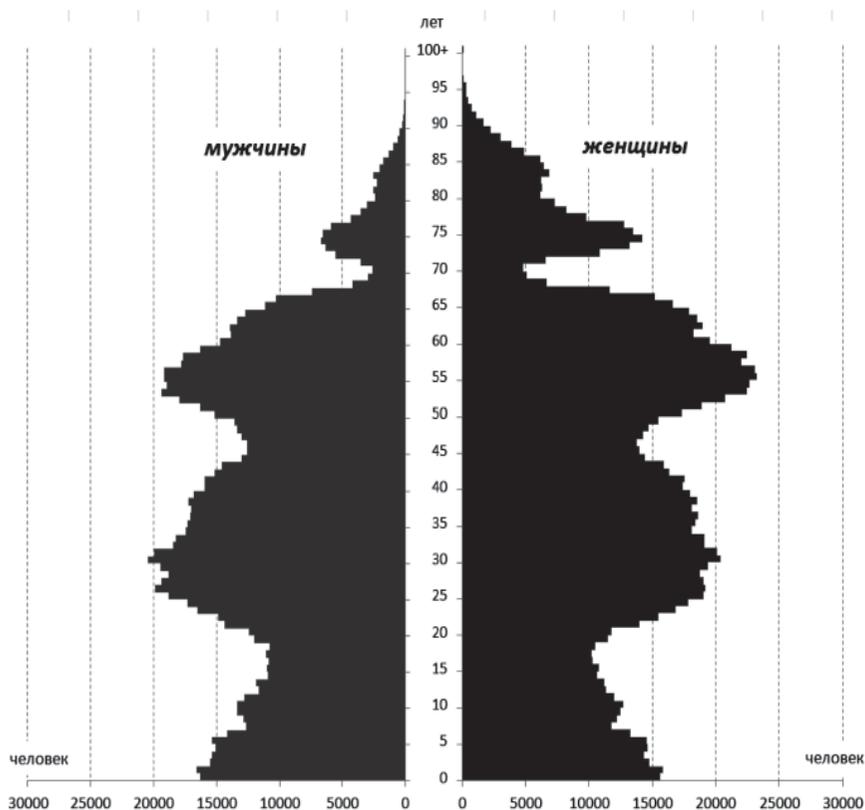

Рисунок 1. Возрастно-половая пирамида населения Алтайского края на 1 января 2014 года [4]

Как показано в таблице 1, дети в возрасте от 0 до 5 лет составляют большую часть в общей численности детей. В меньшей степени представлены в возрастной группе от 12 до 17 лет. Это можно объяснить подъемом рождаемости и снижением смертности в 2013 году для возрастных групп 0, 1, 1-4 лет. Для возрастной группы 5-9 лет снижение смертности было менее резким. В возрастах 10-14 лет в 2013 году отмечается увеличение смертности относительно уровня 2012 года на 0,2 промилле. В последние годы наблюдается увеличение оттока детей из Алтайского края. В 2013 году территорию Алтайского края покинуло 1426 детей в возрасте 0-17 лет. В 2013 году отток детского населения был на 44,9% выше показателя 2012 года [1].

Распределение численности детей в Алтайском крае по однолетним возрастным интервалам [4]

Возраст (лет)	Все население, чел.	Доля в общей численности детей, %
0	31935	6,8
1	32472	6,9
2	30247	6,4
3	29768	6,3
4	29725	6,3
5	29912	6,4
6	27431	5,8
7	24428	5,2
8	25066	5,3
9	25888	5,5
10	26064	5,5
11	24790	5,3
12	23076	4,9
13	23051	4,9
14	21558	4,6
15	21823	4,6
16	21098	4,5
17	21341	4,5
Итого	469673	100

Следует отметить, что за период с 2000 по 2014 года в Алтайском крае наблюдается увеличение суммарного коэффициента рождаемости с 1,24 до 1,83 соответственно. При этом в сельской местности сохраняется более высокий уровень рождаемости по сравнению с городской.

Изменение возрастных коэффициентов рождаемости в Алтайском крае говорит о тенденции к увеличению рождаемости в старших возрастах (рис. 2). Заметный рост рождаемости в возрастах 25-29 и 30-34 лет, а также в возрастах 35-39 и 40-44 лет происходил с 2007 года. В 2000-2009 годах наиболее высокий уровень рождаемости был характерен для возрастной группы

20-24 лет, но с 2010 года рождаемость в возрастах 25-29 лет его превысила. В рассматриваемый период рождаемость в возрастах 15-19 лет изменялась незначительно. Тем не менее, существует ряд различий в рождаемости отдельных возрастных групп для сельского и городского населения.

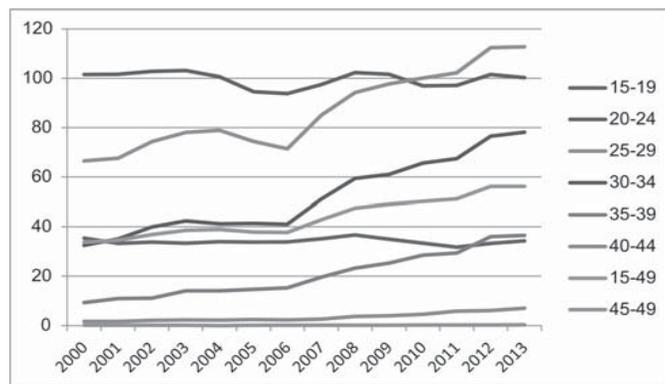

Рисунок 2. Возрастные коэффициенты рождаемости в Алтайском крае, промилле

Для городского населения Алтайского края, как и в целом по краю, наиболее высокая рождаемость характерна для возрастной группы 25-29 лет, также происходило увеличение рождаемости в старших возрастах, а именно в 30-34, 35-39 лет. Отличием является постепенное снижение рождаемости в возрастах 20-24 года, в 2012-2013 годах рождаемость данной возрастной группы была ниже, чем в возрастах 30-34 лет.

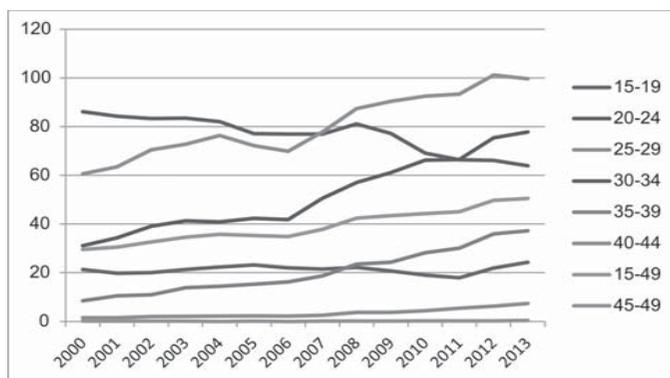

Рисунок 3. Возрастные коэффициенты рождаемости в Алтайском крае для городского населения, промилле

В сельской местности в отличие от городской возрастной профиль рождаемости остается молодым. Наиболее высокие возрастные коэффициенты рождаемости характерны для группы 20-24 и 25-29 лет. Для возрастной группы 15-19 лет рождаемость сельского населения превышала рождаемость городского в 2-3 раза. Следует отметить, что рождаемость сельского населения в возрасте 15-19 лет превышала рождаемость возрастной группы 30-34 лет до 2010 года. Рождаемость в возрастных группах 30-34 лет увеличилась в 2,3 раза в 2013 году по сравнению с 2000 годом и незначительно отклонялась от возрастных коэффициентов рождаемости данной возрастной группы в городской местности. Рождаемость в возрасте 35-39 лет и 40-44 лет также увеличилась в 3,5 и 3,25 раза соответственно.

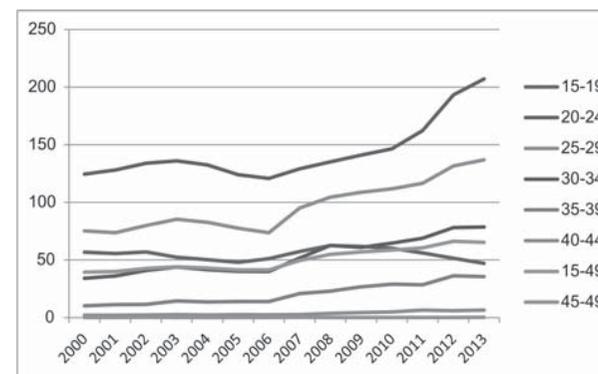

Рисунок 4. Возрастные коэффициенты рождаемости в Алтайском крае для сельского населения, промилле

Распределение числа родившихся живыми по возрасту матери также показывает увеличение рождаемости в старших возрастах.

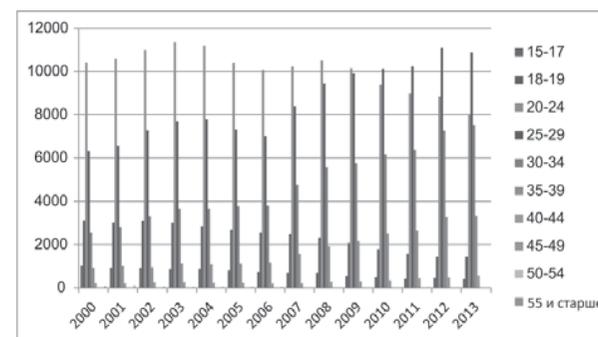

Рисунок 5. Число родившихся живыми по возрасту матери, человек

Важным показателем уровня социального неблагополучия общества является подростковая рождаемость. В Алтайском крае в 2000-2013 годах число родившихся живыми у матерей в возрасте 15-17 лет постепенно сокращалось.

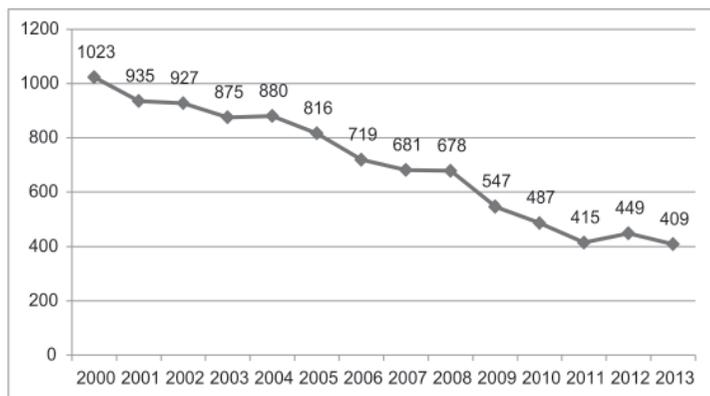

Рисунок 6. Родившиеся живыми у матерей в возрасте 15-17 лет, человек

Распределение числа родившихся по брачному состоянию матери говорит о том, что большая часть детей рождаются в зарегистрированном браке. Отмечается рост числа рождений в зарегистрированном браке с 2007 года. Число родившихся вне зарегистрированного брака в период с 2000 по 2013 годы изменялось волнообразно, тем не менее, минимальное число рождений вне зарегистрированного брака в указанный период характерно для 2000 года, максимальное – для 2008 года. Доля родившихся живыми вне зарегистрированного брака от общего числа родившихся живыми в 2013 году составила 23,4%.

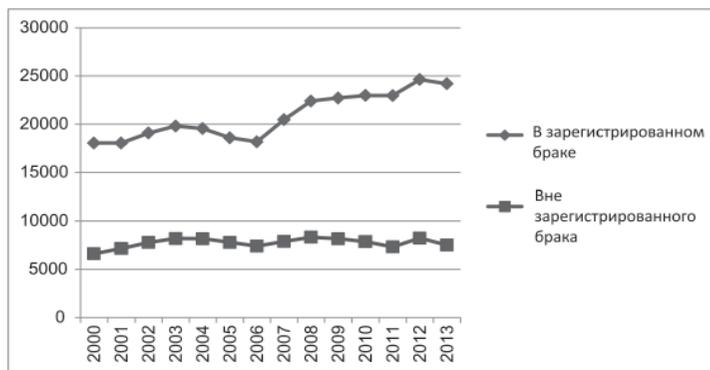

Рисунок 7. Родившиеся живыми по брачному состоянию матери

Согласно Всероссийской переписи населения 2010 года большинство детей в Алтайском крае являются русскими (425363 чел.). К наиболее многочисленным национальностям относятся также украинцы, немцы, казахи и армяне. На долю русских приходится 94,6% детей, немцев – 1,2%, украинцев – 0,2%, казахов – 0,3%, армян – 0,4%. Доля детей, принадлежащих другим национальностям, составила 3,2% [3].

Из 776415 частных домохозяйств, зарегистрированных в Алтайском крае по результатам Всероссийской переписи населения в 2010 году, насчитывается домохозяйств, состоящих из неполных семей (мать или отец с родственниками и без) с одним ребенком моложе 18 лет – 58055 единиц, с двумя детьми – 16605 единиц, с тремя и более детьми – 2808 единиц. Домохозяйств, состоящих из полных семей с одним ребенком моложе 18 лет – 201175 единиц, с двумя детьми – 91276 единиц, с тремя и более детьми – 15264 единиц [2].

В Алтайском крае отмечается увеличение числа новорожденных, родившихся больными и заболевших, в период с 2011 по 2013 год. В 2013 году в Алтайском крае наблюдалось самое высокое число новорожденных, родившихся больными и заболевших, по сравнению с другими регионами Сибирского федерального округа. В 2014 году в Алтайском крае зарегистрировано 14199 новорожденных, родившихся больными и заболевших, из которых 90 имеют массу тела 500-999 гр., 14109 новорожденных – с весом 1000 гр. и более.

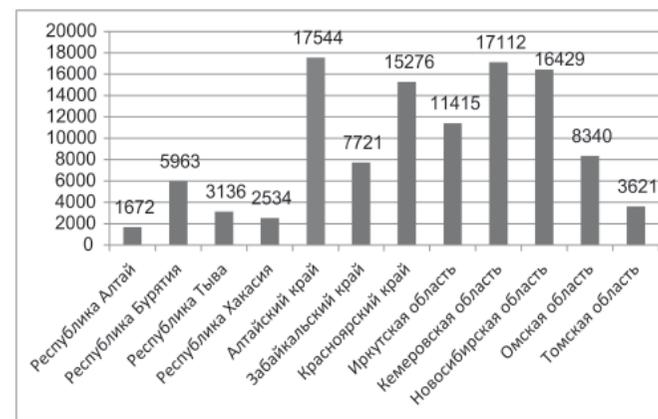

Рисунок 8. Число новорожденных, родившихся больными и заболевших, в регионах Сибирского федерального округа в 2013 г.

В 2014 году в Алтайском крае было зарегистрировано 875211 случаев заболеваний детей в возрасте 0-14 лет и 181837 случаев заболеваний детей

в возрасте 15-17 лет. Большинство заболеваний для детей в возрасте 0-14 лет составили болезни органов дыхания, болезни нервной системы, болезни органов пищеварения, болезни кожи и подкожной клетчатки, болезни глаза и его придаточного аппарата, травмы, отравления и некоторые другие последствия внешних причин, психические расстройства и расстройства поведения. Для детей в возрасте 15-17 лет основные болезни составили болезни органов дыхания, болезни органов пищеварения, болезни глаза и его придаточного аппарата, болезни нервной системы, болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани, болезни мочеполовой системы, травмы, отравления и некоторые другие последствия внешних причин.

Особого внимания заслуживает динамика заболеваемости социально-опасными болезнями, такими как туберкулез, наркомания и алкоголизм. В 2014 году в Алтайском крае зарегистрировано 133 случая заболеваемости детей активным туберкулезом, из которых 103 случая – заболевания у детей в возрасте 0-14 лет, 30 случаев – у детей в возрасте 15-17 лет.

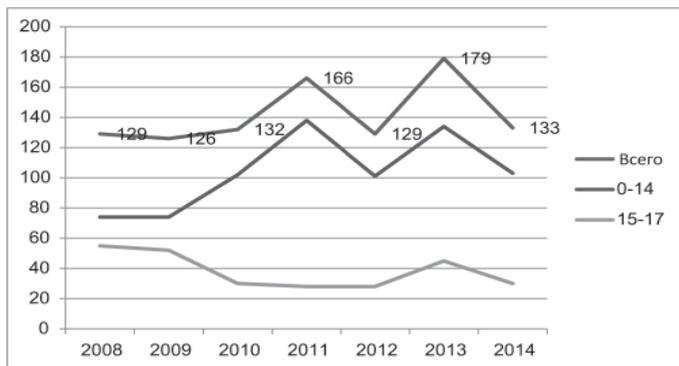

Рисунок 9. Заболеваемость детей активным туберкулезом в Алтайском крае, человек

В период с 2011 по 2013 годы в Алтайском крае не выявлены дети в возрасте 0-14 лет с диагнозом «алкоголизм и алкогольные психозы» и с диагнозом «наркомания». В рассматриваемый период снизилось число детей в возрасте 15-17 лет с диагнозом «наркомания», которое в 2013 составило 1 человек, число детей в возрасте 15-17 лет с диагнозом «алкоголизм и алкогольные психозы» значительно не менялось и в 2013 году составило 5 человек. В 2014 году в Алтайском крае не выявлены дети с диагнозом «алкоголизм и алкогольные психозы». В 2014 году не было выявлено детей в возрасте 0-14 лет с диагнозом «наркомания», насчитывается 4 детей в возрасте 15-17 лет с диагнозом «наркомания».

Таким образом, работа с данными о заболеваемости, возрастно-по-

ловом составе детского населения, тенденциях рождаемости, смертности и миграции позволяет выявить очаги социально-экономической напряженности в обществе и представляет большую важность для эффективной работы органов государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Демографический ежегодник Алтайского края: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики. – Б., 2014. – 154 с.
2. Источники средств к существованию. Стат. сб., том 6, часть 1 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Б., 2013. – 262 с.
3. Национальный состав и владение языками, гражданство. Стат. сб., том 4, часть 1 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Б., 2013. – 206 с.
4. Состав населения по возрасту и полу по городским округам и муниципальным районам Алтайского края: Стат. бюллетень. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Б., 2014. – 184 с.

Калиева К.С., Шайхина А.А.

НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Самым крупномасштабным и многоцелевым источником информации о населении является его перепись. К середине XIX в., когда во многих странах мира уже проводились переписи, приближенные к их современному пониманию, в науке были даны и первые определения переписей населения как масштабных государственных учетных операций, охватывающих все население страны или ее отдельных территорий.

Перепись населения – это совокупность процессов организации, подготовки и периодического проведения всеобщего, единовременного, централизованного, основанного на принципах индивидуальности, самоопределения и конфиденциальности сплошного опроса генеральной совокупности населения страны с целью получения демографической, социально-экономической информации о нем с последующей ее обработкой, публикацией и использованием для научных целей и нужд государственного управления.

Переписи населения очень скоро подтвердили свою значимость одного из ведущих инструментов управления государством и обществом, позволяя получить достаточно оперативную, полную и объективную информацию о численности и составе населения.

Будущие и состоявшиеся переписи, безусловно, будут сравниваться исследователями по всему спектру вопросов. Такая работа необходима для того, чтобы показать в общей истории страны состояние народонаселения в конкретные исторические эпохи, отразить полученные знания в рекомендациях демографов для повседневной практики [1].

Переписи населения играют важнейшую роль в развитии общества и как инструменты выработки и проведения политики государства, и как источник для исторической ретроспективы в вопросе становления общества. При этом в конкретных условиях Кореи возникновение подобного документа стало следствием сложного и противоречивого процесса формирования населения на территории Корейского полуострова.

Население Кореи формировалось с древних времен. Главная проблема, с которой сталкиваются историки, изучающие демографию средневековой Кореи, – это отсутствие надежных статистических материалов. Известно, что первые переписи проводились нерегулярно, а также по некоторым данным данные переписей занижались в 2-2,5 раза, и этому есть объяснение. Ведь главной целью переписи тех времен было получение информации о количестве налогоплательщиков и военнообязанных страны.

Данные о численности населения Кореи в период до 1910 года крайне ненадежны. По некоторым данным в XV веке в стране проживало примерно 7-8 миллионов человек, это в 10 раз меньше, чем на данный момент (речь идет о Корейском полуострове в целом, в настоящее время суммарное население Севера и Юга около 70 миллионов человек). Рубеж с населением в 15 миллион человек был преодолен в конце XVIII или начале XIX века. Подавляющее большинство корейцев, примерно 96-98%, жило тогда в деревнях. Население Сеула на протяжении пяти веков правления династии Ли колебалось между 100 и 150 тысячами человек. Сеул был и остается крупнейшим городом Кореи, ведь население даже самых больших провинциальных городов в те времена не превышало 10 тысяч человек. Уже в 1918 году в Сеуле насчитывалось 189 тыс. 153 жителя, то есть в шесть с лишним раз больше, чем в Кэсоне, который с населением в 27 тыс. 659 человек был тогда вторым городом страны. Другими крупными городами являлись Пхеньян (21 тыс. 869 человек), Санчжу и Чончжу, в то время как население нынешних мегаполисов Пуссан, Тэгу и Кванчжу было значительно меньше [2].

Первая надежная, то есть организованная по современным научным методикам, перепись была проведена в Корею в 1910 году. По ее результатам население Кореи составило 17 миллионов 420 тысяч человек. В 1945 году, когда Корея была разделена на Север и Юг, в ней жило уже 28 миллионов человек: на Юге было около 19 миллионов, а на севере – около 9 миллионов жителей. Это соотношение (2:1 в пользу Юга) в целом сохраняется и до сих пор [2].

На современном этапе в Республике Корея на базе Statistics Korea (KOSTAT) функционирует Статистическая информационная служба Кореи (KOSIS – Korean Statistical Information Service). KOSIS – это удобный единый сервис, на котором можно получить полный спектр основной внутренней и международной статистической информации. В настоящее время на KOSIS доступна официальная статистика более 120 статистических агентств, свыше 500 учебных заведений, а также последние данные в области финансов и экономики от международных организаций, таких как МВФ, Всемирный банк, ОЭСР и другие. Официальная статистика предоставляется по 226 темам. Сайт KOSIS содержит простые и удобные функции поиска, простое содержание, понятное для всех пользователей, а также ссылки для легкого и быстрого доступа к необходимой информации [3].

Перепись населения в Республике Корея проводится каждые 5 лет. Периодичность проведения переписи в первую очередь определяется тем, что перепись – самая крупная и самая дорогая статистическая работа. Целью проведения переписи является понимание таких характеристик, как численность, распределение и структура населения, обеспечение данных, необходимых для установления различных политических отношений.

Согласно статистической информационной службе KOSIS численность населения Республики Корея по данным переписи населения 1970 года составляла 30 882 386 человек, из них 15 216 002 человек – это мужчины, 15 666 384 – женщины. Уже к следующей переписи населения, которая была проведена через 5 лет (1975 год), это цифра увеличилась до 34 706 620 человек (17 461 244 – мужчины, 17 245 376 – женщины). Стоит отметить, что стабильный рост в среднем на 2-3 миллиона человек отмечался в последующие периоды. Так, в 1980 году население Кореи составило 37 436 315 человек; в 1985 году – 40 448 486 человек; в 1990 году – 43 410 899 человек; в 1995 году – 44 608 726 человек; в 2000 году – 46 136 101 человек. По данным последней переписи населения, которая была в 2010 году, население Кореи составляет 48 580 293 человек (см. график 1).

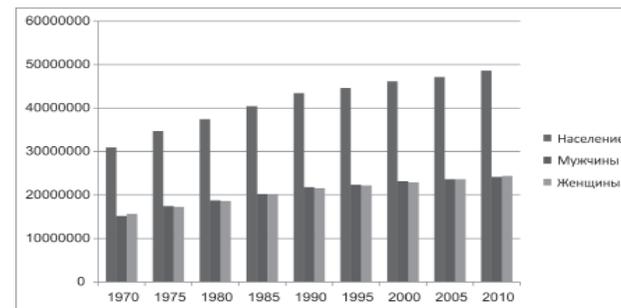

График 1. Население Республики Корея (1970-2010 гг.)

Масштабная учетная операция требует государственного финансирования. Стоимость каждого цикла проведения переписи населения с каждым разом растет. К примеру, если перепись населения 1995 года обошлась государству в 49 млн. долларов, то в 2010 году стоимость переписи составила уже 164 млн. долларов. С каждым годом количество населения и жилищных фондов увеличивается, и задача так называемых интервьюеров встретиться с каждым респондентом усложняется. Наконец, люди хотят защитить свою частную жизнь от других, в том числе от интервьюеров. В такой ситуации на помощь приходит Интернет. В Корее уровень проникновения Интернета составляет более 82%. Такая опция помогает облегчить эти проблемы и повысить эффективность переписи. Опция «Интернет» в корейской переписи впервые была введена в 2005 году. В то время доля участия Интернет-варианта была только 0,9%. Это было значительно меньше, чем в других странах, таких как Канада, Австралия. Тем не менее, учитывая опыт, полученный от переписи 2005 года, статистическая служба Кореи приложила все усилия для расширения участия доли Интернета в переписи 2010 года. Во-первых, было улучшено удобство системы электронной переписи (E-Census System), которая была построена в 2005 году, уже используя эту систему, была проведена перепись 2010 года. Во-вторых, в отличие от 2005 года, статистическая служба Кореи создала уникальный девятизначный «код доступа в Интернет» и распространила этот код в каждой семье в течение подготовительного периода. По данным статистической службы Кореи, во время переписи населения 2010 года опцией «Интернет» воспользовались 47,9% респондентов. В результате Корея испытала преимущества, такие как экономия средств, снижение нагрузки на интервьюеров и респондентов и повышение точности данных. Опция «Интернет» является очень эффективным способом повышения эффективности сбора данных переписи. Это дает возможность быть свободным от временных и пространственных ограничений, поэтому респонденты могут легко участвовать в переписи населения в любом месте и в любое время [4].

Следующая перепись населения состоится 1 ноября 2015 года. Национальная статистическая служба Республики Корея (Statistics Korea) проводит перепись населения 2015 года среди всех граждан и иностранцев, проживающих на территории Республики Корея, а также в отношении их жилых помещений по состоянию на 00:00 часов 1 ноября 2015 года.

Перепись населения 2015 года является 19-ой переписью населения и 11-ой переписью жилого фонда. В частности, в этот раз изменился метод опроса, по которому сплошной опрос и составление статистики будут проведены с использованием различных зарегистрированных административных данных и доля респондентов выборочного опроса увеличится с 10% до 20% [5].

В соответствии с Законом «О национальной статистике» и правилами «О переписи населения» все корейцы и иностранцы, проживающие в Корее, обязаны заполнить соответствующие анкеты-опросники и ответить на вопросы в меру своей компетенции. Все ответы будут носить строго конфиденциальный характер. Национальная статистическая служба Республики Кореи для удобства иностранных респондентов создала систему Интернет-опроса, через которую можно заполнять анкету переписи населения. Система Интернет-опроса создана на двух языках – английском и корейском и состоит из 20 листов, 43 вопросов [5]. По прогнозам KOSIS, по итогам переписи населения 2015 года население страны составит 50 617 045 человек.

Изучая особенности переписи населения в Южной Корее, необходимо отметить большой рывок в развитии данного процесса. Перепись населения является неотъемлемой частью экономики и политики Кореи. Точные данные, которые предоставляются в данный момент многочисленными источниками статистики, помогают в определении перспектив социально-экономического развития страны. Перепись населения дает возможность оценить не только то, как изменилась численность, но и условия жизни людей – всего народа и каждой категории населения – за время, прошедшее с момента предыдущей переписи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Калиева К.С. Переписи населения как источник для изучения народонаселения Казахстана 1897-1926 гг. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Барнаул. – 2009. – С. 3.
2. Ланьков А.Н. Население Кореи: вчера и сегодня // http://guide.travel.ru/south_korea/4585.html
3. KOSIS – Korean Statistical Information Service http://kosis.kr/eng/about/about0101_List.jsp
4. Internet option for improving the efficiency of Population and Housing Census in Korea. Hyong-joon, Noh*. Statistics Korea, Deajeon, Republic of Korea.
5. Census 2015 // <http://www.census.go.kr/html/chp/foreigner/enGuide.html>

Колупаев Д.В.

ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ЗЕМЛЯХ СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА И ЕГО ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ (ЮЖНАЯ СИБИРЬ И СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН)

Сама постановка вопроса о численности войска, его демографиче-

ского состояния – то есть рождаемости, численности по возрастам и полу, смертности, брачности – всё это стало заботой войсковой администрации с 1835 года, когда стали создаваться первые статистические службы. Имеющиеся в нашем распоряжении статистические источники позволяют создать следующую картину роста населения Сибирского казачьего войска.

Динамика роста казачьего населения по возрастам может быть прослежена и по отдельным регионам. Статистические данные по движению населения в ряде уездов Сибирского казачьего войска на 1879 год характеризуют следующие процессы в динамике населения Сибирского казачества.

В Акмолинском уезде в 1879 году собственного казачьего населения, войскового сословия было: м.п. – 7420 человек, ж.п. – 7451 человек. Из них женатых и, соответственно, замужних, было по 3469 человек как мужского, так и женского пола. Холостых мужчин – 3701 человек, незамужних женщин – 3306 человек. Вдовцов – 259 лиц м.п., вдов – 676 лиц ж.п. [1]. Приведённые цифры говорят о следующем. В Акмолинском уезде в это время наблюдалось редкое для казачьих поселений того времени явление – пусть и небольшое, но преимущество женского населения над мужским – всего на 31 человека. Объяснение этому – постоянное участие Сибирских казаков в боевых действиях в Средней Азии. Количество женатых мужчин в среде казаков составляло 47,75% от всего мужского казачьего населения, замужних женщин – 47,8% от всего женского казачьего населения. Вдовцы составляли 3,5% мужского казачьего населения, вдовы – 9,1% женского населения. При подсчётах видно, что своего рода демографический резерв в казачьих станицах Акмолинского уезда к 1880 году состоял из 48,75% мужского населения и 43% женского. Таким образом, налицо в перспективе традиционный перевес мужского населения над женским в казачьих станицах. Многодетные семьи, по тогдашней трактовке более 8 душ домочадцев, имелись в станицах Акмолинского уезда в количестве 207 семей, менее 8 душ домочадцев – в количестве 2836 семей. Таким образом, можно констатировать, что в многодетных семьях жило 1656 казаков или 11,13% всего казачьего населения уезда. При этом необходимо учитывать, что под термином «многодетные семьи» в конце XIX века в казачьем социуме понимались семьи патриархального типа, то есть когда в одной семье жили представители, по меньшей мере, трёх поколений – дети, родители, деды и бабушки, а иногда и прадеды и прабабушки.

В Семипалатинском уезде в 1879 году структура семейно-брачных отношений выглядела следующим образом. Женатых мужчин и замужних женщин соответственно по 1273 человека. Холостых мужчин – 1713, незамужних женщин – 1868. Вдовцов – 105, вдов – 204 [2]. Таким образом, из 6274 человек казачьего населения семейно-брачными отношениями в уезде охвачено 40,5% всего казачьего населения. Вдовые составляют 4,9% казачьего населения. Демографический резерв в казачьих поселениях Семипалатин-

ского уезда составляет 45,6%. При этом стоит отметить особое положение Семипалатинского уезда в этом вопросе – в нём количество невест превышает количество женихов – на 155 человек (на 4,5%). Случай по-своему уникальный для казачьих станиц. Количество многодетных семей – более 8 человек в семье – в Семипалатинском уезде составляло 123 семьи, менее 8 домочадцев – 1029 [3]. Из этого следует, что в многодетных семьях в уезде проживало 15,7% казаков. Казачьего населения родилось в означенном уезде – 151 человек м.п., 161 человек ж.п., всего – 312 человек. Умерло в казачьих станицах м.п. – 127 человек, ж.п. – 124 человека, всего – 251 человек [4]. Естественный прирост населения – около 1%.

Таблица 1*

Смертность и рождаемость в поселениях Сибирского казачества в 1879 г.

Уезды	Родилось в 1879 году		Умерло в 1879 году	
	М.П.	Ж.П.	М.П.	Ж.П.
Атбасарский	29	18	34	18
Павлодарский	199	190	132	158
Семипалатинский	151	161	127	124

*Источник: ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1305. Л.Л. – 2, 110, 110 об; ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1306. Л. 476.

Как видно из материалов таблицы 1, в двух из трёх уездов Сибирского казачьего войска рождаемость превышала смертность на 155 человек: в Павлодарском уезде – на 25,38%, в Семипалатинском уезде – на 19,7%. В принципе, в структуре процесса рождаемости сохраняется преимущество мальчиков над девочками, хотя в Семипалатинском уезде в 1879 году девочек родилось больше на 10 человек. Смертность показывает относительное равенство в количестве умерших женщин и мужчин. Со второй четверти XIX увеличение населения в поселениях Сибирского казачества происходит, почти исключительно, путём естественного прироста.

Процессы движения населения среди Сибирского казачества достаточно долго слабо поддавались статистической отчётности. Это было связано с чисто техническими трудностями: удалённость казачьих поселений друг от друга, недостаточное число чиновников-статистов, некоторая подозрительность казаков к чересчур подробным расспросам, малограмотность

населения. Только к 1890 гг., в результате усилий войскового хозяйственного правления по распространению общей грамотности и культуры среди казаков, учёт движения населения стал более качественным. Так, в 1893 году было отмечено, что в течение всего года войсковое население увеличилось на 5636 душ обою пола, а невойсковое – на 2784 души обою пола. Смертность войскового населения составила 3432 души обою пола, невойскового – 2014 душ обою пола [5]. Рождаемость, по сравнению с 1892 годом, выросла: у казачьего населения – на 0,4%, у иногородних – на 0,3% [6]. Здесь следует отметить, что при определении убыли населения в Сибирском казачьем войске до конца XIX века иногда не проводилось чёткой грани между смертностью и переходом из казачьего сословия в другое, а также исключением из казаков за те или иные проступки. Также и процесс увеличения казачьего населения не учитывал уже незначительный, но всё ещё сохраняющийся принцип зачисления в казаки представителей других сословий или этнических групп. В отчётности периода 1890 гг. уже достаточно чётко прослеживались все эти процессы. Так, в 1893 году отмечалось, что казачье население увеличивалось в основном естественным путём – родилось 2549 душ обою пола, а причислено к войску, механически, было 375 душ обою пола. При этом исключено было из казачьего сословия 236 душ обою пола. Естественный прирост населения в 1893 году составил 2%, смертность – 1,4% [7].

К середине 1890 гг. в статистической отчётности по Сибирскому казачьему войску преобладали цифры рождаемости и смертности, а также прибытия и выбытия из казачьего сословия по разным социальным причинам. Это связано было с необходимостью иметь более полную картину всего комплекса казачьих поселений для оптимизации как налоговой политики среди невойскового населения, так и процессов надела земли из юртовых участков для новых казачьих семей. Данные о возрастном составе казачьего населения уже не учитываются войсковой статистикой.

Ситуацию с движением населения в Сибирском казачьем войске в 1896 году характеризует следующая таблица.

Таблица 2*

Движение населения Сибирского казачьего войска за 1896 год

Население		Естественный прирост		Механический прирост		Смертность		Механическая убыль	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Казаки	муж.	2977	50,24	177	54,46	2143	56,1	68	61,26
	жен.	2949	49,76	148	45,54	1679	43,9	43	38,74
	итого	5926	100	325	100	3822	100	111	100

Иногородные	муж.	489	50,67	3030	53,6	294	54,34	765	62,45
	жен.	479	49,33	2624	46,4	247	45,66	571	38,5
	итого	965	100	5654	100	803	100	1225	100
Всего	муж.	3466	50,28	3207	53,63	2438	55,77	833	57,57
	жен.	3428	49,72	2772	46,37	1926	44,23	614	42,43
	итого	6894	100	5979	100	4364	100	1447	100

* Источник: Отчёт о состоянии Сибирского казачьего войска за 1896 год. Ч. II. Гражданская. Омск, 1898. С. 4.

Данные таблицы 2 позволяют судить о следующем. Рост казачьего населения продолжается естественным путём. Количество причисленных к казачьему сословию в 1896 году составляет всего 0,28%. Уровень рождаемости среди казачьего населения составил 5,15%, уровень смертности – 3,3%. Таким образом, общий прирост казачьего населения, с учётом причисленных, составляет чуть более 2%. Рост достаточно устойчивый. Некойское сословие, так называемые иногородные, увеличивает своё представительство по-прежнему за счёт переселенцев. Этот прирост в 1896 году составил 34,5%, что являлось рекордом за весь XIX век. Эти цифры говорят о всё большей экономической привлекательности жизни в пределах казачьих станиц, что обуславливало приток туда лиц неказачьего сословия. Однако здесь следует учитывать, что в 1896 году к некойскому сословию было причислено большое количество «киргизов», оставшихся на зиму в районе казачьих поселений.

Анализ процессов формирования, развития и движения населения, проживающего в пределах Сибирского казачьего войска, позволяет сделать следующие выводы. Во второй половине XIX – начале XX вв. Сибирское казачество пополняло свои ряды в основном за счёт естественного прироста населения. Традиционный способ причисления в казаки ещё сохранялся, но уже потерял своё былое значение. Численность мужского населения превышала женское население, но к концу века пропорции уже почти сравнялись. Национальный состав казаков был почти гомогенным – преобладало славянское население. Различные этнические группы постепенно растворялись в казачьей среде, хотя ещё сохраняли религиозную самоидентификацию (например, татары). В социальном плане Сибирское казачество также было достаточно однородным, в его составе отсутствовала какая-либо значительная привилегированная прослойка. Наиболее подвижной в социальном отношении была группа некойского населения, постоянно пополнявшаяся за счёт механического прироста. Подавляющая часть казачьего населения проживала в сельской местности. Рождаемость среди казаков превышала смертность.

Рост был постоянным и достаточно устойчивым, превысил 2% к началу XX века и стабилизировался к 1905 году. В религиозном отношении Сибирские казаки сохраняли традиционную верность православию, но позиции старообрядчества, хотя и слабели, но всё ещё сохраняли своё влияние. Казаки терпимо относились к иногороднему населению, что видно по его постоянно увеличивающейся численности. Однако в социально-бытовом плане с ним не смешивались, о чём свидетельствует статистика браков казаков с представителями иных социальных слоёв Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА:

1. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1306. Л.Л. 96-97.
2. ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1305. Л. 129.
3. Там же.
4. Там же, Л.Л. 110-110 об.
5. Годовой отчёт о состоянии Сибирского казачьего войска за 1893 г. Омск, 1894. С. 5.
6. Там же.
7. Там же, С. 6.

Краснобаева Н.Л.

НЕМЦЫ КАЗАХСТАНА: СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Особенностью современной ситуации в межэтнической сфере является то, что национальный вопрос стал, по сути, краеугольным камнем политической и социальной мобилизации. Развитие современной национальной государственности происходит в условиях двух противоречивых тенденций. С одной стороны, рост процессов глобализации, взаимозависимости и целостности человечества, с другой – усиление этнического самосознания и стремление сохранить культурную самобытность.

При этом на современном этапе вновь обозначилась актуализация этнических проблем. В повестку дня снова ставятся вопросы, отражающие новый рост этнического возрождения, самосознания народов, очередной виток политизации этничности. В этом контексте наиболее важно понять особенности адаптации немецкого населения в Казахстане, в свете современных вызовов и тенденций развития в Казахстане.

В данной работе была сделана попытка выявления базовых трендов в оценке немецким населением своего положения в Республике Казахстан, характеристика перспектив этнического развития, отношения к межэтниче-

скому взаимодействию и государственной национальной политики.

Исследовательским институтом «Общественное мнение», в течение 2013-2014 годов, было проведено несколько исследований по оценке социального самочувствия различных этносов, проживающих в Казахстане.

В качестве материала для работы было взято исследование 2014 года, охватившее в выборочной совокупности немецкое население Казахстана.

Немного истории и демографии

Немцы Казахстана – «казахстанские немцы» – одна из крупнейших этнических общин, проживавших на территории Казахстана [1]. Этническое, культурное и языковое своеобразие казахстанских немцев дало основание некоторым ученым рассматривать их как особую народность.

В советское время в Казахстане проживало около миллиона немцев, которые составляли третью по численности национальную диаспору. С середины 1980-х годов началась массовая эмиграция немцев в Германию. И хотя вследствие этого количество немцев сократилось, в последние годы отмечается стабилизация численности [2].

Сейчас, согласно данным Агентства Республики Казахстан по статистике, численность немецкого населения в Казахстане 181,9 тыс. человек – 1,01% от общей численности населения Казахстана (данные на начало 2014 года).

Можно отметить, что среди этносов, чья численность за период с 1999 по 2009 год снизилась, немцы в процентном отношении на 1 месте. Они потеряли почти половину своего населения (49,6%) [3]. В сочетании с низкой рождаемостью и высокой смертностью это не способствует даже простому замещению поколений.

Немцы: особенности идентичностей

Насколько значим достаточно широко распространенный в СМИ, отдельных исследованиях тезис об актуальности этнической принадлежности на современном этапе? Какова иерархия идентичностей у немцев в современном Казахстане?

Вопросы, которые помогают выявить уровень консолидации немцев в структуре казахстанского общества с учетом местной политической, социальной, исторической и культурной специфики.

Между тем, судя по результатам исследования, большая часть респондентов идентифицируют себя в первую очередь как казахстанцы, граждане Республики Казахстан (89,7%), живущие в своей стране.

В качестве основных критериев, позволяющих считать себя казахстанцем, указывались: «Возможность иметь работу, жилье и постоянное проживание на территории Казахстана» (61,0%), «Рождение на территории Казахстана» (60,6%) и «Казахстанское гражданство» (59,1%).

Немаловажное значение занимают правовые аспекты внутренней без-

опасности в регионе проживания, в частности: «Свободное использование своего родного языка» (30,9%); «Чувство равенства в стране независимо от этнической и религиозной принадлежности» (27,1%); «Гарантии со стороны государства соблюдения моих прав и свобод» (17,8%).

Приобщение к интересам развития страны, повышение значимости субъектной активности по отношению к обществу и государству можно проанализировать через оценку респондентами себя как части единого казахстанского народа. Здесь высока оценка единства – 84,5% (по совокупности ответов: «Да, жители нашей страны – это уже единый казахстанский народ» и «Идет движение к этому»). В возрастном разрезе наиболее позитивно оценивается представителями группы пенсионного возраста (свыше 60 лет) – 93,5%, при равномерной представленности и остальных категорий опрашиваемых.

При этом можно отметить, что 6,7% опрошенных не считают себя казахстанцами, а скорее посторонними, временными жителями. Основная расстановка приоритетов гражданской идентификации у данной группы: «Нет защиты и поддержки от государства» (40,0%), «Нет уверенности в завтрашнем дне» (20,0%). Показательно, что по социальному статусу это безработные респонденты со средним и средним специальным образованием, находящиеся в поисках работы.

Возвращаясь к иерархии идентичностей, далее по степени значимости следует идентификация себя по национальности (24,0%), ее обозначает как главную четверть опрошенных немцев. При этом если рассматривать, как отвечали респонденты по возрастному соотношению, видно, что в оценке своего гражданства более сдержанны респонденты от 46-60 лет.

Интересны признаки, по которым респонденты определяют свою национальность, они напрямую показывают зависимость ответов от социальной среды. В целом, было отмечено, что национальность определяется по «национальности отца» – 48,3%, традициям, культурным ценностям национальной группы (этноса) – 25,3% (см. диагр. 1).

Гражданство считается признаком национальности у молодежи (от 18 до 29 лет) – 31,7%. Среди представителей старшей возрастной группы (свыше 60 лет) особое внимание уделяется традициям и культурным ценностям (43,5%).

Однако при этом прослеживается зависимость и от личного выбора респондента, самоидентификация составляет 38,3%, особенно это характерно для безработных.

Диаграмма 1

В итоге, можно отметить, не смотря на то, что этническая идентичность выступает мощным фактором формирования этнических групп и их социальных связей, по степени значимости у немецкого населения она уступает гражданской.

Оценка перспектив развития немцев в Казахстане

В настоящей работе хотелось бы проанализировать уровень оптимистических настроений в оценке перспектив своего будущего в Казахстане.

Так, характеризуя перспективы развития своей этнической группы в Казахстане, 52% отметили положительный тренд («Будет расти жизненный уровень, укрепляться экономическое положение этнической группы») – 17,7%; «Успешно интегрируется в казахстанское общество, сохранит этническое «я» – 16,3%; «Сохранит свою этническую самобытность, став органичной частью народа Казахстана» – 13,3%).

Важно отметить, что позитивный настрой в оценке перспектив наблюдается и у безработных респондентов, находящихся в поисках работы (58,3%).

При этом 48% опрошенных указали на возможные негативные аспекты своего пребывания в Казахстане. Так, были отмечены вероятный большой миграционный отток (15,0%) и отсутствие перспектив для развития (7,0%) (см. табл. 1). В основном здесь представлены квалифицированные рабочие, специалисты в возрасте от 30 до 60 лет, миграционный потенциал которых не исчерпан.

Таблица 1

Перспективы развития этнической группы в Казахстане

ВАРИАНТЫ ОТВЕТОВ	Количество	Процент
Будет расти жизненный уровень, укрепляться экономическое положение этнической группы.	53	17,7
Успешно интегрируется в казахстанское общество, сохранит этническое «я».	49	16,3
Будет наблюдаться демографический рост этноса.	9	3,0
Наша этническая группа будет сокращаться и растворится среди других.	18	6,0
Будет расти ее влияние на общественную и политическую жизнь страны.	5	1,7
Сохранит свою этническую самобытность, став органичной частью народа Казахстана.	13,3	4
Большинство выедет из Казахстана.	45	15,0
Нет перспектив для развития.	21	7,0
Затрудняюсь ответить.	2	6,0

Более наглядно социальное самочувствие демонстрируется в оценке личных жизненных перспектив. Анализируя личностный интерес к ситуации в стране и положение своей этнической группы, можно отметить, что положительно ее оценивают только 30,3% (по совокупности ответов «Улучшится материальное положение» и «Повысится социальный статус»), остальные отмечают тренд к ухудшению (69,7%), не видят дальнейших перспектив, не уверены в завтрашнем дне, что свидетельствует о значительной распространенности пессимистических настроений среди немецкого населения Казахстана.

Традиционно молодые люди (до 29 лет) более оптимистично оценивают свои перспективы в противовес пессимизму людей пенсионного и предпенсионного возраста.

Значимым результатом исследования является информация о том, что у немцев Казахстана нет проблем, связанных с их принадлежностью к этнической группе (94,0%). Только 6,0% респондентов отметили наличие таких проблем, которые выражаются в сложности социализации в обществе

(«Нет перспектив для развития» – 16,7%, «Трудно устроиться на работу» – 11,1%). По социальному статусу это категория безработных.

Перспективы этнической группы можно проанализировать и на основе социально-экономического самочувствия немецкого населения. Так, у значительной части участников проведенного социологического опроса в течение последнего года материальное положение семей не изменилось – 57,0%, а у 17,3% респондентов – улучшилось.

Об ухудшении своего материального положения в общей сложности заявили 19,7% опрошенных, в большем случае это пенсионеры. При этом ухудшение ситуации видят безработные и квалифицированные специалисты.

В целом уровень жизни семьи (в настоящий момент) охарактеризовали как хороший 55,4% респондентов. Вместе с тем на этом благоприятном фоне достаточно рельефно выражены и некоторые проблемы. Не может не вызывать озабоченности общее неблагоприятное состояние ряда составных элементов социальной структуры, как в плане отдельных групп и категорий населения, так и в плане отдельных сфер социальной жизни. В частности, 11,7% живут в сложных финансовых условиях, а 6,3% прогнозируют ухудшение ситуации в течение следующих 6-ти месяцев.

Перспективы оценки населением уровня жизни через 6 месяцев показательны с учетом социально-экономического развития и наличием респондентов пенсионного возраста. Так, 56,3% считают, что ситуация не изменится. Положительную оценку экономических перспектив дальнейшего развития дали 23,3% опрошиваемых.

При этом показатель, когда 6,3% населения не уверены в завтрашнем дне и 14,1% затрудняются определить личные жизненные перспективы, отражает далеко не радужную картину с точки зрения сохранения внутривнутриполитической стабильности.

Что объединяет и что разъединяет немецкое население Казахстана?

Особенность этнических общностей состоит в том, что определение этноса строится на сознании группой своего единства и отличия от других подобных образований. По материалам социологического исследования респонденты на вопрос «Что объединяет представителей Вашей этнической группы?» среди компонентов этнической идентичности первым назвали праздники, культуру, традиции и обычаи, являющиеся отличительной особенностью любого этноса. Далее выбрали общие этнические интересы, затем – стремление сохранить обычаи, язык.

В разрезе возрастных категорий показательны выбор объединяющего фактора «Общие этнические интересы» (43,3%) у молодежи и вариант

«Праздники, культура, традиции» среди основных трудоспособных возрастов (от 30 до 60 лет).

Оценивая традиции, сохранившиеся в этнической группе, респонденты отметили «Уважение старших» (59,0%) и «Авторитет родителей» (34,7%), при этом 22,3% затруднились с ответом, по категориям занятости здесь представлены студенты и служащие специалисты.

Проводилось много различных опросов в Казахстане, на основе которых можно судить о значимости деятельности Ассамлеи народа Казахстана и этнокультурных объединений. Между тем, судя по полученным социологическим данным, роль этнокультурных объединений в консолидации немецкого этноса – слабая. Основная часть респондентов затруднились с ответом (57,6%), единственно упоминаемым был немецкий национально-культурный центр «Возрождение» (40,0%). Данный центр известен респондентам предпенсионного и пенсионного возрастов (69,1%). В работе центров немецкое население практически не участвует (67,3%). Важно, что такую оценку дали как студенты, так работающие и безработные.

Характеризуя объединяющие компоненты для немцев Казахстана, привлекает внимание факт, что язык этноса, как важный элемент этнической культуры, не обладает значимыми этническими функциями и объединяющим началом.

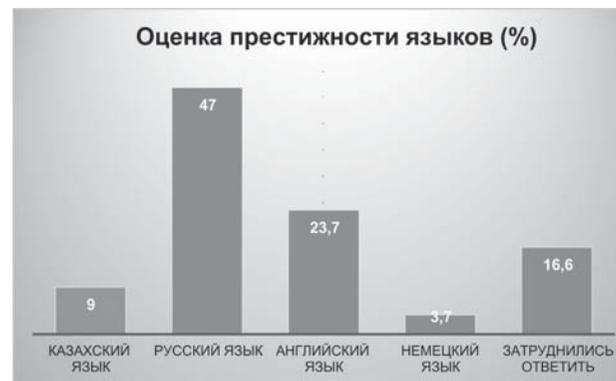
Очень показательны, что большая часть участников исследования не владеет немецким языком – 65% (по совокупности ответов «Не владею совсем»; «Не владею, но понимаю некоторые фразы»; «Понимаю речь, но объяснить не могу»). Результат свидетельствует о низкой востребованности знания немецкого языка и его использования в общении, особенно респондентами средних возрастов (30-45 лет).

Данные подтверждаются и утверждением о престижности владения языками. Так, был отмечен достаточно высокий уровень престижности русского языка (47,0%), при низкой оценке немецкого (3,7%) и казахского (9,0%) языков.

Следует отметить, что не считают престижными казахский и немецкий язык респонденты молодых возрастов (от 18 до 29 лет), в частности студенты.

Образовательное будущее своих детей респонденты связывают с русским языком. Так, на вопрос: «На каком языке вы хотели бы, чтобы ваши дети получали образование?» основная часть ответила – «на русском» (62,0%). Немецкий язык здесь занимает 9% (см. диагр. 2).

Диаграмма 2

При этом 59,0% респондентов уже обучают своих детей в школах на русском языке. Ни один из респондентов не указал обучение детей в национальных школах.

В целом, намерения респондентов относительно изучения детьми государственного и немецкого языка явно недостаточны. Характерным моментом является то, что в случае реализации данных намерений языковая ситуация в ближайшее время не изменится: существенных сдвигов не произойдет в силу того, что респонденты не предполагают изменения образовательной стратегии в данной области.

Конфликтотенный потенциал в межэтническом взаимодействии

Межэтнические отношения – это сфера динамичная и очень восприимчивая ко всем социальным, экономическим, политическим и другим процессам, включая даже частные, незначительные инциденты, конфликты на бытовом уровне, в повседневной жизни.

Одной из задач исследования было изучение восприятия межэтнических отношений по месту проживания. Большая часть респондентов характеризует их положительно и не обращает внимание на национальность окружающих (74,0%).

Особенности межэтнического взаимодействия хорошо представлены в исследовании с позиции оценки межэтнических браков и отношения к ним. Так, 56,7% указали на неоднородность своей семьи по этническому составу. Чаще всего отмечается этническая принадлежность отца – немец (74,2%), матери – русская (40,3%), украинка (19,4%), немка (13,7%).

Если посмотреть на этническую принадлежность супругов из смешанных браков, то здесь в основном представлены 71,8% русских и 11,8% украинцев. Что свидетельствует о тесном взаимодействии между немцами и представленными этносами.

Для выявления вероятности возникновения межэтнического конфликта необходимо исследовать формы коммуникаций с представителями других этносов. В частности, экономическое, социальное, культурное взаимодействие. На вопрос: «Случаются ли конфликты с представителями других этносов?» 84,0% респондентов ответили отрицательно.

16,0% указали на сложности в межэтническом взаимодействии, в частности 18,8% отметили казахов как этнос, с которым конфликтовали. В основном это возрастная группа от 30 до 45 лет респондентов, не имеющих на момент опроса работы. При этом 56,3% опрошиваемых отказались от ответа на вопрос, что свидетельствует о субъективных оценках конфликтного потенциала.

Интересно, что основными причинами конфликтов указывались – национализм (10,4%), неприязнь (8,3%), непонимание казахского языка (6,3%). Больше половины (62,6%) отказались от ответа (см. диагр. 3).

Вариант «Национализм» указали респонденты трудоспособных возрастов (30-60 лет), причину «Непонимание казахского языка» отметили респонденты 46-60 лет, чаще всего неудобство испытывают домохозяйки (16,7%) и квалифицированные рабочие (14,3%).

Диаграмма 3

Реакция на конфликт и модель поведения в ситуации противостояния является показателем активности респондента и доверия правоохранительным органам. Формой разрешения конфликтной ситуации немецким населением было выбрано «Самостоятельное взаимодействие без судебных инстанций» (66,7%), особенно это относится к социальной категории «безработные» (100%).

Тем не менее, 13,0% респондентов затруднились определить свое поведение в случае конфликтной ситуации. В возрастном разрезе эта группа больше представлена молодежью и трудоспособным, занятым населением

35-40 лет.

Различные формы конфликтных ситуаций могут проявляться при приеме на работу и определении критериев отбора специалистов. Респондентами было отмечено, что основными показателями при приеме на работу являются – образование (76,3%), опыт работы (72,3%), возраст (52,7%). В меньшей степени оцениваются в качестве причины приема на должность этническая принадлежность (10,3%) и родственные отношения (14,0%).

Данные качественные показатели подтверждаются и при ответе на вопрос о том, как будет вести себя респондент, будучи руководителем организации и принимая на работу сотрудников.

Оценка межэтнического взаимодействия респондентами характеризуется как стабильная. Именно так ее определяет большая часть опрошенных. В то же время обозначена тенденция к осложнению ситуации в молодежной среде и безработных трудоспособного возраста.

Миграционные настроения: живем в Казахстане или...

Современные миграционные настроения в Казахстане имеют свои специфические особенности, но вместе с тем в них полностью отражаются общие существенные причины всей казахстанской миграции немецкого населения. Подтверждают этот вывод и данные социологического исследования. Оно показало, что миграционные настроения у немецкого населения выражены слабо. Большинство опрошенных (77,6%) заявили, что на момент опроса никуда переезжать не собираются («Пока мыслей о переезде не было, однако все будет зависеть от обстоятельств»). Интересно, что большая часть респондентов живет в Казахстане всю свою жизнь (78,0%) и более 10 лет (19,7%).

Из тех респондентов, которые собираются уезжать, основная часть планирует переезд в другую страну (73,1%), без указания в какую.

Причинами переезда указываются экономические (рост цен – 47,2%; постоянные трудности в решении жилищной проблемы – 23,4%; плохие перспективы социально-экономического развития – 24,9%, особенно для социальной категории «безработные»).

Также имеют весомое значение причины социальные (трудности в получении образования – 29,2%; проблемы с образованием у детей – 20,8%) и языковые (языковые проблемы – 26,9%; угроза дискриминации по языковому признаку – 8,6%, особенно актуален данный фактор для молодого населения).

Таким образом, значительная часть немецкого населения не планирует покинуть Казахстан. Люди адаптировались в суверенном государстве и чувствуют себя здесь довольно комфортно. Тревожные настроения сохраняются у молодежи.

Заключение

В заключение можно отметить, что укрепление гражданской и этнической идентичности во многом зависит от доверия жителей к государству, от степени адаптации и социально-психологического комфорта, а также от характера межнациональных отношений в регионе.

В среде немецкого населения Казахстана четко видны восприятие себя «казахстанцем» и нормальная позитивная этническая идентичность.

Интересно, что оценки собственного социального самочувствия немецким населением Казахстана остаются достаточно стабильными при некотором преобладании умеренно-позитивных оценок над негативными. В основном, население больше беспокоит нерешенность или неудовлетворенность решением ряда социально-экономических проблем, чем проблемы в сфере межэтнических отношений. Таким образом, можно говорить об укреплении «позитивной доминанты» у немецкого населения Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Джесси Р. Немцы Казахстана, VSD, 2013. С. 6.
2. Алексеенко А.Н. Население Казахстана между прошлым и будущим // Демоскоп, <http://demoscope.ru>; Слонова Г.В., Сраилова Г.М. История и язык немцев Казахстана. http://www.rusnauka.com/17_AND_2011/Philologia/3_89273.doc.htm
3. Составлено по материалам Агентства Республики Казахстан по статистике. Бюллетень «Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2014 года», Серия 15. Демография, Астана, 2014.
4. В ходе исследования было опрошено 300 респондентов немецкой национальности. В выборочной совокупности представлены все возрастные группы: от молодых возрастов (34,7%) до людей пенсионного возраста (20,6%). Респонденты трудоспособного возраста составляют 44,7% (по совокупности данных от 30 до 60 лет).

Крыкпаев М.К.

КАЗАХСТАНСКАЯ АРХИТЕКТОНИКА ЕДИНСТВА МНОГООБРАЗИЯ

В современном динамично и турбулентно развивающемся мире, сложных геополитических условиях проблема сохранения единства и согласия приобретает особую актуальность. О том, насколько будет мир в текущем столетии, говорят и те события, которые мы видим в глобальной политике и на примере одного из наших близких партнеров – Украины, где нарастание напряженности способно привести не только в региональном, но и глобальном масштабе, что представляет опасность для всего мира. По-

этому поддержание и развитие межэтнического мира, единства и согласия имеют решающее значение и стали одним из ключевых приоритетов нашей государственной политики, основой демократического развития и стабильности Казахстана. «Это не магическая формула и не политический штамп. Это действительно основа нашей внутренней политики. Но она требует ежедневного пополнения конкретными зримыми действиями» [1]. Когда мы говорим о единстве и согласии, то в первую очередь понимаем под этим межэтническое, духовно-нравственное, межкультурное и межконфессиональное взаимодействие, общение. «В целом политика в этнической сфере основывается на принципиальном равенстве всех граждан страны, независимо от их этнической принадлежности, а в качестве стратегической задачи выделяет укрепление общественного согласия и межэтнической толерантности на основе консолидации общества и национального единства», - справедливо отмечается в работе «Ассамблея народа Казахстана: История двух десятилетий». Национальное единство – это не строительство некой нивелирующей этносы общности по аналогии с «советским народом» и не узаконенное этнократическое господство. Государственная этнополитика Казахстана сегодня – это создание и реализация адекватных механизмов, поиск новых форм, направленных на сохранение и развитие социокультурных ценностей, формирование культуры межнационального общения, толерантности, составляющих основу политики единства и общественного согласия казахстанского общества, духовная, политическая преемственность и чуткое реагирование на новые потребности общества, инновации и видение стратегических перспектив [2].

Идея мирного сосуществования людей разных национальностей и вероисповеданий в одном государстве не нова, к тому же понятие «единство и согласие» имеет глубокий смысл и глубинные корни. История свидетельствует нам о наших предках, известных исторических личностях, которые внесли огромный вклад в развитие казахского народа и повлияли на его будущее. Сплоченность, духовность, нравственность, толерантность народа являются основой своеобразного кодекса духа степи, ибо, как справедливо писал Абай, «духовные качества – вот главное в человеческой жизни» [3]. Еще в древних надписях Культегинской стелы начертано такое выражение: «Сделал страну единой, врагов миролюбивыми». Эти слова, выгравированные более десяти тысяч лет назад, имеют прямую связь с теми глобальными проблемами, которые мы переживаем сегодня. Поэтому для Казахстана основу стабильности и общественного согласия составляет принцип миролюбия как национальной идеи, пришедшей из степной цивилизации.

В современной истории идея мирного сосуществования была сформулирована и провозглашена ООН как главный принцип стабильности человеческой цивилизации. «Мир должен базироваться на интеллектуальной

и нравственной солидарности человечества», а народы «проявлять толерантность и жить... в мире друг с другом...»

Толерантность – это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человечества» [4], уважение чужих ценностей. Вроде, все понятно и ясно. Однако, к сожалению, как указывалось выше, на карте мира немало регионов, раздираемых сегодня антагонизмами, людей, живущих под одним небом и под одним флагом. Глобальный финансовый кризис, снижение темпов мировой экономики оказывают негативное влияние на большинство стран мира. Эхо межэтнической и межрелигиозной конфронтации дает о себе знать в различных уголках земного шара. Переход от блокового к многополярному миру привел к тому, что на смену конфронтации времен «холодной войны» пришли межрегиональные, межнациональные и межрелигиозные конфликты, порождая нередко и гражданские войны. К примеру, по данным Стокгольмского международного института по исследованию актуальных проблем мира, две трети острых социальных конфликтов в 90-тых годах XX века являлись межэтническими. Всего в XX столетии в них погибло более 100 млн человек. На постсоветском пространстве этнополитические конфликты также привели к многочисленным жертвам среди мирного населения, трагедии целых народов. По далеко не полным данным, в них погибли и пропали без вести свыше 600 тыс. человек. Негативные последствия межнациональных конфликтов не исчерпываются прямыми потерями: в странах бывшего СССР с территорий, охваченных конфликтами, бежали не менее 5 млн. человек. Экономический ущерб в зонах конфликтов вообще с трудом поддается оценке [5].

Сегодня многие государства мира озабочены поиском своего призвания в бытии, в истории – своей «энтелехии», выражаясь термином Аристотеля, то есть целевой причины, «формулы единства». В то время, как в отдельных регионах мира возрастает межэтническая напряженность, Казахстан остается государством, в котором сохраняется политическая и социально-экономическая стабильность, царит гражданский мир и согласие между всеми этносами и конфессиями. В чем же секрет стремительного восхождения республики к высотам не только экономического процветания, но и духовно-единства и согласия? Однозначного ответа здесь быть не может, парадигма эта бесконечна и многообразна. Это экономика, политика, культура, история и т.д. Смысл нашей национальной истории, как подчеркивал в свое время Н. Назарбаев, изначально состоит в решении трех системообразующих задач: выстроить эффективное мощное государство, единое толерантное общество, инновационную экономику.

Во многих трудах ученых, политиков, в ежегодных посланиях Президента Н.А. Назарбаева дается всесторонний и детальный научный анализ всех достижений Казахстана в области экономики, социальной и культур-

ной жизни, намечены стратегические задачи и конкретные цели дальнейшего развития нашего многонационального государства. Но самое главное, на что обращают внимание ученые и Президент – это проблемы духовного совершенствования, формирования Казахской идентичности, единства и согласия, толерантности, основанной на взаимопонимании и взаимодействии всех этносов и конфессий республики. В свое время великий философ Средневекового Востока Аль-Фараби, вслед за идеей Аристотеля об «энтелехии» – целевой причине, отмечал, что «правителю народа надлежит создать и начертать в душах части народа органы и волевые способности, ведущие их к согласию, взаимосвязи друг с другом и взаимодействию, так, чтобы народ и народы, невзирая на множество своих частей, различие их положений и действий, стали как одна вещь, совершающая одно действие и достигающая одной цели» [6]. Правильное истолкование прошлого – это ключ к пониманию будущего. Поэтому в сложнейших условиях распада огромной социалистической державы Казахстану, во главе с первым Президентом, удалось без социальных потрясений, крови и конфликтов, создать необходимые условия для обретения молодым государством подлинной независимости, о которой мечтало не одно поколение наших предков, от великих правителей и батыров Степи до политических деятелей Алаш-орды, от жастулпаровцев до участников декабрьских событий 1986 г. Н. Назарбаев, давая оценку этому, подчеркивал, что «независимость Казахстана обретена нами мирным путем. Это – возмещение за священную кровь, пролитую в борьбе за свободу сотнями тысяч известных и неизвестных патриотов. Это – воздание за великодушие народа, который за всю свою историю никому не чинил зла и притеснений. Наше национальное согласие – это результат кропотливой работы государства при поддержке институтов гражданского общества на протяжении всех этих лет. В сложных условиях нам удалось создать оптимальную модель взаимоотношений между всеми этническими группами населения. Она основана на взаимопонимании и терпимости, патриотизме и гражданской ответственности за судьбу страны у представителей всех этносов, живущих на древней земле казахов» [7]. Сегодня очевидно, что в драматических условиях первых лет независимости, на фоне однозначных пророчеств некоторых известных политических фигур о грядущих катаклизмах, обусловленных полиэтническим и многоконфессиональным составом Казахстана, что является «ахилесовой пятой» [8], бурных митинговых дискуссий общественности по вопросам государственности, идентичности, языка, политического популизма отдельных политиков и общественных объединений, а порой и откровенных провокаций, главным определяющим фактором сохранения стабильности стали сплоченность и единство казахстанцев, твердая позиция и последовательная политика Президента страны Н. Назарбаева. «Взяв за основу политическую формулу единства многообразия, мы сумели сберечь

мир и согласие» [9]. Следует подчеркнуть, что предсказание З. Бжезинского о второй Югославии, Азиатских Балканах в Казахстане было одним из многих подобных прогнозов, вытекающих из логики сложившейся ситуации и предрекавших нашей стране межэтнические конфликты. К примеру, американский исследователь М. Олкотт в 1991 году сделала так же неутешительный прогноз об обострении межэтнических противоречий, чреватых столкновениями и конфликтами. Она прямо подчеркивала, что в условиях распада СССР, экономического кризиса «могли остаться в стороне идеалы национальной и религиозной терпимости, на которых основаны устойчивые многонациональные демократические государства» [10].

В этих условиях обострения экономического, политического и межнационального кризиса Казахстан остался островком межнационального согласия и мира. То, что считалось «ахилесовой пятой» Казахстана, едва ли не основной его слабостью, в действительности стало возможным превратить в один из главных стратегических ресурсов развития страны. «И только единство народа помогло преодолеть все испытания» [11]. Вся энергия общества, весь «запас риска» был направлен в русло не разрушения, а созидания. Это стало возможным благодаря тому, что в основу государственного устройства Казахстана был положен принцип формирования идентичности на базе гражданства, а не этнических принципов. Основная ставка была сделана на проведение политики поэтапной демократизации и раскрепощения инициативы граждан вне этнической и религиозной принадлежности, обеспечивая экономический рост и благополучие через конкуренцию. Этот принцип стал основой Конституции 1995 года, начинающейся с фразы глубокого философского смысла: «Мы, народ Казахстана...» Таким образом, было подтверждено законодательно, что суверенитет нашей страны основывается на целостности и единстве всего общества, а не отдельных национальностей, обеспечивается равенство прав и свобод всех граждан независимо от их этнической или религиозной принадлежности. Это укрепило веру в то, что стратегический курс, избранный руководством страны на заре независимости, не есть популизм, а гарантированный путь построения демократического государства, формирования гражданского общества, где «сохраняются стабильность и толерантность, отсутствуют проявления религиозного, национального и иного экстремизма» [12]. А когда получены весомые гарантии социально-экономической, межэтнической и межконфессиональной стабильности, когда цели ясны и понятны, неизменно вырисовываются и конкретные пути их достижения. При этом фундаментом национальной идеи, опорой будущего развития Н. Назарбаев назвал четыре основных компонента: 1) национальное единство; 2) конкурентоспособная экономика, 3) интеллектуальное создающее общество и 4) построение уважаемого во всем мире государства.

«Это задача огромной трудности и исторической важности», - отмечал

Президент. «Сегодняшний Казахстан и наши достижения незримыми нитями связаны с истоками Казахской государственности, Казахского ханства, 550-летие которого отмечалось в этом году, которое в свою очередь вобрало в себя традиции, культуру всех государственных образований, известных по письменным источникам со II века до н.э. на территории Казахстана», - справедливо отмечал Г. Кан [13].

Происходящие сегодня в мире события наглядно демонстрируют, насколько актуален опыт Казахстана, выбравшего одним из приоритетов своей внутренней политики обеспечение гражданского мира, межэтнического и межконфессионального согласия. Все эти годы мы следовали и сейчас следуем этой парадигме, ставшей для нас ключевым условием модернизации общества на основе диалога цивилизации, культур и религий.

«Для нашей страны наступает время новых достижений и амбициозных задач, когда рост Казахстанской экономики позволяет говорить о системном этапе лидирующего, опережающего развития», - отметил Глава государства. Если в 1998 году по ВВП Казахстан находился на 100 месте в мире, то в 2008 – на 63 месте, рядом с Аргентиной, Бразилией и Россией. Наша страна вошла в число 50 наиболее развитых, конкурентоспособных государств, ВВП вырос в 2014 году в 20 раз и составил 13 тысяч долларов на душу населения. Сегодня наше единство – это ключевой фактор реализации новой стратегии «Казахстан-2050», которая нацеливает общество на осуществление грандиозной цели – вхождение в топ-30 самых высокоразвитых стран мира на основе сбалансированной наукоемкой и рациональной экономики. Это главная цель и общая судьба всех казахстанцев, она сложна и масштабна, но вполне реальна, так как у Казахстана имеются достаточные потенциальные возможности и уже сейчас на ее реализацию направлен ряд мощных государственных программ с новыми индустриально-экономическими реформами. Достижение подобного экономического формата развития, основанного на всеобщем прагматизме и динамизме, требует пересмотра целей и стиля государственного управления, а также совершенствования инструментов, которые используются в процессе реализации обозначенных задач. Обуславливая приоритеты нового тренда «Индустриализация и экономический рост, основанный на диверсификации», Глава государства в числе других задач подчеркнул важность развития сервисных услуг в Казахстане. В итоге всех принимаемых мер, к примеру, ожидается увеличение доли услуг в ВВП Казахстана до 60%, повышение производительности труда в 1,5 раза и двукратное увеличение экспорта услуг к 2020 году. Согласно стратегическим целям, Казахстану предстоит довести к 2050-му году объем ВВП в расчете на душу населения до 60 тысяч долларов. Глава государства при этом обратил внимание на необходимость принятия ряда дополнительных мер по дальнейшему продвижению Казахстанской модели толерантности и согласия [14].

Поэтому одним из главных условий динамического развития Казахстана и восхождения его в число 30 наиболее конкурентоспособных стран мира является межэтническое и межконфессиональное согласие, формирование этнокультурного плюрализма и толерантности. Об этом свидетельствует и опыт трансформации ряда стран, показывающий, что социально-экономический прогресс может быть достигнут в контексте духовной жизни общества. При этом система духовного производства в Казахском обществе более устойчива, нежели преходящие факторы материального производства. Здесь наблюдается симбиоз, мирное сосуществование разных пластов культур в одном мировоззренческом поле, но не синтез культур. Таким образом, ход реформ в любой цивилизованной стране определяется не только экономикой, политикой, но и социально-культурным контекстом: этнокультурными традициями, толерантностью, культурой межнационального общения и согласия – 94%, доверием народа к проводимому курсу и президенту страны – 97,75%. Известный американский социолог Ф. Фукуяма в своей работе «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» прямо указывал на то, что экономический прогресс есть своего рода «награда» обществу за внутреннюю гармонию, отсутствие которой препятствует хозяйственному процветанию.

Универсальным и эффективным механизмом реализации межэтнического диалога на основе гуманистических ценностей, культуры межнационального общения является Ассамблея народа Казахстана. Создание АНК 1 марта 1995 года по инициативе Президента страны Н.А. Назарбаева, которая должна была стать прочной несущей конструкцией общего дома всех этносов, основой стабильности, мира и межнационального согласия, – это результат многолетних и творческих усилий по поиску новых механизмов согласования интересов всех этносов [15].

«Мы смогли найти консолидирующие, объединяющие силы народа. Мы никогда не делили народы по принадлежности к нации, расам, по вероисповеданиям, вели открытую политику за свободное развитие. Мы все это закрепили в Основном законе – Конституции». «Наш путь – это поиск точек соприкосновения, расширение зон согласия и доверия, формирование национальной политики с учетом этнического состава Казахстана. И время подтверждает верность этого выбора» [16]. История нашей Ассамблеи – это история нашей стабильности и духовного согласия, что в свою очередь является важнейшим фактором реализации стратегии «Казахстан-2050». В свое время известный русский философ Н. Бердяев вполне справедливо отмечал, что человечество идет к единению через национальную индивидуализацию. Поэтому моделью развития всех этнических диаспор внутри Казахстана является, во-первых, сохранение своего этнического, национального «Я» и, во-вторых, патриотизм по отношению к стране гражданства. Все эти годы

в Казахстане системно и целенаправленно осуществлялись необходимые меры для того, чтобы ни один этнос не терял своей яркой культурной индивидуальности в богатой палитре единого народа Казахстана.

На практике это находит все больше свое отражение в многогранной, творческой деятельности АНК. Создав Ассамблею, мы нашли собственный путь к национальному единству на общей нравственной и патриотической платформе и пошли дальше всех известных в мире моделей. АНК – это уникальный институт гражданского общества и механизм, инструмент цивилизованного осуществления национальной политики, не имеющий аналогов в мировом опыте и являющийся новаторством в мировой практике. Это признают многие государства, и не случайно АНК Генеральный секретарь ООН назвал «Малой моделью ООН». Сегодня о казахстанском феномене в сфере сохранения межэтнического и межконфессионального согласия, обеспечивающим гармонию в полиэтничном и поликонфессиональном обществе, говорят с нескрываемым уважением во всем мире. «И на Востоке, и на Западе ценят наш уникальный опыт, наши достижения в вопросах согласования интересов и защиты прав этносов. Многим странам будет полезен наш опыт укрепления межэтнического и межконфессионального согласия, который можно применять на обширном евразийском пространстве. И чем больше стран будет изучать и использовать наш опыт общественного диалога и межэтнического согласия, тем безопаснее станет мир. Это наше казахстанское ноу-хау, которым мы по праву гордимся и обязаны бережно его охранять» [17]. Казахская модель межэтнического единства и общественного согласия свой успех обеспечила и тем, что преодолела недостатки этнической, республиканской и мультикультурной моделей. За изучением Казахстанского опыта только за последние годы в Секретариат Ассамблеи обратились из НПО 18 государств [18].

Ассамблея – это инновационная модель всенародного представительства интересов всех граждан и успешный инструмент нашей молодой демократии. Она консолидирует деятельность 820 этнокультурных объединений по всей стране, а в областях – деятельность малых ассамблей. В целом, в этой работе участвуют более 3 миллионов человек, при этом 97,5% опрошенных казахстанцев считают, что АНК представляет интересы всего нашего народа. Это означает, что наше государство успешно переводит идеи единства и согласия из модуса «идеального, возможного» в модус «реального и необходимого». Важно, чтобы сейчас Казахстан не только сохранил, но и укрепил все достижения в сфере общественного согласия. «Поэтому на Ассамблею народа Казахстана возложена самая ответственная задача – быть хранителем дружбы народов, согласия и гражданского мира в стране» [19], – отмечал Н.А. Назарбаев.

Еще одним фактором, который играет особую объединяющую, кон-

солидирующую роль казахстанского общества и сегодня воплощается в реальную действительность, является Доктрина Национального единства. Дальнейшая консолидация общества и формирование единой казахстанской, конкурентоспособной нации, в которой сойдутся Восток и Запад, передовые знания, технологии и мудрость веков, свобода духа и единство стремлений – это наша стратегическая задача [20]. Именно в такой постановке вопроса единство достигается через диалектику прошлого, настоящего и будущего. Это основа-константа национальной политики, ее эволюция – это эволюция диалектических категорий единства и многообразия, «сначала многообразия гармонически вливается в единство, затем единство реализуется и сохраняется в многообразии», – справедливо подчеркивается в работе «Ассамблея народа Казахстана: История двух десятилетий». «Единство многообразия» – такова диалектика формулы сегодняшней этнополитики казахстанской модели. При этом здесь необходимо придерживаться диалектического принципа: единство – насколько объективно необходимо, многообразия – насколько возможно. Поэтому «этническая пестрота – это оптимальная форма существования человечества», которое всегда будет полиэтничным и стремиться к единению [21]. Полиэтничность Казахстана является важнейшим ресурсом цивилизационного развития республики. Наступает новый этап осмысления объективной реальности – этап самоидентификации или самосознания, определяющий, что представляет собой сегодня казахстанское общество, которое знаменует переход в новое качественное состояние, и каким оно будет завтра. Эту новую точку отсчета знаменует собой Доктрина национального единства, возникновение которой связано с выходом на авансцену именно субъективного, человеческого фактора, возрастанием роли духовности как источника и критерия прогресса. Человечество знает немало примеров огромного воздействия доктрин на социум, к примеру доктрины Конфуция, Монро, К. Маркса, А. Тойнби и другие. В этом плане Доктрина является, во-первых, обобщением уже накопленного позитивного опыта, во-вторых – фундаментом для развития вперед, в-третьих, Доктрина четко определяет духовные координаты вектора развития и архитектуры нашего общества ближайшего десятилетия. Поэтому в основу ее дальнейшей реализации должен быть положен акцент на эмоционально-психический, чувственный, патриотический аспект, который должен стать ядром консолидирующего компонента на личностном уровне. Это является также и основой для разработки целевых программ, законодательных и других нормативно-правовых актов, в целях создания условий для сохранения и укрепления межнационального единства и общественного согласия. Основные ее принципы могут реализовываться в главной цели стратегии «Казахстан-2050» – войти в число 30 наиболее развитых стран мира.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить философский

аспект национального единства. Нельзя говорить о единстве тождественных, абсолютно идентичных, повторяющих друг друга элементов. Диалектическое единство имеет место в отношении противоположных элементов, отличающихся друг от друга, но которые могут существовать только в гармонии. Лишь гармоничное сочетание разных этносов, по Л. Гумилеву, является основой здоровой нации. Именно разнообразие есть необходимая предпосылка подлинного единства, взаимного интереса, сближения культур и цивилизаций. Говоря о гармонии, следует отметить, что она носит объективный характер, а не предустановлена богом, как считал Г. Лейбниц, или кем-то другим. В этой связи в Доктрине подчеркивается, что «национальное единство – это единство в многообразии», которое держится на трех главных столпах: во-первых, это наша история, во-вторых, общие для всех казахстанских этносов ценности и, наконец, в-третьих, это наше общее будущее» [22]. При этом формирование национального единства в нашем обществе должно стать ядром национальной идеи. Ибо без высшей идеи, как отмечал в свое время Ф. Достоевский, не может существовать ни человек, ни нация. Таким образом, единство многообразия не отрицает своеобразие и многоголосия этнических групп, не ведет к поглощению и ассимиляции, унификации по советскому типу, а нацеливает на их равноправие и полноправное существование. Каждая этническая группа в системе общественных отношений выступает как целостность со своей системой норм и ценностей, обычаев и традиций и т.д. Но это именно целостность существования этнических общностей в составе единого государства, которое обеспечивает равенство возможностей для всех граждан. Иначе говоря, если Доктрина – это способ понять, что нас сближает и делает единым, целостным организмом, то в реальности, действительности общество, нацию единым целым делает государство. С этой точки зрения необходимо особенно подчеркнуть фактор государства как национально-консолидирующего начала и ответственности общества за сохранение, развитие общественного согласия и национального единства. Ибо национальное единство – это и гражданское согласие в самом широком смысле слова. Государство, граждане которого имеют разные цели и установки, не жизнеспособно. Укрепление независимости возможно только при единстве всего народа Казахстана. Поэтому сохранение независимости и укрепление государственности, равенство возможностей, защита прав и свобод граждан, создание интеллектуальной нации и развитие национального духа – это краеугольный камень национального единства. В то же время единство приобретает новый смысл в условиях глобализации, и это объективно требует объединения всех граждан независимо от этнического происхождения, вероисповедания и социального положения. Принцип «единство в многообразии» превращает наши исходные полиэтнические, многоконфессиональные и другие социальные параметры в источник могучей энергии

общества, основанного на признании общей системы нравственных принципов и духовных ценностей. Ее необходимость рождена самой жизнью, она вытекает из логики истории, из общей судьбы.

Необходимо сохранять национальную самобытность, но при этом надо помнить и о том, что чрезмерное единство, перегибы и крайности губельны для государства, как отмечал в свое время еще Платон и о чем свидетельствует современная история. Верна лишь истина – единство в многообразии. Именно такая формула лежит в основе казахстанской толерантности, Ассамблеи народа Казахстана, Доктрины национального единства и «Мәңгілік Ел». Таким образом, принцип «единство в многообразии» – это важнейшая часть казахстанской модели, в этом ее отличие от многих других моделей. Быть казахстанцем и не утратить своих корней, сохранить самобытность, язык, культуру, обычаи и традиции – это также наша казахстанская модель. Казахстан на собственном примере доказал уникальность модели межэтнического, межнационального и межконфессионального согласия в свете новых вызовов и угроз и продолжает стабильно развиваться, несмотря на растущую напряженность в условиях мирового кризиса. В этих достижениях – немалый вклад АНК. Сегодня Ассамблея является реальным механизмом представления интересов всех этносов, проживающих в Казахстане. Поэтому казахстанская модель национального единства и согласия всех этносов и впредь будет строиться на принципах дружбы и взаимопонимания, межкультурного сотрудничества и толерантности для выполнения общих стратегических целей и задач по ее достижению.

Сохранение культурной, национальной идентичности означает, что на первый план выдвигаются общегражданские ценности всеказахстанской идеи «Мәңгілік Ел» – родной земли, которая является духовным истоком, силой всего казахстанского общества. Национальная идея «Мәңгілік Ел» – мечта наших предков, рожденная тысячелетним историческим опытом казахского народа. Она базируется не только на многовековой мечте народа, но и на конкретных результатах своего развития за годы независимости. Это идея нашего общеказахстанского дома. В этом обращении к истории, родной земле, духовным истокам важную роль играют такие духовно-нравственные критерии, которые объединяют казахстанское общество, как толерантность, межнациональное и межконфессиональное взаимопонимание и согласие. Эти и другие ценности, цементируя наше общество, создают общую основу, которая и является фундаментом устойчивости и идентичности государства. Данные социологического опроса подтверждают наш тезис. В частности, что национальная идея «Мәңгілік Ел» является духовным фундаментом независимости страны на основе общности истории, культуры и языка, отметили 92% респондентов, будет способствовать дальнейшему укреплению межнационального единства и согласия в стране – 94%, станет основой ка-

захстанского патриотизма – 97%.

Идея «Мәңгілік Ел» органически вплетается в идею евразийского проекта в условиях единого экономического пространства. Главным подходом в евразийском проекте является укрепление и сохранение евразийской идентичности и культуры с обязательным бережным отношением к национальному своеобразию, национальным традициям евразийских народов, образно выражаясь «сохранение цветной радуги культур и языков». В этом многообразии, поликультурном евразийском пространстве и укрепляются в наибольшей степени единство и взаимопонимание, которые сегодня являются условием национальной безопасности и стабильности.

Новая экономическая политика «Нұрлы жол» и пять институциональных реформ, озвученных Главой государства, по своей сути и являются креативным и очень действенным ответом Казахстана на экономические риски и глобальные вызовы современности, которые настолько глубоки, что ставят вопрос об устойчивости и успешности каждого государства. Поэтому, как отмечают многие исследователи Евразийства и национальной идеи, в качестве основы плана-проекта для будущего Казахстана должен стать именно принцип устойчивого развития, где бы триада «экономика – экология – социальная сфера» развивалась равновесно. Эта идея – локомотив сегодняшней истории суверенного, демократического Казахстана, подход к осуществлению такой гармонии ценностей в материальной и духовной жизни, в воспитании и поведении сегодняшнего человека.

Развитие и устойчивость, на первый взгляд, противоречие, но даже если оно есть, то его можно разрешить, сопрягая начало и конец истории на благо закону развития жизни. К тому же, это противоречие в открытых и саморазвивающихся системах, а не закрытых, и здесь действуют законы, методы синергетики, а не идеологизированной и политизированной марксистской диалектики.

«Дружба возможна только между хорошими людьми» – такова формула Цицерона. И надо каждодневно и терпеливо воспитывать этих хороших людей в духе единства и согласия, мира и культуры. Все люди равны по своей природе, но различаются, как справедливо утверждал Конфуций, по своему воспитанию. Человек не рождается толерантным, а становится им в процессе обучения и воспитания, межкультурного и межэтнического общения. Поэтому в современных условиях формирование и расширение пространства мирового сосуществования культур и цивилизаций, в котором обретается объективно возможное и так реально необходимое согласие, – одна из приоритетных форм социального и культурного обустройства. Без стабильности в обществе, единства и согласия народа нет будущего страны – это исходная и ключевая идейно-концептуальная реформа государственного строительства и проведения этнополитики в Казахстане.

Таким образом, единство и согласие, являясь общепланетарным духовно-нравственным императивом, должны осуществляться, во-первых, через и благодаря различиям индивидуального и этнического происхождения, во-вторых, носить не внешний характер, а выступать в первую очередь следствием внутренних импульсов, межкультурной коммуникации, культуры общения. Следует подчеркнуть, что говоря о культуре согласия, этике диалога и общения между народами, имеется в виду не столько существующее положение вещей, сколько моделируется и прогнозируется будущее, возможное и должное. Именно такова роль и предназначение теории: прочертить и предсказать вектор в будущее, на основе которого и будет осуществляться детерминация настоящего.

ЛИТЕРАТУРА:

1. См. Календарь основных вех в деятельности АНК за 20-летний период // Казахстанская правда, 7 февраля 2015 г.
2. Ассамблея народа Казахстана: история двух десятилетий. Алматы, «КАЗ-акпарат», 2015. С 71-72.
3. Абай. Слова назидания. Алма-Ата. 1982. С. 21.
4. См. Резолюция Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г.
5. Казахстанская правда, 1 декабря 2014 г.
6. Аль-Фараби. Философские трактаты. Изд-во «Наука», Алма-Ата, 1970, С. 303, 352.
7. Календарь основных вех в деятельности АНК за 20-летний период // Казахстанская правда, 7 февраля 2015 г.
8. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.1998.
9. Назарбаев Н.А. «Казахстанский путь: от стабильности – через модернизацию – к процветанию» // Казахстанская правда, 16 декабря 2006 г.
10. Оборонная политика, политика обеспечения мира и безопасности. Киев, 1992. С. 58.
11. Конституция Республики Казахстан. Алматы, Юрист. 2006. С. 3, 6.
12. Назарбаев Н.А. Казахстанский путь: от стабильности – через модернизацию – к процветанию // Казахстанская правда, 2006, 16 декабря.
13. Казахстанская правда, 10 января 2015 г.
14. «Стратегия Казахстан2050: культура мира, духовности и согласия» Выступление Президента Казахстана Н.А.Назарбаева на XXI сессии АНК 18.04.2014.// Казахстанская правда, 19 апреля 2014 г.
15. «Стратегия Казахстан2050: культура мира, духовности и согласия» Выступление Президента Казахстана Н.А.Назарбаева на XXI сессии АНК 18.04.2014.// Казахстанская правда, 19 апреля 2014 г.
16. Ассамблея народа Казахстана: история двух десятилетий-Алматы, «КАЗакпарат», 2015, с 53.
17. Календарь основных вех в деятельности АНК за 20-летний период.//Казахстанская правда, 7 февраля 2015 г.

18. Казахстанская правда, 20 октября 2008 г.
19. Ассамблея народа Казахстана: история двух десятилетий Алматы «КАЗакпарат» , 2015. С 274.
20. Казахстанская правда, 7 февраля,2015 г.
21. Казахстанская правда, 7 февраля,2015 г.
22. Гумильев Л.Н о термине «Этнос». Этнос как явление-Докл. отдел и комисс ГО , 1967-№3.
23. Казахстанская правда, 12,21 ноября 2009 г.

Кудрявцев А.Ф., Лекомцев А.Л., Сидоров В.П.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИЖЕВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Как пространственная система городская агломерация – это совокупность сравнительно сильно взаимосвязанных и взаимозависимых городских и сельских населенных пунктов. И как в любой системе в ней имеет место внутренняя иерархия. Чем строже внутренние взаимосвязи в системе согласуются с её иерархией, тем эффективнее она функционирует. Для такой пространственной системы, как городская агломерация характерна иерархия подсистем, представляющих собой одну из важнейших территориальных ячеек жизни общества – социально-экономический узловой район. Выявление сети иерархически упорядоченных узловых районов расселения дает возможность более точно выделить границы городской агломерации. Для городской агломерации как пространственной системы характерны следующие признаки:

1. Сосредоточение населенных пунктов (главным образом, городских) на компактной территории.
2. Наличие одного и более центров – более крупных городов, вокруг которых формируется агломерация.
3. Непосредственное примыкание густонаселенных территорий (городов, поселков, поселений) к основному городу (ядру города) без существенных разрывов в застройке.
4. Площадь застроенных (урбанизированных) территорий в агломерации превышает площадь сельскохозяйственных угодий, лесов.
5. Наличие интенсивных производственных, хозяйственных, культурно-бытовых и рекреационных связей внутри агломерации.
6. Массовые трудовые, учебные, бытовые, культурные и рекреационные поездки (маятниковые миграции) – не менее 10-15% от числа трудоспособного населения.
7. Формирование на всей территории агломерации общего рынка тру-

да, капитала, товаров и услуг.

Городская агломерация достаточно эффективна и как социально-экономическая система. Можно выделить как прямые, так и косвенные экономические преимущества городских агломераций.

Прямые экономические выгоды городских агломераций:

- сокращение расходов бюджета на создание и содержание жилищно-коммунальной и социальной инфраструктуры;
 - увеличение налоговых поступлений от созданных хозяйственных объектов;
 - привлечение внешних инвестиций для создания предприятий и учреждений торговли, общественного питания, развлечения и спорта, сети бензоколонок, станций технического обслуживания автомобильного транспорта;
 - возможность привлечения средств федерального бюджета для развития дорожной сети;
 - увеличение налоговых поступлений от строительных организаций, занятых на сооружении малоэтажного жилья, дорожном строительстве;
 - увеличение налоговых поступлений от предприятий общественного транспорта, у которых увеличатся объемы перевозочной работы по обслуживанию городской агломерации, в частности, за счет значительного увеличения объема маятниковых миграций;
 - сокращение бюджетных расходов на содержание безработных – как результат сокращения структурной безработицы;
 - увеличение налоговых поступлений от бывших безработных, получивших работу на новых рабочих местах, необходимых для обслуживания потребностей городских агломераций.
- Косвенные экономические выгоды городских агломераций:
- появление новых рабочих мест на созданных для обслуживания городской агломерации хозяйственных объектах;
 - облагораживание территории в процессе пространственного распространения малоэтажной застройки;
 - снижение криминальной напряженности;
 - повышение образовательного уровня населения;
 - демографическая составляющая. Появление новых рабочих мест и экономическая активизация в агломерации сократит или и вовсе прекратит отток населения из региона;
 - экологическая составляющая. Поселяясь за пределами городской застройки, человек начинает по-другому относиться к природе и старается не нарушать равновесие окружающей среды, особенно на своем участке;
 - создание положительного образа территории. Облагороженная и

окультуренная территория Ижевской агломерации создает ее визуально привлекательный образ, который может стать косвенным поводом и для повышения инвестиционной привлекательности Удмуртской Республики.

По теории «центральных мест» Кристаллера – Леша любая система расселения населения представляет собой сетку узловых районов. При этом наиболее удачной для территориального развития является гексагональная сетка [1]. Но такая структура может существовать лишь на идеально ровной и однородной поверхности, где нет весомых факторов, влияющих на систему расселения извне, иначе её правильная гексагональная форма сильно искажается. Б.Б. Родоман [2] такую деформацию узловых районов – под влиянием какого-либо фактора – назвал дисторсией узловых районов и описал несколько видов ее проявления (рис. 1).

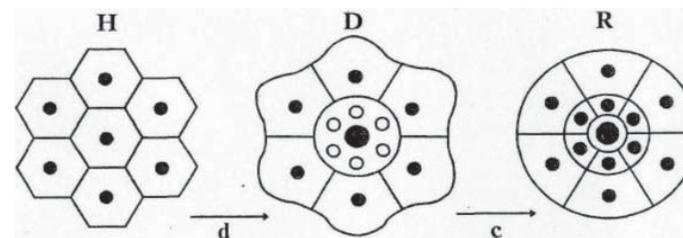

Рисунок 1. Центрическая дисторсия узловых районов [2]

Свойства решеток: H – гексагональность, D – центрическая дисторсия, R – радиальная концентричность. Преобразования: d – центрическая дисторсия, c – окончательная централизация. Центры: ● – сложившиеся, ○ – зарождающиеся (сателлитные).

Для территории Удмуртии, где город Ижевск со своим ближайшим окружением сосредотачивает в себе более 40% населения республики [4], более характерна так называемая центрическая дисторсия. Суть ее в том, что когда один из центров теоретически первоначальной гексагональной решетки усиливается настолько, что подчиняет себе остальные, происходит ее трансформация в секторно-кольцевую (рис. 1). Здесь крупный центральный узел становится главным, а центры окружающих узловых районов подчиняются ему. При этом в центральном узловом районе вокруг «суперцентра» появляются поселения-спутники со своими собственными районами. При рассмотрении иерархии систем расселения Удмуртской Республики выделяются: центр первого порядка – г. Ижевск; внутрисубъектные центры второго порядка – г.г. Воткинск, Сарапул, Можга, Глазов, п.г.т. Ува и Игра, а также и сам город Ижевск со своими районами обслуживания. Центры третьего порядка – центры административных районов. И центры четвертого порядка или внутрирайонные центры второго порядка – с.с. Карсовой, Зура,

Ст. Зятцы и Нылга. Внутреспубликанские центры второго порядка вполне оправданно рассматривать как центры узловых социально-экономических районов второго порядка, так как они сосредотачивают в себе и административные, и экономические функции по обслуживанию своих и близлежащих районов. Соответственно, центрами узловых районов третьего порядка можно считать – рядовые райцентры и т. д. по иерархической лестнице.

Рисунок 2. Сеть узловых районов расселения Удмуртии

Если по границам рассмотренных районов провести условные линии (рис. 2), можно выделить часть секторно-кольцевой решетки узловых районов, образованной городом Ижевском с 5 (из 6 существующих) секторами в приядерной зоне и 3 (из 6 теоретически должных) во внешней зоне, а также одну самостоятельную полигональную ячейку сети узловых районов, образованную городом Глазов. Ижевск, а точнее узловой район Ижевска, в данной сетке является центром дисторсии, а окружающие его районы становятся эксцентричными. Эти районы, в конечном счете, образуют зонно-секторные фасеты (сектора или узловые районы внешней зоны по Родману Б.Б.) во внеядерной зоне. В Удмуртии это: Игринская, Увинская и Можгинская фасеты (рис. 2). Каждая из них объединяет по 4 административных района,

находящихся в подчинении центра фасеты. Центры данных фасет отстоят от суперцентра на одинаковом расстоянии 86-88 км. Еще 2 подобных фасеты расположены вне территории республики, что препятствует развитию связей между районами. Это территории, обслуживаемые городами Чайковский и Нефтекамск. Центральный же район, который представляет совокупность Ижевского, Воткинского и Сарапульского узловых районов второго порядка, можно считать территорией формирующейся Ижевской агломерации. Данная территория расслаивается на зоны. В ней выделяется внутреннее ядро – это г. Ижевск со своей пригородной зоной, к которой можно отнести весь окружающий город сельский Завьяловский район, а также приядерную зону. Внутри последней, на осях, соединяющих суперцентр с центрами фасет, выделяются спутниковые центры, каждый из которых возглавляет свой внеядерный сектор. Это г. Воткинск с подчиненными Воткинским и Шарканским районами, г. Сарапул с Камбарским, Каракулинским и Сарапульским районами, с. Якшур-Бодья со своим районом, с. Малая Пурга, а точнее связка поселений Малая-Пурга – Агрыз с Малопургинским, Киясовским районами и, в некоторой степени, Агрызским районом Татарстана. На оси Ижевск – Ува спутником могло бы стать с. Нылга (внутрирайонный центр второго порядка), но его развитие в этом статусе ограничено тем, что Нылга входит в Увинский район (Увинская фасета). Все перечисленные территории находятся в 1,5-2 часовой доступности от г. Ижевска.

Также в пределах 1,5 часовой изохроны расположены центры фасет внешней зоны Игра, Ува, Можга, Чайковский и Нефтекамск (при условии функционирования переправы через р. Каму). Последние поселения отличаются тесными связями с г. Ижевском, что можно проследить по количеству рейсов пассажирского автотранспорта (более 40 в день в каждом направлении) и общему пассажиропотоку. Последние факты дают право считать данные населенные пункты частью формирующейся Ижевской агломерации.

Выделенная территория Ижевской агломерации обладает следующими характеристиками:

1. Площадь территории в целом превышает 12 тыс. кв. км.
2. Численность населения более 1220 тыс. чел., в том числе сельское – около 200 тыс. чел.
3. Население каждой из ячеек сети, исключая население их центров, в приядерной зоне составляет от 10 до 50 тыс. чел.
4. Плотность населения уменьшается по движению от центра к периферии, и в целом с юго-востока на северо-запад, в среднем составляет 102 чел./кв. км.
5. Все спутниковые центры расположены в зоне часовой доступности до города Ижевска, центры районов внешней зоны – в 1,5 часовой доступности.

6. Плотность автодорог с покрытием и обеспеченность населения маршрутной сетью уменьшается от центров первого и второго порядка к периферии.

7. Наибольшее количество автобусных рейсов в день от центра первого порядка производится до спутников и центров узловых районов внешней зоны.

Следует заметить, что в Удмуртской Республике в околонучной среде не утихает дискуссия на предмет – нужна ли Ижевская агломерация? Дискуссия кажется авторам статьи бессмысленной – агломерация объективна, то есть сформировалась в силу конкретных причин, а не по чьей-то воле.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Максаковский В.П. Географическая культура: учебное пособие для студентов вузов. – М.: ВЛАДОС, 1998. – 416 с.
2. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. – Смоленск: Ойкумена, 1999. – 256 с.
3. Численность и естественное движение населения Удмуртской Республики: статистический сборник. – Ижевск: Территориальный орган федеральной службы Государственной статистики по УР, 2007. – 78 с.

Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф.

ИСЛАМИЗАЦИЯ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и «национальный вопрос» (на примере центральноазиатских национальных окраин)».

На современном этапе существует значительное количество социологических концепций, объясняющих причины и механизмы формирования наций. Общим для них является представление о том, что нации – это закономерный продукт Нового времени, формирование которого рассматривается как результат развития индустриального общества и вызванного его появлением феномена модернизации. В связи с этим интересной для исследователя представляется проблема формирования наций в традиционных восточных обществах, естественные процессы внутреннего развития которых были нарушены привнесенными извне модернистскими тенденциями

западной цивилизации.

В полной мере это характерно и для традиционного казахского общества. К середине XIX в. – завершению присоединения Степного края к Российской империи – здесь сформировались «повседневные необходимые идентичности», основанные на сословных («белая» и «черная» кость), хозяйственно-культурных (кочевое, полукочевое, оседлое) делениях. Однако преобладающим в этническом сознании казахов выступало родовое начало. Это нашло выражение в том, что казахское общество было разделено на три жуза: Младший, Средний и Старший. Все звенья, составлявшие структуру жузов, имели сложные генеалогические предания, возводившие их происхождение к одному реальному или легендарному предку. В религиозном сознании кочевников господствовали языческие культы и связанная с ними практика. Ислам выступал среди казахов в гораздо меньшей степени этнообразующим и этноидентифицирующим элементом.

Политика России в отношении традиционного казахского общества была направлена на его включение в имперскую политико-правовую и социально-экономическую структуру и объективно сопровождалась внедрением модернистских начал. Тесная связь метрополии и трансляция ее политических событий на центральноазиатские национальные окраины привела к тому, что в традиционных обществах региона стали говорить о «свободе», «равенстве» и «национальных задачах». Анализ региональных периодических изданий начала XX в. позволяет говорить, что под «равенством» и «свободой» понимались, прежде всего, право посылки депутатов в Государственную думу, участие в обсуждении законопроектов страны, право постановки на рассмотрение Думы законопроектов, непосредственно затрагивающих региональные этнопроблемы. «Свобода» и «равенство» в сфере внутренних прав традиционных обществ понимались как ограничение произвола и насилия местной администрации, развитие национальной системы образования на родных языках, прекращение земельных экспроприаций казахов-кочевников в Переселенческий фонд. «Самоопределение» многими понималось как стремление к местному самоуправлению наподобие русского земства.

Следует также иметь в виду, что политическая модернизация осуществлялась параллельно с модернизацией экономической. Последняя существенно изменила социально-экономическую структуру Степного края и Туркестана. Флагманами преобразований выступали добывающая и перерабатывающая отрасли, а также железнодорожное строительство. Наблюдались урбанизация, формирование кредитно-банковской системы, рынка рабочей силы с активным вовлечением в данный процесс казахского этноса.

Однако, на наш взгляд, процессы модернизации традиционного казахского общества под воздействием России имели крайне слабый импульс для его этнической консолидации. Преобладание в социально-экономической и

политической сферах центральноазиатских национальных окраин традиционных норм, ценностей и установок предопределило трудность и замедленность процесса освоения элементов западной политической культуры и рыночного сектора экономики. В социальной структуре этнических общностей региона продолжали сохранять свои позиции клановая и родовая идеология, трайбализм, но не социально-классовые и политико-экономические интересы. Институционализация новых структур не сопровождалась деинституционализацией традиционных, а привела лишь к совмещению и сосуществованию традиционного и современного.

Освоение элементов западной политической культуры и местного самоуправления тормозилось отсутствием базиса парламентаризма – социальной структуризации общества исторически сложившимися отношениями предпринимательства и свободного найма рабочей силы, сильных профсоюзов, бюрократии современного типа, развитых политических партий и прессы. Органы местного самоуправления казахского общества – волостные и аульные правления – превращались в арену столкновения клановых и родовых интересов, соперничества в назначении своих членов на административные посты.

Степень вовлеченности в процесс экономической модернизации также была крайне низкой. Рост числа предприятий и объемов производства в Степном крае шел относительно медленными темпами по сравнению с промышленностью центральных губерний России. В 1913 г. в регионе насчитывалось только около 0,7% предприятий метрополии, на которых работало лишь 0,2% от числа всех работающих. Удельный вес промышленной продукции Степного края от общероссийской накануне Первой мировой войны составлял не более 0,3% [1].

По материалам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. структура занятости казахского населения выглядела следующим образом: от общей численности казахов традиционно животноводством продолжало заниматься 72%, земледелием – 24%, частной службой – 1,46%, торговлей – 0,52% [2]. Этнический состав городских жителей определила, главным образом, аграрная политика Российской империи и связанная с ней массовая миграция восточнославянских народов в регион. Поэтому в городах Степного края численно преобладали русские. Их удельный вес по переписи 1897 г. среди горожан Уральской области составил 82,8%, Тургайской – 76,2%, Акмолинской – 56,4%, Семипалатинской – 54%, всего по этим четырем областям – 66,7%. Казахи среди горожан этих областей составили 16% [3]. Еще более сельским являлся состав коренного населения Туркестанского края: по переписи 1897 г. из 4987 тыс. чел. только 576 тыс. чел., или 11,6%, проживали в городах. В начале XX в. произошло некоторое увеличение численности городских жителей из числа коренных народов – до 14,4% [4].

Данные обстоятельства позволяют говорить о слабом воздействии собственно модернизационных процессов на рост этнического самосознания казахского общества. В гораздо большей степени для данных тенденций оказались важными последствия модернизации: усиление социальной мобильности казахского этноса, развитие системы образования на родном языке, национальной периодической печати. Одним из критериев усиления этнической консолидации следует считать и явно обозначившиеся на рубеже XIX-XX вв. процессы исламизации номадов. По архивным данным, в этот период происходило увеличение численности мечетей и мусульманских образовательных учреждений в Степном крае, паломничества казахов к святыням ислама – Мекке и Медине, завершилось формирование мусульманского духовенства из местной этнической среды. Сложившаяся ситуация интересна еще и тем, что несколько десятилетий, предшествующих данным тенденциям, Российская империя следовала курсу насаждения ислама в регионе административными методами, что вызывало мощную волну его неприятия и отторжения в традиционном казахском обществе. Однако с 80-х гг. XIX в. номады стали демонстрировать стойкий интерес к его институтам.

Исламизация казахского общества на рубеже XIX-XX вв. была вызвана, на наш взгляд, несколькими причинами. В 60-70 гг. девятнадцатого столетия правительственные круги России перешли в Степном крае к политике создания искусственных барьеров на пути распространения ислама. Это было связано с резким увеличением численности мусульманского населения империи в результате присоединения к ней Кавказа и Туркестана и, как следствие, ростом исламофобских настроений в обществе. Так, по решению Степной комиссии, по «Временным положениям» об управлении Оренбургским, Западно-Сибирским и Туркестанским генерал-губернаторствами, принятым в 1867-1868 гг., духовные дела казахов изымались из компетенции Оренбургского мусульманского духовного собрания. Их заведование передавалось муллам-казахам, которые подчинялись общему Гражданскому управлению и Министерству внутренних дел. Разрешалось иметь не более одного муллы в волости. Произошло также сокращение сферы компетенций мулл: брачные и семейные дела казахов были изъяты из их ведения и перешли традиционному народному суду биев [5].

Утвержденное 25 марта 1891 г. «Положение об управлении Степным генерал-губернаторством» продолжило политику наступления государства на исламские институты в регионе. Муллы, избравшиеся из представителей местной этнической среды, теперь утверждались в звании или устранились от дел губернатором области. К исполнению религиозных обрядов допускались также лица, непризнанные официально духовными, их обязанности не были определены, что лишало их социальной значимости, статуса представителей органов управления. Муллы также отстранялись от ведения метри-

ческих книг, от рассмотрения брачных и семейных дел, которые передавались ведению народного бийского суда, обязаны были выплачивать налоги и нести повинности наравне с остальным населением. Законом предполагалось наказание мулл за вмешательство в названные дела, как за самовольное присвоение власти. Ст. 99 Положения 1891 г. регулировала правила строительства мечетей в Степном крае. Возведение мечетей разрешалось в Акмолинской и Семипалатинской областях Степным генерал-губернатором, в Семиреченской области – Туркестанским генерал-губернатором, а в Уральской и Тургайской – Министром внутренних дел. Допускалось возведение не более одной мечети на волость. Мечети и школы при них должны были содержаться за счет добровольных пожертвований, дотаций из государственной казны для их функционирования не предполагалось [6].

В Туркестанском крае, где ислам имел более прочные позиции, имперскими властями целесообразным признавался принцип невмешательства в духовную и образовательную часть существовавших у народов Туркестанского генерал-губернаторства учреждений. Приоритетным признавалось развитие системы народного образования и целенаправленное вовлечение в российскую образовательную систему коренного населения. В 60-80 гг. XIX в. нормой российского администрирования в крае являлся безусловный отказ от любых действий, которые могли бы расцениваться как поддержка и выражение внимания к сугубо мусульманским институтам. В Российском Туркестане сохранились три столпа исламской социально-религиозной системы: сеть мусульманских начальных и высших учебных заведений, которые обеспечивали воспроизводство религиозного знания; сеть мечетей и святых мест, обеспечивающих свободное отправление культа; сеть шариатских судов, обеспечивающих поддержание мусульманских норм жизни.

В тоже время неотвратимо и верно Россия наступала на ислам в данном регионе. Так, по Положению об управлении Туркестанским генерал-губернаторством 1886 г. рассмотрение гражданских дел между народами Туркестанского края – заключение и расторжение брака, невыполнение обязанностей детей по уходу за родителями, споры по завещаниям или при разделе наследства, принадлежавшие ранее духовенству – муллам – было изъято из их ведения и представлено народному суду. Одновременно, не закрывая мечетей и медресе, был упразднен институт шейх-ул-ислама (исламского пастыря) – высшего авторитета в религиозных вопросах. Кроме того, были предприняты меры по ограничению сферы мусульманского образования за счет открытия в регионе сети русско-туземных государственных учебных заведений.

Со временем в Степном крае и Туркестане были введены ограничения на создание и деятельность мусульманских просветительских обществ, на совершение паломничества в Мекку. Существенное влияние на процесс

децентрализации мусульман региона оказали ограничения на переселение мусульман – уйгур, казахов и дунган Сынцзяна после подавления китайскими властями антицинского восстания в Кашгаре – в Семиреченскую область Туркестанского генерал-губернаторства. С 1894 г., после объединения России и Бухарского эмирата в таможенный союз и размещения российских пограничных гарнизонов на южных рубежах эмирата, последовала изоляция Средней Азии от остальной исламской цивилизации.

Не менее важной причиной популяризации ислама в казахском обществе на рубеже XIX-XX вв. стала аграрная политика России. До обострения проблем аграрного перенаселения в европейских губерниях Российской империи вопрос юридического статуса земель, занимаемых казахами, равно как и способ их хозяйственного использования, не вызывал особого внимания властей. В последней трети XIX в. масштабная, хаотически нарастающая крестьянская миграция из европейской части России в Сибирь и азиатские окраины стала фактором, усилившим внимание органов власти к вопросам казахского землепользования. Строительство Сибирской железной дороги способствовало значительному увеличению количества переселенцев и росту актуальности вопроса о наделении их землей. Его решение сопровождалось массовой экспроприацией пастбищных угодий у кочевников для создания Переселенческого земельного фонда.

Мероприятия по землеустройству переселенцев существенно повлияли на условия развития кочевого хозяйства казахов, способствовали накоплению конфликтности во взаимоотношениях с администрацией и русскими крестьянами-переселенцами. Изъятия у казахов земли для создания переселенческого фонда привели к смещению казахского населения на юг региона.

Славянские переселенцы воспринимались правительством как носители более «высокой» бытовой и хозяйственной культуры. Под их влиянием у коренного населения должны были происходить изменения в хозяйственной деятельности и, в целом, в образе жизни, распространяться знания из области научной медицины, агрономии, ветеринарии. Однако некоторые современные исследователи оценивают последствия переселенческого движения для Степного края и Туркестана преимущественно негативно, как деструктивное воздействие на кочевое хозяйство и традиционный уклад жизни казахов. По мнению А. Каппелера, «...пастухи-кочевники были оттеснены в южные засушливые районы. Это не только создало для казахов тяжелые экономические проблемы, но потрясло всю их социальную структуру, основанную на кочевничестве» [7].

Проводимая аграрная политика имела ярко выраженные этнодемографические последствия. До конца XIX в. прирост казахского населения был стабильным и достаточно высоким. Именно данный этнос по Первой всероссийской переписи 1897 г. являлся доминирующей по численности эт-

нической группой региона. Однако в последующие десятилетия удельный вес казахов в составе населения края неизменно сокращался: в 1897 г. они составляли 81,7%, в 1917 г. – 59,8%. За этот же период в Степной край пришло 24,9% русских и украинцев.

Массовое переселение православного восточнославянского населения в Степной край сопровождалось развитием институциональной системы Русской православной церкви. К началу XX в. на территории региона функционировали три епархии: Оренбургская, Омская и Туркестанская, сформировавшие церковно-приходскую, церковно-школьную, монастырскую сеть. По инициативе региональных органов власти в 80-90-е гг. XIX в. была организована деятельность Киргизских православных миссий, задачей которых стала антиисламская пропаганда среди казахского населения [8].

Деятельность православных миссий среди инородческого населения империи во второй половине XIX в. осуществлялась по методике профессора Казанского университета И.Н. Ильминского. Главной ее целью провозглашалось закрепление среди многочисленных народов азиатской России официальной государственной идеологии «самодержавие, православие, народ». Русификация представлялась как средство реализации заявленной цели и предполагала обращение в православие инородцев и изучение ими русского языка. Для достижения поставленной цели миссионерам становился четко очерчен круг должностных обязанностей. Сотрудники обязаны были сосредотачиваться только на миссионерской работе, совершать разъезды по казахской степи, проводить беседы с казахами на религиозные темы. Особое внимание миссионеры были обязаны уделять религиозно-нравственному воспитанию новокрещенных казахов: селить их в станах миссии, организовывать их быт, приобщать к земледелию, контролировать соблюдение крещеными обрядов православной церкви, постов, способствовать их хозяйственной адаптации и т.д. [9]. Однако, как свидетельствуют источники, в целом деятельность Киргизских православных миссий среди казахского населения оказалась крайне неэффективной.

Таким образом, религиозная политика России, изменения этноконфессиональной структуры населения Степного края, связанные с аграрной политикой имперских властей, объективно способствовали запуску «защитных механизмов» традиционного казахского общества. Они были направлены на необходимость сохранения в новых исторических реалиях этноконфессиональной идентичности посредством активизации процессов этнической консолидации и формирования в этническом самосознании дихотомии мы – они. Последняя определяла стремление противопоставить себя – казахов/мусульман восточнославянскому/православному этносу.

Внешним проявлением данных процессов стала исламизация казахского общества на рубеже XIX-XX вв. При этом, пожалуй, наиболее важным

с точки зрения ее содержания явился не столько рост численности мусульманских учреждений в Степном крае и паломничество к святым местам, сколько интеграция казахов в общероссийское мусульманское движение. В частности, делегаты от Степного края принимали участие во всероссийских съездах мусульман, первый из которых состоялся в 1904 г. в Нижнем Новгороде, в подготовке к выборам и самим выборам депутатов в состав мусульманской фракции первой и второй Государственных дум Российской империи в 1906-1907 гг. Именно от мусульманской фракции депутаты от Степного края, наряду с решением религиозных вопросов, призывали решать и экономические проблемы казахского общества, и проблемы его правового нивелирования в имперской этносоциальной структуре.

Одним из наиболее важных требований казахов-мусульман было требование о создании для них особого Духовного правления во главе с муфтием, по аналогии с Оренбургским и Таврическим мусульманскими собраниями. Именно решению данной проблемы правительство России уделяло наибольшее внимание. Данный вопрос активно дискутировался в ходе работы Особых совещаний при Комитете министров, работавших в 1907 и 1909 гг. [10]. К 1914 г. им было принято Положение по вопросам управления духовными делами мусульман, согласно которому Оренбургский и Таврический муфтиаты были сохранены в их территориальных границах. Для регионов, которые не входили в компетенцию этих мусульманских институтов, не предусматривалось образование новых духовных правлений. Таким образом, Особое совещание, признав со своей стороны «существенно важным противодействовать стремлению магометан к объединению на почве религиозных интересов», так и «...не наметило каких-либо существенных преобразований в области управления духовными делами мусульман», в том числе мусульман-казахов [11].

Кроме создания Муфтиата в Степном крае, казахи-мусульмане требовали отменить ограничения на строительство культовых и образовательных исламских учреждений, паломничество к святым местам, ввести социальные льготы для слугителей культа. Принципиальным для мусульман региона был вопрос о воинской службе в российской армии – они настаивали на сохранении существующей ситуации и освобождении их от этой повинности.

В заключение следует отметить, что политизация ислама и связанный с ней рост этноконфессионального самосознания казахов Степного края осуществлялся, на наш взгляд, в рамках заимствований внешней атрибутики и символики данной религии. В результате не происходило глубинных трансформаций языческого пласта религиозного самосознания, следствием чего стало формирование так называемого «бытового ислама», представлявшего синтез языческого и исламского компонентов. Все это подтверждается этнографическими сообщениями начала XX в., а также делопроизводственной

документацией местных органов власти, отложившейся в архивах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 153.
2. Всероссийская перепись населения. Т. 81. Акмолинская область. СПб., 1904. С. 84-87; Т. 84. Семипалатинская область. СПб., 1905. С. 88-89; Т. 85. Семиреченская область. СПб., 1905. С. 92-95; Т. 86. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1905. С. 116-119. Т. 87. Тургайская область. СПб., 1904. С. 62-63; Т. 88. Уральская область. СПб., 1905. С. 88-109.
3. История Казахстана в пяти томах. Алматы, 2000. Т. 3. С. 571.
4. Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. С. 87.
5. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи (XIX – начало XX в.) // Под ред. Лысенко Ю.А. Барнаул, 2014.
6. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1383. Л. 32.
7. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 140-141.
8. Подробнее см.: Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010.
9. Отчет Омского епархиального Комитета православного миссионерского общества за 1902 г. // Омские Епархиальные Ведомости (далее ОЕВ). 1903. №10. 15 мая. С. 28.
10. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Под ред. Арапова А.Ю. М., 2002. С. 175-182.
11. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Под ред. Арапова А.Ю. М., 2002. С. 301-302.

Макарова М.Н., Пышминцева О.А.

ОСОБЕННОСТИ АГЛОМЕРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ГОРОДАХ-МИЛЛИОННИКАХ РОССИИ

Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ-УРАЛ №14-12-66026 «Научно-методические основы диагностики, измерения и оценки эффектов пространственной локализации территориальных социально-трудовых систем».

Решение стратегических задач национальной безопасности обеспечивается развитием сетевых структур в пространстве страны, направленных на формирование интегрированной социально-экономической территории с высоким качеством жизни населения, диверсифицированной экономикой

и инфраструктурой. Одним из видов таких структур являются агломерации как компактные пространственные группировки поселений, объединенные тесными производственными, трудовыми, культурно-бытовыми и другими видами связей в единую сложную динамическую систему [9].

Рассматривая агломерацию как совокупность разнообразных потоков [1], следует отметить, что ключевым из них является миграционный поток, представленный как безвозвратной миграцией населения, так и ежедневными маятниковыми трудовыми миграциями.

Миграционные процессы в России, происходящие в конце XX – начале XXI века характеризовались межрегиональной внутренней миграцией, так называемым «Западным дрейфом» – движение с Востока в Центр, Приволжье и на Юг европейской части страны [7, с. 592]. Так, из 15 городов-миллионников 12 относятся к западной части страны с общей численностью населения около 29 млн человек, а это 20,2% от общей численности населения страны. Причиной оттока населения с северных территорий является слабая освоенность территории Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока, что связано с суровыми природно-климатическими условиями и сложностями рельефа местности, а также с неразвитостью инфраструктуры и низким уровнем социально-экономического развития регионов.

Единственно выделяющимся из северных территорий является Ханты-Мансийский АО (характеризуется миграционным приростом) – в данном регионе образовались достаточно молодые города, строившиеся по принципу нахождения на данной территории месторождений нефти и газа. Естественно, что по мере отработки разведанных месторождений эти города обречены вследствие своей моноспециализации.

Если же обратиться к миграции на более низком уровне агрегации, то здесь нужно отметить, что мигранты стремятся в крупные города, где много возможностей для трудоустройства, получения высоких заработков, т.е. наблюдается так называемый сельско-городской урбанизированный тренд – переток населения в региональные центры из внутрирегиональной периферии [7, с. 594].

В результате внутренней миграции население перераспределяется в крупные города, а города-миллионеры страны выполняют роль межрегиональных центров притяжения. Такое притяжение населения в крупные города приводит к концентрации промышленного производства со сложными производственно-технологическими и трудовыми связями (маятниковая миграция населения), сосредоточению культурного, информационного и образовательного потенциала страны. В результате эффектов локализации и урбанизации на территории России формируются новые формы территориального развития – агломерации, т.е. компактное скопление городских населенных пунктов, объединенных интенсивными хозяйственными, трудовыми

ми, культурно-бытовыми связями [2].

Для того чтобы оценить ареал влияния мегаполисов на прилегающие к ней территории, нами была проведена делимитация методом изохрон¹, заключающимся в определении границ исходя из затрат времени, необходимого для поездки в центр. Основные результаты опишем на примере четырех самых крупных агломераций: Московской, Петербургской, Новосибирской, Екатеринбургской.

Московская агломерация – агломерация, включающая в себя ядро – г. Москва, состоящая из 125 муниципальных районов, 2 городских округов, 19 поселений и прилегающих к ядру 191 населенных пунктов в радиусе 100 км. Численность населения Московской агломерации в 2014 году составила 17,9 млн человек, из них проживают в ядре около 12,2 млн чел., в первом поясе – 2,3 млн человек (12,9% от общей численности населения агломерации); во втором поясе – 1,8 млн человек (10,2%) и в третьем поясе – 1,6 млн человек (8,8%). В общей сумме во внешней зоне агломерации проживают 5,7 млн человек, что составляет 31,8% от общей численности населения агломерации [11]. Прирост населения в Московской агломерации за период 2006-2014 гг. составил 118%, основной вклад прироста населения произошел за счет г. Москвы и городов-спутников. Так, рост численности в ближнем поясе составил 0,7 млн чел. (145%), а город Москва вырос за этот период почти на 2 млн чел., но рост населения частично связан с изменением в этот период границ г. Москвы.

Увеличение или снижение численности в городах Московской агломерации в основном происходит за счет перераспределения населения внутри агломерации и межрегиональной миграции. Так, за 2014 год миграционный прирост в Московской агломерации составил 172,5 тыс. человек, в том числе из других стран – 25,1 тыс. человек. Львиную долю миграционного прироста составила межрегиональная миграция более 80%, 14,6% составила международная и всего 2,4% – внутрирегиональная миграция.

1. Данный метод базируется на выделении так называемых колец вокруг ядра агломерации. Первая – 0,5-часовая изохронна относительно границ города-ядра агломерации, за это время, при условии развитости транспортной инфраструктуры и соблюдения скоростного режима, мы установили, что граница первого пояса составляет не более 30 км; вторая – часовая изохронна, т.е. границей второго пояса являются города, которые находятся не дальше 60 км от ядра агломерации; третья – 1,5-часовая изохронна, т.е. границей третьего пояса являются города, которые находятся не дальше 100 км от ядра агломерации [5, с. 47-48].

Таблица 1

Естественное и механическое движение населения в крупнейших агломерациях России в 2014 году¹

Название агломерации	Структура агломерации	Численность населения	Миграционный прирост	В том числе	
				внутрирегиональный	межрегиональный
Московская агломерация	Ядро (г. Москва)	12197596	69622		57894
	Ближний пояс	2309373	57668	4816	48785
	Средний пояс	1831561	31103	1793	24065
	Дальний пояс	1582982	14080	-2536	12523
	Всего	17921512	172473	4073	143 267
Новосибирская агломерация	Ядро (г. Новосибирск)	1567087	16373,0	3040,0	7565,0
	Ближний пояс	167338	1389,0	799,0	115,0
	Средний пояс	230124	864,0	386,0	58,0
	Дальний пояс	101821	-1075,0	-949,0	-327,0
	Всего	2066370	17551	3 276	7 411
Санкт-Петербургская агломерация	Ядро (г. Санкт-Петербург)	5191690	52796		47495
	Ближний пояс	296443	11666	779	10438
	Средний пояс	552634	6293	-148	4564
	Дальний пояс	79609			
	Всего	6120376	70755	631	62497
Екатеринбургская агломерация	Ядро (г. Екатеринбург)	1461372	11182,0	5853,0	4467,0
	Ближний пояс	193817	2256	1773	358
	Средний пояс	393148	849	721	-163
	Дальний пояс	314523	-702	-569	804
	Всего	2362860	13585	7778	5466

В ближнем поясе агломерации миграционный прирост составил 57,7 тыс. человек, которые в основном приехали из других регионов – 48,8 тыс. чел. Наиболее привлекательными территориальными образованиями для пе-

1. Составлено авторами по данным [11].

реселения граждан являются г. Химки (находится в 20 км от г. Москвы) – 6,4 тыс. чел., Красногорский МО – 7 тыс. чел. и Люберецкий МО – 6,2 тыс. чел.

В среднем поясе агломерации миграционный прирост составил 31,1 тыс. человек, в том числе межрегиональная миграция – 24 тыс. чел. В 2014 г. в основном приезжали в крупные города, которые находятся ближе к ядру агломерации: г. Подольск (45 км) – 4,9 тыс. чел., г. Раменское (53 км) – 5,8 тыс. чел., Домодедово (41 км) – 4,7 тыс. чел., Пушкино (37 км) – 3,7 тыс. чел.

В дальнем поясе агломерации сложилась иная тенденция – в основном из городов переезжают ближе к Москве из-за неудобного территориального расположения. Так, в 2014 г. внутрирегиональная миграционная убыль составила 2536 человек. Однако прирост межрегиональной миграции в данном поясе составил 12 523 человека, так как люди, приезжающие из других регионов, стараются жить там, где дешевле жилье и откуда можно было добраться до центра агломерации.

Петербургская агломерация представляет собой моноцентрическую городскую агломерацию, сформировавшуюся вокруг города-миллионника Санкт-Петербурга.

В состав Петербургской агломерации входит:

1. Ядро агломерации – г. Санкт-Петербург, в границах которого находятся 81 муниципальный округ, 9 городов (Зеленогорск, Колпино, Красное Село, Кронштадт, Ломоносов, Павловск, Петергоф, Пушкин, Сестрорецк) и 21 посёлок [3]. Численность населения, проживающего в ядре агломерации, составила в 2014 году более 5 млн чел., по сравнению с 1995 годом она увеличилась на 108%.

2. Ближний пояс агломерации с ареалом 30 км до ядра, в который входит полностью Всеволожский муниципальный район (8 городских и 12 сельских поселений) с численностью населения 296,4 тыс. чел., по сравнению с 2009 г. данный показатель вырос на 134% [11]. Прирост данного муниципального района (далее МР) осуществлялся за счет прироста населения в г. Всеволожске и г. Сертолово.

3. Средний пояс агломерации с ареалом от 30 до 60 км от центра ядра, в который входит 4 муниципальных района: Кировский (8 городских и 2 сельских поселения) – численность района составляет 105,2 тыс. человек; Ломоносовский муниципальный район (2 городских и 13 сельских поселений) с численностью около 69,3 тыс. человек; Гатчинский МР (6 городских и 11 сельских поселений) с численностью 246,2 тыс. человек; Тосненский МР (7 городских и 6 сельских поселений) с численностью населения 131,8 тыс. человек.

Миграционный прирост в 2014 году в Петербургскую агломерацию составил 70,7 тыс. человек, в основном приезжали из других регионов. В ближний пояс агломерации приехали более 11,7 тыс. человек, в основном

приезжали в города, которые находятся поблизости от ядра. Это динамически развивающийся город Всеволожск, находящийся в 26 км от Санкт-Петербурга, численность которого за 17 лет увеличилась почти в 2 раза и составила 66,2 тыс. чел., а также г. Сертолово. В средний пояс агломерации приехало из других регионов 4,5 тыс. человек. В основном переезжали в Гатчинский МР – 3,5 тыс. чел. и Тосненский МР – 1,8 тыс. чел.

Новосибирская агломерация характеризуется стадией формирования. Базой для развития г. Новосибирска является выгодное экономико-географическое положение – он развивается как столичный город Сибирского макрорегиона благодаря мощности научно-образовательных комплексов, удобству транспортно-планировочной структуры. В настоящее время наибольшим тяготением к городу обладают населенные пункты в радиусе порядка 60-80 км от центра города.

Новосибирская агломерация состоит:

1. Ядро агломерации – г. Новосибирск. Численность населения, проживающего в ядре агломерации, составила в 2014 году более 1,5 млн чел., по сравнению с 1995 годом она увеличилась на 114,5% [11].

2. Ближний пояс агломерации с ареалом 30 км до ядра, в который входит г. Обь с численностью населения 28,5 тыс. чел., р.п. Кольцово – 14,8 тыс. чел. и Новосибирский муниципальный район, включающий 2 городских и 17 сельских поселений, – 124,1 тыс. чел.

3. Средний пояс агломерации с ареалом от 30 до 60 км от центра ядра, в который входят 2 города – г. Бердск с численностью населения более 100 тыс. чел. и г. Искитим с численностью населения 57,9 тыс. чел., а также 2 муниципальных района – Коченевский МР (2 городских и 14 сельских поселений) с численностью населения 45,1 тыс. чел., Кольванский МР (1 городское и 11 сельских поселений) с численностью населения 24,5 тыс. чел.

4. В дальний пояс агломерации с ареалом от 60 до 90 км от центра ядра входит 2 муниципальных района – Искитимский МР (1 городской и 19 сельских поселений) с численностью населения 62,5 тыс. чел. и Мошковский МР (2 городских и 9 сельских поселений) с численностью населения 39,3 тыс. чел.

Специфика миграций в Новосибирскую агломерацию заключается в том, что почти 80% мигрантов приезжают из других сибирских регионов и около 20% переезжают из периферии области в г. Новосибирск. Миграционный прирост (без учета международной миграции) в Новосибирскую агломерацию составил в 2014 году 17,5 тыс. человек, из них во внешнюю зону агломерации приезжали всего 7% от общего числа мигрантов, или 1172 человека, и в сам г. Новосибирск переезжали 16,3 тыс. человек, из них около 7,5 тыс. чел. из других регионов и 3 тыс. чел. из области.

Екатеринбургская агломерация – агломерация, включающий себя

город-миллионник Екатеринбург с его городами-спутниками Березовский, Верхняя Пышма, Арамилль и Сысерть, а также более 250 населенных пунктов в его ареале влияния. Базой данной агломерации является выгодное экономико-географическое положение, что обусловило его роль как межрегионального центра социально-экономического развития и притяжения востока европейской и западносибирской частей России.

Екатеринбургская агломерация состоит:

1. Ядро агломерации – г. Екатеринбург с численностью населения почти 1,5 млн человек, а это более 60% от общей численности населения агломерации. В 2014 г. по сравнению с 1995 г. численность выросла на 111,8% [11].

2. Ближний пояс агломерации с ареалом 30 км до ядра, в который входит Березовский городской округ с численностью населения 73,9 тыс. чел., ГО Верхняя Пышма с численностью населения 79,5 тыс. чел., ГО Среднеуральск – 22,4 тыс. чел., Арамилльский ГО – 17,9 тыс. чел. Общая доля численности в данном поясе составляет 8%.

3. Средний пояс агломерации с ареалом от 30 до 60 км от центра ядра, в который входят 6 городских округов, а именно Сысертский ГО с численностью населения 62,2 тыс. чел., ГО Первоуральск – 149,3 тыс. чел., ГО Ревда – 63,8 тыс. чел., ГО Заречный – 31,2 тыс. чел., ГО Дегтярск – 16 тыс. чел., Полевской ГО – 70,6 тыс. чел. В среднем поясе проживают около 17% от общей численности населения агломерации.

4. Дальний пояс агломерации с ареалом от 60 до 90 км от центра ядра, в который входят Асбестовский ГО с численностью населения 68,4 тыс. чел., Кировоградский ГО – 27,1 тыс. чел., Режевской ГО – 48 тыс. чел., Невьянский ГО – 42,3 тыс. чел., ГО Богданович – 46,1 тыс. чел. В дальнем поясе проживают около 14% от общей численности населения агломерации.

Динамику внутренней миграции в Екатеринбургской агломерации можно оценить на основе данных о прибывших и выбывших во внутрирегиональных и межрегиональных перемещениях. Миграционный прирост в Екатеринбургской агломерации составил в 2014 г. 13 585 человек, из них перемещались внутри региона 7778 человек и приехали из других регионов 5466 человек.

Во внешней зоне агломерации из-за удаленности от центра ежедневные поездки слишком затратные, поэтому в основном молодое квалифицированное трудоспособное население переезжает в примыкающие к ядру агломерации населенные пункты. Из-за низких доходов переезд осуществляется в ближние пояса, а не в сам мегаполис, поэтому численность населения в среднем поясе увеличивается в основном за счет дальнего пояса. А в ближнем поясе необходимость переезда в мегаполис не так актуальна, т. к. близкое расстояние и качественное улучшение условий жизни в городах-спутниках позволяет жить в родном населенном пункте, а на работу ежеднев-

но ездить в мегаполис. Транспортные и временные расходы в большинстве случаев являются сопоставимыми с такими же затратами жителя мегаполиса из более удаленного его микрорайона.

В основном приезжали в ядро агломерации – г. Екатеринбург, в 2014 г. в город переехало 11 182 человека, из них из других регионов приехали 4467 человек и из области сальдо миграции составило 5853 человека. Во внешней зоне агломерации в основном население переезжало поближе к центру, поэтому наибольший миграционный прирост населения – 2256 человек – был в ближнем поясе агломерации, из них более 70% приехали из области. Миграционные процессы в дальнем поясе агломерации в 2014 г. характеризовались выездом населения из городов и поселков, находившихся в ареале данного пояса, поближе к г. Екатеринбургу. Миграционная убыль населения в данном поясе составила 702 человека.

Анализ численности населения в агломерациях в разрезе поясов свидетельствует о том, что зоны наиболее активно растущих городов располагаются в 30-километровом поясе. В поясе 30-60 км наблюдается снижение темпов роста численности населения в городах, а в дальнем поясе наблюдается убыль населения. Анализ миграционных потоков населения показал, что зоны наибольшей активности находятся в пределах часовой доступности от ядра агломерации. В результате эффекта урбанизации в границах притяжения крупных городов формируется пространственный «сгусток» трудовых ресурсов, многоотраслевая и дифференцированная структура экономики, развиваются социальная, финансовая и промышленная инфраструктуры и т.д. Все это обеспечивает получение так называемой агломерационной экономики, а также концентрацию производств на территории, приводит к снижению транзакционных, транспортных, маркетинговых и других издержек.

Таким образом, агломерации являются стабильным устойчивым элементом сложившегося каркаса расселения России. Их развитие исключительно важно для России с ее огромным пространством, что позволяет создавать динамично развивающуюся пространственную хозяйственную структуру страны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дончевский Г., Нещадин А., Игнатьева А. Современное агломеративное строительство: пора обновления взглядов // Общество и экономика. 2013. №9. С. 165-177.
2. Городская агломерация // Википедия – свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Городская_агломерация (дата обращения 10.06.2015).
3. Закон Санкт-Петербурга от 30 июня 2005 г. «О территориальном устройстве Санкт-Петербурга» (с изм. от 11 декабря 2013 г.) // [Электронный ресурс]. URL: <http://gov.spb.ru/law?d&nd=8414528&nh=0&sssect=0> (дата обращения 03.06.2015).

4. Пышминцева О.А., Макарова М.Н. К вопросу пространственного воздействия агломераций на миграционный поток населения // Институты развития демографической системы общества: сборник материалов V Уральского демографического форума с международным участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. – 517 с.
5. Лаппо Г., Полян П., Селиванова Т. Агломерации России в 21 веке. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ftrio.ru/uploads_files/Lappo.pdf (дата обращения 24.02.2014).
6. Макарова М.Н. Социально-трудовые системы в условиях пространственной локализации: рекомендации по управлению // Достойный труд – основа стабильного общества [Текст]: материалы V Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 14-16 ноября 2013 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2013. – 336 с. С. 30-33.
7. Миграция в России 2000-2012. Хрестоматия в 3 томах. Том 1. Часть 2. Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции / НП РСМД; под общей ред. И.С. Иванова. – М.: Спецкнига, 2013. – 960 с.
8. Мониторинг демографических процессов в Санкт-Петербурге. 4-й квартал 2013 года / Официальный сайт администрации Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]. URL: http://gov.spb.ru/helper/new_stat/?page=1 (дата обращения 03.06.2014г.).
9. Нещадин А.А., Строев П.В. Агломерации и агломеративные коридоры в виде Московской и Санкт-Петербургской агломераций // Экономика. Налоги. Право. 2013. №6. С. 71-75.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005; 2006; 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2005, 2006, 2013.
11. Федеральная служба статистики. База данных показателей муниципальных образований. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm> (дата обращения 03.06.2015).

Мрачковский А.Е., Яценко Е.Ю.

ВЛИЯНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

Ханты-Мансийский автономный округ – перспективный, развивающийся высокими темпами регион. Для развития региона традиционно первостепенным фактором, наряду с природно-ресурсным, являлся и является его трудовой потенциал. На количественные характеристики трудового потенциала оказывают ключевое влияние такие демографические характеристики, как рождаемость, смертность, половозрастная структура. Особое значение для формирования населения регионов Севера и трудового потенциала имеет миграция населения. Данное обстоятельство предопределило актуальность темы исследования трудового потенциала и влияния на его

формирование миграции трудовых ресурсов.

Главная причина выбора ХМАО как места жительства у занятого населения, естественно, связана с трудовой деятельностью. Это высокая заработная плата и хорошая работа. Вторая причина – рождение на территории ХМАО. Третью причину прибытия на территорию ХМАО можно охарактеризовать как «романтика Севера». Затем следуют причины социально-психологического плана: «здесь хорошие люди, достойная социальная поддержка, здесь чувствую себя нужным».

Исследования показали, что миграция в ХМАО у занятого населения осуществлялась под сильным влиянием семьи, близких и друзей. Именно советы последних повлияли на приезд в округ более 60% мигрантов. Поэтому можно свидетельствовать, что у занятого населения округа развиты сильные семейные и социальные связи внутри данной территории. Это также является фактором стабильного миграционного поведения занятого населения.

У занятого населения ХМАО высокий уровень удовлетворенности проживанием в округе (более 70%). Данная удовлетворенность обусловлена в значительной степени благоприятной структурой доходов, которая характеризуется, во-первых, преобладанием самых богатых над самыми бедными, во-вторых, превалированием двух обеспеченных групп над двумя малообеспеченными группами в соотношении 2 к 1, в-третьих, значительной долей (2/3) лиц со средними доходами. Кроме того, уровень благосостояния занятого населения особенно вырос в последние годы. Все это способствует развитию стабилизационных тенденций в сфере миграционного поведения занятого населения.

Миграционные намерения на отъезд из ХМАО в ближайшие пять лет у занятого населения ХМАО не имеют широкого распространения. Лишь 15% мигрантов собираются уехать из округа. При этом такая миграция в целом не будет носить возвратный характер, так как структура исхода мигрантов не соответствует структуре миграционных намерений. Переселение из ХМАО будет направлено главным образом на другие регионы России.

Кроме России в списке стран будущей миграции – Белоруссия, Украина, Дания, Италия. Предполагаемая миграция носит перераспределительный характер как в отношении внутрироссийской ее части, так и международной. По сравнению с территориями исхода увеличится поток мигрантов в Россию (особенно в Московский регион), Белоруссию, существенно уменьшится миграция на Украину.

Наиболее стабильной частью занятого населения ХМАО в отношении миграционных намерений являются уроженцы и старожилы (особенно те, кто прожил в округе более 30 лет), несмотря на их неоднозначное отношение к проживанию в ХМАО. Они больше, чем другие группы занятого населения, намерены остаться в ХМАО при поиске новой работы, меньше, чем дру-

гие, выехать из ХМАО в ближайшие пять лет, больше, чем другие группы, хотят жить на пенсии в ХМАО.

06 июля 2015 года в г. Ханты-Мансийске состоялось расширенное заседание коллегии по подведению итогов служебной деятельности УФМС России по ХМАО – Югре за I полугодие 2015 года. В ходе проведения заседания были проанализированы основные показатели деятельности управления.

Фактически на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по состоянию на 01 июля 2015 г. значатся состоящими на миграционном учете 75 108 иностранных граждан, из них:

57 935 – состоят на учете по месту пребывания;

17 173 – зарегистрированы по месту жительства (имеют разрешение на временное проживание или вид на жительство).

В отчетном периоде, в связи с произошедшими изменениями в миграционном законодательстве, в плане его дальнейшего ужесточения для иностранных граждан, впервые за последние 5 лет наблюдается общее снижение количества въезжающих иностранных граждан на территорию округа. Так, за 6 месяцев 2015 г. въехало 23 770 чел., а за аналогичный период 2014 г. – 31 837 чел.

Данное обстоятельство сказалось, прежде всего, на таком показателе, как количество оказанных государственных услуг по постановке на миграционный учет иностранных граждан. Так, за I полугодие 2015 года их число снизилось на 14% и составило 106 506 услуг (6 мес. 2014 г. – 123 882).

В текущем году механизм квотирования при привлечении к трудовой деятельности на территории РФ иностранных граждан, прибывших в порядке, не требующем получения визы, заменен на разрешительный порядок осуществления трудовой деятельности по патенту. Выдача разрешений на работу в пределах установленной квоты производится только иностранным гражданам, прибывшим в РФ в порядке, требующем получения визы.

На 2015 год размер квоты на выдачу разрешений на работу в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре составил 3 584 разрешения.

По состоянию на 1 июля 2015 года в рамках установленной квоты оформлено 187 разрешений (6 мес. 2014 г. – 20 940).

В отчетном периоде управлением оформлено 21 156 патентов (6 мес. 2014 г. – 13 925) иностранным гражданам, а бюджеты муниципальных образований Югры при этом пополнились более чем на 290 миллионов рублей.

В целях выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства, каналов незаконной миграции в текущем году на территории автономного округа успешно проведен ряд мероприятий оперативно-профилактического характера.

Количество выявленных сотрудниками миграционной службы адми-

нистративных правонарушений в сфере миграции составило 18 089 (6 мес. 2014 г. – 18 465).

В I полугодии 2015 года почти двум тысячам иностранных граждан закрыт въезд в Российскую Федерацию. Всего выдворено 920 иностранных граждан. Депортировано 8 иностранных граждан.

Многие из прибывших трудовых мигрантов стремятся получить гражданство России и перейти в категорию постоянного населения.

В отчетном периоде оформлено российских паспортов – 38 381. На территории автономного округа зарегистрировано по месту жительства 71 959 граждан, более 42 тысяч югорчан снято с регистрационного учета по месту жительства.

За I полугодие 2015 года сотрудниками миграционной службы автономного округа оформлено почти 40 тысяч заграничных паспортов (39 021). Преобладающее большинство граждан (90% от общего количества) получили паспорта нового поколения (35 040).

Миграция населения является также существенным фактором формирования рынка труда региона, динамика его основных показателей представлена в таблице 1.

Таблица 1
Динамика основных показателей регистрируемого рынка труда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в январе – мае 2015 года

	А	2015	2014	2015 г.	Изменение
		год	год	в % к 2014 г.	(гр. 1 – гр. 2)
		1	2	3	4
1	Численность граждан, обратившихся в отчетном периоде за содействием в поиске подходящей работы, чел.	21 307	16 161	131,8	5 146
2	Численность граждан, признанных в отчетном периоде безработными, чел.	5 784	5 138	112,6	646
3	Нашли работу (доходное занятие), чел.	8 326	8 711	95,6	-385
4	Процент трудоустройства (стр. 3/стр. 1)	39,1	53,9	X	-14,8
5	Из них безработные граждане, чел.	2 125	2 480	85,7	-355
6	Процент трудоустройства безработных (стр. 5/стр. 2)	36,7	48,3	X	-11,5
7	Численность безработных граждан, приступивших к профессиональному обучению по направлению органов службы занятости, чел.	955	625	152,8	330

8	Удельный вес безработных, приступивших к профессиональному обучению по направлению органов службы занятости, в общем числе безработных граждан, %	9,8	6,7	X	3,1
9	Численность граждан, трудоустроенных на общественные работы, чел.	3 173	2 922	108,6	251
10	Численность граждан, испытывающих трудности в поиске подходящей работы, трудоустроенных на временные работы, чел.	389	494	78,7	-105
11	Заявленная работодателями потребность в работниках на конец отчетного периода, ед.	14 608	32 711	44,7	-18 103
12	Численность незанятых граждан на конец отчетного периода	7 743	6 200	124,9	1 543
13	Численность безработных граждан на конец отчетного периода	4 469	3 844	116,3	625
14	Уровень регистрируемой безработицы на конец отчетного периода (%)	0,49	0,43	X	0,06
15	Коэффициент напряженности на конец отчетного периода (незанятых/на 1 свободное р.м.)	0,5	0,2	X	0,3

В январе – мае 2015 года в органы службы занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за содействием в поиске подходящей работы обратились 21 307 человек, что на 5146 человек, или на 31,8%, больше, чем в январе – мае 2014 года.

Из числа граждан, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы:

1637 человек (7,7%) – граждане, уволенные в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников (январь – май 2014 г. – 5,2%),

4481 человек (21,0%) – граждане, уволенные по собственному желанию (январь – май 2014 г. – 19,3%),

3183 человека (14,9%) – длительно (более года) не работавшие (январь – май 2014 г. – 13,7%).

Численность граждан, признанных безработными, выросла на 646 человек, или на 12,6%, и составила в январе – мае 2015 года 5784 человека (январь-май 2014 г. – 5138 человек).

Численность иностранных граждан и лиц без гражданства, обратившихся в органы службы занятости населения за содействием в поиске подходящей работы (с учетом граждан, состоящих на начало года), составила 454

человека (в январе – мае 2014 года – 104 человека).

На 01.06.2015 заявленная работодателями потребность в работниках составила 14 608 свободных рабочих мест (вакантных должностей), по сравнению с аналогичной датой прошлого года количество вакансий сократилось на 18 103 ед., или в 2,2 раза (на 01.06.2014 – 32 711 ед.). В профессиональном составе вакантных рабочих мест преобладают вакансии по рабочим профессиям – 70,4% (от общего числа вакансий), соответственно, доля вакансий для специалистов составляет 29,6%.

Трудоустроено при содействии органов службы занятости 8 326 человек, что составляет 95,6% к аналогичному показателю прошлого года (8711 человек), из них 4863 человека трудоустроено в течение 10 дней после регистрации. Численность трудоустроенных безработных граждан снизилась на 14,3% и составила 2125 человек (январь – май 2014 г. – 2480 чел.). Уровень трудоустройства граждан, обратившихся в органы службы занятости населения за содействием в поиске подходящей работы, составил 39,1% против 53,9% в январе – мае 2014 года, уровень трудоустройства безработных граждан снизился до 36,7% (январь – май 2014 г. – 48,3%). Снижение показателей трудоустройства обусловлено снижением количества заявленных работодателями вакансий на фоне роста числа ищущих работу и безработных граждан.

Численность безработных граждан, приступивших к профессиональному обучению по направлению органов службы занятости, составила 955 человек, что в 1,5 раза больше аналогичного показателя предыдущего года (625 чел.). Соответственно увеличился удельный вес безработных граждан, приступивших к профобучению на 3,1 п.п. и составил 9,8% (январь – май 2014 г. – 6,7%).

Трудоустроено на оплачиваемые общественные работы 3173 человека, что составляет 108,6% к аналогичному показателю 2014 года (2922 чел.), трудоустроено безработных на временные работы из числа граждан, испытывающих трудности в поиске подходящей работы, 389 человек, что составляет 78,7% к аналогичному показателю 2014 года (494 чел.).

По состоянию на 01.06.2015 численность граждан, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы, выросла на 1639 человек, или на 18,5%, и составила 10 477 человек (на 01.06.2014 – 8838 чел.). Из них 7743 человека – незанятые трудовой деятельностью, из которых 4469 человек с официальным статусом безработного. По сравнению с аналогичной датой прошлого года число незанятых граждан выросло на 24,9%, а число безработных граждан выросло на 16,3% (на 01.06.2014 – 6200 и 3844 человека соответственно).

Состав безработных граждан, зарегистрированных в органах службы занятости населения по социально-демографическим группам, показан в таблице 2.

Таблица 2

**Состав безработных граждан, зарегистрированных
в органах службы занятости населения**

	На 01.06.2014		На 01.06.2015		Динамика	
	чел.	уд. вес в общем числе безра- ботных	чел.	уд. вес в общем числе безра- ботных	чел.	%
Молодежь в возрасте 16-29 лет	1 155	30,0	1 435	32,1	280	2,1
Женщины	2 016	52,4	2 448	54,8	432	2,3
Инвалиды	326	8,5	334	7,5	8	-1,0
Безработные гражда- не, проживающие в сельской местности	715	18,6	599	13,4	-116	-5,2
Безработные гражда- не из числа коренных малочисленных на- родов Севера	188	4,9	152	3,4	-36	-1,5

Уровень регистрируемой безработицы увеличился на 0,06 п.п., с 0,43% на 01.06.2014 до 0,49% на 01.06.2015.

Коэффициент напряженности на 01.06.2015 составил 0,5 незанятых граждан/ на 1 вакансию против 0,2 на 01.06.2014.

По данным еженедельного мониторинга увольнения работников в связи с ликвидацией организаций либо сокращением численности или штата работников, а также неполной занятостью работников численность работников, предполагаемых к увольнению, по состоянию на 03.06.2015 составила 1999 человек, по сравнению с аналогичной датой прошлого года численность работников увеличилась 1,4 раза (на 04.06.2014 – 1417 человек).

Уволено 1978 человек, из них 134 (6,8%) назначена страховая пенсия по старости, 769 человек (38,9%) обратились в органы службы занятости населения за содействием в поиске подходящей работы.

На 03.06.2015 в режимах неполной занятости находились 1384 человека в 19 организациях, в сравнении с аналогичной датой прошлого года их численность увеличилась в 3 раза (на 04.06.2014 – 448 человек).

Важным направлением совершенствования социально-экономиче-

ской политики региона, стабилизации его рынка труда на современном этапе является регулирование трудовой миграции в нужном для региона направлении. Совершенствование механизмов такого регулирования требует проведения тщательного анализа изменений трудовой мобильности населения региона в новых условиях и является предметом для продолжения подобных исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. <http://www.deptrud.admhmao.ru/wps/portal/trd/home/hmao.pages.department.socrudotn> - Департамент труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: Трудовая миграция.
2. <http://www.mngz.ru> – ХМАО. Миграционная служба.
3. Успенская Т.Н. Миграционное поведение населения Ханты-Мансийского автономного округа. – М.: ЦСП, 2006. – 208 с.

Мулина С.А.

ПОЛЯКИ В СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО КРАЯ. XIX ВЕК

Территория современного Казахстана прочно вошла в польскую мартирологию как место ссылки и депортации польского населения. По разным подсчетам в советское время в Северный Казахстан было выслано от 100 до 150 тысяч поляков [1]. Статистика ссылки имперских времен более запутана. «В Казахстане в течение XIX в., - писали Г. Сапаргалиев и В. Дьяков, - пребывали не десятки, не сотни, а тысячи ссыльных поляков. Были это люди разного возраста и социального происхождения, принадлежали к разным политическим группировкам и представляли фактически все основные направления в польском освободительном движении» [2]. Однако большая часть ссыльных отбывала наказание в Омске, его окрестностях. Зачастую итоги изучения ссылки именно в этом регионе экстраполируются на территорию всего Степного края. В настоящей статье мы сознательно исключим из рассмотрения Омский уезд. Это тем более оправдано, что Омск пережил основные волны польской ссылки, находясь в административном отношении в Западносибирском генерал-губернаторстве, и лишь в 1868 г. стал административным центром Степного края. Таким образом, территориальные рамки нашего исследования совпадают с современными границами Северного и Восточного Казахстана.

Начало истории поляков в Казахстане ученые датируют серединой XIII в. и связывают с монахом-францисканцем Бенедиктом Поляком – участ-

ником папской миссии к Великому хану [3]. Но более документировано присутствие в Северо-Восточном Казахстане ссыльных участников барской конфедерации. Ссылаясь на информацию А.А. Принтца, современный казахстанский исследователь В. Галиев писал, что польские конфедераты находились в крепостях: Кабаней, Омской, Семипалатинской и Бухтарминской. Одновременно там работали сосланные из Польши раскольники – «каменщики» [4]. Более подробными сведениями мы обладаем лишь о двух конфедератах, проживавших на Иртышской оборонительной линии: Карпинском Иване и Ивановом Матвее, принявших православие и проживавших в Петропавловской крепости, а также польском военнопленном Держановском, после амнистии пожелавшем остаться в Усть-Каменогорской крепости [5]. Масштабы присутствия конфедератов в Северо-Восточном Казахстане предположить сложно. По свидетельству З. Либровича, около Семипалатинска существовали две деревни, жители которых не говорили по-польски, однако считали себя конфедератами барскими [6]. Но эта информация требует подтверждения данными метрических книг. Согласно ведомости 5 ревизии по Тобольской губернии за 1802 г., можем говорить лишь о том, что в Семипалатинском крае в войске временно квартирующих, кроме православных, состояло 18 мужчин католического исповедания [7]. Но и эти данные не показательны, поскольку конфедераты массово переходили в православие и значительная их часть изначально принадлежала не к католическому, а униатскому вероисповеданию [8].

С 1813 г. на службу в Сибирское казачье войско стали поступать пленные участники наполеоновских походов. В данном случае мы имеем сведения о назначении поляков практически на все укрепления Иртышской линии. Например, в 8-й казачий полк, 3-ю сотню, в форпост Убинский были направлены Ян Цукшицкой, Ян Шестиновский, Войчех Щепанкевич и Лукаш Витчак. В 7-м казачьем полку, в редуте Глуховском служили Кароль Снегосткий и Осип Тимонский, а в 8-м казачьем полку, 1-й сотне, в крепости Усть-Каменогорской – Михаил Ловицкий, Флориан Пеняжко, Ян Перхальский, Михал Савинский и Мацей Солитцкий [9]. Большая часть военнопленных происходила из простого звания, приняла присягу на верность российскому престолу и вскоре возвратилась на родину, не сыграв большой роли в формировании населения Степного края.

Более значительный миграционный поток составили участники польского восстания 1830-1831 гг. На территории Степного края доминировала ссылка в солдаты, поэтому местом дислокации поляков в Северо-Восточном Казахстане снова становятся укрепления, где стояли части Сибирского казачества войска. По подсчетам современного польского историка Веслава Цабана, в 1831-1855 гг. в сибирских гарнизонах находилось более 20 000 молодых поляков из Королевства Польского, что составляло примерно 10%

от всех набранных в этот период в российскую армию поляков [10]. Определяя количество поляков, направленных в сибирские гарнизоны за участие в восстании, историк ссылается на рапорт командующего Отдельным Сибирским Корпусом и генерал-губернатора Западной Сибири генерала от инфантерии И.А. Вельяминова от 8 июля 1833 г., где говорится, что во вверенный ему корпус уже прибыло 2125 солдат бывшей польской армии и ожидается прибытие еще 492 человека [11]. В отчетных материалах Войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска цифры более скромные. В 10-ти казачьих полках и конноартиллерийской бригаде в начале 1834 г. состояло только 367 польских военнопленных [12]. Предположительно, речь в данном случае идет лишь об участниках ноябрьского восстания, «сосланных в солдаты», и не учтены повстанцы, взятые в рекрутскую службу в зачет набора.

Руководство казачьих войск видело в польских новобранцах перспективное пополнение, поскольку большая часть военнопленных уже имела опыт службы в польском войске, по уровню подготовки и вооружению соответствовавшему всем требованиям военного дела того времени. Распределение и зачисление польских военнопленных на службу в Сибирский корпус было возложено на И.А. Вельяминова. Он старался поступающих поляков размещать так, чтобы они были как можно более рассеяны и в меньшем количестве. В Сибирском линейном казачьем войске весной 1834 г. наибольшее количество польских военнопленных состояло в 5-м и 8-м полках: 48 и 38 человек соответственно. В остальных полках поляки распределялись примерно в одинаковом объеме: по 34 – 36 человек. В конноартиллерийскую бригаду В. Пахомова входило первоначально 8 польских военнопленных, но шестеро вскоре были переведены в другие полки [13]. На основании месячных ведомостей за сентябрь 1827 г. о расположении всех войск отдельного Сибирского корпуса можно говорить о том, что в интересующем нас регионе стояли 7-й казачий полк (форпост Семиярский, крепость Ямышевская, редуты Черёмуховский, Глуховский, город Семипалатинск) и 8-й казачий полк (крепость Усть-Каменогорская, крепость Бухтарминская, редуты Барашевский, Северный и Пьяноярский), в которых служило соответственно 402 (плюс 153 резервных) и 481 (плюс 111 резервных) казаков и их начальников [14]. Получается, что ссыльные участники Ноябрьского восстания составили лишь 8-9% от числа действующего состава казачьих полков. Кроме того, в Петропавловской крепости отбывали службу в звании рядовых несколько поляков 3-го казачьего полка: Афонасий Бадовский, Ян Быковский, Кароль Шуневич и Каспер Ясинский [15]. О службе поляков в Кокчетавском и Каркаралинском округах мы не имеем сведений.

Несмотря на то, что многие военнопленные имели благородное происхождение, они были зачислены на службу в звании рядовых. На быструю

карьеру, как на Кавказе, рассчитывать не приходилось, поскольку на степном пограничье в этот период боевые действия практически не велись. Описывая Иртышскую линию укреплений в начале 1830-х гг., польский ссыльный Й. Кобылецкий писал, что «дикий киргиз освоился с русским, и в тех самых казачьих деревнях, где собиралась только вооруженная сила, садится перед домом киргиз, ищущий заработка, нанимается на работы, какие будут, перевозить людей или вещи, и радуется, если за свои тяжкие труды его отблагодарят куском сухого хлеба» [16]. В итоге, поляки делали карьеру не столько на полях сражений, сколько в кабинетах. Например, Каеган Рубинский, служивший в 8 казачьем полку, работал в Усть-Каменогорском городском земском суде и благодаря опеке полкового командира ежемесячно получал жалованье по 10 рублей ассигнациями [17].

Военная служба создавала возможность тесного взаимодействия поляков с русскими солдатами, помогала усваивать язык, обычаи, социальные нормы нового государства. Полякам, отбывавшим службу в сибирских гарнизонах, была предоставлена возможность обустроить свой быт в местах службы. 22 мая 1834 г. указом Сената польским пленным было позволено вступать в браки с крестьянками и свободного состояния русскими подданными. Дети, родившиеся в таких союзах, согласно с общими государственными постановлениями должны были быть крещены в православную веру [18]. Как и другие казаки, поляки могли купить дом и завести хозяйство. Так, строевой казак 7-го полка Едуард Лукашевич, служивший в Семипалатинской крепости, «для приобретения хозяйственности» поселил одну десятину яровой пшеницы. Ян Цукаревич намеревался обзавестись хозяйством и просил себе перевода из 2-го в 7-й полк, поскольку полагал, что на Иртышской линии можно больше заработать шорным мастерством [19]. «Омское дело» спровоцировало ужесточение политики по отношению к ссыльным повстанцам и перетасовку поляков в военных формированиях. Большая часть военнопленных, состоявших на службе в казачьих полках, в апреле – мае 1834 г. была переведена на службу в сибирские линейные батальоны [20]. В результате к весне 1835 г. в 7-м казачьем полку остались на службе трое польских ссыльных, а в 8-м – двое.

Ссылка на службу в войска Российской империи оставалась распространённым видом наказания в течение всей первой половины XIX века. На территории Степного края также имела место ссылка поляков «на поселение» и в каторжные работы. Например, по ведомости о политических преступниках по Усть-Каменогорской крепости за 1856 г. можно судить, что там отбывали каторжные работы девять человек, поступивших в 1848, 1849, 1850 и 1851 гг. [21].

Появление значительного иноэтничного компонента в Северо-Восточном Казахстане отметила в первую очередь православная церковь. В

1857 г. благочинный священник сообщил священнику станицы Рассыпной Александру Сперанскому, что на основании указа Оренбургской Духовной Консистории от 27 марта 1857 года предписано тела бессрочных нижних военных чинов католического и лютеранского исповеданий, если не будет ксендза или пастора, беспрекословно предавать земле, согласно постановлению Святейшего Синода 1800 года только с пением «Святой Боже» из поэзии тропарей «Со духи праведных» и проч.: в ризах и епитрахили. Отпевать по чиноположению православной церкви дозволяется только католиков и лютеран, присоединённых пред смертью к православию. По преданию тела умершего земле, тотчас необходимо было сделать надпись на паспорте умершего о том, что такой-то солдат католического и лютеранского исповедания, согласно постановлению Святейшего Синода 1800 года, погребен, затем указать год, месяц, число и причём какой церкви совершено погребение. После утвердить эту надпись подписью членов причта и приложить церковную печать [22]. Как правило, поляков погребали на православных кладбищах. Например, на русском кладбище г. Петропавловска была похоронена жена Франца Закаржевского, умершая 29 октября 1867 г.

В Центральном государственном архиве Республики Казахстан в фонде Петропавловского городского полицейского управления хранятся именные списки католиков, родившихся, умерших и бракосочетавшихся [23]. Именной список всем отставным нижним чинам римско-католического вероисповедания за 1867 г. содержит 50 человек, из них 14 являлись отставными нижними чинами, один обозначен в списке как крестьянин из поселенцев, а 35 были политическими ссыльными, состоявшими на действительной службе. Отставные чины, вероятно, представляли собой участников восстания 1830-31 гг., сосланных в солдаты или взятых в качестве рекрутов. Они были женаты на православных женщинах, многие имели детей. Интересно то, что в большинстве случаев разница в возрасте мужа и жены была очень значительной: от 10 до 34 лет, что говорит о том, что отставные солдаты не испытывали проблем в выборе жен. О времени заключения брака и выхода в отставку может косвенно свидетельствовать появление первого ребенка в семье. Конечно, мы не можем принять в расчет детей, умерших в младенчестве, таких данных у нас просто нет. Но все равно фактом остается то, что из восьми семей польских солдат, имеющих детей, в семи семьях старший ребенок появился, когда отцу было 40 и более лет. Более того, в четырех семьях первенец появился, когда отцу было за 50. А у Осипа Маевского родилась старшая дочь Екатерина, когда ему уже исполнилось 65, при этом супруга Маевского была младше его на 30 лет.

Иная ситуация сложилась у политических ссыльных. Будучи сосланы за участие в восстании 1863 г., они были еще молоды и находились в действительной службе. Из 35 человек только шестеро были женаты, из них

лишь двое женились на местной уроженке. Применительно к участникам польского освободительного движения ссылка в войска использовалась как наказание только до военной реформы 1864 г.

Масштаб польской ссылки во второй половине XIX в. остается незначительным. На 1866 г. в Петропавловске проживало 8700 жителей, а ссыльных участников Январского восстания насчитывалось к концу 1866 г. только трое, а в июле 1867 г. – 51 человек. В Усть-Каменогорске на 3334 жителя в 1866 г. приходилось 26 польских ссыльных, переведенных еще в 1864 г. из Барнаула, а в 1868 г. – 39. В Семипалатинске, где проживало 6767 человек, на 22 июля 1866 г. политических преступников польского происхождения вовсе не состояло [24]. В Сергиополе в составе 7-го батальона Западной Сибири на 16 марта 1865 г. находилось 22 польских политических преступника [25].

На 1870 г. в Семипалатинской области проживало только 12 участников Январского восстания: девять человек – в Усть-Каменогорске и трое – в Семипалатинске [26]. Четверо из них первоначально состояли на службе в 4-м Западносибирском линейном батальоне в качестве рядовых, а в 1868 г. были уволены со службы и поселены под секретный бессрочный надзор полиции в Семипалатинской области [27]. Остальные за участие в восстании были высланы на жительство или водворение в Томскую губернию, а позже переведены в Семипалатинскую область [28]. На 1870 г. все 12 ссыльных были женаты, в восьми случаях избранницами стали местные уроженки неприлежированных сословий.

Во второй половине XIX в. формируется устойчивый поток миграций поляков: из Омска в степные приграничные районы. Свое желание выехать в Степь ссыльные мотивировали необходимостью заработка или намерением поправить здоровье, употребляя кумыс. Власти пытались контролировать перемещение ссыльных в этом направлении, чтобы не допустить скопления политических преступников в приграничных районах империи, поэтому данное направление миграций не получило большого размаха.

Польская политическая ссылка последней трети XIX века оставила заметно меньший след в истории Казахстана. Большинство ссыльных этого периода были высланы в административном порядке, что облегчало процесс их обустройства на новом месте и ускоряло ожидание амнистии. Личные материалы о ссыльных этого периода хранятся в фонде Семипалатинского областного правления Центрального государственного архива Республики Казахстан. Но какой-либо полной статистической картины ссылки этого этапа мы не имеем.

Таким образом, ссылка поляков на территорию современного Северного и Восточного Казахстана была незначительной в течение всего рассматриваемого периода. Превалирование ссылки «в солдаты», рассеянное проживание и незначительность общего количества польских мигрантов

способствовали быстрой интеграции поляков в местное сообщество и препятствовали формированию диаспорных институтов. Большое значение в формировании колонии сыграли добровольные переселения польских крестьян, имевшие место на рубеже XIX-XX вв., а также миграции поляков с других территорий империи в поисках заработка, земли или карьеры. И все же территория Степного края была «освоена» поляками. Речь идет о польских чиновниках и ученых, оставивших след в изучении Казахстана. Деятельность Адольфа Янушкевича, Густава Зелинского, Виктора Ивашкевича, Северина Гросса и других знаменитых поляков способствовала продвижению российских интересов на степном пограничье Российской империи и представила образ киргизских степей образованному европейскому сообществу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Копровский М. Состояние здоровья жителей польских сёл в Северном Казахстане // Здоровье поляков на территории бывшего Советского Союза / под ред. Марты Макары-Студзинской, кс. Эдварда Велевандера, Юзефа Брылля. Варшава: Общество Сотрудничества Польша-Восток, 2014. С. 203.
2. Sapargalijew G., Djakow W. Polacy w Kazachstanie w XIX w. Warszawa: Czytelnik, 1982. S. 305.
3. Kuczyński A. Polacy w Kazachstanie. Zesłania – dziedzictwo – nadzieje – powroty. Krzeszowice: Wydawnictwo «Kubajak», 2014. S. 31.
4. Galijew W. Polscy patrioci w północno-wschodnim Kazachstanie // Przegląd polonijny. – Rok XXXII. Zeszyt 3(2006). – S. 6.
5. Мулина С.А., Крих А.А. Поляки в последней трети 18 – первой трети 19 вв.: Биографический словарь. Омск: Полиграфический центр КАН, 2013. С. 27, 32.
6. Librowicz Z. Polacy w Syberii. Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1884 // Biblioteka Zesłańca. Wrocław, 1993. S. 55.
7. Тапаева А.Б. Население Семипалатинской области 1802-й – 70-е годы XIX века // Научные статьи Казахстана [Электронный ресурс]. URL: <http://articlekz.com/article/4496>
8. Подробнее: Крих А.А., Мулина С.А. Польские конфедераты в Сибири // Известия Иркутского государственного университета. – Серия «Политология. Религиоведение». – 2012. – №2. – С. 13-21.
9. ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 44; Мулина С.А., Крих А.А. Указ. соч.
10. Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831 – 1873. Warszawa, 2001. S. 114.
11. РГВИА. Ф. 801. Оп. 64/5. Д. 5. Ч. 13. Л. 32 об.
12. ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 319. Л. 1-42 об.
13. Там же.
14. Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска (1725-1861 гг.): Монография в 2-х томах. Том I. – Омск: Издательство ОмГПУ, 2001. С. 273-274.

15. ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 253. Л. 12, 12 об., 15 об., 65 об. – 67, 71 об. – 72.
16. Wiadomości o Syberyi i podróże w nej odbyte w latach 1831. 1832. 1833. 1834. przez J. K. Tom 1. Warszawa, 1837. S. 121-122.
17. Каетан Рубинский – Юлиану. Усть-Каменогорск. 8 ноября 1832 г. // РГВИА. Ф. 801. Оп. 64/5. Д. 5. Ч. 8. Л. 157.
18. ПСЗРИ. Собрание (1825-1881). Т. 9. Ч. 1. С. 395. №7113.
19. ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 258. Л. 218-218 об., 244, 249-250.
20. ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 319. Л. 1-42 об.
21. Герасимов Б. Ссылные поляки в Семипалатинской области. Краткий исторический очерк // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества. Выпуск 12. – Семипалатинск, 1918. – С. 34-39.
22. Указы и Благочинническия предписания с 1851 года и по 1861 год Петропавловской церкви // ОРКиР НБРК №111. С. 190-191.
23. ЦГАРК. Ф. 639. Оп. 1. Д. 5. – 35 л.
24. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5769. Л. 33, 42, 67; Рощевская Л. П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX века. Тюмень, 1976. С. 82.
25. Герасимов Б. Указ. соч. С. 16.
26. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 10388. Л. 4 об. – 14, 19 об. – 22, 24 об. – 26, 31 об. – 32, 40 об. – 41.
27. Петрусевич И., Эйбак Ф., Станкус В., Берберуш Л.
28. Станкевич П., Соколовский А., Новицкий С., Зеленецкий А., Бурачевский И., Щенснович М., Оржеховский А., Корутский П.

Мыслякова Ю.Г.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

Коренная перестройка социальных отношений и экономический кризис не могли не сказаться на социально-экономическом положении молодых людей, а также их ценностях и жизненных ориентирах. Численность молодежи в возрасте от 16 до 30 лет с уровнем доходов ниже прожиточного минимума увеличилась с 1994 по 2014 год почти в 2 раза. Около 85% молодых людей постоянно или время от времени испытывают материальные затруднения. Это привело к тому, что молодежь не стремится обзаводиться семьей и детьми. Большинство людей в возрасте до 30 лет ориентированы на зарабатывание денег, получение стабильного заработка, карьерный рост, при этом рождение ребенка откладывается, в результате повышается средний возраст матери при рождении первого ребенка, а число рожденных детей оказывается меньше желаемого [1].

Это приводит к тому, что в стране длительное время держится низ-

кий показатель рождаемости, который далек от уровня простого воспроизводства. Статистика свидетельствует, что за последние восемь лет число родившихся выросло почти на 32%, суммарный коэффициент рождаемости увеличился на 34% и достиг значения 1,7 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста. Однако нормальный уровень воспроизводства составляет 2,1 ребенка на одну женщину фертильного возраста.

Кроме того, не стоит забывать, что здоровье детей в немалой степени зависит от возраста родителей. Самый подходящий возраст для первых родов у матери – 19-25 лет, для последних – 35 лет. Дети, родившиеся в позднем браке, больше подвержены различным генетическим повреждениям, чаще болеют, хуже развиваются. Это также имеет серьезные последствия для генофонда нации и страны в целом.

Другая проблема, требующая незамедлительного решения, это то, что наша страна занимает одно из первых мест по количеству аборт в процентном отношении к общему числу рожденных детей. В итоге аборт превышает рождаемость в Российской Федерации более чем в 2 раза. Ежегодно фиксируется примерно 1,5 миллиона абортов. При этом каждый пятый аборт приходится на девушку-подростка в возрасте от 10 до 18 лет¹.

Если раньше чрезвычайным происшествием была беременность девушки в 18 лет, то теперь в 14 – явление рядовое. По сводным статистическим данным 50% девушек начинают половую жизнь в возрасте до 20 лет и 2/3 из них прерывают беременность путем аборта. Нежелательная беременность осложняет жизнь девушки-подростка, которая в поисках выхода из сложившегося положения прибегает к аборту, часто криминальному, последствия которого в большинстве случаев необратимы.

Также необходимо отметить, что по количеству случаев абортов у женщин лидирует группа в возрасте 20-34 года. Частота осложнений после аборта составляет в среднем 30%, а у первобеременных достигает 45%. Проблемы со здоровьем молодых женщин, полученные в результате абортов, оказывают негативное влияние на суммарный коэффициент рождаемости и не дают ему подняться выше 1,7 ребенка на женщину фертильного возраста.

Поэтому, несмотря на наметившуюся положительную динамику суммарного коэффициента рождаемости, он остается ниже не только уровня нормального воспроизводства населения, но и ниже аналогичного показателя таких европейских стран, как Франция (2,1 ребенка на женщину), Ирландия (2,0 ребенка на женщину), Люксембург (1,78 ребенка на женщину), Великобритания (1,9 ребенка на женщину), Дания (1,73 ребенка на женщину), см. рис. 1.

1. <http://www.aboutmanwoman.com/Abort/Statistics%20of%20abortions.htm>

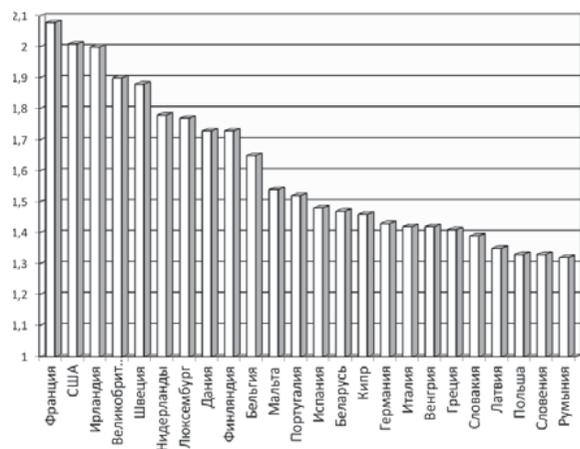

Рисунок 1. Средний коэффициент суммарной рождаемости за 2014 год [2]

Еще одна демографическая проблема связана с тем, что российская молодежная семья стала преимущественно однодетной. Так, среди молодых семей с детьми, в которых оба супруга моложе 30-ти лет: 80% – однодетные, 18,2% – с двумя детьми, 1,8% – многодетные. 30% молодых семей бездетны. Такие процентные соотношения обусловлены жизненными ориентирами молодежи, которые сложились в результате социально-экономических особенностей территории – места их проживания.

Рассмотрим основные жизненные цели молодежи на примере молодого населения Свердловской области, участвующего в опросе, см. табл. 1.

Таблица 1

Дифференциация молодежи различных возрастных групп по основным жизненным ценностям, % от числа опрошенных в половозрастных группах

Основные жизненные цели	Возрастные группы, лет			Группы молодежи по полу	
	14-19	20-24	25-30	муж.	жен.
Хорошая семья	64,7	70,4	67,1	65,8	69,2
Здоровье	44,2	53,0	50,0	48,0	51,2
Хорошие товарищи, друзья	41,1	28,3	21,0	31,5	27,5
Жизненный успех	28,6	29,6	22,8	23,4	29,9

Интересная работа	28,1	24,1	29,4	25,5	27,5
Высокое материальное положение	22,3	22,5	23,2	24,0	21,3
Свобода и независимость	20,1	18,3	11,0	17,1	16,0
Дети	13,4	19,9	43,9	26,1	26,4
Успехи в бизнесе	12,0	11,2	5,3	13,8	6,2
Желание приносить пользу людям	11,6	8,0	10,5	11,7	9,1
Личная безопасность	6,2	4,2	4,8	6,3	3,8
Почет и уважение	4,9	3,2	1,3	4,5	2,9
Содержательный досуг	1,8	2,9	1,8	3,6	2,2
Другое	1,8	2,9	1,3	2,7	1,8

В гендерном аспекте следует отметить одинаково невысокую ориентацию всей массы молодых людей на цель «завести» детей (26,1% и 26,4% юношей и девушек соответственно). Значимость семьи у представительниц слабого пола, при одинаковой с юношами ориентации на ценность детей, оказалась самой высокой (69,2%). Аналогичная ситуация наблюдается при ориентации на цели: здоровье – 51,2% (женщины более бережливо относятся к своему здоровью, нежели мужчины), жизненный успех – 29,9%, интересная работа – 27,5%.

Лица мужского пола в своих жизненных ориентациях на значимость друзей (каждый третий), материальное положение (24,0%) превзошли лиц женского пола из числа обследуемых молодежных групп. Особенно явно мужское преимущество в значимости ориентаций на жизненные цели проявилось в круге второстепенных или не самых главных ценностей, а именно: в отношении к успехам в бизнесе (13,8% против 6,2%), в альтруистическом желании приносить пользу людям (11,7% против 9,1%), в стремлении к почету и уважению (4,5% против 2,9%) и даже в ориентации на личную безопасность (6,3% против 3,8%). Следует отметить, в областной выборке лиц женского пола даже больше, чем мужского, что свидетельствует о статистической устойчивости данных в гендерном разрезе.

В целом, можно сделать вывод о том, что рассмотренные группы молодежи неоднородны в социальном плане и сильно дифференцированы в поколенческом аспекте по своим жизненным целям. Консолидации молодежных групп не наблюдается, и это тревожный симптом с позиции прогнозирования поведения молодежных групп в будущем. Общим положительным фактом является то, что на первое место в предлагаемом перечне жизненных целей молодежи вышло создание семьи. Это, в свою очередь, обуславливает высокую значимость программ развития молодых семей. Показательно, что ценность детей для молодых поколений в три раза ниже по значимости цен-

ности семьи и ставится на «одну доску» с такими ценностями, как жизненный успех и высокое материальное положение.

Поэтому следует особенно отметить приоритетность программ, направленных на поддержку ценностей молодежной семьи, и ориентации на детность в возрастах ближе к 30-летнему рубежу, здоровья и безопасности молодежи и учесть в политике доходов и субсидий то, что ориентация на стабильное материальное благополучие традиционно устойчива среди молодого поколения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что меры социальной политики, которые реально могут повлиять на формирование семьи, уровень рождаемости, могут быть двух видов:

- меры прямого финансового стимулирования деторождения с помощью налоговых платежей и субсидий;
- меры косвенного влияния (увеличение экономической занятости женщин, распространение семей с двумя кормильцами, общественные формы воспитания детей младшего возраста, материнские и отцовские отпуска по уходу за детьми, система пособий и налогов и др.).

Кроме того, необходимо отметить, что меры, которые потенциально могут влиять на репродуктивное поведение, будут оказывать влияние только в долгосрочной перспективе, поэтому долговременное проведение определенной социальной политики может оказаться более важным, чем краткосрочное введение отдельных мер ярко выраженной пронаталистской направленности.

Также считаем, что наиболее эффективной стратегией представляется комбинирование мер прямого и косвенного влияния на репродуктивные процессы молодого поколения. При этом эти стратегии будут успешными, если будут касаться не только отдельных индивидов и супружеских пар, но и получают широкую социальную поддержку. Только тогда можно ожидать стабильное развитие института молодежной семьи с положительными демографическими трендами для всей страны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. The Balance between Generations in an Ageing Europe // The social situation in the European Union Report, 2005-2006. – European Communities, 2007, p. 27.
2. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Fertility Patterns 2009. – <http://www.un.org/esa/population/publications/worldfertility2009/worldfertility2009.htm>

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО (ГОРНОГО) ОКРУГА

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект №15-06-07553А.

Исследования, посвященные занятости населения в прошлом, получили отдельное направление исторической науки – историческое профессиоведение. Особенностью данного направления является использование метода классификации занятий населения, позволяющего не только систематизировать сведения о трудовой деятельности, но и реконструировать профессиональный и социальный состав и структуру региона [1]. Такой подход к изучению занятости населения требует привлечения массовых и статистических источников, содержащих сведения о профессиональной деятельности, что создает целый ряд трудностей для исследователей, работающих в области исторического профессиоведения.

Проблемы источниковой базы были обусловлены несколькими факторами. Во-первых, сбор сведений о занятиях и профессиональной деятельности жителей во второй половине XIX в. только начинал входить в практику статистических обследований [2]. В большинстве массовых источников указание на занятие не являлось обязательным.

Одними из источников, фиксирующими сведения профессионального характера, можно назвать формулярные и иного рода списки. Сведения о профессиональном статусе характеризуются достаточно высокой степенью достоверности в виду того, что на законодательном уровне было четко определено важное и первостепенное значение в чиновничьем производстве. Кроме того, пристальное внимание со стороны государства в достоверном учете данных о служебной деятельности, информацию о которой в первую очередь несли сведения об изменении должности, чина и звания, было обусловлено еще и тем, что формулярные списки были основными базовыми формами документов учета чиновников и служащих, на основании которых в последствии составлялись другие виды документов – аттестаты об увольнении, краткие списки о службе, представления и рапорты о повышении и представлении к наградам, для составления которых требовалась проверенная и достоверная информация.

Во второй половине XIX в. ведение формулярных списков было единообразным по всей территории Российской империи. При этом конкрети-

зация некоторых положений была допустима в отдельных административно-территориальных единицах. Так, в Алтайском (горном) округе вопросы ведения формулярных списков, особенности учета и оформления сведений о служащих поднимались в переписке начальника округа с правительственными учреждениями, а также нашли отражение в ведении текущей документации округа [3].

Кроме формулярных списков обязательными документами для учета служащих были списки – особая разновидность учетных документов, ведение которых подробно описано в Уставе о службе [4]. Четкой структуры и единого оформления данная категория документов не имела. Единые правила оформления были характерны для отдельных разновидностей списков и, как правило, регламентировались ведомственными нормативными актами [5], на местном уровне или складывались в ходе практической деятельности. К концу XIX в. в Алтайском округе сложилась практика ведения некоторых списков:

1. Списки горных инженеров, представляемых в чин (краткий и полный).
2. Списки должностных лиц.
3. Списки служащих по найму на нештатных должностях.
4. Списки служащих Алтайского (горного) округа.
5. Списки кандидатов на должность.
6. Списки служащих, имеющих право на бесплатное пользование некоторыми материалами.
7. Списки служащих по отдельным ведомствам/учреждениям.
8. Списки лиц, представляемых к наградам.

Особенностью списков служащих было большое их видовое разнообразие и отсутствие унифицированных форм. Наиболее совершенными в плане способа документирования и характера учитываемой информации были списки служащих Алтайского (горного) округа и полные списки инженеров, представляемых в чин. К концу XIX в. такие документы были выполнены типографским способом и представляли собой печатный бланк, частично заполненный от руки [6]. Все сведения о занимаемой должности приводились в соответствии с действующими на тот период штатами и формулярными списками.

Списки служащих являются незаменимыми в плане получения сведений о должностном составе различных учреждений. Все разновидности списков сосредотачивали преимущественно информацию о должности либо профессии, что исключает путаницу в разграничении понятий профессия, должность, занятие, звание, чин. Основной целью большинства списков был учет должностного состава лиц для решения текущих управленческих задач. Поэтому указание должности было основным учитываемым показателем, а

другие характеристики служащих лиц лишь дополняли или конкретизировали эту информацию. Это подтверждается группировкой и систематизацией информации в списках, первоначально указывается должность, а потом уже ее характеристики, в том числе и персональная информация о занимавшем ее лице (ФИО, возраст, образование, сословие или звание).

Значительный интерес для исследований в области исторического профессиоведения представляют материалы переписей населения. Вопрос о занятиях населения присутствовал во многих городских переписях рассматриваемого периода, часто даже требовалось указать место занятия в структуре хозяйства (основное и побочное) и статус профессионального деятеля. Однако разработка полученных сведений о занятости населения не всегда осуществлялась или предпринималась по сокращенной программе, поскольку в ряде случаев материалы переписей были утеряны. Например, в ходе подготовки однодневной переписи населения г. Барнаула 1895 г. были разработаны домовые, квартирные и личные карточки для учета населения. При заполнении личных карточек основное внимание было сосредоточено на учете таких сведений о населении, как возраст, семейное и социальное положение, вероисповедание, национальность, образование и род занятий [7]. Сами материалы переписи практически не сохранились, тем не менее даже агрегированные данные переписей XIX в. содержат уникальный материал о занятиях населения, который сложно найти в других источниках.

На уровне Алтайского (горного) округа Обществом любителей исследования Алтая неоднократно поднимался вопрос перед начальником округа о проведении как подворных переписей, так и других статистических исследований, обосновывая их значимость в вопросах управления. Особое внимание члены Общества уделяли вопросу разработки опросных бланков. Так, в предлагаемых ими документах параллельно с наименованием сословия рекомендовалось указывать профессию или вид промысла для дальнейшего изучения социально-профессиональной структуры населения и занятости [8]. Тем не менее в масштабах Алтайского (горного) округа указанные статистические исследования не получили распространения.

Существенный недостаток всех этих мероприятий – отсутствие унифицированных форм документов в пределах Российской империи – был впоследствии ликвидирован при разработке вопросов и бланков Первой всеобщей переписи.

В ходе изучения архивных материалов было установлено, что с 80-х – начала 90-х гг. XIX в. членами Центрального статистического комитета активизировалась работа по разработке соответствующей документации, сопровождающей переписную компанию. Этот этап формирования переписной документации характеризуется наличием весьма большого разнообразия проектов бланков и всевозможных инструкций, списков, указателей. К нача-

лу 90-х гг. существовало уже две разновидности переписного листа и проект инструкции счетчикам. Дальнейшая работа над совершенствованием формы бланков сводилась к уточнению отдельных его составляющих. Так, в этот период развернулись дискуссии по поводу формулировки графы о занятиях населения. Главный вопрос был в особенностях фиксации второстепенных (побочных) занятий населения, кроме того, предлагалось разработать список главных на тот период кустарных промыслов и торговых занятий, прилагаемый к инструкции счетчикам для облегчения заполнения опросных листов. Выносился на обсуждение и вопрос о конкретизации особенностей заполнения занятий морского и военного ведомств, а впоследствии и вопрос о разработке специальных бланков для указанных ведомств, но ввиду возможной путаницы в переписных бланках и таблицах решений по этому вопросу не последовало [9].

Согласно утвержденному в 1895 г. положению [10] устанавливалось 3 формы переписных бланков – А, Б, В. О каждом опрашиваемом собирались следующие сведения: фамилия; имя; отчество; пол; отношение переписываемого к главе хозяйства и главе семьи; возраст; семейное состояние; сословие, состояние или звание; где родился; где приписан; где проживает; отметка об отлучке или о временном пребывании; вероисповедание; родной язык; грамотность; занятие, ремесло, промысел, должность или служба: а) главное, б) побочное или вспомогательное; положение по воинской повинности [11].

Если говорить об особенности фиксации занятий в переписных листах, то разработчики переписи подразумевали в ответе на этот вопрос необходимость указания на занятие, ремесло, промысел, службу или конкретную должность. Было также необходимо, чтобы опрашиваемое население указывало и свой статус в этом занятии (хозяин, при отце и т.п.). Особые рекомендации счетчикам заключались в отслеживании обобщенных ответов, то есть без указания своего положения в занятии (примером обобщенных названий занятий могли служить – ремесленник, рабочий, торговец). И статус, и само занятие (речь идет в основном о главных занятиях) фиксировали в одной графе (14а), что было не совсем удобно как при непосредственном заполнении, так и в период обработки сведений. Логично было бы разделить графу на два подпункта: в одном указывать занятие, в другом – положение в нем лица. Естественно, что положительную роль сыграли бы при сборе данных и наглядные рекомендации по заполнению или примеры заполненных форм. Что касается учета побочных занятий, то и на момент разработки переписных листов, и в последующих работах исследователей статистики был отмечен весьма неудачный способ фиксации.

Первичные переписные листы представляли собой сырой материал в виде формуляров. После критической проверки материала проводилась

сводка данных, заключающаяся в построении статистических таблиц [12]. Соответственно, возникала задача в виде группировки и классификации первичного материала в удобные для публикации и использования таблицы. Таким образом, после обработки собранного материала первичные переписные листы уничтожались, а агрегированные сведения были опубликованы в период с 1899 по 1905 г. Несмотря на то, что наибольший интерес для исследователей представляют первичные источники, на сегодняшний ввиду плохой сохранности источников данные переписных листов не дают полной картины занятости населения в России.

В последнее время для комплексных межрегиональных исследований особое значение приобретают не персональные, а агрегированные данные переписей. При этом остро ощущается потребность в доступности таких данных и возможности их адекватной обработки. Эта проблема решается путем перевода статичной информации (большинство источников с агрегированными данными оцифрованы в форматах, непригодных для обработки) в статистические таблицы или реляционные базы данных, позволяющие полноценно использовать материалы источника.

На данный момент создана и зарегистрирована информационная система «Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX в.», основанная на агрегированных профессиональных данных Первой всеобщей переписи населения 1897 г. База данных содержит данные по следующим показателям: численность групп и видов деятельности, количество занятых мужчин, женщин, а также дополнительные характеристики профессиональных групп, такие как возраст, народности, побочные занятия (для лиц, занятых сельским или кочевым хозяйством, рыболовством, охотой) и грамотность (для отдельной профессиональной категории – рабочих). Первоначальная задача состояла в аккумулировании сведений о занятиях населения из всех опубликованных результатов Первой всероссийской переписи 1897 г. по Европейской России и Сибири. Но оказалось, что работать с разрозненными громоздкими статистическими таблицами не очень удобно, тем более решать аналитические задачи. В итоге основой информационной системы стала реляционная база данных, обеспечивающая пользователю не только оперативный доступ, но и возможность комплексного анализа в многочисленных информационных срезах, в том числе генерируемых системой. Кроме собственно статистических сведений о количестве занятых в той или иной группе занятий, информационная система отражает эти данные на интерактивных исторических картах Европейской России или Сибири конца XIX – начала XX века, что позволяет проводить пространственно-географический анализ занятости населения отдельных регионов [13]. С целью унификации и обеспечения сравнимости агрегированных и персональных данных все сведения переписи 1897 г. о занятиях населения были закодированы

в международную классификацию HISCO (Historical International Standard Classification of Occupation [14].

Таким образом, на современном этапе для исследования занятий и занятости населения как Российской империи в целом, так и Алтайского (горного) округа существуют разнообразные массивы данных. Информационный потенциал источников позволяет исследовать и отдельные категории населения (например, чиновников), и общее состояние занятости населения России. А использование двух уровней данных Первой всеобщей переписи 1897 г. при изучении занятости населения открывает перед исследователями широкие возможности, такие как исследование специфики занятости отдельных социальных групп (сословий), межпоколенная профессиональная мобильность (по линии отец – сын), влияние совместного проживания на профессиональный выбор, а также определение типов занятости рассматриваемого региона.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брюханова Е.А., Владимиров В.Н. К истории классификации профессий // Историческое профессиональное образование: профессия, карьера, социальная мобильность. Барнаул, 2012. С. 7-8.
2. Швиттау Г.Г. Профессии и занятия населения. Опыт критико-методологического исследования в области экономической статистики. СПб, 1909. С. 1, 13.
3. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 90.
4. Устав о службе по определению от правительства // Свод законов Российской империи. Книга 1. Т. 3. 1896. С. 141.
5. ГААК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1.
6. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1326.
7. Скопа В.А. История развития статистики и статистических учреждений Томской губернии в 1835-1919 гг. Барнаул, 2009. С. 123.
8. Государственный архив Алтайского края. Ф. 4. Оп. 1. Д. 50-52
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 10. Д. 12. Д. 58.
10. Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи. Издание Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел. С.-Петербург. 1895.
11. Котельников А. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28 января 1897 г. СПб, 1909. С. 107.
12. Воблый К.Г. Статистика (пособие к лекциям). Киев, 1909. С. 185-186.
13. Информационная система «Профессии и занятия населения Российской империи конца XIX – начала XX в.»: <http://hcod.asu.ru/>
14. Leeuwen M.H.D. van, Maas I., Miles A. HISCO. Historical International Standard Classification of Occupations. Leuven Univ. Press, 2002.

Нурбекова Р.К.

XX ҒАСЫРДЫҢ 30-ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАН Өңірінен Қытайға Халықтың Қоныс Аударуы

Қазақ жерінде атқан тәуелсіздік таңы Алтай мен Атыраудың арасын алып жатқан мына дархан даланың төсін қанымен, терімен суарған ата-бабаларымыздың қасиетті күресінің заңды жемісі, нақты нәтижесі. Ғасырлар бойғы арман жүзеге асты, дербес Қазақ елі, Тәуелсіз Қазақстан Республикасы дүниеге келді. Елбасымыздың «Тәуелсіздіктің біздің бәрімізге артар міндеті мол. Енді еңселі ел болудың жолына шындап түсуіміз керек. Өулетіміздің асуы да, дәулетіміздің тасуы да өз қолымызда» [1] - деп, барша Қазақстан халқына үміт артқаны да, сол міндетті орындау жолында қаншама тер төгіліп, еселенген еңбектің құйылып жатқаны да аян. Қазақтың ұзына бойғы тарихында дәл бүгінгідей бүкіл дүние таныған, өз шекарасы, өз экономикасы, дербес саясаты бар мемлекеті болған емес. Қазақ халқы әлемдік қоғамдастықтың назарында жоғары деңгейде бұған дейін жеткен емес. Бұл біздің аса көрнекті ізгі жетістігіміз. Бұл біздің жас мемлекеттілігіміздің айқын жетістігі, бұл – барысқа тән қуатты секіріс.

Бұл секіріс тарихта көптеген ақтаңдақтардың шынайы түрде зерттелуіне жол ашып отыр. Елбасы Н.Ә. Назарбаев 1992 жылы өткен Дүние жүзі қазақтарының құрылтайында сөйлеген сөзінде: «Өзге халықтар біздің өлкемізге өзге аймақтардан көшіп келіп, өгейлік көрсе, біз өз жерімізде отырып-ақ өзгелерден кем өгейлік, өзгелерден кем озбырлық көрмедік. Өз жерімізде өзіміз қырғынға ұшырап, өз жерімізде өзіміз құғынға түстік. Мыңдаған жандар қырылып, мыңдаған жандар ата жұртын тастап көшуге мәжбүр болды» [2] – деп көрсеткендей, жаппай халықтың ашаршылыққа ұшырауы халықтың бір бөлігінің Қытайға қоныс аударып, босқыншылыққа ұшырады.

Ұжымдастыру, қоныс аудару, шекаралық аудандарда күшті болғандықтан жергілікті жердегі қиыншылықтардан қазақтардың жаппай босу процесін көруге болады. Еріксіз ұжымдастыру кезінде мал-мүліктері тәркіленіп, өздерін тап жауы ретінде жер аударып, орны толмас ауыр қиыншылықтарға кездесіп, бұл саясатқа наразы болған халық Қытай ауып, сол елден пана іздей бастады.

Шығыс Қазақстан өңірі бойынша ұжымдастыруға қарсылық, халықтың жаппай Батыс Қытайға босуымен білінді. Әсіресе 30-жылдары Зайсан өңірінен Қытай заставасы арқылы 360 отбасы, 8600 бас малымен, Дзимунай кентіндегі застава арқылы Сауыр тауларынан барлығы 2363 отбасы, 22821 малымен, Таргоут ауданында 240 отбасы 6000 мал басымен, Тарбағатай ауданының Дүрбілжің уезінің шекаралық белдеуінде Таңғытқа

865 отбасы 14200 мал басымен өткені мәлім болған [3].

1930 жылдың ақпанынан желтоқсанына дейін Тарбағатай, Зайсан, Күршім, Катон-Қарағай өңірінен 3988 отбасы 51681 мал-мүлкімен Батыс Қытайға қоныс аударған.

Мемлекеттік комиссияның тексеру мәліметтеріне қарағанда: 1930 жылы Зайсаннан – 1238, Марқакөлден – 61, Тарбағатайдан – 47, барлығы 1716 шаруашылық; ал қайта ұсталғандар Зайсаннан – 518, Марқакөлден – 21, Тарбағатайдан – 221, барлығы – 760 шаруашылық болған [4].

1931 жылғы 6 сәуірдегі № 103 өте құпия ақпараттарда Зайсанға жалпы шекаралық аудандарға берілген нұсқауда 1930 жылы Қытайға кедейлердің, орташалардың қоныс аударуы орын алғаны көрсетілген. Бұл шаралардың іске асуы бай-қулақтар тарапынан өте күшті қарсылыққа кездесті. Сынцзянның Тарбағатай және Алтай округтарына Кеңес өкіметінен қашып келгендердің үлкен толқынын қабылдап, қамтуы өте қиын болды. Ондағы азық-түліктің жетіспеу жағдайы шиеленіскені сонша, аштық қаупі туды. Сынцзянның Шәуешек сияқты қалаларының көшелерінде аш адамдар көп болған. Олардың түрі күңгірт, аштықтан қалжыраған тірі өлік бейнесінде болған, сөйлемеген, сұрамаған, тек әрбір келе жатқан адамдарға қолдарын созған. Әр күн сайын осы көмексіз аш адамдардың өліктерін, таң ата арбамен тері шалқыштары бар ұйғырлар келіп, жинап, мұсылман зиратына қарай әкеткен. Бұлардың көбі, Шығыс Қазақстанның шекаралық аудандарынан кеткендер еді [5].

1931 жылы Тарбағатай ауданынан көшкен жиыны 637 отбасы, 2541 адам, 1446 малымен шекарадан өткен [6].

1930-31 жылдары бұқаралық көшудің себебі репрессиялар да болды. Осы жылдары Большенарым ауданынан 220 шаруашылық Қытайға қоныс аударған [7].

1931 жылы Күршім аудандық партия комитетінің мәжіліс хатында 433 отбасының Қытай асып кеткендігі жөнінде айтылған [8].

Қарастырылып отырған кезеңде барлығы: 5439 отбасы; Тарбағатай, Зайсан, Күршім, Марқакөл, Катон-Қарағай аудандарынан Батыс Қытайға 27195 адам қоныс аударғандығын көруге болады.

Үкіметтің қоныс аударуға тиым салу шараларына орай, Қазақ АКСР-інің кулак-бай шаруашылықтарымен күрес және ескерту шаралары жөніндегі қаулысында Қытайға көшуге жасырын жиналып жүрген кезінде ұсталған байлар мен кулақтарды, көшуді ұйымдастыруға ниеті, нақты мағлұматтары барларды, отбасыларымен мүліктері шекарадан жіберіліп қойғандарды, отбасы иесі көшіп кеткен байлар мен кулақтарды отбасыларының мүшелерін шекаралық белдеуден 100 шақырымға қоныс аударту көзделді. Шығыс Қазақстандағы шекарадан 100 шақырым жатқан Самар ауданының жеріне қоныстандырды [9].

1930 жылы өкімет малды ұжымдарға алып, байлардың малдары тәркіленді, кейбіреулерін 10-15 жылға түрмеге жапты, жер аударды. Осы кезеңде кей байлар Қытайға қашты. Үкімет оларды «банды» деп шықты. 1931 жылы тауларда «банды» мен НКВД-ның арасында шайқастар болып тұрды. «Бандыны» да құрағандар негізінен кедейлер еді. Олар малды Қытайға айдап әкетіп отырды. «Бандылар» шындығында өлімнен қашқан азаматтар еді. Олар түнде кей үйлерге мал әкеліп беріп жүрген. Аштық 1930 жылы басталды. Астық шықпады, малды алып жеп қойды. Жиналған астықты белсенділердің туыстары күзетті. Сондықтан аштық кезінде олар аман қалды. Аштық 1932 жылы да созылды. Аштық басталғанда халық тамақ іздеп Зырян, Большенарым, Катон-Қарағай жаққа жаяужалпылай шұбырып кетеді. Мысық, ит, тараққұйрықты жеген. Аш адамдардың бет-аузы ісіп, күп болып кеткен. Ит асып жегендер 10-15 күнге жетпей өлген. Адам жегендер де болған деген деректер де бар [10].

Тарбағатай ауданы кеңес қызметкерлері контрреволюциялық «Оңшыл Ұлтшыл Ұйым» мүшелерін ұстайды. Бұл іс бойынша ауданның барлық басшы қызметкерлері жауапқа тартылады. Оларға тағылған кінә: шаруашылық-саяси маңызды нақандарды өткізуге қарсылық, барлық мал-мүлкімен Батыс Қытайға көшіруді ұйымдастыру болды.

Әкімшіл жүйенің, үкіметтің нұсқауымен халыққа жүргізген солақай саясаттың әсерінен бандыға балағандармен тартысын аңғару қиын емес. Әміршілдіктің асыра сілтеуімен Қазақстан халқының 15 пайызы тысқары аймақтарға біржолата қайтып оралмастан көшіп кетті [11].

Қытайға қоныс аударғандардың жергілікті кеңестер құжаттары негізінде, басым көпшілігінің жер аударылған кулак-бай деп тәркіленген отбасылары екенін аңғару қиын емес. Бұл жағдайдың жалпы көрінісін Шығыс Қазақстан өңірі жағдайында, бай-қулаққа 8946 отбасының жатқызылғанын көруге болады.

Халықтың едеуір бөлігі басы ауған жаққа шұбырды. Апат жылдарының аласапыранында шекаралас аумақтарға зор ауқымда шұбырғанын 1926-1939 жылдардағы санақ мәліметтері айқындайды. Егер 1926 жылы көршілес республикаларда 314 мың қазақ тұрып жатса, 1939 жылғы санақта 194 екендігі көрсетілген [12].

Өңірдегі ұжымдастыруға қарсылық Қытайға қоныс аудару арқылы білдірілді.

Жүздеген жылдар бойы желісі үзілмеген сабақтастық кара шаңырақты ұстап қалған қазақтарға ақыл мен қайратты, ыстық жүрек пен сабырды молынан дарытып, жүз жыл жоңғарлармен соғысқанда, 260 жыл отарлау мен тоталитаризмнің қыспағында қалғанда дұшпанына жер бетінен жойып жіберуге мүмкіндік бергізбеді. XX ғасырдың 30-жылдарындағы көршілес Қытайға халықтың қоныс аударуының салдары, бүгінге күнге дейін

отандастарымыздың тарихи тағдырына өзінің белгісін қалдырып кетті. Қазақ мың өліп, мың тірілді, XXI ғасыр қарсаңында азаттыққа қол жеткізді.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Назарбаев Н.Ә. Ең асыл мұрат – еңселі ел болу. // Егемен Қазақстан. № 422-424, 2009, 16 желтоқсан.
2. Назарбаев Н.Ә. Қазақстан көш бастап келе жатыр. // Айқын. № 6 235 (14/16); 2009, 16 желтоқсан.
3. Омарбеков Т. Қазақтардың Қытай асуы: дақырт және шындық // Қаззақ әдебиеті. – 1991, 24 сәуір.
4. Мұқанов С. Елу жылда ел жаңа. // Өркен, 1978, 12 қаңтар. – 3 б.
5. ШҚОММ, 788 қор, 1 тізбек, 131 іс, 149 парақ.
6. ШҚОММ, 788 қор, 1 тізбек, 39 іс, 48 парақ.
7. ШҚОММ, 3 қор, 1 тізбек, 9 іс, 27 парақ.
8. ШҚОММ, 1 қор, 2 тізбек, 481 іс, 79 парақ.
9. ШҚОММ, 3 қор, 1 тізбек, 441 іс, 18 парақ.
10. ШҚОММ, 279 қор, 1 тізбек, 44 іс, 12 парақ.
11. Орынтайұлы Н. Көз алдымда жас жағым. – 1997, 20 шілде.
12. ШҚОММ, 778 қор, 1 тізбек, 155 іс, 45 парақ.

Омельченко Д.А.

ОСОБЕННОСТИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ И ВОСПРИЯТИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У ЖИТЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ С МОНО- И СМЕШАННОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки России №28.1475.2014К «Гражданская и этническая идентичности в системе сохранения социальной безопасности населения приграничных территорий Российской Федерации».

Российское общество переживает трудные времена, связанные с внешними вызовами и угрозами и с внутренними противоречиями, неизбежными в условиях социально-экономического кризиса, политизации всех сфер жизни. Необходимость обеспечения национальной безопасности и снижения межэтнической напряженности в условиях демографических трансформаций, одну из ключевых ролей в которых играют транснациональные и внутренние миграции, сочетается с приоритетами политики по сохранению этнического разнообразия и культурной самобытности народов, населяющих Россию,

поддержки институтов гражданского общества, осуществляющих поддержку национальных культур. Активизация националистического дискурса и деятельности праворадикальных движений [2] обуславливают необходимость научного анализа процессов этнической идентификации россиян, взаимосвязи различных типов идентичностей и восприятия риска в межэтнической сфере.

Проблематика идентичности является одной из наиболее востребованных в политическом дискурсе и научных дебатах, тесно связана с социальным и политическим активизмом в постсовременном обществе [4]. Как отмечает З. Бауман, в условиях постмодерна главной задачей является не определение и сохранение идентичности, а избегание обязательств перед различными сообществами, связанными с фиксацией идентичности, для сохранения свободы выбора. Переопределение и реформативное изменение идентичности происходит постоянно и никогда не заканчивается, поскольку условия жизни, включая риски и угрозы ее уничтожения постоянно меняются, а принадлежность к одной общности (не только социальной, но и этнической) часто соединяется с принадлежностью к другой, что порождает феномен «множественной идентичности» и «гибридности» социальных идентичностей [1].

Идея множественности и фрагментарности человеческого «я», невозможности его универсальной концептуализации не нова и развивается многочисленными плеядами ученых всех социальных наук, в сферу исследовательского интереса которых попадает идентичность. Развивая социально-психологическое направление анализа, Р. Вурке выделяет два направления исследований, изучающих взаимосвязь между различными идентичностями. Первое касается рассмотрения того, как множественные идентичности связаны с социальными структурами, в которые включен индивид, а также с тем, какое влияние они оказывают на активизацию той или иной идентичности и приверженность к ней. Фокус второго направления ориентирован на анализ относительной «выпуклости» (salience), взаимосвязи и совместного функционирования разных идентичностей внутри личности, роли самоконтроля и самоверификации для поддержания внутреннего баланса [6]. Наряду с концептом множественной идентичности используется конструкт комплексной социальной идентичности (Roccasand Brewer, 2002), который отражает помимо взаимосвязи между идентичностями, возникающими вследствие членства в различных социальных группах, степень пересечения и конфликта интересов, возникающего при необходимости реализации поведения и ролей, характерных для нескольких идентичностей [5].

Цель данной статьи состоит в попытке приложения концепта множественной идентичности применительно к этничности, обозначающей форму социальной организации культурных различий, имеющую, по мнению боль-

шинства современных исследователей, процессуальную и социально конструируемую природу (В.А. Тишков). По сути это совокупность индивидуальных и коллективных характеристик, позволяющих выделять некоторую общность в качестве этнической, ключевыми из которых являются представления об общем происхождении, истории, культуре и государственности, чертах менталитета и национального характера, а также чувство отличительности, порождающее солидарность и совместные действия [3]. Основными вопросами, формулируемыми для постановки базовых исследовательских гипотез, являлись следующие: какова выраженность и направленность этнической идентичности и какие основания (критерии) используются представителями различных социальных и этнических групп для своей идентификации, а также как тип этнической идентичности обуславливает различия в восприятии межнациональных отношений в регионе.

В качестве эмпирической базы использовались данные социологического исследования, проведенного в шести регионах России – Алтайском и Забайкальском краях, Республике Алтай, Омской, Кемеровской и Оренбургской областях ($n = 2400$, возраст опрошенных от 15 до 75 лет, многоступенчатая стратифицированная выборка), четыре из которых имеют протяженную границу с Казахстаном и в полной мере могут быть названы его сопредельными территориями. Будучи полиэтничными, регионы отличались долей русского населения, составившей 94% в Алтайском крае и Кемеровской области, 88,2% – в Забайкальском крае, 83,3% – в Омской области, 75,9% – в Оренбургской области, и меньше всего – 55,7% – в Республике Алтай (здесь и далее – по данным Всероссийской переписи 2010 года), и наличием диаспор и групп коренного населения, определяющих особенности межнациональных отношений в регионе. Речь идет о крупных поселениях немцев и украинцев в Алтайском крае (около 4% населения), бурят в Забайкальском крае (6,7% от населения), татар и казахов (13,6%), украинцев (2,5%), башкир (2,3%) и мордвы (1,9%) в Оренбургской области, казахов, украинцев, немцев и татар в Омской области (11,3%), алтайцев (35,3%) и казахов (6,1%) в Республике Алтай, татар в Кемеровской области (1,49%). Кроме того, в каждом регионе имелись малочисленные народы, численность которых была достаточно велика (0,1-1,0% от населения) для того, чтобы их представители играли достаточно заметную роль в экономике, социальной и культурной жизни региона. В Алтайском крае такими народами являлись казахи, армяне, татары и белорусы, а также алтайцы и кумандинцы; в Забайкальском крае – украинцы, татары, армяне, азербайджанцы, киргизы, белорусы и эвенки; в Кемеровской области – немцы, украинцы, шорцы, армяне, чуваша, азербайджанцы, узбеки, белорусы и узбеки; в Оренбургской области – чуваша, немцы, армяне, азербайджанцы и белорусы; в Омской области – армяне, белорусы, азербайджанцы, чуваша, узбеки, поляки, эстонцы и цыгане; в Респу-

блике Алтай – кумандинцы, украинцы, немцы, армяне, татары, азербайджанцы, узбеки, киргизы, белорусы.

Для измерения этнической идентичности использовался открытый вопрос об отнесении себя к тому или иному этносу. В случае если респондент затруднялся с однозначной идентификацией, он мог указать любое количество групп, с которыми он ощущал наибольшую близость. В итоге были выделены четыре группы респондентов. Первая, наиболее многочисленная (81,1%), состояла из респондентов, однозначно идентифицирующих себя с русскими, во вторую группу (10,7%) были определены имеющие иноэтническую идентичность (в исследовании приняли участие представители 29 национальностей, не считая русской), у 4,6% опрошенных была отмечена смешанная идентичность (как правило, двойная, но иногда указывались три и более этноса), и, наконец, 3,6% опрошенных не имели четких представлений о своей национальной принадлежности и либо затруднялись с ответом, либо указывали в качестве таковой либо метаэтническую общность (славянин), либо заменяли этническую идентификацию гражданской (россиянин), они были отнесены нами к категории маргинальных. Учитывая объективные характеристики национального состава в регионе, были выявлены значимые различия в распространенности названных типов идентичностей (χ^2 Пирсона, $p < 0,05$). Доля русских в региональных выборках лишь незначительно отличалась (не более 1,5-2%) от имеющейся в генеральной совокупности, смешанный тип идентичности был для респондентов Республики Алтай (12,3%), иноэтническая идентичность – для Омской области (9,5%), Оренбургской области (19,4%) и Республики Алтай (25,8%), количество респондентов с маргинальной идентичностью было максимальным в Забайкальском крае (9,8%).

Кроме того, для измерения качественных характеристик этнической идентичности была применена методика Дж. Берри [проект MIRIPS – Mutual Intercultural Relations in Plural Societies, 2006], в переводе и адаптации Н. Лебедевой и А. Татарко. На основании прямых и обратных вопросов был составлен индекс выраженности этнической идентичности (α Кронбаха = 0,85), отражающий степень субъективного осознания индивидом себя в качестве представителя своей этнической группы, и индекс валентности (степень позитивности – негативности), показывающий какие чувства, преимущественно позитивные или негативные, респондент испытывает к этнической группе, с которой он себя отождествляет (α Кронбаха = 0,81). Выраженность этнической идентичности в общей выборке составила 4,16 балла, позитивность – 4,13 балла (по пятибалльной шкале), что свидетельствовало о довольно сильной выраженности и положительном характере имеющихся у респондентов идентичностей. Сравнительный анализ средних значений по индексам в группах с разными типами идентичности показал, что при сохра-

нении общей положительной направленности выраженность идентичности в группах различна, в наибольшей степени противопоставлены смешанный (средний балл 3,9) и русский (4,2) типы идентичности, тогда как между другими нет существенных отличий. Наибольшей выраженностью обладали респонденты Омской, Кемеровской и Оренбургской областей (средний балл 4,2-4,3), тогда как для Алтайского и Забайкальского краев, а также Республики Алтай было характерно снижение определенности этнической идентификации (средний балл 4,1).

Вопреки доводам примордиалистов, считающих этничность генетически определенной и слабоизменяемой характеристикой, свобода определения и указания своей национальной идентификации на основе чувства принадлежности к определенной этнической общности и духовной связи с определенной культурой является одной из важнейших ценностей современности и закреплена на уровне главного закона страны (ст. 25). При этом люди могут апеллировать к различным аргументам и основаниям для подтверждения своей идентичности, которые могут различаться не только у разных национальностей, но и у разных типов идентичности, выделяемых по составу. Согласно полученным результатам, главными этническими маркерами, с помощью которых респонденты определяли свою национальность, являлись язык этнической группы (нации) (74,0%) и происхождение – «Мои родители – представители этой национальности» (67%). Для более половины опрошенных (53,7%) существенным являлось воспитание в духе национальной культуры, что позволяло считать ее в качестве своей (53,7%). Таким образом, этническая идентичность, с одной стороны, представлялась в качестве приобретенной и детерминированной биологическими факторами (родителей, а значит и этническую идентичность не выбирают – вот такой обыденный примордиализм), с другой – большинство осознавало влияние лингвокультурных факторов в этническом самоопределении (русскими можно считать всех, кто говорит на русском языке и воспитан в соответствии с русскими культурными традициями).

Следующую по частоте группу факторов составили общность территории, являющейся родиной этнической группы (41,5%), схожесть внешнего облика (34,0%), национальные праздники (по 34,0% ответов), осознание себя представителем этнической группы (32,8%). Около трети опрошенных отметили в качестве значимого критерия идентификации наличие общего исторического прошлого, а также соблюдение традиций и обычаев (включая приготовление национальной пищи), каждый четвертый – менталитет и черты национального характера, каждый пятый – наличие общей государственности и религии. Вторичность данных факторов по сравнению с языком, культурой и происхождением хорошо иллюстрировало ощущаемое населением ослабление взаимосвязи между территориальными, традиционными и поли-

тическими основаниями самоидентификации и реальной идентичностью, а также подвижность ментальных характеристик и стереотипов, связанных с внешним обликом и поведением. Альтернативами, набравшими менее всего ответов, являлись наличие дома предметов национальной культуры (10,2%) и ношение национальной одежды и элементов народного костюма (6,2%). Действительно, в эпоху глобализации и универсальных культурных кодов для большинства населения эти атрибуты являются скорее дизайнерским ходом в оформлении интерьера, предметом коллекционирования и творчества, чем национального самоопределения.

Несмотря на сходную структуру маркеров этнической самоидентификации, их вес был различным в группах с разными типами этнической идентичности (из анализа был исключен маргинальный тип, как наименее встречающийся и несоответствующий логике анализа, поскольку даже при наличии выбранных критериев они так и не помогли респонденту определиться). Альтернативами, по которым различия были несущественны, оказались пение народных песен, отмечание национальных праздников и исповедание религии своего народа, различия по остальным параметрам носили достоверный характер и позволяли выделить группы критериев, уникальных для каждой группы, а также отличающих две группы от третьей. Особый акцент был сделан на выяснение особенностей этнической самоидентификации у лиц со смешанным типом идентичности.

По трем факторам различия были значимыми между всеми тремя группами (использовались парные сравнения по критерию χ^2 Пирсона, $p < 0,05$). Так, роль языка была наиболее значимой для русских респондентов (80,4% выборов), менее значимой для лиц со смешанным типом (56,3%) и наименее значимой для лиц с отличной от русской идентичностью (40,1%). Таким образом, для русских язык выступал наиболее естественным и не подвергающимся сомнению этническим маркером, тогда как для других национальностей роль языка была не столь однозначной. Общее историческое прошлое и государственность являлись наиболее значимыми для лиц со смешанной идентичностью (41,1% и 33%), чем для русских (29,4% и 23,2%) и для других национальностей (22,2% и 14,6%).

Респонденты с иноэтнической идентичностью в отличие от респондентов других типов придавали большое значение ношению национальной одежды и вместе с респондентами «смешанного» типа чаще отмечали, что осознают себя представителями своей этнической группы и имеют схожие черты внешнего облика. Общность территории проживания, напротив, являлась менее значимым маркером для иноэтнической группы и играла важную роль в идентификации респондентов с русским и смешанным типом.

Максимальные различия между русскими и «другими» были выявлены по позициям «воспитан на национальной культуре и считаю ее сво-

ей), «умею готовить национальную пищу», «мои родители – представители данной национальности», «соблюдение обычаев и традиций», «покупаю и имею дома традиционные предметы», по которым большая доля выборов была сделана представителями отличных от русской национальностей. Единственным фактором, по которому оценки русских и нерусских респондентов были сходными и противопоставленными смешанному типу, были менталитет и черты национального характера, являющиеся более важными для смешанного типа.

Таким образом, лица с различными типами идентичности использовали разные стратегии для определения и переопределения своей этнической идентичности в условиях многонационального общества и наложения культурных и этнических полей. Для русских важную роль играли общекультурные факторы, связанные с распространением языка, норм и ценностей, территорией проживания, тогда как для иноэтнических групп, в отличие от русских сохранивших и воспроизводящих в повседневной жизни специфическую национальную культуру, в качестве маркеров выступали внешние атрибуты – внешний вид, обряды и ритуалы, ношение национальной одежды и национальная кухня. Носители смешанного типа придавали особый смысл общей истории и государственности, а также менталитету и чертам характера, обусловившим сближение представителей нескольких этносов, чему их идентичность являлась подтверждением.

Приверженцы инструментального подхода (А. Коэн, Л.М. Дробижина, Ю.В. Арутюнян) рассматривают этничность не только как результат сознательного и рационального выбора, но и как способ достижения эмоционального комфорта, защиты групповых интересов, мобилизации в политической борьбе и в других случаях, когда национальная принадлежность может давать экономические, социальные или политические преимущества. Одной из задач нашего исследования было изучить, влияет ли фактор этничности на восприятие безопасности в сфере межличностных отношений, какие установки представления о национальной политике присущи лицам с различными типами этнической идентичности.

На вопрос о том, дает ли национальность чувство защищенности в кризисной ситуации, 37,2% опрошенных отметили, что национальность не влияет на ощущение безопасности, 32,9% указали, что их национальная принадлежность не дает им никаких преимуществ, тогда как 29% опрошенных дали утвердительный ответ. Больше всего привилегий от своей идентичности получали лица со смешанным типом (40,2%), тогда как меньше всего утвердительных ответов дали русские респонденты (29%). Отсутствие защиты от своей национальности отмечали респонденты с нерусской и маргинальной идентичностью (36,0% и 32,9%). Одновременно с этим как русские, так и нерусские респонденты чаще, чем представители других типов, отме-

чали, что на самом деле национальность не влияет на формирование чувства безопасности (37,7% и 39,0%, тогда как в других группах доля подобных ответов не превысила 31,2%). Таким образом, если русские чаще всего не осознавали, что национальность дает им какие-либо преимущества, то другие национальности скорее сталкивались с отрицательным влиянием национальности на ощущение безопасности, а лица со смешанным типом видели в своей множественной идентичности дополнительные возможности для ее обеспечения.

По мере усиления иноэтнического компонента в самоидентификации усиливалось восприятие отношений между национальностями как доброжелательных и бесконфликтных. Респонденты с маргинальной и русской идентичностью чаще описывали межэтнические отношения как напряженные, нестабильные, тогда как представители других национальностей подчеркивали их позитивный характер. Одновременно с этим, лица с маргинальной идентичностью чаще разделяли националистическую установку «Россия для русских» (22,5%), выступали за ограничение притока приезжих (53,4%), выдворение из страны нелегальных мигрантов, испытывали негативные чувства по отношению к представителям других национальностей и ощущали враждебность по отношению к себе. Среди представителей отличной от русской идентичности хоть и имелись отдельные мнения о наличии очагов высокой межнациональной напряженности, негативных изменениях межнациональных отношений, однако установки этой группы отличались наибольшей терпимостью, разделением убеждений о необходимости расширения и урегулирования миграционных потоков, ассимиляции и легализации нелегальных мигрантов, неприятия пагубной и, по их мнению, фашистской идеи «Россия для русских».

В отличие от представителей других типов, лица со смешанной идентичностью чаще отмечали, что межнациональные отношения стали терпимее, реже выступали против того, чтобы ограничить приезд на постоянное место жительства и на заработки жителей других регионов России, но при этом демонстрировали подобную с русскими респондентами установку на борьбу с нелегальными мигрантами из ближнего зарубежья.

Таким образом, этническая идентификация происходит с использованием различных критериев и оснований, приводящих к различной выраженности идентичности и особому восприятию межнациональных отношений. Для русских характерна ориентация на общие ценности языка и культуры, территории и государственности при самоопределении, тогда как для других национальностей, проживающих в России, свойственно акцентирование внешних отличий – облика, одежды, обычаев, более значимым является критерий родства. Лица со смешанным типом приобретают преимущества, связанные с множественностью своего национального самоопределения, и

установки, занимающие промежуточное положение между установками русского и нерусского населения. Таким образом, смешанный тип представляет собой не некий ассимилированный тип, когда обе культуры оказываются растворенными, а тип, позволяющий понимать и примирять установки доминирующего большинства и национальных меньшинств. Неприятие собственной этничности, неопределенность этнической идентификации, напротив, представляет наибольший риск для распространения ксенофобии, националистических и антимигрантских настроений, что доказывает важность и необходимость формирования общероссийской национальной (гражданской) идентичности на основе уважения и сохранения этнокультурных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бауман З. Текущая современность. СПб: Питер, 2008, 240 с.
2. Ноянзина О.Е., Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Омельченко Д.А. Формирование образа «другого» на рынке труда в социально-экономических условиях российского приграничья (на примере исследования в Алтайском крае) // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2015. – №4(126). – С. 153-160.
3. Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003. С. 60
4. Глостанова М. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // Вопросы социальной теории. Том IV / Под ред. Резника Ю.М., Глостановой М.В. М., 2010, с. 191-217.
5. Roccas S. & Brewer M.B. (2002). Social identity complexity. *Personality and Social Psychology Review*, 6, 88-106.
6. Stets J.E., Burke P.J. Identity theory and social identity theory // *Social psychology quarterly*. – 2000. – С. 224-237.

Отакузиева С.А.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

В информационном обществе интеллектуальное развитие его членов становится главным стратегическим ресурсом и важным фактором развития общества. Иными словами, главным ресурсом становится человек, способный приобретать и применять знания, а также участвовать в процессе их создания [5]. Глобальная информатизация общества инициирует информатизацию образования. Информатизация образования, в свою очередь, подразумевает процесс создания информационно-образовательной среды.

Дистанционное обучение – это получение образования с помощью интернета и современных информационных и телекоммуникационных тех-

нологий. При дистанционном обучении происходит обмен учебной информацией с помощью современных средств на расстоянии. Дистанционное обучение расширяет возможности для получения качественного профессионального образования.

Технология дистанционного обучения интенсивно развивалась в мире еще в последнем десятилетии XX века. Использование данной технологии помогает решать одну из важнейших конституционных задач, стоящих перед образовательной сферой – обеспечение права человека на образование и получение информации. Стратегической целью дистанционного обучения является предоставление гражданам равных возможностей получения образования любого уровня по месту проживания или профессиональной деятельности на основе использования новых информационно-коммуникационных технологий. Дистанционная форма обучения является одной из ведущих форм образования, так как перспективы развития дистанционного образования прослеживаются во многих направлениях. Основываясь на использовании технологий дистанционного обучения, система образования должна способствовать созданию дополнительных возможностей для обновления содержания обучения, методов преподавания дисциплин и распространения знаний. Также технология способствует расширению доступа ко всем уровням образования, реализации возможности его получения для большого количества молодых людей, включая тех, кто не может учиться в высших учебных заведениях с традиционными формами обучения из-за отсутствия финансовых или физических возможностей, профессиональной занятости и других причин.

Дистанционное обучение тесно связано с информационными технологиями, по сути, являясь в некотором смысле их частью. По этой причине большинство появляющихся новых возможностей в сфере информационных технологий быстро находят свое применение в дистанционном обучении, которое намного быстрее принимает их на вооружение по сравнению с другими формами обучения.

Дистанционное обучение большинство слушателей проходят самостоятельно. Безусловно, в рамках дистанционного обучения слушателям предоставляется методическая поддержка. Они имеют возможность периодического on-line общения с преподавателем. Однако во время обучения слушатели часто сталкиваются с необходимостью получения дополнительной информации. Дистанционное обучение, в отличие от других форм обучения, предоставляет возможность дать слушателю доступ к большому количеству дополнительного материала, которым он может воспользоваться непосредственно во время обучения [6].

Развитие дистанционного обучения позволяет создать дополнительные рабочие места для кадров, т.е. преподавателей и сотрудников, которые

будут контролировать и организовывать процесс обучения – это также перспектива развития дистанционного образования. Получая образование дистанционно, население сокращает затраты на обучение, а материальная сторона обучения – это один из ключевых моментов при получении образования.

Перспективы развития дистанционного образования отмечаются и при оценке качества обучения. Используя современные средства обучения, компьютерные программы, информационные технологии, интернет, дистанционные формы, можно повысить качество образования, так как студент имеет больше возможностей доступа к учебному и дополнительному материалу, имеет более быстрый способ передачи информации и взаимодействия с преподавателями и организаторами учебного процесса.

Дистанционное обучение должно использовать в ходе образовательного процесса лучшие традиционные и инновационные методики, средства и формы обучения, основываясь на современных компьютерных и телекоммуникационных технологиях. Слушатели курсов могут учиться по индивидуальному расписанию в удобное для них время, они имеют право выбрать комфортное место для учебы, обеспечиваются комплектом специальных средств обучения, имеют согласованную возможность контакта с преподавателем очно или заочно: по телефону, факсу, электронной или обычной почте [7].

В Узбекистане имеется в наличии необходимый кадровый, технический и научно-методический потенциал для разработки и внедрения новых информационных технологий, функционирования дистанционного образования и его развития. Дистанционное образование органически вписывается в систему непрерывного образования, повышая качественный уровень получения знаний. В будущем неизбежно увеличение количества учебных предметов, преподаваемых по данной системе, и, возможно, некоторые формы обучения будут заменены дистанционной.

Конституция Республики Узбекистан гарантирует гражданам право на образование. Это право реализуется в соответствии с Законом Республики Узбекистан «Об образовании». А в скором будущем с учетом потребностей и возможностей личности оно может быть реализовано и в дистанционной форме. Но для этого необходимы разработки высококачественных электронных учебных материалов, соответствующих отечественным программам и стандартам.

Подводя итог, отметим, что дистанционное образование предоставляет возможность:

1) проходить обучение, не покидая места жительства и в процессе производственной деятельности;

2) обеспечения широкого доступа к отечественным и мировым образовательным ресурсам;

3) организовать процесс самообучения наиболее эффективным для себя образом;

4) получить все необходимые средства для самообучения;

5) прерывать и продолжать образование в зависимости от индивидуальных возможностей и потребностей;

6) значительно расширить круг людей, которым доступны все виды образовательных ресурсов без возрастных ограничений;

7) снизить стоимость обучения за счет широкого доступа к образовательным ресурсам;

8) формировать уникальные образовательные программы за счет комбинирования модульных курсов, предоставляемых образовательными учреждениями;

9) повысить уровень образовательного потенциала общества и качества образования;

10) удовлетворить потребности страны в качественно подготовленных специалистах и квалифицированных рабочих;

11) повысить социальную и профессиональную мобильность населения, его предпринимательскую и социальную активности, кругозор и уровень самосознания;

12) сохранить и приумножить знания, кадровый и материальный потенциал, накопленный отечественной образовательной системой;

13) сохранить и развить единое образовательное пространство на территории Республики Узбекистан.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конституция Республики Узбекистан. – Т.: Адолат, 1998. – 152 с.
2. Закон Республики Узбекистан «Об образовании». – Т.: Гармонично развитое поколение – основа прогресса Узбекистана. Главная редакция издательско-полиграфического концерна «Шарк», 1997. – 20-30 с.
3. Указ Президента Республики Узбекистан УП-3080 «О дальнейшем развитии компьютеризации и информационно-коммуникационных технологий» от 30 июня 2002 г. // Народное слово. 2002. – 1 июня.
4. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 200 «О дальнейших мерах по развитию компьютеризации и внедрению информационно-коммуникационных технологий» от 6 июня 2002 г. // Народное слово. 2002. – 8 июня.
5. Роберт И.В., Панюкова С.В., Кузнецов А.А., Кравцов А.Ю. Информационные и коммуникационные технологии в образовании: учебно-методическое пособие / Под ред. Роберта И.В. – М.: Дрофа, 2008. – 312 с.
6. Шаров В.С. Дистанционное обучение: форма, технология, средство. Статья, 2009 г.
7. Артемова О.Г., Мальцева Н.А. Проблемы использования дистанционного обучения – современные образовательные технологии и методы их внедрения в систему

обучения: материалы научно-методической конференции. Вязьма: ВФ ГОУ МГИУ, 2011. – 282 с.

Панковская Г.И.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

История современного Казахстана показывает, что за годы независимости наша страна превратилась в динамично развивающееся государство с высоким международным рейтингом, который обеспечивается мощным экономическим потенциалом, политической стабильностью, безъядерным статусом государства.

Стабильность и рост государства, проведение экономических и политических преобразований оказались бы невозможными, если бы страна не сумела сохранить мир и толерантность в условиях этнического и религиозного разнообразия в обществе. В многонациональном Казахстане, на территории которого проживает почти 140 народов, разработана казахстанская модель межэтнического согласия «Единство через многообразие». В 1995 году была создана Ассамблея народа Казахстана, которую позднее Генеральный секретарь ООН назвал малой моделью ООН. В 2008 году принят закон «Об Ассамблеи народа Казахстана», который обозначил политическое признание и роль АНК в укреплении мира и согласия, обеспечил нормативно-правовое регулирование ее деятельности, направленной на превращение полиэтничности общества в устойчивый консолидирующий фактор. АНК предоставлено право делегировать своих представителей в Парламент, где они представляют интересы всех народов, проживающих в Казахстане. В настоящее время в её состав входит 820 этнокультурных объединений, финансирование которых в 2010 году составило 100 миллионов тенге.

Сегодня Казахстан – одно из немногих политически стабильных государств, демонстрирующее миру примеры толерантности и консолидации многоэтнического общества. Когда-то Махатма Ганди говорил: «Я хочу свободы своей стране, чтобы другие страны могли чему-то поучиться у моей свободной страны». История независимого Казахстана уверенно доказывает, что единственно верный путь к процветанию – это консолидация народа, мир и согласие внутри страны. Этому способствует принятая в стране Доктрина национального единства. Только на поддержку этнических СМИ и освещение межэтнических отношений в республике за последние 5 лет в 4 раза увеличено финансирование.

В сфере религиозных отношений в многоконфессиональном Казахстане проводится взвешенная государственная политика, основанная на принципах нейтралитета, толерантности и паритета.

Мировоззренческий нейтралитет включает невмешательство государства во внутренние дела религиозных объединений, которые отделены от государства. Принцип отделения религии от государства заложен в Конституции.

Принцип толерантности означает не только терпимость, но и уважение разных религиозных убеждений.

Принцип паритета базируется на равенстве всех религий и религиозных объединений перед законом.

За 20 лет независимости количество религиозных общин, действующих на территории республики, выросло с 700 до 4,5 тысяч. На казахстанской земле мирно соседствуют минареты мусульманских мечетей, купола христианских храмов и иудейских синагог. Уникальность страны в том, что происходящие интеграционные процессы создают прочную основу для проведения на казахстанской земле саммитов и встреч доброй воли, которые способствуют развитию межкультурных контактов, укреплению взаимоотношений между конфессиями. «Казахстан – яркий пример того, что различия могут не только быть причинами для конфликтов, но и служить взаимообогащению культур, традиций и религий», – заявил президент Папского Совета по межрелигиозному диалогу Жан-Луи Торан во время проведения 3 съезда лидеров мировых и традиционных религий в Астане в 2009 году.

Казахстанская модель межконфессионального согласия и общегражданского мира, успешно реализуемая в независимой республике, опирается на многовековые традиции формирования и становления многоконфессионального и полиэтнического общества.

История зарождения этноконфессиональных отношений на территории Восточного Казахстана уходит в далекое прошлое, но наиболее достоверные сведения о национальном и религиозном составе содержали материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., которые дополняли статистические данные «Обзоров Семипалатинской области» – ежегодные приложения к губернаторским отчетам.

В соответствии с полученными сведениями, к основным религиям, получившим распространение среди населения края, относились ислам и христианство. Странниками мусульманской веры являлись казахи, татары, узбеки и незначительная часть русскоязычного населения. По переписи 1897 года среди русских и украинцев проповедовали ислам 102 человека. К прихожанам православной церкви относили себя русские, украинцы, белорусы, мордва. Численность крещеных казахов в 1897 году составила 286 человек, татар – 18 человек. Миссионерским селом считалось село Преображенское.

Среди мусульман основную часть (85%) составляли казахи, среди православных – русские (80%). Мусульмане составляли 89,8% (614 773 человека) от общей численности населения, православные – 9,9% (67 620 человек), старообрядцы – 0,2% (1495 человек), римско-католики, протестанты, иудеи и прочие – 0,1% (351 человек) [1, 56-59].

В распределении населения по религиозной принадлежности в конце XIX – начале XX века наблюдались общие тенденции в демографическом развитии области. При увеличении абсолютной численности мусульманского населения с 1883 года по 1906 год на 170 287 человек удельный вес сторонников ислама в общей численности верующего населения сократился на 5%. Рост численности православного населения за тот же период на 54 249 человек сопровождался увеличением доли прихожан христианской церкви на 4,8%. Численность сторонников других религиозных направлений в рассматриваемый период составляла не более 0,1% [2].

В размещении верующих жителей проявились закономерности, характерные для проживания основных групп населения. Основная часть мусульман проживала в сельской местности. С 1883 по 1897 год произошли незначительные изменения в расселении сторонников ислама. Доля мусульманского населения среди сельчан сократилась до 93,7% при увеличении абсолютной численности на 99 051 человека. Это связано с расселением в сельской местности крестьян-переселенцев, исповедующих христианство. Рост относительной численности православного населения с 4,5% в 1883 году до 6,1% в 1897 году проходил на фоне увеличения абсолютной численности прихожан. Прирост составил 15 600 человек и был связан с крестьянской миграцией.

Среди городского населения абсолютную часть верующих (99,9% в 1883 г., 98,7% в 1897 г.) составляли сторонники двух основных конфессий: ислама и православной церкви. Мусульманское население, численно увеличившись на 10 541 человека, стало составлять в 1897 году 44,7%. Среди горожан сторонников православной веры за рассматриваемый период стало больше на 11 013 человек, а удельный вес сократился на 2,8% (с 55,8% до 53,0%) [3].

Значительная часть православного населения проживала в Семипалатинске (38,6% от общей численности прихожан православной церкви в области), в Усть-Каменогорске (25,5%) и Павлодаре (18,1%). Меньше всего православных насчитывалось в составе Каркаралинска (4,1%) и Кокпекты (5,8%). Удельный вес мусульман колебался от 4,5% в Усть-Каменогорске до 13,6% в Каркаралинске. Исключением был город Семипалатинск, в котором доля мусульманского населения достигала 60%. Наряду с мусульманами в областном центре проживали 47% от общей численности сторонников католической веры, 60,7% от общего числа протестантов, 61,4% от общего

количества сторонников иудаизма, т.е. Семипалатинск являлся поликонфессиональным центром Восточного Казахстана. По данным переписи населения 1897 года 1152 человека (2,3% состава горожан) являлись сторонниками других вероисповеданий (протестанты, католики, иудеи и другие.). К самой многочисленной группе относилось старообрядческое население, которое компактно проживало в Павлодаре (67,5% от общей численности раскольников), Усть-Каменогорске (18%) и Семипалатинске (9,6%) [4].

Таблица 1

Состав городского населения по вероисповеданию по переписи 1897 г.

Города	Православные		Старообрядцы		Католики		Протестанты		Иудеи		Мусульмане	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Семипалатинск	11194	38,6	62	9,6	104	47,0	34	60,7	182	61,4	14660	60,1
Зайсан	2 229	7,6	31	4,8	13	5,8	4	7,1	12	4,0	2 112	8,6
Кокпекты	1 695	5,8	-	-	1	0,4	-	-	-	-	1 233	5,0
Каркаралинск	1 207	4,1	-	-	10	4,5	1	1,7	-	-	3 313	13,6
Павлодар	5 260	18,1	435	67,5	34	15,3	13	23,2	54	18,2	1 940	7,9
Усть-Каменогорск	7 387	25,5	116	18,0	59	26,7	4	7,1	48	16,2	1 107	4,5
Всего	28972	100	644	100	221	100	56	100	296	100	24365	100

Старообрядцы – сторонники «чистой веры» – не признавали церковной реформы патриарха Никона, проведенной в 1654 году и направленной на централизацию церковной жизни и унификацию религиозных обрядов. Тысячи людей, отлученные от церкви Священным Собором в 1666 году, погибли в ссылке или были заживо сожжены. Спасая свою веру и свободу, старообрядцы уходили в глухие места, а при попытках их задержания устраивали «запощевание» (голодная смерть) и «гари» (массовые самосожжения). Только за 20 лет (1675-1695 гг.) в 37 «гарях» сгорело до 20 тысяч человек [5, 16].

Первые поселения старообрядцев появились в Восточном Казахстане в конце XVII века. Раскольники, или «кержаки» (по названию села Кержаки, из которого произошла большая «выгонка» сторонников чистой веры), селились в неприступных районах.

Их потомки основали ряд старообрядческих сел, самыми крупными из которых являлись Коробиха, Печи, Белая, Фыкалка, Верхний Уйман, Берель, Арчаты. Предками «поляков» были старообрядцы, высланные из Гомельского уезда Польши в Сибирь и на Алтай. Ими были образованы деревни Шемонаиха, Секисовка, Черемшанка, Тарханка, Бутаковка. В целом, для старообрядческого населения, которое состояло из бухтарминских «камен-

щиков», живущих по реке Бухтарма, и «поляков», расселенных вдоль рек Ульбы, Убы и правых притоков реки Иртыш, характерно проживание в сельской местности (851 человек). В городах, по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., насчитывалось 644 старообрядца. Большая часть из них (435 человек) локально размещалась в Павлодаре, Усть-Каменогорске и Семипалатинске [5, 18].

Старообрядцы испытывали притеснения со стороны государства. В государственном архиве Омской области сохранился документ Министерства внутренних дел по секретной части от 9 апреля 1844 г. «О воспреещении именовать раскольников старообрядцами, скитскими общежителами, а их молитвенные здания – церквями». Официально религиозное преследование старообрядцев прекратилось в 1905 году, когда был обнародован царский Манифест «О свободе совести», гарантировавший свободу вероисповедания всех конфессий.

Изолированное проживание в отдаленных районах, зачастую неприемлемое отношение к сторонникам других вероисповеданий, особый образ существования оказали значительное влияние на формирование особенностей хозяйственной деятельности, быта и культуры старообрядческого населения и способствовали сохранению самобытной старины.

В соотношении численности полов верующих проявлялись общие тенденции в демографическом развитии. Среди городских мусульман на 100 мужчин приходилась 91 женщина, среди сельских мусульман – 83 женщины. Неравенство в численности полов объяснялось в первую очередь оттоком в город для трудоустройства сельского мужского населения. Среди православного населения большее число женщин (на 100 мужчин – 97 женщин) наблюдалось в селах и станицах, меньшее (на 100 мужчин – 63 женщины) – в городах. Значительная разница в соотношении полов среди прихожан православной церкви связана с дислокацией в городской черте казачьих и воинских частей, а также занятостью в фабрично-заводской и кустарной промышленности части мужского населения.

Среди старообрядцев соотношение полов было примерно равным (на 100 мужчин – 97 женщин) в сельской местности, в городах численность женщин была значительно меньше, чем мужчин. Вероятно, это связано с домо-строевскими ограничениями в быту кержаков.

Интересные сведения об этническом составе населения Семипалатинской области и приграничных районов содержали материалы отчетов Алтайской и Киргизской духовных миссий. Созданная в 1881 году Киргизская миссия к 1891 году оформила 3 стана – Долонский, Буконский и Больше-Нарымский с общей численностью населения 1420 человек. В соответствии с предложенной классификацией 1312 человек (642 мужчины, 670 женщин) были определены как русские, 108 человек (69 мужчин, 39 женщин) – как

«инородцы оседлые», но сторонниками православной веры считали себя все 1420 человек [6, 5].

Производственные контакты, совместное проживание на соседних территориях полиэтнического и многоконфессионального населения Восточного Казахстана обусловили взаимовлияние и взаимообогащение их хозяйственной деятельности и культуры. Казахская экспедиция Академии наук СССР, обследовавшая быт русского населения Бухтарминского уезда, отмечала, что «с казахами уже при самом появлении кержаков в «Камне» сложились определенные взаимоотношения, которые поддерживаются до настоящего времени в силу того, что тем и другим приходится жить в близком соседстве, и взаимодействие казахов на русских и обратно не прекращается и сейчас. Вследствие тесных и постоянных отношений с казахами кержаки хорошо знают казахский язык, и не только мужчины, но и женщины» [7, 124]. Уже в то далекое время закладывались основы толерантности и согласия между конфессиями.

Современный Казахстан – светское государство с преобладающим мусульманским населением. По данным Духовного управления мусульман, в республике насчитывается около 11 млн мусульман, представляющих 24 национальности. «Мы выступаем за единство всех мусульман на основе просвещенности, умеренности, толерантности как к друг другу, так и к представителям других религий», – заявил Н.А. Назарбаев, выступая на 38 сессии министров иностранных дел Организации исламского сотрудничества. Возглавив в 2011 году эту международную межправительственную организацию, которая объединяет 57 мусульманских государств, в том числе 6 – из стран СНГ (Казахстан, Киргизия, Азербайджан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), Казахстан фокусирует усилия на укреплении международной и региональной безопасности, противодействии исламофобии, установлении открытого и честного диалога между исламским миром и христианским Западом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 84. Семипалатинская область. – СПб., 1905.
2. Подсчитано по: Обзор Семипалатинской области за 1883 год. Семипалатинск, 1884. – С. 19; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 84. Семипалатинская область. – СПб., 1905. – С. 56-59; Обзор Семипалатинской области за 1906 год. – Семипалатинск, 1907. – С. 19.
3. Обзор Семипалатинской области за 1883 год. – Семипалатинск, 1884. – С. 12-19; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 84. Семипала-

тинская область. – СПб., 1905. – С. 56-59.

4. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 84. Семипалатинская область. – СПб., 1905. – С. 54-55.

5. Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П. Бухтарминские старообрядцы. – Ленинград, 1930.

6. Отчет о миссиях Томской епархии за 1891 год. Томск, 1892. Приложение 4.

7. Алексеенко Н.В. Взаимосвязи казахского и русского населения в Восточном Казахстане (XVIII – первая половина XIX вв.). Усть-Каменогорск, 2003.

Папанова Е.К.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ТРУДОСПОСОБНЫХ ВОЗРАСТАХ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Российская Федерация характеризуется значительной региональной неоднородностью демографической ситуации, в том числе в отношении смертности, что обусловлено различиями социальных, экономических и других факторов. Регионы Сибирского федерального округа (СФО) крайне неоднородны как по экономическим характеристиками, так и характеристикам демографических процессов. По социально-экономическим характеристикам регионы СФО либо соответствуют общероссийскому уровню, либо находятся ниже него. Негативные тенденции определяются высоким уровнем безработицы и низкими денежными доходами населения.

Применительно к населению значительное влияние экономического положения региона, и соответственно дифференциации, испытывает рынок труда, в связи с чем интерес вызывают различия в смертности трудоспособного населения [2, 13]. Человеческие ресурсы, в свою очередь, также являются одним из важных факторов, в перспективе влияющих на экономическое развитие региона.

Региональное неравенство в смертности является одной из главных черт демографической ситуации в Российской Федерации. Сибирский федеральный округ при этом характеризуется рядом негативных тенденций, а регионы, входящие в состав округа, формируют в числе прочих известный северо-восточный градиент смертности [3, 27-28]. Особенностью выбранного региона является то, что включенные в него субъекты в разной степени отражают данную закономерность, в соответствии со своим географическим положением.

Основным источником информации по причинам смерти на региональном уровне является База данных демографических показателей Центра демографических исследований Российской экономической школы. Также

используются данные Росстата, переписей населения 1989, 2002 и 2010 годов.

Динамика отсроченной продолжительности жизни в возрасте от 15 до 60 лет в регионах Сибирского ФО однотипна, однако характеризуется значительным разрывом в показателях. Прежде всего, следует отметить, что большая часть регионов СФО имеет меньшую продолжительность жизни по сравнению с общероссийским уровнем, за исключением Новосибирской, Омской, Томской областей и Алтайского края, а в конце периода также Республики Хакасия и Красноярского края.

В 1989 г. отсроченная продолжительность жизни составляла 38-41 год, разрыв между регионами составил 3 года. За период быстрого роста смертности до 1994 г. различия между регионами увеличились до 6 лет, между 32 и 38 годами у мужчин. У женщин различия между регионами оказались несколько меньшими.

Снижение продолжительности жизни в 1998-2005 гг. происходило более медленными темпами. В 2004 г. в нескольких регионах заметно кратковременное увеличение продолжительности жизни. Разброс в продолжительности жизни между регионами в эти годы составляет около 6 лет. Рост продолжительности жизни с 2005 года несколько сократил различия между регионами – на конец периода они составили около 4 лет. Динамика продолжительности жизни женщин характеризуется теми же тенденциями, но с меньшими колебаниями.

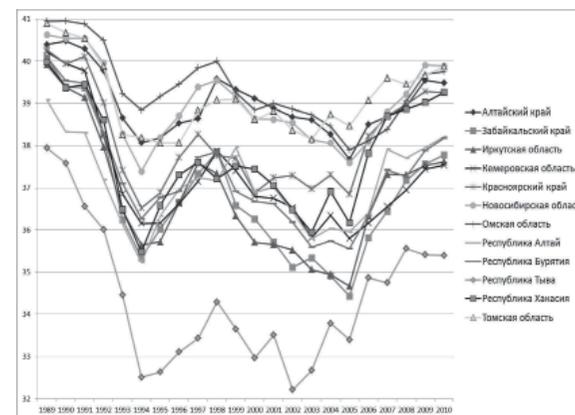

Рисунок 1. Динамика отсроченной продолжительности жизни в возрасте 15-60 лет, 1989-2010 гг., мужчины, лет

Помимо Тывы, низкие значения продолжительности жизни отмечены в Республике Алтай, Хакасия (до 2005 г.), Бурятия, Забайкальском крае, а также в Иркутской области. С конца 1990-х гг. формируется два кластера

регионов по продолжительности жизни и у мужчин, и у женщин.

В качестве меры межрегиональных различий использовано среднее отклонение. Среднее отклонение в отсроченной продолжительности жизни каждого региона от среднего взвешивается по численности населения региона соответствующего возраста. Среднее значение продолжительности жизни всех регионов представляет собой средневзвешенную по численности населения.

Как видно из графика, среднее отклонение регионов по продолжительности жизни увеличивается по мере роста смертности в начале периода и достигает особенно больших значений с 1998 г. С увеличением продолжительности жизни среднее отклонение снижается, однако к концу периода имеет достаточно большое значение, на уровне середины 1990-х гг. В целом более низкие значения продолжительности жизни соответствуют более высокому среднему отклонению. Коэффициент корреляции составляет $-0,79$ для мужчин и $-0,67$ у женщин, для Российской Федерации коэффициенты корреляции ниже.

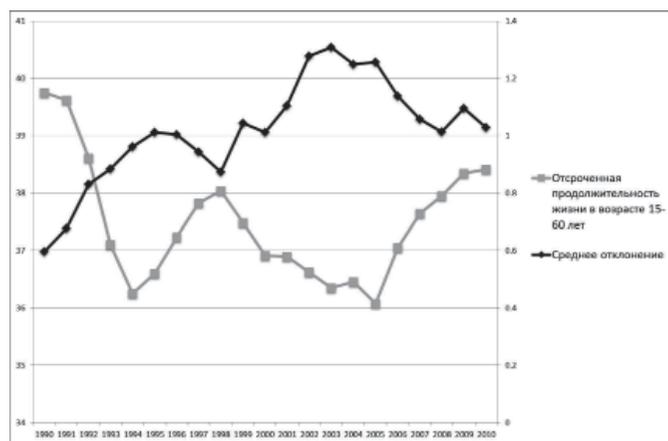

Рисунок 2. Динамика отсроченной продолжительности жизни и среднего отклонения в Сибирском федеральном округе (за исключением Республики Тыва) в 1990-2010 гг., мужчины

Наряду с общей тенденцией к доминирующему вкладу в изменение продолжительности жизни внешних причин смерти и болезней системы кровообращения существует значительная региональная вариация структуры изменений смертности по причинам [3, 30-31]. К ним следует отнести, прежде всего, ситуацию в Республиках Тыва и Алтай. Изменения в продолжительности жизни в этих регионах происходят в большей степени за счет

более молодых возрастов, различается и структура по причинам – как правило, увеличенный вклад внешних причин смерти, а также таких, как болезни органов дыхания, инфекционные заболевания. Разительное отличие этих регионов, видимо, заключается в особенностях структуры населения (большая доля сельского населения), образе жизни, возможно, свою роль играет и этнический фактор.

Также на фоне остальных регионов выделяется Томская область, при этом регион является лидером в округе по уровню продолжительности жизни, наряду с другими регионами, где распределение вкладов в снижение или увеличение ожидаемой продолжительности жизни наиболее типично. Особенность Томской области заключается не только в факте высокого вклада неопределенных причин смерти, но и в сравнительной неравномерности повозрастных вкладов. Часто встречающаяся неоднозначная роль неопределенных причин смерти приводит к выводу о значимости региональных особенностей системы регистрации смертей, данная особенность приводит скорее к перераспределению смертей из других классов причин. В отношении Томской области почти очевидно, что практически весь вклад этой группы обеспечен внешними причинами смерти.

Для ответа на вопрос о том, какие причины смерти определяют различия в уровне смертности между регионами, обратимся сначала к динамике стандартизованных коэффициентов смертности по причинам. В качестве стандарта выступает возрастная структура населения России в 1989 г.

Внешние причины смерти. Уровень смертности от внешних причин смерти находится в обратной зависимости с продолжительностью жизни. Все регионы с низкой продолжительностью жизни характеризуются высокими значениями стандартизованного коэффициента – это еще раз подтверждает ведущую роль данного класса причин в смертности мужчин. Подобная ситуация характерна и для женщин – с большим отрывом Республики Тыва от остальных регионов.

Болезни системы кровообращения. Наблюдается закономерность, отмеченная выше, но в менее явном виде. Наиболее низкие значения – Новосибирская, Омская, Томская области, Алтайский край.

Смертность от инфекционных заболеваний. Очень высокие значения стандартизованного коэффициента в Республике Тыва, как у мужчин, так и у женщин с разной динамикой. На протяжении рассматриваемого периода наблюдается небольшая тенденция к росту во всех регионах, и более явно – в конце периода в Иркутской области.

Признаки, симптомы и неточно обозначенные состояния. На протяжении периода наблюдается явная конвергенция показателей, начиная с 2001-2002 гг. До 2001 года разброс показателей был крайне велик – от почти нулевых значений в Забайкальском крае до сопоставимых в отдельные годы

с болезнями системы кровообращения или внешними причинами смерти в Республике Хакасия. После 2001-2002 гг. происходит сближение стандартизованного коэффициента на среднем уровне.

Декомпозиция различий в ожидаемой продолжительности жизни по причинам смерти между регионами Сибирского федерального округа обнаруживает те же закономерности относительно возрастного распределения вкладов и показывает, что ведущие причины смерти, определяющие динамику смертности, являются также основой для территориальной дифференциации показателей.

В возрастах от 15 до 60 лет – особенно высок вклад в молодых или средних возрастах – в зависимости от региона. Большая роль смертности от внешних причин заметна во всех регионах. Дополняющим фактором выступают болезни системы кровообращения, распределенные в более старших возрастах. У мужчин влияние различия в смертности от этого класса причин (БСК) является значимым не во всех регионах, исключением выступают Республики Тыва и Алтай. Относительно других классов причин смерти не отмечается единых закономерностей.

Республика Алтай, отмеченная нами выше как регион с нетипичной структурой изменения смертности по причинам и возрастным группам, демонстрирует точно такие же особенности при межрегиональном сравнении. Обращает на себя внимание высокий вклад молодых возрастов – 15-30 лет – за счет внешних причин смерти. Высокая смертность за счет внешних причин, болезней органов дыхания и болезней системы кровообращения в возрасте 30-60 лет в значительной степени уравнивается за счет более низкой смертности от других классов причин смерти.

Республика Тыва характеризуется крайне высоким вкладом внешних причин смерти в потери продолжительности жизни в трудоспособном возрасте. Вторая по значимости причина смерти – инфекционные заболевания, эффект от которых наблюдается примерно в тех же возрастных группах.

Как показывают отечественные исследования, динамика изменения ожидаемой продолжительности жизни весьма чувствительна к изменениям в экономической сфере общества. Тем не менее, по результатам исследований региональной дифференциации не всегда оправдывались гипотезы о прямой зависимости экономических факторов и уровня ожидаемой продолжительности жизни, скорее выявлялась обратная зависимость.

Межрегиональные различия в уровне смертности возрастают во время роста смертности, приходящегося на кризисные экономические периоды. При этом наиболее благополучная ситуация по уровню смертности наблюдается на территориях, входящих в состав Западно-Сибирского экономического района – в Новосибирской, Омской, Томской областях и в Алтайском крае, а худшая ситуация наблюдается на более восточных территориях – За-

байкальский край, Иркутская область, Республики Хакасия и Бурятия. Республика Тыва является исключительным регионом со сверхвысокой смертностью даже по сравнению с самыми неблагополучными регионами.

Ведущими факторами дифференциации выступают, по всей видимости, социально-экономические факторы, поскольку менее условное деление регионов на экономические районы в большей степени соответствует распределению регионов по уровню продолжительности жизни. Дифференциация между регионами определена в основном смертностью от внешних причин смерти, а также, менее универсально, от болезней системы кровообращения. Именно на профилактику заболеваемости и смертности от этих причин в регионах следует обратить особое внимание для сохранения и воспроизводства трудового потенциала.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Антонова О.И. Региональная дифференциация смертности от внешних причин // Вопросы статистики, 2007, №10, с. 17-21.
2. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010.
3. Кваша Е.А., Харькова Т.Л. Ожидаемая продолжительность жизни взрослого населения в регионах России в последнее десятилетие // Вопросы статистики, 2011, №8, с. 26-41.

Пешков И.О.

РОЛЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА В МОДЕЛИ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИИ Е.Е. ЯШНОВА

Анализ социоестественных факторов исторического развития стран с незавершенной демографической трансформацией не может не учитывать влияния аграрного перенаселения на все стороны их социально-экономической жизни [1]. Вопрос о совместимости тезиса о демографической обусловленности с пространственным и временным разнообразием правовых и институциональных форм [2] долгое время был основным для ретроспективных моделей экономического роста, экономической социологии, исторической демографии и социальной истории. До 70-х годов прошлого столетия проблема не имела простого решения, с обеих сторон железного занавеса критики экономической и демографической обусловленности часто предлагали под маской эмпиризма ориенталистские (в смысле Э. Саида) клише восточной политики. Развитие нового институционализма, новой демографической

истории и социально-экономической истории азиатских обществ привело к поискам путей взаимной адаптации двух полюсов социального анализа. В этой перспективе анализ существующего опыта демографических моделей большой временной протяженности может быть полезен для понимания неизбежных проблем сцепления детерминистических моделей с эмпирической базой. Особенно это касается тех ранних попыток моделирования динамики восточных обществ, где были представлены решительные попытки выйти за рамки культурной детерминации и восточного деспотизма. На этом фоне особый интерес заслуживают труды русского экономиста и историка из Харбина Е.Е. Яшнова [3], в основу которых легли многолетние исследования экономических и социальных стратегий крестьянских хозяйств китайского типа [4]. Яшнов в начале 30-х годов перешел к построению общих моделей экономической и политической истории Китая на основе китайской крестьянской экономики. Так процесс китайской колонизации восточных районов Внутренней Азии становится базой для историсофских обобщений крутых поворотов китайской истории. В этой перспективе историсофские работы Яшнова сочетали многолетние полевые наблюдения автора, микроэкономический подход к крестьянскому хозяйству и глобальную концепцию демографической детерминированности истории доиндустриального Китая. Следует заметить, что методологические проблемы Е.Е. Яшнова во многом являются универсальными для всех моделей экономической истории 20 века.

Е.Е. Яшнов. Краткая биография

Имя Е.Е. Яшнова многие годы было незаслуженно забыто, а его труды никогда не были изданы на родине [5]. Е.Е. Яшнов родился 16 ноября 1881 г. в поселке Норская мануфактура в 12 верстах от Ярославля. В 1897 г. окончил Ярославское городское училище. Во время учебы он вовлекается в политическую борьбу, что заканчивается тремя арестами и ссылкой в Вологду. Этот период во многом определил его судьбу. С ним связаны издание первых поэтических сборников и трудоустройство в оценочном бюро Губернского земства под руководством известного статистика П.П. Румянцева [6]. С 1907 до 1915 года Яшнов связан со Средней Азией как статистик и исследователь, занимаясь исследованиями киргизского хозяйства и проблем переселенческого движения [7]. В 1915 году он возвращается в Петроград и работает в управлении делами особого совещания по продовольственному делу. Одновременно он продолжает писать стихи и сближается с петроградскими поэтами (Вячеславом Ивановым, Федором Сологубом и Александром Блоком). Во время Гражданской войны он уезжает в Омск и занимается продовольственной и кооперативной статистикой в различных органах Колчаковского правительства. В 1919 году он переезжает во Владивосток и становится консультантом и секретарем ведомства финансов правительства Антонова. Из Владивостока он уезжает в Харбин, где устраивается работать агентом

Экономического бюро КВЖД.

Работа в бюро дала возможность вернуться к статистическим исследованиям. Под руководством Яшнова были проведены статистические исследования 70 крестьянских хозяйств в провинциях Хэйлуэньян и Цзилинь (главные цели: условия землепользования и специфика годового бюджета). Был собран богатый статистический материал, касающийся колонизации, цен на землю, реальной стоимости употребляемых крестьянами дензнаков, живого инвентаря, ситуации на рынке труда, доходов, расходов и сбережений крестьянских хозяйств. На основе этих пионерских исследований вышла книга «Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии» [8], за которую он получил в 1928 г. награду Русского Географического общества. Именно в этот период формируются основы его научного подхода: пристальное внимание к крестьянским хозяйствам, приоритет полевых исследований и непосредственное использование их результатов в исторических обобщениях. Это была первая работа, посвященная крестьянству в Северной Маньчжурии. Яшнов в этот период максимально близок А.В. Чаянову и всей неонароднической традиции исследования сельского хозяйства: крестьянская экономика основывается на замене капитала трудом, приоритетом потребления над доходом и ориентацией на выживание [9]. В отличие от других русских крестьяноведов Яшнов считает российский опыт второстепенным по сравнению с массивом и разнообразием крестьянской жизни Азии. Целью становится описание мира через призму модели традиционного крестьянского хозяйства, в котором участвует большая часть человечества.

Два года спустя выходит вторая монография Яшнова «*Крестьянская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы*» [10]. Специфика Маньчжурии, которая в это время одновременно осваивалась русскими и китайскими крестьянами, делала возможным сравнение двух моделей крестьянских экономик. Регион становится лабораторией стратегий крестьянских адаптаций. Именно воспроизведение в новых условиях традиционной крестьянской экономики делало возможным понять суть стратегии китайских крестьян. Именно в этот период Яшнов формулирует основные подходы к проблемам доиндустриальных обществ и радикально расширяет пространственную (Китай и Азия) и временную (вся китайская история) перспективы своих интересов.

Монография «*Население и крестьянское хозяйство Китая*» [11] открывает китайский период научных поисков Яшнова. Статистический и демографический анализ теперь уже представляются в общекитайской перспективе. Экономика Китая описана как этно-аграрный комплекс, подчиненный демографическим процессам.

Следующий труд «*Сельское хозяйство Китая в цифрах*» [12] представляет модель крестьянской экономики, в которой анализируются демо-

графические перемены, состояние земли и ее доступность, спрос на зерно, экспорт и импорт сельхозпродуктов, общее число и структура крестьянских хозяйств. Следует отметить подробное описание доступных крестьянам форм аренды земли [13]. По сравнению с ранними работами можно отметить перемены в исследовательской программе: автор постепенно отходит от неонароднической идеологии, последовательно строит теоретическую базу исследований и переходит к моделированию социо-демографических процессов большой длительности.

Последняя и наиболее известная монография «*Особенности истории и хозяйства Китая*» [14] представляет попытку прочтения китайской истории в перспективе демографических факторов.

Внимания заслуживают многочисленные статьи Е.Е. Яшнова, изданные в харбинских журналах и коллективных монографиях. Тематически корпус текстов можно разделить на три части: статистические и демографические аспекты сельского хозяйства в Маньчжурии [15], проблемы источников экономического и демографического анализа [16] и общие проблемы китайской истории и текущей политической ситуации [17]. Яшнов участвовал в первой фазе советских дискуссий [18] об азиатском способе производства. Несмотря на многолетние связи с многими советскими учеными, доступ к литературе и двукратные визиты в СССР, необратимые процессы политизации научного сообщества были для него шокирующими: проблемы адаптации взглядов Маркса на азиатские экономики, классовая борьба и проблемы экспорта революции не вмещались в харбинские представления об научных исследованиях. Не теряют актуальности и его исследования качества китайской статистики в междувоенный период [19]. Статистические сборники республиканского периода имели много недостатков, практически нивелирующих их способность быть источником информации. Яшнов выделяет следующие дефекты: исключение целых провинций по умолчанию, отсутствие одной системы измерений, систематическое реверсивное отождествление цифры 0 с цифрой 100. Эти наблюдения опытного статистика особенно важны для экономических и социальных историков этого периода.

С приходом японцев ситуация в Харбине радикально меняется, и в 1935 году Яшнов уезжает в Тяньцзинь. Последним приютом эмигранта стал Шанхай, где, несмотря на трудные военные условия, он продолжает активно участвовать в заседаниях Исторического кружка. 25 июня 1943 года Яшнов скончался от сердечного приступа.

Структура модели

Основным тезисом модели Е.Е. Яшнова было формирование в азиатских экономиках [20] отдельного типа организации производства, который отличает постоянное замещение капитала трудом в условиях дефицита земли, что является основным фактором экономической и социальной стагнации.

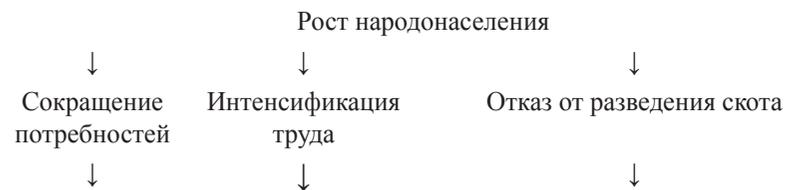
В данных климатических и историко-социальных условиях доминирование трудоинтенсивных форм организации труда выступает вместе с аграрным перенаселением, которое становится ключевым фактором специфики азиатских обществ. Основой методологии Е.Е. Яшнова является следующее допущение: мир трудоинтенсивных экономик управляется другими законами, что радикально сокращает возможности переноса категорий разработанных на основе опыта европейских стран. Несмотря на это, существует возможность адаптации категориального аппарата, благодаря чему познание традиционных моделей организации труда получает научный инструментарий, при помощи которого получаем диагноз и глобальный взгляд на историю мира.

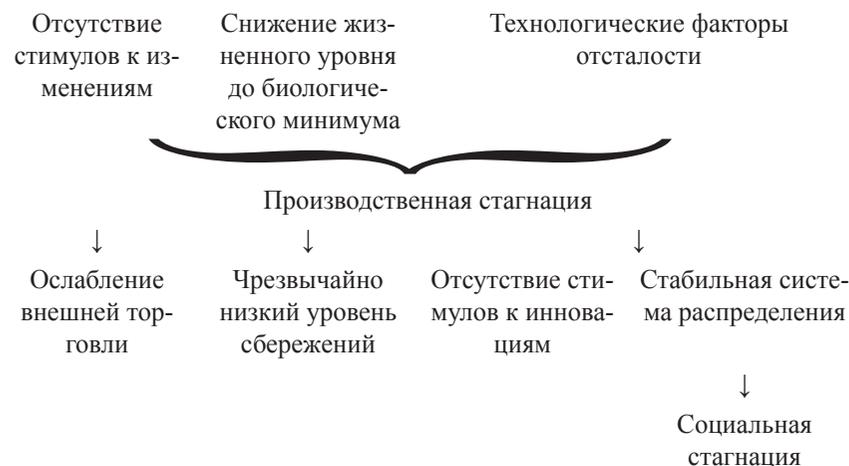
История в трудах Яшнова представлена как регулярный и познаваемый процесс, который поддается исследованию и объяснению. Гипотезы Яшнова последовательно детерминистические: субъективная сторона исторического процесса вторична и определяется спецификой демографического цикла в данных условиях. Историческое исследование в этой перспективе должно опираться на реконструкции данной этно-аграрной модели на основе статистического исследования ее сегодняшнего состояния. После этого отсеивая несущественные культурные нюансы и подчеркивая ключевую роль мальтузианской ловушки для доиндустриальных обществ, исследователь переходит к общей концепции истории.

Модель Е.Е. Яшнова состоит из двух логически связанных частей: одна представляет объяснения выборочных черт трудоинтенсивной экономики через реконструкцию процессов технологической и ментальной адаптации азиатского общества к демографической динамике, вторая представляет гипотезу политико-демографического цикла в Китае. Китайскую версию трудоинтенсивной экономики Е.Е. Яшнов считал классической, в связи с чем постулировал ее универсальный характер.

В первом случае автор предлагает длинный список вневременных черт китайской цивилизации.

Можно это представить схематически:

Концепция политико-демографического цикла была попыткой связать мальтузианский цикл с результатом исследований Д.С. Ли над циклами в политической жизни Китая в темпоральном интервале 221 г. до н. э. до 1930 г. Применяя пятилетние интервалы, Д.С. Ли открыл циклический характер политической жизни, но не объяснил причины колебаний [21].

Е.Е. Яшнов предлагает демографическую интерпретацию политического цикла. Стабильный характер демографического пресса в условиях социальной и технологической отсталости приводит к циклическим экономическим катастрофам, которые согласно модели ведут к изменениям в политических структурах. Предполагая, что цикл касается системы со стабильным распределением дохода, можно его представить как движение в рамках функции:

$$Y = f\left(\frac{L}{P}\right) \quad (1)$$

При ограничениях $L/P \geq N$,

где:

L – поверхность используемой земли (постоянная)

P – население

N – отношение L/P , при котором наступает дисфункция структур власти, сокращение числа населения и начало нового цикла.

В связи со стабильным распределением доступа до земли:

$$Y = fP \quad \text{где } L = \text{const} \quad (2)$$

Концепция цикла имеет дуалистический характер, разделяя цикл на основное состояние (демографическая детерминация китайского общества) и *сопутствующие вторичные явления*. Цикл предстает одновременно как неповторимая эпоха с индивидуальными чертами и общие черты детерминации (проявления тенденции).

Представленные выше две составные части модели Е.Е. Яшнова связаны концепцией крестьянской трудоинтенсивной экономики китайского типа, которая, по его мнению, была классическим примером гомеостатической адаптации к демографическому давлению. Автор использовал также собственные наблюдения над стратегиями выживания крестьянских хозяйств китайского типа, на основе которых был сделан вывод о нерыночном характере процессов принятия решений в этом типе организации труда. Основной целью крестьянского хозяйства китайского типа было снижение риска потери земли. Модель Е.Е. Яшнова имеет физиократические корни: экономика состоит из двух секторов: аграрного и неаграрного. Последний не является производящим сектором и существует благодаря участию в процессах распределения, благодаря этому аграрный сектор определяет возможности развития неаграрного сектора. Это делает возможным связать стабильный характер распределения со стагнацией социальной структуры. В этом контексте вся социально-экономическая жизнь обусловлена демографическим прессом на ограниченные запасы земли. Е.Е. Яшнов предлагает генетические способы объяснения, в рамках которых реконструкция причинно-следственных связей делает возможным понимание логики процессов демографической детерминации. Важную роль играют также эмпирические наблюдения стратегий выживания крестьянских домохозяйств, благодаря которым историософские тезисы поддерживаются опытом полевых исследований.

Описательная модель Яшнова являлась частью широкой концепции истории мира. В отличие от современных подходов Яшнов концентрировался на природных границах доступа, считая институциональные факторы второстепенными [22]. Категория доступа приняла абсолютно иную форму в работах Новой институциональной школы, где она обозначает способность институтов данного общества обеспечения такой формы контакта со средствами продукции, обмена и социальной интеграции, которая обеспечит выживание групп, подверженных постоянному экономическому риску [23]. Можно наблюдать смещение точки тяготения анализа с проблематики продукции (Яшнов) к проблеме институциональных аспектов распределения.

Налицо определенный тупик подхода, ориентированного на производство – подчеркивая тормозящую роль ментальных факторов (трудоинтенсивное хозяйство является прежде всего суммой решений, отличающихся высоким уровнем инерции и ригидности), автор делает их всего лишь

следствием в строгой схеме детерминации. Имея в распоряжении достаточно точные данные об институциональной специфике распределения земли в Китае (аренда, семейное право), автор сознательно маргинализирует их объясняющий потенциал, отдавая демографическому фактору главную роль. Этот экономический подход, справедливый для короткого периода и стабильной институциональной структуры, приводит к значительным упрощениям в случае моделирования событий в большой временной перспективе. В модели Яшнова демографические факторы предопределяют все социальные процессы.

Следует заметить, что попытка объяснения глобальных исторических процессов на основе демографической детерминации привела к целому ряду методологических проблем, особенно в случае применения категорий с разным уровнем абстракции. Это касается переменного (или даже одновременного) применения генетического объяснения экономических явлений и выборочных блоков исторических фактов (например, из жизни определенной династии) или теоретических структур (феодализм). Следствием был дуалистический характер темпоральной структуры, где часть процессов происходит в прошлом, определенном как вторая часть в историческом времени, в котором применяются разнообразные концептуализации факторов анализа (общественно-экономические формации, исторические герои, народы). Это приводит к конфликту между разными временными режимами редуцированных и обыденных исторических категорий.

Заключение

В отличие от А.В. Чайнова и его последователей, Яшнов резко усиливает роль анализа крестьянской экономики, превращая теорию среднего уровня в мощный инструмент объяснения основных черт китайской истории. Этот подход нес определенные риски; ценой ясности выводов были неизбежны упрощения и односторонний характер причинно-следственных связей. Несмотря на это, поставленная им проблематика во многом актуальна не только для исследований Китая, но и для общей рефлексии над эволюцией восточных обществ. Это, прежде всего, вопросы моделирования исторических процессов, соотношения институциональных и экономических факторов, степени демографического детерминизма в длительной исторической перспективе. Если посмотреть на концепцию истории Яшнова как на обусловленную демографическими факторами ретроспективную модель экономической отсталости, то вполне допустимым будет отнесение его к основоположникам экономики развития. Следует отметить сильные стороны концепции Яшнова: отказ от ориенталистских представлений о Китае, акцент на исследование сельского хозяйства и реалистические институциональные предположения. И самое главное: модель Яшнова поставила один из основных вопросов историографии XX века: о статусе теоретического обобщения

в демографической истории и возможностях его эмпирической проверки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Kirk D., Demographic Transition Theory, *Population Studies*, 1996, 50; D.J. van de KAA, Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility, *Population Studies*, 1996, 50; J.C. Chesnais, The Demographic Transition. Stages, Patterns and Economic Implications, Clarendon Press, 1992; H. Leibenstein, The Economic Theory of Fertility Decline, *Quarterly Journal of Economics*, 1975, 84(1); M. Fulop, A Survey of the Literature on the Economic Theory of Fertility Behavior, *American Economist*, 1977, 21(1).
2. Проблема демографического цикла была поставлена в европейской историографии В. Абелем и А. Лошем, но критический уровень акцептации был достигнут только в послевоенный период благодаря работам М. Постана и Е. Ле Руа Лядури. См. W. Kula, *Problemy i metody Historii Gospodarczej*, PWN, Warszawa 1983, С. 470-478; R.J. Holton, *Teoria społeczeństwa rynkowego*, С. 293; J. Topolski, *Gospodarka Polska a europejska w XVI-XVIII wieku*, Wydawnictwo Poznańskie, Poznań 1977, С. 12-13, W. Wrzosek, *Historia Kultura Metafora. Powstanie nieklasycznej historiografii*, С. 66 и 74.
3. Труды Е.Е. Яшнова с конца 80-х годов были замечены советскими учеными (Э.С. Кульпин, А.С. Мугрузин) и продолжают вызывать интерес у российских исследователей. Яшнов представлен прежде всего как теоретик демографического цикла, на сегодняшний день отсутствует общий методологический анализ его исторических и экономических работ. См. Кульпин Э.С. *Человек и природа в Китае*, Москва, 1990; Мугрузин А.С. Е.Е. Яшнов об особенностях экономики и истории Китая, *Народы Азии и Африки*, 1984, №3; Нефедов С.А. *Метод демографических циклов в изучении социально-экономической истории допромышленного общества*, Автореферат диссертации... кандидата ист. наук., Екатеринбург, 1999.
4. Яшнов Е.Е. *Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии*, Харбин, 1926; Яшнов Е.Е. *Очерки китайского крестьянского хозяйства*, Харбин (б.г.).
5. Ср. Белоглазов Г.П. Е.Е. Яшнов – великий русский исследователь Маньчжурии и Китая, эмигрант, живший в Харбине (Ивэй цюй ды хэньгао сюэшу чэнцзюды хаэрбин эцяо), *Сиболия яньцзю*, 2001, №2, Харбин, С. 45-48.
6. Таскина Е. *Дороги жизни Е.Е. Яшнова*, *Проблемы Дальнего Востока*, 1993, №4, С. 44-49.
7. Хисамутдинов А. Е.Е. Яшнов – ученый и поэт, *Проблемы Дальнего Востока*, 2002.
8. Яшнов Е.Е. *Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии*, Харбин, 1926.
9. О концепции крестьянского хозяйства А. Чайнова и развитии крестьяноведения см. А. Tchayanov, *L'organisation de l'économie paysanne*, Paris 1990; J. Kochanowicz, *Rola chłopów w przejściu od feudalizmu do kapitalizmu*, в: *Interdyscyplinarne studia nad genezą kapitalizmu*, под ред. А. Czarnota і А. Zybortowicz, Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, Toruń 1993, т. II; J.S. Scott, *The Moral Economy of the Peasant. Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*, New Heaven-London, 1976 и его же *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*, New Heaven-London, 1985; Бабашкин В.В. Кре-

стьянская революция в России и концепции аграрного развития, *Общественные науки и современность*, 1998, №2.

10. Яшнов Е.Е. Крестьянская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы, Харбин, 1928.

11. Яшнов Е.Е. Население и крестьянское хозяйство Китая, Харбин, 1928.

12. Яшнов Е.Е. Сельское хозяйство Китая в цифрах, Харбин, 1928.

13. Яшнов Е.Е. Сельское хозяйство Китая в цифрах, Харбин, 1928, С. 30.

14. Яшнов Е.Е. Особенности истории и хозяйства Китая, Харбин, 1932.

15. Яшнов Е.Е. Сельскохозяйственное развитие в Северной Маньчжурии, *Вестник Маньчжурии*, 1925, №1, С. 17-25; Яшнов Е.Е. Продукция сельского хозяйства в Северной Маньчжурии, *Вестник Маньчжурии*, 1926, №1, С. 1-12; Яшнов Е.Е. Важность изучения сельского хозяйства в Северной Маньчжурии, *Вестник Маньчжурии*, 1926, №3, С. 55-34; Яшнов Е.Е. Соевые бобы, *Вестник Маньчжурии*, 1926, №6, С. 55-66; Яшнов Е.Е. Китайское и русское крестьянство на Дальнем Востоке, *Вестник Маньчжурии*, 1926, №9, С. 1-14; Яшнов Е.Е. По поводу статьи «К вопросу о крестьянском хозяйстве в Северной Маньчжурии», *Вестник Маньчжурии*, 1927, №6, С. 26-29; Яшнов Е.Е. Кризис сбыта маньчжурских жмыхов в Японии, *Вестник Маньчжурии*, 1928, №4, С. 10-17; Яшнов Е.Е. Перспективы колонизации Маньчжурии, *Вестник Маньчжурии*, 1928, №5, С. 30-42; Яшнов Е.Е. Виды на урожай хлебов в Северной Маньчжурии в 1928 году, *Вестник Маньчжурии*, 1928, №7, С. 43-45; Яшнов Е.Е. Урожай хлебов в Северной Маньчжурии в 1928 году, *Вестник Маньчжурии*, 1928, №11, С. 41-46; Яшнов Е.Е. Урожай хлебов в Северной Маньчжурии в 1928 году, *Вестник Маньчжурии*, 1928, №12, С. 21-25; Яшнов Е.Е. Урожай хлебов в Северной Маньчжурии в 1929 году (по материалам Экономического Бюро КВЖД), *Вестник Маньчжурии*, 1930, №1, С. 52-56; Яшнов Е.Е. Урожай хлебов в Северной Маньчжурии в 1930 году, *Вестник Маньчжурии*, 1931, №1, С. 23-26; Яшнов Е.Е. Учет сбора хлебов в Северной Маньчжурии, *Вестник Маньчжурии*, 1931, №4, С. 61-70; Яшнов Е.Е. Урожайность главных зерновых хлебов в Северной Маньчжурии, *Вестник Маньчжурии*, 1933, №12, С. 20-27; Яшнов Е.Е. Урожай зерновых хлебов в Сев. Маньчжурии в 1933 г., *Вестник Маньчжурии*, 1934, №1, С. 20-27; Яшнов Е.Е. Современное положение крестьянства в Сев. Маньчжурии, *Вестник Маньчжурии*, 1934, №5, С. 1-12; Яшнов Е.Е. Виды на урожай зерновых хлебов в Сев. Маньчжурии в 1934 г., *Вестник Маньчжурии*, 1934, №9, С. 1-10; Яшнов Е.Е. Сельское хозяйство Маньчжурии за 10 лет, *Вестник Маньчжурии*, 1934, №11-12, С. 1-14.

16. Яшнов Е.Е. Источники познания населения и сельского хозяйства Китая, *Вестник Маньчжурии*, 1928, №2, С. 54-62; Яшнов Е.Е. Источники познания населения и сельского хозяйства Китая, *Вестник Маньчжурии*, 1928, №3, С. 55-67; Яшнов Е.Е. Источники познания населения и сельского хозяйства Китая, *Вестник Маньчжурии*, 1928, №7, С. 87-91; Яшнов Е.Е. Обзор основной литературы по сельскому хозяйству Китая, *Библиографический справочник*, т. 1, 1932, С. 1-28.

17. Яшнов Е.Е. Тихоокеанская проблема (мысли и факты), *Вестник Маньчжурии*, 1925, №2, С. 1-17; Яшнов Е.Е. История и народное хозяйство Китая (к теории исторических кризисов в Китае), *Вестник Маньчжурии*, 1929, №9, С. 72-87; Яшнов Е.Е. История и народное хозяйство Китая (к теории исторических кризисов в Китае),

Вестник Маньчжурии, 1929, №10, С. 65-78.

18. Яшнов Е.Е. Дискуссия об азиатском способе производства, *Библиографический справочник*, т. 2, 1932.

19. Яшнов Е.Е. Обзор основной литературы по сельскому хозяйству Китая, *Библиографический справочник*, т. 1, 1932, С. 1-28.

20. Предметом исследования Е.Е. Яшнова были экономики от Японии до Египта.

21. Lee J.S. The Periodic Recurrence of internecine Wars in China, *China Economic Journal*, 1931, 3-4.

22. Роль институциональных факторов в демографии см. J. Dupâquier, *De l'animal à l'homme: le mécanisme autorégulateur des population traditionnelles*, в: *La quantification en histoire*, Bruxelles, 1973.

23. Abrahamson P. Социальная эксклюзия и бедность, *Общественные науки и современность*, 2001, №2, С. 158-166. Сен А. Экономическая взаимозависимость и мировая продовольственная проблема, *Проблемы теории и практики управления*, №2, 1999, С. 8-15 и T. Dyson, *Population and Food: Global Trends and Future Prospects*, Routledge, London-New York, 1996.

Полкова Т.В.

ДИНАМИКА КАЧЕСТВА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Опубликовано при поддержке гранта РФФИ №15-06-09169 «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста».

Под качеством населения мы понимаем систему врожденных, приобретенных и реализуемых способностей, структурно выраженных:

– во-первых, в демографических характеристиках, отражающих процесс возобновления поколений (воспроизводственный, или демографический, потенциал);

– во-вторых, в совокупности унаследованных и приобретенных психофизиологических качеств как предпосылок способности к труду, а также качеств личности, сформированных и развитых в процессе обучения и социализации (трудовой, или «деятельностный» [1], потенциал);

– в-третьих, в социально-психологическом потенциале, проявляющемся в системах ценностей, целей и мотиваций, характере, культурном уровне, нравственном развитии, особенностях менталитета народа.

Таким образом, качество населения представляет собой систему врожденных, приобретенных и реализуемых способностей, выраженных в

наложении качественных характеристик на экономическую, демографическую и социальную структуры населения и обеспечивающих взаимодействие его воспроизводственного, трудового и социально-психологического потенциалов.

К важнейшим задачам в анализе и измерении качества населения относится построение алгоритма оценки качества населения и разработка методики построения интегральных расчетно-аналитических показателей и интегрального индекса качества населения.

Алгоритм оценки качества населения включает в себя:

- а) диагностику конкретной социально-экономической системы;
- б) определение круга учитываемых факторов и условий;
- в) определение основных составляющих качества населения;
- г) построение системы относительных исходных показателей, исчисленных на определенный период времени с учетом выделения и систематизации основных функций населения;
- д) порядок расчета и установление границ его применимости;
- е) расчет интегральных индексов качества населения;
- ж) обоснование направлений совершенствования качества населения.

Комплексная методика оценки качества населения базировалась на общем алгоритме оценки качества населения и интегральном индексе качества населения, рассчитываемом на основе пяти базовых показателей – уровней здоровья, образования, квалификации, рождаемости, уровня доходов населения. При построении методики мы исходили из того, что основой формирования качества населения является удовлетворение базовых общечеловеческих потребностей [2]. В ряду таких потребностей основными являются: хорошая продолжительность жизни, образование, наличие детей, хорошо оплачиваемой и интересной работы, достойный уровень доходов. Разработка методики основывается на следующих принципах:

- совершенствование качественных характеристик населения происходит на основе удовлетворения его базовых потребностей;
- удовлетворение базовых потребностей населения носит взаимно комплементарный характер, т.е. увеличение темпов удовлетворения одной из базовых потребностей происходит, при прочих равных обстоятельствах, за счет замедления темпов удовлетворения других;
- темпы удовлетворения базовых потребностей населения определяются рейтингом и текущим состоянием последних;
- индекс качества населения в каждый конкретный момент отражает то, насколько реальное положение соответствует оптимальному, а временной ряд таких индексов характеризует скорость приближения к оптимальному уровню.

Оптимальный уровень реализации каждого параметра, как правило,

принимается равным наибольшему значению из сопоставимых; а минимальный – наименьшему. Однако не всегда максимальный показатель является одновременно и оптимальным.

В расчетах использованы следующие фундаментальные эмпирически наблюдаемые и исчисляемые качественные характеристики населения:

Здоровье $x_1 = e0$ (ожидаемая продолжительность жизни при рождении¹, лет)

Образование $x_2 = (N/S) \cdot 100000$ (где N – число студентов вузов, чел.; S – общая численность населения, чел.)

Уровень доходов $x_3 = I/S$ (где I – валовый региональный продукт, долл. по ППС)²

Рождаемость $x_4 = F_{\text{сум}}$ (суммарный коэффициент рождаемости)³

Квалификация $x_5 = L/Se \cdot 100$ (где L – число занятых, имеющих высшее профессиональное образование, чел.; Se – общая численность занятых, чел.)⁴

Комплексная оценка состояния качественных характеристик и их взаимосвязь описываются интегральным индексом качества населения:

$$I_{\text{кн}} = \sum_i R_i I_i;$$

$$I_i = 1 - \frac{|x_{i, \text{онм}} - x_i|}{|x_{i, \text{онм}} - x_{i, \text{хуо}}|}$$

$$\sum_i R_i = 1,$$

1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении – число лет, которое в среднем предстояло бы прожить одному человеку при условии, что на протяжении всей жизни его поколения уровень смертности в каждом возрасте останется таким, как в годы, для которых вычислен показатель.

2. Уровень доходов имеет значение при оценке качества населения, поскольку величина дохода является детерминирующей для уровня жизни и возможности реализации потребностей населения, а следовательно, и совершенствования его качества. Кроме того, расчет с учетом ППС позволяет делать эффективные межрегиональные сравнения. Паритет покупательной способности (ППС) – количество единиц валюты, необходимое для покупки некоего стандартного набора товаров и услуг, который можно купить за одну денежную единицу страны. Использовались расчеты Всемирного Банка для России в целом.

3. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (15–49 лет) при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычислены возрастные коэффициенты. За оптимальный уровень рождаемости должно приниматься ожидаемое число детей (что требует дополнительных социологических обследований) либо показатель, соответствующий рациональному (экономичному) режиму воспроизводства населения при простом замещении поколений (2,33).

4. В связи с невозможностью применения в унифицированных расчетах более точного показателя «число лет обучения» и высоким уровнем распространенности среднего общего образования в России было принято решение использовать такой доступный и информативный показатель квалификации, как число занятых, имеющих высшее профессиональное образование.

где $I_{кн}$ – индекс качества населения; I_i – индекс i -й качественной характеристики; X_i – величина показателя i -й качественной характеристики; $X_{i,опт}$ – оптимальная величина i -й качественной характеристики; $X_{i,худ}$ – наихудшая величина i -й качественной характеристики; R_i – рейтинг i -й качественной характеристики (оценка значимости совершенствования той или иной качественной характеристики самим населением).

Именно поведенческий аспект человеческой жизнедеятельности, выраженный в рейтингах, определяет перспективу совершенствования качественных характеристик и развития населения в целом.

В 1980-90-е гг. прошлого века профессором МГУ А.А. Саградовым было проведено масштабное исследование развития населения всех союзных республик СССР [3]. В результате исследования были получены следующие выводы:

В 1980-е гг. качество населения СССР имело умеренно положительную динамику, прогрессируя во всех республиках, кроме Туркменистана. При этом самыми высокими темпами росло качество населения Таджикистана, Молдовы, Кыргызстана, Узбекистана и Белоруссии, низкие темпы роста были зафиксированы в России. Рост качества населения СССР происходил за счет увеличения средней продолжительности жизни, которая неуклонно увеличивалась во всех республиках. Большого прогресса в повышении жизненного уровня не происходило, снижалось качество образования. В целом темпы развития населения республик СССР были невысокими, тесно коррелировали с уровнем жизни (коэффициент ранговой корреляции Спирмена 0,83, менее значительно – с уровнем миграции в регионах – 0,55).

В 1990 г. ситуация изменилась: просчеты в осуществлении экономической реформы, низкий уровень зарплаты и высокие темпы инфляции подорвали потребность в привычном труде как источнике благосостояния и обусловили резкое падение значимости квалификации, в то же время возросла сравнительная ценность образования, повысилась ценность здоровья. Оценки значимости брака и деторождения имели тенденцию к снижению в первую очередь в Армении, Азербайджане, Эстонии, Латвии.

В 2000-х гг. нами были предприняты попытки выборочно повторить этот опыт на базе регионов России (в первую очередь Уральского экономического района и Уральского федерального округа). Интересно сравнить данные, полученные в советское время, с современными показателями. Расчеты показали, что *те тенденции, которые начали проявляться в 1990-е гг., никуда не исчезли, но, напротив, усилились.*

Демографическая ситуация на постсоветском пространстве по-прежнему характеризуется значительной напряженностью и противоречивостью, что связано и с низкой рождаемостью в промышленно развитых регионах, несмотря на некоторый подъем последних лет, не обеспечивающей еще

естественный прирост населения, и с отставанием средней продолжительности жизни и младенческой смертности от достойного мирового уровня развитых стран, неблагоприятной структурой причин смертности (высокой долей преждевременной смертности от неестественных причин), дифференциацией в средней продолжительности жизни мужчин и женщин, негативными тенденциями внутренней миграции. Одновременно воспроизводство населения протекает в условиях ухудшающегося социально-экономического положения страны.

На основе вышеприведенной методики (сходной с методиками исследования развития населения А.А. Саградова и Б.Ц. Урланиса [3, 4] и отличающейся от них выбором показателей) были рассчитаны интегральные индексы качества населения по Уральскому федеральному округу (рис. 1) [5; 6, с. 50-58; 7].

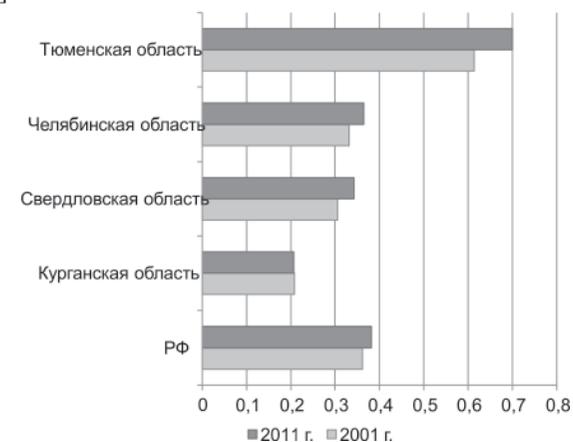

Рисунок 1. Динамика индекса качества населения по регионам УрФО в 2001-2011 гг.

Из проведенного анализа видно, что наивысший уровень качества населения имеет место в Тюменской области, особенно в ХМАО и ЯНАО, качество населения Свердловской и Челябинской областей находится на среднем уровне и приближается к среднероссийскому показателю, а в Курганской области – заметно отстает от него. Сразу заметно, что такая деформация связана с преимущественным развитием добывающей промышленности.

При сравнении качества населения УрФО с другими округами наблюдается картина, описываемая рис. 2. По показателю качества населения УрФО уступает только Центральному федеральному округу, опять-таки за счет среднедушевого ВРП, обеспечиваемого Тюменской областью. Наихудший индекс качества населения – в Северо-Западном, Приволжском и Даль-

невосточном округе.

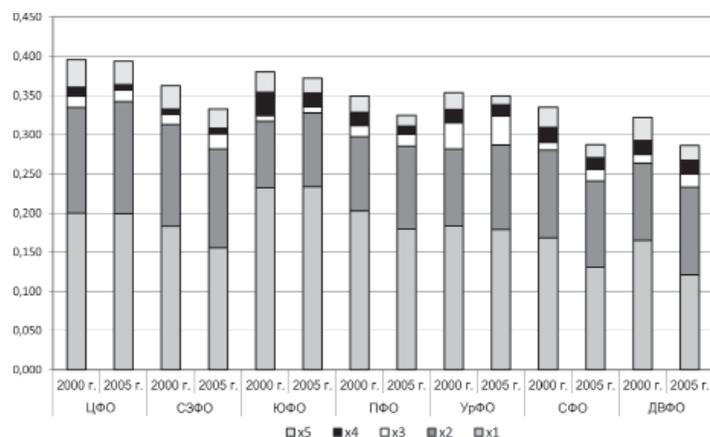

Рисунок 2. Динамика интегрального индекса качества населения федеральных округов России

Условные обозначения: X_1 – средняя ожидаемая продолжительность жизни, X_2 – число студентов вузов на 10 тыс. населения; X_3 – ВРП на душу нас., долл. ППС; X_4 – суммарный коэффициент рождаемости; X_5 – доля занятых в экономике, имеющих высшее образование.

Расчеты показывают, что качество населения наиболее тесно связано с достижениями в области образования и уровнем доходов населения, и напротив, наблюдается слабая его связь с показателями рождаемости и средней продолжительности жизни (показателя, в наилучшей степени отражающего уровень здоровья). Если учесть высокую значимость здоровья по оценкам населения, станет ясно, в какой степени повышение суммарного коэффициента рождаемости и средней продолжительности предстоящей жизни может изменить общий уровень качества населения.

Произведенные нами оценки качества населения регионов России с помощью интегральных индексов качества населения еще раз подтвердили, что экономический рост сам по себе не может автоматически решить социальных проблем. Более того, усиливается региональная и социальная дифференциация и даже высокий уровень доходов еще не гарантирует социального благополучия.

К примеру, высокий уровень доходов населения вовсе не гарантирует социального благополучия: распространение наркотиков и ВИЧ/СПИДа – острейшая проблема богатых экспортных регионов и крупных городов.

Число инфицированных в ХМАО и Свердловской области почти в три раза выше среднероссийского уровня, в Челябинской области – почти вдвое выше и продолжает быстро расти вслед за распространением наркомании. В тех же богатых нефтегазодобывающих автономных округах наблюдается особенно низкое долголетие мужчин, преимущественно в сельской местности, что связано с распространением алкоголизма и туберкулеза среди коренных малочисленных народов Севера.

Таким образом, можно сделать вывод, что при оценке качества населения регионов, располагающих значительными запасами природного сырья, не следует абсолютизировать значимость такого, безусловно, важного показателя, как уровень доходов населения, нужно учитывать и уровень различных показателей качества жизни, в частности, дифференциации доходов, развития образования и здравоохранения, заболеваемости и др.

Совершенствование качества населения находится в непосредственной зависимости от определения приоритетов социально-экономических программ, их систематизации и согласования усилий федерального, регионального и местного уровней, при котором достигается наибольшая степень реализации и экономических, и социальных целей, исключая приоритеты одних относительно других.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что индексная методика качества населения может использоваться не только для разработки мер демографической политики, но и для решения самых разнообразных проблем. В условиях неблагоприятных социально-экономических тенденций, ограниченности финансовых ресурсов данная модель может найти широкое применение в связи с тем, что она предоставляет возможность расчетным путем определить приоритеты социально-экономической политики и проверить эффективность принимаемых программ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Медков В.М. Качество населения: сущность, содержание, критерии. М.: Прогресс, 1995. С. 20-28.
2. Саградов А.А. Теория и методы изучения качества населения. М.: Гуманитарный фонд, 1995. 174 с.
3. Саградов А.А. Методологические основы изучения развития населения и разработки социально-демографической политики. 4-я Всесоюзная школа-семинар «Демографическая политика и программа развития народонаселения в условиях суверенитета республик». Ашхабад, 11-15 ноября 1991 г.
4. Урланис Б.Ц. Проблемы экономической демографии // Проблемы демографии. Вопросы теории и практики / Под ред. Д.Л. Бронера, И.Г. Венецкого. М.: «Статистика», 1971.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат.

М., 2013. 990 с.

6. Оценка качества экономического роста региона с учетом противоречий воспроизводства человеческого потенциала / Шеломенцев А.Г., Кузьмин А.И., Андреева Е.Л., Козлова О.А., Нифантова Р.В., Полкова Т.В., Косьмин И.Ф. и др. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2010. 179 с.

7. Полкова Т.В. Демографический потенциал как составляющая качества жизни // Экономика региона, 2014. №3 (39) С. 118-130.

Поплыко В.И.

АНАЛИЗ ЧИСЛЕННОСТИ И СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШЕ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В Беларуси в настоящее время проживает около 9,5 млн человек и за последние двадцать лет количество жителей неуклонно сокращается. На этом фоне еще большую проблему снижения числа жителей имеют сельские территории. Происходят не только количественные изменения, но и качественные. Меняется в первую очередь половозрастная структура населения.

В стране на начало 2015 года численность лиц младше трудоспособного возраста составила 1,6 миллиона человек (за прошлый год она увеличилась на 30,1 тысячи человек). Численность населения старше трудоспособного возраста на начало текущего года достигла 2,3 миллиона человек (за 2014 год она увеличилась на 45,7 тысячи человек). Сегодня почти каждый четвертый житель республики – старше трудоспособного возраста, в то время как в 2000 году им был почти каждый пятый [1].

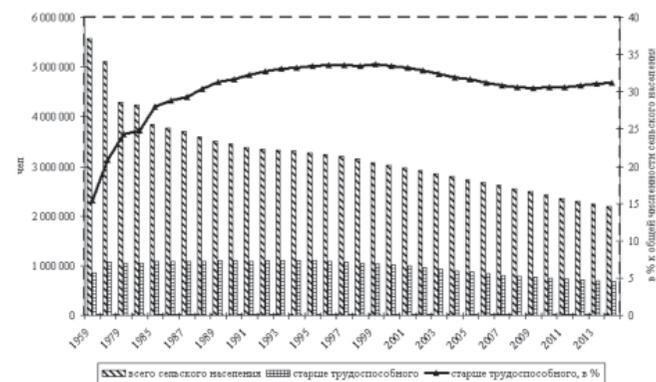
Особенно ярко негативные процессы проявляются в сельской местности. Возникают вопросы демографической и социальной обеспеченности сельских территорий.

На рис. 1 представлена динамика численности сельского населения и его структура. За 1991-2013 гг. количество сельских жителей сократилось на 1,38 млн человек, или 34,4%, – до 2,193 млн человек. С чем связан данный негативный тренд? В первую очередь – с миграцией населения в город. Процесс урбанизации негативно сказывается на количестве жителей сельской местности. Во-вторых – с естественной смертностью населения. Начиная с 1976 г. количество умерших превышает роживших на селе.

Так складывается общая «картинка» по стране. Республика Беларусь состоит из 118 территориально-административных районов и свыше 200 городов и городских поселков. В своей работе мы рассмотрим численность населения старше трудоспособного возраста по состоянию на 1 января 2014 года. Для женщин это возраст свыше 55 лет, для мужчин – свыше 60 лет.

Исследование проведем в два этапа. На первом соберем необходимую демографическую половозрастную статистику. Рассчитаем обеспеченность трудоспособным населением лиц старше трудоспособного возраста (на 1000 человек лиц трудоспособного возраста приходится пенсионеров; человек). В данном случае это обратный показатель пенсионной нагрузки на трудоспособное население. Для оценки будущей демографической ситуации рассчитаем коэффициент потенциальной пенсионной обеспеченности (отношение числа детей на 1000 лиц пенсионного возраста). Данные возьмем по всем 118 территориально-административным районам страны для сельского населения.

Рис. 1 Динамика численности сельского населения

На втором этапе работы проведем кластерный анализ районов по выбранным признакам для разбиения на группы. Он представляет собой совокупность методов классификации многомерных наблюдений или объектов, основанных на определении понятия расстояния между объектами с последующим выделением из них групп, «сгустков» наблюдений (кластеров, таксонов). Кластерный анализ используется при исследовании структуры совокупностей социально-экономических показателей или объектов: предприятий, регионов, социологических анкет, коллективов и т.д. Методы кластерного анализа позволяют разбить изучаемую совокупность объектов на группы «схожих» объектов, называемых *кластерами* [2, с. 66-67].

Большинство методов кластеризации (иерархической группировки) являются *агломеративными* (объединительными) – они начинают с создания элементарных кластеров, каждый из которых состоит ровно из одного исходного наблюдения (одной точки), а на каждом последующем шаге происходит объединение двух наиболее близких кластеров в один. Момент остановки этого процесса может задаваться исследователем (например, указани-

ем требуемого числа кластеров или максимального расстояния, при котором допустимо объединение). Графическое изображение процесса объединения кластеров может быть получено с помощью *дендрограммы* – дерева объединения кластеров.

Данный подход позволит нам проверить гипотезу о существовании групп сельскохозяйственных районов, объединить по определенным признакам. Избежать слепой «интерпретации» полученных результатов чисто эмпирическим и формальным путем. В процессе исследований расчеты проводились с помощью статистического пакета STATGRAPHICS (Statistical Graphics System) [3].

Как меру близости объектов используем квадрат евклидова расстояния для получения результатов. Принцип работы иерархических агломеративных процедур состоит в последовательном объединении групп элементов сначала самых близких, а затем все более отдаленных друг от друга. По координатам центроидов можно судить о том, какие переменные играют наибольшую роль в каждом кластере. Используем медианный метод как наиболее сбалансированный. Этот метод объединяет кластеры, которые имеют большое количество наблюдений, и имеет тенденцию выделять кластеры, которые имеют приблизительно то же самое число членов. Данные будут группироваться по схожести наблюдаемых объектов.

В процессе анализа количество классов менялось с 5 до 3. Вариант расчетов по 5 группам давал неплохие результаты, но имел недостатки. Первый кластер – высокие значения показателей, второй – наихудшие. Третий кластер объединял 1 Брестский район с высокими показателями, что составляло 0,85% от их общего числа. Четвертый кластер объединял 8 районов с наихудшими значениями. Пятый кластер состоял из Минского района с максимальными значениями. Поэтому количество кластерных групп пришлось сократить.

В сводке кластерного анализа представлены результаты распределения районов по группам. Количество административных образований, объединенных в группы, колеблется от 42 до 75, их доля, соответственно, от 35,6 до 63,36. Особняком находится третья группа, состоящая из 1 Минского района. Это и понятно – Минск с почти 2 млн жителей оказывает стимулирующее влияние на близлежащий район. Самое главное заключается в том, что расчеты координат центроидов дают представление о некой средней величине признаков каждого кластера. Таким образом получить как количественную (число объектов), так и качественную характеристику (по признакам) каждой выделенной группы районов.

Результаты кластерного анализа

Кластер	Количество районов	Координаты центроидов		В % к итогу
		обеспеченность трудоспособным населением лиц старше трудоспособного возраста, на 1000 чел.	Обеспеченность детьми лиц старше трудоспособного возраста, на 1000 чел.	
1	42	1856,28	608,903	35,59
2	75	1422,83	441,446	63,56
3	1	3171,25	1019,34	0,85
РБ сельское население	118	1673,33	531,36	100,0

Расчитано по данным: [4, с. 78-90; 5, с. 70-126].

В результате кластерного анализа всех территориально-административных образований по 2 признакам были сформированы следующие группы:

- первая, которая отличается высокими значениями обеспеченности трудоспособным и детским населением лиц старше трудоспособного возраста и по этому показателю занимает лидирующее место. Входящие в данную группу районы имеют максимальное количество детей и трудоспособного населения на 1000 человек. Одновременно данные территории характеризуются очень близкими к среднереспубликанским, хотя и более высокими значениями показателей;

- вторая, включающая в себя районы с наихудшими показателями обеспеченности детьми и трудоспособным населением пенсионеров. Они включают территории, которые на 17% ниже среднего уровня обеспеченности по стране детьми (441 г.) и на 15% по трудоспособным;

- третья, которая объединяет Минский район с самыми высокими показателями. Столичный регион, безусловно, имеет все социально-экономические преимущества, а значит – лучшую демографическую ситуацию.

Данная группировка сельских районов позволяет условно их разде-

лить на две совокупности. Первая, объединяющая наиболее благоприятные в демографическом плане сельские районы 1 и 3 группы, общим количеством 43. Вторая, с худшими производственными показателями, включающая 2 кластер, состоящий из 75 районов.

Проведенный многомерный анализ дает представление о региональном распределении сельских районов. Группы складывались следующим образом:

Первая, которая включает 43 района в центральной, юго-восточной и юго-западной части страны. Она расположена достаточно фрагментарно. В их числе 6 районов Брестской области, 3 Витебской и Гродненской по 2, Гомельской – 8 и Минской и Могилевской – по 9 районов и столичный (Минский) район. Она включает: Барановичский, Брестский, Жабинковский, Каменецкий, Кобринский, Лунинецкий, Малоритский, Столинский, Витебский, Лепельский, Оршанский, Буда-Кошелевский, Гомельский, Жлобинский, Кормянский, Лельчицкий, Мозырский, Речицкий, Хойникский, Гродненский, Островецкий, Ошмянский, Борисовский, Вилейский, Дзержинский, Молодечненский, Несвижский, Пуховичский, Смолевичский, Узденский, Червенский, Горецкий, Кличевский, Краснопольский, Кричевский, Круглянский, Могилевский, Мстиславский, Осиповичский, Славгородский, Хотимский, Чериковский и Минский районы.

Вторая, включающая 75 районов северной, центральной и западной части страны. Она имеет крупный четкий сомкнутый ареал – районы Брестской, Гродненской и Минской областей, имеющие общую границу. Остальные территориальные образования как бы окаймляют крупные областные центры. Она включает: Березовский, Ганцевичский, Дрогичинский, Ивановский, Ивацевичский, Ляховичский, Пинский, Пружанский, Бешенковичский, Браสลавский, Верхнедвинский, Глубокский, Городокский, Докшицкий, Дубровенский, Лиозненский, Миорский, Полоцкий, Поставский, Россонский, Сенненский, Толочинский, Ушачский, Чашникский, Шарковщинский, Шумилинский, Брагинский, Ветковский, Добрушский, Ельский, Житковичский, Калинковичский, Лоевский, Наровлянский, Октябрьский, Петриковский, Рогачевский, Светлогорский, Чечерский, Берестовицкий, Волковысский, Вороновский, Дятловский, Зельвенский, Ивьевский, Кореличский, Лидский, Мостовский, Новогрудский, Свислочский, Слонимский, Сморгонский, Щучинский, Березинский, Воложинский, Клецкий, Копыльский, Крупский, Логойский, Любанский, Мядельский, Слуцкий, Солигорский, Стародорожский, Столбцовский, Бельничский, Бобруйский, Быховский, Глусский, Дрибинский, Кировский, Климовичский, Костюковичский, Чаусский, Шкловский районы.

Проведенный анализ населения старше трудоспособного возраста сельской местности по 118 районам за 2013 год позволяет сделать опреде-

ленные выводы.

Основной тенденцией изменения возрастной структуры населения является увеличение доли населения в возрасте старше трудоспособного и уменьшение в возрасте моложе трудоспособного. Число людей старше трудоспособного возраста в общей численности населения растет более быстрыми темпами, чем число людей младше трудоспособного возраста.

Вместе с тем, существующие в настоящее время в Беларуси системы здравоохранения, образования и пенсионного обеспечения финансируются как из бюджета, так и участниками (потребителями) этих услуг. Пенсионная система построена по солидарному принципу. Сегодняшний пенсионер получает доход из отчислений лиц трудоспособного возраста. Чем выше коэффициент обеспеченности трудоспособным населением, тем выше возможность получить более высокие доходы и социальные услуги пенсионерам. Проведенные расчеты показывают, что только каждый третий сельский район имеет стабильную обеспеченность трудовыми ресурсами лиц старше трудоспособного возраста.

Выбранные показатели трудообеспеченности и потенциальной обеспеченности пенсионеров позволяют достаточно объективно ранжировать районы. При наличии данных за период можно было дать более точную оценку текущей ситуации и на перспективу. На географической карте Беларуси четко просматриваются «коридоры»: Запад-Восток и Север-Юг (путь из «варяг в греки»). Окаймление областных центров, в особенности столицы районами с благоприятным демографическим потенциалом. Опустошенным выглядят север Витебской области и центр Гродненской области. Это позволяет реально сделать вывод о том, что демографическая ситуация в большинстве сельских районов остается крайне сложной.

ЛИТЕРАТУРА:

1. В Беларуси возрастает пенсионная нагрузка на трудоспособное население [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trend.az/world/byelorussia/2379551.html>. Дата доступа – 06.07.2015.
2. Тюрин Ю.Н., Макаров А.А. Анализ данных на компьютере. Под ред. В.Э. Фигурнова. М., Финансы и статистика, 1995. – 384 с.
3. STATGRAPHICS Plus For Windows. User Manuals. Manugistics Inc., USA. 1995.
4. Демографический ежегодник Республики Беларусь. Статистический сборник. Ред. кол. В.И. Зиновский – председ. и другие. – Минск, Нац. стат. Комитет Респ. Беларусь, 2014. – 412 с.
5. Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2014 года и среднегодовая численность населения за 2013 год. Статистический сборник. – Минск, Нац. стат. Комитет Респ. Беларусь, 2014. – 183 с.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ УЙГУРСКОЙ ДИАСПОРЫ В КАЗАХСТАНЕ

Данная публикация рассматривает особенность развития численности уйгурской диаспоры Казахстана за период с конца XIX до начала XXI века.

В историографии Казахстана вопросам миграции уйгурского населения на территорию Казахстана посвящены специальные работы Г.С. Баратовой, А. Камалова и В. Кларка, развернутые статьи С. Кожировой, Г.А. Сарсембаевой, Б. Жангуттина. Статистические данные по демографии уйгуров нашли свое освещение в трудах исследователей Н.В. Алексеенко и А.Н. Алексеенко, Н.Э. Масанова.

Появление первых семей таранчей и дунган на территории Семиречья связано с напряженной политической обстановкой на границе с Китаем. (Таранчи – историзм, маньчжурского происхождения, букв. «пахари, земледельцы»). Собирательное наименование мусульманского тюркоязычного оседлого населения Восточного Туркестана. В 1921 г. на Ташкентском съезде представителей кашкарлыкской и таранчинской интеллигенции был принят этноним – «уйгур»).

В 1879 году под давлением международного общественного мнения начались переговоры о возвращении Илийского края Китаю. Перед русским правительством возник вопрос о судьбе населения края, опасавшегося репрессий и мести со стороны цинской администрации.

12 (24) февраля 1881 г. был заключен Санкт-Петербургский мирный договор, статья третья которого гласила: «Жителям Илийского края предоставляется остаться на нынешних местах жительства их, в китайском подданстве, или же выселиться в пределы России и принять российское подданство. Они будут опрошены об этом до восстановления китайской власти в Илийском крае, и тем из них, которые пожелают переселиться в Россию, дан будет на это годичный срок со дня передачи края китайским властям» [1, с. 220]. Переселение первых уйгур и дунган в соседнее Семиречье началось осенью 1881 г. и продолжалось до 1884 г. Рост численности переселенцев происходил достаточно активно. В пределы России переселилось около половины населения Илийского края. По переписи 1897 г. численность уйгуров составила 55 815 и 15 276 дунган [1, с. 221]. Из переселенцев было образовано 5 новых волостей: Джаркентско-Таранчинская, Аксу-Чарынская, Малыбаевская, Карамская, Карасуйская. Переселялись дунгане и уйгуры целыми деревнями, образуя в основном моноэтнические поселения. Практиковали поливное земледелие, скотоводство и промыслы имели второстепенное значение. С этого времени уйгуры были одной из трех основных этнических

групп в части долины реки Или вместе с казахами и русскими.

По расчетам, выполненным исследователем Н.В. Алексеенко, численность уйгуров и дунган в канун революции составила 48,2 тыс., или 0,8%, из 5 753,5 тыс. человек всего населения Казахстана [2, с. 13]. Размещались они в основном в Верненском и Джаркентском уездах.

За Советский период основная информация по теме представлена в данных Всесоюзных переписей населения. За годы Советской власти было проведено всего 8 переписей населения: в 1920, 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 годах. Перепись населения 1937 года постановлением СНК СССР от 23 сентября 1937 г. была признана неудовлетворительной, а сами материалы переписи дефектными [3, с. 29].

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. численность уйгуров Казахстана составила 63 434 человек, или 1% всего зарегистрированного населения [1, с. 587]. Под этнонимом «уйгур» в данном случае объединены следующие отраженные в переписи группы: таранчи (51 803 человека), кашгарцы (1121 человек) и собственно уйгуры (10 510 человек) [1, с. 540]. Они занимали седьмую позицию по численности населения республики после татар. Основным регионом их расселения по-прежнему являлась Джегтысуйская губерния, где проживала наибольшая часть уйгурского населения – 62 252 чел.

Пришедший на смену гражданской войне голод 1920-х, коллективизация и последовавший затем голод 1930-х принесли огромные изменения в размещение и состав населения всего Советского Союза, затронув Казахстан и проживающие там народы.

Сопоставление переписей 1926 и 1939 гг. показывает, что Казахстан покинуло более 200 тыс. семей переселенцев (около 1 млн. человек) [2, с. 31]. Численность уйгуров в результате массовой откочевки сократилась с 63,4 тыс. до 35,4 тыс., что составило 26,9 тыс. человек, или 43,2% всей численности диаспоры (см. таблицу 1).

Архивные материалы свидетельствуют, что на период между 1930 и 1931 г. пришелся пик миграции уйгуров из СССР [4, с. 170]. Таким образом, доля уйгуров в общей численности населения республики сократилась с 1% в 1926 г. до 0,6% в 1939 г.

Основным районом проживания уйгур оставалась Алма-Атинская область и Алма-Ата, где проживало более 83% всех зарегистрированных представителей уйгурской диаспоры. А в ряде областей республики – Талды-Курганской, Мангистауской, Кокчетавской, Жезказганской – представители этой диаспоры не расселялись.

Таблица 1

Расселение уйгур по областям Казахстана по данным Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. [1, с. 541]

Область	1939 г.		1959 г.		1970 г.		1979 г.		1989 г.	
	Абсолютная численность, чел.	Доля, %								
Казахстан	35 409	100	59 840	100	120 881	100	147 943	100	185 301	100
Актюбинская	61	0,2	-	-	-	-	-	-	151	0,1
Алматинская	29392	83,0	49725	83,1	71358	59,0	86 625	58,6	103704	56,0
Восточно-Казахстанская	102	0,3	-	-	146	0,1	146	0,1	234	0,1
Атырауская (Гурьевская)	52	0,2	-	-	-	-	-	-	208	0,1
Жамбылская	382	1,1	-	-	2388	2,0	2403	1,6	2805	1,5
Жезказганская (с 1997 в составе Карагандинской)	-	-	-	-	184	0,2	217	0,2	356	0,2
Карагандинская	82	0,2	-	-	261	0,2	340	0,2	519	0,3
Кзыл-Ординская	74	0,2	-	-	-	-	-	-	163	0,1
Кокчетавская										
(с 1997 в составе Северо-Казахстанской)			-	-	-	-	-	-	152	0,1
Кустанайская	75	0,2	-	-	-	-	-	-	234	0,1
Мангистауская			-	-	60	0,1	85	0,1	-	-
Павлодарская	51	0,1	-	-	101	0,1	106	0,1	204	0,1
Северо-Казахстанская	67	0,2	-	-	-	-	-	-	34	0,0

Семипалатинская (с 1997 в составе ВКО)	104	0,3	-	-	1394	1,1	1081	0,7	1257	0,7
Талды-Курганская(в 1997 вошла в состав Алматинской)	-	-	-	-	21488	17,8	24788	16,8	30469	16,4
Тургайская	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Западно-Казахстанская (Уральская)	110	0,3	-	-	-	-	-	-	26	0,0
Акмолинская (Целиноградская)	147	0,4	-	-	-	-	-	-	153	0,1
Южно-Казахстанская (Чимкентская)	382	1,1	-	-	3176	2,6	3176	2,2	3752	2,0
г. Алма-Ата	4328	12,2	7974	13,3	20439	16,9	28309	19,1	40880	22,1

Очередным крупным сдвигом является межпереписной период 1959-1970 гг. За этот период в Казахстане происходит значительное, в 2 раза, увеличение общей численности уйгурской диаспоры: с 59 840 до 120 244 человек, или до 0,9% общей численности населения республики. Увеличение напрямую связано с массовой реэмиграцией населения из Китая. Ареал расселения оставался ограниченным границами Алматинской области и города Алматы (таблица 1).

Непростые политические реалии времени – в 1955 году Восточно-Туркестанская Республика прекратила свое существование как независимое государство и стала китайской провинцией – Синьцзяно-Уйгурским автономным районом – и последовавшие затем советско-китайские договоренности об открытии границ для лиц, имевших советские паспорта, послужили причиной очередной массовой волны уйгурской и казахской миграции с территории Синьцзяна. Решение для СССР было логичным и обоснованным необходимостью увеличения числа трудовых резервов, необходимых для освоения целины. Китайское правительство же было заинтересовано в эмиграции специалистов уйгуров и казахов ради освобождения места для ханьских поселенцев. Среди тех, кто первым возвращался в 1954 г., было немало советских специалистов, направленных в 1950 г. по просьбе КНР для оказания помощи в создании промышленной и сельскохозяйственной базы Синьцзяна, а также людей, бежавших из СССР в 20-30-е годы от сталинских репрессий.

В эти годы Советское руководство издает ряд важных документов, способствующих приему реэмигрантов из Китая. Постановление Совета Министров СССР №1078-520 от 25 сентября 1958 года «О дополнительных мероприятиях по репатриации советских граждан из Китайской Народной

Республики» установило перечень льгот «советским гражданам, прибывающим из КНР и направляемым в районы освоения целинных, залежных и вновь орошаемых земель». В соответствии с ними переселенцам гарантировалось:

- выдача единовременного денежного пособия в размере 3000 руб. на главу и 600 руб. на каждого члена семьи;
- оплата фактических расходов по проезду и провозу багажа от советско-китайской границы до места вселения и другие льготы [5, с. 51].

За период начала освоения целины в СССР вернулись тысячи мигрантов, имевших советские паспорта, только за лето 1960 г. вернулось 1390 специалистов – учителей, инженеров, техников. Вместе с семьями число переселенцев составило почти 4000 человек [4, с. 175]. Всего же за период 1954-1963 гг. произошло переселение примерно 100 тыс. уйгуров и казахов из Синьцзяна в Казахскую ССР [4, с. 177].

К 1970 году расселение диаспоры по территории республики оставалось неравномерным. Высокая концентрация проживания уйгуров сохранялась в Алма-Атинской, Жамбылской, Южно-Казахстанской областях, более 20 тысяч человек обосновалось на территории Талды-Курганской области. В Павлодарской, Семипалатинской, Восточно-Казахстанской, Жамбылской областях после продолжительного отсутствия, составляющего почти двадцатилетний отрезок, вновь появляются уйгурские семьи. Вне зоны проживания оставались Кызыл-Ординская, Кокчетавская, Кустанайская, Северо-Казахстанская, Тургайская, Западно-Казахстанская, Акмолинская области (таблица 1).

Переписи 1979 и 1989 гг. показывают стабильный естественный прирост населения. Общая численность диаспоры постоянно возрастала и в 1989 г. составила 185 301 тыс. человек, что составляло 1,1% общей численности населения (таблица 1).

Последняя «волна» уйгурской миграции в Казахстан представлена приезжающими в государства Центральной Азии с коммерческими целями. «Китайский торговый бум», который наблюдался в Казахстане уже с 1987 года, особый размах приобрел в 1991-1993 гг., подпитывая миграцию.

В целом, вышеизложенный материал позволяет выделить следующие демографические особенности уйгурской диаспоры Казахстана:

1. На сегодняшний день уйгурский этнос уверенно входит в представительство пяти крупнейших этносов на территории республики, с численностью населения на 1 января 2014 г. – 246 777 человек, что составило 1,4% от общей численности населения республики, уступая по численности украинскому этносу (более 300 тыс. человек) (таблица 2). В республике живут и работают 42 доктора наук, четыре академика, более 200 кандидатов наук, пять народных артистов РК, более 20 «заслуженных» деятелей Республики

Казахстан уйгурской национальности. На территории республики действует Общественное объединение «Республиканский культурный центр уйгуров Казахстана», который официально зарегистрирован и является центром выработки идей по развитию уйгурской диаспоры, занимающимся широким спектром вопросов – от культурных до политических [12]. В Алматы с 1934 года работает Республиканский Государственный уйгурский театр музыкальной комедии имени К. Кужамьярова, ставший одним из центров театральной и музыкальной культуры республики. На местах во многих областных центрах основаны и успешно работают уйгурские этнокультурные объединения, в том числе и в Усть-Каменогорске.

2. В связи с наличием нескольких эмиграционных волн уйгуров на территорию Казахстана с территории Восточного Туркестана отмечается неоднородность этнического состава уйгур. Произошло создание трех подгрупп этноса (соответствующие устной традиции уйгуров): «уаерликлар», или «ерликлар» (местные жители), которые были рождены в Казахстане и чьи семьи жили здесь с 1900 года; «kalganlar», или «кельгянляр», прибывшие мигранты 1950-1960-х годов, «Khitailiq» (из Китая) – уйгуры, прибывшие из Китая, чтобы работать или торговать на временном основании [6, с. 352].

3. Основным районом расселения диаспоры традиционно остается Южный Казахстан и город Алматы, где проживают 63,2% и 33% уйгуров соответственно. Кроме того, в настоящее время значительное число уйгуров проживают в следующих областях: Восточно-Казахстанская область – 972 человека, Карагандинская – 624 человека. Наименьшее же количество лиц уйгурской национальности – 94 человека – отмечено в Атырауской области (таблица 3). При этом основная часть населения диаспоры – 57,3% – проживают в сельской местности [7, с. 22]. Таким образом, выделяется характерная черта уйгуров Казахстана – компактное проживание и большая степень их этнической консолидации.

4. Последние пятнадцать лет этнос показывает высокие темпы естественного прироста. Казахстанские исследователи причисляют уйгурский этнос вместе с казахским и узбекским этносами к т.н. группе «растущих этносов» [9, с. 368]. Наиболее высокие показатели роста наблюдались в период 2009-2014 гг., прирост составил 9%, или 22 070 человек (таблица 2).

Таблица 2

**Этнический состав населения Казахстана в 1999-2014 гг., тыс. чел.
[9, с. 11; 10, с. 21; 11, с. 2]**

Этносы	1999 г.		2009 г.		2014 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Всего	14955,1	100	15776,5	100	17160774	100

Казахи	7971,6	53,3	10096,8	63,1	11244547	66
Русские	4489,7	30,0	3793,8	23,7	3685009	21,5
Украинцы	549,5	3,7	422,7	2,1	301346	1,8
Узбеки	369,8	2,5	457,0	2,9	521252	3,04
Уйгуры	210,1	1,4	224,7	1,4	246777	1,4
Татары	249,4	1,7	204,2	1,3	203108	1,2
Немцы	356,4	2,4	178,4	1,1	181928	1,1
Другие	758,6	5,1	721,7	4,5	776807	4,5

Таблица 3

**Расселение уйгур по областям Казахстана по данным за 1999, 2014 гг.
[9, с. 99-114, 11, с. 2]**

Область	1999 г.		2014 г.	
	абсолютная численность, чел.	доля, %	абсолютная численность, чел.	доля, %
Казахстан	210339	100	246777	100
Актюбинская	-	-	129	0,1
Алматинская	140715	9	156004	63,2
Восточно-Казахстан- ская	1389	0,1	972	0,4
Атырауская	41	0,0	94	0,03
Жамбылская	2569	0,3	2688	1,1
Карагандинская	-	-	624	0,3
Кзыл-Ординская	121	0,1	144	0,1
Кустанайская	-	-	154	0,1
Мангистауская	-	-	171	0,1
Павлодарская	-	-	204	0,1
Северо-Казахстан- ская	-	-	128	0,1
Западно-Казахстан- ская	-	-	101	0,04
Акмолинская	240	0,1	220	0,1

Южно-Казахстан- ская 3258	0,2	3832	1,5	
г. Алматы	60411	5,3	80347	33
г. Астана			965	0,4

ЛИТЕРАТУРА:

1. Масанов Н.Э. История Казахстана: народы и культура. Учебное пособие. – Алматы: Дайк Пресс. – 2000. – 608 с.
2. Алексеенко Н.В. Историческая демография Казахстана. – Усть-Каменогорск: ВКГУ. – 2001. – 67 с.
3. Борисов В.А. Демография. – М.: Издательский дом Notabene, 1999, 2001. – 272 с.
4. Clark W., Kamalov A. Uigur migration across Central Asian frontiers // Central Asia Survey (June, 2004), 23 (2), 167-182.
5. Жангуттин Б. «Репатриация диаспор Синьцзяна: основные этапы, итоги» // Казахская цивилизация. – №3. – 2004. – С. 44-56.
6. Кожирова С.Б. Уйгуры Казахстана: история «миграционных» волн // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. – Археология, этнография, устная история. Алтайская государственная педагогическая академия. Барнаул, 2011. – С. 347-353.
7. Аналитический отчет. «Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года». Под ред. Смаилова А.А. – Астана, 2011. – 65 с.
8. Сарсембаева Г.А. Динамика численности и этнический состав населения Казахстана в 1989-2009 гг. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сб. науч. трудов XI Междунар. науч.-практич. конф. 28-29 мая 2010 г. – Усть-Каменогорск: «Либриус», 2010. – 480 с.
9. Краткие итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник / Под ред. А.А. Смаилова. – Алматы. – 1999. – С. 211.
10. Численность населения по отдельным этносам. Агентство Республики Казахстан по статистике «Итоги национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года». Аналитический отчет. – Астана. – 2011. – С. 65.
11. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2014 года. Статистическое агентство Республики Казахстан. Серия 15. Демография. – С. 20.
12. Казахстан: уйгурский вопрос. URL <http://www.bsblog.info/kazakhstan-ujgurskij-vopros/>, опубликовано 20.06.2013.

ВОСПРОИЗВОДСТВО ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ РОССИИ

В контексте устойчивого развития сельских приграничных территорий подход к анализу формирования и использования ресурсов труда с позиции трудового потенциала нам представляется наиболее плодотворным. Под трудовым потенциалом сельской территории будем понимать совокупность динамично развивающихся физических и духовных сил сельских сообществ, которые могут быть использованы в процессе трудовой деятельности. Раскрывая сущность и особенности трудового потенциала, следует акцентировать внимание на следующих основных моментах¹:

1) трудовой потенциал является важнейшей компонентой человеческого потенциала и характеризует не только достигнутый уровень развития и использования ресурсов труда, но и оценивает возможности их совершенствования в перспективе;

2) трудовой потенциал не равен сумме потенциалов отдельных работников (реальных и потенциальных), это некоторая другая сущность, другое качество, характеризующее сельское трудовое сообщество как нечто целостное, динамичное, способное к саморазвитию;

3) трудовой потенциал неразрывно связан с трудовой деятельностью, которая лежит в основе его формирования и реализации, а также с другими компонентами человеческого потенциала;

4) трудовой потенциал играет ключевую роль в устойчивости сельских территориальных социально-экономических систем, являясь ее системообразующим фактором и движущей силой развития.

Исходя из вышеизложенного, трудовой потенциал сельских территорий – это интегральная оценка трудоспособности сельского населения, отражающая масштабы, уровень и перспективы ее развития.

В основу количественной оценки трудового потенциала можно взять показатели численности экономически активного населения, трудовых ресурсов и населения в трудоспособном возрасте, базирующиеся на данных обследований населения по проблемам занятости, балансов трудовых ресурсов и переписей населения. Трудовой потенциал можно рассчитать как сумму произведений возрастных показателей соответствующих групп населения на потенциальную продолжительность их трудовой активности или в более общем виде как произведение численности экономически активного

1. При определении сущности трудового потенциала авторы опирались на научные подходы российских и зарубежных ученых к изучению человеческого потенциала в целом и трудового в частности. См. подробнее [1, с. 348-387; 2]

населения (трудовых ресурсов, населения в трудоспособном возрасте) на среднюю продолжительность их трудовой активности.

В данной работе мы ограничимся оценками трудового потенциала, в основе которых лежат показатели экономической активности населения. По данным Росстата, в 2014 г. численность экономически активного сельского населения Алтайского края составила 468 тыс. человек, его средний возраст был равен 40,8 лет, а максимальный возраст трудовой активности, принятый в нашей стране, – 72 года. Исходя из этих данных, трудовой потенциал сельских территорий составлял 14 602 тыс. человеко-лет. По сравнению с 2000 г. он уменьшился на 17%. Начиная с 2006 г. наметилась устойчивая тенденция его сокращения, которая сохранится и в долгосрочной перспективе. Прогнозные расчеты показывают, что в зависимости от варианта развития в 2020 г. трудовой потенциал сельских территорий может составить от 11 000 до 15 000 тыс. человеко-лет.

Степень использования трудового потенциала можно оценить через соотношение используемого в экономике трудового потенциала и общего трудового потенциала, в частности – через уровень занятости. В 2014 г. уровень занятости сельского населения был равен 53,3%. За последние 10 лет он снизился на 12%.

К качественным характеристикам трудового потенциала относятся образование, квалификация и состояние здоровья реальных и потенциальных работников (оценка здоровья дана в работе) [3, с. 247-250]. Для измерения образовательной компоненты трудового потенциала чаще всего используются такие показатели, как охват населения различными видами обучения; среднее число накопленных лет образования; показатели, отражающие образовательную структуру населения, численность и долю в населении исследователей, обладателей научных степеней, занятых в НИОКР и в сфере образования; частные и бюджетные инвестиции в образование и т.п. Для оценки качества образования применяются различные виды тестирования, позволяющие измерить грамотность населения, потенциал обучаемости, уровень развития базовых навыков, необходимых для ориентации в обществе, уровень остаточных знаний у различных групп учащихся и студентов по базовым предметам и другое [4]. Рассмотрим некоторые из этих показателей применительно к сельскому населению Алтайского края, Сибири и России.

Уровень образования сельского населения Алтайского края несколько ниже аналогичных среднероссийских показателей и выше среднесибирских. По нашей оценке, в 2010 г. среднее число накопленных лет образования (уровень образования) алтайских селян составляло 11,0 лет, сельского населения России – 11,1, а СФО – 10,9. Образовательная структура сельских жителей Алтая несущественно отличалась от подобной структуры в России и Сибири.

Среди них около 40% – это лица со средним и высшим профессиональным образованием, и примерно столько же – со средним общим (основным и полным), порядка 10% приходилось на граждан с начальным профессиональным образованием, 12% составляли сельские жители с начальным (общим) образованием и ниже. Несмотря на то, что сельское население обладает достаточно высоким образовательным потенциалом, по уровню образования российское село в целом и алтайское в частности значительно уступают городу, здесь на 1,5 года меньше среднее число накопленных лет образования по сравнению с городом, более чем в 2 раза ниже доля лиц с высшим образованием и в 2 раза выше доля лиц с начальным образованием (табл. 1).

По сравнению с переписью 2002 г. в образовательной структуре сельского населения Алтайского края в целом произошли прогрессивные изменения, увеличилась доля лиц с более высоким общим и профессиональным образованием и сократилась – с более низким. При этом максимальные темпы прироста (снижения) отмечены в группах с высшим образованием (40%) и начальным профессиональным (-47%). В условиях сокращения контингента учащихся и стремительного роста количества вузов учреждения начального профессионального образования оказались наименее конкурентоспособными на рынке образовательных услуг.

Другой негативной и отличительной для Алтайского края характеристикой последнего межпереписного периода является увеличение доли неграмотных среди сельской молодежи в целом на 24%, а в возрастной группе до 20 лет – в 2,5 раза. И хотя абсолютные значения показателей неграмотности невелики, это очень тревожная статистика. В стране до недавнего прошлого всеобщей грамотности относительно увеличивается слой молодых людей, не умеющих ни читать, ни писать. И это происходит в условиях продекларированного перехода на инновационный путь развития?!

В целом в пореформенные годы в сфере общего и профессионального образования наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, строятся новые школы, улучшается их техническая база, развивается интернет, растет число высших учебных заведений, появляются новые элитные вузы, введение ЕГЭ увеличивает доступность качественного образования для талантливой молодежи. С другой стороны, закрываются малокомплектные школы, соответственно, снижается территориальная доступность школьного образования для жителей малых поселений, непомерно разрастается административно-управленческий аппарат, унижительно низко оплачивается труд преподавателей, растет его интенсивность, стареют кадры, меняется и, по мнению экспертного сообщества, не в лучшую сторону сама концепция образования – из сферы развития человека оно постепенно превращается в сферу все больше платных услуг со всеми вытекающими отсюда социальными, экономическими, культурологическими и другими последствиями.

Качество образования в целом снижается, по яркому высказыванию Т.И. Заславской «дипломированных специалистов в стране становится все больше, а квалифицированных и ответственных работников – меньше» [1, с. 378]. Отмеченные процессы негативно сказываются на формировании трудового потенциала как в городах, так и в сельской местности.

Таблица 1

Образовательная структура населения в возрасте 15 лет и старше (%) и уровень образования (лет)

	Годы	Высшее и послевузовское	Неполное высшее и среднее профессиональное	Начальное профессиональное	Среднее (полное) общее	Основное общее	Начальное общее и ниже	Уровень образования
Алтайский край								
Всего	2002	12,3	28,6	15,7	16,5	14,7	12,2	11,0
	2010	17,6	34,4	7,5	18,9	13,3	8,3	11,6
Город	2002	16,4	32,6	13,0	17,5	12,8	7,7	11,7
	2010	23,3	38,9	5,4	16,8	10,3	5,3	12,3
Село	2002	7,5	23,7	18,9	15,3	17,0	17,6	10,2
	2010	10,5	29,0	10,0	21,5	17,0	12,0	10,8
Сибирский федеральный округ								
Всего	2002	14,0	30,3	13,3	17,4	15,1	9,9	11,2
	2010	20,3	35,6	5,7	18,5	12,9	7,0	11,9
Город	2002	16,8	33,2	11,9	17,7	13,2	7,2	11,7
	2010	24,3	38,5	4,7	17,2	10,2	5,1	12,4
Село	2002	6,6	22,5	17,1	16,5	20,2	17,1	10,1
	2010	10,1	28,1	8,4	21,8	19,8	11,8	10,7
Российская Федерация								
Всего	2002	16,2	30,6	12,8	17,7	13,9	8,8	11,4
	2010	23,4	35,8	5,6	18,2	11,0	6,0	12,2
Город	2002	19,2	33,4	11,6	17,7	12,1	6,0	11,8
	2010	27,7	38,4	4,6	16,5	8,7	4,1	12,7

Село	2002	7,4	22,8	16,2	17,9	19,0	16,7	10,2
	2010	11,4	28,6	8,0	23,3	17,6	11,1	10,9

Источник: данные Всероссийской переписи населения 2002 и 2010 гг., расчеты авторов.

Распределение сельского населения по уровню образования тесно связано с его профессиональным составом, поскольку принадлежность работника к определенной профессионально-должностной группе предполагает наличие у него соответствующей квалификации и специализации. В процессе обучения и практической деятельности реальные и потенциальные работники приобретают необходимые знания, умения и навыки, требуемые для выполнения трудовых функций по определенным видам занятий. Сдвиги в профессиональной структуре показывают направления и темпы экономических, технико-технологических и социальных перемен. Поскольку из переписи населения 2010 г. вопросы профессиональной принадлежности респондентов были исключены, в нашем исследовании мы использовали результаты социологических опросов сельских жителей.

В профессионально-должностной структуре опрошенного сельского населения представлены все выделенные в соответствии с Общероссийским классификатором занятий профессионально-должностные группы: руководители и специалисты высшего и среднего уровня квалификации, квалифицированные и неквалифицированные работники производственной и непроизводственной сфер экономики, а также занятые на военной службе. Для нее характерно преобладание носителей профессий неквалифицированного труда (примерно 24%), высокая доля специалистов высшего уровня квалификации, работников сферы обслуживания, торговли и ЖКХ, руководителей всех уровней управления (11-15%), значимая доля приходится на операторов, аппаратчиков, машинистов установок и машин, квалифицированных рабочих сельского, лесного хозяйства, специалистов среднего уровня квалификации (6-10%), низкая доля работников, занятых подготовкой информации, оформлением документов, учетом, и военнослужащих (0,8-2,5%) – табл. 2.

К сожалению, сопоставимыми данными об изменениях в профессионально-квалификационной структуре сельского населения в рассматриваемый период мы не располагаем, однако отдельные оценки сделать можем. Сокращение реального сектора аграрной экономики и закрытие предприятий привели к тому, что многие квалифицированные специалисты и рабочие сменили высококвалифицированные занятия и профессии на менее квалифицированные. Массовым стало явление, когда лица с высшим образованием заняли места продавцов, экспедиторов, охранников. Квалифицированный

труд с крупных сельхозпредприятий в значительных объемах вытеснен в ЛПХ и малый бизнес – сферы преимущественно ручного неквалифицированного труда.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что трудовой потенциал сельских территорий снижается и в значительной своей части не востребован, что негативно сказывается на устойчивости их развития, в частности, на выполнении ими функции воспроизводства трудовых ресурсов как для аграрной, так и для индустриальной экономик. В условиях ограниченных возможностей для количественного роста трудового потенциала выход представляется в повышении степени его использования и улучшении качественных характеристик.

Необходимы конструктивные реформы в системе образования. В настоящее время в рамках государственной программы «Образование» и президентской инициативы «Наша новая школа» предполагается создание при ведущих университетах школ для одаренных детей, обеспечивающих как очное, так и дистанционное образование. Предусматривается, что не менее 10% сельских школьников старших классов будут получать дополнительное образование в таких школах. Особое внимание планируется уделить дошкольному образованию как этапу, на котором закладываются основы навыков по критическому восприятию информации, способности к нестандартным решениям, креативность, изобретательность [5]. Но этого недостаточно. Каждый сельский ребенок должен иметь возможности для получения качественного базового образования и развития творческих способностей.

Таблица 2

Профессионально-квалификационная структура сельского населения, %

Группы занятий	Профессии и должности	%
1. Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий	Руководители сельской администрации, начальники отделов соцзащиты, центров занятости, Россельхознадзора; директора школ, домов культуры, предприятий; заведующие детским садом, столовой; предприниматели, инспектор УФСИН, судебный пристав и др.	11,3
2. Специалисты высшего уровня квалификации	Учителя, методисты, социальные педагоги, психологи, библиотекари, агрономы, финансисты и др.	15,0

3. Специалисты среднего уровня квалификации	Воспитатели детских садов, медсестры, акушерки, фармацевты, бухгалтеры, работники правоохранительных органов и др.	7,4
4. Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	Секретари, операторы ПК, кассиры и др.	2,5
5. Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	Продавцы, повара и другие работники общественного питания, парикмахеры, швея и массажистка	14,2
6. Квалифицированные работники сельского лесного, охотничьего хозяйств, рыболовства	Фермер, доярки, сыродельцы, зоотехники, лаборанты и др.	6,3
7. Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	Монтажники, сварщики, каменщики, слесари, электромонтеры, связисты, операторы АЗС и др.	7,9
8. Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	Водители, трактористы, машинист тепловоза	10,0
9. Неквалифицированные рабочие	Технички, дворники, сторожа, кочегары, санитарки и др.	23,8
10. Занятые на военной службе	Техник по ремонту боевой и специальной техники и стрелок	0,8
11. Лица, неточно указавшие или не указавшие занятия		0,8
Итого		100,0

Источник: результаты социологического опроса сельских жителей 2011 г., расчеты авторов.

Каждый молодой сельский житель должен быть ориентирован на получение современного профессионального образования, освоение новых технологий, генерирование новых идей. При этом особое внимание необходимо уделить подготовке молодых специалистов и квалифицированных рабочих в области сельского хозяйства, их закреплению в реальном секторе аграрной экономики путем формирования обоснованного регионального заказа на подготовку специалистов и рабочих базовых профессий, совершенствования механизма целевого набора учащихся в профессиональные учеб-

ные заведения в направлении повышения ответственности всех участников этого процесса, развития системы льготных образовательных кредитов, создания приемлемых условий для приобретения молодыми работниками благоустроенного жилья, установления для них достойной заработной платы.

Каждый зрелый работник должен иметь возможность совершенствовать свое мастерство, получать новые знания, осваивать новые компетенции путем повышения уровня и доступности профессиональной подготовки, распространения системы непрерывного профессионального образования, внедрения дистанционных форм обучения. Для устойчивого развития сельских территорий важно создать кадровый резерв из высокообразованных руководителей и специалистов, квалифицированных рабочих, разработать специальную программу поддержки этой категории работников при направлении их на отстающие, нерентабельные предприятия.

Каждый пенсионер при желании должен иметь возможность работать. В условиях дефицита кадров повышение доли старших возрастных групп в экономически активном населении, обладающих, с одной стороны, высокой квалификацией, трудолюбием, дисциплинированностью, а с другой – ограниченными физическими возможностями, относительно худшим здоровьем, меньшей восприимчивостью к инновациям, требует создания условий для продления трудовой жизни этой категории граждан, особенно в реальном секторе экономики. Поколение пятидесятилетних и старше должно успеть передать свои знания и опыт молодежи, поскольку среднее поколение здесь малочисленно и не сможет обеспечить воспроизводство квалифицированных кадров. Лица старшего поколения нуждаются в особых условиях труда, более гибких формах его организации, сокращенном рабочем дне. Они могут трудиться в качестве экспертов, консультантов, наставников молодежи, работников экспериментальных хозяйств и малых предприятий, а также на неквалифицированных работах, не требующих больших физических затрат.

Решение вопросов развития профессионального образования в крае предполагает объединение бюджетных средств, средств населения и работодателей. При этом целесообразно более активно использовать инструменты налоговой и кредитной политики. В частности, установить льготы по налогообложению прибыли для организаций, направляющих средства на обучение своих работников, освободить их от части налогов в местный бюджет; предоставлять безвозвратные ссуды предприятиям на полное или частичное возмещение затрат на производственное обучение лиц, особо нуждающихся в социальной защите, освобождать их от части выплат в социальные фонды.

Страны и регионы, создавшие наиболее эффективные модели формирования и развития трудового потенциала, получают значительные преимущества в инновационном обществе. Такая модель должна отвечать принципам непрерывности образования, всеобщности, интеграции с наукой, глобализа-

ции и индивидуализации, сочетания государственных и частных инвестиций в образование, инновационности [6]. Применительно к сельской местности особо важно развитие информационно-коммуникационных технологий в образовании, позволяющих повысить уровень доступности качественного образования для сельских жителей, обеспечить его непрерывный характер, предоставить возможность в составлении индивидуальных образовательных программ из наиболее востребованных модулей, усилить связь с практической работой, сократить финансовые затраты. Движение должно быть двусторонним, не только сфера образования должна подстраиваться под потребности экономики, но и экономика должна создавать современные рабочие места.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Заславская Т.И. Избранное. В 3 т. Т. 2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. – М., 2007. – 591 с.
2. Bocakova O., Kubisova Z., Tomasikova A. The Importance of Education for Human Potential Development // Merit of Human Potential in Regional Development. 2010. URL: Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты / научн. ред. А.Я. Троцкий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 330 с.
3. Унтура Г.А. Субъекты и механизмы управления инновационной деятельностью в регионе / Г.А. Унтура, Т.И. Яковлева, А.В. Евсеенко и др. // Региональная экономическая политика субъекта Федерации: принципы, формы и методы реализации / под ред. А.С. Новоселова. Новосибирск, 2010. С. 77-88.
4. Инновационная Россия – 2020 / Минэкономразвития России [Электронный ресурс]. URL: www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/doc20101231_016.
5. Мау В. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. 2012. №7. С. 120-124.

Садвокасова А.К., Калмыков С.К.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП КАЗАХСТАНА

Проблематика гражданской идентичности является одной из наиболее значимых не только для социологической теории, но и для практики жизни современных государственных образований, регионов и других человеческих сообществ. В полиэтнических странах и государствах, к которым явно относится Казахстан, важнейшим условием для сохранения внутривнутри-

ческой стабильности и национальной безопасности выступает международное согласие.

Еще на заре независимости Президент Казахстана Н. Назарбаев говорил о том, что стратегической линией является приоритет политической общности всех граждан Казахстана, приоритет нашего общего согражданства над всеми иными формами идентичности. Выступая в Евразийском национальном университете имени Гумилева, Президент страны подчеркнул, что стратегия вхождения Казахстана в число 50 конкурентоспособных государств мира связана с единством народа, которое следует воспринимать как величайшую духовную ценность. Реализация этой стратегии призвана мобилизовать социально-психологические механизмы самоидентификации в целом всех казахстанцев независимо от этнического происхождения на решение высоких целей государства и общества.

Президент Казахстана в 100 конкретных шагах по реализации пяти институциональных реформ в числе Пяти институциональных реформ, в направлении «Идентичность и единство», объединяющим фактором нации единого будущего назвал гражданство, которое укрепит казахстанскую идентичность и создаст условия для формирования целостной гражданской общности. Гражданское и этническое самосознание всех казахстанцев в современных условиях может и должно оказаться мощным стратегическим ресурсом в достижении гражданского единства и поставленных перед обществом созидательных задач.

Но это самосознание в определенных условиях объективно развивающегося мира, казахстанского социума и при различных неудачах в проведении социальной и культурной политики может привести к разделенному социальному существованию и разнонаправленному развитию различных видов идентичности, прежде всего, из группы наиболее важных: гражданской, этнической, религиозной и языковой. Причем на второй план могут уйти различные виды экономической, социальной, культурной, демографической идентификации, также косвенно влияющие на формирование сознанием каждого члена общества определенной единой гражданской позиции и следование ей в своем социальном поведении.

В современной обстановке интенсивного смешения и взаимодействия культур во многих странах актуализировались проблемы сохранения традиционных этнических ценностей у групп населения, также, одновременно с этим, повысился уровень следования гражданской идентичности. Также и в Казахстане увеличивается число людей, считающих себя представителями не только одной, а двух и более этнокультур, использующих в качестве родного несколько языков, следующих обычаям и традициям как соседей, так и новых родственников. Надо учесть, что возрастающая в последние годы социальная мобильность населения способствует интенсивному количествен-

ному росту группы таких людей.

Как считают многие исследователи, в общественно-политической жизни республики до сих пор продолжает существовать смешанная политическая культура как основное поле реализации гражданской идентичности. Наряду с традиционной политической культурой отмечается существование культуры подчинения, культуры участия, региональной культуры и других – при доминировании политической культуры подчинения. Мы должны признать, что осваивая политическую культуру, граждане признают полиэтничность страны и стараются выстраивать отношения в конформистском поле.

Могучим стимулом для идентификации и единения казахстанцев в согражданстве является объективно сложившаяся в стране атмосфера межэтнического и межнационального согласия и высокого доверия политике государства в области регулирования этих отношений, обеспечения существования различных этнокультур и укладов жизни. В исследованиях последних лет выявляется беспрецедентный рост доверия деятельности Ассамблеи Народа Казахстана и других гражданских формирований в центре и на местах, что значительно повышает казахстанский идентификационный уровень всего населения.

Параллельно идет процесс осознания личностью своих собственных интересов, в том числе и политических. Доверительное отношение к государству уступает место рыночному поведению личности, рассчитывающей только на свои силы и способности или, по крайней мере, на корпоративную поддержку общины – этнорелигиозной или какой другой социально-статусной группы. Может появиться предпочтение решать проблемы сепаратистским путем или искать помощи за пределами государства, на исторической родине или у этнически и культурно близкого другого государственно-политического образования. Также на месте может происходить трансляция идентичности групп в удобную для себя форму изоляционизма.

С выходом Казахстана на новый этап государственного строительства казахстанская модель выстраивания гражданской общности требует своего развития. Это касается не только особенностей протекания процессов формирования национально-гражданской идентичности всего полиэтничного населения, но и возможностей этносоциальных групп в рамках достижения устойчивого национального единства.

С точки зрения методологии исследования феноменов гражданской и этнической идентичности существует неустойчивость критериев и методов измерения этно-демографических групп. Новые тенденции, вызывающие неустойчивость критериев, обусловлены размывающим влиянием внешних глобальных разновекторных факторов и латентное, с риском выплескивания манифестаций, внутриэтническое разделение. Эта тема должна стать объектом самого углубленного исследования историками, политологами, культу-

рологами, этнологами и особенно социологами, чтобы выяснить мотивацию и источники разнонаправленных оценок социального облика и состояния идентичности казахстанцев в стране и за рубежом.

Идентичность в условиях глобализации должна быть изучена особым образом, сопоставлена с другими ее проявлениями на разных уровнях выработки, обобщения и понимания собственных ориентаций и предпочтений, в разной логике и в разных связях с многочисленными явлениями протекающей вокруг жизни. С использованием опыта актуализации современного категориального аппарата социологических и гуманитарных наук и междисциплинарного подхода можно вычленить основные направления исследовательского поиска алгоритмов идентификационных изменений.

Во-первых, необходимо изучить завершающийся поступательный процесс перехода казахов от советской наднациональной идентичности к собственно этнической, а затем трансформацию в сторону новой гражданской идентичности – казахстанец. Также необходимо изучить направленность процесса возникновения локальных казахских идентичностей среди представителей бывших зарубежных диаспор и оралманов в Казахстане.

Во-вторых, стоит обратить внимание на ряд процессов противоречивого характера, изучение которых требует выяснения степени их влияния на выработку определенной ориентации, позиции, связанной с группированием в своем отношении к противоречивым тенденциям. Здесь, скорее всего, стоит вопрос о том, как стратификационные признаки проецируются на этническую принадлежность.

Здесь мы видим, что процесс взаимодействия разностатусных позиций этносов, связанный с внутриэтническим социальным неравенством, продуцирует особое разделение идентичностей в рамках одной нации. Такое же разделение может произойти и при противоречивом процессе взаимодействия различных позиций, определенных типом поселения (город – аул). По мнению некоторых исследователей, раздел может образоваться при действии разновекторного процесса актуализации исторической памяти, включения в повседневную жизнь и взаимоотношения жузовой, родоплеменной идентификации, а также при взаимодействии между носителями казахского языка и не владеющими им в полной мере, как внутриэтническая, лингвистическая дифференциация между «правильными» и «неправильными» казахами. Касается это также и взаимодействия Казахстана и групп его казахского населения со всеми зарубежными казахскими диаспорами [1].

Ясно, что устойчивая приверженность, абсолютная успешность представителей всех слоев населения и этнических групп в социализации в принципе невозможна, поэтому индивид становится перед выбором смены условий и поля взаимодействия с социальной средой в целях установления все более гармоничных отношений со средой и гарантированной устойчивости

своего идентификационного критерия. Это и подвигает его перебрасывать также и свой идентификационный потенциал не только из одной сферы жизни в другую, но также и менять место своей деятельности, проживания и гражданства. В последнее время появляются сведения о росте миграции казахстанцев, большей частью высокообразованных специалистов, а также энергичных, предприимчивых деловых людей со своими капиталами. Это касается в том числе и тех, кто не может реализовать себя в условиях казахстанского социума или правового поля. Немало выходцев из Казахстана добиваются успеха и благополучия в других странах. Трудно сказать, насколько монистический характер будет носить их идентичность, и если многосторонний, то необходимо знать – какие векторы идентификации будут превалировать в его практически множественной идентичности.

В последнее время ряд исследователей трактует глобализацию как сложный процесс, представляющий собой тождество и различие универсализма и тенденций, проявлений самой противоположной направленности. В то же время исследователи склоняются к мысли, что такие явления, как глобализация, регионализация, автономизация, фрагментация, локализация следует объединить термином «глокализация». Под глокализацией понимается процесс, объединяющий тенденции глобализации и локализации, основанный, прежде всего, на перераспределении привилегий и дискриминации, богатства и бедности, силы и бессилия, свободы и зависимости [2].

Современный глобализационный процесс формирования единого общемирового финансового и информационного пространства на базе новейших технологий оказывает революционное влияние на все стороны жизни многих, если не всех стран мира, их экономику, политику, культуру. Развитые и отсталые страны расходятся на все большее расстояние. Точно так же и внутри стран глобализация усиливает сильных и сталкивает с ними слабых. Страны из группы развивающихся теряются в политических и экономических ориентирах.

Если казахстанское общество в целом во всех своих стратах и группах поддерживает курс на вхождение в число самых развитых стран, то становится ясным, что не избежать влияния конкурирующих мировых цивилизаций. Ведь международная конкуренция иррациональна, она может быть непредсказуемо опасной и разрушительной. Здесь вновь возникает вопрос казахстанской идентичности. Уже сейчас по вектору развития и предпочтений общество, и в том числе этнические группы, разделилось в основном на три составляющие: сторонники Запада и США, куда вошла часть противников евразийской интеграции, сторонники евразийства и сторонники обособленного самостоятельного развития тоже с частью противников евразийства. Как показывают данные последних опросов, и те, и другие разделились как по этническим группам, так и раздробились внутри групп. Источники

формирования этих ориентаций и приоритетов нуждаются в раскрытии, обозначении. Но несомненно одно – во все эти мировые политические модификации Казахстан должен вступить в качестве единой, независимой, преуспевающей нации, четко обозначающей свою, прежде всего, всеказахстанскую идентичность.

Приверженность тем или иным векторам и ориентирам, существующим и действующим на мировом поле взаимодействия, зависит также от степени успешности социализации практически всех членов казахстанского общества. Если рассматривать неблагополучность социализации, то она предстает перед человеком в понятиях несопоставимости между объективной и субъективной реальностями. И наоборот, под успешностью в социализации надо понимать установление в головах индивидов высокого уровня сочетаемости между субъективными представлениями и объективной реальностью [3]. Вместе с этими отклонениями кочуют также идентификационные маркеры и обозначения предпочтений и привязанностей.

Размытость идентификационных критериев в массовом сознании населения в транзитный период, неустойчивость социальных, статусных, этатистских идентификаторов способствуют появлению мировоззренческого вакуума, ведут к культурной маргинализации, затрагивают устойчивость этнических отношений. В подобной ситуации вполне естественна потребность людей обращаться за защитой через идентифицированность не только к своей этнической группе или языковой общности. Приходится прибегать к использованию иллюзорно-компенсаторных механизмов обретения психологической устойчивости, морального оправдания и ценностно-мировоззренческого монизма, которые в данной ситуации может дать религия или тот ее вариант, который удобен для новой идентификации. Возникла немыслимая еще для недавних лет ситуация, когда молодые люди могут отправиться воевать вместе с отъявленными террористами и убийцами, защищая свою новую религиозную идентичность. Преваляющая в последние годы в Казахстане тенденция роста религиозности всегда, всю свою историю была и будет следствием вакуума идентичности, построенной на гуманистических позитивных как религиозных, так и светских элементах, с которыми в Казахстане, видимо, существует серьезный дефицит.

Поэтому пристальное внимание зарубежных и отечественных исследователей к вопросам формирования позитивных черт и свойств этнической и гражданской идентичности и всего комплекса межэтнических отношений свидетельствует об остроте этой темы. Существует настоятельная научная потребность во всесторонней диагностике ситуации в этой сфере, постоянного осуществления мониторинга по ключевым проблемам межгрупповых отношений и контактов, изучения социального фона этого взаимодействия. Нужны новые объективные данные для коррекции направлений государ-

ственной этнополитики, расширения уровня международного сотрудничества в сфере диаспоральной политики Казахстана и межгосударственного регулирования межэтнических отношений. Появляются новые проблемы в выполнении задач государственного регулирования региональной этнополитики на местах и этноконфессиональных отношений в приграничных регионах. Подобные другие и вопросы составляют ещё один аспект проблематики исследуемой темы.

Этническое и культурное разнообразие являются отличительными чертами и социальным ресурсом во многих странах постсоветского пространства, но особенно это отчетливо проявляется в Российской Федерации и Казахстане. В России формирование множественных этнических идентичностей имеет давнюю историческую традицию. Так же и в Казахстане, но в меньших объемах, особенно в новейшей истории происходит то же самое. Миграционные процессы, политические, культурные и социальные контакты, межэтнические браки обуславливают наложение культурных и этнических фонов, на которых формируется у различных категорий граждан и этнофоров следование множественной идентичности.

Под множественной этнической идентичностью, концепты которой достаточно активно разрабатываются российскими учеными и отчасти казахстанскими, подразумевается причисление индивидом себя или группой сразу к двум и более этнокультурам. Она может дополняться маркерами региональных, конфессиональных, лингвистических и гражданских идентичностей и разного вида социальных и культурных. Иерархия и степень конфликтности или содружественности этих «частичных идентичностей» ситуативны. Так, например, казах, имеющий соответствующую запись в паспорте, считает себя гражданином Казахстана, может в то же время быть в группе русскоязычных, то есть не знающий языка, который он должен признать родным, своей родиной считает Россию, где он родился, по социальному статусу – оралман, по месту жительства в Казахстане он южанин, по религиозной принадлежности мусульманин, а может быть и православный, отец детей, которые считают себя русскими, но соблюдает в быту казахские традиции, возможно, знает свою родовую принадлежность и может обладать еще многими другими качествами.

Актуализируется та или иная «частичная идентичность» в зависимости от жизненной ситуации или личного выбора, и все перечисленные характеристики в любое время могут быть изменены и предстать в новом варианте и сочетаниях в зависимости от благоприятных или неблагоприятных условий для существования и актуализации разных идентичностей самих по себе. Таким образом, подобная динамичность и релятивность процесса комплектования или группирования идентичностей представляет некоторую сложность для изучения опросными методами [4].

Выдвигая новые исследовательские задачи, надо отметить, что процессы, происходящие в последние годы в мире, государствах и регионах, внесли значительные изменения в основание всей конструкции этнической и гражданской идентичности, а также и в используемую терминологию. Исследователи отмечают изменчивость жизненных обстоятельств, порождающих своеобразное осмысление, социальную рефлексию, для обозначения которой не всегда годится термин «идентичность», «идентификация», которые больше подходят для употребления в общеполитической лексике. Отметим в обыденном сознании слово «идентичность» в русском тексте воспринимается как «соответствие», «соотнесенность» или «аналогия». То же происходит и в английском. Такой прямолинейный смысловой императив не всегда отражает всю сложность субъективно понимаемых связей. Поэтому в теоретической литературе предлагаются и на западе уже стали употребляться самые различные вербальные вариации названия феномена идентичности, возникающие в большей степени при анализе социальной практики [5]. Это может быть «идентификация», «категоризация», «самопонимание», «социальная локализация», «социальный образ», «принадлежность», «коммунальность», «соединение», «выделение» или «выделенность», «группирование», «предпочитаемость», «причисление» и другие, больше свойственные непосредственной рефлексии человека в позиционировании своего отношения к группе, структуре и характеру связей.

Эти термины вполне можно употреблять для характеристики особых процессов и состояний в социуме, связанных с интенсивным процессом непрерывающихся изменений векторов в занятии социальных позиций и ниш, а также для удовлетворения социальным индивидом, гражданином и этнофором в этом процессе реализации своих ценностных познавательных и терминологических интересов. В практике проведения социологических опросов, экспертных оценок и других публичных исследовательских акций этот редуцированный терминологический блок и дальше следует расширять для удобства обработки получаемой информации, интерпретации получаемых данных и адекватного восприятия смысла исследований экспертами, интервьюерами, респондентами, обработчиками данных и аналитиками.

В частности, социологическое понятие «этническая идентификация» нельзя подвергнуть непосредственной эмпирической интерпретации для последующей подготовки инструментария для социологического опроса групп населения по конкретной теме, для экспертов, гайдов или организационных планов для участников фокус-групп. Этническая идентификация может быть истолкована лишь косвенно, путем разложения на несколько компонентов, которые являются промежуточными понятиями на пути к прямой интерпретации.

Исходя из задач исследования множественной идентичности, следу-

ет выработать круг индикаторов, на которых будет строиться конкретизация вопросов в инструментарии исследования. Для этого необходимо проанализировать понятия, которые будут раскрывать сущность и содержание исследуемого вопроса. В этом заключается главная сложность в изучении межэтнических процессов, так как смысловые нагрузки и толкования этнологического дискурса далеки от однозначного понимания как всеми акторами самого процесса, так и специалистами в этой области [6].

1. Анализ индивидуального, группового идентификационного позиционирования.

Исходные понятия для категоризации в этом случае будут следующие: виды идентичности, соотношение гражданской и этнической идентичности, иерархия идентичностей через отношение к этногражданской. Идентификационная компетентность личности. Виды связей и приверженности, идентификационное группирование, мотивы и предпочтения, поведение.

Категории и индикаторы измерения могут быть такие: Я-идентичность – кто Я, прежде всего, что Я думаю о себе, кто Я в разных обстоятельствах. Показатели способов реализации приверженности, стремление к единению, оправдание действий, уровень групповой солидарности, оценка причин изменчивости и реакции на социальный, политический, экономический негатив и позитив.

2. Оценка степени доверия государству, государственному управлению.

Исходные понятия: принципы государственной внутренней и внешней политики, правовое государство, государственный сервис. Социально-экономическое развитие, кризисы, социальный фон идентификации.

Категории, индикаторы: информированность, поддержка/недовольство, доверие/недоверие, общественное участие. Эмоциональный компонент – чувство гордости или стыда за государство, мотивы предпочтений и поведения, претензии к власти, отношение к политике государства по широкому спектру проблем.

3. Оценка казахстанской государственной этнополитики.

Исходные понятия: базовые принципы государственной этнополитики, казахстанская модель общественного согласия, эффективность госэтнополитики, источники общественного согласия. Этногражданская составляющая госпрограмм Стратегия «Казахстан-2050», «Нурлы Жол», национальная идея «Мангилик Ел».

Категории, индикаторы: информированность, уровень поддержки основных направлений государственной этнополитики, оценка достижений. Общественное участие, функционирование институтов гражданского общества, участие в государственной этнополитике, предложения и советы общественности. Уровень ознакомленности и оценка государственных программ

представителями этнических групп.

4. Состояние межэтнических отношений в Казахстане.

Исходные понятия: этнические группы, межэтнические отношения, толерантность, интолерантность, этнические особенности, традиции, культура, язык. Этнические стереотипы.

Категории, индикаторы: характеристики этничности, влияние этничности на выбор круга общения, межэтнические браки, отношение к традициям и обычаям этносов в Казахстане, общеказахстанские гражданские, культурные ценности. Социальная дистанция между этническими группами

5. Выявление зон социальной напряженности.

Исходные понятия: социальные проблемы, социальная напряженность, социально-экономическая ситуация, уровень жизни, социальная несправедливость, социальный оптимизм.

Категории, индикаторы: рейтинг основных социальных проблем, шкала социальной напряженности, пути снятия напряженности, основные акторы отношений.

6. Конфликтогенный потенциал этнических отношений.

Исходные понятия: конфликты, интересы, причины конфликта, вероятность возникновения, стереотипы, предрассудки.

Категории, индикаторы: степень вероятности возникновения конфликта, конфликтное поведение, установки на сотрудничество, мотивация и стратегии поведения в конфликте, влияние на формирование идентичностей.

7. Языковая ситуация в Казахстане.

Исходные понятия: языковая политика, законодательное обеспечение, статусы языков, языковая востребованность, изучение языков, трехязычие.

Категории, индикаторы: степень владения государственным, русским, родным, английским языками в этнических группах. Предпочтения в использовании языка в различных сферах. Перспективы в распространности языков, роль языка в позиционирования идентичности.

8. Отношение к религии и ее роли в жизни общества.

Исходные понятия: уровень, степень и характер религиозности, этнорелигиозные группы, межконфессиональные и государственно-конфессиональные отношения.

Категории, индикаторы: предпочтения к видам вероисповедания, степень воцерковленности, влияние мечети, управляющих структур. Религиозные организации и участие в их деятельности. Отношение к экстремизму и терроризму.

9. Миграционный потенциал.

Исходные понятия: миграция, причины миграции, характер миграции, направление миграции.

Категории, индикаторы: мотивация к миграции, уровень контактов и

связей, степень готовности к миграции, намерения и миграционная стратегия и тактика.

10. Недискриминация по этническому признаку.

Исходные понятия: принципы политики недискриминации, правовое регулирование и возможности законодательства, этнические и гражданские права.

Категории, индикаторы: уровень защиты прав граждан, обеспечение доступа к образованию, изучению языка, социальным услугам, ведению бизнеса. Степень аккультурации, поддержка традиций, этнокультурного развития. Перспективы сохранения этнокультуры,

При анализе первичного социологического материала, полученного в процессе опросов, фокус-групп, экспертных оценок и другими способами, особо важной становится корректная интерпретация полученных данных. Необходимо обратить внимание на сопоставление, использование полученных числовых величин развитости различных видов идентичностей для сравнения их степени влияния на формирование гражданской идентичности. Поэтому список идентичностей, показывающих разную степень приверженности к той или иной социальной общности, необходимо, как в опросных анкетах, так и при анализе и интерпретации, разделить на группы и ранжировать по числовым показателям, исходя из задачи определения степени влияния в данном исследовательском случае вторичных идентичностей на формирование гражданской.

В первую группу входят ответы, частотные показатели, фиксирующие уровень приверженности своему гражданству в Казахстане, затем к родине как месту рождения, к исторической родине, к гражданству в стране временного или постоянного пребывания по роду какой-либо деятельности.

Во вторую группу, тесно связанную с первой, входит приверженность к своему этносу, нации, возможно, субэтносу по значимости разных этнокультурных параметров. Сюда также можно отнести и религиозную принадлежность, так как в Казахстане она часто совпадает с национальной принадлежностью как элемент определенной этнокультуры.

В третью группу входят идентичности, связанные с семейно-родственным существованием и демографическими характеристиками, в четвертую – различные социально статусные, групповые и личностные, социопсихологические идентичности, часто связанные с предпочтением оценивать реальность через авто- и гетеростереотипы.

Создавать иерархию идентичностей по накалу приверженности, смешивая все показатели различных видов идентичности, и ранжировать с первого по последнее место не целесообразно из-за высокого уровня релятивности, динамичности, ситуативности влияния различных видов идентичностей друг на друга. Так, например, естественное стремление любой этнической

группы к совместному проживанию, с целью повышения уровня своей этнической идентичности, может расцениваться как противопоставление общенациональной идентичности, ставить ее выше общегражданской, привести к сепаратизму, отчуждению от общего потока мультикультурного развития. Но примеры из истории, в том числе и изучения современной практики, говорят о том, что в большинстве подобных случаев у членов такой этнической группы, наоборот, может повыситься и обычно повышается степень доверия к государству, которое создает желаемые условия для успешного существования и развития этноса.

Кроме того, структура гражданской идентичности, в общем, основывается на двух компонентах. Первый – когнитивный, это некий комплекс знаний о принадлежности к социальной общности, которые предполагают наличие определенных представлений об идентифицирующих признаках, принципах и основах гражданского объединения, (политические, территориальные, культурные и другие), а также о гражданстве и характере взаимоотношений гражданина с государством и граждан между собой. Обладателями такого предпочтения являются, как правило, люди более высокого уровня образования, кругозора, зрелого возраста, большей частью мужчины и другие обладатели сопутствующих социально-демографических качеств.

Вторым составляющим гражданской идентичности является эмоциональный компонент, основанный на чувстве гордости или стыда, вызванном гражданской общностью и принадлежностью к ней, определенной привязанности, надежды, возмущения и гнева, заполняющими различные ниши, вакуум позитивных или негативных чувств. Это свойственно людям, в большей степени идентифицирующим себя с семейно-родственной сферой. У них при любом шкалировании измерений, полученных численных количественных показателей степени приверженности семейным ценностям как обычно выше общегражданской привязанности.

При этом субъекты этих приверженностей радикально не разделяются. Надо учитывать, что для тех и других базовым идентифицирующим механизмом является патриотизм как чувство приверженности гражданской общности, признание ее общезначимой ценностью [7].

Таким образом, к гражданской идентичности, смысловой и чувственной наполненности как общей ценности одинаково или по-разному могут относиться представители разных этнических групп, страт и категорий. Поэтому ранжировать показатели степени почтения к гражданству, смешивая их с другими идентичностям в таблице численных показателей, будет некорректно. И тем более не стоит делать сразу далеко идущие выводы о том, что в целом гражданская идентичность у казахстанцев находится на низком уровне потому, что другие виды идентичности выше, и тем более принимать какие-то кардинальные меры пропагандистского, структурного, организаци-

онного характера.

Чтобы эффективно использовать полученный материал в коррекции государственной политики и усилий гражданского общества, направленных на единение казахстанского народа, необходимо прежде выяснить – каким образом складывается такая картина. Необходимо провести корреляционные двойные, тройные и более сопоставления по полным возможностям систем электронной программной обработки полученного в опросах материала. Выявить более глубокие зависимости от социально-демографических, социально-статусных характеристик идентичностей, уровня образования, корпоративной солидарности, иммигрантской истории, времени поселения и пребывания в Казахстане, уровня смешения или аккультурации в Казахстане и многим другим показателям.

Должна быть получена полная картина, описание представлений многоэтнического населения Казахстана о государстве, определяющем характер социальных отношений, систему ценностей, а также об этносах, населяющих территорию страны, со своей культурой, языком и традициями. Станет возможным выявить ценностный элемент, наличие позитивного или негативного отношения к факту принадлежности к разным идентичностям, их взаимовлияния друг на друга, принятие или непринятие гражданской общности в качестве членства в группе.

Но надо признать, что эта статичная информация, снятая в определенный период, не может дать материал для прогноза развития сложных отношений в сфере нациестроительства. Более ценной будет мониторинговая информация, то есть полученная с выбранной периодичностью не менее двух раз в год с использованием тех же индикаторов и маркеров. Все изменения в приверженности определенным идентичностям также должны быть проанализированы в алгоритме анализа первого опроса, как и каждого последующего. Тогда можно будет делать глубокие выводы и экстраполировать их в будущее, составлять конкретные, тщательно проанализированные и обоснованные рекомендации и предложения. Причем с каждым годом ценность этого материала будет возрастать. Кроме того, можно наладить сопряжение исследовательских методик с другими организаторами похожих исследований, особенно в социально-политическом мониторинге.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Уразалиева Г.К. Казахская идентичность как стратегический ресурс. По материалам Международной научно-практической конференции «Стратегия вхождения Казахстана в число 50 конкурентоспособных государств мира». <http://www.apn.kz/publications/article6216.htm>. Москва, РГГУ.
2. Елин Д.В. Противоречивость процесса глобализации: локализация и глокализа-

ция. Научная библиотека КибепЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/globalnoe-i-lokalnoe-v-kontekste-sovremennosti-lokalizatsiya-i-glokalizatsiya#ixzz3jzGArmsl>

3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Моск. филос. фонд, 1995.
4. Курске В.С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования. Автореферат диссертации, к.соц.н. Москва, 2011.
5. Трубникова Н.В. Понятие «идентичность» в современных социально-демографических и этнонациональных исследованиях: поле методологической критики и поиска. Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. VIII Международная научно-практическая конференция. (Сборник научных трудов). Усть-Каменогорск, 2007, С. 362.
6. Садвокасова А.К. Методология социологических исследований в межэтнической сфере. Императивы государственной этнополитики Республики Казахстан. (Аналитические материалы и методические рекомендации для государственных органов). – Астана: АНК. 2012. С. 325.
7. Водолажская Т.В. Идентичность гражданская. Социологический словарь. <http://enc-dic.com/sociology/Identichnost-Grazhdanskaja-2907/>.

Садырин А.А.

УЧЕБНЫЙ МИГРАНТ ИЗ КАЗАХСТАНА: ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ? (СЛУЧАЙ ТОМСКА)

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 №14.В25.31.0009).

На протяжении почти всей истории российского высшего образования в стране обучалось значительное количество иностранных студентов. Если во второй половине XIX в. при императоре Александре III высшее образование в России получали лишь сербские и болгарские студенты, в связи с геополитическими интересами империи, то уже в 20-х гг. XX в. преобладающее число иностранных студентов было выходцами из Средней и Передней Азии, что также было вызвано политическими интересами Советской России. К середине XX столетия, когда мир разделился на два противоборствующих лагеря, количество иностранных студентов начинает неуклонно расти, ширится и география обучаемых. К 1990 г. число зарубежных студентов в СССР составляло 89 300 человек [1]. Но в связи с распадом Советского Союза наступает кризис во всех сферах общества, снижается и количество иностранных студентов. Переломный момент произошел в середине 90-х гг. Выход России на международный рынок образовательных услуг вновь об-

условил приток в страну так называемых «учебных мигрантов», которых к 2001 г. обучалось 53 900 человек [1]. Распад СССР повлиял на состав стран-экспортеров зарубежных студентов – основными поставщиками стали страны СНГ и Балтии, из стран дальнего зарубежья лидирующие позиции занимает КНР и Вьетнам. Абсолютным лидером по числу учебных мигрантов, получающих высшее образование в РФ на 2010-2011 гг., являлся Казахстан, 16 616 казахстанских студентов очной формы обучалось в российских вузах [1]. Такое количество студентов из соседней республики, несомненно, вызывает интерес для изучения сложившегося явления. К тому же наш регион – город Томск, который не напрасно носит звание «Сибирских Афин», занимающий лидирующие позиции по количеству иностранных студентов, в том числе и студентов-казахстанцев, является уникальным полем для работы в данном направлении [2].

Над изучением учебной миграции в России работают демографы, социологи, экономисты и социальные антропологи. Наиболее известными являются исследования демографов и социологов. Стоит отметить работу Л.Л. Рыбаковского и Г.В. Осиповой [2], где в рамках региональных особенностей миграционных процессов в России отмечена дифференциация учебной миграции по субъектам Российской Федерации, отражено влияние «учебной миграции» на социальные, политические, демографические и экономические процессы. В докладе А.Л. Арефьева на 3-м всемирном форуме иностранных выпускников [1] анализируется влияние учебных мигрантов на различные сферы жизни российского общества, статистические данные по учебным мигрантам СССР и современной РФ. Для нашего исследования важна работа, написанная по заказу российских и казахстанских властей Б.И. Ракишевой и Д.В. Полетаевым, которая отражает роль учебной миграции в рамках развивающегося Таможенного союза между Казахстаном и Россией; авторы уделяют внимание необходимости работы в данном направлении, говоря о важности данного вида миграции для обеих стран [3]. Весомый исследовательский вклад в обозначение важности учебной миграции внесли такие отечественные исследователи, как Ф.Э. Шереги, В.Г. Гельбрас, Г.С. Витковская, Ж.А. Зайончковская, А.П. Катровский, Л.И. Леденёва, И.А. Малахи, Е.В. Тюрюканова.

Учебная миграция является предметом исследований и томских социологов. Так, С.В. Дементьева на примере одного из томских вузов рассмотрела мотивации иностранных студентов при выборе вуза, перспективы и основные адаптационные сложности [4]. В другой ее статье анализируется законодательная база РФ как одно из важнейших условий привлечения в российские вузы иностранных студентов, их адаптации и интеграции [5]. В совместном исследовании С.В. Дементьевой и Д.В. Полетаева, проведенном в трех городах России (Москва, Воронеж, Томск), на основе анализа ре-

сурсной емкости «учебной миграции» и специфики адаптации иностранных студентов к российской инокультурной среде предлагаются инновационные стратегии развития «учебной миграции» в России [6].

Правовую основу учебной миграции, без использования этого термина на правовом уровне, обеспечивает несколько законодательных актов: федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» предусматривает введение учебных виз, а федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» определяет порядок въезда и условия участия иностранных студентов в трудовых отношениях. Закон «О гражданстве РФ» предусматривает возможность получения гражданства в упрощенном порядке для тех граждан государств, входивших в состав СССР, кто окончили российский вуз или сууз после 1 июля 2002 г. [7]. А в Концепции миграционной политики Российской Федерации до 2025 г. используется впервые на государственном уровне понятие «образовательная миграция», которое синонимично термину «учебная миграция» [7].

Понятия «учебная миграция» и «учебный мигрант» были заимствованы российскими исследователями у западных коллег, которые столкнулись с этим научным вопросом намного раньше, чем российские исследователи. Термин «учебная миграция» появляется в отечественной литературе в первой половине 2000-х гг., в то время, когда начинает ощущаться демографический кризис, распространившийся и на систему высшего образования. Именно тогда выходят первые работы демографов и социологов, которые пытаются найти пути разрешения сложившейся проблемы, введя в оборот понятие «учебная миграция» и анализируя проблемные аспекты этого явления. «Учебная миграция» в классификации такого авторитетного демографа, как Л.Л. Рыбаковский, на которую ссылаются многие отечественные исследователи «учебной миграции», относится к миграциям «по целям» и «означает переезд к месту учебы». К миграциям «по целям» относится также трудовая и коммерческая миграции [8]. В этой связи возникает вопрос: «В какой мере сами иностранные студенты идентифицируют себя как «учебные мигранты?» Гипотеза нашего исследования состоит в следующем: понятие «учебный мигрант» не отражает реальной образовательной ситуации, поскольку определенная группа иностранных студентов не ощущает себя мигрантами, как таковыми.

К «учебным мигрантам» зачастую в своих работах относят студентов из Казахстана. На основе интервьюирования казахстанских студентов, обучающихся в томских вузах, была поставлена цель: исследовать самоидентификацию студентов с понятием «учебный мигрант», иначе говоря, считают ли они себя частью учебного миграционного потока в Россию. На основе индивидуальных полуструктурированных интервью была исследова-

на пилотная группа студентов из разных уголков Казахстана, при этом, как выяснилось из биографий информантов, основным экспортером студентов стал Восточный Казахстан. В исследовании принимали участие студенты томских государственных вузов (Томский политехнический университет, Томский государственный университет, Томский университет систем управления и радиоэлектроники) с разной этнической принадлежностью (казахи и русские), с разной половой принадлежностью, в возрасте от 18 до 22 лет, получающие как гуманитарное, так и техническое или естественнонаучное образование. Главный исследовательский вопрос звучал так: считает ли информант себя «учебным мигрантом» или нет, если считает или не считает, то чем это объясняется.

Нами было собрано и проанализировано 30 интервью. В результате процент не считающих себя «учебными мигрантами» казахстанских студентов в совокупности с теми, кто имеет неустойчивую самоидентификацию с этим понятием, выше, нежели процент тех, кто твердо считает себя «учебными мигрантами». Схожесть социальной среды Казахстана и России явилась основополагающим признаком при идентификации студентов из Казахстана. Вот на что обращали внимание респонденты при ответе на вопрос, считают ли они себя «учебным мигрантом»: 1) *...Нет, я не учебный мигрант, я свой в доску потому, что много знакомых здесь, сколько не у каждого местного есть, ну, и язык – русский...* (Даниил Горбунов, студент 3 курса ТУСУРА); 2) *...Не, я не учебный мигрант потому, что нет языкового барьера, схожая среда, страны многонациональные...* (Серик Уразбеков, студент ТПУ), 3) *...Нет, не считаю себя таковым. Менталитет в России такой же, чувствую себя в России как дома...* (Иван Пищальников, студент 4 курса ТПУ). Однако были и те, кто считает себя учебными мигрантами. В процессе наблюдения был замечен интересный момент: все информанты, отвечающие согласием на то, что они являются «учебными мигрантами», дали такой ответ в результате некоторой рефлексии. Категорично, четко, без всякого сомнения ответить, что он является учебным мигрантом никто не смог. Весьма интересны и измышления студентов, по которым они относят себя к «учебным мигрантам»: 1) *...Оохх, ну, наверное, считаю по сути, с целью учебы я и приехал сюда, т.к. Казахстан не может обеспечить качественного обучения. И дальше собираюсь остаться здесь, потому что эти навыки здесь больше приемлемы* (Илья Гурский, студент 3 курса ТПУ), 2) *...Ну, да, считаю. Ведь это первопричина моего приезда в Россию, но также и планы остаться и реализовать себя здесь, в России* (Алина Дружкова, студентка 3 курса ТГУ), 3) *...Скорее всего, я могу причислить себя к «учебным мигрантам». Я тут по той причине, что здесь образование на голову выше и тут есть то, что я могу получить только здесь – знания по своему профилю и обзавестись важными навыками, и, чтобы получить нужное мне, я подоб-*

но молдаванам с таджиками еду на большую землю, 4) ...Считаю, потому что я приехал в Россию на данный момент только на обучение (Тимур Байгушкарров, магистрант ТПУ). Еще одним фактором, «помогающим» ощущать себя «учебным мигрантом» уже на правовом уровне, является миграционная карта, которая заполняется гражданином при въезде в РФ, где указывается цель так называемой миграции (см. рис. 1). Вот что об этом говорит одна из информантов: *...Тут дело не в том, считаю я себя таковой или нет. Это по положению РФ о въезжающих в страну людей...* (Анна Эдокова, студентка 3 курса ТПУ). Помимо юридической стороны вопроса, существуют «закрытые» организации, доступ к которым имеют только граждане РФ (ВС РФ, ФСБ, МВД, ряд объектов, связанных с ядерной промышленностью и др.), поэтому существуют те, кто в силу своего миграционного статуса в российском обществе имеет ограниченный доступ к получению определенной информации. В первую очередь это касается тех, кто обучается на факультетах, где предусмотрено прохождение практики на закрытых для иностранных граждан объектах (в нашем случае это АЭС): 1) *...До тех пор, пока я не столкнулась с прохождением практики, я думала, что все «ок»! Чужим я не являюсь в России, но после того, как начала искать практику, возникли проблемы, т.к. у меня промышленные объекты, центральная Россия для меня закрыта, и мало кто хочет брать иностранцев, так что думаю, что проблема есть. Среди информантов были и те, кто не знает, кем он является, либо люди, называющие себя репатриантами: 1) ...Привет, не знаю, как правильно это сказать, я приехал сюда, потому что хотел получить отличное образование, хотел узнать, что такое быть самостоятельным. У нас в Казахстане, скажу так, очень мало хороших учебных заведений, а если и есть, то все платные, а тут я поступил на бюджет, меня тут все устраивает, но я патриот своей страны, и я не знаю, можно ли считать меня мигрантом. Обычно мигранты это те, кто меняет свое постоянное место жительства, если бы я переехал сюда, то, возможно, но ведь я не собираюсь задерживаться надолго, и тут я чувствую себя как дома, люди добрые, отзывчивые, общительные. Люди, которых я знаю здесь, они все хорошие.* (Султан Сейтказынов, студент ТПУ). 2) *...Интересно... нет, не считаю. Я себя считаю скорее репатриантом, только через поколение. Бабушки и дедушки родились в России, их в Казахстан отправили по распределению, так что я возвращаюсь на историческую родину.* (Антон Самборский). 3) *...Я себя, в общем, не считаю мигрантом, да, я с Казахстана, но Россия это моя историческая родина, и поэтому я здесь.* (Иван Щербаков, студент 3 курса ТГУ). 4) *...Как-то не задумывался. С одной стороны, я являюсь «учебным мигрантом», т.к. в Россию приехал получить образование, но с другой стороны, я – русский, и меня можно назвать репатриантом, возвращаюсь на историческую родину. Больше термин «учебный мигрант» относится к не-*

русской части студенчества. (Никита Сергеев, студент 3 курса ТГУ). Таким образом, нами было заключено, что главной причиной, по которой студенты из Казахстана причисляют себя к «учебным мигрантам», является формальный переезд из одной страны в другую с целью получения образовательных услуг, однако, эти же информанты не отрицают схожесть социокультурного пространства обеих стран, отсутствие языкового барьера. Стоит заметить и то, что 100% опрошенных студентов до момента интервью никогда не задумывались о том, что у них есть такой социальный статус «учебный мигрант», но, анализируя свой эмпирический опыт, они заключили, что (стоит обратить на это особое внимание) по факту они являются «учебными мигрантами».

Таким образом, большинство опрошенных информантов не идентифицируют себя как «учебных мигрантов», т. к. они весьма успешно адаптируются и интегрируются в принимающее сообщество. Они могут быть репатриантами, людьми, получающими образование в идентичной социокультурной среде, «учебными мигрантами» де-факто, но не де-юре, как мы это видим из анализа законодательной базы. Соответственно, понятие «учебный мигрант» для такой группы студентов будет нерелевантным, поскольку оно не является актуальным в реальной жизненной практике исследуемого сообщества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арефьев А.Л. (Доклад на 3-м всемирном форуме иностранных выпускников советских и российских вузов (Москва, ноябрь 2012 года): [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit02.php> (Дата обращения 12.05.2014).
2. Рыбаковский Л.Л. Демографическое развитие России в XXI веке: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/demografia1a16.html> (Дата обращения 12.05.2014).
3. Ракишева Б.И., Полетаев Д.В. Учебная миграция из Казахстана в Россию как один из аспектов стратегического сотрудничества в рамках развития Таможенно-го союза: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-migratsiya-iz-kazahstana-v-rossiyu-kak-odin-iz-aspektov-strategicheskogo-sotrudnichestva-v-ramkah-razvitiya-tamozhennogo> (Дата обращения 15.01.2015).
4. Дементьева С.В. Учебная миграция в Томский политехнический университет: механизмы и практики эффективной адаптации: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-migratsiya-v-tomskiy-politehnicheskii-universitet-mehanizmy-i-praktiki-effektivnoy-adaptatsii> (Дата обращения 16.01.2015).
5. Дементьева С.В. Социально-правовые аспекты учебной миграции в контексте реформы российского образовательного законодательства: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-migratsiya-v-tomskiy-politehnicheskii-universitet-mehanizmy-i-praktiki-effektivnoy-adaptatsii> (Дата обра-

ния 15.02.2015).

6. Дементьева С.В., Полетаев Д.В. Инновационные стратегии развития международного образования в ракурсе учебной миграции в вузы России: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-strategii-razvitiya-mezhdnarodnogo-obrazovaniya-v-rakurse-uchebnoy-migratsii-v-vuzy-rossii> (Дата обращения 15.02.2015).
7. Концепция миграционной политики Российской Федерации до 2025 года и информация о ходе ее исполнения: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fms.gov.ru/documentation/koncept_mig_pol/ (Дата обращения: 25.02.2015).
8. Рыбаковский Л.Л. Практическая демография: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/uchebnik3a23.html> (Дата обращения: 24.02.2015).

Сайлаубек Ә.

АССАМБЛЕЯ НАРОДА КАЗАХСТАНА – ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИННОВАЦИЯ В МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Успешный опыт Казахстана по налаживанию бесконфликтных межнациональных и межконфессиональных отношений ныне признан эталоном во всем мире. Имея до 130 наций и этносов, представляющих все мировые религии, РК являет собой глобального значения пример стабильности и гармонии в межэтнической сфере.

«Ассамблея народа Казахстана – это крепкий фундамент мира и согласия, дружбы всех национальностей и этносов, проживающих в Казахстане. Ассамблея сыграла важную роль в осуществлении экономических реформ, модернизации политических и социальных основ», - отмечается в обращении Президента РК.

Глава государства отмечает, что АНК является тем институтом, который формирует в сознании казахстанцев чувство единства, толерантности, патриотизма и трудолюбия. В настоящее время АНК вносит большой вклад в реализацию Стратегии «Казахстан-2050» и новой антикризисной политики «Нурлы жол», подчеркнул Нурсултан Назарбаев.

Дружба народов в республике – это действенный принцип государственной политики, неукоснительно воплощаемый в жизнь, обладающий уникальными юридическими механизмами практической реализации и гарантируемый самим институтом президентства. В итоге межэтническая стабильность и конфессиональная гармония стали своего рода «визитной карточкой» страны в современном мире.

Главнейшим принципом национальной политики в РК с первых дней стало равноправие всех граждан во всех сферах жизни, независимо от на-

циональности и вероисповедания. Но мало было этот политически верный принцип декларировать. Необходимо было создать действенные и эффективные механизмы его соблюдения. Выявилась также необходимость авторитетного органа, специально нацеленного на проведение государственной политики в межнациональных отношениях. Причем этот орган важно было сопрячь с самой авторитетной и могущественной структурой власти – институтом президентства.

Так, в 1995 году появилась на свет АНК, прорывную идею создания которой Президент Нурсултан Назарбаев выдвинул еще в 1992 году на I Форуме народов Казахстана, посвященном первой годовщине независимости Республики. Обеспечение прочного мира и согласия между народами, культивирование толерантности не просто как политической нормы, а как образа жизни казахстанцев стали одной из главных забот Н.А. Назарбаева с первых шагов государственной деятельности.

В апреле 2002 года Глава государства подписал Указ о Стратегии Ассамблеи народов Казахстана на среднесрочный период (до 2007 года). В Стратегии, в частности, записано: «Задачи, поставленные перед Ассамблеей в период ее создания, на сегодняшний день, в целом, выполнены. В стране обеспечено равенство всех этносов, возрождение и развитие их языков и культуры. В основном завершены рыночные реформы в экономической сфере, проведена демократизация политической системы. Определяя свои приоритетные направления, Ассамблея народов Казахстана ставит перед собой ответственные цели и задачи: укрепление возрожденной государственности, защиту прав и свобод человека, интересов народа и государства, переход на качественно новый уровень развития, отвечающий требованиям цивилизованного мирового сообщества. Решение этих вопросов должно носить системный и превентивный характер» [1].

Конституционная реформа 2007 года только усилила роль ассамблеи – например, путем введения представительства депутатов от нее в Мажилисе. Все это ознаменовало растущую роль АНК в государственной системе Казахстана.

В 2008 году принят Закон «Об Ассамблее народа Казахстана», не имеющий аналогов в мире. Закон закрепляет Ассамблею в качестве полноправного субъекта политической системы страны, определяет нормативные правовые основы ее деятельности, регулирует межэтнические отношения, способствует реализации государственной национальной политики. Целью Ассамблеи является обеспечение межэтнического согласия в РК в процессе формирования казахстанской гражданской идентичности и конкурентоспособной нации на основе казахстанского патриотизма, гражданской и духовно-культурной общности народа Казахстана при консолидирующей роли казахского народа.

Основными задачами Ассамблеи являются:

- 1) обеспечение эффективного взаимодействия государственных органов и институтов гражданского общества в сфере межэтнических отношений, создание благоприятных условий для дальнейшего укрепления межэтнического согласия и толерантности в обществе;
- 2) укрепление единства народа, поддержка и развитие общественного консенсуса по основополагающим ценностям казахстанского общества;
- 3) оказание содействия государственным органам в противодействии проявлениям экстремизма и радикализма в обществе и стремлениям, направленным на ущемление прав и свобод человека;
- 4) формирование политико-правовой культуры граждан, опирающейся на демократические нормы;
- 5) обеспечение интеграции усилий этнокультурных и иных общественных объединений для достижения цели и задач Ассамблеи;
- 6) возрождение, сохранение и развитие национальных культур, языков и традиций народа Казахстана.

Принципами деятельности Ассамблеи являются:

- 1) приоритет прав и свобод человека и гражданина;
- 2) приоритет интересов народа и государства;
- 3) равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений или по любым иным обстоятельствам;
- 4) равноправие и персональная ответственность членов Ассамблеи за деятельность в ее составе;
- 5) гласность [2].

Преобразование Ассамблеи народов Казахстана в Ассамблею народа Казахстана в 2008 году отразило исторический факт глубочайшего значения – единая политическая казахстанская нация в основном сложилась.

Ассамблея проводит множество различных мероприятий по обеспечению условий для развития культур и языков проживающих в Казахстане этносов. Ассамблея прилагает много усилий для дальнейшего раскрытия богатейшего консолидирующего духовно-нравственного потенциала казахской культуры. Она близка и понятна этническим группам, для которых, как и для казахов, проблемы нравственности и морали были всегда первостепенными, национально значимыми. Таким образом, национальная идентичность формируется в диалоге с культурами всех казахстанских этносов в рамках унитарного государства.

За годы независимости межнациональные отношения внутри страны стали гораздо гармоничнее.

Под эгидой Ассамблеи работают 22 республиканских и региональных национально-культурных центра, которые объединяют 470 областных, го-

родских и районных организаций. При этом в рамках Ассамблеи учреждены национально-культурные центры более сорока этносов Казахстана.

Особое место в эффективной реализации АНК своих задач заняли ее региональные филиалы, так называемые Малые Ассамблеи. Обширная территория Казахстана, наличие во многих его регионах районов с компактным проживанием различных этносов делали насущной необходимостью введение региональных представительств специальных структур, занимающихся разрешением этнических проблем. В этом аспекте функционирование Малых Ассамблей стало одним из путей воплощения в жизнь этой задачи.

Восточно-Казахстанская область отличается полиэтничностью. Здесь проживают представители 105 этносов. В 1992 году на базе девяти национально-культурных центров был создан первый в республике Дом дружбы.

В настоящее время (на 1 июля 2011 года) в области функционируют 8 Домов дружбы, 73 этнокультурных объединения, молодежное общественное объединение «Ынтымак – Содружество». В целях координации работы в сфере укрепления единства казахстанского народа, обеспечения межнационального согласия и стабильности действует Ассамблея народа Казахстана Восточно-Казахстанской области. Председатель АНК ВКО – аким Восточно-Казахстанской области. При Ассамблее действует консультативно-аналитический орган – научно-экспертная группа.

Ассамблея народа Казахстана Восточно-Казахстанской области проводит большую работу по изучению культуры, истории, языков и традиций народа Казахстана; способствует расширению и углублению связей этнокультурных объединений с их исторической родиной. В областной «Школе возрождения языков и культуры народов» изучается 15 языков различных этносов.

Ассамблея внесла практический вклад в сохранение и укрепление дружбы между народами. Благодаря инициативам этого уникального института Казахстан стал моделью мира и духовно-культурного возрождения народа, образцом достижения межнационального и межконфессионального согласия в поликультурном казахстанском обществе.

В деятельности Ассамблеи народа заключен большой позитивный опыт, который Казахстан внес в мировую практику решения межэтнических проблем. Этот вклад по достоинству оценен на самом высоком уровне. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, совершивший осенью 2002 года визит в нашу страну, назвал Казахстан примером межнационального согласия, стабильного, устойчивого развития для других государств мира, а Ассамблею народа – ООН в миниатюре.

К опыту АНК в сфере обеспечения межнационального мира и согласия сегодня внимательно присматриваются во всем мире, особенно на Балканах и Ближнем Востоке. Во многих странах, даже вполне «старо-демокра-

тических», с межнациональным диалогом существуют огромные проблемы. Более того, по нашим прогнозам, в ходе предстоящей десятилетней рецессии в ЕС межэтнические проблемы только обострятся. Ухудшение экономической ситуации в странах «новой Европы» неизбежно отзовется эхом межнациональных конфликтов, ныне тихо тлеющих и лишь временно «залитых деньгами».

Казахстанский опыт толерантности сегодня практически интересен странам Центральной и Восточной Европы, его активно изучают в Канаде, Испании, Бельгии. Не так давно от наших европейских коллег поступили предложения провести международные конференции по вопросам межнационального согласия с участием казахстанцев в Польше, Венгрии и Чехии. Это свидетельствует о том, что накопленный позитивный опыт АНК должен незамедлительно стать предметом самой широкой международной репрезентации. С этой целью коллектив ведущих российских и зарубежных экспертов под моим руководством уже приступил к написанию коллективной монографии, обобщающей и анализирующей многолетний бесценный опыт ассамблей. Уверен, что это издание будет востребовано как на просторах СНГ, так и в странах Европы, Ближнего Востока, Центральной Америки и многих других полиэтничных регионах [3].

В международном сообществе Ассамблея народа Казахстана, созданная по инициативе Президента Н.А. Назарбаева и обладающая конституционным статусом, вызывает огромный интерес. Эксперты обоснованно рассматривают АНК как политическую инновацию, как ноу-хау в межэтнической сфере.

Выступая на XIX сессии Ассамблеи народа Казахстана в апреле 2012 года, Глава государства отметил: «Сегодня глобальный мир ищет формулу единства и находит ее здесь, у нас в Казахстане. Все это говорит о том, что наша страна находится на верном пути» [4].

Признание опыта Казахстана происходит на самом высоком международном уровне. Так, Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, встречаясь с Н.А. Назарбаевым, подчеркнул, что принципы Ассамблеи народа Казахстана – уважение и толерантность – «это и есть принципы ООН».

В наши дни, когда этнические и религиозные конфликты представляют серьезную угрозу стабильному развитию в целом ряде стран, Казахстан демонстрирует умение на системной основе выстраивать позитивные межэтнические отношения и превентивно разрешать потенциальные проблемы в этой сфере. Казахстан сумел создать эффективную Ассамблею народа Казахстана и выработать, тем самым, уникальную модель национального единства, межэтнического мира и общественного согласия.

Данный орган является центральным звеном в гармонизации межэтнических отношений и играет значительную роль в поддержании политиче-

ской стабильности, упрочении мира и общественного согласия.

В Казахстане накоплен богатый, исторически бесценный опыт мирного сосуществования разных культур и цивилизаций, который способствует формированию сходных ценностных ориентаций у большинства населения страны, созданию толерантной атмосферы межэтнического и межконфессионального согласия и взаимоуважения. Именно поэтому Глава нашего государства всегда подчеркивает, что этнокультурное и конфессиональное многообразие Казахстана – это огромное богатство, общее достояние всего нашего общества, дающее казахстанцам возможность обмена с другими народами ценными культурными достижениями. Последовательная политика Казахстана, направленная на обеспечение мира, стабильности, межнационального и межконфессионального согласия в стране, находит широкую поддержку и одобрение у мировой общественности [5]. Указ Президента РК о создании нового института Ассамблеи народа Казахстана был подписан 1 марта 1995 года. В 2007 году АНК обрела статус конституционного органа, получила конституционное гарантированное парламентское представительство – право избирать в Мажилис Парламента РК 9 депутатов. В 2008 году был принят Закон «Об АНК», обеспечивший нормативно-правовое регулирование Ассамблеи [6].

Сегодня эта мощная социальная сила органично вплелась в традиционные институты гражданского общества, выражая свою позицию в палатах Парламента, политических партиях, средствах массовой информации, государственных и неправительственных организациях. Ассамблея народов Казахстана стала важным элементом политической системы Казахстана, она скрепила интересы всех этносов, обеспечила неукоснительное соблюдение прав и свобод всех граждан, независимо от их национальной и религиозной принадлежности. Данный орган превратился в очень важный инструмент согласования межэтнических отношений и создания баланса в этой сфере в Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Стратегия Ассамблеи народов Казахстана на среднесрочный период (до 2007 года): Указ Президента Республики Казахстан от 26 апреля 2002 года, №856 // <http://www.nomad.su>
2. Закон Республики Казахстан от 20 октября 2008 года №70-IV «Об Ассамблее народа Казахстана» // <http://online.zakon.kz>
3. Солозобов Ю. Ассамблея народа – уникальное политическое открытие Нурсултана Назарбаева / Ю. Солозобов // Казахстанская правда. №397-398.
4. Казахстанский путь: стабильность, единство, модернизация: выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на XIX сессии Ассамблеи народа Ка-

захстана // <http://www.assembly.kz>

5. Ауанасова М. Казахстанская модель межнационального и межконфессионального согласия / М. Ауанасова // <http://www.embkaztm.org>

6. Нурсултан Назарбаев поздравил Ассамблею народа Казахстана с 20-летием <http://www.inform.kz/rus/article/2750949>

Сарафанов Д.Е.

ИЗУЧЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БАРНАУЛА В XIX В. (АНАЛИЗ БАЗЫ ДАННЫХ ПО МАТЕРИАЛАМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ)

Исследование поддержано РГНФ, грант №15-01-00207а и №15-11-22008а(р).

Перспективность регионального подхода в изучении истории уже длительное время отмечается как отечественными, так и зарубежными исследователями. Так, Андреас Каппелер, автор книги о Российской империи, в 2000 г. писал, что в будущем региональный подход к истории империи станет особенно инновационным [1]. В рамках региональной истории демографическая проблематика является важным направлением исследований. Базовым демографическим процессом при изучении вопросов воспроизводства населения является рождаемость.

Источниковой базой работы послужили материалы метрических книг барнаульских церквей за XIX в., на основе которых была создана база данных на уровне персоналий «Население Барнаула второй половины XVIII – начала XX в.» [2]. В городе Барнауле со второй половины XVIII в. и до 1860-х гг. существовало три приходских церкви: Петропавловская, Одигитриевская и Захарьевская. К 1859 г. была построена Знаменская церковь. Причт и прихожане Захарьевской церкви «перешли» к Знаменской. Четвертая приходская церковь – Покровская – была заложена 1 мая 1860 года и освящена 4 августа 1863 г. С начала 1860-х гг. произошло перераспределение прихожан между Петропавловским собором и Покровской церковью.

Общий коэффициент рождаемости (ОКР) рассчитывается, как известно, как отношение числа живорожденных в течение года к численности населения (на 1000 жителей). Мы имеем возможность построить временные ряды демографических показателей, привлекая сведения об общей численности как административного, так и церковного учета населения. Более точные значения коэффициента мы получим, используя материалы «светской статистики», поскольку они учитывают все наличное население, участвующее в воспроизводстве населения. Соотношение числа родившихся с по-

стоянным православным населением (церковный учет) будет давать более высокие показатели ОКР, чем соотношение с наличным.

Удобным методом обработки и представления динамических рядов демографических данных является построение графиков погодичных колебаний с использованием различных трендов. Последние существенно сглаживают колебания рождаемости. Для нас это имеет значение, поскольку показатели ОКР, рассчитанные на основе первичных демографических материалов, могут быть случайными. Применение линейного тренда к нашим данным показало в обоих случаях восходящую линию значений общего коэффициента рождаемости на протяжении XIX в. При этом следует отметить, что при использовании материалов административного учета населения тенденция роста рождаемости выражена значительно слабее, чем при использовании сведений церковного учета. Применив линейный тренд к более коротким временным отрезкам – дореформенному и пореформенному периодам – мы видим, что данные «светской статистики» показывают заметный рост рождаемости в дореформенный период и отсутствие четко выраженной тенденции в пореформенный. По материалам церковного учета населения линии тренда фиксируют восходящую линию значений как для первого, так и для второго периодов.

Если ориентироваться на шкалу величин общего коэффициента рождаемости, разработанную отечественными демографами (В.А. Борисов, Б.Ц. Урланис), согласно которой его значения от 16 до 24‰ считаются средними, от 25 до 29‰ – выше средних, от 30 до 40‰ – высокими [3], то наши данные (рис. 1), независимо от вида учета, можно отнести к очень высоким показателям рождаемости на всем протяжении XIX в. Однако мы более склонны согласиться с примерными нормативно-демографическими показателями (для традиционного общества), предложенными В.Л. Дьячковым и В.В. Канищевым, которые отметили, что максимальной следует считать любую естественную рождаемость свыше 100‰, средней – 20-50‰, низкой – 10-20‰ и сверхнизкой – менее 10‰ [4].

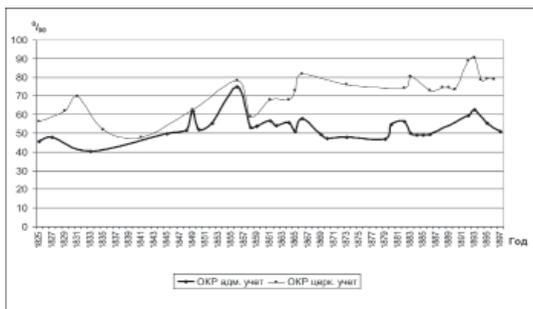

Рисунок 1. Динамика коэффициентов рождаемости в Барнауле XIX в.

Мы видим, что ОКР для наличного населения Барнаула находился в зоне средней естественной рождаемости в 1825-1845, 1869-1879, 1884-1886 гг. В эти годы показатель колебался в пределах 40,2-49,6‰. В остальные годы XIX в. рождаемость была высокой с диапазоном значений в 50,1-74,8‰. Значения ОКР, рассчитанные по данным церковного учета населения, находились в зоне средней естественной рождаемости только в начале 1840-х гг. Отметим, что показатели ОКР для православного населения хоть и выше данных административной статистики (в особенности в пореформенный период), однако они отмечают схожие тенденции в динамике рождаемости.

При характеристике рождаемости важным показателем являются данные о количестве внебрачных рождений. При ведении метрических книг духовенство обязано было обозначать в источниках информацию «...в законном ли браке или вне оною младенец рожден» и фиксировать ее в графе о родителях младенца [5]. Внебрачными детьми признавались дети, рожденные незамужней матерью, вдовами и разведенными женщинами (по истечении 306 дней после смерти мужа или расторжения брака). Незаконность рождения у замужних женщин определялась в судебном порядке [6].

В экстракты метрических книг сведения о числе внебрачных детей не заносились. Возникают сложности в изучении показателей внебрачной рождаемости, поскольку требуется обращение исследователя к текстовой части источника для соответствующих подсчетов. Обращение к материалам базы данных «Население Барнаула второй половины XVIII – начала XX вв. по материалам метрических книг» позволяет получать необходимую информацию. Следует также отметить, что помимо метрических книг данные о числе внебрачных детей могут содержаться в других видах источников. Например, в фонде губернского статистического комитета (Государственный архив Томской области, фонд 234) отложились таблицы о числе родившихся, умерших и сочетавшихся браком по церковным приходам за отдельные годы. Источники содержат сведения о числе незаконнорожденных детей.

При расчете доли внебрачных детей следует учитывать, что к церквям Барнаула была приписана значительная часть населения сельской округи. В первой половине XIX в. к Петропавловской церкви относилось население 12 деревень, к Одигитриевской – 13, к Захарьевской – 10. На протяжении первой половины XIX в. доля сельских жителей в барнаульских приходах возрастала. Максимальных значений она достигла к 1846 г., когда стала составлять 51,6%, после чего наблюдается снижение показателей [7]. Такая ситуация, при которой население сельской округи в городских приходах Сибири превышает количество горожан, характерна в большей степени для XVIII в. [8], в начале же XIX в. селяне, по подсчетам исследователей, составляли около или чуть более 20% [9]. Активное строительство храмов в Алтайском округе, начавшееся с 1840-х годов, привело к тому, что только к 1860-м гг.

барнаульские церкви перестали обслуживать сельских прихожан.

Базовой тенденцией в динамике абсолютных показателей внебрачной рождаемости в Барнауле было их увеличение до начала 1880-х гг., после чего наблюдается снижение (таблица 1). Так, за период с 1805 по 1882 гг. количество незаконнорожденных за год возросло с 19 до 116 человек (т.е. в 6 раз) и уменьшилось до 92 человек к 1893 г.

Доля внебрачных детей в общем числе новорожденных возрастала вплоть до второй половины 1870-х гг., после чего показатели снижаются. К середине XIX столетия удельный вес незаконнорожденных детей в Барнауле вырос до 7,5%. Для сравнения – доля зарегистрированных детей, рожденных вне брака, за первую половину XIX в. «...колебалась от 2% по Киевской губернии до 7% в Московской губернии, составляя в среднем по Европейской России около 3,3%» [10], хотя в городах она была значительно выше.

Таблица 1

Число внебрачных рождений в Барнауле в XIX в.

Статус	1805		1820		1845		1850		1851		1862	
	абс.	%										
Законнор.	392	95,4	531	93,8	461	94	676	92,5	652	90,6	562	91,2
Незаконнор.	19	4,6	35	6,2	29	6	55	7,5	68	9,4	54	8,8
Всего	411	100	566	100	490	100	731	100	720	100	616	100
продолжение												
Статус	1870		1871		1877		1882		1883		1893	
	абс.	%										
Законнор.	559	87,5	495	86,7	534	82,9	753	86,7	762	87,7	1207	92,9
Незаконнор.	80	12,5	76	13,3	110	17,1	116	13,3	107	12,3	92	7,1
Всего	639	100	571	100	644	100	869	100	869	100	1299	100

Источники: ГАТО. Ф. 263. Оп. 1. Д. 69; Ф. 170 Оп. 9. Д. 49; Ф. 3 Оп. 4. Д. 123. Л. 338, 342; ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 550-552; Оп. 5. Д. 152; ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 11. Л. 107 об.; Д. 37. Л. 69, 71, 73, 75; Д. 43; Д. 86. Л. 130-133; ГААК. Ф. 144. Оп. 2. Д. 39, 41; Оп. 4. Д. 68; Памятная книжка Томской губернии на 1885 год. Томск, 1885. С. 5.

Из материалов таблицы 1 видно, что процент внебрачных детей в Барнауле во второй половине XIX в. продолжает расти вплоть до 1877 г., когда были достигнуты максимальные значения (17,2%). Затем удельный вес незаконнорожденных снижается, достигнув к 1893 г. значения в 7,1% – уровня середины столетия. По данным исследователей, в рассматриваемый период в городах Сибири наблюдался постоянный рост числа внебрачных рождений. В Томской губернии в 1890 г. незаконнорожденные составляли в городах 7,1% (максимальная доля была в крупнейшем городе – Томске – 12,6%) [11]. Причем число внебрачных рождений в Сибири в начале XX в. также увеличивалось.

Для сравнения приведем данные о внебрачной рождаемости Царско-сельского уезда в 1810-1840-гг., которая имела явно выраженную тенденцию роста (с 2,2 до 7,5%). С.Г. Кашенко и М.А. Маркова отмечали, что рост «... скорее всего, отражает улучшение качества регистрации и не связан с действительным увеличением внебрачной рождаемости» [12]. Следует согласиться, что с течением времени качество регистрации незаконнорожденных возрастало. Важно отметить и тот факт, что барнаульским духовенством в начале XIX в. фиксировался более высокий процент внебрачных детей, что может являться показателем более качественного учета и говорить также о росте, может быть не таком явном, внебрачной рождаемости в первой половине XIX в. в городе.

Можно выделить несколько факторов, которые влияли на показатели рождаемости Барнаула. *Во-первых*, улучшение качества регистрации является объективной причиной (для первой половины XIX в.), влиявшей на число незаконнорожденных в сторону его увеличения (фактор не связан с действительным ростом внебрачных рождений). Издавались многочисленные указы Синода, требующие соблюдения правил ведения метрических книг (в 1779, 1802, 1812, 1824, 1838, 1886, 1889, 1890 гг. [13]). С первой трети XIX в. возрастает роль метрических книг в сфере административных и гражданских правоотношений, что привело к усилению системы проверки метрических книг благочинными церквей.

Работа с метрическими книгами Барнаула начала XIX в. показала, что в большинстве случаев присутствует указание на то, что ребенок рожден вне брака. В источниках встречаются различные формулировки записей о крещении внебрачного ребенка, обусловленные как сложившимися семейными обстоятельствами, так и особенностями ведения документации конкретным священником. В литературе отмечается, что в метрических книгах сельских приходов XVIII в. соотношение законных и незаконных рождений определить невозможно, так как практически отсутствуют записи о рождениях, в которых не обозначено имя отца. Для начала XIX в. это замечание также отчасти справедливо [14]. В метрических книгах барнаульских церквей в

начале XIX в. записи о незаконнорожденных детях выявляются без серьезных сложностей, поскольку в большинстве случаев присутствует приписка «незаконнорожденный». Однако на протяжении XIX столетия такой вариант формулировки встречается не всегда. Имеются записи, по которым определить незаконность рождения можно только косвенным способом – в этих случаях указывалась информация только о матери ребенка.

Во-вторых, показатели числа незаконнорожденных зависели от социальной обстановки в регионе. Например, по замечаниям составителей рапорта 1845 г. «Его Высокородию Господину Управляющему Томскою Губернию и Кавалеру» открылось, что из 11 зарегистрированных «подкидышей» «...6 девок откинули детей своих от стыда и бедности» [15]. Можно предположить, что в период кардинальных социальных преобразований, отсутствия стабильности, «упадка горного дела», многие родители (не только отцы) не стремились брать на себя ответственность по воспитанию ребенка, что приводило к росту внебрачной рождаемости. С первой половины 1860-х гг. социально-экономическое положение населения Барнаула менялось: часть жителей стала искать альтернативные заводской работе пути существования. Получившие по реформе 1861 г. личное освобождение приписные крестьяне, мастеровые и урочники Алтайского округа в значительной своей части отказались работать на барнаульском заводе, несмотря на различные льготы и умеренную плату за вольнонаемный труд [16]. Первоначально бывшие мастеровые разбрелись по селам Алтая, однако в последующем многие из них вернулись в Барнаул. В отчете губернского статистического комитета за 1865 г. отмечалось о бывших мастеровых Барнаульского завода: «...занимаются мелочной торговлей, большая часть домашним хозяйством, приобретая необходимое для своего существования личным наймом в услуги, рыбную ловлей, перевозкою тяжестей, подводной гоньбой» [17]. А. Брем, бывший в Барнауле в 1876 г., писал, что «...город и теперь, **в период явного упадка**, интересен для каждого приезжего...» (выделено нами – авт.) [18].

В-третьих, к концу XIX в. начинают проследиваться процессы урбанизации, проявлением которых является переселение жителей села в город. Следует учитывать, что матери незаконнорожденных детей, боясь порицания местного сообщества, могли «перебираться» в город.

В-четвертых, социальный состав населения также влиял на показатели внебрачной рождаемости. Учитывая, что барнаульские церкви обслуживали разное по социальному составу население, можно проследить как это отражалось на рассматриваемых показателях. Так, среднее значение доли незаконнорожденных за вторую половину XIX в. по Петропавловской церкви составило 13,1%, по Знаменской – 12%, по Покровской – 11,6% и по Одигитриевской – 7,4%. Одигитриевская церковь считалась в Барнауле купеческой. Высокий уровень благосостояния прихожан мог быть причиной более низко-

го показателя внебрачной рождаемости, чем в других приходах. Что касается Захарьевской церкви, то «Ходатайство прихожан о ...» строительстве этого храма отмечало, что на территории планируемого прихода «...жительствуют по большей части мастеровые и работные люди» [19]. Петропавловская церковь была Соборной, что выражалось в большем количестве прихожан и их сословной разнородности. Построенная в 1860-х гг. Покровская церковь «разгрузила» главный городской собор – произошло перераспределение прихожан между этими двумя церквями.

Проанализировав данные о социальном положении матери внебрачного ребенка за 1877 г. по приходам, мы видим, что значительная часть внебрачных детей рождалась у дочерей военных и бывших мастеровых, а также представительниц мещанского и крестьянского сословий. Первые две категории населения в настоящем или прошлом напрямую были связаны с горным делом и металлургией. Вероятность подобной связи у крестьян и мещан также была высока. Есть точка зрения, что в среде рабочих существовали более свободные нравы, что могло являться причиной, влиявшей на показатели внебрачной рождаемости в сторону их увеличения.

Подводя итог, отметим, что основной тенденцией в динамике коэффициентов рождаемости в Барнауле в первой половине XIX в. был рост показателей. Говоря о городской рождаемости Сибири этого периода, можно привести высказывание А.Р. Ивонина, отмечавшего, что «разброс данных здесь так велик, что напоминает порой «пляску Св. Витта...» [20]. Однако автор сделал осторожный вывод о том, что картина умеренного роста коэффициентов рождаемости в городах Сибири более соответствует действительности.

Линейный тренд, примененный к данным «светской статистики» по реформенному периоду, показал отсутствие четко выраженной тенденции в динамике ОКР. Погодичные же данные фиксируют снижение рождаемости со второй половины 1860-х гг. с ростом показателей к началу 1890-х гг. Во второй половине 1890-х гг. рождаемость начала снижаться. Если обратиться к среднему показателю рождаемости, то мы видим, что по материалам административного учета населения за 1825-1860 гг. он был равен 53,2‰. В последующее время, в 1861-1897 гг., он снизился и стал составлять 52,8‰. Рождаемость в Западной Сибири во второй половине XIX в. оставалась очень высокой и четко выраженной тенденции к снижению не имела. Заметим, что в городах европейской части России начиная с 1860-х гг. она стала снижаться повсеместно.

Базовой тенденцией в динамике внебрачной рождаемости в Барнауле было ее увеличение вплоть до 1870-х гг.: с 1805 по 1877 г. показатели увеличились с 4,6 до 17,1%, затем они снижаются до уровня середины столетия. Показатели внебрачной рождаемости Барнаула второй половины XIX в. сопоставимы в целом с общесибирскими.

1. Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления во семь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. №1. С. 21.
2. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е. Информационные технологии в изучении метрических книг (население Барнаула в конце XVIII – начале XX в.): монография. Барнаул. 2013. 114 с.
3. Цит. по: Зверева Н.В. Основы демографии. М., 2004. С. 118.
4. Дьячков В.Л., Канищев В.В. Уровни применения демографических коэффициентов: от микро до мезо. Тамбовская губерния, начало XX в. // Демографические и экологические проблемы истории России в XX веке. М.-Тамбов: изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 73-74.
5. СЗРИ. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1857. С. 309 (№1593), 396 (приложение к статье №1562).
6. Чижевский И. Церковное письмоводство. Сборник правил, постановлений и форм к правильному ведению оного. 2-ое изд. Харьков, 1881. С. 46.
7. Сарафанов Д.Е. Реконструкция численности населения Барнаула первой трети XIX в. // Проблемы исторической демографии Сибири. Вып. 1. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 59-75.
8. Зольникова Н.Д. Сибирская приходская община в XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 30.
9. Ивонин А.Р. Западносибирский город в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в.: (опыт историко-демографического исследования). Барнаул, 2000. С. 40.
10. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 1999. С. 182.
11. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Часть I: Население. Экономика. Барнаул, 2003. С. 139.
12. Кащенко С.Г., Маркова М.А. Население уездов столичной губернии в XVIII – первой половине XIX века. Историко-демографические очерки. Брянск: «Курсив», 2013. С. 106-107.
13. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С. 42.
14. Кащенко С.Г., Маркова М.А. Население уездов столичной губернии в XVIII – первой половине XIX века. Историко-демографические очерки. Брянск: «Курсив», 2013. С. 105-106.
15. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 4. Д. 123. Л. 338.
16. Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972. С. 240-245.
17. Скубневский В.А. Население города Барнаула во второй половине XIX века // Актуальные вопросы истории Алтая. Барнаул, 1980. С. 109.
18. История Алтая в документах и материалах. Конец XVII – начало XX в. Барнаул, 1991. С. 213.
19. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. Л. 123.
20. Ивонин А.Р. Западносибирский город в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул, 2000. С. 77.

ОСВОЕНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАЗАХСКИМ ЭТНОСОМ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ Г. УСТЬ-КАМЕНОГОРСКА)

Демографическое развитие современного Казахстана характеризуется обозначившимися ещё со второй половины XX века процессами урбанизации титульного населения. Сегодня можно наблюдать нарастающие темпы вышеотмеченных эволюций, что подтверждается следующими статистическими данными. За период с 1989 по 2009 год численность городских казахов выросла на 93,2%, удельный вес в структуре этноса поднялся на 24,7%. В 2009 г. численность казахов, проживающих в городах, составила 4841,1 тыс. человек, процентная доля в численности титульного населения равнялась 47,9%. В структуре же всего городского населения страны их удельный вес увеличился до 55,9%. Т.е. сегодня большинство городских жителей представлено казахами [1, 2, 3, 4].

Как уже говорилось, урбанизация казахского населения отличается от её традиционных схем прежде всего **ускоренными темпами** прохождения. Причиной тому послужило несколько факторов: сосредоточенность казахов в советское время в селах страны, экономический кризис 90-х годов, отток европейского населения из городов. На планете не так много этносов, ставших урбанизированными за 20 лет.

Отличительными чертами урбанизации казахов, на наш взгляд, является также **дифференцированность городского казахского населения**.

Всех городских казахов можно разделить на несколько групп, выделяющихся статусными, экономическими, культурными различиями, уровнем владения русским и казахским языками, отношением к родоплеменным, клановым и родственным связям.

Первую, самую малочисленную, **категорию** составляют казахи, проживающие в городах с рождения или более 30-40 лет. Как правило, они не владеют или слабо владеют казахским языком, но в совершенстве говорят на русском. Это поколение городских казахов, прибывших сюда в советский период, подвергшихся процессам ассимиляции и обрусению. Сами казахи их называют «шала-казахи» или «нечистые» казахи. Цель миграции в город представителей первой группы – перенять городской образ жизни, стать горожанином, улучшить как экономическое, так и социально-статусное положение.

Вторая категория казахов-горожан – прибывшие в самом начале суверенного периода, в 90-е годы. Мотив их миграции – экономический. Пришедшее в упадок село в период тяжелого экономического кризиса вы-

нудило многочисленную массу сельских жителей переехать в города. Исходя из мотивов миграции, данная группа населения решала прежде всего экономические и материальные проблемы. Если адаптация к городу первой категории казахов проходила постепенно, то представители второй группы перенимали стандарты городской жизни, как правило, формально, без погружения в городскую субкультуру. Небольшой материальный потенциал, с которым они мигрировали, зачастую не позволял поселиться в черте города. Поэтому данная категория мигрантов сосредотачивались в пригородах, частных секторах, создавая свои закрытые анклав. Они в большинстве своем не подверглись процессам обрусения, почти во всех социальных ситуациях предпочитают общаться на казахском языке. Городские казахи начала суверенитета поддерживают клановость, родоплеменное деление, очень актуальными для них являются родственные связи и землячество.

Почему им так и не удалось стать городскими? Дело в том, что в период переселения их в города носителями городской культуры были русские или русскоязычные. Русский язык был проводником к городскому образу жизни. Без его освоения невозможно было стать городским. На сегодняшний день данная необходимость сохранилась, но появляются новые альтернативы приобщения к городской субкультуре. Прежде всего – это казахский язык, отчасти английский язык, также знания новейших технологий.

Третья категория городского казахского населения – переехавшие относительно недавно (за последние несколько лет), как правило, молодежь. Данную группу составляют как традиционные казахи, выходцы из села, так и приехавшие из малых городов, а также те, чье развитие проходило в условиях двуязычия. Сюда можно отнести детей и внуков второй и первой групп городских казахов, они также практически все владеют двумя языками.

Можно проанализировать социально-экономические ниши, занимаемые той или иной категорией городских казахов. Представители первой группы предпочитали или предпочитают сферу образования, здравоохранения, отчасти промышленность. Вторая группа казахского этноса осела в малом бизнесе, также в силовых и властных структурах. Третья категория представляет студенчество, также все выше отмеченные профессиональные ниши в той или иной степени. Знание государственного языка представителями второй группы позволило им занять наиболее привилегированные позиции по сравнению с остальными.

Нами был проведен опрос городского казахского населения с целью выявления у него некоторых установок относительно языковых предпочтений, проявлений современных и традиционных особенностей мышления и поведения, а также отношения к ономастическим преобразованиям.

Ниже приводятся результаты данного опроса по всем группам городского казахского населения.

Представителями **первой категории городских казахов** соблюдают, как правило, некоторые обряды и обычаи казахского народа. Однако те концептуальные традиции, которые издревле определяли казахскую этничность, не соблюдаются или забыты ими. Это, прежде всего, традиция гостеприимства, а также традиция клановости, тесных родственных связей. Как правило, представители данной группы городского населения поддерживают связь только с родителями, если те ещё живы, и с узким кругом близких родственников. Совместные мероприятия с представителями всего клана проводятся редко. Зачастую в близкий круг друзей или даже родственников городских казахов-старожил входят представители других национальностей. Язык общения с родственниками и друзьями – русский.

Что касается предпочтений в одежде, проведения досуга, хобби, выбора литературы и музыки, то данная группа казахского населения полностью соответствует современным городским стандартам. Стиль одежды – спортивно- или казуально-городской; проведение досуга – шопинг, кафе, просмотр телепередач; хобби – фото и видеосъемка, прогулки на природе, велопогулки, занятия в тренажерном зале и прочее. Из музыкальных предпочтений, как правило, зарубежная поп-музыка начиная с 60-х годов по настоящее время, а также джаз или рок.

Обращает на себя внимание факт возросшей религиозности первой когорты казахского этноса. Представители данной группы посещают мечети, отмечают религиозные праздники, проявляют осведомленность в вопросах религии.

Отношение к ономастическим преобразованиям неоднозначное. Поддерживая необходимость таких изменений в независимом Казахстане, в то же время респонденты данной группы горожан тяжело и медленно адаптируются к новым названиям улиц, предпочитая использовать прежние.

Более того, часть представителей отмеченной категории населения считают старые названия улиц, проспектов и площадей частью истории страны. Допускают лишь переименование тех названий, которые утратили свою актуальность или же никак не связаны с историей и современностью Казахстана.

Вторая группа городских казахов соблюдает практически все национальные традиции и обычаи, поддерживает тесную связь как с городскими, так и с сельскими родственниками. Среди представителей данной когорты этноса часто проводятся различные мероприятия с участием всего клана родственников. Это могут быть свадебные тои, похороны, рождение детей, а также мероприятия, связанные с определенными периодами жизни ребенка – Шілдеhana, Бесік той (при рождении), Мектепке бару (в 6 лет), Сүндет той (обрезание) и прочее. Среди друзей этой группы казахов практически не встречаются представители других этносов. Язык общения с родствен-

никами и друзьями – казахский. Предпочитают телепередачи и фильмы, как правило, на казахском языке, любимая музыка – казахская современная или же казахская народная, стилизованная под современную.

Досуг проводят дома с детьми, с семьей, или же в кругу родственников. Конечно же, они посещают кафе и ночные клубы, но гораздо реже представителей первой и третьей групп. Предпочтение отдают крупным ресторанам этнического типа («Сар Лау», «Алма-Ата», «Жар-жар» и пр.), где проводятся мероприятия с участием большого количества родственников.

Данная когорта городских жителей приветствуют все ономастические изменения, считая их необходимыми и оправданными. Однако в составе этой группы есть также и те, кто считает, что улицы города должны носить как казахские, так и русские (советские) названия. Отмечают, что довольно часто при переименовании улиц на казахский язык допускаются ошибки.

Третья группа городского казахского населения, как было уже отмечено выше, дифференцирована. Наибольший интерес, исходя из имеющегося в ней количественного потенциала и большей дифференцированности, представляет данная когорта населения. В связи с этим хотелось бы подробнее остановиться на ее анализе.

Первая категория казахской молодежи, проживающей в городах (это, как правило, студенты-мигранты), мало чем отличается от представителей второй группы казахов. Их характеризуют традиционные мышление и поведение, а также религиозность.

В составе данной когорты отдельного внимания заслуживают студенты, приехавшие за последние 2 года по программе «Серпін» из южного региона Казахстана в г. Усть-Каменогорск. Большая плотность населения, традиционность мышления, близость проживания с киргизским и узбекским этносами наложили отпечаток на менталитете, языковом диалекте южан. Ситуация схожа с особенностями миграции в город казахов-репатриантов из Монголии и Китая. Но если у оралман был выбор смены места жительства, что они по большей части и реализовали, отдав предпочтение южным областям, то у студентов на ближайшие 4 года такого выбора нет.

На ментально-языковые сложности накладываются также и проблема адаптации к городскому образу жизни в целом (как правило, все они проживали до переезда в город в селах Южного Казахстана), и нерешенные бытовые проблемы (большая укомплектованность общежития, расселение по 3-4 человека в комнате), материальные затруднения и прочее. Но самой главной, на наш взгляд, является проблема незнания или слабого знания русского языка, т.к. г. Усть-Каменогорск по большей части является русскоязычным. Вопрос о том, как студенты-мигранты из южных регионов будут выходить из данной ситуации, остается открытым. Если раньше выходом было бы быстрое освоение русского языка, как пропуска к городскому образу жизни, то

сейчас, в связи с тем, что, несмотря на продолжающееся преобладание его в разговорной речи горожан, всё большую тенденцию набирает распространение казахского языка. Скорее всего, представители данной подгруппы примкнут к казахам-мигрантам волны 90-х годов, которые ближе им по языковым и ментальным особенностям, и в дальнейшем будут участвовать в процессах рурализации города.

Значительная роль в жизни городских казахов, не так давно прибывших из села, принадлежит религии, исламу. Среди посетителей мечетей наибольший удельный вес составляют именно они. В составе анализируемой когорты городских жителей можно встретить приверженцев радикальной религиозной идеологии (салафитов, ваххабистов, исламского фундаментализма).

Практически все представители данной группы демонстрируют хорошее знание своих корней – истории рода, известных его представителей, шежере (родословной), а также соблюдение практически всех национальных обычаев и традиций.

Отношение к использованию родовых, родственных связей при устройстве на работу, продвижении карьеры, в целом, отрицательное. Однако в числе представителей анализируемой категории населения есть и те, кто положительно относится к поддержке родственников в решении проблем устройства на работу или построения карьеры, рассматривая такую помощь как составную часть традиций казахов.

Характер общения с представителями других этносов различен: от вынужденно-временного до дружественного. Отношение к межэтническим бракам, как правило, отрицательное. Допускаются лишь ситуации, когда в брак вступают представители близких национальностей или же одной религии – ислама.

Языковые предпочтения: в близком кругу общения (в семье, с друзьями) – казахский язык, общение в различных других социальных сферах (на улице, в магазине, с соседями, на учебе или работе) – по ситуации.

В выборе же музыки ориентируются, в основном, не на язык или страну, а на мелодичность, некоторые предпочитают слушать казахские народные песни или поп-музыку на казахском языке.

Почти все представители данной группы городских казахов положительно относятся к ономастическим преобразованиям и довольно легко привыкают к новым названиям улиц. Считают, что названия городов, сел и улиц страны должны отражать историю только казахского народа, также допускают переименование старых «советских» наименований на казахстанские.

Что касается миграционных планов данной группы горожан, то здесь прослеживаются различные установки. Часть представителей рассматриваемой категории населения предпочитает оставаться в г. Усть-Каменогорске,

ещё одна её часть планирует переезд в другой город страны, наконец, третья группа – собирается мигрировать в сельскую местность. Есть также и те, для которых страна, город значения не имеют, в выборе мест проживания предпочтение отдают интересной, высокооплачиваемой работе.

Отдельного внимания заслуживают казахи молодых возрастов, родившиеся и выросшие в городе. Как правило, это дети тех, кто переехал в город в начале 90-х годов. Представители данной когорты населения получили среднее образование в основном на казахском языке. Однако большинство их почти во всех ситуациях предпочитают общаться на русском языке: в семье, среди друзей, с соседями, в вузе (в перерывах между занятиями), на улице, в магазине и т.д. Т.е. русский язык не утратил своей актуальности и по сей день и является приоритетным у большей части городского населения, в том числе казахского. Определенная часть молодого городского казахского населения владеет английским языком. Принцип трехязычия является для них приоритетным для будущего построения карьеры.

Ментально они близки к первой группе городских казахов. Отличие составляет то, что практически все они хорошо владеют казахским языком и не являются обрусевшими. И если представители первой когорты казахогорожан подверглись процессам русификации, то данная категория скорее находится под влиянием тенденции вестернизации, копирования западных образцов поведения, ценностей и образа жизни. В данном контексте современное состояние молодых городских казахов можно характеризовать как маргинальное, промежуточное между этничностью и космополитизмом. Почти все они имеют слабое представление об истории своего рода, племени, шежире. Национальные обычаи и традиции соблюдаются, как правило, по формальному признаку. Предпочтение отдается соблюдению лишь некоторых свадебных, похоронных, а также религиозных обрядов. Слушают музыку, в основном, на русском или английском языке.

У представителей исследуемой группы традиционные черты, клановость, проявляются слабо. Так, отношение к использованию родовых, родственных связей при устройстве на работу, продвижении карьеры отрицательное.

Они отличаются большей толерантностью по отношению к представителям других этносов и религий. Характер межнациональных контактов разнообразен: от близких, дружественных, бытовых до деловых, по роду учебы или работы. Отношение к межэтническим бракам – нейтральное или положительное.

Их также характеризует миграционная мобильность и готовность переехать в другой город или страну, как правило, дальнего зарубежья.

Представители данной группы горожан по-разному реагируют на ономастические преобразования, однако, все они считают, что при переимено-

вании улиц необходимо учитывать интересы не только казахов, но и всего населения в целом.

На наш взгляд, казахов молодых возрастов, родившихся и социализировавшихся в городе, с полной уверенностью можно назвать современными городскими жителями, владеющими несколькими языками, ориентирующимися в последних трендах и достижениях новейших технологий. Это тот тип городского жителя страны, который будет определять процессы урбанизации в дальнейшем. Прогнозы и социально-демографические программы необходимо строить и разрабатывать исходя из особенностей данной категории городского населения.

К сожалению, две отмеченные подгруппы молодого городского казахского населения очень сильно разнятся почти по всем характеристикам образа жизни и мышления. Складывается ощущение, что речь идет о представителях двух различных этносов. На наш взгляд, указанные различия, а в будущем конкуренция на рынке труда (возможности трудоустройства всех желающих в г. Усть-Каменогорске ограничены) могут спровоцировать конфронтацию уже внутри самого этноса. Всё вышеизложенное необходимо учитывать при разработке определенных аспектов образовательной и миграционной политики.

Таким образом, в жизни современного казахстанского города все вышеотмеченные слои казахогорожан занимают определенное место и взаимодействуют друг с другом. Создается своего рода симбиоз из различных групп казахского городского населения, а также представителей других этносов, проживающих в городах. Сказанное служит причиной проявления непростых, в чем-то противоречивых, а где-то и опасных тенденций в современном казахстанском городе.

В целом, в процессах урбанизации казахов в прошлом и сегодня существует две крайности, которые хотелось бы избежать в будущем. Первая – это русификация казахского городского населения, растворение этнической самобытности и языка в городском пространстве. Данное опасение имеет под собой основание, т.к. русский язык не утратил своей актуальности в городе и по сей день, несмотря на то, что носителей его всё меньше и меньше, доказывая тем самым живучесть и конкурентоспособность. Складывается противоречивая ситуация – когда русскоязычная основа практически сведена к минимуму, а язык продолжает быть актуальным. Нами было подмечено, чем жестче проявления языковой и кадровой политики, приоритет которой принадлежит специалистам, владеющими государственным языком, тем большее распространение получает русский язык в городе. Примером тому могут служить казахи, проживающие с рождения или с детства в городе и отдающие предпочтение, как правило, общению на русском языке, по крайней мере, в неформальной среде.

Ещё один, на наш взгляд, нежелательный сценарий дальнейшего освоения городского пространства казахами – рурализация города, что также имеет место отчасти в г. Усть-Каменогорске, в большей степени в его пригородах, а также в некоторых городах Казахстана. Когда городское сознание, городская субкультура и образ жизни не могут устоять перед корпоративными возможностями бывших сельчан в силу их многочисленности, компактности проживания, а также представленности в определенных сферах экономики страны. Когда город начинает жить не по устоявшемуся стандарту и привычной логике городского развития, а по ситуации, в которой современное городское мышление всё чаще уступает место родовому. Достаточно привести пример существования института «ағашек» как альтернативы социальных лифтов в прошлом.

Можно привести ещё много примеров, которые бы свидетельствовали о том, что процессы урбанизации и развитие современного казахстанского города проходят по самобытному сценарию, не имеющему аналогов в мировой практике. Сказанное порождает множество вопросов и ситуаций, однозначных ответов на которые дать не представляется возможным на сегодняшний день. В данной работе не ставилось целью найти ответы на все поставленные вопросы. Мы лишь только предприняли попытку анализа особенностей освоения городского пространства казахским этносом в современное время.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата, 1991. С. 13-15.
2. Национальный состав населения Республики Казахстан. Том 2. Население Республики Казахстан по национальностям и владению языками / Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. Статистический сборник. / Под ред. А. Смаилова. – Алматы, 2000 – С. 15-32.
3. Этнодемографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. / Под редакцией Шокаманова Ю.К. – Алматы, 2006. – С. 5.
4. Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Статистический сборник / Под ред. А.А. Смаилова. – Астана, 2010. – 110 с. – С. 17, 23.

Свахина Т.Е.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ КОРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В КАЗАХСТАНЕ

В многонациональной Республике Казахстан проживают представи-

тели более 130 национальностей, этносов и народов. Появление каждого этноса в республике обусловлено разнообразными причинами политического, демографического, социального характера, но каждый народ, вдали от исторической родины, многие годы бережно хранит свою культуру, обычаи, язык и традиции.

Современная корейская диаспора Казахстана – одна из наиболее многочисленных этногрупп. Появление первых представителей данного этноса на казахстанской земле, а также территории Узбекистана и Кыргызстана впервые документально зафиксировано материалами об итогах Первой всеобщей переписи населения Российской империи, проводившейся в 1897 г. В то время корейцы проживали в Семиречинской (11 чел.), Сыр-Дарьинской (2 чел.), и Акмолинской (5 чел.) областях. Они владели родным корейским, казахским и русским языками. Грамотных из них было 17 человек [1].

В начале XX века в Казахстане насчитывалось несколько десятков представителей корейского этноса, сосланных как неблагонадежные в приграничные сибирские города. Корейцы селились в основном в городах, служили наемниками у владельцев прачечных, занимались парикмахерским делом, торговлей, кустарным ремеслом, нанимались поденными рабочими.

Кроме того, при проведении Первой Всесоюзной переписи населения в 1926 г. в трех казахстанских областях Казахстана было зарегистрировано 42 представителя корейского этноса в трех областях Казахстана: Акмолинской (4 человека), Семипалатинской (27 человек) и Сыр-Дарьинской (11 человек) [2]. В этот же период времени на территории Дальнего Востока проживало 167,4 тысячи корейцев. Большинство из них являлись гражданами СССР, проживали компактно в мелких хуторах, основным их занятием было земледелие (рисоводство), они не имели собственной земли и арендовали ее у частных лиц или нанимались батраками в казачьи хозяйства и к корейским кулакам [3].

История появления корейцев на территории современного Казахстана начинается с добровольного переселения в этот край в 20-е годы XX века, в связи с развитием рисоводства в Казахстане. Корейцы зарекомендовали себя мастерами рисоводства и с начала 1928 г. появились планы развития рисоводства в Казахстане (Алматинский округ Семиреченской губернии), для этого было принято решение пригласить корейцев в Казахстан для организации рисоводства и передачи опыта в данной сфере деятельности. Весной 1928 г. в Казахстан прибыло более 300 корейцев (70 семей) из Владивостокского округа Дальневосточного края. В местных условиях они вывели новые высокоурожайные сорта риса.

В истории бывшего Советского государства значительное место занимает тема насильственного переселения и депортации народов. В 1930-1950-е гг. народы переселялись, в основном, в Сибирь, Среднюю Азию и

Казахстан. В этих регионах страны был создан своего рода ареал этнических меньшинств. Корейцы стали одними из первых в многотысячном списке переселенцев и спецпереселенцев. Именно на них отработывался механизм переселенческой политики, апробировалась система властных институтов на этносы. Депортация не являлась исключительной мерой насильственного переселения лишь для корейцев. Также Казахстан принял и другие депортированные народы – немцев, поляков, греков и понтийских греков, курдов, карачаевцев, балкарцев, ингушей, чеченцев, калмыков, крымских татар, турков-месхетинцев, иранцев и др.

Высылка корейцев на южные территории современного Казахстана производилась с приграничной территории Дальнего Востока. Среди реальных причин, обусловивших депортацию советских корейцев с Дальнего Востока, играл роль внешнеполитический фактор. Началась она с вынесением постановления Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) №1428-32 от 21 августа 1937 г. «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края в целях пресечения проникновения японского шпионажа», подписанного В. Молотовым и И. Сталиным: переселить все корейское население ... в Южно-Казахстанскую область, районы Аральского моря, Балхаша и Узбекской ССР. Размещение переселенцев преимущественно в южных областях Казахстана и республиках Средней Азии предусматривало занятие ими традиционной сельскохозяйственной деятельностью: рисоводством и овощеводством.

На территорию Казахстана и Узбекистана по указанию И. Сталина были насильственно переселены 36 442 корейские семьи (171 781 человек) из российского Дальнего Востока. В результате депортации в 1939 году в Казахстане проживало 96 453 корейца.

Переселение корейцев в Казахстан происходило в два этапа: выселение из ДВК (осень 1937 г.) на территорию Азии, где они находились до весны 1938 года в местах разгрузки и временного проживания, и внутриреспубликанское хозяйственно-территориальное перераспределение (с весны до конца 1938 г.), которому подверглось почти 60 процентов корейских переселенцев. Основная масса корейцев была размещена на неосвоенных землях или разорившихся, ликвидированных совхозах. Стремясь выжить, спасти детей, соединиться с семьями, родственниками, разбросанными депортацией, самовольно стали устраивать свою жизнь. В Восточный Казахстан, область, в которую официально въезд был запрещен, корейцы попали после Великой Отечественной Войны.

С началом Великой Отечественной войны контроль за переселенцами был ужесточен. В начале 1942 года из военнообязанных и призывников-корейцев начали формировать рабочие колонны для работы в угольной, металлургической и других стратегически важных отраслях промышленности

Казахстана. Нередко корейцы работали вместе с депортированными с Поволжья немцами, осужденными и военнопленными, которые на протяжении всей войны испытывали на себе недоверие властей. Многие из них остались работать в трудовой армии и после окончания войны.

Следующая волна насильственного массового переселения народов в Казахстан пришлось на 1944 год. Снова к уже переселенным народам усилилось внимание и контроль. В списке неблагонадежных народов, проживающих в Казахстане, корейцы находились на первом месте. Лишь отдельные корейцы, проживавшие не на территории Казахстана и Узбекистана, были призваны на военную службу и участвовали в Великой Отечественной войне. В военные и послевоенные годы корейцы внесли большой вклад в развитие зернового хозяйства и свекловодства республики [4].

Максимальная численность корейского населения в Казахстане была зафиксирована Всесоюзной переписью населения в 1939 г. (96 453 человека) и в 1979 г. (91 984 человека), затем это число стало уменьшаться – 74 019 человек в 1959 году, 81 598 человек в 1970 г. В межпереписной период 1939-1959 гг. произошло значительное снижение численности корейского населения в Казахстане: в абсолютных цифрах на 23 277 человек. Причинами этому послужили природно-климатические различия регионов выселения и вселения, отсутствие минимально благоприятных, в том числе и экологических, условий для традиционной хозяйственной деятельности, недостатки и ошибки в организации хозяйства и быта переселенцев на местах (недостаточное питание, низкий уровень или отсутствие медицинской помощи).

Основная численность корейского населения сосредотачивалась в Кызыл-Ординской (35 305 человек в 1939 г., 13 429 чел. в 1970 г., 12 503 человека в 1979 г., 12 182 чел. в 1989 г.) и Алма-Атинской (19 459 человек в 1939 г., 4 343 человека в 1970 г., 4 674 человека в 1979 г. и 5 193 человека в 1989 г.) областях. На востоке Казахстана в 1939 г. – 309 корейцев, в 1959 г. – 737, в 1970 г. – 928, в 1979 г. – 903, в 1989 г. – 977 корейцев, что составляло от 0,3 до 1,1% от общей численности населения области [5].

В конце 80-х гг. в мире насчитывалось 66,75 млн корейцев, при этом, по данным переписи населения 1989 г., в СССР проживало 438 650 корейцев, из них в Казахстане – 103 315 человек (23,6%).

Несмотря на миграцию некоторых народов республики в постсоветское время, диаспора осталась в Казахстане. В первую половину 1990-х годов из Казахстана выехали несколько сотен корейцев, но при этом они не уезжают в массовом порядке и в странах СНГ в 1995 году проживают 458 923 корейца, что составляет 9,3% от общего числа корейского населения в мире. Согласно результатам Первой переписи населения Республики Казахстан 1999 г., число корейцев составляло 99 665 человек, что означало по сравнению с 1989 г. сокращение на 1100 человек. В десятке наиболее многочислен-

ных этносов Казахстана корейцы по удельному весу занимают 9 место.

В Казахстане корейское население по-прежнему сосредоточено в основном (83,7%) в пяти областях (Алматинской, Жамбылской, Карагандинской, Кызылординской и Южно-Казахстанской) и городе Алматы. Самый высокий удельный вес в общей численности населения области (города) корейцы занимают в г. Алматы – 1,7%, Кызылординской области – 1,5% и Жамбылской – 1,4%. Самая низкая доля: по 0,1% – в Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областях, в столице Астане она составила 0,6%, где проживают 2028 корейцев. В целом по республике почти каждый пятый кореец (19,2%) проживает в г. Алматы, в Алматинской области этот показатель составил 17,5%, Карагандинской и Жамбылской – соответственно 14,2% и 14,1%.

Численность корейцев в Казахстане за последние десять лет несколько уменьшилась с 100 739 человек в 1989 г. до 99 665 человек в 1999 г. (по данным Первой переписи населения независимого Казахстана), однако их доля в общем населении слегка выросла – с 0,62% до 0,67%. Корейцев стало существенно меньше в южных областях – Кызылординской и Южно-Казахстанской, но явно больше в Алма-Ате и Астане. Среди других народов, проживающих в Казахстане, корейцы по своей численности занимают 9 место, а в городе Алматы – 6 место. В городах живут 84,2% корейцев Казахстана, остальные 15,8% – в сельской местности. Демографическая характеристика данной этногруппы такова, что 50,5% составляют женщины, 49,5% – мужчины [6].

В начале нового тысячелетия в Республике Казахстан, по итогам Первой республиканской переписи, проживало 14 953,1 тысяч человек. За межпереписной период общая численность населения республики сократилась на 7,7%, а численность ее корейского населения – на 1,1%. Вместе с тем удельный вес числа корейцев возрос на 0,1% и составил 0,7% ко всему населению республики, а общая численность лиц данной национальности составила 99 622 человека против 100 739 человек в 1989 году.

В 2009 году корейцев уже стало 100 385 человек. В 1999 году в Восточно-Казахстанской области проживало 1574 корейца. На начало 2012 года численность данного этноса в регионе сократилась до 1479 человек, из них в Усть-Каменогорске проживали 662 человека. А на 1 января 2015 года в Казахстане зарегистрировано 106 287 корейцев [7]. Из них в Восточно-Казахстанской области проживает 1467 корейцев. Большая часть – в г. Усть-Каменогорске – 652 человека [8].

Корейская диаспора включает в себя около 7 миллионов мигрантов с Корейского полуострова. Диаспора проживает за пределами Корейского полуострова уже свыше 140 лет, в том числе – после депортации из Дальнего Востока – почти 80 лет в Казахстане (около 4/5 проживают в Китае, Японии

(самая многочисленная диаспора за пределами корейского полуострова), США). Она прошла трудный и долгий путь, полный не только горя, лишений, но и успехов и достижений. В настоящее время в Казахстане насчитывается более ста тысяч корейцев и рождается уже четвертое поколение потомков дальневосточных корейцев.

В истории корейцев Казахстана темные и светлые периоды, печальные и радостные события. Она вобрала в себя как эпохальные события, так и житейские проблемы, будни этнической группы, ставшей органической частью казахстанского народа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. «Население мира». Демографический справочник. М., 1989. С. 411.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 8. Казахская АССР, М., 1928. С. 15-46, 126-159.
3. Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 2, Изд. Академия Наук СССР, Москва, 1963 г. С. 565.
4. Кан Г.В. «История корейцев Казахстана», Алматы, «Гылым», 1995. С. 136
5. Ким Н.Г. История иммиграции корейцев. Книга 1, Алматы, 1999.
6. Там же. С. 181.
7. Интернет-ресурс http://www.quickwiki.com/ru/%D0%9D%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%85%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B0. Дата обращения 13.08.2015 г.
8. Данные Департамента статистики Восточно-Казахстанской области Агентства Республики Казахстан по статистике.

Сергиенко А.М., Гончарова Н.П.

ТРУДОВЫЕ ИММИГРАНТЫ И СЕЛЬСКИЕ ЖИТЕЛИ ПРИГРАНИЧНОГО АГРАРНОГО РЕГИОНА: МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПУТИ ЕГО ОПТИМИЗАЦИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-03-00033а «Трудовые мигранты в российском агропродовольственном комплексе: модели социально-экономического взаимодействия с коренным населением».

Участие трудовых мигрантов в экономике села и АПК в стране становится условием воспроизводства агропромышленной сферы, что связано с сокращением собственного сельского населения и работников трудоспособ-

ного возраста. Причем эффективность влияния трудовой миграции зависит от того, каковы взаимодействия трудовых иммигрантов с местным населением, на чем они основаны, и есть ли социокультурная и институциональная «почва» их развития.

Методологические основы исследования. Несмотря на мозаичность взаимоотношений трудовых мигрантов с местными жителями, определяемых множеством характеристик, можно выделить несколько наиболее типичных моделей. В основе выделения таких моделей можно использовать следующие критерии: мотивация и готовность мигрантов к адаптации (знание культуры, языка местного населения, наличие миграционного опыта, длительность проживания в новой среде и др.), социокультурная зрелость адаптационной среды (доброжелательность местных жителей, наличие социальных сетей мигрантов, связей с диаспорой, способствующих адаптации), специфика экономической деятельности мигрантов и местных жителей (что отражается на частоте и качестве контактов, форме расселения мигрантов), институциональные и инфраструктурные условия адаптационной среды (степень открытости границ въезда на территорию местных жителей, качество отношений местных властей к мигрантам, наличие обратных связей с ними, условия для создания собственного бизнеса и др.) [1-6]. Так, приграничность региона чаще формирует более высокие мотивацию мигрантов и социокультурную зрелость адаптационной среды, большую сформированность институциональных и инфраструктурных условий адаптационной среды. Аграрная специализация региона способствует формированию рабочих мест мигрантов с рассеянным типом расселения.

Рассмотрим, какие модели взаимодействия между трудовыми мигрантами и сельскими жителями могут формироваться в приграничном аграрном регионе на примере Алтайского края. Алтайский край является территорией более активных миграционных процессов, его пограничное положение является притягательным для жителей соседних и близлежащих стран с более низким уровнем жизни как для переезда на постоянное местожительство, так и в целях трудовой миграции. Аграрная специализация экономики Алтайского края (четвертая часть сельскохозяйственной продукции в валовом региональном продукте) вызывает потребность в мигрантах в сельской местности и формирует более активные потоки трудовых мигрантов, занимающих рабочие места в АПК и других сегментах рынка труда сельской экономики со специфическими стандартами занятости и качества рабочих мест, взаимоотношений с местными жителями [7-10]. Для выявления моделей взаимодействия трудовых мигрантов с местными жителями в агропромышленном комплексе проведены нарративные интервью с трудовыми мигрантами, занятыми в сфере животноводства и растениеводства в отдельных районах края (Алейском, Славгородском (муниципальном образовании г. Славгород),

Третьяковском и др.).

По результатам исследования в сельских районах сформировались по крайней мере три модели взаимоотношений трудовых мигрантов с местными жителями в сферах наемного труда, предпринимательства и культурно-бытовой, различающихся степенью открытости мигрантов для сельского сообщества, сроками их проживания, характером отраслевой занятости (растениеводство, животноводство), статусом занятости (собственный бизнес, наемный работник), размером группы мигрантов, формой расселения, религиозностью мигрантов, связями с диаспорой и с родственниками из страны выезда и др. Опишем модели таких взаимоотношений с использованием методики кейс-стади.

Первая модель – занятость сезонных трудовых мигрантов в животноводстве. Для этой модели характерны взаимоотношения закрытого типа, с крайне низким уровнем взаимодействия мигрантов с сельскими жителями как в сфере труда и бизнеса, так и в культурно-бытовой сфере, нацеленных на максимально возможную изоляцию от сельского сообщества. Такая модель взаимоотношений характерна прежде всего для наемного труда мигрантов при их компактном расселении. В большей мере это касается мигрантов из Узбекистана и Таджикистана. Размеры миграционных групп, как правило, небольшие. Связи с диаспорой и родственниками из страны выезда играют огромную роль в мотивации таких трудовых мигрантов. Основные причины разобщенности с местным сообществом кроются в культурных различиях, языковом барьере и в специфике занятости.

Ярким примером такой модели взаимоотношений, соответствующих краткосрочной стратегии адаптации с пассивным подчинением условиям среды, является занятость сезонных трудовых мигрантов, которую можно встретить в Алейском районе. В КФХ Андреева Д.А., одном из недавно созданных животноводческих хозяйств мясного направления, в 2011 г. по гранту Губернаторской программы «100+100» было закуплено 240 племенных коров канадской породы Герфорд. В последующие годы на основе квот на иностранных мигрантов по заявке хозяйства из Узбекистана приехали строители животноводческого комплекса и три пастуха. Основным мотивом их приезда являлось получение более высокой оплаты труда.

Мигранты-пастухи представляют маленькое сообщество компактного расселения с крайне низкими контактами с местными жителями. Специфика их деятельности во многом определяет замкнутый характер взаимоотношений мигрантов с сельским сообществом. С июня до ноября они пасут коров. Живут в 15 км от села в вагончике, где созданы базовые условия проживания. Все практики производственных и трудовых взаимоотношений сводятся к двум видам, в которые вплетены культурно-бытовые контакты. Во-первых, в производственно-трудовые отношения с мигрантами включе-

ны руководитель и бухгалтер хозяйства: глава «предоставляет питание и зарплату»; бухгалтер оформляет документы по приему-увольнению, ежемесячно помогает переводить зарплату родным в Узбекистан. Через главу хозяйства переводятся деньги на мобильные телефоны для регулярной связи с родственниками. Во-вторых, это производственные взаимодействия с зоотехником, ветеринарным врачом и местными скотниками: зоотехник проверяет их работу, связанную с пастьбой коров; местный скотник обучил технологии пастьбы. Через зоотехника мигранты заказывают продукты питания и воду. В процессе взаимодействия происходит обмен производственными технологиями («здесь коров пасут, а у нас не пасут»), знаниями языков. Других контактов с местными жителями нет («в село ездили, только когда оформляли»).

Вторая модель – хозяйственные стратегии оседлых трудовых мигрантов в растениеводстве на основе взаимоотношений полузакрытого типа с невысоким уровнем интеграции мигрантов в сельское сообщество, низкой мотивацией к взаимодействию. «Полузакрытые» взаимоотношения иммигрантов в сельском сообществе встречаются и при их длительном проживании. Несмотря на довольно значительные сроки их проживания, доверительные отношения с местными жителями не развиты. Связи с диаспорой и с родственниками из страны выезда сохраняют большую роль в жизнедеятельности таких мигрантов. В отличие от первой модели, представители данной модели имеют значительную область самостоятельного принятия решений по налаживанию контактов с местными жителями.

Таким примером являются взаимоотношения с местными жителями двух семей оседлых мигрантов из Узбекистана, проживающих в с. Покровка, в 30 км от Славгорода, и организовавших семейный бизнес (овощеводство и выращивание бахчевых). Поводом приезда в Алтайский край более десяти лет назад был крайне низкий уровень жизни семей после ухода глав семей, бывших работников МВД, на пенсию («пенсия в МВД – полмешка муки, а жена пенсию не получала»). Первые контакты узбекских семей с местными жителями возникали при аренде жилья («жилье снимали то в одном, то в другом месте, но свой дом на Родине не продали, чтобы была возможность вернуться»). К односельчанам с просьбами не обращались, «даже если очень туго, голодали» («муку купим, лепешки испечем»). Эти семьи не принимают участие в совместных трудовых акциях местного сообщества, никогда не берут деньги в кредит и не дают займы («могу дать удочку, но рыбу не даю»), но могут поддержать бедных («накормить, дать выпивку»). Устойчивые отношения на доверительной дружеской основе сложились только с одним местным жителем («русским другом»), который неоднократно давал советы (обычно правоохранительного характера), оказывал помощь в форме защиты от натиска местных правоохранительных органов («в 90-е боролись с

бандитами, давали взятки властям для получения гражданства, открытия ИП. Сейчас, когда гаишники и участковый «наезжают», просят морковь, арбузы, а они еще маленькие, русский друг помогает, поговорит с ними»).

В отличие от местных сельхозпроизводителей мигранты используют только ручной труд. Для выполнения трудоемких работ на своих полях (посев, прополка, уборка урожая) семьи мигрантов нанимают по 5-7 рабочих – местных жителей, те «сами приходят из глухих деревень – узнают, что можно поработать за еду и выпивку». Обычный рабочий день наемных работников заканчивается в 18 часов («утром и днем покормим, а вечером – еда и выпивка»). Продукцию эти семьи реализуют через узбеков-посредников («посредники приезжают сами, грузят собранные в кучи овощи и арбузы и увозят»). Взаимодействие с местными властями носит скорее вынужденный характер: договариваются, что эти семьи будут снабжать продукцией местные детские сады и школы «взаимозачетом за аренду земли» (каждая семья арендует по 10 га земли и водоемы для полива).

Культурно-бытовые взаимодействия этих семей двухпоколенного типа с сельским сообществом крайне бедны и ориентированы на сохранение традиций мусульман, соответствующих стратегии ухода от прямых контактов с чужой культурой. Они не участвуют в местных культурно-развлекательных мероприятиях, в гости ходят только в семью «русского друга» и сами приглашают «на день рождения, когда посеяли или убрали урожай, на мусульманские праздники». Главы семей не разрешают взрослым сыновьям общаться с местными жителями («русские могут развратить: там курят, пьют, наркотики, девушки неправильно одеваются и ведут себя»). Полузакрытый тип отношений не способствует их полноценной адаптации: ежегодно зимой обе семьи ездят в Узбекистан к родственникам и планируют вернуться в свою страну на постоянное местожительство.

Третья модель – предпринимательские и трудовые практики оседлых мигрантов в растениеводстве открытого типа. Такая модель взаимоотношений характеризуется высоким уровнем взаимодействия мигрантов с местными сельскими жителями как в сфере труда и бизнеса, так и в хозяйственно-производственной и культурно-бытовой сферах. Формируются устойчивые обменные практики, что приводит к максимально возможной кооперации с местными жителями, высокой социальности в новой среде и активной адаптации мигрантов в сельском сообществе. Преобладает рассеянная (фермерская) форма расселения мигрантов, что способствует их ассимиляции при длительном периоде проживания. Важным фактором интеграции в местное сельское сообщество являются социальные сети мигрантов (диаспоральные, родственные, дружеские). Данный тип отношений характерен, прежде всего, для постоянной или безвозвратной миграции.

Характерным примером такой модели отношений является деятель-

ность индивидуального предпринимателя С.Р. Мограбяна в Третьяковском районе Алтайского края, приехавшего с товарищами в 1974 г. Первоначально трудовая деятельность мигрантов была связана со строительством объектов животноводства в колхозах района и носила сезонный характер на протяжении нескольких лет. Предпринимательская деятельность С.Р. Мограбяна началась в перестроечный период, сначала в сфере реализации продукции животноводства, затем – торговли и реализации ГСМ, далее – полеводстве (*«всегда хотел фермером быть, потому что в селе родился... Из колхоза ушел, землю свою забрал, взял в колхозе в аренду еще 1,5 тыс. га, попробовал – получилось... Так землей начал заниматься»*). Сегодня индивидуальный предприниматель имеет пошивочный цех для изготовления мешкотары (*«мешки шью для муки, на мельницы сдаем»*), мастерскую для сельхозтехники, новый «мехток» (механизированный ток) и несколько складов для хранения зерна (*«склады с нуля строил, у меня же ничего не было, только землю взял», «сейчас еще один склад строим, потому что тесно, когда много сортов выращиваешь, должны быть большие склады»*), обрабатывает 2860 га земли, из которых 1500 га – собственные угодья, остальная площадь взята в аренду у местных жителей по договору, согласно которому они обеспечиваются «сеном, соломой, отходами, а если кому не надо, то деньгами за аренду земли».

Но не только арендодатели обеспечиваются сеном и соломой – все нуждающиеся сельчане могут получить продукцию *«с доставкой на дом»* (*«мы им по домам возим, чтоб людям удобно было»*), в дополнительном объеме (*«мы им еще сено, соломы лишней даем»*), по льготной цене или в рассрочку (*«200 тюков человек купил, у него коровы, сено негде брать, до сих пор даже половины суммы не отдал»*). Такая практика способствует формированию устойчивых обменных процессов между бывшим мигрантом и сельским сообществом. Также на устойчивость обменных процессов влияет организация наемного труда местного населения. У предпринимателя работают в основном жители района, хотя встречаются сезонные и маятниковые мигранты (*«зять мой здесь, на поле трудится, вагончик у нас там», «приезжает каждый день из Горняка (прим. – Локтевский район)», «полгода как приехал, через полгода только я отсюда уезжаю»*).

С местным руководством у индивидуального предпринимателя складываются преимущественно односторонние взаимоотношения: на начальном этапе своей деятельности в сфере растениеводства и земледелия он неоднократно обращался вхозуправление за советом, помощью в решении возникавших вопросов, *«нанял агронома на полставки, пока сами не научились»*.

Положительный опыт руководителя не только способствовал развитию предпринимательской деятельности в растениеводстве (*«после меня*

еще три предпринимателя пошли на землю»), но и стимулировал большой приток в район трудовых мигрантов из Армении (*«Сурен позвал, он же земляк наш», «они же родственники, ну как не помочь»*), многие из которых остались на постоянное местожительство и постепенно ассимилируются. Существенным фактором ассимиляции являются межэтнические браки (*«у меня жена русская, и у сына моего – тоже русская»*), которые существенно облегчают обменные процессы между мигрантами и местными жителями. В процессе межкультурного взаимодействия и естественной ассимиляции мигрантов в местах вселения происходит обмен производственными технологиями (*«отец вручную сеял и убирал, у нас по косогорам комбайн не идет»*), знаниями языка (*«у меня жена русская, армянский знает, и внуку я научил»*).

Пути оптимизации взаимодействия трудовых иммигрантов и сельских жителей. Для формирования эффективных практик взаимодействия между трудовыми мигрантами и сельским населением, основанных на развитии доверительных отношений и кросс-культурном развитии, по мнению руководителей (администраций) сельских районов и поселений (сельсоветов), необходимо не только усилить реализацию существующих мер миграционной политики по первичной адаптации мигрантов, связанных с изучением русского языка и культуры страны, региона, сельских сообществ, сокращением масштабов нелегальной миграции, но и совершенствовать политику более глубокой адаптации и интеграции мигрантов на основе создания комплекса условий более комфортного проживания мигрантов на сельских территориях путем содействия трудоустройству и открытию своего бизнеса, решению жилищных проблем, обеспечения медицинским и социальным страхованием, оказания социальной помощи, развития активно взаимодействующих с сельским сообществом национально-культурных организаций мигрантов.

В частности, наряду с реализацией традиционных направлений и технологий миграционной политики в области приема и адаптации мигрантов в сельской местности (среди которых эксперты выделили в первую очередь соблюдение установленных законодательных правил и норм в Российской Федерации, действующих норм в области оформления гражданства, сокращение масштабов нелегальной миграции, активизацию работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью), особое внимание должно быть уделено поддержке практик взаимодействия трудовых мигрантов и местного населения, способствующих инновационному развитию сельских сообществ, основанных на взаимном знакомстве с культурными особенностями, формировании уважения к традициям обеих сторон. Вследствие развития межкультурного общения однозначно будет наблюдаться изменение языка и рода деятельности, совершенствование социально-экономического

взаимодействия, что, в свою очередь, станет условием увеличения производства сельхозпродукции и воспроизводства агропромышленной сферы в целом.

Итак, по результатам исследования взаимоотношений трудовых мигрантов с местными жителями в сельском хозяйстве можно выделить три модели, различающиеся открытостью и культурными особенностями взаимоотношений, характером расселения мигрантов, отраслевой специализацией, длительностью проживания. Практически для всех моделей характерна развитость родственных, дружеских и партнерских сетей мигрантов. Мотивация мигрантов к взаимодействию с местными сельскими жителями способствует развитию трудовых, предпринимательских и культурно-бытовых практик совместной деятельности, устойчивых форм обмена знаниями и технологиями в различных сферах жизнедеятельности. Для оптимизации взаимоотношений трудовых иммигрантов и сельского населения необходимо совершенствовать политику более глубокой адаптации и интеграции мигрантов на основе создания комплекса условий их комфортного проживания в сельской местности, обеспечения социально-экономических условий для их самореализации, развития кросс-культурных практик их взаимодействия с местным населением.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абашин С., Чикадзе Е. Экономические мигранты из Центральной Азии: Исследование трансформации идентичности, норм поведения и типов социальных связей. URL: http://www.cisr.ru/files/otchet_econom_mogranty.pdf
2. Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. – Саратов, 2012. – 340 с.
3. Мукомель В. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. – 2011. – №1. – С. 34-50.
4. Нефедова Т.Г. Нерусское сельское хозяйство // Отечественные записки. Административная реформа. – М., 2004. – №2. – С. 441-458.
5. Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. – М.: ИСЭПН РАН. 2010. – 390 с.
6. Dodd C. The dynamics of intercultural communication. – N.Y., 1991.
7. Алтайское село: тенденции и механизмы социального развития: колл. монография / Науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул, 2011. – 295 с.
8. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография / Под общ ред. д.с.н. А.М. Сергиенко. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – 330 с.
9. Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е. Трудовая миграция в Алтайском крае: состояние, динамика и социально-экономические последствия // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2013. – №5(103). – С. 129-133.

10. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: кол. монография / Науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул, 2013. – 330 с.

Симагин Ю.А.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОСЕЛКОВ ГОРОДСКОГО ТИПА РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В отличие от большинства стран мира, на постсоветском пространстве, кроме городов, существует еще одна форма городских населенных пунктов – поселки городского типа (ПГТ). Это самые малые по размерам городские населенные пункты, тем не менее игравшие важное значение в процессах урбанизации, особенно в на региональном уровне. ПГТ появились в 1920-е гг. как переходная форма между «настоящими» городами и сельскими населенными пунктами. Введение новых критериев разделения населенных пунктов на городские и сельские было вызвано необходимостью устранить противоречие между экономическими функциями и административным статусом, которое отмечалось для многих поселений Российской Империи начала XX века. Проведенная реформа была научно обоснованной и, по всей видимости, административно оправданной. Но разделить все поселения только на города и сельские поселения на существовавшем тогда этапе развития системы расселения оказалось невозможным – многие городские поселения находились еще на самой начальной стадии своего урбанистического развития. Поэтому и была введена новая категория населенных пунктов – поселки городского типа.

Законодательно реформа в РСФСР была оформлена как «Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках». Аналогичные положения были приняты в середине 1920-х гг. и в других республиках СССР, но критерии выделения городов и ПГТ в них были несколько иными. Положение было приурочено к намечавшейся в 1926 году первой после революции 1917 года всеобщей переписи населения, во время которой учет жителей страны как городских или сельских должен был идти уже по новым критериям. Согласно «Положению...» к городам относились населенные пункты, в которых проживало не менее 1000 человек взрослого населения, из которого не более 25% было занято в основном сельском хозяйстве. К городским населенным пунктам относились также рабочие поселки, в которых должно было проживать не менее 400 человек взрослого населения, из них заняты в основном сельским хозяйством – не более 1/3. При выделении рабочих поселков могли учитываться административное значение, уровень благо-

устройства и перспективы развития данного населенного пункта.

На территории современной России поселков городского типа по новым критериям был образовано значительно больше, чем существовало городов – более 700, что отражало объективную картину слабого развития процессов урбанизации на большей части территории страны в то время. В итоге уже к моменту переписи населения в декабре 1926 г. ПГТ в стране было в 1,5 раза больше, чем городов – 702 поселка и 461 город. Предполагалось, что по мере развития промышленности и других неаграрных отраслей экономики поселки городского типа будут расти и со временем преобразуются в настоящие города. То есть ПГТ должны были стать промежуточным звеном на пути преобразования сельских поселений в города.

По мере развития системы городского расселения страны потребовался пересмотр критериев разделения населенных пунктов на городские и сельские. В 1957 году законодательно были приняты новые критерии для образования ПГТ [3], которыми стали, во-первых, рабочие поселки: 1) численность постоянного населения не менее 3 тыс. человек, но в отдельных случаях (важные стройки, экономические и культурные центры в районах Крайнего Севера) численность населения может быть менее 3 тыс. человек; 2) не менее 85% занятых работают вне сельского хозяйства; во-вторых, курортные поселки: 1) расположены в местностях с курортным значением; 2) численность постоянного населения более 2 тыс. человек и количество людей, ежегодно приезжающих в эти поселки для отдыха и лечения, должно составлять не менее 50% постоянного населения; в-третьих, дачные поселки: 1) численность постоянного населения не менее 3 тысяч человек; 2) в сельском хозяйстве работает не более 20% занятых; 3) являются местами летнего отдыха горожан.

Таким образом, главным критерием выделения ПГТ был экономический – занятость жителей преимущественно вне сельского хозяйства. Занятость в промышленности, строительстве, транспорте предполагала выделение рабочего поселка, в курортном хозяйстве – курортного, в ближайших городах – дачного. Дачные поселки были выделены только в Московской области. В начале 1970-х гг. они были переведены в разряд сельских населенных пунктов, но в 1980-е гг. вновь стали считаться поселками городского типа.

Критерий численности населения оказался менее существенным. В ПГТ могло проживать и не менее 3 тысяч жителей, и не менее 2 тысяч жителей, но в исключительных случаях (в районах Крайнего Севера) и меньше. Кроме того, поселки городского типа, образованные ранее, но к 1957 году не удовлетворявшие новому критерию численности населения, как правило, сохранили за собой статус городских населенных пунктов. То есть фактически численность населения могла быть ниже установленного критерия. И упоря-

дочивания состава уже существующих городских поселений Указ 1957 года не повлек, в отличие от Положения 1924 года, установив правила выделения только новых ПГТ.

В итоге ПГТ в значительной мере утратили свою роль «промежуточной ступеньки» при преобразовании крупных сельских населенных пунктов в города. Так, из 743 ПГТ, существовавших в 1939 году, к началу XXI в. стали городами или частями городов около 40% (почти 300 поселков), были преобразованы в сельские населенные пункты менее 10% (65 поселков), а сохранили статус ПГТ около половины. Тогда как из 1459 ПГТ, существовавших в 1959 году, городами или частями городов в будущем стали лишь 13% (около 200 поселков, большинство из которых были городскими поселениями уже и в 1939 году), в села были преобразованы 17% (около 250 поселков), а сохранили статус ПГТ 70%.

Таким образом, именно с конца 1950-х гг. ПГТ в России оформились как особый тип населенных пунктов, промежуточный между сельскими населенными пунктами и городами, но не находящийся непосредственно на пути преобразования сел в города. Большинство из существовавших в конце 1950-х гг. ПГТ (около 90%) не имели перспективы превращения в города в основном по причине недостаточной численности населения. Более того, каждый пятый впоследствии был преобразован обратно в сельский населенный пункт. А 2/3 заняли маргинальное положение между городом и селом, обладая характерными признаками и того, и другого. При этом по отраслям занятости населения ПГТ являются, безусловно, городскими населенными пунктами (промышленными, административными и др. центрами), а по размерам, внешнему виду, уровню благоустройства и др. характеристикам они часто находятся ближе к селам, чем к городам. Это двойственное положение не мешало ПГТ успешно развиваться в советские годы. Их количество, численность и доля населения в них росли, что показывают данные таблицы 1.

Таблица 1

Основные характеристики поселков городского типа России по данным всеобщих переписей населения

Характеристика	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Количество ПГТ, единиц	702	743	1459	1869	2046	2193	1842	1286
Численность населения в них, тыс. чел.	2557	5284	9447	11013	10513	13510	10513	7787
Средняя численность населения одного ПГТ, тыс. чел.	3,6	7,1	6,5	5,9	5,7	6,2	5,7	6,1

Доля населения ПГТ от всего населения России, %	2,8	4,9	8,0	8,5	8,7	9,2	7,2	5,5
Доля населения ПГТ от городского населения России, %	15,4	14,6	15,3	13,6	12,6	12,5	9,9	7,4

Источники: Население России. 2000 год. – М.: Центр демографии и экологии человека, 2001. – 90 с.; Численность и размещение населения. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: Т. 1.) – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – 574 с.; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – Официальный сайт государственной службы статистики Российской Федерации (Росстата). URL: <http://www.gks.ru>.

Максимальным количеством ПГТ в России было в 1991 г., когда их насчитывалось около 2,2 тыс. Росло население ПГТ, как и городов, в основном за счет миграции сельских жителей. Демографического потенциала сельского населения страны хватало на рост и городов, и ПГТ. При этом в города мигранты из сельской местности переселялись интенсивнее, чем в поселки, о чем говорит снижение доли жителей ПГТ от городского населения страны начиная с конца 1950-х гг. Снижение средней численности населения ПГТ с 1939 г. подтверждает факт, что большинство из них не имели перспектив превращения в города.

Но в 1990-е гг. система ПГТ стала развиваться совершенно иначе, чем системы городов и сельских населенных пунктов страны. В 1990-е гг. процессы в системе расселения России изменились коренным образом. Впервые после начала 1920-х гг. был отмечен рост доли сельского населения страны (с 26,6% в 1989 г. до 26,7% в 2002 г.), так как численность сельского населения за межпереписной период почти не сократилась. Но одновременно выросла и доля населения в городах (с 64,2% до 66,1%) при заметном сокращении численности населения в них. Соответственно, численность населения в ПГТ сократилась очень заметно (на 22,2% за 1989-2002 гг.), а их доля в населении страны снизилась с 9,2% до 7,2%. За период 2002-2010 гг. сокращение количества ПГТ и численности населения в них продолжилось. То есть при общем сокращении населения в стране особенно ярко этот процесс проявился именно в ПГТ, которые оказались, таким образом, наиболее «пострадавшей» в период реформ категорией населенных пунктов.

Около 3/4 сокращения населения ПГТ вызвано массовыми административно-территориальными преобразованиями (АТП). Более 800 поселков городского типа с общей численностью населения более 3 млн человек были преобразованы в сельские населенные пункты. Эти преобразования косну-

лись урбанизированных северо-восточных регионов страны, где многие центры добывающей промышленности исчезли вслед за закрывшимися в условиях кризиса предприятиями. Но особенно много ПГТ было преобразовано в южных регионах страны, сравнительно слабо затронутых урбанизацией, где многие ПГТ и раньше фактически являлись сельскими поселками. А в условиях кризиса аграрная составляющая всех сторон жизни в них резко усилилась – сократилась занятость в несельскохозяйственных отраслях, выросло значение личного подсобного хозяйства и т.д. В некоторых регионах России в сельские поселения были преобразованы все или почти все ПГТ, включая райцентры. Масштабы этого процесса по отдельным годам показаны в таблице 2.

За счет него от количества начала 1990-х гг. число ПГТ уменьшилось примерно на 40%. Наиболее масштабными преобразованиями городских поселений в сельские были в 1991-92, 1999 и 2004-05 гг. – на эти три периода пришлось более 1/2 преобразований по количеству поселков, и более 2/3 – по численности проживающего в них населения. При этом 1991 год (последний год существования СССР) и 1992 год (первый год существования независимой Российской Федерации) были наиболее неопределенными в политическом отношении и сопровождались радикальными социально-экономическими преобразованиями (либерализация цен и др.). 1999 год, последовавший за финансовым кризисом августа 1998 года, был одним из самых тяжелых в экономическом отношении (с самым высоким уровнем безработицы, с резким сокращением реальных доходов населения и др.). То есть годы самых массовых преобразований являлись одновременно одними из самых кризисных в политическом или экономическом отношениях.

Таблица 2

Масштабы преобразований поселков городского типа в сельские поселения за период 1989-2013 гг.

Год	Количество преобразованных ПГТ	Численность населения в них, тыс. человек
1989	1	0,2
1990	3	19,7
1991	72	278,5
1992	70	412,8
1993	21	84,2
1994	12	36,8

1995	24	77,8
1996	22	61,5
1997	25	62,3
1998	19	31,6
1999	44	208,8
2000	9	23,7
2001	14	26,3
2002	8	26,5
2003	22	55,6
2004	266	855,1
2005	86	205,4
2006	12	76,3
2007	1	2,7
2008	26	49,0
2009	24	104,2
2010	10	43,0
2011	20	62,2
2012	16	87,8
2013	31	85,8
Итого	858	3026,8

Источники: Численность населения Российской Федерации на 1 января. – М.: Госкомстат, Росстат, 1991-2013.

Преобразования 2004-05 гг. в основном были связаны с вступлением в действие Федерального закона «Об основах местного самоуправления в Российской Федерации». В среднем за год в села за последние десятилетия преобразовывалось 35 ПГТ со средней численностью населения около 3,5 тыс. человек в каждом. Произошла «административная рурализация» [1], затормозившая рост доли городского населения в стране, наблюдавшийся на протяжении предыдущих десятилетий. Особенно массовыми преобразования городских населенных пунктов в сельские были в таких регионах России, как Алтайский край, Ростовская, Оренбургская и Тюменская области, республики Карелия, Калмыкия, Алтай и Удмуртия. В целом можно сказать, что преобразования были более характерными для национальных автономий и южных аграрных регионов России. Если учесть, что и раньше эти реги-

оны отличались пониженной долей городского населения, то получается, что дифференциация регионов страны по уровню урбанизации в конце XX и начале XXI в. увеличилась – менее урбанизированные регионы стали отдаляться от более урбанизированных. Эта тенденция противоположна наблюдавшейся в советский период, когда происходило постепенное выравнивание уровня урбанизации в разных регионах страны, так как доля горожан в более сельских регионах росла быстрее средней.

Произошедшие изменения имеют три основные причины.

1. В советские годы уровень урбанизации в стране искусственно завышался по идеологическим причинам. Во-первых, методом неоправданного перевода крупных сельскохозяйственных поселений в городские поселки. Такая практика была распространена в южных слабо урбанизированных районах страны, преимущественно в национальных автономиях, которые должны были интенсивно развиваться в социально-экономическом отношении, приближаясь к более развитым регионам страны. К тому же за 1990-е гг. многие промышленные производства в этих ПГТ были закрыты или резко сократили число работников в результате экономического кризиса, тогда как сельское хозяйство сократило производство в значительно меньших масштабах. В итоге доля занятых в сельском хозяйстве превысила пороговый по законодательству уровень в 15%. Во-вторых, доля городского населения завышалась методом сохранения городского статуса за поселениями, число жителей в которых стало ниже необходимого порога в 3 тыс. человек. Это часто имело место в северных районах России – вблизи закрывшихся горнодобывающих и лесозаготовительных предприятий. Таких слишком малонаселенных городских поселений стало особенно много вследствие начала депопуляции в большинстве регионов России. В результате, как только ослабло административное давление из центра, такие поселки (крупные сельскохозяйственные – на юге страны, мелкие – на севере) стали в соответствии с законодательством преобразовываться в сельские поселения.

2. В условиях острого социально-экономического кризиса люди стали использовать все возможные пути для выживания. И оказалось, что быть сельскими жителями при прочих равных условиях выгоднее, чем городскими: больше возможностей получения земли для ведения подсобного хозяйства, меньше оплата за электроэнергию и коммунальные услуги, существуют надбавки к заработной плате для работников бюджетной сферы (в том числе для работников поселковых администраций, которые могли организовать инициативные действия для преобразований) и т.д.. Поэтому население с «материальной» стороны было заинтересовано в преобразовании своих поселений из городских в сельские.

3. Так сложилась история России, что урбанизация и городской образ жизни не укоренились в культуре и сознании основной массы населения

страны, хотя уже с 1950-х гг. большинство жителей считались горожанами. Возможно, корень этого в незначительности прошедшего времени, за которое городское сознание не успело развиться. Возможно – в фактически сельском образе жизни населения небольших городов и городских поселков в России с их низкой степенью благоустройства, преобладанием усадебного жилья, почти полным отсутствием центров культуры. Результат – «сельский» менталитет значительной части городского населения страны, особенно проживающего в небольших городах и поселках городского типа на юге страны. Поэтому и с «моральной» стороны люди были за преобразование своих городских поселений в сельские. В итоге сформировалась ситуация, когда «материальные» и «моральные» устремления людей во многих случаях совпали с законодательными нормами, устанавливающими определенные количественные критерии для выделения городских поселений. Результат – массовые преобразования ПГТ в сельские населенные пункты. Таким образом, наблюдавшееся с начала 1990-х гг. массовое сокращение количества городских населенных пунктов является одним из следствий произошедших в стране социально-экономических и политических преобразований.

Некоторая часть сокращения доли ПГТ в расселении (около 1/4 общего сокращения) связана также с тем, что многие из поселков отличаются и повышенной естественной убылью, и отрицательным миграционным сальдо. Повышенная естественная убыль связана со старой возрастной структурой населения – более старой, чем в городах (но более молодой, чем в российской сельской местности), а также с низкой «городской» рождаемостью. То есть рождаемость в ПГТ такая же низкая, как в городах, а смертность – почти такая же высокая, как в сельской местности. Миграционное сальдо большинства ПГТ отрицательное, поскольку они не имеют ни свободных рабочих мест и высокого социально-экономического потенциала в целом (как крупные города), ни свободного жилья и широких возможностей самообеспечения за счет занятия сельским хозяйством (как сельские поселения) [2].

Таким образом, можно сказать, что в конце XX – начале XXI в. негативно проявился переходный характер ПГТ между «настоящими городами» и сельскими населенными пунктами, когда они совместили недостатки тех и других, одновременно не располагая соответствующими достоинствами. Именно с этим связано быстрое сокращение численности населения ПГТ и их значения в системе расселения России. При этом именно ПГТ вместе с малыми городами во многих регионах – субъектах Российской Федерации образуют каркас городского расселения, разрушение которого приведет не только к значительному ухудшению условий жизни всего населения, но и в перспективе к полному обезлюдению многих территорий. Поэтому для прекращения деградации и возрождения системы малых городских населенных пунктов необходима разработка и реализация специальных программ их со-

циально-экономического развития, осуществляемых как органами власти всех уровней, так и негосударственными компаниями и общественными организациями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Кризис урбанизации и сельская местность России. [Текст] // Миграции и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. – М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ. 1999. – С. 83-94.
2. Демография: учебное пособие. / Под ред. В.Г. Глушковой и Ю.А. Симагина. [Текст] – М.: КНОРУС, 2013. – 304 с.
3. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сентября 1957 года «О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов, рабочих и курортных поселков». [Электронный документ] – Справочная правовая система «Консультант Плюс»: URL: www.consultant.ru.

Сиротина Т.В., Миллер С.М.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПАЛЛИАТИВНОЙ ПОМОЩИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ В XXI ВЕКЕ

Неуклонный рост количества онкологических больных, увеличение числа больных с хроническими прогрессирующими заболеваниями, распространение СПИДа привело к появлению большой группы инкурабельных больных, нуждающихся в адекватной социально-медицинской помощи. Так, согласно данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю число умерших от новообразований в регионе в 2015 г. составило 2333 человека, что на 15,8% больше по отношению к числу умерших от новообразований в регионе в 2014 г. На 100 тыс. человек населения в Алтайском крае этот показатель составил 236,4 человека [1]. Данные цифры свидетельствуют о стремительном росте заболеваемости, увеличении количества больных, нуждающихся в паллиативной помощи, в регионе.

Паллиативная помощь – подход, реализуемый на разных уровнях медицинской и социальной помощи, целью которого является улучшение качества жизни больных и членов их семей, оказавшихся перед лицом угрожающего жизни заболевания. Эта цель достигается путем предупреждения и облегчения страданий благодаря раннему выявлению, тщательной оценке и купированию боли и других тягостных физических симптомов, а также оказанию психосоциальной и духовной поддержки. Паллиативная помощь

носит интегративный характер, характеризуется многоаспектностью и находится в центре взаимодействия медицины, социальной работы и психологии.

Развитие паллиативной помощи стало актуальной проблемой мирового здравоохранения. Международные декларации призывают все государства мира принять политические, законодательные и другие меры, необходимые для создания согласованной, последовательной национальной политики для развития системы паллиативной помощи, а также содействовать международному сотрудничеству между учреждениями, исследовательскими институтами и другими организациями, принимающими активное участие в развитии паллиативной помощи [2].

На организацию паллиативной помощи в рамках отдельной страны влияет множество факторов: экономическая и политическая ситуация, уровень развития институтов здравоохранения, социальной защиты и т.д. В Российской Федерации паллиативная помощь представляет собой новое направление в медико-социальной работе.

Изучение и систематизация основ паллиативной помощи в РФ стали особенно актуальны в связи с принятием в 2011 г. ФЗ №323 от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в котором впервые юридически закреплено понятие паллиативной помощи. В законе ФЗ №323 от 21 ноября 2011 г. паллиативная медицинская помощь характеризуется как комплекс мероприятий, направленных на избавление от боли и облегчение других тяжелых проявлений заболевания в целях улучшения качества жизни неизлечимо больных граждан [3]. Паллиативная помощь «оказывается медицинскими работниками, прошедшими обучение по оказанию такой помощи» (ст. 36), «паллиативная помощь в медицинских учреждениях оказывается гражданам в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи...» (ст. 80). Важно отметить, что в законе прописана только медицинская составляющая паллиативной помощи, где борьба с болями и иными соматическими проявлениями – это первоочередная задача работы с пациентами в рамках данного направления.

Человек с диагнозом неизлечимой болезни испытывает и другие потребности. Однако удовлетворение психосоциальных потребностей часто возможно лишь после достижения приемлемого физического состояния, которое позволяет пациенту обратиться к разрешению психологических, духовных и социальных вопросов. В связи с этим активно развиваются не только медицинские технологии помощи инкурабельным больным и их близким, но и психосоциальные технологии. Обращение к социально-психологической составляющей ухода дает возможность уделить внимание близким неизлечимо больного, остро переживающим болезнь и потерю.

Важно отметить несовпадение понятий паллиативной помощи и хосписной помощи. Так, хоспис согласно определению, представленному на

сайте Фонда помощи хосписам «Вера», – это бесплатное медико-социальное учреждение, где обеспечивают уход и обезболивание, оказывают медицинскую, социальную, психологическую, духовную и юридическую помощь неизлечимым больным, а также их семьям, как в период болезни, так и после утраты близкого человека [4]. Таким образом, хоспис – это более узкое понятие по отношению к понятию паллиативной помощи, является одной из организационных форм оказания паллиативной помощи.

Существуют многообразные формы организации оказания паллиативной помощи. В разных странах они различны. Однако все многообразие можно разделить на три основные группы – это помощь в медицинском учреждении, оказывающем поликлиническую помощь, в стационаре и на дому. Основу амбулаторной помощи инкурабельным больным, страдающим хроническим болевым синдромом, составляют кабинеты противоболевой терапии, где пациентам оказывается квалифицированная медицинская помощь. Дневной стационар является местом кратковременного пребывания транспортабельных больных, а также их родственников, в котором они получают медицинскую и психологическую помощь, правовую и социальную поддержку. Стационарными учреждениями паллиативной помощи являются хосписы, отделения (палаты) паллиативной помощи, расположенные на базе больниц, онкологических диспансеров, а также стационарных учреждений социальной защиты. Помощь на дому осуществляется специалистами выездной службы, которая может быть как самостоятельной структурой, так и подразделением стационарного учреждения. Уход по типу хосписа – это программа оказания паллиативной помощи на дому инкурабельным больным. Особое внимание уделяется не лечению болезни, а снижению проявлений ее симптомов и обезболиванию.

Для удовлетворения потребностей больного в комплексном уходе и различных видах помощи необходимо участие в этой работе профессионалов различных специальностей. Многоаспектность паллиативной помощи (социальная, психологическая, духовная и т.д.) предусматривает обязательное участие волонтеров.

Согласно данным экспертного опроса специалистов системы здравоохранения Алтайского края, проведенного в 2014 г., было выявлено, что в настоящий момент существуют сложности как в понимании самого понятия паллиативной помощи, так и в продвижении данного вида помощи на территории Алтайского края [5, с. 110].

Существуют определенные противоречия в реализации государственной программы «Развитие здравоохранения в Алтайском крае до 2020 года», а именно подпрограммы 6 «Оказание паллиативной помощи, в том числе детям» [6]. Согласно подпрограмме с 2016 по 2018 г. должно быть проведено обучение 36 врачей и 86 лиц среднего медицинского персонала на базах

Российских медицинских университетов, имеющих лицензию на обучение специалистов по профилю «паллиативная медицина». В то же время в подпрограмме прописано, что в 2014 г. для развития паллиативной службы Алтайского края будут созданы дневные стационары на базах крупных многопрофильных больниц, в то время как обучение специалистов планируется начать только с 2016 г.

Конечным этапом реализации подпрограммы станет открытие «Креативного хосписа» на 120 коек, в том числе на 10 детских на базе КГБУЗ «Креативной онкологической диспансер». Согласно мнению респондентов, открытие такого хосписа и дневных стационаров повысит качество медицинского обслуживания онкологических больных, но этого будет недостаточно, так как требуется развитие других форм оказания паллиативной помощи, а именно: специализированных коек паллиативного ухода на базе медицинских учреждений, создание выездной службы паллиативной помощи [5, с. 111, 114]. Также важно разработать критерии, которые бы позволяли качественно оценить, нужно или нет помещать конкретного человека в хоспис.

Респонденты особенно выделили отсутствие в регионе специалистов, которые обладают достаточным уровнем знаний в области паллиативной помощи. Также в качестве одной из наиболее острых проблем эксперты отметили отсутствие ресурсов для создания паллиативных коек в стационарах.

Среди предложений по развитию паллиативных форм помощи экспертами была предложена служба сопровождения ухаживающих, в состав которой должны входить социальный работник, психолог, медицинский работник, имеющий специализацию «паллиативная медицина», а также добровольцы [5, с. 126].

Большинство родных и близких инкурабельного больного, как и сам больной, ориентированы на домашний уход. Экспертами было высказано предположение, что хотя открытие хосписа не сможет в полной мере решить проблему паллиативной помощи в регионе, тем не менее именно хоспис может стать базой развития выездной службы помощи, центром консультирования родных и близких.

Значимость оказания психологической и социальной помощи онкологическим больным и их близким не вызывает сомнений у респондентов. По их мнению, такие услуги должны предоставляться на базе того учреждения, где проходит лечение больной, важно, чтобы работа психолога была тесно сопряжена с работой врача-онколога.

Необходимо также отметить целесообразность психосоциальной работы со специалистами паллиативной помощи, направленной на работу с синдромом профессионального выгорания. Так, в ходе опроса было выявлено, что вследствие развития синдрома специалисты уходят, что в итоге негативно сказывается как на работе учреждения в целом, так и на качестве

жизни конкретных пациентов [5, с. 113].

Как уже было сказано, при создании системы паллиативного ухода в Алтайском крае планируется обучение специалистов только медицинской сферы. В то же время психологи и социальные работники также нуждаются в специализированной подготовке, которая может быть осуществлена на базе факультета социологии Алтайского государственного университета в рамках курсов повышения квалификации по программе «Основы паллиативной и хосписной помощи населению».

Таким образом, система паллиативной помощи Алтайского края находится в процессе своего становления. Это процесс сопряжен с большим количеством трудностей, которые во многом должны быть преодолены в рамках реализации государственной программы «Развитие здравоохранения в Алтайском крае до 2020 года», а именно подпрограммы 6 «Оказание паллиативной помощи, в том числе детям».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Демография / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ak.gks.ru/bgd/R1101ND/IssWWW.exe/Stg/r1506/iv.htm>
2. Рекомендации Rec (2003) ... Комитета Министров Совета Европы государствам – участникам по организации паллиативной помощи [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pallcare.ru/ru/images/user/Ryskversion3.pdf>. – Загл. с экрана.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ – Загл. с экрана.
4. Что такое хоспис? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.hospicefund.ru/manual/chto-takoe-hospis/> – Загл. с экрана.
5. Основы паллиативной помощи / Под ред. Т.А. Мазайловой, Т.В. Сиротиной. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014.
6. Постановление от 26 июня 2013 г. №331 «Об утверждении Государственной программы «Развитие здравоохранения в Алтайском крае до 2020 года» (в ред. Постановлений Администрации Алтайского края от 10.09.2013 №484, от 31.12.2013 №21, от 14.08.2014 №387, от 29.12.2014 №588, от 29.04.2015 №162) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW016;n=53493> – Загл. с экрана.

**ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНОГО
ОБСЛУЖИВАНИЯ ЛИЦ С МЕНТАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ
(НА ПРИМЕРЕ КГБСУСО «ПЕЩЁРСКИЙ
ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАТ»)**

Согласно данным Администрации Алтайского края на 01.01.2015 в Алтайском крае функционировало 10 психоневрологических интернатов, общее число пациентов которых составило 3017 человек, в то время как число мест в интернатах составило 2958 [1]. Представленные данные свидетельствуют о высокой потребности мест в учреждениях подобного профиля.

Так, в 2010 году в крае порядка 450 человек состояли в очереди в учреждения психоневрологического профиля. По поручению губернатора Алтайского края с целью ликвидации очередности 2 дома-интерната (Мамонтовский и Тальменский) перепрофилировали в психоневрологические. В Первомайском интернате создали отделение милосердия на 45 мест. На протяжении 3 лет в крае не существует очередности в подобные учреждения, зато имеется небольшой оперативный резерв свободных мест [2].

Проблема контроля качества услуг, предоставляемых учреждениями социального обслуживания населения, достаточно актуальна в настоящее время в РФ и Алтайском крае. Люди, проживающие в психоневрологическом интернате, – это одна из самых незащищенных и уязвимых категорий инвалидов, которая требует пристального внимания со стороны государства и общества.

Оценка клиентами, другими словами, потребительская оценка, качества социального обслуживания в психоневрологическом интернате необходима для того, чтобы обеспечивать обратную связь, а также охарактеризовать степень удовлетворения потребностей граждан, проживающих в интернате. Кроме этого, потребительская оценка в определенной степени позволяет проводить контроль качества социального обслуживания, предоставляя базу для анализа и принятия управленческих решений.

В данной статье мы определяем потребительскую оценку качества социального обслуживания как индивидуальную оценку благ, выводимую потребителем в процессе потребительского выбора с учетом условий социального обслуживания, обеспечивающих удовлетворение потребностей потребителя [3].

Психоневрологический интернат – это стационарное учреждение, которое осуществляет оказание социальных услуг людям, страдающим психическими расстройствами и нуждающимся по состоянию здоровья в постоянном уходе. К основным задачам психоневрологического интерната

относится создание условий жизни, приближенных к домашним, оказание медицинской помощи и проведение культурно-массовой работы, осуществление социально-трудовой реабилитации [4].

Переосмысление моделей инвалидности в современной России привело к постепенному отказу от стереотипных подходов и рассмотрению возможностей оптимальной интеграции инвалидов в социуме, реформированию системы социальной защиты и непосредственно реформированию социального обслуживания в психоневрологическом интернате. Так, можно утверждать, что потребительская оценка качества обслуживания в психоневрологическом интернате является проявлением социальной модели инвалидности.

Потребительскую оценку качества социального обслуживания в психоневрологическом интернате, соответственно, мы определяем как индивидуальную оценку клиентом интерната степени удовлетворения его потребностей посредством некоторого набора получаемых благ с учетом условий социального обслуживания, обеспечивающих удовлетворение потребностей проживающих.

Постепенное реформирование системы социальной защиты в РФ, принятие Конвенции о принципах защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи, ратификация Конвенции о правах инвалидов привели к изменению отношения к людям с психическими нарушениями. Утверждение Приказа №391а от 30.08.2013 «О методических рекомендациях по проведению независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания» сделало возможным проведение независимой оценки качества социального обслуживания [5].

На основании Приказа №391а утвержден порядок проведения независимой оценки качества работы организаций, оказывающих услуги в сфере социального обслуживания Алтайского края (реализуемого с 2014 г.), в котором одним из критериев оценки качества работы организаций является удовлетворенность клиентами качеством обслуживания в учреждении. Оценка производится на основании ответов на вопросы опросных листов в зависимости от категории анкетизируемых. Разработан опросный лист специально для граждан, проживающих в психоневрологическом интернате. Таким образом, потребительская оценка качества в психоневрологическом интернате становится одним из важных этапов независимой оценки качества учреждений социального обслуживания. Однако процедура проведения потребительской оценки качества ещё находится на стадии реформирования, о чем свидетельствуют изменения опросных листов для клиентов, проживающих в психоневрологическом интернате, за 2014 и 2015 годы.

Потребительская, иными словами, субъективная оценка качества очень

важна для единой оценки качества обслуживания в психоневрологическом интернате, так как обеспечивает обратную связь, необходимую для любой устойчивой и способной к развитию системы. Мнение людей, проживающих в интернатах, очень важно для корректирования или изменения предоставления социальных услуг.

В феврале 2015 г. нами было проведено эмпирическое социологическое исследование «Оценка клиентами качества социального обслуживания в Пещёрском психоневрологическом интернате Алтайского края» в КГБСУ-СО «Пещёрский психоневрологический интернат». В опросе приняли участие потребители (граждане, проживающие в психоневрологическом интернате). Целью исследования стали апробация инструментария, определение процедуры исследования, выяснение мнений проживающих о качестве социального обслуживания.

Основными результатами опроса потребителей стали следующие.

Размер выборочной совокупности – 30 человек. Социально-демографические характеристики выборочной совокупности целевой группы «потребители» представлены следующим образом:

по полу: 50% женщин; 50% мужчин;

по возрасту:

от 28 до 40 лет – 30%,

от 41 до 50 лет – 16,7%,

от 51 до 60 лет – 43,3%,

от 61 и старше – 10%;

по времени проживания в интернате:

от 1 до 10 лет – 46,7%,

от 11 до 20 лет – 33,3%,

от 21 до 30 лет – 10 %

от 31 и больше – 10%.

Для исследования потребительской оценки качества социального обслуживания в психоневрологическом интернате методами измерения показателей качества стали органолептические и социологические. Классификацией показателей и критериев качества услуг является согласно ИСО 9004.2 дифференциация количественных и качественных характеристик. Для исследования потребительской оценки учитывались качественные характеристики, такие как компетентность и уровень мастерства исполнителя услуги; доступность персонала; доверие к персоналу; эффективность контактов исполнителя и потребителя; вежливость, чуткость, комфортность условий обслуживания; эстетика интерьера. С точки зрения потребителя основными показателями качества услуг являются: надежность, своевременность, материальность, психологические свойства (эмпатия), полнота, безопасность, уверенность, сопереживание, коммуникативность, понимание, окружающая

среда, доступность, гарантия, что также являлось основанием для исследования потребительской оценки качества.

Предполагалось, что при опросе будут возникать различные трудности, связанные с пониманием, прочтением вопросов, так как проживающие в интернате имеют различные психические отклонения. Предполагалось, что некоторые проживающие не смогут самостоятельно заполнить бланк вопросов интервью. Поэтому для получения качественных результатов опрос проводился в отдельном кабинете при непосредственном общении независимого интервьюера с респондентом, при этом интервьюер самостоятельно записывал все результаты опроса. Респонденты по одному заходили в кабинет (без участия сотрудников), чтобы каждый опрошиваемый оставался при своём мнении.

Результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что в целом потребительская оценка качества социального обслуживания в Пещёрском психоневрологическом интернате является удовлетворительной.

Респондентов в основном устраивают взаимоотношения с персоналом и с другими проживающими, соседями по комнате. Во избежание конфликтов клиенты проживают в комнатах по типу характера. Большинство респондентов устраивает оказание социально-бытовых, социально-медицинских, социально-правовых услуг полностью либо частично. Некоторые респонденты не участвуют в проводимых в интернате праздниках, походах, экскурсиях, кружках либо это им не нравится. Возможно, по состоянию здоровья кто-то не может участвовать в проводимых мероприятиях. 40% респондентов ответили, что в меню нужно кое-что изменить. В интернате меню составляется с учётом состояния здоровья проживающих, пища готовится на пару, что не всем нравится.

Проживающие поддерживают отношения с родственниками, но только те, у кого они есть и если родственники сами желают общаться. У большинства же респондентов разорваны отношения с родственниками, и они это остро переживают, некоторым хотелось бы увидеться с родными. Также респонденты желают выходить за пределы интерната, но выход осуществляется только в сопровождении персонала.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что инструментарий по потребительской оценке качества социальных услуг в психоневрологическом интернате является удовлетворительным. Но всё-таки возникли трудности при ответе на вопросы.

Во время проведения опроса респондентам тяжело было отвечать на некоторые вопросы (по удовлетворению социально-бытовых, социально-медицинских, социально-правовых услуг, необходимо было обязательно пояснять данные вопросы). Во время разговора с некоторыми респондентами тяжело было понять, где они говорят реальные вещи, а где уже рассказывают

о выдуманных историях. Иногда было некомфортно, а порой страшно, когда респондент садился очень близко к интервьюеру. Для того чтобы не возникало таких ситуаций, необходимо изучить заболевания респондентов, чтобы при последующем опросе знать все особенности проявляемого заболевания. Было опрошено малое количество человек, для того, чтобы опросить больше респондентов, необходимо составить вопросы для лучшего понимания, тем самым улучшить процедуру проведения опроса.

Работа по улучшению качества инструментария ещё не окончена, необходимо продолжать работать в поисках наилучшего способа потребительской оценки качества социального обслуживания в интернете.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Социальный паспорт Алтайского края по состоянию на 1 января 2015 года. – Барнаул: Администрация Алтайского края, 2015.
2. Качество оказания услуг в социальных учреждениях Алтайского края соответствует всем современным требованиям / [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.altaregion22.ru/region_news/kachestvo-okazaniya-uslug-v-sotsialnyh-uchrezhdeniyah-altaiskogo-kraja-sootvetstvuet-vsem-sovremennym-trebovaniyam_426923.html – Загл. с экрана (дата обращения: 10.08.2015).
3. Потребительская оценка / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://economic-mathematics.academic.ru/3457/> – Загл. с экрана (дата обращения: 10.08.2015).
4. Положение о психоневрологическом интернате Министерства социального обеспечения РСФСР (от 27 декабря 1978 г. №145), Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_127304/?frame=3 – Загл. с экрана (дата обращения: 10.08.2015).
5. Приказ Минтруда России от 30.08.2013 №391а «О методических рекомендациях по проведению независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153313/ – Загл. с экрана (дата обращения: 10.08.2015).

Столярова Л.В.

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: МОМЕНТ ИСТИНЫ

На рубеже веков мировое сообщество вступило в эпоху, объективно потребовавшую глубокого научного, стратегического осмысления и кардинальных перемен в мировом порядке.

В своей работе «Стратегия становления постиндустриального обще-

ства и партнерство цивилизаций» Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев подчеркнул, что «наступает время перехода от парадигмы конкуренции к парадигме глобальной ответственности» [1]. Угроза глобальной экономической рецессии, глубокий кризис современной валютно-финансовой системы, гигантская нестабильность, охватывающая огромные территории, требует не только новых идей, но и решительных шагов по практическому переустройству в мире.

Выступая на Юбилейной 70 сессии Генеральной Ассамблеи ООН Лидер нашей страны Н.А. Назарбаев сформулировал ряд конкретных направлений реализации такого плана:

- справедливые условия доступа всех наций к мировой инфраструктуре, ресурсам и рынкам, а также всеобщей ответственности за развитие человечества;
- преобразование экономического и социального Совета ООН в Совет глобального развития;
- разработка всемирного антикризисного плана;
- возможность создания наднациональной мировой валюты;
- принятие Всеобщей Декларации ООН по достижению мира, свободного от ядерного оружия [2].

Эти предложения результат многолетнего анализа и видения будущего развития. Вполне естественно, что эти тенденции мирового развития начинают формироваться и проявляться прежде всего на уровне приграничного сотрудничества.

Особое внимание уделяется тому, что центр развития мира переместился в Азию, где проживает 2/3 населения. Это огромный регион, на котором с древнейших времен встречались и пересекались многочисленные народы, культуры, цивилизации. Можно сказать, что Евразия выстрадала принципы сотрудничества и взаимопонимания в рамках приграничного и трансграничного соседства. И XXI век должен стать «эпохой возрождения и нового расцвета Евразии, ее многовековых устоев и традиций» [3].

Евразийский Проект, опубликованный еще в марте 1994 года Н.А. Назарбаевым, на протяжении многих лет развивался и углублялся. Он неустанно разъяснял и доказывал, что время разбегания, эйфории от парада суверенитетов прошло. Движение вперед, эффективное решение все более усложняющихся проблем в условиях глобализации возможно лишь на принципах партнерства, через объединение и взаимную ответственность. Четко определил основную цель приграничной интеграции как «устойчивость национальной, континентальной и глобальной архитектуры, создание условий для перспективного развития национальных государств, существенного повышения их конкурентоспособности» [4]. В целом ряде своих работ и выступлений [5] Н.А. Назарбаев формулирует и основные принципы инте-

грации, учитывая при этом не только положительный опыт Европейского Союза, но и ряд негативных последствий, проявившихся в последние годы. Эти принципы следующие:

- принцип добровольности и постепенности, недопустимость ее «искусственного ускорения»;
- строить интеграцию прежде всего на основе «экономического прагматизма»;
- равенство партнеров по интеграции, независимость политического суверенитета;
- равное представительство сторон во всех органах интеграции и консенсус при решении всех вопросов;
- ответственность каждой страны-партнера за устойчивость развития и результативность во всех сферах жизнедеятельности своей страны;
- во внешней политике государство интеграционным процессам должно обеспечить приоритет;
- открытость объединения, его многостороннее взаимодействие с другими международными и региональными объединениями.

Реализованный на практике Евразийский Проект расширяется и наполняется новыми принципами, в него вступают новые члены-участники. Однако это не изолированные процессы в рамках более широкого приграничного сотрудничества. Ему отводится роль «прочного звена, сцепляющего евроатлантический и азиатский ареалы развития» [6].

Особое место в этом направлении занимает Китай, ШОС и СВМДА. Вместе с ЕврАзЭС они по образному выражению – три составляющих будущего евразийства. Основным фактором сближения является общность интересов, борьба против единых угроз (исламский экстремизм, терроризм, наркобизнес, ситуация в Афганистане) и обеспечение безопасности в этом огромном регионе.

Одним из важнейших аспектов глобальной стратегии и геополитики Китая является сохранение государств Центральной Азии и прежде всего Казахстана в качестве стабильного стратегического тыла. Это успешное решение спорных вопросов по поводу границ и устойчивая безопасность в приграничных регионах, что является и одной из основных задач внешней политики Республики Казахстан. Это подкрепляется активным участием Китая в освоении рынка углеводородного сырья. Китайская национальная нефтяная компания (CNPC) стала второй по размеру контролируемой добычу нефти в Казахстане. Для Китая Казахстан в этом регионе является и ведущим торговым партнером. Учитывая, что через нашу страну проходят практически все транспортные магистрали, соединяющие Европу и Азию, понятен интерес Казахстана к возрождению транспортного коридора «Великий шелковый путь». Эта одна из стратегических задач КНР тестом и объективно

увязывается с транспортно-логистическим направлением нашей программы «Нурлы жол». Создание многовариантных путей сообщения между Европой и Азией отвечает интересам всех стран великого трансграничного коридора. Часть этих планов практически реализована. Параллельно решаются вопросы разработки и принятия нормативно-правовой базы, регулирующей взаимодействия всех стран-участниц проекта. Особое место отводится реализации договоренностей в сфере экономики и торговли в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), отмечающее в октябре 23-ю годовщину, объединяет сегодня 26 азиатских стран. Объединенные общими границами и общей борьбой за обеспечение безопасности страны осуществляют сотрудничество по пяти основным направлениям [7]:

- гуманитарное;
- экологическое;
- экономическое;
- военно-политическое;
- борьба с новыми вызовами и угрозами.

С 2007 года Совещание получило статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН и при решении сложных, прежде всего региональных вопросов принимает участие в заседаниях Совета Безопасности ООН.

Особая роль Республики Казахстан в развитии многосторонних связей и разработке и реализации многих стратегических инициатив определяется рядом факторов:

- геополитическое положение Казахстана, требующее многовекторной внешней политики вообще и в приграничном сотрудничестве прежде всего;
- огромные природные ресурсы, которыми располагает наша страна, делают ее привлекательной для внешних инвестиций;
- глубокие исторические традиции, связывающие Казахстан прежде всего с приграничными государствами;
- разработка и успешная реализация Стратегии развития Казахстана как миролюбивого, демократического, стабильного государства, создавшего уникальную модель межэтнического и межконфессионального согласия;
- и, наконец, огромный авторитет Лидера нашей страны как государственного деятеля мирового масштаба.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Назарбаев Н.А. Стратегия становления постиндустриального общества и партнерство цивилизаций. М.: Экономика. 2008. С. 252.
2. Выступление Н.А. Назарбаева на 70-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Ка-

захстанская правда. 29 сентября 2015.
 3. Российская газета. 3 июня 2011.
 4. Назарбаев Н. G-Global. Мир XXI века. Астана. 2013. С. 71.
 5 См.: Назарбаев Н.А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего. Известия, 25 октября 2011; Назарбаев Н.А. G-Global. Мир XXI века. Астана. 2013; Выступление Президента РК Н.А. Назарбаева на XI Съезде Евразийской Ассоциации университетов и др.
 6 Назарбаев Н. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего. Известия, 25 октября 2011.
 7. СВМДА: 23 года спустя. Казахстанская правда. 30 сентября 2015.

Столярова Э.О.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОСЕТИТЕЛЕЙ МУЗЕЕВ ВКО (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Еще в XX веке музей был определен как социально-культурный институт, что было обусловлено развитием философско-культурной парадигмы, основывающейся на распространении нового типа социально-гуманитарного знания, ориентированного на изучение человека во всем многообразии его взаимосвязей с обществом, семьей и другими социальными институтами.

В настоящее время значительно возрастает роль учреждений культуры, в частности музеев, являющихся неотъемлемой частью системы социального воспитания. Обладая широкими возможностями для формирования культуры населения, социальной адаптации современников, развития их интеллектуальных и творческих способностей, обогащения новыми знаниями, музеи создают и гармонизируют информационное пространство.

Музеи представляют собой специфичный, интегративный вид учреждения культуры, который для успешного функционирования должен выполнять самые разные функции, максимально эффективно использовать все свои ресурсы и потенциал, становясь информационным, образовательным, научным, культурным и досуговым центром одновременно.

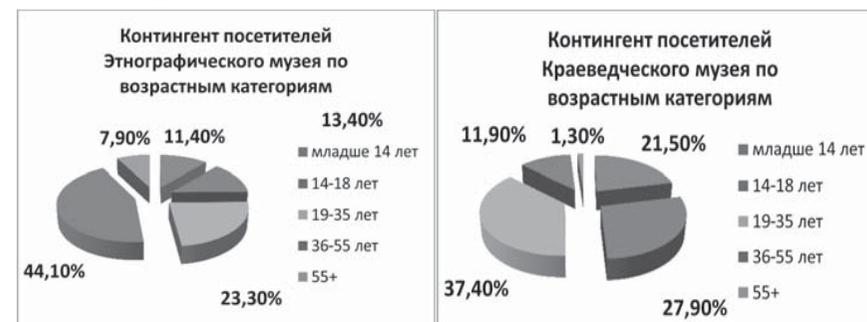
Однако, даже при условии высокого уровня профессионализма сотрудников музеев и обеспеченного доступа к информационным, материальным и финансовым ресурсам (чем сегодня могут располагать далеко не все музеи), важнейшие цели музейной деятельности не будут достигнуты в полной мере, если контингент музея представлен только отдельными категориями населения.

Одной из задач исследования, проводившегося в Восточно-Казахстан-

ском областном этнографическом и Восточно-Казахстанском областном краеведческом музеях, было определить социально-демографический портрет посетителей. В результате были выявлены значительные совпадения и различия по контингенту обоих музеев.

Социальные характеристики контингента посетителей музеев на период проведения исследования:

Так, самой многочисленной возрастной категорией в Этнографическом музее оказалась группа респондентов 36-55 лет (44,1%), а в Краеведческом – группа 19-35 лет (37,4%). Менее всего в обоих случаях представлены лица старшего возраста (55+) – 7,9%. Более детальная информация представлена на диаграммах:

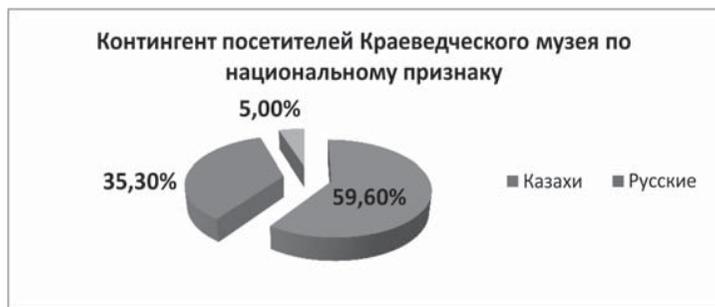
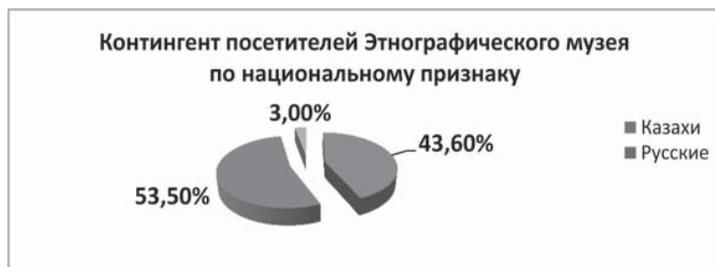

Анализ контингента по признаку пола выявил значительную диспропорцию в обоих музеях – большое превышение числа женщин по отношению к числу мужчин:

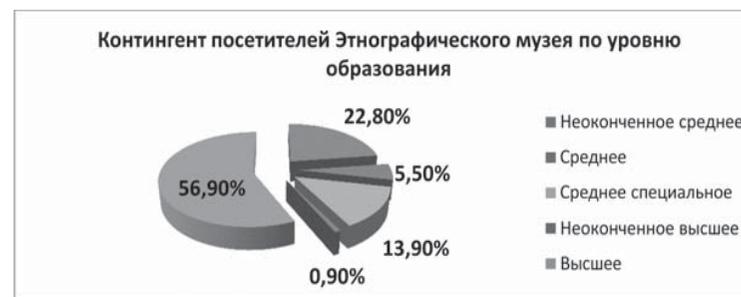

На представленных выше диаграммах видно, что женщинами являются три четверти и две трети посетителей музеев – участников опроса соответственно.

По этническому составу контингент посетителей музеев различается: Этнографический – чуть больше половины составляют русские (53,5%), чуть меньше половины – казахи (43,6%), незначительное число (3,0%) – представители других национальностей. Краеведческий – больше половины составляют казахи (59,6%), третью часть – русские (35,3%), небольшое число (5,0%) – представители других национальностей.

Фиксируются и различия по уровню образования посетителей музея. Этнографический – более половины участников опроса имеют высшее образование (56,9%), лица с неоконченным средним образованием составляют 22,8%, респондентов со средним специальным образованием – 13,9%, средним образованием – 5,5%, с неоконченным высшим – менее 1% (0,9%). Краеведческий – примерно поровну представлены респонденты со средним (25,8%) и высшим образованием (25,3%). Немногим меньше – школьники (неоконченное среднее) – 20,4%. Самые малочисленные группы – респонденты со средне-специальным (16,3%) и неоконченным высшим образованием (12,2%), возможно, это объясняется тем, что период проведения опроса совпал со временем зимней экзаменационной сессии.

Абсолютное большинство участников опроса являлись жителями города Усть-Каменогорска (Этнографический музей – 100%, Краеведческий – 93,2%). Однако единичными посетителями представлены не только другие города и районы Казахстана (г. Алматы, Семей, Риддер, сс. Самарское, Препоршиково, Шими, Тарбагатай, Серебрянск), но даже г. Новосибирск (РФ).

Таким образом, социальные портреты посетителей двух областных музеев на период проведения исследования выглядели так:

Этнографический музей – жители Усть-Каменогорска, в основном женщины среднего возраста, с высшим образованием и примерно равным представительством казахского и русского этносов.

Краеведческий музей – жители Усть-Каменогорска, в основном женщины молодого возраста, с различным уровнем образования, с преобладающим представительством казахского этноса.

Опыт посещения музея:

Судя по полученным данным, подавляющее большинство участников опроса – люди, которые имеют определенный или даже значительный опыт посещения музея. Суммарное число тех, кто пришел в музей не в первый раз, в обоих музеях составляет порядка 90%. Правда, заядлых «музейщиков», то есть тех, кто старается не пропускать ни одной новой выставки, менее 7% – также в обоих случаях. Тех, кто пришел в музей впервые – около 9-10%.

Таким образом, к социально-демографическому портрету посетителей музеев добавляется еще одна черта – это люди, бывающие в музее достаточно часто – с экскурсиями, организованными предприятием, учреждением, организацией, или время от времени по собственной инициативе. Можно сделать не слишком благоприятный вывод: сегодняшние посетители областных музеев в ВКО – это достаточно устойчивая социальная группа, не имеющая тенденции к расширению.

Суворова Н.Г.

СТРАТЕГИИ НАСАЖДЕНИЯ «РУССКОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ» В СЕЛЬСКОМ ОБЩЕСТВЕ СТЕПНОГО КРАЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Работа проведена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, в рамках государственного задания ВУЗам в части проведения научно-исследовательских работ на 2014-2016 гг., проект №2619.

Обострение национальных вопросов на имперских, прежде всего западных окраинах, а также формирование собственно русского национализма постепенно корректировали цивилизационный дискурс российского интеллектуального общества. Деление общества на «мир культуры» и

«мир дикости» постепенно усложнялось, наполняясь новыми, в том числе этническими, территориальными, конфессиональными характеристиками. При рассмотрении текстов имперских экспертов большой интерес представляют способы презентации образованными людьми кочевого социума, его представителей и сценарии интеграции «чужого» населения до уровня своих граждан. Рассуждения администраторов об устройстве инородческого быта, развитии в степи русской гражданственности неизбежно приводило их к конструированию образа русского крестьянина как образцовой модели для дальнейшей его трансляции в «чуждую» инородческую среду. Русская крестьянская модель в данном случае выступала как типичный цивилизаторский (! но не национальный) проект, хотя и с учетом наличия еще более низкого уровня – инородческого, главным проявлением которого являлся кочевой образ жизни. Граница, которая фиксировалась наблюдателями, между российскими переселенцами и местными народами имела не столько этническую, но прежде всего культурную, точнее хозяйственную границу [1]. «Верноподданные пока только на словах» кочевники могли достичь, по мнению имперских экспертов, «гражданственности», только осваивая земледелие и переходя к оседлому образу жизни.

Принятие «Временного положения об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» 1868 г., активизировало обсуждение местными администрациями дальнейших перспектив степных окраин в составе Российской империи, оптимальных и продуктивных колонизационных практик. Период 70-х гг. XIX в. в этом отношении был чрезвычайно плодотворным, поскольку генеральная линия (а именно русская крестьянская колонизация) этого процесса еще не была определена. В записках, проектах и отчетах степных чиновников и научных экспертов, представленных западно-сибирскому генерал-губернатору, были предложены пока еще альтернативные варианты интеграции территории казахских степей с опорой на русского крестьянина-земледельца или «киргиза-пахаря» [2].

Наряду с традиционной цивилизаторской лексикой в проектах 70-х гг. XIX в. можно отметить и нехарактерные прежде, по крайней мере, для чиновничьего дискурса народнические интонации и обороты. В докладной записке младшего чиновника по особым поручениям Н.Н. Балкашина цивилизация кочевников через тесные контакты с русскими земледельцами была охарактеризована как наиболее перспективная политика империи. Кочевой быт характеризовался как отсталый, костный, неустойчивый, «чуждый правильной оседлости и рационального хозяйства». Но при этом признавалось возможным, хотя и в весьма отдаленной перспективе, «самобытное достижение высшей цивилизации» кочевниками, причем «киргизской цивилизации», что указывает на очевидное влияние народнической идеологии.

Второй вариант в административной практике предполагал сохранение (консервацию) кочевников (пастушьих народов) в первобытном состоянии.

В проектах западно-сибирской администрации отстаивалась необходимость развития в степном крае земледелия не только русских крестьян-переселенцев, но и казахов. Аргументация подобной перспективы имела преимущественно социальные характеристики: переход к земледелию должен привести к «замене преобладающей между киргизами замкнутости родовых начал общинными отношениями», преодолению засилья родовой аристократии. Обращение в «добрых пахарей» казахов позволит им избегать эксплуатации со стороны богатых казахов, крестьян, казаков и будет способствовать «естественному развитию жизни» без насилия. В данном случае идеальной конструкцией была русская община, которая в планах чиновников выступала не только уравнильным инструментом, но и органом опеки и попечения, защиты интересов каждого ее члена.

Важным моментом «вербальной интеграции» в административных проектах становилось определение нового (переходного) состояния как самого местного населения, так и его институтов. На ранних этапах сибирской колонизации казаки, первооселенцы, промысловики могли стихийно «угадывать», «маркировать» новые земли, описывать новых подданных в соответствии с кругозором и личным опытом. При подготовке и проведении административных реформ уже властные структуры с собственным делом производством подключаются к «переименованиям», значительно увеличивая их результативность. В этом мероприятии чиновников можно усмотреть не только стремление к повышению эффективности управления, усилению контроля, но и шаг на пути унификации этнолокального, культурного многообразия и создания новых интеграционных групп. Процесс переименования, тем более для закрепляемых в законодательстве терминов, требовал известной осторожности и гибкости. Так, в массовом сознании понятия «земледелец», «пахарь» и «крестьянин» практически сливались, но их перенесение на инородческое население было крайне затруднительным в связи с возникновением устойчивых ассоциативных связей понятия «крестьянин» с христианской религией, наиболее тягостными видами податей и повинностей. В качестве альтернативы «крестьянину» в делопроизводственной документации встречаются «лучшие мужики», «ясачные мужички» и даже «добрые пахари». В данном случае власть не разрушает существующие социальные порядки, но модифицирует, привнося новые ассоциации зажиточных и достойных представителей общества с русским мужиком. Подобные понятия подходили для текущей практики, но были неуместны для законодательства. В проекте Акмолинского военного губернатора «Об устройстве поселений в степи Акмолинской области» был предложен вариант постепенного перехода кочевников к оседлому состоянию. Для новых категорий верноподдан-

ных граждан предлагались новые нейтральные статусы «полуоседлый» и «оседлый киргиз», но они приравнивались по правам и в управлении к «россиянам» и «причислялись к разряду сельских обывателей, водворенных на собственных землях». Новая категория – «сельские обыватели» степи изначально должна была решать несколько задач: во-первых, создавать положительный и привлекательный образ для инородческого населения, во-вторых, включать казахское население в общесибирские и общеимперские практики интеграции, в-третьих, достаточно четко показывать перспективные задачи, которые ставило государство перед собой в данном регионе. Причисление специфической группы (в данном случае, казахов-земледельцев) к уже сложившейся правовой категории (сельские обыватели) не требовало разработки особого положения или устава, что закрепляло бы их обособленное положение. Поэтому проект военного губернатора Акмолинской области «Об устройстве поселений в степи» был признан целесообразным только с технической стороны, как свод уже существующих положений для удобства пользования волостного начальства.

Особое внимание в проектах уделялось устройству оседлых и полуоседлых волостей и сельских обществ киргизов-земледельцев, которые воспроизводили по форме, структуре и функциям учреждения крестьянского самоуправления. Низшие административные структуры рассматривались чиновниками как важнейший канал влияния/внедрения новых ценностных установок, связанных с оседлым образом жизни, земледельческой культурой. «Российская модель» волостного и сельского управления представлялась местной администрацией в качестве идеальной основы для интеграции сельского и инородческого населения. При этом главным достоинством данной модели была ее адаптация к общеимперскому законодательству и аппарату управления. На данном этапе интеграционные процессы на уровне волости имели характер административной унификации и не предполагали русификации в культурном (языковом и конфессиональном) смысле. Конечным результатом этих процессов была гомогенизация имперского этнополитического пространства, а в качестве приоритетного идентификатора выдвигался сословный критерий, а не этническая идентичность. Интенсивность проведения интеграционных мероприятий на уровне волости зависела как от степени включенности более крупных, чем волость, территориальных единиц, так и от готовности населения к восприятию новаций. Наиболее значительные подвижки происходили у аборигенов, проживающих в зоне активного торгово-промышленного и земледельческого развития, интенсивных контактов с русским населением.

Несколько поколений российской интеллигенции XIX в. видели в крестьянской общине одну из возможностей спасения будущего государства и общества. Община представлялась как идеальная модель и конкретно-исто-

рический феномен, который, с одной стороны, можно было изучать, с другой – реформировать, реконструировать и воссоздавать в различных социальных группах [3]. «Народническая вера» в общину, идеализация артельных практик, коллективизма и альтруизма, традиций мирского самоуправления сочетались и подчинялись имперскому прагматическому административно-фискальному, а со второй половины XIX в. и национальному восприятию общины. Обширный общинный дискурс не только определял основные направления общественно-политических дискуссий и экспериментов, но и оказывал воздействие на конкретные административные мероприятия: характер, методы и механизмы интеграции новых территорий и населения. «Общинный проект», направленный на реконструкцию общины в крестьянской переселенческой среде и конструирование ее в среде кочевников, мог объединять интеллектуалов без учета их партийно-политической принадлежности, представителей академической науки, государственной власти и ее оппонентов.

Областники, а затем и народники, достаточно быстро развенчав свой же миф о гармоничности сибирской старожильской общины (не только без помещика и переделов, но и без коллективизма, альтруизма), поставили на повестку дня более актуальный и прагматичный вопрос об эффективности общинных институтов в среде переселенцев и инородцев. Гипотеза о воспроизводстве на новом месте «традиционных общинных устоев» (Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России 1906-1917 гг. (Социокультурный подход). Алматы, 2006. С. 35), как правило, не подтверждалась ни «заинтересованными» исследователями-наблюдателями, ни чиновниками.

Сохранение русской идентичности у колонизаторов окраин (веры, языка, культуры в целом) во второй половине XIX в. приобретает особую значимость в связи с идеей «желтой опасности», развитием национальной идеи в западных губерниях, а также все чаще фиксируемых фактах «обынородчивания» русских на восточных окраинах. Расширение внутреннего ядра Российской империи с помощью крестьянина-земледелца предъявляло колонизатору новые требования. Именно в это время в специальных переселенческих изданиях, периодической печати, отчетах и записках чиновников все чаще стали раздаваться тревожные сомнения относительно колонизационных возможностей русского крестьянина: не потерял ли он свою колонизирующую силу, не иссяк ли **«народный гений созидательного творчества общинной жизни»**? Свидетельствами культурного поражения русской колонизации на окраинах могли служить, с одной стороны, регресс сельскохозяйственных культур и агрономических приемов, снижение производительности земли, хронические голодовки, снижение численности населения, с другой – утрата языка, веры, обычаев и традиций общинной жизни русского

крестьянина. А.А. Кауфман, сведя воедино различные проявления «хищничества» переселенцев, объяснил их «недостатком общей культурности» русского колонизатора, отсутствием помимо частных, сиюминутных выгод понимания важности и общественных обязанностей и ответственности будь то перед будущими поколениями, соседями или государством. Общественная солидарность, сплоченность коллектива для решения задач любого уровня отличали переселенцев европейского происхождения, прежде всего немцев, «низводя» в равной степени и великоросса, и малоросса до «азиатов».

Община переселенцев многими экспертами воспринималась не только как социальная организация, основа самоуправления, фискальный институт, но и как поземельная организация со всеми вытекающими последствиями: возможными переделами, круговой порукой, организацией коллективных работ, регулированием земельных отношений на основе обычного права. Проверкой на прочность для общинных отношений переселенцев становилась конкуренция со «встречными» традициями местных (аборигенных) жителей. Один из ярких примеров таких столкновений – Туркестан, с особым, ирригационным земледельческим типом хозяйства. По мнению А.А. Кауфмана, русские переселенцы смогли освоить технику местной ирригации, но не пожелали «признавать выработанное веками водное обычное право»; принимали участие в общих работах по очистке и ремонту арыков, но только в качестве надсмотрщиков, не встраиваясь и не создавая нового [4]. Аренда, условное владение, отсутствие каких-либо внешних регуляторов создавали впечатление непрочности, временности пребывания на участке. Отсюда – хищнический характер переселенческих хозяйств: выпахать, не удобряя, вырубить, не подсаживая, и уйти на новый участок – «земли вволю». Такой переселенец не стремился к прочной оседлости и поэтому о земле не заботился; при истощении надела он арендовал другой или уходил на другой переселенческий участок. «Пройдет несколько лет, земля выпашется, другой земли киргизы не дают, – и опять «тесно», опять начинать сначала, опять кончай тем же, опять бреди снимать сливки «под новый куст» или «на китайский клин» [5]. Достаточно быстро крестьянин признавал свой надел выпашанным, «свое существование малообеспеченным», арендуемые земли не спасали от недородов и голодовок. Владение землею, неограниченное законным наделом, породило стремление к захвату и полную беспечность в отношении сохранения качества земли». Альтернативой нестабильным земельным отношениям с одной стороны была община, а с другой – частная собственность на обрабатываемые земли. Право частной собственности на обрабатываемые земли, настраивало колонизатора на долговременный характер работ: не только для себя, но и для потомков. Контрастным примером российскому переселенцу в отношении прав на землю и последующего отношения к ней являлись с одной стороны немецкие, латышские переселен-

цы, а с другой – местные инородцы.

Поднимается в связи с этим вопрос о возможности и необходимости распространения общинной формы владения, и управления на инородцев, в частности казахов. Помимо культуртрегерского влияния русских переселенцев, которое виделось в привлечении к земледелию вообще, предполагался и перенос форм владения. Главная задача народной колонизации виделась в приобщении кочевников к оседлому образу жизни. Кочевое хозяйство считалось более примитивным по сравнению с земледелием, более зависимым от стихии природы и потому «благородная культурная миссия в Степи» связывалась также с распространением «более высокой хозяйственной культуры». Вновь освоенные земли, включенные в сельскохозяйственный оборот, назывались «культурной площадью» (возвращая тем самым понятию «культура» первоначальное значение), а новый этап отношений с кочевниками – этапом «культуривизации», т. е. «продвижения степняка по пути, указанному культуртрегером-землепашцем», приобщения населения к «великой семье культурного человека» [6].

Аргументация «общинной прививки» для кочевников имела преимущественно социальные характеристики: переход к земледелию должен привести к «замене преобладающей между киргизами замкнутости родовых начал общинными отношениями», преодолению засилья родовой аристократии. Обращение казахов в «добрых пахарей» позволило бы им избегать эксплуатации со стороны богатых казахов, крестьян, казаков и способствовало бы «естественному развитию жизни» без насилия. В данном случае идеальной конструкцией выступала русская община, которая в планах чиновников являлась не только уравнилельным инструментом, но и органом опеки и попечения, защиты интересов каждого ее члена. Хозяйственные функции общины в степных условиях, особенно при ирригационном орошении, возрастали. Земельные наделы оседлых киргизов предполагалось изымать из волости кочевников и передавать в общинное владение. Это действие было направлено против зажиточной верхушки кочевого социума, которая определялась как главный противник сельскохозяйственных занятий. При этом администрация понимала, что эта же часть населения является наиболее авторитетной, поэтому склонение ее в пользу земледелия и оседлого образа жизни принесло бы наибольший результат.

Обязательным условием развития состояния сельских обывателей степи было создание самостоятельной административной структуры (изъятие их из традиционной системы управления): вновь образованные поселения изымались из зависимости волостных управлений кочевых инородцев. Самоуправление сельских обывателей степи должно было строиться по образцу крестьянского – «существующего в русских селениях с непосредственным подчинением уездным управлениям». При этом даже в тексте про-

екта администраторы избегали употреблять понятие «крестьяне».

Особо следует отметить ненасильственный и формальный (юридический) характер переименования должностных лиц. «Если все жители какого-либо аула будут поселены, то все селения этого аула составляют полуоседлую волость, причем аульный старшина принимает название волостного старшины» [7]. Сельские общества полуоседлых киргиз должны были управляться сельскими старшинами, они объединялись в полуоседлые волости, под руководством волостного старшины. Как и инородческая волость, полуоседлая волость могла состояться из селений разных аулов, при условии, что селения находились хотя бы в одном уезде и, по возможности, имели общую границу. Численный состав полуоседлых волостей приблизительно укладывался в параметры крестьянской волости: от 300 до 2 000 д.м.п., а наибольшее расстояние от отдаленнейшего населенного пункта до административного центра увеличивалось с 12 верст до 75. Происходила также унификация на уровне руководства, так как обязательным условием административного устройства степных сельских обывателей было непосредственное подчинение их уездному начальнику, минуя волостных и аульных управителей кочевых казахов.

Несмотря на формальный характер переименования должностных лиц (порядок получения должности – избрание или наследование – оставался по местным обычаям), их реализация вызывала активное длительное сопротивление населения. Во все времена даже мельчайшие свидетельства нового порядка – название учреждений и должностных лиц, нагрудные знаки, новые печати, правила оформления бумаг – вызывали оправданные и неоправданные опасения у инородцев, что власть желает «сделать из них крестьян».

Институциональная интеграция предполагала сближение инородческих и крестьянских волостных институтов на основе их модернизации. Мероприятия в этой сфере и для крестьянского, и для инородческого обществ были одинаково новационными. «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств» (1868 г.) вводило для нижнего административного звена двухступенчатые выборы, а волости, как и аулы, создавались не по родовому, а по территориальному принципу [8]. Сочетание этих двух позиций приводило к окончательной деградации родовых институтов, распространению взяточничества и произвола волостных правителей. Проекты 70-х гг. XIX в. еще более последовательно предполагали унифицировать общественное управление всех категорий сельских обывателей. Устройство волостного и аульного управления для оседлых и полуоседлых киргизов должно было строиться по общероссийским нормам, применяя общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Попытки законодательно повлиять, осовре-

менить общественные институты приносили наиболее негативные последствия. В отчете за 1886 г. степной генерал-губернатор Г.А. Колпаковский отмечал, что объединение нескольких родов в единую волость приводит к ожесточенной борьбе при выборах волостных правителей. «Это вредное явление неустранимо никакими административными средствами, происходит именно потому, что родовое начало еще очень сильно и, конечно, не может быть упразднено законодательным путем, по тому непреложному закону истории, что декретами нельзя отменить народные нравы и обычаи...» [9].

Низшие административные структуры рассматривались чиновниками как важнейший канал влияния/внедрения новых ценностных установок, связанных с оседлым образом жизни, земледельческой культурой. «Российская модель» общинного устройства представлялась местной администрацией в качестве идеальной бюрократической основы для интеграции сельского и инородческого населения. При этом главным достоинством данной модели была ее адаптация к общеимперскому законодательству и аппарату управления. На данном этапе интеграционные процессы на уровне волости имели характер административной унификации и не предполагали русификации в культурном (языковом и конфессиональном) смысле. Конечным результатом этих процессов была гомогенизация имперского этнополитического пространства, а в качестве приоритетного идентификатора выдвигался сословный критерий, а не этническая идентичность. Интенсивность проведения интеграционных мероприятий на уровне волости зависела как от степени включенности более крупных, чем волость, территориальных единиц, так и от готовности населения к восприятию новаций.

Воссоздание общины на окраине, даже несмотря на сохранение устойчивых и разнонаправленных претензий в бюрократизме, хозяйственном консерватизме, патернализме, излишнем демократизме и даже коммунизме, требовало у ее сторонников не менее сильных аргументов. Очищенная от бюрократического негатива и хозяйственного консерватизма идеальная модель крестьянского общества пересекалась с давно обсуждаемым волостным земством, «первоначальной ячейкой устройства жизни, практической школы общественной солидарности на почве самоуправления», «основой народной свободы земледельческой России», «нижним пластом демократического строя» и, наконец, «национальным образцом демократической организации». Отсутствие подобной практики оставляло население в виде «распыленной, неопытной, общественно неумелой массы», которую легко сбить с толку. Земство, в отличие от крестьянской волости, должно было быть всеобщим, что позволило бы оказывать на крестьян влияние «более культурным элементом». Идея волостного земства более всего соответствовала западным представлениям о муниципальных органах как школах демократии и гражданского общества, где и происходит воспитание солидарности

или обучение новым формам организации труда. Для переселенческих чиновников-практиков «окультуривание» самого российского колонизатора, а также его «степных соседей», воспитание в них коллективизма и солидарности были действительно насущными задачами, необязательно связанными с политическими новациями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012, С. 11.
2. ИсАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. О водворении в степи русских поселений.
3. Дюрюан Д. Коммунизм своими руками. Образ аграрных коммун в Советской России. СПб., 2010. С. 8-9.
4. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 335.
5. Дедлов В.Л. Переселенцы и новые места. Путевые заметки. СПб., 1894. С. 57-58.
6. Шкапский О. Некоторые данные для освещения киргизского вопроса // Русская мысль. 1897. №7. С. 43.
7. ИсАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Т. 1. Л. 125 об.
8. Артыкбаев Ж. Казахское общество: традиции и новации. Астана, 2003. С. 113.
9. Остфьев В.А. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки ЗСО ИРГО. Кн. XVIII. Вып. 1-2. Омск, 1895.

Тарасова Е.В., Рудакова Т.Н.

ПОРУЧЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект №15-02-00367 «Внутрирегиональная миграция как фактор социально-экономической дифференциации муниципальных образований Алтайского края».

Основная цель демографической политики, проводимой в Российской Федерации, – улучшение демографической ситуации в стране через сохранение и укрепление здоровья населения, сокращение уровня смертности, увеличение продолжительности жизни, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции. Об актуальности данного направления государственной политики свидетельствует активная деятельность Совета при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике.

При анализе демографической политики России в качестве ее основы

рассматриваются нормативные правовые акты федерального и регионального уровней. Общепринятым инструментом ее реализации выступают государственные программы (в том числе регионального уровня), имеющие долгосрочный характер [1]. Чаще всего при анализе механизмов демографической политики вне поля зрения исследователей остается такое явление, как поручения Президента РФ.

Согласно Конституции РФ, Президент является главой государства и определяет основные направления внутренней и внешней политики государства. В рамках своих полномочий он вносит законопроекты в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, подписывает и обнародует федеральные законы, обращается к Федеральному Собранию РФ с ежегодными **посланиями** о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства (ст. 84). В целях исполнения своих полномочий Президент РФ издает указы и распоряжения, обязательные для исполнения на всей территории РФ (ст. 90). В целях реализации основных направлений внутренней и внешней политики государства Президент РФ дает поручения и указания государственным органам исполнительной власти (федерального и регионального уровней), исполнительно-распорядительным органам местного самоуправления.

Поручения и указания Президента РФ представляют собой форму волеизъявления главы государства, требующую своевременного и безусловного исполнения. Они могут быть оформлены в виде отдельных поручений, перечня поручений, резолюций, а также могут содержаться в указах или распоряжениях Президента РФ.

Несмотря на то, что поручение или указание Президента РФ не являются нормативным правовым актом, они обладают отдельными характеристиками правового акта: оформление в виде документа, имеющего реквизиты (дата, регистрационный номер), обязательный характер исполнения. Поручение является адресным документом: в каждом случае указывается конкретный исполнитель поручения, которым может являться как орган исполнительной власти в целом, так и отдельное должностное лицо.

Общий порядок исполнения поручений и указаний Президента РФ утвержден Указом Президента РФ от 28.03.2011 №352 «О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации» [2]. Поручения Президента РФ публикуются на официальном сайте главы государства [3].

Исполнение поручений Президента РФ часто предполагает принятие новых нормативных правовых актов или внесение изменений в уже существующие, разработку и утверждение государственных программ, корректировку системы мер государственной поддержки отдельных категорий граждан, мониторинг эффективности реализуемых мероприятий.

Рассмотрим содержание отдельных поручений Президента РФ, данных в целях реализации основных направлений государственной демографической политики, и их взаимосвязь с другими механизмами управления, применяемыми в данной сфере. Влияние поручений Президента РФ на реализацию демографической политики на региональном уровне будет раскрыто на примере Алтайского края.

Во исполнение Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 09.10.2007 №1351, подписан перечень поручений от 03.02.2010 №Пр-259 по итогам заседания Совета при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике, проходившего 19.01.2010. Поручения охватывают широкий круг вопросов: рождаемость, смертность, создание перинатальных центров, внедрение современных технологий выхаживания новорожденных, совершенствование механизмов предоставления материнского капитала, разработку региональных планов мероприятий по реализации Концепции.

Во исполнение данного поручения в Алтайском крае были приняты краевая целевая программа «Демографическое развитие Алтайского края» на 2008-2015 годы, утвержденная Законом Алтайского края от 10.10.2008 №94-ЗС; краевая целевая программа «Демографическое развитие Алтайского края» на 2010-2015 годы, утвержденная постановлением Администрации Алтайского края от 15.09.2010 года №404.

Значительную роль в детализации основных направлений демографической политики сыграл перечень поручений от 07.06.2011 №Пр-1580ГС по итогам заседания президиума Государственного совета РФ и Комиссии при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике, состоявшегося 30.05.2011. В нем нашли отражение мероприятия I этапа реализации Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года (комплекс мер по снижению смертности, повышение зарплаты медицинского персонала, улучшение материально-технической базы педиатрической помощи; оказание помощи детям, находящимся в трудной жизненной ситуации).

В Алтайском крае исполнение данного перечня поручений осуществлялось в рамках перечисленных выше краевых целевых программ, а также целевых программ «Развитие образования в Алтайском крае» на 2010-2013 годы, «Дети Алтая» на 2007-2010 годы, «Витаминоизация женщин с высоким риском рождения детей с пороками развития центральной нервной системы в Алтайском крае» на 2008-2010 годы, «Развитие системы отдыха и оздоровления детей в Алтайском крае» на 2011-2013 годы, «Развитие системы дошкольного образования в Алтайском крае» на 2011-2015 годы, «Молодежь Алтая» на 2011-2013 годы, комплексного плана «Наша новая школа»

на 2011-2015 годы, проекта «Новая школа – школа здоровья». Кроме того, во исполнение данного перечня поручений Президента РФ был разработан проект долгосрочной целевой программы «Сохранение и укрепление здоровья детей школьного возраста в Алтайском крае» на 2012-2016 годы.

На комплексное решение задач демографического развития направлен Указ Президента РФ от 07.05.2012 №606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации», входящий в группу так называемых «майских указов» [4]. Данный указ носит программный характер, каждый его пункт имеет форму отдельного поручения Президента РФ. В указе нашли отражение следующие вопросы:

- установление до 01.07.2012 нуждающимся в поддержке семьям ежемесячной денежной выплаты в размере определенного в субъекте РФ прожиточного минимума для детей, назначаемой в случае рождения после 31.12.2012 третьего ребенка или последующих детей до достижения ребенком возраста трех лет;

- принятие мер, направленных на создание условий для совмещения женщинами обязанностей по воспитанию детей с трудовой занятостью, а также на организацию профессионального обучения (переобучения) женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет.

Во исполнение Указа от 07.05.2012 №606 Президентом РФ дано поручение от 22.12.2012 №Пр-3411 Правительству РФ совместно с органами исполнительной власти субъектов РФ обеспечить подписание Министерством труда и социальной защиты РФ соглашений с субъектами РФ о предоставлении субсидии из федерального бюджета бюджету субъекта РФ на софинансирование расходных обязательств субъекта РФ, возникающих при назначении ежемесячной денежной выплаты, предусмотренной пунктом 2 данного Указа.

Также во исполнение Указа от 07.05.2012 №606 Президентом РФ дано поручение от 09.08.2015 №Пр-1610 Правительству РФ рассмотреть вопрос о распространении действия пункта 2, предусматривающего ежемесячную денежную выплату нуждающимся в поддержке семьям, на семьи, в которых третий ребенок или последующие дети являются усыновленными, и при необходимости принять соответствующие меры.

Приоритеты государственной поддержки семьи и детства нашли отражение в Указе Президента РФ от 01.06.2012 №761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» [5]. В данном Указе содержится поручение субъектам РФ утвердить региональные стратегии (программы) действий в интересах детей. Постановлением Администрации края от 13.11.2012 №617 принята региональная программа «О стратегии действий в интересах детей в Алтайском крае на 2012-2017 годы».

Имеют место ситуации, когда поручение дается Президентом РФ в форме резолюции на инициативные письма, содержащие предложения субъектов РФ по решению актуальных в региональном масштабе задач демографической политики. В частности, по инициативному письму Губернатора Алтайского края о необходимости строительства в регионе перинатального центра дано указание Президента РФ от 16.08.2012 №Пр-2199 о содействии в строительстве данного центра.

Кроме того, Президент РФ поручил Правительству РФ совместно с органами исполнительной власти субъектов РФ разработать с учетом ранее данных поручений программу развития перинатальных центров с указанием сроков и этапов ее реализации; определить перечень субъектов РФ, наиболее остро нуждающихся в таких центрах; представить предложения об источниках и рассчитанных с учетом типовых проектов перинатальных центров объемах финансирования указанной программы, а также установить условия и порядок софинансирования программы со стороны субъектов РФ (подпункт «в» пункта 2 перечня поручений Президента РФ от 17.03.2013 №Пр-539). Алтайский край был включен в Программу развития перинатальных центров в Российской Федерации, утвержденную распоряжением Правительства РФ от 09.12.2013 №2302-р.

Вопросы развития перинатальных центров в России находятся на постоянном контроле Президента РФ. Поручением Президента РФ от 04.03.2014 №Пр-411ГС органам исполнительной власти субъектов РФ поручено представлять отчет о ходе реализации программы развития перинатальных центров. Поручение Президента РФ от 19.03.2015 №Пр-441 требует в целях обеспечения своевременной реализации мероприятий Программы развития перинатальных центров в Российской Федерации принять необходимые меры, в том числе:

- актуализировать по каждому перинатальному центру план-график мероприятий, направленных на обеспечение их функционирования в полном объеме, включая лицензирование деятельности, определив этапы, сроки и ответственных за их реализацию должностных лиц;

- проработать вопрос об оптимизации площадей перинатальных центров, предусмотрев недопущение роста тарифов на оплату оказываемой в них медицинской помощи;

- оценить достаточность объемов выделяемого финансирования для завершения строительства и оснащения перинатальных центров, в том числе медицинским и технологическим оборудованием иностранного производства. При необходимости определить объемы и источники дополнительного финансирования;

- проработать вопрос об обеспечении жилыми помещениями приглашенных для работы в перинатальные центры специалистов из других реги-

онов.

В целях улучшения демографической ситуации в стране Президентом РФ даны федеральным и региональным органам государственной власти поручения, направленные на повышение качества жизни, рост социальной защищенности семей с детьми.

В соответствии с перечнем поручений Президента РФ от 07.01.2011 №Пр-24 по итогам совместного заседания Государственного совета РФ и Комиссии при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике, прошедшего 27.12.2010, в регионах России были приняты дополнительные меры по повышению качества жизни детей и семей с детьми, предоставлению многодетным семьям бесплатных земельных участков.

Деятельность по реализации комплекса мер, направленных на создание дополнительных мест в детских дошкольных учреждениях (развитие негосударственных форм дошкольного образования; дополнительная проработка санитарных правил и норм, обеспечивающих необходимые условия для пребывания детей в указанных учреждениях; реконструкция и строительство новых детских дошкольных учреждений), осуществлялась во исполнение перечня поручений Президента РФ от 22.12.2012 №Пр-3411 по итогам совещания по вопросам бюджетов субъектов РФ 04.12.2012.

Перечень поручений Президента РФ от 17.03.2013 №Пр-539 по итогам заседания Совета при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике 26.02.2013 включает следующие блоки задач:

- повышение эффективности реализуемых мер, стимулирующих рождение второго и третьего ребенка в семьях, включая предоставление средств материнского (семейного) капитала, в том числе регионального, а также иных мер поддержки семей с тремя и более детьми, особенно в регионах с негативными демографическими показателями; о предложениях о дополнительных мерах по снижению уровня межрегиональной дифференциации основных демографических показателей;
- определение критериев доступности медицинской помощи для граждан, проживающих в городах и сельской местности;
- укрепление материально-технической базы медицинских организаций системы охраны материнства и детства;
- реализация мероприятий по улучшению жилищных условий граждан, имеющих трех и более детей, путем создания жилищно-строительных кооперативов;
- передача полномочий РФ по управлению и распоряжению земельными участками, находящимися в федеральной собственности, органам государственной власти субъектов РФ в целях бесплатного предоставления

обеспеченных объектами инфраструктуры земельных участков для жилищного строительства гражданам, имеющим трех и более детей; проведения Федеральным фондом содействия развитию жилищного строительства аукционов на право заключения договоров безвозмездного срочного пользования земельными участками Фонда для строительства жилья экономического класса при условии, что победителем аукциона предложена минимальная цена продажи жилых помещений в расчете на один квадратный метр общей площади жилого помещения;

- выделение средств из бюджетов субъектов РФ на организацию профессионального обучения (переобучения) женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет.

Перечень поручений Президента РФ от 04.03.2014 №Пр-411ГС по итогам заседания Государственного совета РФ 17.02.2014 также содержит широкий комплекс вопросов демографического характера. В него вошли следующие поручения:

- о региональных программах, предусматривающих организацию профессионального обучения и получение дополнительного профессионального образования женщинами, имеющими детей в возрасте до трех лет;
- о предложениях по софинансированию с 2016 года из средств федерального бюджета расходных обязательств субъектов РФ на предоставление государственной социальной помощи малообеспеченным семьям с детьми в рамках социального контракта;
- о разработке на основании концепции семейной политики государственных программ субъектов РФ, направленных на улучшение социально-экономического положения семей с детьми, обеспечив при их реализации согласованную работу соответствующих органов исполнительной власти, общественных и некоммерческих организаций;
- об использовании при установлении ежемесячной денежной выплаты при рождении третьего ребенка и последующих детей в качестве критерия нуждаемости показатель среднедушевых доходов семьи, не превышающий среднедушевой доход в соответствующем субъекте РФ;
- о развитии системы социально-реабилитационной работы с неблагополучными семьями и семьями, воспитывающими детей-инвалидов, используя механизм государственно-частного партнерства с привлечением некоммерческих организаций и волонтерского движения;
- о создании условий, позволяющих малоимущим семьям с детьми, состоящим в очереди на получение социального жилья, использовать коммерческий и некоммерческий наем жилья.

Ряд поручений Президента РФ направлены на регулирование внутренней миграции с учетом приоритетных задач социально-экономического развития, повышения кадровой обеспеченности отраслей социальной сферы,

преодоления дисбаланса между спросом и предложением на локальных рынках труда. Перечень поручений Президента РФ от 01.05.2014 №Пр-995ГС по итогам заседания Государственного совета РФ и Совета при Президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике 21.04.2014 содержит ряд поручений по принятию дополнительных мер, направленных на поддержку граждан, переехавших или изъявивших желание переехать на постоянное место жительства в сельскую местность, включая предоставление грантов выпускникам образовательных организаций начального, среднего и высшего профессионального образования, переезжающим для работы в сельскую местность.

Во исполнение вышеназванного перечня поручений Президента РФ в Алтайском крае в соответствии с постановлением Администрации Алтайского края от 25.03.2014 №134 осуществляется оказание государственной поддержки молодым специалистам агропромышленного комплекса в виде предоставления им социальной выплаты на обустройство и хозяйственное обзаведение. В целях привлечения молодых специалистов для работы в сельских общеобразовательных школах, а также их закрепления на местах трудоустройства в соответствии с постановлением Администрации края от 25.04.2013 №226 осуществляются выплаты краевого единовременного пособия 40 выпускникам организаций высшего образования (в размере 200 тыс. рублей) и 40 выпускникам организаций среднего профессионального образования (в размере 100 тыс. рублей), трудоустроившимся на работу по специальности в малокомплектные школы, филиалы общеобразовательных школ и организации с численностью обучающихся не более 200 человек, расположенные в сельской местности, рабочих поселках Алтайского края. Ряд мер социальной поддержки в виде материальной помощи («подъемные», «усиленный» оклад, оплата аренды жилья и пр.) предоставляется молодым специалистам, трудоустроившимся в муниципальные образовательные организации, за счет средств муниципалитетов.

Все более актуальной становится задача совершенствования форм и методов мониторинга демографического развития и корректировка на его основе комплекса мер демографической политики, что также находит отражение в поручениях Президента РФ. По итогам совещания Президента РФ с членами Правительства РФ, состоявшегося 27.05.2015, подготовлен перечень поручений Президента РФ от 09.06.2015 №Пр-1154 о проведении анализа причин роста смертности населения в первом квартале 2015 г. Органам исполнительной власти было рекомендовано обратить особое внимание на субъекты РФ, в которых выявлен значительный рост смертности населения, и по результатам анализа разработать и принять комплекс дополнительных мер, направленных на снижение смертности населения. В результате исполнения данного поручения в субъектах РФ существенно активизировалась

работа по мониторингу смертности и корректировке региональных планов мероприятий по снижению смертности на 2015-2018 гг.

Перечень поручений Президента РФ от 09.08.2015 №Пр-1610 по итогам пленарного заседания Общественной палаты РФ 23.06.2015 содержит поручение Минтруду России рассмотреть предложения Общественной палаты РФ по совершенствованию государственной семейной политики в РФ в части, касающейся стимулирования деятельности некоммерческих организаций, оказывающих методическую, юридическую и информационно-консультативную помощь в сфере социальной защиты граждан, имеющих детей, и реализующих мероприятия, направленные на укрепление института семьи.

Таким образом, поручения Президента РФ в современных условиях выступают в качестве механизма актуализации задач, стоящих перед органами исполнительной власти в социально-демографической сфере. В силу их значительного влияния на нормотворческие процессы и практическую деятельность органов исполнительной власти, поручения Президента РФ являются одним из важнейших источников информации при изучении особенностей реализации демографической политики в России и ее регионах.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Елизаров В.В., Джанаева Н.Г. Региональные программы как инструмент региональной демографической политики // Региональная демографическая политика: сборник статей. М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 10-42.
2. Указ Президента Российской Федерации от 28.03.2011 №352 «О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации» // Правовая система «Консультант» [Электронный ресурс]. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=112153;req=doc>
3. Поручения Президента // Президент России [Электронный ресурс]. <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders>.
4. Указ Президента РФ от 07.05.2012 №606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» // Правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. <http://base.garant.ru/70170932/>
5. Указ Президента РФ от 01.06.2012 №761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» // Правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. <http://base.garant.ru/70183566/>

ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект №15-02-00367 «Внутрирегиональная миграция как фактор социально-экономической дифференциации муниципальных образований Алтайского края».

Внутрирегиональная миграция, доминирующая в структуре миграционного оборота большинства субъектов Российской Федерации, редко становилась предметом научных исследований и управленческого анализа. Долгое время приоритет в научных исследованиях отдавался изучению различных видов международных миграций – вынужденных, трудовых, учебных. Анализ влияния миграционных факторов на экономику России и ее регионов чаще всего сводился к оценке миграционного прироста за счет обмена с зарубежными странами, использованию труда иностранных трудовых мигрантов, реализации программ по переселению соотечественников. Тема межрегиональных миграций оставалась в тени международной проблематики и лишь в последнее время стала занимать заслуженное место. В отечественной науке сложилась ситуация, когда большинство научных исследований и предлагаемых моделей управленческих решений ориентированы на внешние по отношению к субъекту Российской Федерации миграции – международные и межрегиональные. Работы, посвященные миграции населения муниципальных образований регионов России, очень немногочисленны (труды Е.С. Вакуленко, Л.Б. Карачуриной, Н.В. Мкртчяна, О.Г. Кретовой, Л.И. Попковой, П.В. Василенко, А.В. Трубиной).

Для большинства субъектов Российской Федерации характерна ситуация, когда общая позитивная динамика социально-экономического развития региона сочетается с усилением поляризации его территорий [1]. Значительную роль в углублении внутрирегиональной асимметрии играет миграционный обмен между муниципальными образованиями. Межмуниципальная миграция существенно влияет на численность и возрастно-половую структуру населения территорий, обостряя их демографическое неравенство. В то же время роль внутрирегиональных миграционных процессов в социально-экономическом развитии изучена недостаточно и не всегда учитывается при разработке долгосрочных целевых программ, инвестиционных проектов, планировании размещения объектов социальной инфраструктуры.

Данные о миграции получают в результате обработки листов статистического учета, которые составляются при регистрации и снятии с регистрационного учета населения по месту жительства, а также при регистра-

ции по месту пребывания на срок 9 месяцев и более.

Рассмотрим особенности внутрирегиональной миграции населения Алтайского края на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

На внутрирегиональную миграционную активность влияет множество факторов: возрастной и этнический состав населения, географическое положение, развитие инфраструктуры, текущая социально-экономическая ситуация, динамика потребностей населения. В 2014 г. по сравнению с предшествующим годом число внутрикраевых мигрантов сократилось на 12,4%. Доля межмуниципальных миграций в Алтайском крае составила 60% миграционного оборота.

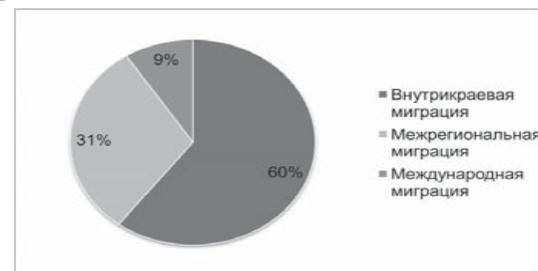

Рисунок 1. Структура миграционного оборота в Алтайском крае в 2014 г.

С 2011 по 2013 г. в связи с изменением методологии учета мигрантов количественные показатели увеличивались, однако в 2014 г. миграционная активность населения снизилась. Это коснулось как постоянного населения региона, так и мигрантов, зарегистрированных по месту пребывания на длительный срок. Объем миграции населения снизился на 14,3%, в том числе зарегистрированного по месту пребывания – на 7,1% [2, с. 17]. Несмотря на определенный дисбаланс миграционных потоков, указанная тенденция в равной степени наблюдается как в показателях прибытия, так и выбытия.

Рисунок 2. Динамика числа прибывших в 2005-2014 гг., человек

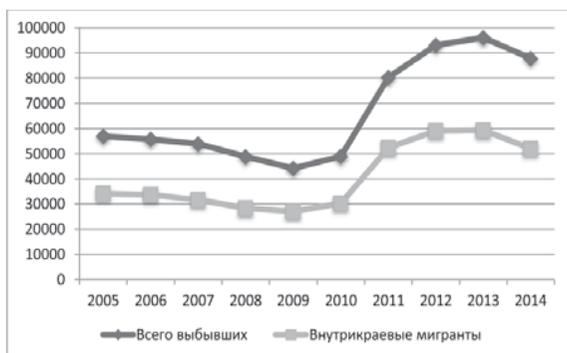

Рисунок 3. Динамика числа выбывших в 2005-2014 гг., человек

По итогам 2014 г. миграционный прирост был отмечен в 13 территориях Алтайского края. Территорий с миграционной убылью в регионе насчитывалось 56 [3, с. 47-65]. Прирост населения территории складывается как результат внутрикраевой, межрегиональной и международной миграции. Сходные показатели миграционного прироста могут быть следствием различных сочетаний показателей трех направлений миграции. По итогам внутрикраевой и международной миграции муниципальные образования Алтайского края имеют как положительные, так и отрицательные значения миграционного прироста, в то время как в межрегиональных перемещениях большинство территорий несут значительные миграционные потери.

В 2014 г. миграционный прирост за счет внутрирегиональной миграции зафиксирован в 8 городских округах и 9 районах края. В качестве места вселения наибольшей привлекательностью для жителей края обладают г. Барнаул, г. Новоалтайск, г. Рубцовск, г. Бийск и Первомайский район.

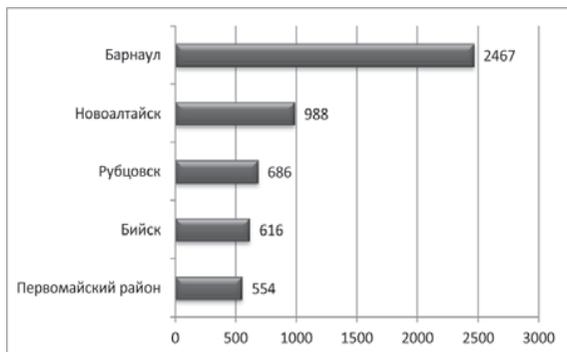

Рисунок 4. Территории с максимальными показателями прироста во внутрикраевой миграции по итогам 2014 г., человек

Три из пяти территорий с максимальным миграционным приростом во внутрикраевой миграции (г. Барнаул, г. Новоалтайск, г. Бийск) в 2014 г. имели также положительное сальдо международной миграции, но теряли население в обмене с другими регионами Российской Федерации. Город Рубцовск имел отрицательное сальдо межрегиональной миграции и миграции со странами СНГ, а Первомайский район понес потери в межрегиональной миграции и обмене со странами дальнего зарубежья [3, с. 47-65].

Убыль населения в миграционном обмене с другими территориями края отмечена в г. Славгороде, г. Алейске и в 50 муниципальных районах.

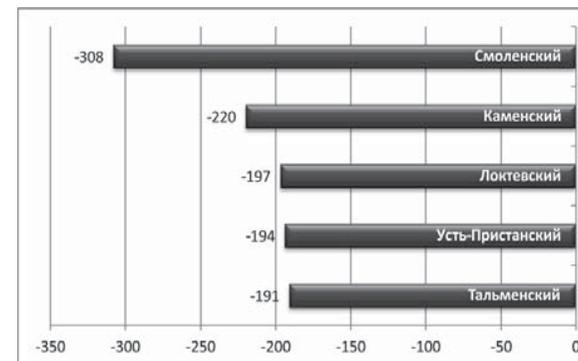

Рисунок 5. Территории с максимальными показателями убыли во внутрикраевой миграции по итогам 2014 г., человек

Территории с наибольшими значениями убыли во внутрикраевой миграции также отличаются друг от друга: Каменский, Локтевский и Тальменский районы имели незначительный прирост в международной миграции и несли большие потери за счет миграции межрегиональной. Интересна ситуация в Смоленском районе, где в сегменте международной миграции наблюдался прирост за счет стран дальнего зарубежья при равноценной убыли за счет стран СНГ. Сальдо миграции со странами дальнего зарубежья в Усть-Пристанском районе в 2014 г. было нулевым, убыль населения за счет внутрироссийских перемещений компенсирована мигрантами из стран СНГ [3, с. 47-65].

После включения с 2011 г. в число мигрантов тех, кто зарегистрирован по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, повысилась точность учета учебных мигрантов. Большая часть выпускников средних общеобразовательных школ Алтайского края, планирующих получить высшее образование, предпочитают вузы родного региона. Дальность учебной миграции ограничивается такими факторами, как финансовые затраты на проживание студента в другом городе, наличие (или отсутствие) родственников и знако-

ных, чья поддержка помогла бы снизить расходы. Для большинства выпускников средних общеобразовательных школ малых населенных пунктов Алтайского края учебная миграция является способом закрепиться в городах, обладающих развитой социальной инфраструктурой и лучшими возможностями для трудоустройства.

Трудовая миграция населения, обусловленная углублением экономической специализации территорий и растущими различиями в возможностях трудоустройства, является одним из наиболее значимых видов пространственной мобильности. На внутреннюю трудовую миграцию в регионах Российской Федерации оказывают воздействие множество факторов, определяющих дифференциацию территорий по степени включенности населения в эти процессы и влиянию их на социально-экономическое развитие.

Алтайский край относится к числу трудоизбыточных регионов. Территориальное несоответствие спроса и предложения рабочей силы, несбалансированность профессионального состава претендентов на рабочие места и вакансий, выход на рынок труда граждан с невостребованными профессиями, увольнение из организаций в связи с уменьшением объемов производства влияют на пополнение рядов безработных граждан. Тем не менее, в последние годы показатели безработицы к трудоспособному населению заметно снизились.

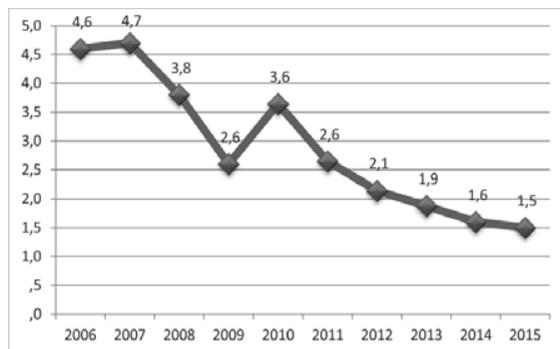

Рисунок 6. Уровень безработицы к трудоспособному населению на 1 января, 2006-2015 гг., %

На рынке труда сельских районов ситуация будет оставаться более напряженной, чем в городах края, что обусловлено территориальным дисбалансом спроса и предложения рабочей силы. На сельские районы приходится лишь 20% вакансий, в то время как 75% безработных граждан проживают в сельской местности.

Сохраняется существенная дифференциация муниципальных образо-

ваний по уровню безработицы. На 1 января 2015 г. уровень безработицы к трудоспособному населению составлял в муниципальных районах от 0,6% до 8,3%, в городских округах – от 0,3% до 3,6%. В 30 районах уровень безработицы в 2 и более раз превышал средний показатель по краю. Причинами сложившейся ситуации стали банкротство предприятий, отсутствие товаропроизводителей и низкая интенсивность транспортного сообщения в ряде населенных пунктов, процессы сокращения штата организаций и их ликвидации.

Маятниковые перемещения, связанные с ежедневным или еженедельным пересечением границ населенных пунктов, не фиксируются органами государственной статистики. Экспертами уровень внутрикраевой трудовой мобильности оценивается как невысокий. Это обусловлено значительными затратами, связанными с переменной места жительства, отсутствием в большинстве организаций, испытывающих потребности в работниках, развитой системы доступного инфраструктурного сопровождения рабочих мест (служебного жилья, транспортной сети, иных объектов, повышающих качество жизни). По тем же причинам сдерживается привлечение в регион квалифицированных кадров из других регионов.

В то же время для ряда территорий с высокими показателями транспортной доступности, особенно для Барнаульской агломерации, характерно развитие маятниковой трудовой миграции. В ряде организаций сложилась практика ежедневного подвоза работников из соседних населенных пунктов. В территориях региона практически не используется привлечение на работу вахтовым методом, хотя это направление является весьма перспективным для стимулирования внутрикраевой трудовой мобильности населения. В связи с высокой актуальностью повышения территориальной мобильности рабочей силы, особенно проживающего в сельской местности трудоспособного населения, эта задача включена в региональные программы, направленные на содействие занятости.

Необходимо отметить, что часть переездов внутри региона остаются недокументированными. Точность учета миграции в значительной степени зависит от соблюдения гражданами паспортного режима и является одним из важных условий своевременного удовлетворения потребностей населения в образовательных и медицинских услугах, жилье и рабочих местах. Не встав на регистрационный учет, отдельные внутрикраевые мигранты годами проживают в местах прибытия, ограничивая себя в получении ряда важнейших социальных благ и реализации избирательного права. Острота этой проблемы стала еще более очевидной в ходе ликвидации последствий наводнения 2014 г., когда многим гражданам, не зарегистрированным по месту фактического проживания, пришлось доказывать свое право на получение финансовой помощи в суде.

Таким образом, миграционная убыль является важнейшим компонентом сокращения численности населения как региона в целом, так и большинства входящих в него муниципальных образований. Города и районы Алтайского края, как и многих других регионов России, нуждаются в притоке мигрантов, который поможет снизить темпы сокращения численности и старения населения. Для реализации данной задачи в программные мероприятия должны быть включены меры, способствующие сокращению оттока населения, повышению миграционной привлекательности территорий края. Снижение миграционной убыли населения и формирование «нулевого сальдо» миграции должны стать важнейшими индикаторами эффективности демографической и социально-экономической политики. При разработке приоритетных направлений развития муниципальных образований важно учитывать и использовать для восполнения потерь населения потенциал тех направлений миграции, которые обеспечивают прирост.

Вместе с тем большинство муниципальных образований в вопросах регулирования миграционных потоков ориентированы прежде всего на внешнюю миграцию, на привлечение трудовых ресурсов из других регионов или стран, и вопросы сохранения демографического и трудового потенциала не находят достаточного отражения в программах социально-экономического развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация муниципальных районов Алтайского края: Анал. зап. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2014. – 76 с.
2. Миграционные процессы в Алтайском крае 2006-2014: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2015. – 76 с.
3. Миграция населения Алтайского края в 2014 году: Стат. бюл. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. – Барнаул, 2015. – 72 с.

Турова Л.П.

НАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В XIX ВЕКЕ В ТРУДАХ КРАЕВЕДОВ Б.Г. ГЕРАСИМОВА И Н.Я. КОНШИНА

Объектами исследования в данной работе стали публикации известных краеведов – Б.Г. Герасимова «Первые оседлые засельщики Кокпектин-

ского округа», помещенные в «Записках» Семипалатинского филиала Русского Географического общества, и Н.Я. Коншина «Путевые заметки» [1; 2].

Известный краевед Б.Г. Герасимов поведал о «казаках, разночинцах и киргизах», ставших сначала «оседлыми жителями станицы Кокпекты», затем – Кокпектинского внешнего округа и с 1846 года поставленных перед выбором: «оставить станичные поселения или причислиться к казакам» (имелись в виду все, кто до этого не входил в состав казачества, проживая в станицах казаков).

Кокпектинский внешний округ, отмечается в работе Б.Г. Герасимова, был открыт в 1844 году. Данное обстоятельство подтверждается и в более поздних изданиях, в публикациях других авторов [3].

Относительно центра Кокпектинского округа у Б.Г. Герасимова сказано: в 1830 году Кокпекты было небольшим селением. В 1836 году его перевели на статус казачьей станицы.

Из других исследований известно, что «по новому положению», в связи с выделением в 1854 году из Томской губернии Семипалатинской области, станица Кокпекты, как и Аягуская, получает статус города. Этот статус Кокпекты утрачивает в 1926 году, будучи переведенным на статус села. В этом качестве Кокпекты с 3 мая 1997 года выполняет функции центра укрупненного Кокпектинского района укрупненной Восточно-Казахстанской области.

Из более поздних изданий известно, что когда Кокпекты был городом в рамках первой Семипалатинской области (в 1854-1918/1920 гг.) и Семипалатинской губернии (в 1918/1920 – 1928 гг.), на него, кроме функций центра одноименного уезда (в 1868 году), а затем – только полномочия волостного центра (до 17 января 1928 года). С упразднением волостей, уездов, губерний, с образованием районов, округов (в 1928 году) Кокпекты оказывается в Самарском районе Семипалатинского округа. В 1932 году создается Восточно-Казахстанская область (с центром в Семипалатинске). С октября 1939 года и по 3 мая 1997 года он был в составе Семипалатинской области. Современный Кокпектинский, укрупненный, район стал частью укрупненной Восточно-Казахстанской области (с центром в Усть-Каменогорске). Современный Кокпектинский район – это территория Кокпектинского района упраздненной Семипалатинской области и Самарского района прежней Восточно-Казахстанской области, выделенной с центром в Усть-Каменогорске в октябре 1939 года [4].

Данные Б.Г. Герасимова, посвященные истории и демографии Кокпектинского внешнего округа, заслуживают учета как в общей истории и демографии Восточного Казахстана, так и в истории демографии Кокпектинского района и села Кокпекты.

Б.Г. Герасимов, рассказывая о «первых оседлых засельщиках» Кок-

пекты и округа, выделяет в их истории два этапа: 1) 1830-1846 гг. (время развития Кокпекты от села к станице – к центру округа, до запрета свободно пользоваться землей в районе Кокпекты на правах аренды всеми, кто пожелает); 2) с 1846 года (от утверждения «Положения о Сибирском линейном казачьем войске», когда землей в районе Кокпекты могли пользоваться только те, кто был зачислен в казаки).

Б.Г. Герасимов обращает внимание на тот факт, что и после 1846 года некоторые «киргизы и челоказики» предпринимали попытки обосноваться в районе Кокпекты, чтобы вести оседлый образ жизни.

В 1847 году волостной управитель Назар-Муруновской волости Тана Тлемысов в 7-ти верстах от Приказа выстроил мечеть около речки Букони и пригласил соседних челоказиков селиться около мечети. Челоказики приняли предложение управителя и выстроили на р. Букони 6 деревянных избушек и 2 дома. Кроме мечети Тлемысов построил еще училище и дом для муллы. В училище киргизские мальчики обучались читать и писать по-татарски. Обучением занимался мулла из Вятских татар Файзуллин. Каждый год обучалось от 10 до 15 мальчиков.

Челоказики поселились около мечети со своими семьями для занятия хлебопашеством. Войсковое начальство желало создать среди земледельцев прочное хозяйство, которое обеспечивало бы переселенцев с Иртышской линии.

Краевед выявляет, что в 1847 году число кокпектинских жителей значительно увеличилось за счет переселения сотни казаков. Сотня сформировалась из 10 полка по жребью. В Кокпекты попали казаки из следующих мест: гг. Бийска, Кузнецка; редутов: Новиковского, Бехтемирского, Семеновского, Верхненинского, Лебяжьего, Сайлапского, Нижненинского, Урунского, Караканского, Пяштылимского, Сарычумского, Кандалепского, Калтанского, Ошмаринского; форпостов Кузедеевского и Сандыпского. Переселенцам этих сотен были представлены льготы: офицерам единовременное пособие в размере ста рублей и нижним чинам – в размере тридцати рублей серебром. Кроме того, в течение трех лет офицеры должны были получать усиленный оклад жалованья, а нижние чины пособие провиантом. Сверх этого, нижним чинам в продолжение двух лет предписано было выдавать деньги за фураж, положенный строевым лошадям, и освободить их на это время от службы. В 1850 году в Кокпекты была направлена вторая сотня казаков с предоставлением тех же льгот, что и переселенцам 1847 года. Переселенные в Кокпекты казаки, устраивая на новом месте свои хозяйства, должны были в тоже время нести караульную и фронтную службу, которая отнимала у них много времени. Помимо дозорной службы казаки должны были выполнять обязательную повинность по вывозке из степи казенного сена, вырубке леса и т.п.

Из сведений Б.Г. Герасимова, связанных с пределами Кокпектинского

округа на стадии его формирования и начального развития (1830-1846 гг.), наиболее интересными, на наш взгляд, являются следующие:

- в 1842 году представители татарского этноса Назаровской волости Аягузского окружного приказа, находившиеся тогда «на положении киргиз» (с уточняющим названием – «татарские дети»), обратились к пограничному начальнику с ходатайством, чтобы им было разрешено поселиться в окрестностях Кокпектов на постоянное жительство для занятия хлебопашеством. Был составлен список. В него включили 11 человек. Представляем его в таблице 1.

Таблица 1

Список «татарских детей», пожелавших поселиться в окрестностях Кокпекты (в 40-х гг. XIX в.)

№	Имена и прозвания	Кто чем занимается
1	Абдыш Максютов	Дом имеет в Кокбекгинском селении 4-й год. Занимается хлебопашеством по речке Чигелеку на местах, принадлежащих киргизам Терестамгалинской волости.
2	Алий Беккулов	Имеет избу по речке Большой Букони 4-й год, где занимается хлебопашеством на местах, принадлежащих киргизам Караул-Ясыцкой волости.
3	Лукман Нугмаков	Дом не имеет, а живет в юрте на речке Большой Букони, занимается хлебопашеством.
4	Вдова Чолпан	Имеет избу на речке Большой Букони, имеет хлебопашество с дозволения киргиз.
5	Бекеней Мычин	Имеет юрту, занимается хлебопашеством на речке Чигелек с дозволения киргиз.
6	Мамбет Бахтияров	Имеет юрту, занимается хлебопашеством на речке Чигелек с дозволения киргиз.
7	Раим Абдышев	Имеет юрту, занимается хлебопашеством на речке Чигелек с дозволения киргиз.
8	Абдул Габитов	Занимается хлебопашеством на речке Чигелек с дозволения киргиз.
9	Латын Абдулманов	Имеет юрту, занимается хлебопашеством на речке Чигелек.

10	Джапар Миикин	Хлебопашества не имеет и проживает в Муруновской волости.
11	Калия Хамитов	Хлебопашества не имеет и проживает в Муруновской волости.

Из таблицы 1 видно, что ко времени подачи ходатайства не все «татарские дети» занимались хлебопашеством, из числа проявивших желание переселиться в окрестности Кокпекты.

Проанализировав документы архивных дел о заселении казаками Кокпектинского округа, Борис Герасимов пришел к выводу, что они в новом округе Сибирского ведомства перенесли много лишений – бедность, недостаток продовольственного обеспечения, тяжелый труд.

Другой краевед Коншин Н.Я. представляет интересные сведения о татарском этносе, когда посетил переселенческие поселки Усть-Каменогорского уезда в августе 1898 года.

Из девяти переселенческих поселков нас интересует поселок Буконский. Николай Яковлевич отправился в казачий поселок Буконский, чтобы познакомиться с лежащими около последнего поселка миссионерским селением Преображенским и селением челаказаков, которое также носит имя Букони.

Казачья Букон – очень красивый поселок, с сырцовыми домиками, церковью и массой зелени: улицы с обеих сторон обсажены деревьями. Поселок расположен у речки Букони; на ней же, верстах в пяти, лежит и челоказачье селение. Последнее, в общем, напоминает казачий поселок, только дома похуже, меньше зелени.

Буконские челаказаки, в количестве 53 кибиток, составляли старшинство Кулуджунской волости. Коншин Н.Я. подчеркнул, что «эти челаказаки» не имели ничего общего с «ахмировскими челаказаками». Букон образовалась в 60 годах из беглых татар, но, несмотря на частые браки с киргизами, буконцы вполне сохранили татарский тип. Дома, обстановка, одежда, обычаи, язык – все татарское, тогда как ахмировцы, также называемые челаказаками, говорят по-киргизски и вообще отличаются от кочевых киргиз.

Николай Яковлевич выявил, что летом буконцы изредка уезжают кочевать к киргизам семьи две-три, остальные круглый год живут в поселке, и даже юрты около домиков выставляют только две семьи. Вообще, буконских челаказаков, подчеркивает Коншин, надо признать вполне оседлым татарским населением, в сущности они не имели ничего общего с теми киргизами, в состав волости которых они были включены. Зачем и при каких условиях это было сделано, трудно судить, но по личным впечатлениям Николая Яковлевича, а главное рассказам, это соединение только способствовало внесе-

нию в среду киргиз татарской культуры, татарских взглядов.

Пашни у буконцев находились в трех местах: около сопки Май-Тюбе (60 десятин), по речке Тентек (70 десятин) и между Тентеком и р. Буконью (100 десятин). По решению схода земля по речке Тентек оставлена отдыхать (на 5 лет), так что распаханно было только 160 десятин.

Краевед проанализировал хозяйство буконских челаказаков и пришел к следующим выводам. Во-первых, пахотная земля передельвалась через каждые три года после киргизских выборов и определения числа кибиток. Каждая кибитка получала равный участок (в трех местах). Многие арендовали пахотную землю у киргиз за 30-40 коп. за десятину; иногда вместо денежной платы в пользу хозяина арендуемого участка засеивалась известная часть снятой земли (напр. за 3 десятины – 1/2 дес. посева). Для полива пашен было проведено несколько арыков. Воды было достаточно; в лето поливали пашни два-три, в зависимости от количества дождей. Сеяли, главным образом, пшеницу, овес. Во-вторых, скот зимой не пускался, как у киргиз, на подножный корм. Буконцы жаловались, что у них почти не было покосов, так что все были вынуждены арендовать пайки у казаков или киргиз. Благодаря этому скота держали сравнительно немного: у самых богатых имелось не больше 30 лошадей, у средних – по 5, у двух кибиток вовсе не было лошадей. Крупного рогатого скота на кибитку приходится (в среднем) 2-3 головы, мелкого 3-5.

В селении проживало семей двадцать киргиз-джатаков из разных волостей Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов. За постановку юрты брали по 1 р.; зимой джатаки жили по квартирам (средняя плата – 3 р. в зиму). Никакими угодьями джатаки не пользовались. Эти джатаки нанимались на разные работы к буконцам – пахать, убирать хлеб, делать кирпичи и проч. Некоторые буконцы нанимали из них же годовых работников за 15-25 р. (на хозяйском содержании).

Коншин обходил юрты джатаков и расспрашивал, что заставило их уйти из своих волостей, как живут здесь и проч. И везде как причину ухода они указывали, что богачи в степи теснят бедняков; не только не помогали им, как было раньше, но не давали ни пахотной земли, ни пастбищ, облагали непосильными сборами. На суде бедняку правды не найти, и приходится, волей-неволей, бежать или в города, или в казачьи и татарские селения...

В Букони была устроена трехклассная школа. Мальчики и девочки обучались в устроенной в поселке 3-классной школе. Преподавался Закон Божий, арифметика, русский и киргизский языки, причем в 1-м и отчасти во 2-м классе преподавание происходило на киргизском языке, в 3-м – на русском. Учитель в школе – крещенный татарин, окончивший курс в Казанской миссионерской школе Братства Св. Гурия.

В публикациях известных краеведов Б.Г. Герасимова и Н.Я. Коншина

в составе населения «дореволюционного» Восточного Казахстана особенно ярко представлены жизнь и быт татарского этноса, его численность в XIX веке. Эти сведения будут интересны при изучении истории татар в Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Герасимов Б.Г. Избранные труды / Факсимильное издание. – Усть-Каменогорск, 2000. – 335 с.
2. Государственный архив Восточно-Казахстанской области – Ф. 32, Оп. 1, Д. 19а, 221 л.
3. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897-1997 гг.). – Усть-Каменогорск, 1999. – С. 9 и др.
4. Федорова Р.С. К истории административно-территориального устройства районов Восточно-Казахстанской области // Теоретические и прикладные аспекты подготовки специалистов в условиях университета: Сборник научных трудов по материалам VII научно-исторической конференции преподавателей и сотрудников ВКГУ. – Усть-Каменогорск: ВКГУ, 1998. – С. 140-147.

Фуки Яги

«ОРАЛМАН»-НАН «УАҚЫТША ЖҰМЫСШЫ»-ГА МОҢҒОЛИЯДАҒЫ ҚАЗАҚТАРДЫҢ ҚАЗАҚСТАНҒА КӨШ- ҚОНЫНЫҢ ҚАЗІРГІ ЖАҒДАЙЫ¹

1. Кіріспе

Әлде қандай күн балса, Құстай ұшып кетсем де,
Өлгийден көшіп жатсам да, Өмірден өшіп кетпеші.

«Ақ сапар»

Сөзі: П. Мурат, Әні: Ф. Бержан.

2015 жылы батыс Моңғолия өлкесі Баян-Өлгий аймағындағы Қазақ халық әндерін зерттегенде, 1990 жылдардан бастаған Қазақстанға көші-қонға байлысты әндерді көп адамдар маған айтып берді. Басында келтірілген өлең «Ақ сапар» деген. Осы өлеңтің сөзін, бұрынғы Баян-Өлгий аймағындағы Ұлы Құрылтай бастығы болған П. Муратжазған, Баян-Өлгий аймағы Музыка Драма Театрдың режиссоры Ф. Бержан әнін жазған. Бұл әнді Өлгийде тұрған көп адамдар біледі. Әннің мағанысы болашаққа дейін кездесе алмайтын досы мен туыстарды сағынып, құс болып саған кездесуге барсам қандай

жақсы деген мағынада жазылған. Яғни, 1990 жылдары Қазақстанға көшкен Қазақтар, артында қалған туыстарымен кездесе алмайды деген сөз.

Алайда, Осы әнді білетінкөп ер адамдардан сұхбат алғанда «Осы жылы сөзсіз Қазақстанға барып жұмыс ітеймін» деп маған айтты. Қазақ халық санын көбейту мақсатында Қазақстан Республикасының Президенті Назарбаевтың 1992 жылдан бастап, иммиграция саясатын жүргізді. Қазақтар Қазақстаннан басқа Шыңжаң Ұйғыр автономиялық ауданы, Өзбекстан, Моңғолия т.б. өлкелерде тұрады. Қазақстан шетелдегі Қазақтарды Атажұртына шақырта бастады.

Әдетте 1990 жылдардағы көш-қонжайлы айтсам, көшіп кеткенде өзі туған жері, үй, байлықты қалдырып тастап Қазақстанға көшті. Мысалы көш-қоны бастаған 1992 жылы Моңғолиядан Қазақстанға байлықты әкелу үшін көп Камаз таситын машиналар Ресейден өтіп Қазақстанға кеткені жазыпты [Baimolda 2013:71-79]. Және Моңғолиядағы Қазақтар сияқты мал жаюы негізгі тіршілігі болған малшыларкөшкенде самаләтқа мал тиеп немесе бүркітті тасыпты. Бірақ көбі адамдары кенеттен көш-қон бастағандақтан көп нарсені Моңғолияда тұрған туыстарға беріп кетіпті [Baimolda 2013: 81].

Бірақ басында айтқандай, қазіргі шетел Қазақтары Қазақстанға көшуі бәрі байлықтарды тастап жаңа жерде жаңа өмір бастайтын «Мәңгілік көш» емес. Олар «Моңғолияда тұрған да Қазақстанда жұмыс істейді» деген стратегиясын алып жатқандай көрінеді. Атап айтса бір маусам өткенде Қазақстанда уақытыша жұмыстып уақыты біткен соң Моңғолияның өзі үйне қайтап үйдің жұмыс (мал жаю т.б.) істейді. Шын айтсам, осындай көш-қондағы образды Қазақстанның саяхатта Оралман деп айтпайды. Осылай Қазақстанға көшіп жатқан адамдардың ойы өзгеріп жатар деп айтуға болады.

Осы мақалада үстінде айтқандай Моңғолияда тұрған Қазақтардың Қазақстаға көш-қон жағдайы көрсетіп қазіргі заманда болған жұмысы жайлы құбылысты «Уақытша жұмысшы» деген жағынан айтқандаймын.

2. Зерттейтін орын және әдебиеттер

Мақаламда баяндайтын орны Моңғолиядағы Баян-өлгий деген аймағы. Ол аймағы 1940 жылы орналасқан. Қазақ халық саны Моңғолдардан көберек болғандақтан тұрғандары Қазақша сөйлесіп Қазақтың ұлттық ұйымдар да көп бар. 1991 жылдан кейін Назарбаев Қазақстан Республикасының президентінің шақырып Қазақтардың көш-қон бағдарламасы бастылып 1991 жылдың аймағының халық санның жарым, 60 мыңның Қазақтар көшіпті. Негіз ол бағдарламасы тауелсіздік алған соңғы Қазақстан мемлекеттің Қазақтың құрауы көбейту үшін ұйымдастырған.

Бірақ сол кезде Қазақстанның индустрияның құрылысы Моңғолиядағы құрылыстан айырмашы көп болған. Соны білмеген шетелдегі Қазақтары қиналып, соңында көшкендердың жарым пайыз қазақтар Моңғолияға қайтап келді.

1. Статья публикуется в авторской редакции

Осы Моңғолиядағы қазақтары, алайда, Социализм кезден қазіргі дейін Қазақстанның мәдениетті қабалдап Моңғолиядағы қазақтардың өзінің мәдениетті қалыптасқан. Мысалы 1940 жылдан бері Баян-Өлгий аймағының ішінде Қазақстанмен Совет одағының ағартуы әсер етіп келген. Моңғолия Қазақтардың мәдениеті Қазақстанның образды қабылдағаннан соң өзі мәдениетті қалыптасып және 1991 жылдан бері жаңадан туған Қазақстаннан мәдениетті қабылып жүріп жатар [Yagi 2014]. Өлгийде тұрғанда күнде Қазақстан телеарнасы көріп Қазақстанның әндерді тыңдағаны қаралады. Сол себебінің бірте Қазақстанға көшіп кеткен Оралманның әсер де бар.

Осы Оралман деп аталған адамдары Қазақша «Көшіп қайтып келген адам» деген мағанысы. Олар жайлы зерттеуі Европ және Жапонияда да көп. Онда ерекше зерттеуі таныстырып кейінгі статьяның бағыты болдырамын.

Алдын ала Моңғолиядағы Қазақтардың көш-қон және соның иммиграция жайлы Diener-дың «One homeland or Two?» деген кітабы бар. Осы кітабында Қазақстанға көшіп кеткен Моңғолиядағы Оралмандардың «туған жері» жайлы қалай ойлып жатқаны анықтаған. Содан кейін олардың туған жер деген идеясы Моңғол мемлекет те емес, Қазақстан да емес, Баян-өлгий аймағы деген жерден қалыптасқан дейді [Diener 2009]. Осы Diener-нің зерттеуінен кейін Cynthia мен Holly екі зерттеушісі кейбір Моңғолиядағы қазақтардың Қазақстанға «көшіп кетпеген» стратегиясын алып жатқаны баяндайды [Cynthiaand Holly 2009]. Осы статьяда Қазақтары Қазақстан көшпеген себебін 1. Қазақстан жайлы информация оңай ала алатын болды, 2. Туған жермен байласты, 3. Қоғамдағы қарын-қатыныс деген 3 жағынан анықтап туған жердің идеясымен байланысып қорытынды шығарған. Атап өтсе, Оралман жайлы зерттеуі олардың «туған жердің идеясы»-мен негіз зерттеп жатар.

Алайда Статья шыққаннан бері қазіргі көш-қон жағдайы өзгеріп жатар деуга болады. Мысалы 1990 жылдарда көшіп Қазақстан үкіметті көмегін алмаса өмір сүре алмағандай сол кездке қиыншылығы жатты. Қазіргі заманда шынайы Қазақстанға үнемі тұрмаса да мал жаяп орташадан төмен болса да өмір сүре алғандақтан сөзсіз Қазақстанға баруы қажет жоқ болып жатар. Осындай жағдайдан адамдары экономиканың себептен уақытыша Қазақстанға барып жұмыс істеп жатар.

3. Қазақстанла жұмыс істеп Моңғолияға оралған уақытша жұмыскер

Қазіргі заманда да Моңғолия Қазақтары Қазақстанға барып жатар. Мақсаты уақыттың саяхат, туыстармен кездесуі т.б., әрі мақсатпен Қазақстанға жүргендері көбейтіп жатар. Сол себебі Моңғолия мен Қазақстан арасындағы жол көлегінің сапасы көтерілген. Және Моңғолия азаматтың Ресей визсіз болған негіз себебі болады. 2014 жылы 11-шы айдан Моңғолия азаматтарына Ресей визсіз өтетін құқығы берілген. Негіз Моңғолиядан

Қазақстанға жүргенде сөзсіз Ресей шекарасына өту керек. Сондақтан бұрын кезден үлкен мәселе болған. Бірақ визсіз болғандақтан еркін Қазақстанға жүретін болды. Содан кейін Баян-Өлгийден Қазақстанға жүретін халықарық автобусы та көбейді. Қазір де күнде Баян-Өлгий – Өскемен – Алматы деген автобустан басқа Баян-Өлгийн – Павлодар – Астана – Қарағанда деген 2 жолымен жүреді. Астана дейін 100 мың төгрөг (10 мың теңге). Моңғолиядағы Қазақтардың экономика үшін өте қымбат болса да жүретін адам үшін туыстардан қарыз алып жүреді. 2014 жылда самалёты Баян-Өлгий – Өскемен – Астана – Алматы деген рейсі те болған да қазар самалёты ұшпайды.

Сөйтеп жолға шығуы оңай болғандақтан қалың Қазақтар Қазақстанға барып жұмыс істеуге қызықтайды. Зерттеп жүргенде кездескен А деген ер адам Алтай сұмдан Өлгийге келген де жұмыссыз. Бірақ ақшасыз болса Өлгийде отыруы қиын болғандақтан туыстардың байланысып отбасымен жазда ғана Қазақстанның Алматыда отырып диванның өндірісіне уақытша жұмыс істейтін болды. Енді текке үй жалдап түскі тамақ та дайын балғандықтан өте жақсы жұмыс орын дейді. Қазақстанда үйсіз кісілер үшін үй текке жалдау алғаны экономикалық қиыншылықты азайтады. Моңғолияда қалдырған үйі оның шешесі ие болып отырады.

Басқа адамдарды байқап көрсе, Б деген Алтай сұмда тұрған 25 жас асқан малшы жігіттің мысалын айтайын. Оның әкесінің туысында Алматыдағы өндірістің жұмысы бар екен. Сол кісіге айтып 2014 жыл жазда, 2015 жыл жазда Қазақстанға уақытша жұмыс істеген. 2014 жылы қыстаудан жайлауға көшкен соң Қазақстанға кетіпті. Енді жаз біткенде Моңғолияға қайтып келіп Мал жайып жүрді. Ол жаз бойы Қазақстанда жұмыс істеп 100 мың төгрөг (10 мың теңге) ақша тапты екен.

2015 жылы болғанда 4-нші айдың басынан кететін жоспар болған. Бірақ өзі туыстың мәселене байланыстыкейінге қоя тұрды. Атап айтса, 4-нші айда баратын болды деп 3-нші айдың аяғанда шешкен. Бірақ қыстаудағы ауа райы тіпті суынып қара жуып малдың жағдайы жақсы емес болған. Және 4-нші айдың ортасында Б-ның сінілінің құдалардың дастархан ұйымдастыру керек болып қалды. Сондақтан Қазақстанға баруы өте қиын болып ол тұйыққа тіреліп қалды. Осы үйдің экономика сондай жықсы емес болғандақтан Б жігіті жұмыстаған ақша тұра үйдің табыс болады. Сонда 3,4 күн отбасы ақылдасты. Ең соңы қалай десе туыстардың байланысы маңызды деген ойға жетіп 4-нші айдың басында бармай қоя тұрып малдың жағдайы қарап және Дастархан жасау дайындап той жасағаннан соң кететін болды.

Осы адамдардың жағдайын түсінгеннен бері Қазақстанға бару туралы шешімдері 2 түрлі нәрсемен байланысты: 1-ші Қазақстанға кету үшін Моңғолияда қалған туыстары, малдарының жағдайы қалай болады дегенді ойлап шешеді.

2-ші де уақытша жұмысшы болу үшін Қазақстанда тұрған туыстары-

мен байланасу арқалы жұмысты табады. Сондақтан кейбір адамдардың туысытарымен байланысы жоқ болғандықтан Қазақстанға бара алмайды. 2015 жылы 5-нші айда С деген Улаанхустағы малшы 24 жасты жігіті Қазақстанға жұмыстау үшін Өлгийге келді. Бірақ ол Жұмыс орны таба алмай, 6-ншы айда әйелмен бірге қырға қайтыпты. Туыстардың байланастан жұмыс табуы сондай маңызды болыпжатар.

Осындай Қазақстанға барып жұмыстаған адамдардан қараса, Оралмандар ұзақ уақыт Қазақстанда тұрмай аз уақытта ғана отырып жұмыс істейді. Сол Моңғолияда тұрып туыстары, жермен күшті байланысы сақтап, енді Қазақстанда қалың ақша табуы деген стратегиясын Қазақтары ойлып жүріп жатар деуге болады.

4. Қортынды

Осы мақаламда Моңғолиядағы Қазақтардың қоғамдың жағдайы «Қазақстанда жұмыс істеп келу» деген оқиғасы арқалы анықталынды. Мақаламда баяндалғаны Оралман емес, бір маусамда ғана уақытша Қазақстанда жұмыс істеп Моңғолияға, өзі туған жерге қайтап келетін Қазақтар көп болып жатқаны көрінеді.

Айтарлықтайы Қазақстанда да жай жұмысшыларды оралман деп атамай, ерекше мамандықты адамдарды ғана оралман деп шақырып жатар. Ока айтқандай, Қазақстанда 2000 жылдардың аяғаннан Қазақ оралмандардың сапасы маңызды бола бастады [Ока 2010: 17]. Сондақтан Оралман болуы қиын болып жатар. Сондақтан ұзақ уақыты Қазақстанда жүрмей, Моңғолияда қалып туыстардың байланысы аз уақыты ғана Қазақстанда жұмыс істеп Ақша тауып, дұрыс тәжірибені жинап Моңғолияға қайтады.

Қысқаша айтсам, аз уақыт ғана Қазақстанда жұмыс істесе де Моңғолия Қазақтары үшін қалың ақша келді. Сонда олар «Моңғолияда қалып Қазақстанға баруы» деген стратегиясы болып жатар деуге болады. Атап өтсе, мал далада жайған малшылардай өзі мақсаты орындау үшін әрі жерге барып көшсе де соңғы өзі жерге қайтап келеді.

Осындай оқиғасын қараса ең басында жазып қойған Қазақ көшконмен байланасқан «Ақ сапар» деген өлеңі, Моңғолия Қазақтардың бәрі адамдары оралман болған заманы айналасқан әні деп қазіргі Қазақтар қабылдау мүмкін.

Алғыс

Осы жайлы зерттеу мен мақала жазу үшін көмектескен Ресейдің Томск университетінің магистрі Хизат Акеркеге, және Осы конференцияға шақырған Александр Николаевич мыразыға алғыс жолдаймын. Басқа зерттеу барасында кездесіп сұхбат берген бәрі кісілерге рахмет деп айтайын.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Cynthia Werner and Holly R, Baucus 2009 Mobility and immobility in a Transnational Context: Changing Views of Migration among the Kazakh diaspora in Mongolia. Migration Letters 6(1), pp. 49-62.
2. Diener Alexander 2009 ONE HOMELAND OR TWO? The nationalization and Transnationalization of Mongolia's kazkaks. Stanford University Press.
3. Dosan Baimolda 2013 Kazakh kushi, Almaty.
4. Oka Natsuko 2010 Douhou no «kikan»: Kazakhstan niokeruzaigai Kazakh jinyobiyoseseisaku (The return of Countryman: The policy of immigration from foreign Kazakhs in Kazakhstan), Asian economy, 51(6), pp. 2-23.
5. Yagi Fuki 2014 'Performing Two Types of National Music: The Creation of Kazakh Music in Mongolia during the Socialist Era. The materials of the International scientific conference «Social and cultural practices in Eurasia on the Imperial space», Uskemen: Kazakhstan, pp. 83-8.

Хизат А.

ШЕТ ЕЛДЕН КЕЛГЕН ҚАЗАҚТАР: ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БЕЙІМДЕЛУ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Кезінде қазақ жерінен әртүрлі себептермен ата-бабалары көшіп кеткен этникалық қазақтардың саны 4,5 млн адамға жетеді. Өзбекстандағы қазақтардың саны 1,5 млн адам болса, Ресейде 740 мың, Түркіменстанда – 70 мың адам. Алыс шетелде қазақтардың ең көп қоныстанған жері ҚХР – 1,5 миллионға жуық, Монғолияда – 150 мың, Ауғаныстанда – 30 мың, Түркияда – 25 мың адам [1].

Қазақстан тәуелсіздігін алған күннен тарихи отанына қандас бауырластарын шақырту үрдісін бастап кетті. Қазақстан азаматтығына өткенге дейін иммигранттарға уақытша оралман мәртебесі беріледі. Оралман – Қазақстан Республикасы егемендік алған кезде оның шегінен тыс жерлерде тұрақты тұрған және Қазақстанға тұрақты тұру мақсатында келген ұлты қазақ шетелдіктер немесе азаматтығы жоқ адамдар. Этникалық қазақтардың репатриациялық саясаты негізінде (оралмандар) XX-XXI ғ. Қазақстанда қазақтардың абсалютті басып озуна әсер етті. Сонымен қатар, қандастарымыздың тарихи отанына бейімделу мәселелесі «этнодемографиялық әділеттілікке» жету астарында қалдырды.

«Оралмандар» тақырыбы қазақстандық тарихнамада зерттелмей жатыр деп айтуға келмейді. Бұл тақырып маңайында көптеген статистикалық нормативті-құқықтық және одан да басқа аспектілерді қамтитын зерттеулер аз емес. Соңғы кездері репатрианттардың жаңа орынға қоныстануы мен

бейімделуіне байланысты мәселелерді қарастыратын зерттеу жұмыстары жарық көруде. Мәселенің мәні мынада, бейімделу үрдістерінің аймақтарға байланысты дифференцияланған. Осының салдарынан әртүрлі аймақ ерекшеліктерінен құрылатын жалпы қазақстандық «көрніс» бір-бірінен өзгеше көрінеді. Айта келгенде, мақаланың мақсаты Шығыс Қазақстандағы репатрианттардың бейімделу мәселелерінің ерекшелігін зерттеу (Өскемен қ. және оның жанындағы ауылдар мысалында).

Мақала автордың әртүрлі уақыттарда Қытай мен Монғолиядан келген этникалық репатрианттардан сұхбат алу негізінде жазылған. Биографиялық әдіс көші-қон стратегиялары мен тәжірибесін салыстыра отырып оны анық түсінуге қол жеткізеді [3].

Екі респондентіміз Өскемен қаласына жақын маңда орналасқан, 2009-2011 жылдары «Нұрлы көш» бағдарламасы бойынша салынған, Шығыс ауылында тұрады. Нұрлы көш – этникалық иммигранттарды, Қазақстан Республикасы территориясына еңбек қызметін жүзеге асыру үшін келген Қазақстанның бұрынғы азаматтары мен қолайсыз аудандарда тұратын Қазақстан азаматтарын рационалды орналастыру, жәрдем көрсету, жұмыспен қамтамасыз ету үшін жасалған, Қазақстан Республикасының мемлекеттік бағдарламасы. Қазіргі уақытта 2009-2015 жылдарға арналған бағдарлама жүзеге асырылуда. Бағдарлама Қазақстан Республикасының Президентінің №1126 қаулысымен 2 желтоқсан 2008 жылы бекітілді [4].

Алғашқы респондентіміз болып Қытай Халық Республикасынан 2008 жылы көшіп келген Амантай ағамыз болды. Ол 1968 жылы ҚХР Тарбағатай өңірі Көкті деген жерде туған. Отбасы қарапайым мал шаруашылығымен айналысқан отбасынан шыққан. Өздері 8 ағайынды. Орта білім алып, ары қарай жалғасытруға шамасы жетпеген. 1990 жылы отбасын құрып, мал шаруашылығымен айналысқан. Сегіз ағайындардың ішінен жалғыз өзі Қазақстанға көшу туралы шешім қабылдап, атбасын бері тартақан. Көшіп келген жылы ШҚО Ұржар ауданына тұрақтаған. Көшіп барған сәтте Южный ауылына қоныстанып, көрші-қолың, әкімшілік тарпапынан әлеуметтік-гуманитарлық көмектер жасалынған. Өзінің алған жоғары білімі жоқ болғандықтан жұмыс істеу үшін басқа азаматтарға жалданып жұмыс істеген. Балаларының алды мектепте оқыған. Ауылда жағдайлары келіспегендіктен, Өскемен қаласына «Нұрлы көш» бағдарламасына ілігіп көшіп келген. *«Ауылда да жағдайымыз жаман болған жоқ, дегенмен қалаға жақын отырсақ жұмыс та бар, ақша да болады деп ойладық»* - дейді. Ауылда тұрған сәтте жергілікті тұрғындармен қарым-қатынастары жақсы болғандықтарын айтты. *«Балалрымыз бізге қарағанда тез ортаға бейімделіп келеді. Мысалы қоғамдағы тілге, мәдениетке болсын тез бейімделіп жатыр»* - деп айтып қалды. Шет елден келген қазақтардың өзіне тән ерекшеліктері бар екен. Респондентіміз бір сөзінде: *«Қытайдан келген қазақтар қытайша сөздер*

қосады, жергіліктілер орысша қосады, монғолиядан келгендер монғолиша сөздер қосады. Дегенмен, бір бірімізді түсінеміз, әрине» деп ашып анық айтты. Қалаға келіп өмір сүру оңай еместігін алға тартып, қаладағы өмір слатына үйрену артық етпейтіндігін тағы айтты.

Аталмыш ауылдағы екінші респондентіміз ҚХР Іле Қазақ автономиясына қарасты Тарбағатай аймағының тумасы. Есімі Сақай 1958 жылы дүниеге келген. Руы керей. Отбасында 6 ағайынды болған. Жастайынан мал және егін шаруашылығымен айналысқан. Орта білімді қарапайым ауыл тұрғыны болған. Қарапайым отбасынан шыққан. Әке-шешесі мал шаруашылығымен айналысқан. Алғаш 2007 жылы Өскемен жаққа келіп, тексеріп аяғында 2008 жылы отбасымен көшуге бел байлаған. 2008 жылы көшіп, ШҚО Теректі деген ауылға келіп қоныстанған. Бір баласы кәмелеттік жасқа толмағандықтан Қытай елінде қалып, бертін құжаттарын жөндеп Қазақстанға көшіріп алған. Алғаш келген кезде жерге, адамадарға үйрену қиын сияқты көрінгенімен, ортасына кіріп кеткен соң байқалмай қалды дейді. Респонденттер көшіп келгендеріне еш өкінбейді. Бірақ жағдай жасау үшін «жер» мәселесі бір жақта болса деген ойлары бар – *«біздер қытайдан келетін қазақтардың 80 пайызы малышлар мен егіншілер деп айтса болады»* деді респондентіміз. Ары қарай сөзін жалғастырып: *«Осында келгенде оқыған біліміміз жоқ жеріміз жоқ, жан бағуға қиындау. Мал бағуға тағы келмейді. Жер жеке меншік. Оны сатып алатын қаражатымыз жоқ. Ауылда тұрғанда елдерге жалданып шөп шауып, жер қазып дегендей қара жұмыспен күн көрдік. Ауылдың аты ауыл. Балаларымыздың болашағы үшін «Нұрлы көш» бағдарламасымен қала жанына көшіп келдік. Дегенмен айтеу қалаға жақын, жұмыс бар дегендей»* деп атап айтты. Оралмандар үшін басты мақсат балаларын оқыту, өздері көрмеген белестерді балалары бағындырады деген оймен қалаға жақын көшіп келген. *Бұрын көшіп келген оралмандар яғни, «90-шы жылдары келгендерден үйренетініміз көп»* - деді респондентіміз. *«Олар осы ортаға әбден бейімделген. Орысша да жақсы сөйлейді. Балалары да жергілікті қазақтар сияқты болып кеткен»* дейді.

Келесі зерттеу нысанамызда 1995-ші жалы Монғолиядан келген респондентіміз болмақ. Маруа есімді респондентіміз 1969 жылы Монғолия мемлекетінде Баян-Өлгий аймағына қарасты Булгын деген ауылда дүниеге келген. Улан-Бааторда орта мектеп оқып, 1990 жылы тұрмысқа шыққан. Аке-шешесі басқада отбаслар сияқты мал шаруашылығымен айналысқанын айтты. Айтуы бойынша Қазақстанға көшу туарлы шешімді жұбайы екеуі ақылдаса келе көшуді жөн көрген. Ары қарай респондентіміз былай деді: *«Алғаш 1995 жылы Өскемен қаласына ұшақпен келіп түстік, жаз айында. Күн ыстық. Мұндай ыстық Баян-Өлгейде ешқашан болмаған. Салқын самалда жүріп үйренген біз үшін қиын болды, әрине. Климаттың өзгеруі ештеңе етпейді ғой, біраз жүрген соң етің үйреніп кетеді екен.*

Әкімшіліктің адамадры тосып алды. Көшіп келегн азаматтарды ауылға қоныстандырады екен. Бізді «Таскескен» деген ауылға қоныстандырды. Таскескен ауылна барғанда бізге басымызға баспана беріп, осында тұрасыздар деді. Ауылда ешкімді танымаймыз бірақ көршілеріміз өте мейірімді жандар болды. Барған ауылымызға әлі үйрене алмай, ақыры Талдықорған жаққа көшіп кеттік. Бір жағынан құжат мәселесі шешілмеген. Қолымзда ешбір азаматтық жоқ. Туыстарды паналауға мәжбүр болдық. Біздің алдымызда 1990 жылдары көшіп кеткен апайларымыз болған, соларды тауып аламыз деп ойладық. Қаражатымызда бітудің алдында тұрды. Осылайша біздің Қазақстандағы саяхатымыз басталды десе болады. Неге саяхат дейсіз ғой? Елді-жерді жерсінбей бірде ауылда, бірде қалада тұрғанымыз бар. Әр жерде бір 2 жыл немесе одан да аз уақыт тұрып көшіп кеттік. Бірде жұмыс жоқ, көмектесетін туыстарың жоқ. Екі кішкене балаң бар. Оларды асырау керек. Квота деген атымен жоқ. Ауылда тұрдық, балаларымыз ауылда оқыды. Бірақ аяғында қалаға көштік. Біздің ауылда тұрмау себебімізде бар, бұл жердегі ауылдарда басқаша, біз кеңдікке, тыныштыққа үйренген халық үшін дегенмен қиын. 1) 1996 жылдары ауылдың жағдай нашар болды; 2) балаларымыз оқуға түсу үшін қалаға көштік; 3) Өскемен алғаш көшіп келген жеріміз жақсы жер екеніне көзіміз жетті. Өскеменде биыл 10 тұрамыз. Өзіміздің баспанамыз бар. Ел қатарлы жұмыс істейміз. Жеке бизнес. Балаларымыз жергіліктілер сияқты тұрып жатыр еш айырмашылық жоқ. Өздерін оралманбыз деп есептемейді. Көшіп келгені рас, бірақ, географиялық детерменизм деген болмаса бәріміз біріміз. Тілді де, осы жердің азаматтары сияқты үйренген сайрап тұр. Бірақ туыстарымызға андасанда қыдырып Монғолияға барамыз. Сол кезде не монғ-ғы қазаққа ұқсамайсың, не жергілікті қазақ сияқты емессің. Жергілікті болу үшін көп уақыт керек. Біз өскен орта басқа, қазақстандағы орта бсақа. Үйренісіп, сіңіп кету қиын. Біз бәрін жаңадан бастағандай болдық. Қытайдан Монғолиядан келген қазақтар әртүрлі. Бір қазақ деп айтқанмен менталитет басқаша. Бәлкім біз өзімізді осы жерліктер сияқты болып кеттік деп ойлағанмен, басқа адамадар олай ойламайтын шындық. Өмір жалғасып жатыр. Біреулер көре алмағандықтан айтады, біреулер ұнатпағандықтан айтар. Балаларымыздың ойынша «орамлан» деген атақ сенің бар дәрежеңді түсіретін сияқты осы сөзді естісе болды, көзқарастары өзгеріп кететін сияқты. Етіміз үйренді ешнәрсеге мән бермейміз. Респондентміз барлық басынан өткен жағдайларды айтып беріп, есіне бір қызық жағдай түсіп былай деді: Бір азамат: «мені бәрі мазақтап «монғол» деп айта береді мен «монғол» емеспін десе, бір ақсақал: «мен Қазақстанға 1962 жылы келсемде әлі «қытаймын» деп айтқан екен.

Сонымен алынған сұхбаттаран тарихи отанына келген репатрианттардың бетпе бет келетін бірқатар мәселелерді бөліп көрсетуге

болады. 90-шы жалдары келген орамландарды сол кезде ауылдық жерлерге тұрғызып, мал беріп сол жерде тұрақтап қалуына жағдай жасалынған. Бірақ көптеген репатрианттар бұрын басқандай климаттық ортада тұрып, басқандай шаруашылыққа бейімделген. Ал енді біреулері бұрынна қалалы жерде тұрып, ауылдық өмірде жұмысқа орналасу қиынға соққан. Қалада тұрған орамландадың ортаға бейімделуі ауылдағы тұрған орамландардан жылдам жүрген. Әрине, оның негізгі себебі қалалық тұрғындардың көбі орыс тіліне бейімделген. Сол кезде қаладағы тұрғындардың артысынан астамы орыс ұлты болған. Алғаш келген қандасатарымыздың атамекенінің көз алдарына елестеткеніндей болмауы, яғни, Қазақстан бірегей қазақтар ғана тұратын орта емес көптеген ұлттар мен этностардың мекені. Мұнда менталитет пен азаматтық қоғамның өзгешелігінде. Бұл қоғамның ортасына бейімделу бірден болып кетпесе де уақыт өте келе жүзеге асуда. Орыс тілі ресми тіл болғандықтан бұл тілді әттік білмеуі репатрианттардың жұмыста жетістіктерге жетуіне кедергі болып табылады. Қытайдан келген респонденттің айтуы ойынша Монғолиядан келген қазақтар кирилицада жазылған әріптерді оқып түсіне алады ал, «Қытайдан келген қазақтар үшін уақытты керек етеді». 90-шы жылдары Қазақстанда тұрған кейбір қазақтар 2-3 жыл тұрып, келген мемлекеттеріне көшіп кеткен. Бұл олардың жергілікті орта мен климаттық жағдайларға бейімделе алмауымен анықталады [5].

Тез болмаса да уақыт өте келе орамландар жаңа ортаға бейімделетінін айтуға болады. Жаңа көшіп келген жерге, қоғамға үйреніп, сіңісіп кету үшін көптеген қиыншылықтарды бастарынан өткізетіні белгілі болды. Бұл қиыншылықтар әлі де бар. Орамландардың ортаға бейімделу үдерісі жасы үлкен азаматтарда өте баяу жүрсе, жастар мен балларда жылдам әрі оңтайлы жүретіні анық болды. Зерттеу сараптамасы бойынша көшіп келгеніне көп уақыт болса да, жасы үлкен қандастарымыздың әлі күнге дейін өздерін толыққанды «қазақстандық қазақ» ретінде сезінбейтіндерін айтты. Шет елден келген ағайындарымыз, жергілікті қазақтардың арасында жүріп өздерін «бөтен» сияқты қабылдауын қиын екенін атап айтты. Қазақтардың ортасында жүріп өздерін «бөтен» сезінетіндері қиын екенін айтты. 2000-шы жылдардан кейін келген орамландардың ортаға бейімделуі 90-шы жылдар қоныс аударғандарға қарағанда нәтижелі. Себебі 90-шы жылдары қазақтардың көбі ауылдық жерде тұрса, қалада өмір сүрген азаматтар саны аз болды. Алғаш келген қазақтар үшін тіл қиын болса, қазір көшіп келген азаматтар үшін азда болсын оңай, қазақтар ортада көп.

Қандастардың тағы бір негізгі проблемалары туыскандар арасындағы қарым-қатнастардың алыстағы ағайындарымен байланысының үзілуі. Өздерінің айтуы бойынша қаражаттың барына байланыста ары-бері шапқылып тұрады, дегенмен, туыстарының қайтыс болуы т.б. жағдайлар Қазақстан-Монғолия, Қазақстан-Қытай арасындағы шекара кешеуілідетіп

жетуіне не бара алмай қалуына әсерін тигізуде. Тіптен туыстарын 10 жылдап 20 жылдап көрмеген оралмандар бар екен арамызда. Яғни, туыстық қарым-қатынастардың шектелуі байқалады.

Оралмандардың ең басты мақсаты-балаларына сапалы білім алып, өздері көрмеген жетістіктерге жетуі. «Олар ортаға да тез бейімделеді, қиыншылыққа да төзімді» дейді. «Қазақтан қазақтың айрымашылығы жоқ, түбі бір қазақпыз». Сенері жалғыз балаларының болашағы Сондықтан қала мен ауыл арасындағы өмір сүріп жатқан оралмандар арасындағы азаматтық және этникалық ортаға сіңу процесі көп деңгейлі ұзақ уақытты талап ететін үрдіс екені айқындалды.

ӘДЕБИЕТТЕР:

1. Зардыхан К. Проблемы защиты прав и свобод казахской диаспоры / К. Зардыхан // Казахская диаспора: настоящее и будущее / науч. ред. А. Кошканов, А. Нысанбаев. – Астана, 2005. – С. 239-254.
2. Алексеенко А.Н. Казахстанская репатриация: причины, особенности, перспективы / А.Н. Алексеенко // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск, 2010. – С. 567-592.
3. Бредникова О. «Семейная» и «коллективная» память (способы конструирования этнической идентичности) / О. Бредникова // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара (Санкт-Петербург, 13-17 ноября. 1996) / Под ред. Воронкова В., Здравомысловой Е. СПб: ЦНСИ, 1997. Труды. Вып. 5. С. 70-74.
4. Концепция миграционной политики Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30120935#sub_id=
5. Tabea B. Peter Finke. The Kazak oralman: Comparing migratory decisions, integration patterns and transnational ties in three different settings / B. Tabea F. Peter // Centre for Anthropological Studies on Central Asia // (VI) Finke, Peter, and Günther Schlee (eds): Framing the Research, Initial Projects (Halle, 2013). – P. 75-83.

Чекрыжова О.И., Брюханова Е.А.

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ О ЗАНЯТОСТИ ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРЫ В СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1897 Г.)

Исследование поддержано РФФИ, проект №15-06-07553А.

Метод картографирования лежит в основе большинства работ, ис-

пользующих в качестве аналитического инструмента пространственный анализ [1]. В исследованиях исторической тематики методы пространственного анализа получили новый стимул к развитию в начале XXI века в связи с распространением информационных технологий, следствием чего стало появление таких терминов, как историческое компьютерное картографирование и историческая геоинформатика [2]. Под методом картографирования стал пониматься процесс создания новых электронных тематических карт, совмещающих в себе информацию как картографических, так и статистических исторических источников. Особую актуальность пространственный анализ приобрел в работах по социально-демографической и экономической истории, для которых локализация в пространстве статистических данных может использоваться не только для визуализации, но и как элемент анализа, например, чтобы определить, показывает ли пространственное распределение то же самое поведение, что и статистические модели [3]. В статье представлен опыт применения картографического метода как элемента пространственного анализа данных о занятости населения Российской империи рубежа XIX-XX вв. на примере создания тематической карты по занятости населения в транспортной сфере в Сибири (по материалам переписи 1897 г.).

Первая Всеобщая перепись населения, проведенная 28 января 1897 г., является одним из наиболее масштабных и комплексных источников изучения профессионального состава Российской империи конца XIX века. Преимуществом опубликованных результатов переписи 1897 г. стали унифицированные статистические данные, структурированные по иерархии административных единиц: регион (Европейская Россия, Кавказ и пр.) – губерния – уезд – город. Подробная территориальная «привязка» открывает возможности для детального пространственного анализа, что имеет особое значение для таких регионов, как Сибирь и Средняя Азия, для которых уровень губерний не отражает специфики социально-экономического развития.

Агрегированные данные по занятиям населения стали основой для базы данных и информационной системы «Профессии и занятия населения Российской Империи конца XIX – начала XX в.», включающей профессиональные сведения о населении не только Сибири, но и Европейской России. Информационная система имеет открытый доступ в сети интернет (<http://hcod.asu.ru/data/>) и позволяет получить данные о занятиях населения Сибири и Европейской России по нескольким параметрам, но в пределах отдельного источника, что обусловлено особенностями изданий переписи 1897 г.

Одной из форм представления данных информационной системы «Профессии и занятия населения Российской Империи конца XIX – начала XX в.» является графическая визуализация тематических запросов (рис. 1) о занятиях населения, предусматривающая отражение на интерактивных картах региона (при выборе режима просмотра данных «по административному

делению») сведений о количестве занятых в отдельной профессиональной группе, но только на уровне губерний региона (в настоящее время представлены Европейская Россия и Сибирь) [4].

Рисунок 1. Визуализация запроса о занятых на железных дорогах в Сибири в информационной системе «Профессии и занятия населения Российской Империи конца XIX – начала XX в.»

При визуализации результатов исследований акцент делается на создание новых типов электронных карт. Историческая электронная карта воплощается как модель, обладающая высокой информативностью, пространственно-временным подобием относительно оригинала, метричностью (возможностью измерения картографируемого показателя в любой точке территории в качественных или количественных шкалах), особой обзорностью и наглядностью, что делает ее важнейшим средством познания [5].

Пространственный анализ агрегированных данных переписи 1897 г. не исчерпывается графической визуализацией запросов на представленном сайте. Для представления возможностей многофакторного анализа социально-демографических и экономических (занятий населения) характеристик уездов разрабатывается электронная карта Российской империи с поездами делением. В силу специфической задачи исследования и исходя из наличия картографических источников при разработке карты-основы для создания оболочки ГИС привлекаются несколько различных картографических источников. Выбор карты-основы для создания графической оболочки представляет собой отдельный исследовательский этап. Старые карты – это уникальный исторический источник, содержащий значительный объем разнообразной информации, выраженной в компактной и наглядной графиче-

ской форме.

Одним из первых вопросов в определении круга пригодных для решения поставленных задач картографических источников становится датировка. Поскольку в кругу доступных картографических источников не имеется карты, датированной 1898 годом, хронологические рамки поиска источников пришлось значительно расширить. При неполном соответствии хронологических рамок статистических и картографических источников важно учитывать, что даже максимально близкая датировка карты к дате проведения переписи не дает гарантии отсутствия изменений административно-территориального деления. Поэтому все карты, используемые в создании электронной карты-основы, дополнительно прорабатывались по письменным источникам на предмет корректировки административно-территориальных изменений.

Также важным аспектом отбора является топографическое содержание карты, а именно – характер представленных данных и их полнота. Наибольший интерес представляли карты с максимально подробным административно-территориальным делением и тематические карты, такие как «Почтово-телеграфные карты Российской империи по губерниям и областям» (1907 г.), «Карта Российской империи и сопредельных с нею государств. Составил к Десятилетию Комитета Сибирской Железной Дороги Генерал-Лейтенант Э.А. Коверский» (1892-1902 гг.), «Карта путей сообщений Российской империи» (1916 г.), карты отдельных губерний и другие источники.

Тематические карты социально-экономической направленности в изучаемый период представляют собой наиболее ценный источник. Сочетание представленной общегеографической информации и специальной узконаправленной информации (например, «Карта путей сообщений Российской империи») позволяет наиболее эффективно представить данные. Помимо карт Российской империи широко использовались карты отдельных губерний, дающие большие возможности для конкретизации отдельных населенных пунктов или объектов.

Множество картографических источников, привлеченных для создания карты-основы, обусловлено необходимостью совмещения различной информации, имеющей важное значение для представления данных о занятости населения. Например, такой важной информацией является отражение на карте-основе транспортных путей, которые существовали на момент проведения переписи и находящихся в стадии строительства. Это позволяет соотнести поездами данные переписи о занятости в транспортной и строительной сфере с конкретными географическими участками.

Работа над созданием карты-модели протекает в несколько этапов. На первом этапе определяются задачи разработки тематической электронной карты с имеющимся кругом источников. Первый этап работы заключается в

		Баргузинский округ	89,4	
		Бийский округ	77,6	

Следует отметить, что за исключением транспортных центров и 5 «железнодорожных» уездов извозом и сопутствующими сухопутными сообщениями были заняты свыше 60% всего населения, работающего в транспортной сфере в остальных уездах. Сухопутные пути по-прежнему оставались главными транспортными магистралями для отдаленных территорий Сибири. Поэтому извоз для северных уездов со слабо развитой транспортной системой был единственно возможным видом транспортных услуг. С северными уездами в связи с малочисленностью лиц, занятых на транспорте, в одной группе находились и южные окраины Енисейской губернии, Забайкальской области (Усинский и Акшинский округа), а также Тымовский пост острова Сахалин, в которых на все три уезда приходилось не более сотни извозчиков. Статистические данные по занятости в транспортной сфере, локализованные на карте-основе уездов Сибири, представлены на рис. 3.

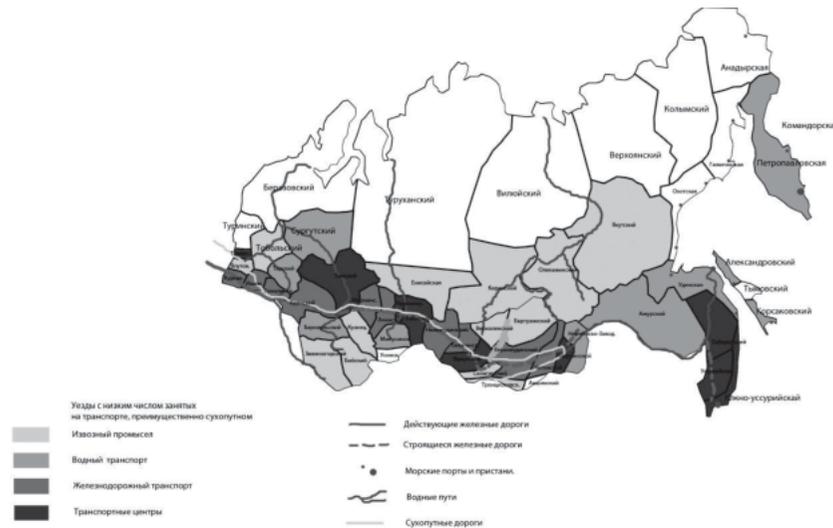

Рисунок 3. Локализация на карте-основе транспортной «специализации» уездов Сибири

Как видно на рисунке 3, транспортные пути имели различное влияние на структуру занятости в транспортной сфере в Сибири. Так, например, несмотря на наличие морских портов в Охотской и Гижигинской округах,

а судоходных рек в Киренском и Олекминском округах, в этих уездах переписью была зафиксирована низкая численность занятых на водном транспорте. В то же время железнодорожные пути изменили инфраструктуру не только уездов, через которые они проходили, но и соседних территорий. По мнению, О.Н. Катионова, извоз с середины 90-х гг. XIX века переориентировался на обслуживание прилегающих к железной дороге подъездных путей [7], что отразилось и на представленной на рисунке 3 карте: уезды, в которых доминировал извозный промысел, окружали главные транспортные артерии Сибири.

Картографический метод представляется не только средством визуализации данных, но и элементом качественного анализа, позволяющим выявлять пространственные закономерности и территориальные связи. Вместе с тем, карты не являются конечной целью, а служат одним из инструментов исторических исследований, в процессе которых создаются новые карты-модели, служащие для получения нового знания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акашева А.А. Пространственный анализ данных в исторических науках. Применение геоинформационных технологий: учебно-методическое пособие. Нижний Новгород, 2011. С. 5.
2. Владимиров В.Н. От исторического картографирования к исторической геоинформатике. Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики. М.-Барнаул, 2005. С. 22.
3. Пасхина М.В. Пространственный анализ в ГИС-системах: сущность, направления, возможности (Часть I) // Ярославский педагогический вестник. 2011. №1. Том III (Естественные науки). С. 157.
4. Брюханова Е.А., Владимиров В.Н., Иванов Д.Н., Чекрыжова О.И. Информационная интернет-система «Профессии и занятия населения Российской Империи конца XIX – начала XX в.» как источник для профессиональных исследований // Историческая информатика. 2014. №1. С. 3-15.
5. Владимиров В.Н. Пространственный анализ и компьютерное картографирование в изучении социально-экономических процессов в Сибири XIX – начала XX в. // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997. С. 121-132.
6. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – Санкт-Петербург, 1899-1905. Т. LXXII, LXXIII (тетр. 2), LXXIV, LXXV, LXXVI (тетр. 3), LXXVII (тетр. 2), LXXVIII, LXXXIX, LXXX.
7. Катионов О.Н. Московско-сибирский тракт как основная сухопутная транспортная магистраль Сибири в 1730-е – 1890-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. 2006. Т. 5., Вып. 1: История. С. 30.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Сегодня, когда диалектика общественного развития обусловила создание и утверждение новых социальных установок и новой социальной политики, а также формирование нового социального мышления, социальная работа приобретает все более четкие структурные очертания как особый вид профессиональной, научной и образовательной деятельности. Современные организации и учреждения, осуществляющие свою деятельность в социальной сфере, должны адаптироваться к изменяющимся реалиям окружающего мира, предвидеть тенденции грядущих изменений. В ходе решения этой задачи разрабатываются и внедряются различные нововведения в социальной сфере нашего общества. Именно они все чаще определяются учеными как социальные инновации (от лат. *innovatio* – введение в практику нового).

Понятие «социальная инновация» можно определить как сознательно организуемое нововведение или новое явление в практике социальной работы, формирующееся на определенном этапе развития общества в соответствии с изменяющимися социальными условиями и имеющее целью эффективные позитивные преобразования в социальной сфере [4].

Инновационные социальные технологии представляют собой такие методы и приемы инновационной деятельности, которые направлены на осуществление нововведений в обществе, на реализацию инициатив, вызывающих качественные изменения в разных сферах социальной жизни, приводящих к рациональному использованию материальных и других ресурсов в обществе [2].

Социальные инновации весьма разнообразны, что в первую очередь обусловлено многообразием явлений социальной жизни.

При классификации социальных инноваций используются различные основания. Исходя из понятия уровня и объема социальных нововведений, можно выделить инновации глобального характера, направленные на решение общечеловеческих проблем, а также региональные и локальные инновации, представляющие более узкие интересы регионального и местного значения.

По сферам общественной жизни выделяют инновации социальные, политические, экономические, инновации в культурно-духовной сфере, в социальных структурах и институтах.

По масштабу использования различают единичные социальные инновации, осуществляемые на одном объекте, и диффузные, распространяемые на многие объекты.

В соответствии со структурой социальной сферы в целом, компонентами которой являются образование, управление, занятость населения, пенсионное обеспечение, культура, спорт, здоровье людей и т.д., можно выделить педагогические, образовательные, правовые, управленческие социальные инновации и т.д.

Источниками социальных инноваций являются изменения внешней среды, возникающие социальные проблемы, которые невозможно решить традиционными методами, изменения потребностей общества и его членов. Неразрешенность тех или иных социальных проблем дает импульс к разработке новых средств, норм в социальной сфере [4].

Одной из таких социальных проблем, требующих к себе повышенного внимания, остается проблема профилактики правонарушений несовершеннолетних, попавших в трудную жизненную ситуацию. Несмотря на все разнообразие технологий и методов работы, продолжает увеличиваться число детей с девиантным поведением, большое распространение получает ранняя алкоголизация подростков, растет количество преступлений, совершенных лицами моложе 18 лет. Все это дает основание для причисления данной проблемы в разряд тех социальных проблем, которые невозможно решить традиционными методами.

Специфика молодежной среды такова, что требует нестандартных и нерепрессивных методов профилактики. Поэтому жизненно необходима принципиально новая концепция воспитания подрастающего поколения, основополагающей идеей которой могло бы стать превращение подростка из объекта воспитательного процесса в активного участника социализации личности.

Наиболее адекватными нестандартными методами работы с несовершеннолетними являются интерактивные методы.

Слово «интерактив» пришло к нам из английского от слова *interact* (*inter* – взаимный, *act* – действовать). Интерактивность означает способность взаимодействовать или находиться в режиме беседы, диалога с чем-либо (например, компьютером) или кем-либо (человеком).

Под интерактивными методами обучения и воспитания понимаются методы, основанные на взаимодействии несовершеннолетнего с другими несовершеннолетними, педагогами, родителями и другими субъектами социально-педагогического процесса. Данные методы позволяют несовершеннолетним самостоятельно решать трудные проблемы, создают потенциально большую возможность переноса знаний и опыта различных видов деятельности (учебной, трудовой, коммуникативной, творческой и др.) из моделируемой ситуации в реальную; позволяют получать выигрыш во времени, являются психологически привлекательными и комфортными для несовершеннолетних. Использование интерактивных методов исключает домини-

рование как одного выступающего, так и одного мнения над другим, что очень значимо для подросткового и юношеского возраста, когда давление расценивается как унижение достоинства. Следует также подчеркнуть, что активность педагога, социального работника уступает место активности несовершеннолетних, его задача – создать условия для их инициативы.

Интерактивные методы социального воспитания несовершеннолетних – это модель открытого обсуждения, способствующая развитию у подростков умения решать конфликты мирным путем.

В рамках классификации, имеющей в основании виды цели, можно выделить следующие группы интерактивных методов:

- передача социального опыта в виде знаний, информации (лекции, беседы);
- изменение отношения к окружающему миру (дискуссии, ролевые игры, дебаты, шоу-технологии);
- обучение социальным навыкам (тренинги, ролевое моделирование).

Суть интерактивного взаимодействия в профилактической работе состоит в том, что работа с подростками организована таким образом, что все участники оказываются вовлечёнными в совместную деятельность. Они получают возможность оценивать свои поступки не столько через оценку взрослого человека, сколько через отношение к ним окружающих сверстников. Данные методы социального воспитания несовершеннолетних основаны в том числе на моделировании, которое является средством их реализации [1].

Одним из таких интерактивных методов работы является технология социального проектирования, используемая в процессе реабилитации несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации.

В рамках социального проектирования осуществляется проектное обучение и воспитание подростков, направленное на активизацию процесса социализации, обогащение форм воспитания, формирование определенного типа мышления (проектного) и отношения к окружающей действительности, обучение собственно проектной деятельности. Особо важно подчеркнуть, что в проектировании мощно осуществляется ее развивающая функция [3].

Развивающая функция проектной деятельности основана на:

- продуктивности воображения, которое творит субъективную реальность и нормирует (программирует) действия по изменению того или иного объекта;
- силе и свободе творчества;
- логичности, последовательности совместной с другими людьми креативной деятельности;
- стимуле к развитию социальной активности;
- эмоциональном обогащении своей жизни, связанном с ощущением

способности к преобразованию действительности;

- возможности подспудно получить наряду с предметным еще и педагогический результат в виде важных для жизни личностных приращений.

Проектное обучение и воспитание приоритетно построено на основе метода проектов. Проектные действия направлены на:

- активизацию процесса социализации;
- обогащение форм воспитания;
- формирование определенного типа мышления (проектного) и отношения к окружающей действительности;
- обучение собственно проектной деятельности;
- изменение образовательной парадигмы в целом.

Проектное воспитание ориентировано не на социальный заказ в виде нормативной модели личности, но на своеобразный социально-педагогический «самозаказ», на основе которого с учетом государственных и общественных потребностей проектируется вероятностная модель социального и индивидуального поведения человека в ситуации неопределенности.

Цель продуктивного проектного обучения и воспитания, а также продуктивной проектной социальной профилактики правонарушений несовершеннолетними — предоставить подросткам возможность самим творить знания, создавать проектную продукцию, научить их самостоятельно решать возникающие проблемы.

Задачей продуктивного проектного обучения и воспитания является развитие не только подростка, но и содержания его образования, социализации, которое формируется по мере активной деятельности самого несовершеннолетнего. Подросток становится объектом, конструктором и продуктом своего собственного образования, своей собственной социализации, организатором своих знаний, проектировщиком этапов развития.

Главная особенность продуктивного обучения и воспитания (в значении социализации) – создание субъектами процесса обучения и воспитания личностной продукции: интеллектуальных открытий – изобретений и конструкций, стихов, задач, гипотез, правил, исследований, поделок, сочинений, программ обучения, проектов и т.п.

Задача переориентации обучения и воспитания как социализации на процесс построения самим подростком личностно значимых моделей познания включает: научное обеспечение (осуществляется как психолого-социально-педагогическое проектирование); проектирование социально-культурной и образовательной среды, максимально способствующей естественному развитию личности воспитанника и стимулирующей его деятельность (познание окружающего мира осуществляется в тесном сотрудничестве подростков и социальных педагогов, психологов, специалистов и ученых в работе над проектами в рамках моделирования, конструирования и исследования).

В рамках проектной культуры имеет смысл говорить о содержательно-смысловых единицах, в которые входят: ценностно-значимые образы проектируемой среды, уже находящиеся в ее пределах или появившиеся согласно воле проектировщиков; творческие и научные концепции, являющиеся содержанием творческого и теоретического сознания, а также программы деятельности, выражающие творческую волю проектировщиков; ценности, необходимые для того, чтобы сложилось личностное отношение к реализации проектного процесса.

Подходы, в которых реализуется проектная культура:

- проектно-целевой (целевые проекты, имеющие собственные жизненные циклы) – обеспечивает организацию проектирования в соответствии с заданной целью (целевой проект);

- проектно-модульный (на уровне учреждений, сервисных служб; на уровне методического обеспечения – пакеты документации, исследовательских методик, тестов, программные продукты и др.) – направлен на проектирование с вариативным использованием специально созданных функциональных модулей, выступающих как структурные компоненты целостной системы, обеспечивающей выполнение определенной деятельности или нескольких направлений деятельности;

- проектно-программный (реализация комплекса проектов в рамках единой программы).

Идеи, лежащие в основе проектирования как особого способа познания и преобразования действительности:

- идея опережения, перспективы, заложенная в самом слове «проект» (бросок в будущее);

- идея «разности потенциалов» между актуальным состоянием предмета проектирования (каково оно есть) и желаемым (каким оно должно быть);

- идея пошаговости (постепенного, поэтапного приближения «потребного будущего»);

- идея совместности, кооперации, объединения ресурсов и усилий в ходе проектирования;

- идея «разветвляющейся активности» участников по мере следования намеченному плану выполнения совместных действий.

Функции проектной деятельности: исследовательская; аналитическая; прогностическая; преобразующая; нормирующая.

В силу многофункциональности проектная деятельность может быть использована в качестве:

- социально-педагогического средства внутри более широкого социально-образовательного контекста (социальная профилактика правонаруше-

ний несовершеннолетних);

- средства обучения (воспитания), играя вспомогательную роль по отношению к другим видам социально-педагогической деятельности (выполнение творческих проектов);

- процедуры в контексте другой деятельности (управление образованием);

- формы (инновационного) развития того или иного социально-педагогического объекта (системы, процесса, явления) [1].

Таким образом, социальное проектирование как инновационная практика социальной работы является наиболее адекватной технологией работы с несовершеннолетними, так как превращает подростка из объекта воспитательного процесса в активный субъект социализации личности, и направлена на профилактику девиантного и делинквентного поведения ребенка, используя нестандартный и нерепрессивный подход.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Интерактивные методы социальной профилактики правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Павленок П.Д. Основы социальной работы: Учебник / П.Д. Павленок. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 395 с.
2. Социальная реабилитация несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом, в процессе социального проектирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aksp.ru/work/activity/nac_strateg/resurs_centri/files/soln_proekt.pdf. – Загл. с экрана.
3. Холостова Е.И. Технологии социальной работы: Учебник / Е.И. Холостова. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 400 с.

Шмидт В.

О ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ КАЗАХСТАН (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА) ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ФОНДОВ 369 «АКМОЛИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ПРАВЛЕНИЕ» И 64 «КАНЦЕЛЯРИЯ СТЕПНОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА» ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Объективное исследование истории дореволюционного Казахстана невозможно без освящения проблем переселенческой политики царизма конца XIX – начала XX века. Тем более что этот исторический период среди явлений социально-экономической жизни Российской империи, а также

ее национальных окраин занимает особое место. Развитие переселенческого движения в Казахстан происходило на фоне сложнейших общественно-политических процессов, имевших место не только в центральных районах Российской империи, но также и в регионах ее национальных окраин. Экономические реформы и политические преобразования, проводившиеся царизмом в конце XIX – начале XX века, оказали существенное влияние на развитие не только экономических отношений в регионе, но особенно повлияли на изменение его демографической ситуации. Именно этот исторический период явился одним из важных этапов в формировании многонациональной структуры населения Казахстана, во многом определил его современное демографическое состояние.

Процесс переселения различных народов на территорию современного Казахстана был во многом связан с развитием и ростом общерусской крестьянской колонизации в регионы бывших национальных окраин России. В проводимой колониальной политике царизм преследовал конкретные экономические и политические цели. Эти цели были следующие: а) с помощью переселения крестьянства царизм стремился не только освоить малообжитые и вновь присоединенные территории Казахстана, но и б) рассчитывал, что в результате колонизации Казахстана за счет переселения малоимущих слоев крестьянства в империи будет разрешен аграрный вопрос, который обострился к концу XIX века.

При большом разнообразии опубликованных источников по этой теме значительную часть документов, характеризующих процесс переселенческой политики и государственное влияние на него, составляют неопубликованные архивные материалы. Важнейшим источниковым материалом для исследования проблем, связанных с переселенческой политикой царизма в Казахстан, являются копии отчетов военных губернаторов степных областей за 1892-1893 годы, собранные в фонде 64 «Канцелярии Степного генерал-губернатора» Центрального Государственного архива Республики Казахстан. Данные архивные источники приобретают значение именно потому, что в них указана не только демографическая ситуация степных областей Степного генерал-губернаторства, но и имеются конкретные сведения об уездах степных областей, куда шло водворение переселенцев и образование на их территории переселенческих деревень [1]. Об организации переселенческих деревень на территории Акмолинской области упоминается в отчете военного губернатора за 1892 год, в котором отмечалось, что данные крестьянские селения начали образовываться в конце 70-х годов XIX века и к изданию закона от 13 июля 1889 года в Кокчетавском и Атбасарском уездах насчитывалось на водворении до 12 000 душ. К 1892 году в пределах Акмолинской области было организовано 38 новых переселенческих деревень количеством

3000 душ [2]. Привлечение этих материалов необходимо для характеристики отношения власти к переселенческому движению, для анализа этапов выработки и рассмотрения в законодательных учреждениях законопроектов о переселенческой политике. В вышеназванном фонде сохранились специальные циркуляры об установлении надзора за развитием переселенческого движения, о его запрещении, аналитические записки по этому поводу.

К числу данных материалов также следовало бы отнести архивные дела фонда 369 «Акмолинское областное правление», хранящиеся в Центральном Государственном архиве Республики Казахстан в Алматы. В этом архивном фонде находятся различные документы, содержащие разносторонние сведения о жизни и деятельности переселенцев, мероприятиях царской и колониальной администрации по вопросам переселения. Основная часть архивных дел этого фонда состоит из материалов делопроизводства, которая в свою очередь образует сложную систему исторических источников. Среди архивных материалов в большом количестве встречается такой вид источника, как переписка, которая имеет важное значение при исследовании данной проблемы. Это прежде всего переписка с различными учреждениями, многочисленные прошения крестьян-переселенцев по вопросам их водворения в Акмолинской области. В частности, надо отметить, что различные докладные записки, статистические справки, составленные как письменный ответ на запросы царской и колониальной администрации по вопросам переселения, имеют важное значение при исследовании вопросов, связанных с развитием переселенческой политики царизма. Материалы этого фонда интересны тем, что в них дана общая картина экономического состояния и развития Акмолинской губернии пред началом и в период переселения, ее демографическом состоянии.

В этом фонде сосредоточились конкретные, в большей степени репрезентативные документы, содержащие в себе факты юридического, политического, социального и статистического характера по вопросам переселенческой политики в дореволюционном Казахстане. Документальные материалы, сосредоточенные в архивном фонде №369, обладают высоким информативным содержанием и в целом дают возможность воссоздать исторические особенности при исследовании вопросов переселенческой политики царизма.

Данный архивный фонд приобретает научную значимость прежде всего потому, что центром переселения европейского населения из центральных районов России на территорию Казахстана в вышеназванный период в основном являлась Акмолинская губерния. Акмолинская губерния, образованная еще в 1868 году, состояла из округов: Кокчетавского, Атбасарского и Акмолинского, также в ее состав входили земли Сибирского казачьего войска с центром в Омске и Петропавловске. После того как губерния полу-

чила административный статус в 1869 году, в 1880-1890-х годах она была отнесена к губерниям, пригодным для переселения. В результате этого между 1885-1893 годами на ее территории было образовано 24 переселенческих деревни [3].

В архивном фонде 369 «Акмолинское областное правление» имеются материалы, затрагивающие вопросы переселения крестьянства из европейских губерний Российской империи, охватывают период с 1891 по 1911 годы. Материалы архивных дел в основном состоят из различных донесений уездных начальников Акмолинской области о наличии свободных земель, пригодных для переселения, переписки уездных начальников губернии с Акмолинским губернатором по вопросам организации переселенческой политики, описания земельных участков, пригодных для создания оседлых поселений. К числу таких архивных дел следовало бы отнести материалы дела 8505 [4].

В архивном фонде №369 также имеются «Обзоры Акмолинской губернии» по годам. Ценность этих архивных документов заключается в том, что в их содержании имеются сведения статистического характера, а также материалы о различных категориях населения, проживающего на территории губернии, его занятости в промышленном производстве. Хронологически данные материалы охватывают период с 1900 по 1911 годы [5]. Естественно, перечень архивных дел, представленных в данной работе, не полон, так как для составления и описания архивных дел названного фонда по проблемам переселенческой политики царизма в Казахстане требуется больше времени, которое было ограничено пребыванием в Республике Казахстан. Вплоть до 90-х годов XIX века Казахстан был закрыт для переселения. Переселение европейского крестьянства в этот период шло в казахские степи самовольным путем, а желающие переселиться в Казахстан в какие-либо административные области региона, были вынуждены предварительно получить специальное разрешение местной администрации. В 80-90-х годах XIX века в связи с дальнейшим распространением политического и экономического присутствия царизма в Казахстане процесс переселения крестьянства в этот регион трансформировался в более или менее выраженный поток их миграции. В плане рассмотрения касающихся вопросов переселения в пределы Акмолинской области огромный интерес представляют материалы архивного дела 2475а, в котором содержатся материалы о состоянии губернии за 1898 год [6].

Рост переселения малоимущего крестьянства в регионы Казахстана, Средней Азии и Сибири вынудил царское правительство в законодательном порядке искать решение этой проблемы. В связи с этим царское правительство издало специальный указ от 13.06.1889 года о свободном переселении русского крестьянства в Степной край [7]. В 1890 году Министерство Внут-

ренних дел царской России на основании этого указа окончательно легализовало переселенческое дело в Казахстан. Для переселенцев в районы восточных окраин России, в частности в Казахстан, от железнодорожного управления делались скидки на проезд. После переселения уже в местах водворения административные органы выделяли 115 рублей переселенцам для организации и постройки жилья. Однако в большинстве случаев для переселения в столь отдаленные районы правительство приветствовало переселенцев с денежными средствами и наличием определенной рабочей силы в семье. Естественно, выделенные деньги от правительства для первоначального оседания для бедных переселенцев были недостаточны [8].

С другой стороны, местные административные и колониальные органы всячески препятствовали росту переселенческого движения крестьянства в Казахстан. В результате усиливавшегося притока крестьянских переселенцев в Казахстан, а также для более эффективного контроля со стороны государственных органов, были созданы специальные ведомства, проводившие учет переселенцев, переселявшихся в Казахстан. Еще перед началом Первой русской революции 1905 года все более углубляющийся экономический кризис, остро проявившийся в аграрных отношениях, способствовал поискам царизмом новых методов и новых правовых норм в отношении крестьянства.

Новый курс, разработанный Николаем II, признавал свободу переселения всех без исключения этнических и социальных групп без какой-то регламентации права со стороны местных управленческих органов в бывших колониальных окраинах [9]. Эти юридические новшества нашли свое отражение в законах **«О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли»** от 12.03.1903, от 6.06.1904 годов. Принятые законы расширяли право переселения, гарантировали определенные социально-экономические льготы и материальные пособия для переселенцев [10].

В приказе от 29.08.1903 года военный губернатор Акмолинской губернии генерал-майор Романов указывает на экономические успехи переселенцев в Казахстане [11]. В результате обострения аграрного вопроса перед Первой русской революцией 1905 года во многих регионах царской России, а также в ее национальных окраинах происходили крестьянские волнения, что подтолкнуло царское правительство к пересмотру политических принципов в своей прежней аграрной политике и принятию решения о разрушении крестьянской общины. 9.11.1906 года Столыпин П.А. (1906-1911) издал указ о праве выхода крестьян из общины на хутора, но юридическое и материально-финансовое стимулирование переселения крестьянства было окончательно закреплено законом от 14.06.1910 года [12]. Причинами, послужившими развитию массового переселения европейского населения в национальные окраины, явились чисто экономические факторы, так как

большинство из числа крестьянства страдало от малоземелья. Поэтому проведение и развитие переселенческой политики со стороны царизма являлось важным условием в проведении аграрных реформ [13]. Однако, несмотря на рост переселенческой волны среди крестьянства, а также заинтересованности в этой политике центральных органов, политика местной колониальной администрации в Казахстане по вопросам переселения оставалась негативной. К началу XX века вопросы аграрной политики в деятельности российского самодержавия по всей стране, в том числе и в Казахстане, стали важнейшими и ключевыми моментами в проведении его новой переселенческой политики. В годы столыпинских аграрных преобразований наряду с переселением русского крестьянства продолжалось и переселение крестьян других народностей. По сведениям *«Переселенческого управления»*, к концу августа 1908 года во всех переселенческих округах, кроме Туркестана и Кавказа, куда переселение было запрещено, было выделено около 3 млн десятин земли, предназначенной для переселения. Так, например, в таких областях Казахстана, которые были отнесены к переселенческим областям, как Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская было выделено различное количество земельных угодий, которые должны были составлять переселенческий земельный фонд этих областей. В Тургайской – 20 000 десятин земли, Акмолинской – 40 000, Семипалатинской – 12 000. В основном большая часть этого земельного фонда была использована для заселения переселенцами из центральных регионов России [14]. Перед Первой мировой войной к 1911 году в результате массового переселения и естественного прироста общая численность населения Казахстана значительно увеличилась по сравнению с 1897 годом и составила около 5,4 млн человек [15]. В результате переселения крестьянского населения в Казахстане сформировались новые этнические общности: русские и украинцы (1,5 млн человек), что составило 28,5% от всего населения, татары – 93 тыс. человек (1,7%), немцы – около 38,5-39 тыс. человек (0,7%) и мордва 24,6 тыс. человек (0,3%) [16].

Подводя итог характеристике определенных архивных дел вышеназванных фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан, можно выделить следующие типы документов:

а) законодательные акты, определяющие задачи, формы и методы проведения переселенческой политики Российской империи в ее национальных окраинах;

б) материалы, характеризующие конкретные мероприятия и деятельность на различных уровнях органов управления по реализации основных моментов общей политики в отношении переселения в дореволюционный Казахстан;

в) документы, освещающие роль мероприятий со стороны администрации по вопросам переселения и последствия этих мероприятий для по-

следующего экономического и политического развития региона.

ЛИТЕРАТУРА:

1. См. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее ЦГА РК) ЦГА РК Ф-И 64, Оп. 1, Д. 594 [Копии отчетов губернаторов степных областей за 1892], в этом архивном деле собраны всеподданнейшие отчеты военных губернаторов Семипалатинской и Акмолинской областей, а также ЦГА РК Ф-И 64, Оп. 1, Д. 596, где имеются отчеты военных губернаторов о переселенческой политике в Семипалатинской и Акмолинской областях Степного генерал-губернаторства за 1893 год.
2. ЦГА РК Ф-И 64, Оп. 1, Д. 594, Л. 12.
3. Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Том 1. Алма-Ата. 1985, С. 56.
4. ЦГА РК Ф-И 369, Оп. 1, Д. 8505, Л. 19-26, 28; Л. 34-37 об.; Л. 54-56; Л. 58-60 об.; Л. 63-65. В данном архивном деле собраны материалы делопроизводства по вопросам и возможностям заселения районов Акмолинской губернии.
5. ЦГА РК Ф-И 369, Оп. 1, Д. 2694, Л. 30-34; ЦГА РК Ф-И 369, Оп. 1, Д. 2694, Л. 1-49; ЦГА РК Ф-И 369, Оп. 1, Д. 2936, Л. 2-16 об. В этих архивных делах сосредоточены «Обзоры Акмолинской губернии» с 1900 по 1911 годы.
6. ЦГА РК Ф-И 369, Оп. 1, Д. 2475а, Л. 1-13. «Отчет Акмолинского военного губернатора за 1898 год».
7. Степной край был организован в 1882 году. В его состав вошли Акмолинская, Семиреченская и Семипалатинская области. С 1899 года находился под управлением генерал-губернатора Туркестанского края с управленческим центром в г. Омске. В 1917 году был ликвидирован.
8. Schlesinger, Martin Ludwig: Russland im XX. Jahrhundert. Berlin. 1908, S. 201.
9. Geiser Alfred. Deutsches Reich und Volk. München. 1910, S. 322-323.
10. Скляр А.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Ленинград. 1962, С. 135-136.
11. ЦГА РК, Ф-И 369, Оп. 1, Д. 9487, Л. 33.
12. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней в 5-ти томах. Т. 3. Алма-Ата. 1979, С. 409-410.
13. Schlesinger M.L. Land und Leute. < Russland.> Berlin. 1909, S. 21.
14. См. Schlesinger M.L., S. 22 или Geiser, Alfred. Deutsches Reich und Volk. München. 1910, S. 322-323.
15. См. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. История Казахстана. Народы и культуры. Алматы. 2000. Табышалиева Анара. Вера в Туркестане. (Очерк религий Средней Азии и Казахстана.) Бишкек. 1993, С. 85.
16. Бекмаханов А.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). Москва. 1986, С. 161-163.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аблажей Наталья Николаевна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, Новосибирск, Россия.

Акрамова Шахноза Ганишиеровна – научный сотрудник научно-исследовательского центра «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» при Ташкентском государственном экономическом университете, Узбекистан, Ташкент.

Аннакулиева Г.А. – кандидат экономических наук, доцент UIВ, председатель Туркменского ЭКО, член Совета АНК, Алматы, Казахстан.

Аскарлова Мухаббат Иброхимовна – старший научный исследователь Научно-исследовательского центра «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» при Ташкентском государственном экономическом университете, Ташкент, Узбекистан.

Аубакирова Жанна Сакеновна – кандидат исторических наук, зав. кафедрой ФАО «НЦПК «Өрлеу» ИПК ПР по ВКО, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Баелова А.Т. – сотрудник КГУ «Государственный архив» управления культуры, архивов и документации Восточно-Казахстанской области, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Бедрина Елена Борисовна – кандидат экономических наук, доцент Института экономики УРО РАН, Екатеринбург, Россия.

Борисенко Максим Александрович – аспирант Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Брюханова Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Бургарт Людмила Александровна – магистр истории, референт-переводчик Римско-католического прихода Пресвятой Девы Марии Святого Розария г. Усть-Каменогорска, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Валитова Зульфия Хафизовна – кандидат социологических наук, доцент Карагандинского государственного университета им. Е. Букетова, Караганда, Казахстан.

Водичев Евгений Григорьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник и руководитель экспертной группы Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, профессор Новосибирского государственного технического и Национального исследовательского Томского государственного университетов, Новосибирск, Россия.

Гайкин Виктор Алексеевич – кандидат исторических наук, старший науч. сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Галиев Ануар Абитаевич – доктор исторических наук, профессор КазУМО-иМЯ им. Абылайхана, Алматы, Казахстан.

Галин Рифхат Асхатович – кандидат экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан, Уфа, Башкортостан.

Глушкова Лилия Николаевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Гончарова Наталья Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, начальник научно-исследовательской части, руководитель лаборатории исторической и политической демографии Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия.

Джаббарова Шаира Гаффаровна – кандидат экономических наук, зав. сектором НИЦ «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» при ТГЭУ, Ташкент, Узбекистан.

Джанызакова Сеиль – студентка Томского государственного университета, Томск, Россия.

Егоренкова Елена Николаевна – старший преподаватель Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Еремин Алексей Алексеевич – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Есимова Айгуль Бегеновна – кандидат исторических наук, доцент Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Шымкент, Казахстан.

Ешекенова Раушан Черияздановна – магистр истории, преподаватель ВКГУ им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Игнатъева Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Илинбаева Екатерина Александровна – ведущий экономист Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия.

Казанцева Ольга Александровна – кандидат психологических наук, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия.

Калиева Каниша Советкановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Калмыков С.К. – кандидат философских наук, член Научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана, Астана, Казахстан.

Колупаев Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, Барнаул, Россия.

Краснобаева Нелли Леонидовна – кандидат исторических наук, доцент Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Крыкпаев Мырзахан Курмашевич – кандидат философских наук, доцент ВКГТУ им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Кудрявцев Андрей Федорович – кандидат географических наук, доцент кафедры ФОГ, декан географического факультета УдГУ, Ижевск, Россия.

Кыдырбекулы Д. – доктор педагогических наук, профессор IT Университета, Алматы, Казахстан.

Лекомцев Александр Леонидович – старший преподаватель кафедры ФОГ УдГУ, Ижевск, Россия.

Лысенко Юлия Александровна – доктор исторических наук, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия.

Лысенко Марина Федоровна – студентка 3 курса Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Макарова Мария Никитична – кандидат исторических наук, младший науч. сотрудник Института экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия.

Миллер Софья Михайловна – студентка Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Мрачковский Анатолий Евгеньевич – кандидат экономических наук, доцент Омского государственного технического университета, Омск, Россия.

Мулина Светлана Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного аграрного университета имени П.А. Столыпина, Омск, Россия.

Мыслякова Ю.Г. – кандидат экономических наук, старший науч. сотрудник Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

Неженцева Наталья Владимировна – ассистент Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Нурбекова Р.К. – кандидат исторических наук, старший преподаватель ФАО «НЦПК «Өрлеу» ИПК ПР по ВКО, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Омельченко Дарья Алексеевна – кандидат социологических наук, доцент Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Отакузиева Сурайё Алишеровна – младший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» при Ташкентском государственном экономическом уни-

верситете, Ташкент, Узбекистан.

Панковская Галина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Папанова Елена Константиновна – магистр Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Институт демографии, Москва, Россия.

Петренко Александр Дмитриевич – студент 4-го курса Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Пешков Иван Олегович – PhD Институт Востоковедения Университет им. Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша.

Полкова Татьяна Владимировна – кандидат экономических наук, старший науч. сотрудник Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

Поплыко Владимир Иванович – кандидат экономических наук, доцент Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь.

Пышминцева Ольга Александровна – ведущий экономист Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

Рахматулина Евгения Юрьевна – магистр истории, научный сотрудник Этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Родионова Людмила Васильевна – кандидат социологических наук, старший науч. сотрудник Алтайской лаборатории экономических и социальных исследований ИЭОПП СО РАН, Барнаул, Россия.

Рудакова Татьяна Николаевна – консультант Администрации Алтайского края, Барнаул, Россия.

Садвокасова Айгуль Какимбековна – доктор исторических наук, руководитель Центра по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в Центрально-азиатском регионе, Астана, Казахстан.

Садырин Антон – студент Томского государственного университета, Томск,

Россия.

Сайлаубек Адиль – кандидат исторических наук, доцент ВКГУ им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Сарафанов Дмитрий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Сарсембаева Гульжан Алибековна – кандидат исторических наук, доцент Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Свахина Татьяна Евгеньевна – специалист Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Сергиенко Алие Мустафаевна – доктор исторических наук, ведущий науч. сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, Барнаул, Россия.

Сидоров Валерий Петрович – кандидат географических наук, доцент УдГУ, Ижевск, Россия.

Симагин Юрий Алексеевич – кандидат географических наук, доцент Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Сиротина Татьяна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Столярова Лилия Викторовна – кандидат философских наук, профессор Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Столярова Элеонора Олеговна – кандидат социологических наук, доцент Восточно-Казахстанского государственного технического университета им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Суворова Наталья Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия.

Тарасова Елена Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Тарасова Наталья Владимировна – магистрант 2 курса Национального Исследовательского Университета Высшей Школы Экономики, Барнаул, Россия.

Турова Лидия Петровна – кандидат исторических наук, доцент филиала МЭСИ, Усть-Каменогорск, Казахстан.

Тухтарова Евгения Хасановна – ведущий экономист Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

Фуки Яги – магистр 2 курса Японского университета области Шига, Япония.

Хакимова Мария Петровна – студентка Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Хизат Акерке – магистрант 1 курса Томского государственного университета, Томск, Россия.

Чекрыжова Оксана Ивановна – кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Чудова С.Г. – заведующий кафедрой социальной работы Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Шайхина Азель Айдаровна – магистрант ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Шамсутдинова Наиль Кадымовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан, Уфа, Башкортостан.

Шмидт Вальдемар – магистр истории Университета Регенсбург, Регенсбург, Германия.

Яценко Е.Ю. – Омский государственный технический университет, Омск, Россия.

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>Аблажей Н.Н.</i> Репатриационная политика России и Казахстана: итоги и динамика приоритетов (1991-2014 гг.)	3
<i>Акрамова Ш.Г.</i> Демографическое развитие современного Узбекистана: особенности и перспективы развития	8
<i>Аннакулиева Г.А., Кыдырбекулы Д.</i> Туркмены Казахстана и Центральной Азии	12
<i>Аскарлова М.И.</i> Изучение возрастных групп молодежи: научный подход	26
<i>Аубакирова Ж.С.</i> Эволюция семейных ценностей и демографического поведения в казахской семье: постановка проблемы к изучению	31
<i>Баелова А.Т.</i> Метрические книги как источник по изучению вопросов воспроизводства населения конца XIX – начала XX века (на примере г. Усть-Каменогорска)	35
<i>Бедрина Е.Б., Тухтарова Е.Х.</i> Влияние трудовых мигрантов на реальный сектор экономики Свердловской области	53
<i>Борисенко М.А.</i> Некоторые особенности динамики системы расселения населения на современном этапе (на примере Алтайского края) ...	58
<i>Бургарт Л.А.</i> Моноконфессиональная колония как ключевое понятие истории немцев России	64
<i>Водичев Е.Г.</i> Кара-Иртыш – Иртыш – Обь-Иртышский речной бассейн: проблемы и вызовы в трансграничном узле Россия – Казахстан – Китай	73
<i>Гайкин В.А.</i> Внутренняя колония. Корейские трудовые мигранты в Японии в межвоенное двадцатилетие (1918-1937 гг.)	81
<i>Галиев А.А.</i> Казахское ханство: численность и этнический состав (к постановке проблемы)	88

<i>Галин Р.А., Шамсутдинова Н.К.</i> Развитие демографической науки в Башкортостане	94
<i>Глушкова Л.Н.</i> Развитие идентичности, «я»-концепции и норм толерантности современной молодежи	100
<i>Григоричев К.В.</i> Динамика репродуктивных установок женщин Иркутской области и эволюция возрастной модели рождаемости в регионе	104
<i>Джаббаров Ш.Г.</i> Занятость женщин: исторический аспект	110
<i>Джанызакова С.Д.</i> Трудности адаптации учебных мигрантов из Кыргызстана в России (случай Томска)	118
<i>Егоренкова Е.Н.</i> К вопросу о самоидентификации населения приграничных территорий (на примере студентов ВКГУ им. С. Аманжолова)	122
<i>Еремин А.А.</i> Некоторые теоретико-методические аспекты анализа демографического развития малых территорий	127
<i>Еремин А.А., Петренко А.Д.</i> Формирование Барнаульской агломерации как отражение урбанизационных процессов в России	134
<i>Есимова А.Б., Валитова З.Х.</i> Региональные особенности демографического развития современного Казахстана	142
<i>Ешекенова Р.Ч.</i> Курчатов қаласында тұратын оралмандардың қазақстандық ортаға бейімделу мәселелері	146
<i>Игнатъева Л.Н.</i> Направления внешней миграции в Казахстане в начале XXI века (этнический аспект)	152
<i>Илинбаева Е.А.</i> Мотивы миграции населения регионов «нового» приграничья	166
<i>Казанцева О.А., Тарасова Н.В.</i> Социально-демографическая характеристика детского населения Алтайского края	169
<i>Калиева К.С., Шайхина А.А.</i> Народонаселение Республики Корея в переписях населения: история и современность	177

<i>Колупаев Д.В.</i> Движение населения в землях Сибирского казачьего войска во второй половине XIX века и его демографический состав (Южная Сибирь и Северный Казахстан)	181
<i>Краснобаева Н.Л.</i> Немцы Казахстана: социальное самочувствие и межэтническое взаимодействие	186
<i>Крыкпаев М.К.</i> Казахстанская архитектура единства многообразия..	196
<i>Кудрявцев А.Ф., Лекомцев А.Л., Сидоров В.П.</i> Особенности развития Ижевской агломерации	209
<i>Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф.</i> Исламизация казахского общества на рубеже XIX-XX вв. как ресурс формирования этнической идентичности	214
<i>Макарова М.Н., Пышминцева О.А.</i> Особенности агломерационных процессов в городах-миллионниках России	222
<i>Мрачковский А.Е., Яценко Е.Ю.</i> Влияние трудовой миграции на формирование трудового потенциала на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	230
<i>Мулина С.А.</i> Поляки в структуре населения Степного края. XIX век ...	237
<i>Мыслякова Ю.Г.</i> Демографический аспект и проблемы формирования молодой семьи	244
<i>Неженцева Н.В.</i> Источники изучения занятости населения Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. на примере Алтайского (горного) округа	249
<i>Нурбекова Р.К.</i> XX ғасырдың 30-жылдарындағы Шығыс Қазақстан өңірінен Қытайға халықтың қоныс аударуы	255
<i>Омельченко Д.А.</i> Особенности самоидентификации и восприятия межнациональных отношений у жителей приграничных регионов России с моно- и смешанной этнической идентичностью	258
<i>Отакузиева С.А.</i> Перспективы развития дистанционного образования в Республике Узбекистан	266

<i>Панковская Г.И.</i> Региональные особенности формирования этноконфессиональных отношений в Восточном Казахстане	270
<i>Папанова Е.К.</i> Региональная дифференциация смертности населения в трудоспособных возрастах в Сибирском федеральном округе	276
<i>Пешков И.О.</i> Роль демографического фактора в модели китайской истории Е.Е. Яшнова	281
<i>Полкова Т.В.</i> Динамика качества населения регионов на постсоветском пространстве	291
<i>Поплыко В.И.</i> Анализ численности и структуры населения старше трудоспособного возраста Республики Беларусь	298
<i>Рахматулина Е.Ю.</i> Динамика численности уйгурской диаспоры в Казахстане	304
<i>Родионова Л.В.</i> Воспроизводство трудового потенциала сельских территорий в приграничном регионе России	312
<i>Садвокасова А.К., Калмыков С.К.</i> Методологические особенности исследования гражданской идентичности социально-демографических групп Казахстана	320
<i>Садырин А.А.</i> Учебный мигрант из Казахстана: правда или вымысел? (случай Томска)	333
<i>Сайлаубек Ә.</i> Ассамблея народа Казахстана – политическая инновация в межэтнической сфере	339
<i>Сарафанов Д.Е.</i> Изучение рождаемости населения Барнаула в XIX в. (анализ базы данных по материалам метрических книг)	345
<i>Сарсембаева Г.А.</i> Освоение городского пространства казахским этносом в современный период (на примере г. Усть-Каменогорска)	353
<i>Свахина Т.Е.</i> Основные этапы становления корейской диаспоры в Казахстане	360

<i>Сергиенко А.М., Гончарова Н.П.</i> Трудовые иммигранты и сельские жители приграничного аграрного региона: модели взаимодействия и пути его оптимизации	365
<i>Симагин Ю.А.</i> Тенденции развития поселков городского типа России в конце XX – начале XXI века	373
<i>Сиротина Т.В., Миллер С.М.</i> Развитие системы паллиативной помощи в Алтайском крае в XXI веке	381
<i>Сиротина Т.В., Хакимова М.П.</i> Потребительская оценка качества социального обслуживания лиц с ментальными нарушениями (на примере КГБСУСО «Пещёрский психоневрологический интернат»)	386
<i>Столярова Л.В.</i> Новая стратегия приграничного сотрудничества: момент истины	390
<i>Столярова Э.О.</i> Социально-демографические характеристики посетителей музеев ВКО (по материалам социологического исследования)	394
<i>Суворова Н.Г.</i> Стратегии насаждения «русской гражданственности» в сельском обществе Степного края (вторая половина XIX – начало XX в.)	398
<i>Тарасова Е.В., Рудакова Т.Н.</i> Поручения Президента Российской Федерации как механизм реализации демографической политики	407
<i>Тарасова Е.В.</i> Внутрирегиональная миграция населения Алтайского края	416
<i>Турова Л.П.</i> Население Восточного Казахстана в XIX веке в трудах краеведов Б.Г. Герасимова и Н.Я. Коншина	422
<i>Фуки Яги</i> «Оралман»-нан «Уақытшажұмысшы»-га Моңғолиядағы Қазақтардың Қазақстанға көш-қонының қазіргі жағдайы	428
<i>Хизат А.</i> Шет елден келген қазақтар: Шығыс Қазақстандағы бейімделу мәселелері	433

Чекрыжова О.И., Брюханова Е.А. Картографический метод пространственного анализа данных о занятости транспортной сферы в Сибири (по материалам переписи 1897 г.) 438

Чудова С.Г. Социальное проектирование как инновационная практика социальной работы 446

Шмидт В. О переселенческом движении в дореволюционный Казахстан (конец XIX – начало XX века) по материалам архивных фондов 369 «Акмолинское областное правление» и 64 «Канцелярия степного генерал-губернатора» Центрального государственного архива Республики Казахстан 451

АССАМБЛЕЯ НАРОДА КАЗАХСТАНА ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

ОБЛАСТНОЙ ДОМ ДРУЖБЫ

ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Д. СЕРИКБАЕВА

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

**XV Международная
научно-практическая конференция
(г. Усть-Каменогорск, 15–16 октября 2015 г.)**

Сборник научных трудов

Ответственный за выпуск: А.Ф. Алексеев
Редактор: В.П. Алексеева
Корректор: Д.С. Хацанович
Дизайн обложки: А.А. Набокина
Верстка: А.А. Набокина

Подписано в печать 07.12.2015 г.
Формат 60*84/16 Усл. -печ. 59,0
Уч.-изд. л. 59,7 Тираж 200 Заказ 227 Цена договорная

Издательство “Медиа-Альянс”
070005, г. Усть-Каменогорск, пр. Абая, 181/3

Отпечатано в типографии ТОО “Медиа-Альянс”